

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы Международной
научно-практической конференции
г. Минск, 21–22 ноября 2013 г.

Минск
«Право и экономика»
2013

УДК 316.4(476)(082)
ББК 60.524 (4 Бен)я431
С69

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института социологии НАН Беларуси

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор Л.Е. Криштапович,
доктор социологических наук, профессор Д.Г. Ротман

Редакционная коллегия:

Котляров И.В. (главный редактор) – доктор социологических наук, профессор;
Абушенко В.Л. – кандидат философских наук, доцент;
Бабосов Е.М. – доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси;
Коваленя А.А. – доктор исторических наук, профессор; академик-секретарь
Отделения гуманитарных наук НАН Беларуси;
Кириенко В.В. – доктор социологических наук, профессор;
Соколова Г.Н. – доктор философских наук, профессор;
Смирнова Р.А. – доктор социологических наук, профессор;
Русецкая В.И. – доктор социологических наук, профессор;
Шавель С.А. – доктор социологических наук;
Артюхин М.И. – кандидат философских наук, доцент;
Лашук И.В. – кандидат социологических наук, доцент;
Сечко Н.Н. (ответственный секретарь) – кандидат социологических наук, доцент.

С69 **Социальное** знание и современные проблемы развития белорусского общества :
материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 21–22 ноября 2013 г. / ред. кол.:
Котляров И.В. (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск :
Право и экономика, 2013. – 377 с.
ISBN 978-985-552-266-0.

Сборник включает доклады и выступления представителей академической и вузовской науки, государственных и общественных организаций, принимавших участие в Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии НАН Беларуси 21-22 ноября 2013 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые социальные проблемы современного белорусского общества.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех, кто интересуется вопросами социально-экономического, политического и культурного развития общества на современном этапе.

УДК 316.4(476)(082)
ББК 60.524 (4 Бен)я431

*Конференция проведена в рамках выполнения Государственной программы
научных исследований «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и
государственной идеологии» («История, культура, общество, государство») на 2011-2015 гг.;
Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1. «Социология»*

ISBN 978-985-552-266-0

© ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», 2013
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2013

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Коваленя Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, г. Минск

САЦЫЯЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ Ў СУЧАСНЫМ ГРАМАДСТВЕ

Шаноўныя ўдзельнікі міжнароднага навуковага форуму! Ад імя Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі дазвольце шчыра вітаць усіх удзельнікаў міжнароднай навуковай канферэнцыі і пажадаць плённай працы на карысць развіцця сацыялагічнай навукі!

Сення сацыялогія адна з галін навук, якая актыўна развіваецца і запатрабавана грамадствам. Шматлікія дыскусіі аб прадмеце сацыялогіі, праведзеныя ў розны час, асабліва ў канцы XX стагоддзя, даюць багаты матэрыял аб грамадскай важнасці сацыялагічнай навукі. Пашыраецца прадметная вобласць даследаванняў, становяцца больш разнастайнымі сродкі і метады даследчай практыкі навукоўцаў-сацыёлагаў, шырэй сталі выкарыстоўвацца вынікі даследаванняў у сацыяльнай практыцы.

Сацыялогія адыгрывае важную роль у грамадстве ў плане прагназавання сацыяльных працэсаў і правядзення сацыялагічных даследаванняў па шырокаму колу сацыяльна-эканамічнай, духоўна-культурнай і грамадска-палітычнай дзейнасці людзей. Логіка развіцця постіндустрыяльнага грамадства патрабуе навукова выверанай распрацоўкі стратэгіі грамадскага развіцця. Важнай задачай навукоўцаў з'яўляецца вызначэнне межаў узаемадзеяння навукі і бізнэсу, грамадства і дзяржавы, каб атрыманыя фундаментальныя веды эфектыўна ўвасабляліся ў тэхналагічных і сацыяльных інавацыях, а навука выступала рухавіком грамадскага прагрэсу. З гэтай нагоды актуальным з'яўляецца актыўнае пазіцыяніраванне ў грамадскім асяроддзі навуковых дасягненняў, якія павінны ўспрымацца ўсімі слаямі грамадства як вышэйшая інтэлектуальна-духоўная каштоўнасць.

Шаноўныя калегі! Наша канферэнцыя праводзіцца па ініцыятыве Інстытута сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, навукоўцы якога выступаюць арганізатарамі шэрагу цікавых праектаў. Гэта ўжо чацверты навуковы форум, які прадугледжвае навуковае асэнсаванне складаных інавацыйна-мадэрнізацыйных працэсаў развіцця беларускага грамадства. Многія памятаюць, што на мінулым форуме ўвага ўдзельнікаў акцэнтавалася на праблемах кансалідацыі беларускага грамадства. Сёння абрана, на наш погляд, не менш актуальная праблема для навуковага дыялогу.

Высвятленне заканамернасцей і тэндэнцый узнікнення, станаўлення і развіцця сацыяльных супольнасцей, механізмаў іх узаемасувязей і ўзаемадзеяння ў розных сферах сацыяльнай практыкі, раскрыццё іх уздзеяння на стан мадэрнізацыйных працэсаў, якія разгортваюцца ў сучаснай Беларусі, задача празмерна актуальная. У поле зроку сацыялагічнай навукі знаходзяцца спосабы быцця сацыяльных супольнасцей, іх колькасна-якасныя характарыстыкі і структура. Вывучэнне складаных і супярэчлівых сацыяльных працэсаў, сумеснай жыццядзейнасці пэўным чынам арганізаваных індывідаў неабходна не толькі для таго, каб вызначаць змест і вектар сацыяльна-эканамічных змяненняў, якія адбываюцца ў грамадстве, але і прагназаваць іх наступствы. Атрыманая ў працэсе сацыялагічных даследаванняў навуковая інфармацыя павінна садзейнічаць вырашэнню праблем у розных галінах жыцця і дзейнасці людзей, у тым ліку, інавацыйна-мадэрнізацыйных працэсаў айчыннага прамыслова-аграрнага комплексу.

За апошнія гады навукоўцы Інстытута сацыялогіі выканалі шэраг важных навуковых праектаў. Заслугоўваюць увагі сацыялагічныя даследаванні, якія праведзены навукоўцамі аддзела сацыялогіі рэгіянальнага развіцця пад кіраўніцтвам Р.А. Смірновай.

Паспяхова быў ажыццёўлены маштабны сацыялагічны праект па вывучэнні рэгіянальнага развіцця сельскіх тэрыторый Беларусі, на падставе якіх былі ўпершыню распрацаваны сацыякультурныя партрэты рэгіёнаў, своеасаблівыя рэгіянальныя «пашпарты». На нашу думку, гэтыя матэрыялы могуць з'яўляцца эфектыўным сродкам для выпрацоўкі органамі ўлады адэкватнай стратэгіі развіцця сельскіх тэрыторый. А такіх праблем досыць шмат, прывяду толькі некаторыя:

- нераўнамернасць сацыякультурнага развіцця розных рэгіёнаў;
- існаванне адрозненняў ва ўзроўні развіцця сацыяльнай інфраструктуры ў сельскай мясцовасці і ў гарадской;
- адрозненні ва ўзроўні чалавечага патэнцыялу ў горадзе і вёсцы;
- арыентацыя сельскага насельніцтва на гарадское жыццё (у 2005 г. 45 % рэспандэнтаў хацелі б, каб іх дзеці з'ехалі ў горад, а ў 2012 г. - 72 %);
- нежаданне не толькі сельскай, але і гарадской моладзі працаваць у сферы вытворчасці - арыентацыя на невытворчыя прафесіі (рост працоўных вакансій);
- праблемы з сістэмай адукацыі аграрыяў (толькі 22% выпускнікоў аграрных ВНУ збіраюцца звязаць свой лёс з сельскай гаспадаркай), якія абумаўляюць недахоп спецыялістаў і кіраўнікоў у аграрнай сферы.

Сацыякультурныя партрэты сельскіх рэгіёнаў дазваляюць ажыццяўляць параўнальны аналіз паказчыкаў рэгіёнаў краіны на аснове тыпавай metodyкі, якая забяспечвае супастаўнасць вынікаў:

- выяўляць спецыфіку сацыякультурных характарыстык кожнага рэгіёну, якія дазваляюць органам кіравання сфармаваць больш эфектыўную стратэгію і тактыку кіравання рэгіёнамі, павысіць іх інвестыцыйную прывабнасць;
- разумець сацыякультурны кантэкст рэалізацыі ў рэгіёнах прыярытэтных нацыянальных праектаў: сацыяльныя стандарты, якасную адукацыю, даступнае жыллё, дастойную зарплату;
- вынікі даследавання могуць выкарыстоўваць бізнес-структуры, абапіраючыся на інфармацыю аб структуры попыту на тавары і паслугі, колькасць і якасць працоўнай сілы, узроўні развіцця рынкавай і вытворчай інфраструктуры, дзелавой актыўнасці насельніцтва, што можа спрыяць павышэнню іміджу рэгіёна¹.

Навукова абгрунтаваныя матэрыялы аб сацыякультурным стане развіцця рэгіёнаў, што змешчаны ў падрыхтаваным выданні і ўключаюць сукупнасць уяўленняў пра іх спецыфіку з пункту гледжання стану культуры, эканомікі, сацыяльнай структуры і сацыяльнага кіравання, з'яўляецца не толькі тэарэтычна важнымі ведамі, але і могуць быць навукова абгрунтаванай платформай для прыняцця неабходных упраўленчых рашэнняў, каб садзейнічаць паспяховай рэалізацыі буйных нацыянальных праграм і праектаў.

На жаль, мы недастаткова настойліва прапануем вынікі нашых даследаванняў органам улады і прадпрыемствам. Лічу недастатковым бясплатна разаслаць у абавязанкі нашы напрацоўкі, хоць і гэта неабходна, каб атрымаць зваротную сувязь. На першым этапе важна зацікавіць мясцовых упраўленняў у вартасці навуковых даследаванняў, даказаць эканамічную і палітычную мэтазгоднасць прыняцця неабходных рашэнняў. На маю думку, навукоўцам неабходна выязжаць у рэгіёны, праводзіць сумесныя з органамі мясцовай улады семінары, «круглыя сталы», навуковыя канферэнцыі,

¹Смирнова, Р.А., Кузьменко, Т.В., Балакирева, Т.С. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Брестская область. – Мн. 2012; Смирнова, Р.А., Кузьменко, Т.В., Балакирева, Т.С. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Брестская область. – Мн. 2012; Смирнова, Р.А., Кузьменко, Т.В., Балакирева, Т.С. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Брестская область. – Мн. 2012; Смирнова, Р.А., Кузьменко, Т.В., Балакирева, Т.С. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Брестская область. – Мн. 2012; Смирнова, Р.А., Кузьменко, Т.В., Балакирева, Т.С. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Брестская область. – Мн. 2012; Смирнова, Р.А., Кузьменко, Т.В., Балакирева, Т.С. Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Брестская область. – Мн. 2012.

каб выпрацоўваць неабходныя рэкамендацыі з улікам асаблівасцей сацыяльна-эканамічнага і духоўна-культурнага развіцця на месцах. Я яскрава ўяўляю праблему і разумею, што адным семінарам, альбо канферэнцыяй праблему не зрушыць, але гэта стане пачатакам вялікай справы. Як заўсёды бывае, важна абудзіць запатрабаванасць упраўленняў у навуковых распрацоўках, пераканаўча паказаць іх эканамічную вартасць і палітычную значнасць. Нельга не заўважаць і таго, што вучоныя ў сваіх даследаваннях незаўсёды ўлічваюць рэгіянальную спецыфіку і першачарговыя задачы мясцовых улад, менавіта для гэтага і патрэбны дыялог.

Паважаныя калегі! Навукоўцы Інстытута сацыялогіі за апошнія гады не толькі правялі шэраг арыгінальных даследаванняў, але і апублікавалі шэраг фундаментальных выданняў і публікацый, выступалі ў СМІ. У гэтым шэрагу неабходна назваць манаграфіі: «Феномен многопартийности в современном белорусском обществе», «Трансформационные процессы в Беларуси и России: социальный аспект», «Научные кадры в условиях инновационного развития Республики Беларусь», «Общественная миссия социологии», «Государственное управление и политическое лидерство: социально-политический анализ», «Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы», «Антидевиантная политика: теория и социальная практика», «Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика», «Конфликтология: учебное пособие»¹.

Пленна працуюць на гэтай ніве дырэктар Інстытута сацыялогіі Катляроў Ігар Васільевіч, акадэмік Бабосаў Яўген Міхайлавіч, загадчык аддзела Галина Мікалаена Сакалова. Толькі што выйшлі з друку іх буйныя работы «Социология политических партий», «Социология лидерства. Теоретические, методологические и аксиологические аспекты» і падручнік «Основы идеологии белорусского государства», «Экономико-социологический словарь»².

Пэўным дасягненнем калектыва Інстытута сацыялогіі з'яўляецца арганізацыя выдання штогодніка «Социологический альманах». На бібліятэчных паліцах ужо знаходзяцца чатыры нумары выдання, у якіх апублікаваны найбольш значныя вынікі не толькі вядучых вучоных, але і маладых навукоўцаў, што вельмі важна для развіцця сацыялагічных даследаванняў³.

Названыя і многія іншыя выданні дапамагаюць не толькі сістэматызаваць атрыманыя тэарэтычныя веды, ажыццяўляць іх трансляцыю на ўсе паверхі сацыяльнага жыцця, але і выступаць у ролі цэнтралізаванай сацыяльнай навуковай памяці, якая не залежыць ад тэрмінаў жыцця вучоных. Гэта празмерна актуальна ў справе захавання і перадачы ведаў для будучых пакаленняў.

Хачу падкрэсліць думку, што айчынная сацыялагічная навука павінна больш актыўна ўзаемадзейнічаць з гуманітарнымі навукамі, асабліва з эканамічнай тэорыяй, гістарычнай навукай, культуралогіяй, этнаграфіяй, філасофіяй, паліталогіяй. Для Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў, дзе засяроджаны фактычна ўвесь комплекс

¹ Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе. – Мн. 2009; Соколова, Г.Н., Сечко, Н.Н., Таранова, Е.В. Трансформационные процессы в Беларуси и России: социальный аспект. – Мн. 2009; Артюхин, М.И. и [др.] Научные кадры в условиях инновационного развития Республики Беларусь. – Мн. 2009; Шавель, С.А. Общественная миссия социологии. – Мн. 2010; Котляров, И. В., Веруш, А. И. Государственное управление и политическое лидерство: социально-политический анализ. – Мн. 2010; Соколова, Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. – Мн. 2010; Барановский, Н.А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика. – Мн. 2011; Котляров, И. В. Социология политических партий. – Мн. 2011; Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. – Мн. 2012; Бабосов, Е.М. Конфликтология: учебное пособие. – Мн. 2012.

² Котляров, И.В. Социология лидерства. Теоретические, методологические и аксиологические аспекты – Мн. 2013; Соколова, Г.Н. Экономико-социологический словарь. – Мн. 2013., Бабосов, Е.М. Человек в социальных системах. – Мн. 2013.

³ Социологический альманах. Выпуск 1. – Мн. 2010; Социологический альманах. Выпуск 2. – Мн. 2011; Социологический альманах. Выпуск 3. – Мн. 2012; Социологический альманах. Выпуск 4. – Мн. 2013.

сацыяльна-гуманітарнай навукі, гэта набывае перспектывы напрамак дзейнасці. Лічу, што ў бліжэйшай перспектыве нам неабходна заняцца практычнай рэалізацыяй акрэсленай праблемы. У працэсе творчага ўзаемадзеяння вучоных розных галін навукі могуць з'явіцца цікавыя праекты.

Напрыклад, узаемадзеянне сацыялогіі і гістарычнай навукі. Набыццё дзяржаўнай незалежнасці аб'ектыўна патрабуе высвятлення стану гістарычнага светапогляду беларускага грамадства. Чаму б не правесці спецыяльнае даследаванне па акрэсленай праблеме і падключыць да гэтай працы філосафаў. Вядома, што Беларусь з'яўлялася усходняй мяжой агульнаеўрапейскага Рэнесансу. Беларуская зямля падарыла многіх тытанаў-асветнікаў, сярод якіх выключнае месца займае Францыск Скарына - беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар, перакладчык, выдавец і мастак. У свой час дасведчаная Еўропа добра ведала імёны многіх нашых суайчыннікаў, тых, хто аставіў адметны след на ніве духоўна-культурнага жыцця, узбагаціў неўміручымі творамі і адкрыццямі еўрапейскую духоўную спадчыну. Сярод іх Мікола Гусоўскі і Францыск Скарына, Сымон Будны і Васіль Цяпінскі, Мялецій Сматрыцкі і Сімяон Полацкі, Тамаш Зан і Ян Чачот, Адам Міцкевіч і Ян Баршчэўскі, Францішак Савіч і Уладзіслаў Сыракомля, Вінцэнт Дунін-Марцынкевіч і Францішак Багушэвіч, Янка Лучына і Адам Гурыновіч, Карусь Каганец і Алесь Гарун, Міхась Зарэцкі і Паўлюк Трус, Уладзімір Жылка і Цішка Гартны, Уладзімір Дубоўка і Цётка. Яны і многія іншыя, і тут патрэбна прыгадаць многія імёны прыродазнаўцаў: Казіміра Семановіча, Якуба Наркевіча-Йодкі, Ігнація Дамейкі, Бенедзікта Дубоўскага, несумненна, робяць не толькі гонар нашай Бацькаўшчыне, але і ўпрыгожваюць сусветную духоўную скарбніцу, з'яўляюцца выбітнымі падмуркамі, на якім узрасталі беларуская навука і культура, захоўвалася духоўнае жыццё беларускага народа.

Напрыклад, дзякуючы Францыску Скарыне, наш народ атрымаў друкаваную Біблію на роднай мове раней, чым большасць іншых еўрапейцаў. Скарынава Кніга кніг апярэдзіла нямецкае выданне Лютэра. Яна была першай друкаванай Бібліяй для ўсходне- і паўднёvasлавянскіх народаў і з'явілася амаль на паўстагоддзе раней польскай. Наведаўшы ў 1925 годзе Беларусь, супрацоўнік Брытанскага Біблейскага таварыства Уайзман пісаў у сваёй справаздачы: «Беларусы - адзін з першых народаў, якія надрукавалі Святое Пісанне на сваёй мове. Гэта адбылося ў 1517 годзе, за восем гадоў да першага выдання на англійскай мове».

Выяўленне гістарычнага светапогляду беларускага грамадства, сацыяльных заканамернасцей развіцця народа дапаможа зрабіць кампаратыўны аналіз, што дазволіць з большай дакладнасцю супастаўляць сацыяльныя сістэмы мінулага і сучаснасці, а гэта важны метадалагічны падыход для паспяховага прагназавання сацыяльна-эканамічных, духоўна-культурных і грамадска-палітычных працэсаў.

На нашу думку сацыялогія павінна больш актыўна абапірацца і на апошнія дасягненні эканамістаў, асабліва, іх даследаванні сацыяльных праблем вытворчасці, узроўню і якасці жыцця людзей. Было б карысным правесці сумесныя даследаванні па выяўленні ўплыву рынкавых адносін на стан вытворчасці і мадэрнізацыю прамысловых і аграрных прадпрыемстваў. На наш погляд, сацыялагічная навука можа больш актыўна дапамагаць розным групам грамадства, каб мець яскравае ўяўленне пра сябе, пашырыць іх самаразуменне аб сваім месцы ў сацыюме. Вядома, што чым больш людзі ведаюць аб умовах ўласнай дзейнасці, аб тым, як функцыянуе грамадства, тым большая верагоднасць, што яны змогуць паўплываць на сваё ўласнае жыццё, каб быць запатрабаванымі грамадствам. Важна фарміраваць у грамадскім усведамленні думку, што практычная роля сацыялогіі не толькі ў дапамозе палітыкам альбо ўладным структурам у прыняцці абгрунтаваных рашэнняў, але і дзейсная падтрымка для кожнага чалавека, каб знайсці сваё месца ў зменлівым жыцці, асабліва ў пераходны перыяд.

Мы ўжо адзначалі важную ролю сацыялогіі, якую яна павінна адыгрываць у грамадстве ў плане прагназавання сацыяльных працэсаў і правядзення спецыяльных сацыялагічных даследаванняў. Вядома, што прагназаванне ў сацыялогіі - гэта спосаб

навуковага прадбачання з той ці іншай ступенню верагоднасці вынікаў, накіраванасці, характару развіцця падзей. Важна пастаянна падкрэсліваць і даказваць не толькі ўладным структурам, але і ўсяму грамадству, што сацыялагічныя даследаванні - гэта надзейны спосаб пазнання сацыяльнай рэальнасці. Яны дазваляюць зразумець сутнасць тых ці іншых з'яў і працэсаў, убачыць іх аб'ектыўны, ці суб'ектыўны характар. Вынікі сацыялагічнага маніторынгу даюць магчымасць спецыялісту розных галін дзейнасці ўлічваць сацыяльныя наступствы пэўных дзеянняў, павысіць эфектыўнасць асабістай дзейнасці і зменшыць магчымасць і наступстваў памылак.

Сёння важна займацца і нестандартнымі сацыялагічнымі даследаваннямі, вучыцца эфектыўна прадаваць іх вынікі, каб мець сродкі і магчымасці для самаразвіцця і правядзення незалежнага навуковага аналізу. Важна своєчасова праводзіць маніторынг рынка, адштурхоўваючыся ад бізнес-задач, якія ўзнікаюць у працэсе сучаснага развіцця грамадства. Сацыёлагі абавязаны забяспечваць фармуляванне карысных высноў, парад і каштоўных ідэй для развіцця бізнесу. Своечасовая ацэнка перспектывы новага прадукта, альбо сегмента рынку, пабудова эфектыўнай мадэлі збыту дазволіць павялічваць продаж і актыўна ўплываць на фарміраванне культуры спажывання і спажывецкіх паводзін суб'ектаў гаспадарыння.

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі!

З улікам тых працэсаў, якія адбываюцца ў грамадскай практыцы нашай краіны і бліжняга замежжа, у першую чаргу, якія звязаны з дэмакратызацыяй жыцця, ёсць неабходнасць арганізацыі сумесных прыгранічных даследаванняў краін-суседзяў. Шырокі ўдзел у нашай канферэнцыі замежных навукоўцаў, у якіх ёсць багаты вопыт сацыялагічных даследаванняў, якімі яны сёння падзяляцца, дазваляе сцвярджаць, што і акрэсленая праблема стане вырашальнай, што будзе садзейнічаць умацаванню добрасуседскіх адносін нашых народаў, сяброўскіх адносін вучоных на карысць развіцця сацыялагічнай навукі.

Творчых дыскусій і плённай працы!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Бабосов Евгений Михайлович, доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси, главный научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНСТРУИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Важнейшим средством социально-философского и психолого-педагогического исследования формирования и практической реализации информационных ресурсов учащихся и студентов является конструирование теоретических моделей этих сложных, многокомпонентных процессов. Моделирование в его различных вариантах является теоретико-методологической процедурой исследования социальных явлений и процессов посредством построения их моделей. В процессе развертывания этой сложной и по своему составу и набору составляющих ее структурных элементов логической и/или математической процедуры изучаемые социальные объекты в их реальных связях и взаимоотношениях составляющих их элементов (единицах) воспроизводятся в теоретических или имитационных моделях, замещающих в познавательном процессе реально существующий (а иногда и предполагаемый) оригинал и позволяющих получать новые знания об исследуемом предмете. Для достижения желаемого познавательного результата конструируемая теоретическая модель должна представлять собой систему взаимосвязанных материальных либо идеальных (выраженных в знаках, символах, графиках и т.п.) элементов в их взаимодействиях, находящихся в состоянии их подобия к объекту исследования и воспроизводящих причинно-следственные и структурно-функциональные связи между его элементами и свойствами.

Эта общая характеристика процесса конструирования теоретических моделей приобретает различные модификации в применении его к исследованию различных по своей сущности и особенностям объектов, в том числе, разумеется, в изучении формирования информационных ресурсов у учащихся и студентов, а также особенностей практической реализации данных ресурсов.

Процесс конструирования теоретических моделей формирования информационного ресурса личности или социальной общности должен исходить из того, что такая модель воплощает реальный объект нашего бытия, а именно движение информационных потоков от отправителя информации к ее получателю. Эта модель должна отвечать нескольким принципам и требованиям. Совершающаяся в настоящее время информационная революция, детерминирующая наступление этапа информационного общества, базирующегося на экономике знаний, настоятельно требует формирования и активного применения информационного ресурса не только действующих работников, но и тех, кто завтра пополнит их – учащихся и студентов. Чтобы сделать этот процесс продуктивным представляется важным делом конструирование соответствующих теоретических моделей. Эти модели в теоретико-методологическом плане должны отвечать нескольким принципам и требованиям. Данные принципы и требования изображены на рисунке 1.

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г12Р-007 от 15.04.2012)

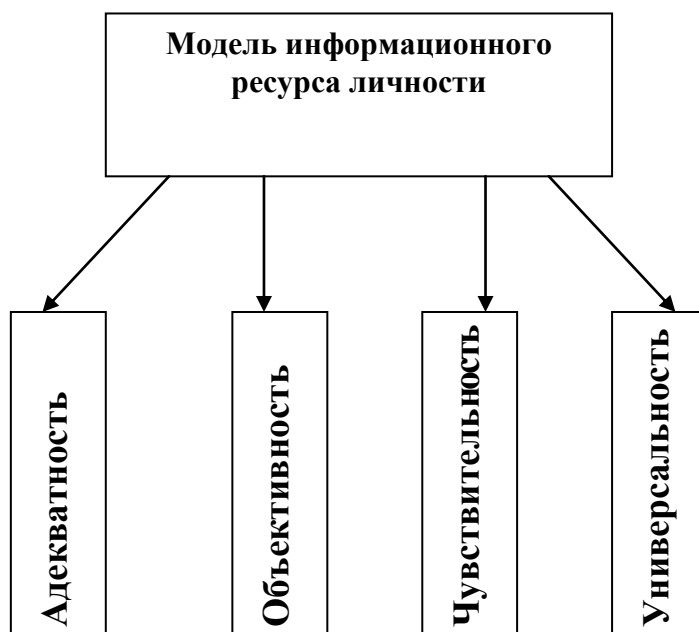

Рисунок 1. Модель информационного ресурса

В процессе конструирования теоретической модели формирования информационного ресурса учащегося и студента необходимо выделить несколько важных индикаторов, отражающих когнитивные качества личности, которые должны быть развиты у обучаемых в учебно-воспитательной деятельности. Первое, исходное среди них составляет совокупности умений и навыков усвоения из обширного потока информации тех знаний, которые необходимы в определенной сфере умственной и практической (промышленной, строительной, сельскохозяйственной и иной) деятельности и составляет базис формирования информационного ресурса личности.

Второе когнитивное качество, необходимое для формирования информационного ресурса обучаемого лица, составляет умение трансформировать получаемую информацию в желательную форму усвоения, в соответствии с выбранным направлением познавательной и практически ориентированной деятельности.

Третье когнитивное качество, которое должно быть выработано в процессе формирования информационного ресурса личности, составляет умение выделять в обширных, непрестанно расширяющихся и обновляющихся потоках информации между элементами и различных аспектами информационно-следственные связи и наиболее существенные из них.

Четвертое качество личности, необходимое для формирования ее информационного ресурса, заключается в выработке у нее понимания значимости постоянного обновления своих знаний и осознания каждого из этапов этого процесса как важного элемента своего саморазвития.

Пятое качество, без которого представляется невозможным формирование и развитие информационного ресурса личности составляет развития умений и навыков воспринимать, запоминать, классифицировать, обобщать, воспроизводить новые информационные потоки, анализировать и обобщать их и на этой основе прогнозировать возможные последствия их практического использования в своей практической деятельности.

Шестое качество личности, вырабатываемое в процессе формирования ее информационного ресурса, проявляется в формированности потребности использовать

непрестанно обновляющиеся потоки информации в качестве важных элементов своего индивидуального ментального опыта и практической жизнедеятельности (рис. 2).

Рисунок 2. Структурная модель когнитивных качеств личности, необходимых для информационного потенциала личности

В процессе конструирования теоретических и структурных моделей формирования информационных ресурсов учащихся и студентов следует учитывать образовавшийся в последние годы диссонанс между целями и ходом развития информационных ресурсов обучаемых, а также его наличными эффектами. Надо иметь в виду, что несмотря на различные реформационные трансформации система образования в своих основополагающих характеристиках остается преимущественно традиционной и устойчивой, а следовательно достаточно косной и сопротивляющейся различным, особенно крутым и неожиданным новшествам, вызванным информационно-коммуникационной революцией. Поэтому здесь важно применять анализ рассматриваемой проблемы в методологическом модуле, разработанной выдающимся английским историком и философом А. Тойнби парадигмы «вызов-ответ».

При таком методологическом подходе становится ясным, что существующая система образования обладает мощным амортизационным потенциалом, который в процессе своего применения гасит, приглушает различные воздействия на нее создаваемых стремительным развитием и обновлением все более разнообразных информационных потоков. Поэтому акцентуация ныне действующей системы образования не может не принимать во внимание функционирующих в данной системе устойчивых социокультурных и ментальных стереотипов. Это ставит в повестку дня конструирование модели ригидности в процессах формирования информационных ресурсов учащихся и студентов. Нельзя не принимать во внимание доминирующую до сих пор в учебном процессе структурную компоновку, в которой доля аудиторных занятий в традиционной форме (лекции - семинары) остается доминантной, несмотря на все учащающиеся критические замечания инновационно думающих и действующих профессоров и преподавателей. Все это и диктует своевременность конструирования и практического применения модели *ригидности* в процессе формирования информационных ресурсов обучаемых в учебно-воспитательном процессе. Такая модель может быть схематично представлена в следующем виде (рис. 3).

Рисунок 3. Модель ригидности процессов становления информационных ресурсов

Специфической разновидностью модели ригидности является конструируемая модель резистентности. Эта модель в своих сущностных характеристиках воплощает не жесткую сопротивляемость внедрению достижений информационно-коммуникационной революции в практику учебно-воспитательного процесса, а его скрытое, завуалированное отвержение или имитацию. Своеобразие данной модели заключается в том, что сопротивляемость педагогического персонала, привыкшего действовать в классах и аудиториях старыми, традиционно устоявшимися способами, воплощается в нетвердом отказе от информационно-инновационных нововведений, а в форме глухого недовольства и кулуарной критики таких новшеств, или даже внешнюю подделку под информационное новшество. В таком случае данную модель можно схематично изобразить в таком виде (рис. 3).

Самая характерная особенность содержательного наполнения моделей 2 и 3 заключается в том, что различные формы конфликтности, сопротивляемости, недовольства, кулуарной критики, имитации и инерции проявляются в высказываниях и действиях, прежде всего, профессорско-преподавательского состава, так как во многих случаях учителя, преподаватели и профессора вузов привыкли работать с учениками и студентами по старинке, не очень утруждая себя освоением новых методик осуществления учебно-воспитательного процесса.

Разумеется, далеко не все преподаватели отрицательно относятся к нововведениям в процессах формирования информационных ресурсов учащихся и студентов. Скорее всего, они составляют меньшинство, постоянно уменьшающееся в составе учительского и профессорско-преподавательского состава. Поэтому возникает потребность в конструировании таких теоретических моделей формирования и развития информационных ресурсов личности в учебно-воспитательных процессах, которые бы воплощали в себе конструктивный, адаптивный и проективный компоненты трансформаций, происходящих в системе образования под влиянием происходящей в обществе информационно-коммуникационной революции. По нашему мнению, в ряду теоретических моделей такого рода на передний край выдвигается задача конструирования *релевантной* модели формирования информационного ресурса обучающихся в школе и вузе. Напомним, что релевантность означает смысловое соответствие между информационным запросом и получаемым сообщением. Поэтому релевантная модель формирования и развития информационного ресурса личности призвана воплощать в себе особенности такого информационного влияния на личность, в развертывании которого коммуникативный посыл, идущий от преподавателя к обучаемой личности, представляет собой синергию информационного дискурса и его усвоения (овладения) обучающимися. В случае такого понимания особенностей данного процесса он может быть представлен в виде, изображенном на рисунке 4. Чтобы пояснить данную

схему-рисунок, подчеркнем, что при конструировании компонентной системы информационного процесса совокупность взаимосвязей в движении информационного влияния от учителя к ученику приобретает эллипсоидную форму (т.е. имеет форму «огурца»), отражающего перемещение информации от инфосферы к сообщению как результат перемещения от контекста к подтексту.

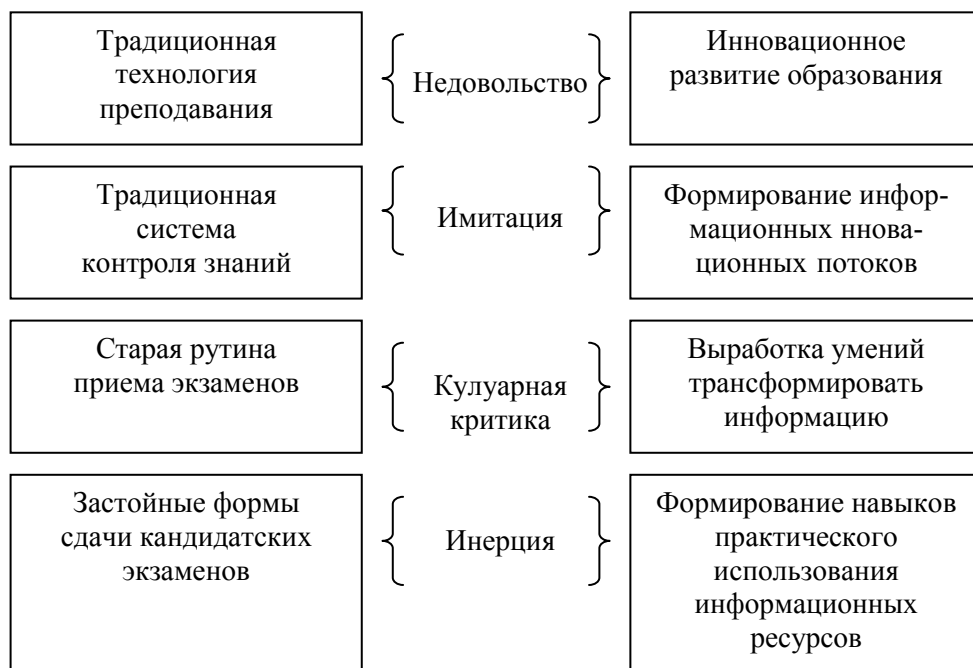

Рисунок 4. Модель резистентности процессов формирования информационных ресурсов

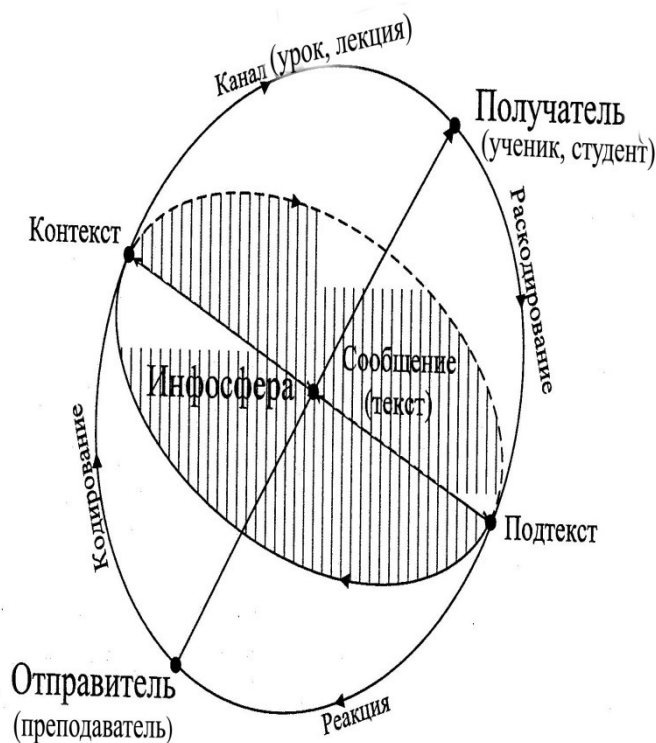

Рисунок 5. Релевантная модель формирования информационного ресурса личности (структурная версия)

Изображённая на данном рисунке модель следует проинтерпретировать в более широком взаимодействии обучаемых и обучающихся, раскрывая особенности конструктивного информационного воздействия вторых на первых. В таком случае она модифицируется в *релевантную* модель информационного влияния преподавателя на процесс формирования информационного ресурса обучающийся личности в системе образования.

Данная модель отражает особенности информационного влияния учителя или профессора на обучаемого, результатом которого становится достижение когнитивного эффекта от такого взаимодействия. Но информационный ресурс учащегося и студента не ограничивается только когнитивным и познавательным результатом. Он включает в себя также эмотивный компонент, т.е. психическое переживание, возникающее у обучаемой личности (удовлетворенность, радость либо недовольство) в процессе преподавательского информационного воздействия на нее. Вследствие этого конструирование релятивной модели формирования информационного ресурса личности обучаемого в ее структурном варианте следует дополнить процессуальной версией формирования этого ресурса. Эта версия в ее модельном воплощении должна включать не только эмотивный, но также и мотивационный, ценностно-ориентационный и конативный компоненты.

Мотивационный компонент данного процесса включает в себя стремление личности к улучшению баланса удовлетворенности-неудовлетворенности действующего лица в пользу нарастания удовлетворенности усвоением новой информации. А ценностно-ориентационный механизм усвоения информационных новшеств направлен на усиление когнитивных суждений по поводу получения желаемой информации. Речь в данном случае идет об избирательном оценивании, т.е. о выборе личностью тех информационных потоков, которые в наибольшей степени соответствуют ее интересам, предпочтениям, потребностям и т.п. Когда же мы говорим о конативном компоненте формирования и развития информационного ресурса личности обучаемого, то имеется в виду становление способности к волевому действию в овладении новыми информационными сообщениями. В психологическом контексте когнитивность означает наличие у личности волевых ресурсов поведения, ориентированного на получение новой информации, в социологическом – включает в себя тенденцию к формированию готовности к использованию информационных ресурсов в поведении, связанном с взаимодействиями ее с какими-либо социальными объектами или субъектами. Однако и этим конструирование процессуального варианта релевантной модели направленного потока формирования информационного ресурса личности не завершается. Ведь в конечном итоге важно не только и столько усвоение формирующейся личностью определенных информационных потоков, сколько – прежде всего в *практической применимости* складывающегося у учащегося или студента информационного ресурса. Причем в данном случае принимается во внимание данный социально-психологический феномен, прежде всего, не в статичном состоянии, а в выработке у обучаемых умения и навыков применения сформированного у них информационного потенциала, то есть а в изменениях, трансформациях в зависимости от применения данного потенциала в изменяющихся ситуациях социального окружения.

Все изложенное представляет собой совокупность теоретических предпосылок, которые в своем синергетическом взаимодействии и взаимоусилении составляют основу конструирования процессуального варианта релевантной модели формирования информационного ресурса личности. Этот вариант изображен на рисунке 6.

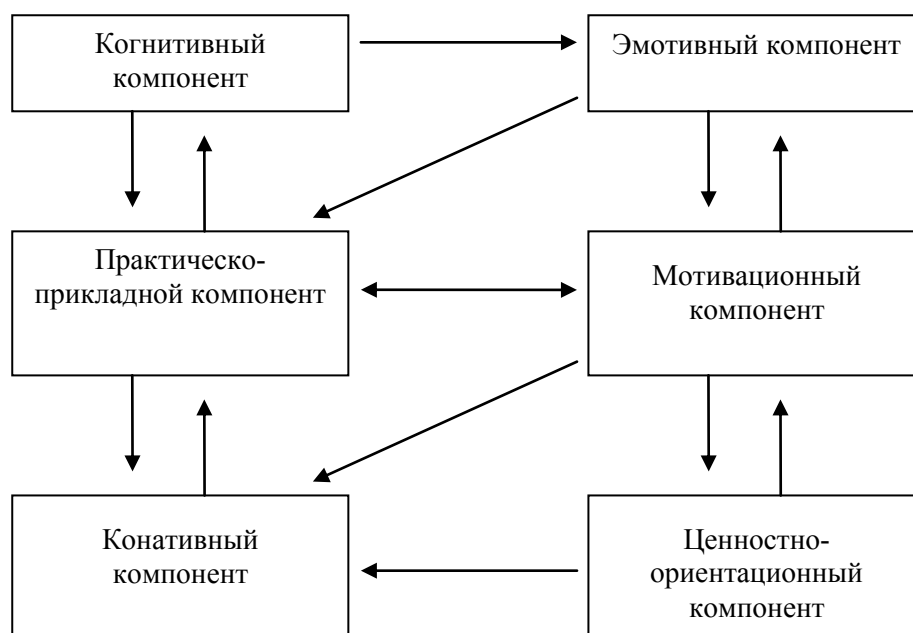

Рисунок 6. Процессуальный вариант релевантной модели формирования и развития информационного ресурса личности

Охарактеризованные модели конструктивного формирования и развития информационных ресурсов учащихся и студентов должны быть рассмотрены и применены в учебно-воспитательном процессе в средней школе и высших учебных заведениях в адаптивной и проективной системах их практической реализации. Если адаптивный аспект предполагает приспособление обучаемых к усвоению новой и непрерывно обновляющейся информации, то проективный аспект этого процесса ориентирован на выработку у обучаемых в разных звеньях и уровнях системы образования умения и навыков предполагать и предусматривать возможности практического применения усвоенной информации в тех или иных сферах жизнедеятельности, прежде всего, в профессиональной деятельности. С учетом этого можно сконструировать системную модель информационного ресурса личности. Ее можно представить схематически в виде, изображенном на рисунке 7.

Рисунок 7. Системная модель информационного ресурса личности

В процессе формирования информационного потенциала учащихся и студентов целесообразно использовать различные виды занятий с ними. Разумеется, приоритетное место в такой работе занимает чтение специализированных лекций, раскрывающих сущность, особенности, способы воплощения информации в различных видах деятельности (учебно-воспитательной, технико-технологической, управленческой, экономической и т.п.), приемов наиболее эффективного ее использования. Лекционные формы обучения должны быть органично сопряжены с проведением хорошо подготовленных и целенаправленных практических и лабораторных занятий. Желательно также выполнение обучающимися контрольных и тестовых занятий. Следует, кроме того, организовывать различные виды игровых занятий с использованием компьютерной техники и глобальной сети Интернет. Все это вместе взятое позволит обучаемым получить реальное представление о наиболее продуктивных путях и способах эффективного взаимодействия всех видов ресурсов: интеллектуальных, научно-технических, материальных, финансовых и др., а также отчетливо понимать возрастающую значимость и роль в этой многогранной и многофакторной системы информационного потенциала личности.

Но чтобы добиться всего этого в постоянно обновляемом учебно-воспитательном процессе, необходимо решить еще две очень важные задачи. Первая из них заключается в формировании у учащихся и студентов достаточно высокого уровня креативности, т.е. умения и навыков инновационного, творческого подхода в овладении и использовании различных видов информации и в способах ее практического применения. А вторая задача включает в качестве своего неотъемлемого компонента овладение информационными технологиями. Разумеется, ознакомление учащихся старших классов со знаниями основных особенностей инновационных технологий следует производить в самой общей форме, без конкретной детализации сущности и особенностей их структурных компонентов. Но в высших учебных заведениях включение студентов в овладение информационными технологиями должно предусматривать как их обучение знаниями в данной сфере, так и выработку практических навыков владения соответствующими технологическими приемами. При этом надлежит принимать во внимание достаточно широкий спектр операций, применяемых в овладении и практическом применении информационных технологий. Организаторам и исполнителям данного многогранного процесса – преподавателям – следует иметь в виду, что существует многоаспектная структурная архитектура инновационного процесса, воплощаемого в информационных технологиях.

Конечно, не все компоненты этой сложной информационно-инновационной структуры будут освоены в достаточной степени в вузе, но представление об их сущности, особенностях и способах проявления вполне может пригодиться им в их будущей профессиональной деятельности, особенно если они включатся в сфере повседневной работы образовательных, научно-исследовательских либо производственных организаций.

Все изложенное об особенностях формирования информационных ресурсов у обучающихся в системе образования вплотную подводит к выяснению вопроса, в чем состоят критерии и показатели сформированности информационного потенциала формирующейся личности учащегося или студента. Таких показателей существует немало. Рассмотрим некоторые, наиболее существенные из них.

Одним из исходных показателей, свидетельствующих о более или менее достаточной сформированности информационного ресурса ученика школы или студента вуза может выступать знание о сущности, особенностях, функциях информационного общества, путях его формирования и развития.

Вторым показателем наличия у студента или учащегося информационного ресурса является совокупность его знаний о различных видах информации (природоведческой, исторической, художественной, политической, правоведческой и др.).

Третий показатель сформированности у старшеклассников и студентов информационного ресурса воплощается в наличии у него умений и навыков приобретения разнообразной информации, особенно той, которая необходима ему при изучении тех или иных дисциплин учебной программы. Четвертый показатель наличия у обучающихся в средней и высшей школе информационных ресурсов проявляется в способности старшеклассника или студента находить, выбирать интересующие его информационные потоки, умение оценить степень их важности в его учебной и иных сферах жизнедеятельности.

Пятый показатель информационного ресурса учащегося и студента реализуется в его умении использовать разнообразную информацию не только в учебном процессе, но и в различных жизненных ситуациях, в которых он оказывается (например, правоведческую информацию).

Шестой показатель сформированности информационного ресурса личности, развивающейся в системе образования, заключается в овладении ею различными способами (в процессе уроков, лекций, практических и лабораторных занятий, приобщением к средствам массовой информации, в том числе и к Интернету, чтением художественной литературы, посещением музеев и выставок, участием в общественной работе и т.п.) приобретения и усвоения многообразной информации.

Седьмой показатель сформированности информационного ресурса учащегося или студента состоит в развитии у него умений и навыков, а затем и практического опыта в усвоении и практическом использовании различных видов информации и возможностей их взаимодействия в учебной и последующей профессиональной деятельности.

Восьмой показатель наличия у старшеклассников и студентов более или менее развитого информационного ресурса воплощается в масштабах включенности личности в локальные, региональные, национальные (общегосударственные) и мировые информационные потоки.

Девятым показателем сформированности у старшеклассников и особенно у студентов достаточно развитого информационного ресурса, связанного с его практической реализацией, воплощается в реальных умениях и навыках проектирования и создания WEB-страниц и сайтов для практического доступа в систему мировой информационной сети – Интернет и другие информационные потоки.

Все эти девять показателей, рассматриваемые и оцениваемые преподавателями, каждый из которых образует определенный этап в информационном обеспечении учебно-воспитательного процесса, составляют в своей совокупности своеобразную индикаторную батарею (блок), позволяющую составить верное и объективное суждение о развитости у обучаемых в средней и высшей школе информационных ресурсов, столь необходимых в процессе становления и развития информационного общества.

Нетрудно представить, что этот многогранный и многоэтажный процесс не имеет линейного характера. Он развивается по сложной спиралевидной траектории, которую следует изобразить так, как это демонстрирует рисунок 8.

Когда спектр входных и выходных параметров конструируемой теоретической модели адекватен реальным процессам становления информационных ресурсов учащихся и студентов, а выраженные в модели показатели и взаимосвязи соответствуют реальным процессам формирования таких ресурсов, тогда конструируемые модели способны выполнить существенную конструктивную роль в становлении и развитии информационного потенциала личности, в его практическом использовании.

Если рассматривать охарактеризованные показатели информационного ресурса личности в их взаимосвязях, то можно сформулировать суждение о том, что же составляет основной критерий сформированности информационного ресурса у старшеклассника или студента и какова эффективность практической реализации данного ресурса. Его формулировку можно выразить следующим образом.

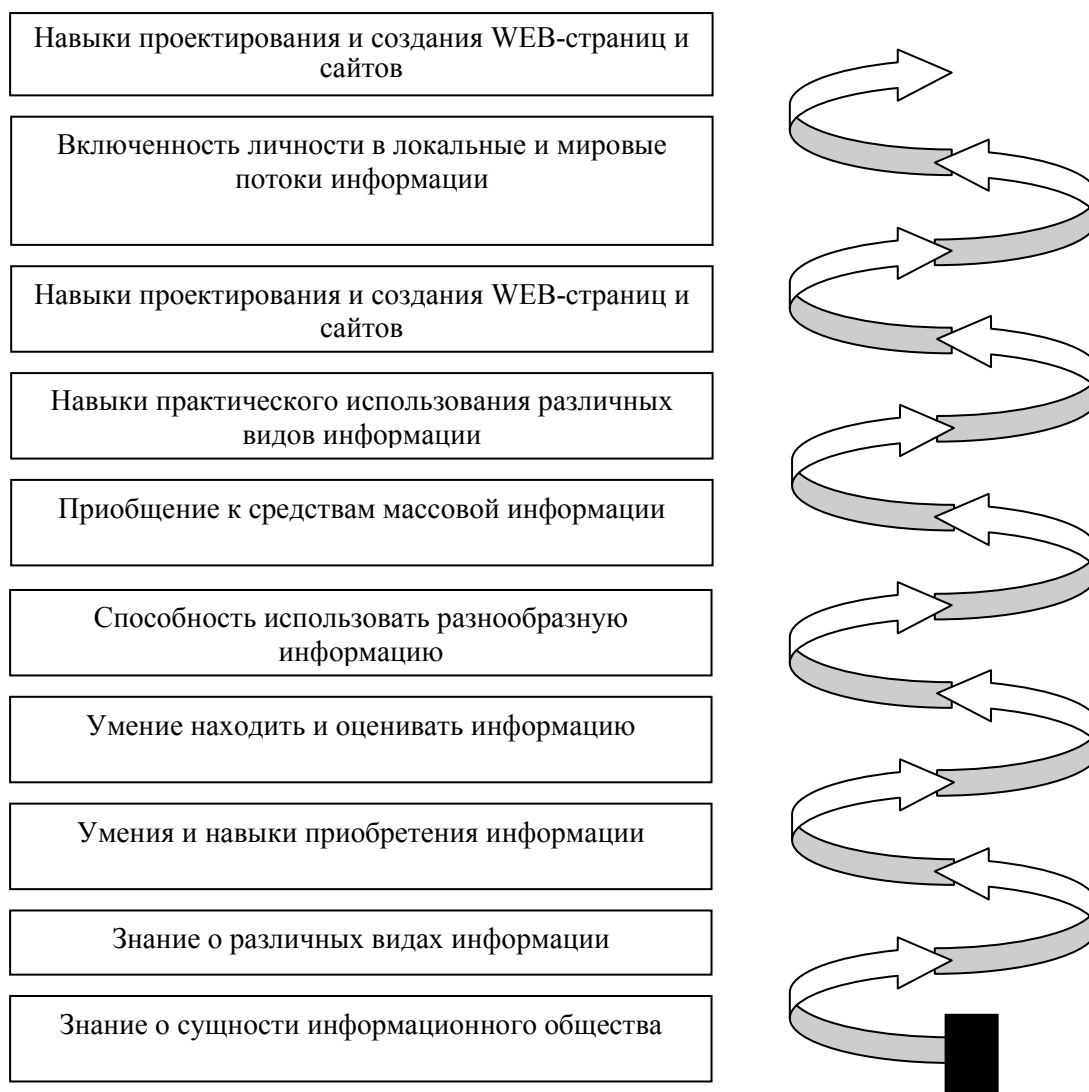

Рисунок 8. Спиралевидная траектория информационного обеспечения учебно-воспитательного процесса

Критерий эффективности информационного ресурса обучающихся в системе среднего и высшего образования – это объективная оценка того, каков уровень освоения старшеклассником или студентом различных видов информации, реализуемого в умениях и навыках обработки, хранения, передачи информационных сообщений, их использования в практических целях.

Формирование информационного ресурса, соответствующего данному критерию, осуществляется в процессе обучения и воспитания подростков и юношества в системе средней и высшей школы при обязательном учете формирующихся и развивающихся в Республике Беларусь общегосударственной автоматизированной информационной системы и складывающейся на основе ее использования национальной инновационной системы.

Литература:

1. Бабосов Е.М. Творческая деятельность человека в создании и функционировании национальной инновационной системы // Е.М. Бабосов. Человек в социальных системах. Минск, 2013.
2. Гуц А.К. Фролова Ю.В. Математические методы в социологии. М., 2007.
3. Дудко В.А. Критерии конструктивного развития личности // Социально-гуманитарные знания. №1. 2011.
4. Кульба В.В., Кононов Д.А., Шубин А.Н. Методы формирования сценариев развития социально-экономических систем. М., 2004.
5. Поправко Н.В. Модели контрагентности поля образования и системы управления образованием: методологический и эвристический аспекты // Социологический журнал. 2010. №2.

Яскевич Ядвига Станиславовна, доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, г. Минск

РАЦИОНАЛИЗМ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В процессе модернизации современного общества сегодня осуществляется радикальный поворот к демократизации государственной, правовой, политической и духовной систем постсоциалистических стран. Предназначение моделей модернизации состоит не только в том, чтобы решать политические и экономические проблемы, но и в том, чтобы предлагать необходимость инновационных перемен, определять возможные варианты и векторы изменений, перехода общества на качественно новый виток развития в социальном, духовном, культурном отношении. Рассмотрим специфические черты современного мироустройства, обращая внимание на необходимость использования рациональных и вместе с тем гуманистических стратегий при построении концептуальных моделей модернизации общества в сфере экономики, политики, принятии управленческих решений. Постигание динамики и проблем современного мира, глобализационных процессов, поиск мировоззренческих оснований межкультурной коммуникации, механизмов преодоления мирового экономического кризиса и обоснования путей демократического развития общества детерминирует необходимость формирования нового мироустройства. Дело в том, что глобальный финансово-экономический кризис на уровнях мега-, макро- и микрориска во многом является кризисом системы духовных ценностей, пренебрежения ими в угоду материальных ценностей и модели процветания. Призывы к пересмотру сложившихся в лоне западной цивилизации системы ценностей с установками на материальные блага, силового отношения к природе, человеку, обществу, необходимости их адаптации к потребностям и запросам постиндустриального информационного общества не были услышаны и реализованы. Более того, власть материального над духовным, личностного обогащения «влиятельных» мира сего и отдельных государств через средства массовой информации становились соответствующим зовущим ориентиром для массового общества [1, с. 31]. Сегодня на фоне глобального кризиса и постоянно заявляющих о себе политических рисков в процессе модернизации современного общества постоянно возникает проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов. Некоторые исследователи утверждают, что подобно тому, как в Новое время становлению и развитию национальных государств способствовал локальный этнизм (национализм), идентификация граждан осуществлялась через национальное сознание и культурную принадлежность к нации, современная глобализация унифицирует национализм и приведет к «постнациональному самопониманию политического целого», «постнациональному обществу» (Ю. Хабермас). Этой точки зрения придерживается и Ульрих Бек в своей концепции «космополитического государства», становлении надгосударственных структур единой Европы, элиминировании национального, ограничении национальных правительств, создании транснациональных структур и пространств, объединенного суверенитета.

Альтернативные модели «объяснения Европы» рассматривают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами, что же касается пророчеств о глобальной культуре, то они, по их мнению, не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти.

При всех очевидных экономических, политических и социокультурных преимуществах глобализации относительно развитых стран для многих других они оборачиваются значительными потерями и разочарованиями. Упования на построение интегрального единого бесконфликтного человечества в рамках однополярного мира

после распада мировой системы социализма оказались явно преувеличенными иллюзиями. Становится ясно, что традиционные формы институциональной организации общемирового общежития в лице взаимодействия национальных государств столь же актуальны. В условиях глобального кризиса, несомненно, важно искать в процессе модернизации общества механизмы установления как общеевропейской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Реалии жизни актуализируют проблему разрешения возникающих коллизий в национальных сообществах «здесь и сейчас» – как сохранить рабочие места в условиях кризиса, защитить интересы самых незащищенных социальных слоев, обеспечить стабильность и устойчивость общества.

В современной социокультурной ситуации следует говорить о необходимости общемировой модернизации общества. Это касается и высокоразвитых стран Запада, поскольку технократическое общество с его устремленностью к экономическому росту и наращиванию военного могущества, столкнулось с устойчивыми противоречиями между производством и потреблением, богатством и бедностью, материальной и духовной сторонами реальной жизни. Одна из серьезнейших проблем современной цивилизации, на которую обращают внимание некоторые западные аналитики, заключается в том, что сегодня «Восток изменил Запад» (Винфрид Беттчер), что своим упорным выполнением бюрократических установок Запад уже не в силах продемонстрировать свои исторические преимущества, необходим откровенный диалог Запада с Востоком, ибо трудности одного региона весьма опасны для другого, необходимо найти пути и подходы, которые бы позволили избежать ошибок как Запада, так и Востока.

Заметим, что современной модернизации, т.е. постмодернизации, предшествовала доиндустриальная модернизация, связанная с переходом к кооперации и разделением функций в процессе труда, мануфактуре; раннеиндустриальная модернизация, детерминированная технологическим переходом от ремесленного к фабричному производству; позднеиндустриальная модернизация с переходом от фабрично-заводского к поточно-конвейерному производству. Политическая модернизация, как необходимый компонент системной модернизации общества, в корне меняет современную модель мироустройства, основывается на постепенном изменении политической системы, возрастающем участии в политике различных групп населения, формировании новых политических институтов, и самое главное, демократизации политической системы общества и политического сознания при сохранении политической стабильности. Здесь важна роль политической и интеллектуальной элиты, ее целенаправленное действие, диалог власти и гражданского общества. В соответствии с либеральным сценарием, акцентирующем внимание населения на власть, возможны такие варианты политической модернизации, как: демократизация общества; установление авторитарных режимов и торможение модернизации при росте конкуренции элит, но низкой активности населения; замедление модернизации при доминировании политического участия над соревнованием элит; провоцирование диктатуры при одновременной минимизации соревнования элит и уровня политического участия (Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай).

Не отрицая демократических преобразований и ценностей, представители консервативного направления основной акцент в модернизации видят в политической стабильности, прочности и организованности политических институтов, обеспечении ими политического порядка с помощью централизованной власти. По мнению С. Хантингтона, авторитарный режим, если он обеспечивает порядок, экономический рост, решение социальных проблем, национальное единство, переход к рыночным отношениям, вполне уместен. Под руководством авторитарной власти создаются такие условия, как компетентность политических лидеров, обоснование качественно различных продолжительных этапов и конкретных приоритетов в процессе реформ, четкий выбор

времени их применения. Сначала, считает Хантингтон, необходимо укрепить политическую стабильность, поскольку любые попытки реформирования системы политической власти в странах, где индустриальный скачок не накладывается на почву демократических традиций, будут иметь негативные последствия. Достижение же в реформировании экономических и социальных отношений обеспечит переход к демократии. При всех альтернативах в понимании механизмов политической модернизации – или с акцентом на последовательную либерализацию политической системы, или с ориентацией на резкую «шоковую» либерализацию, распад прежней политической системы и внедрение новых демократических институтов любой ценой («конкретная модель»), становится ясно, что важной задачей модернизации является формирование политической и дипломатической элиты, опирающейся на поддержку общества, способной обосновывать и проводить реформы, выстраивать инструментальные стратегии, обеспечивать экономический рост и демократические преобразования, своевременное разрешение возникающих социальных напряженностей и конфликтов, как на международном, так и на локальном уровнях.

Современная ценностно-нормативная модель возможностей модернизации и инновационного развития общества выражается во взаимодополнении тенденции к прогрессивности, творчеству, с одной стороны, и традиционализму, культурной идентичности, безопасности социума, с другой стороны, ориентации на институциональную ось (культуру – право – государство) и ценностную ось (инновации – справедливость – свобода) [2, с. 81]. Становится ясно, что, выстраивая модели модернизации общества, мы не должны отказываться от рационального осмысления происходящего, от веры в разум, в смысл человеческой истории, в человеческую свободу, в возможность преобразования личностного и социального сознания на разумных началах. Именно разум, а значит мораль, совесть, справедливость являются значимыми для нас до тех пор, пока они определяют нашу личную и социальную позицию и поведение, ибо то, что создано разумом, может быть достойно использовано лишь в том случае, если в этом использовании разум же участвует. Забвение разума, отказ от рационального осмысления происходящего, утрата веры в гуманистические ценности, как свидетельствуют исторические аналогии, становились тревожным симптомом наступления «сумерек кумиров», длительного периода упадка, возврата к иррациональному. Подобно тому, как в Греции расцвет просвещения сопровождался прогрессивным переходом греков от мифологического к рациональному мышлению, а период реакции и упадка сопровождался возвратом к иррациональному, так и возникновению нацизма в Германии предшествовали расцвет паранауки, подъем иррационализма и оккультизма. Строгая и неизбежная предопределенность астрологической судьбы в такие моменты исторического бытия кажется более предпочтительной, чем тяжелое бремя ответственности, чем даже свобода с ее нечеткими и ненадежными измерениями. Место рационализма и сегодня порою занимает иррационализм, даже при принятии решений на глобальном уровне. Рациональный подход, научная рациональность, идеалы и нормы науки рассматриваются сегодня совершенно в другом ракурсе по сравнению с классической эпохой становления и развития дисциплинарного знания и более близким к нам временам 60-х годов XX в., когда наблюдался интерес к научной рациональности, диалогу «лириков» и «физиков».

В современных философско-методологических и социально-политических исследованиях особое внимание уделяется рациональности как философско-мировоззренческой установке, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума. Обращение к рациональному осмыслению происходящих событий перед лицом «глобального кризиса» и «глобальной депрессии», необходимости синтеза полученных знаний актуализирует фундаментальную тему рациональности, специфицируясь в социально-философских, ценностно-антропологических, научно-познавательных, политико-правовых и экономических дискурсах.

Обращение к феномену рациональности, выяснение специфики коммуникативной рациональности, принятие рациональных и нравственно-ориентированных решений особенно необходимо в условиях современного рискогенного общества. Рационализм в европейской традиции, как жизнеспособный и полнокровный образ мысли придал характерную окраску не какому-то отдельно взятому, а всем без исключения социальным, экономическим, политическим направлениям, невзирая на их содержательные различия. Почти все ныне существующие бизнесмены и политики заняли рационалистическую и приближающуюся к ней позицию, идя к этому образу мыслей собственным путем – или по убеждению, или в силу веры в то, что рационализм неотвратим, или вовсе принимая его без рассуждений. При этом общий характер и настрой рационалиста заключается в том, что он всегда утверждает независимость и необходимость разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли, отказывающийся преклоняться перед авторитетом и делающий исключение только для авторитета разума. По своему образу мыслей рационалист является одновременно и скептиком и оптимистом: скептиком – потому что во всем разнообразии мнений, обычаев, верований не находится ничего, что избежало бы его критики, ничего, способного уйти от суда разума; оптимистом он является потому, что никогда не сомневается в способности собственного разума определять истинную ценность вещей, справедливость мнений или ущербность действий [3, с. 31].

В современном демократическом обществе важно чтобы коммуникативная рациональность или рациональность общения была ориентирована на предпочтения ценностей компромисса, консенсуса, рационального дискурса и тем самым способствовала взаимному согласованию деятельности социальных субъектов, наработке и вписыванию в общественное развитие наиболее прогрессивных локально-коммуникационных практик, что приводит к реализации принципа социальной справедливости (Дж. Ролз).

Рациональность современного общества с необходимостью проявляет себя в умении согласовывать частные и общие интересы, в стремлении не доводить до крайности и конфронтации различные политические, экономические и духовные предпочтения, нейтрализовать их враждебные столкновения. Отсюда – возможность рационализации конфликтов на пути согласования интересов, рационализация принятия политических и экономических решений, разработка специальных институтов и технологий по регулированию приемлемых для конфликтующих сторон вариантов консенсуса.

Политико-экономический дискурс при этом использует рациональные стандарты языка науки и одновременно отвечает определенным общественным реалиям и социальным целям – политической эффективности, экономической выгоде и т.п. Рациональность в экономике означает такое поведение экономического агента (потребителя, производителя, правительства и т.д.), которое соответствует набору правил, относящихся к предпочтениям (*preferens*) таких ценностных ориентиров, как экономическая выгода, прибыль и т. п.

Вместе с тем современная экономика социальных взаимодействий «переживает» антропологический поворот, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т.п. В экспериментальной экономике нейроэкономистами доказано, что люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства [4]. Социокультурный контекст в понимании справедливости европейцами и американцами позволяет современным экономистам объяснить макроэкономические различия между Европой и Америкой. Полагая, что бедные – не лентяи, а жертвы обстоятельств и несправедливости, европейцы поддерживают высокие социальные пособия и соответственно высокие налоги, американцы же голосуют за низкий уровень бюджетного перераспределения и низкие налоги. Оказывается, экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные

феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье. Эконометрические методы, несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни или счастье является наиболее близким аналогом функции полезности, или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ощущением полноты счастья, падением инфляции и несчастьем от роста безработицы и т.п. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже [5, с. 108]. На основе рациональной коммуникации сегодня формируется качественно новая синергетическая социально-политическая картина мира, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой политической системы, нелинейность и открытость вариантов будущего развития, нестабильность и хрупкость современного мира. Синергетическое мировидение дает вместе с тем и теоретическую основу для исторического оптимизма, ибо предполагает, что шествие человеческой истории не предопределено и во многом зависит от нравственного выбора людей, ответственности субъекта власти, их способности заглядывать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их реального воплощения в сценарий истории и становясь одновременно его режиссером, автором и исполнителем [6, с. 89].

Синергетическая эпистемология задает новые принципы в развитии социально-гуманитарных наук и поведения человека в XXI веке, ибо важно понять, что «линейное мышление может быть опасным в нелинейной сложной реальности... Мы должны помнить, в политике и истории монокаузальность может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму... Подход к изучению сложных систем порождает новые следствия в эпистемологии и этике. Он дает шанс предотвратить хаос в сложном нелинейном мире и использовать креативные возможности синергетических эффектов» [7, с. 211]. Синергетический и антропологический поворот наблюдается и в современных моделях принятия решений, которые все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качеств, установок на сотрудничество, понимание, согласие и высокий профессионализм. Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (Managing by instructions – MBI) к управлению по целям (Managing by objectives – MBO) и, наконец, к управлению на основе ценностей (Management by values – MBV) [8, с. 180]. В условиях радикально меняющегося рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента. Модель управления на основе ценностей как устойчивой системе убеждений о предпочтительных принципах поведения, требованиях организационной жизни и нравственных регулятивов позволяет эффективно, творчески и ответственно решать сложные вопросы, уметь приспосабливаться к неопределенности, работать на взаимном доверии и преданности делу компании. Вопрос заключается в том, «как сохранить человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую, а резкое ухудшение условий

жизни создает сильнейший соблазн избавиться от моральных норм, сохраняющихся «по инерции» [9, с. 17]. Модель управления на основе ценностей является своего рода вызовом современной экономике, предъявляя системе управления человеческим капиталом необходимость ее переориентации на субъект-субъектные отношения в лице персонала компании, организационное развитие управления и принятия решений на основе изменения культуры компании, культуры контроля и культуры развития. Необходимы нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей, индивидуализации в структуре управления через акцентацию роли лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество, образующие социальный капитал, его эмоциональное воздействие. Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными.

Инновационная модель управления на основе ценностей, бизнес-модель, несомненно, требует реорганизации культуры предприятия в целом, внедрения и развития новых убеждений и приоритетов среди персонала на всех уровнях, системного управления качеством и эффективного планирования. Такие приоритетные корпоративные ценности в деятельности сотрудников как креативный подход при решении сложных вопросов, умение находить быстрые решения в условиях неопределенности, самостоятельность и ответственность, самоконтроль, преданность компании, взаимное доверие обеспечивают эффективное функционирование организации, ее рост, конкурентоспособность, личностное развитие сотрудников, их мотивированность на успех, продвижение и благополучие ибо основа успеха – сотрудники. Философия управления на основе поощрения самоконтроля, креативного решения сложных ситуаций, высокой потребности к самостоятельности и ответственности, творческого участия и взаимного доверия и означает управление на основе ценностей и развития человеческого потенциала.

Таким образом, в процессе модернизации современного общества, политики, экономики, культуры принимать управленческие решения приходится в контексте коммуникативной рациональности и наличия множества синергетических факторов, когда необходимо учитывать меняющуюся информацию о событиях, определять вероятность реализации многообразных вариантов принимаемых решений, ориентироваться на нравственные регулятивы и ценности, идеалы доверия, сотрудничества и ответственности. Демократическая коммуникативная рациональность позволяет ее участникам поддерживать целенаправленное общение даже в случае негарантированного успеха, ради стремления к консенсусу, что лишает такую коммуникацию потенциальной или актуальной репрессивности.

Литература:

1. Яскевич, Я.С. Время кризиса – время надежды и диалога. / Я.С Яскевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 189 с.
2. Тульчинский, Г.Л. Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // Философские науки, 2012, № 11, с.76-88.
3. Оукшот, М. Рационализм в политике и другие статьи / М. Оукшот. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
4. Fehr, E. Theories of Fairness and Reciprocity – Evidence and Economic Applications / E. Fehr, K. Schmidt // Advances in Economics and Econometrics – 8-th World Congress, Econometric Society Monographs. Cambridge, 2002.
5. Di Tella, K. Some Uses of Happiness Data in Economics / K. Di Tella, McCulloch // Journal of Economic Review. - 2006. - Vol.96. June. - P. 108.
6. Яскевич, Я.С. Политический риск и психология власти / Я.С.Яскевич. – Минск: Право и экономика, 2011. – 298 с.
7. Майнцер, К. Размышления о Сложности. Сложная динамика материи, разума и человечества. / К. Майнцер. – М.: Наука, 1994.– 342 с
8. Долан, С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. / С. Долан, С.Гарсия. – М.: Претекст, 2008. – 313 с.
9. Деягин, М. В жерновах глобальной депрессии. – «Свободная мысль» – 2013. - № 1 (1637). - С.5-17.

Соколова Галина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

*СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ДИАЛЕКТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО*

Единое экономическое пространство – пространство, состоящее из территорий Сторон, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В Концепции формирования Единого экономического пространства определяются базовые положения, характеризующие цель и принципы его функционирования.

Цель формирования ЕЭП – создание условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-участников и повышения уровня жизни населения. Основными принципами функционирования ЕЭП являются: свобода торговли товарами и услугами и свобода передвижения финансового и человеческого капитала через границы государств-участников.

ЕЭП формируется постепенно, путем повышения уровня интеграции, через синхронизацию преобразований в экономике и социальной сфере. От способности национальных экономик своевременно и адекватно ответить на поставленные вызовы зависит, насколько глубинными и долговременными будут изменения во внутренней социально-экономической ситуации и как они отразятся на уровне и качестве жизни различных социально-демографических групп [1].

В многомерных процессах интеграции возникают определенные риски участия Республики Беларусь в Едином экономическом пространстве. Они связаны со сложностью принятия странами-участницами общих нормативно-правовых актов и их практической реализации в процессе формирования ЕЭП. Прежде всего, это обусловлено различием целей участия трех стран в ЕЭП. «Основными целями для Беларуси являются возможность выхода на расширенный общий рынок и получение преференций на российские топливно-энергетические товары. Для Казахстана – либерализация доступа к российской транспортной инфраструктуре (трубопроводы, железная дорога), выход на российский рынок со своими услугами. Для России – рынок для промышленной продукции и в большей степени решение геополитических проблем» [2, с. 66]. В связи с этим, страны-участницы пока не могут обеспечить согласованные действия и реализацию принятых решений в экономической, социальной и инвестиционной сферах деятельности. У них еще не сформировались экономические предпосылки для успешного взаимодействия.

Следует также учитывать различный уровень социально-экономического развития стран-участниц ЕЭП и разную степень рыночной трансформации экономики. «По рыночному реформированию Россия и Казахстан, которые имеют международный статус стран с рыночной экономикой, существенно опережают Беларусь, которая ориентируется на сохранение широкого государственного присутствия в экономике с медленным внедрением рыночных отношений. Разная степень либерализации экономики, разный уровень развития рыночных институтов, разная степень государственного влияния и разные механизмы государственного регулирования не способствуют проведению согласованной макроэкономической политики. Опыт СНГ подтверждает, что эти причины и необязательность выполнения экономических договоренностей осложняют развитие интеграционных процессов» [2, с. 66].

Специфика интеграционных процессов не только не исключает, но и предполагает определенные риски, связанные со вступлением стран-участниц ЕЭП в этот масштабный проект. Для Республики Беларусь возможны следующие риски.

В экономическом плане прогнозируется высокая вероятность значительного оттока капитала из Беларуси в Россию и Казахстан и снижение притока в республику прямых иностранных инвестиций в связи с тем, что налоговые системы стран-участниц ЕЭП различны. Так, по данным Всемирного банка, общая налоговая ставка составляет в Беларуси 62,8% от прибыли против 46,9% в России и 28,6% в Казахстане [2, с. 67].

Возможно возникновение, в связи с созданием ЕЭП, таких новых рисков, как рост конкуренции на внутреннем рынке Беларуси со стороны товаров и услуг стран-участниц ЕЭП, а также конкурентная борьба партнеров по Таможенному союзу за одни и те же внешние рынки.

В социальном аспекте, Беларусь утрачивает одно из своих главных конкурентных преимуществ – высококвалифицированные трудовые кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения из Беларуси в страны-участницы ЕЭП, в первую очередь, в Россию. Так, по данным социологического опроса, проведенного Министерством экономики Республики Беларусь, из-за трудовой миграции из Беларуси в Россию численность работников уменьшилась на транспорте на 10%, в строительстве – на 29%, в здравоохранении – на 12% [2, с. 67].

В связи с этим, подчеркивается необходимость активизации завершения вступления Беларуси в ВТО. «Поскольку Беларусь не является членом этой организации, она лишена каких-либо инструментов и рычагов регулирования торговых споров, которыми вправе пользоваться полноправные участники данного глобального соглашения. Оставаться вне рамок ВТО для белорусских предприятий – это, по сути, жить по законам ВТО, но без права апелляции к защитным и судебным институтам данной организации, то есть без использования правовых механизмов, предоставляемых ВТО для защиты от дискриминации и конкуренции со стороны зарубежных партнеров» [2, с. 69].

Основная гипотеза нашего исследования проблемной ситуации заключается в том, что мировой финансово-экономический кризис в современных условиях глобализации затрагивает все экономики мира и ставит перед ними серьезные вызовы. От способности национальных экономик своевременно и адекватно ответить на поставленные вызовы зависит, насколько глубинными и долговременными будут изменения во внутренней социально-экономической ситуации и как они отразятся на уровне и качестве жизни различных социально-демографических групп. Интегрирующим моментом в отношениях Беларуси и России является переход к *однотипным механизмам* регулирования экономики в рамках формирования Единого экономического пространства и ЕврАзЭС. Однако внутри каждой из стран глубина и темп социальных изменений *неодинаковы в разных областях общественной жизни*, их воздействие различно для разных социальных групп и определяется доступными им индивидуальными ресурсами. С одной стороны, происходящие социально-экономические трансформации ставят население перед необходимостью изменять привычные модели социально-экономического поведения в соответствии с новыми требованиями институциональной среды. С другой стороны, население (социальные группы) также способно оказывать влияние на социально-экономические преобразования через выбор своих адаптационно-поведенческих стратегий.

Тенденции стратификационных процессов в Беларуси и России в значительной мере определяются степенью государственной включенности в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом экономического и социального компонентов определяют коридор экономических и социальных возможностей минимизации социальных рисков вступления Беларуси в ЕЭП.

Коридор экономических и социальных возможностей развития рыночных институтов предоставляется каждому обществу, однако то, насколько они будут использованы, определяется готовностью и способностью общества не только реструктурировать экономическую сферу, но и модернизировать свою социальную структуру: воспроизводить необходимые социально-профессиональные слои, адаптировать систему социальных ценностей и институциональную среду, нивелировать социальные риски и потрясения [3, с. 8-12].

В трансформации социальной структуры белорусского и российского общества есть общее – советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерное распределение доходов, доступность образования (в том числе высшего) и жилья, защиту от малообеспеченности. И есть различия, а именно – различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение «шоковой терапии» в России. И та и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации общества – одному из основных индикаторов «расширения/сужения» коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси эволюционная модель способствовала обеспечению минимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологическими укладами. Шоковая терапия в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации и способствовала более активному появлению принципиально новых слоев (собственники капитала, топ-менеджеры, предприниматели), однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства.

Анализ состояния и динамики экономической стратификации общества, как индикатора рыночных процессов, показывает различие в моделях его социально-экономического развития в Беларуси и России (табл.).

Таблица. Экономическая стратификация белорусского и российского общества по уровню располагаемых ресурсов на члена семьи в соотношении с БПМ, %

Страта с уровнем денежных доходов	Беларусь				Россия			
	2000	2004	2006	2011	2000	2004	2006	2011
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100
Ниже БПМ (нижний слой)	41,9	17,8	11,1	7,3	29,0	17,6	15,2	12,8
От 1 до 2 БПМ (средний слой)	43,8	55,4	48,1	40,2	48,4	34,4	30,8	41,3
От 2 до 4 БПМ (выше среднего)	13,3	25,8	35,9	43,0	15,7	30,0	35,2	23,4
Свыше 4 БПМ (верхний слой)	1,0	1,0	4,9	9,5	6,9	18,0	18,8	22,5
Коэффициент дифференциации доходов, в раз	5,8	5,2	5,6	6,0	13,9	15,2	16,0	16,5

Источники: [4, с. 149, 152, 157; 5, с. 179].

Практика социологических исследований свидетельствует, что *нижний* слой – с доходом ниже БПМ (в Беларуси – 7,3%, в России – 12,8%), обладает низким деятельностным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. *Средний* слой – с доходом от 1 до 2 БПМ (в Беларуси – 40,2%, в России – 41,3%) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статуса. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой – *выше среднего* – с доходом от 2 до 4 БПМ (в Беларуси – 43,0%, в России – 23,4%), сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного

слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и, зачастую, на поиск путей выживания [3, с. 8-12].

Сравнительный анализ экономической стратификации белорусского и российского обществ (по уровню среднедушевых денежных доходов) свидетельствует, что динамика в направлении уменьшения нижнего слоя, некоторого уменьшения среднего, увеличения слоя «выше среднего» не меняет принципиальной ситуации: доля населения, не имеющего прямого влияния на ход развития рыночных процессов, достигала в 2011 году в Беларуси – 90,5%, в России – 77,5% (см. табл.). Хотя социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в этих процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход, на что ориентированы 90,5% населения в Беларуси и 77,5% – в России.

В рамках данной стратификации, *верхним* слоем – свыше 4 БПМ – назван относительно узкий слой, обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать прямое влияние на процессы рыночной трансформации экономики и общества. Так, верхний слой белорусского общества, составляющий 9,5%, располагает примерно 1/3 всех среднедушевых денежных ресурсов, тогда как верхний слой российского общества, составляющий 22,5%, располагает почти 1/2 всех среднедушевых денежных ресурсов. Подобная ситуация проявляется в значительной разнице коэффициентов дифференциации (в Республике Беларусь – 6,0, а в Российской Федерации – 16,5), а также в различии индексов Джини (0,268 и 0,420, соответственно).

Очевидно, что формы и способы адаптационного поведения представителей разных социальных слоев оказывают различное влияние на ход развития рыночных процессов. В одних случаях, оно может тормозить эти процессы, в других – ускорять, в-третьих – изменять социальную направленность институциональных сдвигов, по сравнению с тем, что проектировалось в государственных программах социально-экономического развития. Очевидно, что активизация вступления Беларуси во Всемирное торговое общество должна сопровождаться привлечением к этому процессу всех слоев населения «снизу», повышением их трудовой мотивации и улучшением социального самочувствия. Развитие рыночных институтов необходимо связывать с повышением благосостояния всех слоев населения, развитием качественного образования и качественного здравоохранения, что будет способствовать расширению коридора экономических и социальных возможностей за счет повышения активности, адекватной трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность.

Последствия вступления в Единое экономическое пространство (ЕЭП) для населения Беларуси еще до конца не очерчены и не всегда осознаются белорусским населением. Большинство склонно оценивать происходящие социально-экономические изменения по событиям, непосредственно отражающимся на их жизни. Сегодня обычным белорусским гражданам сложно представить целостную и системную картину происходящих институциональных изменений, как негативных, так и позитивных социальных последствий вступления республики в ЕЭП. Немецкий социолог Ральф Дарендорф предостерегает против «диалектики трех часов», обращенных циферблатом к постсоветским странам. Если для осуществления конституционной реформы достаточно шести месяцев, то в экономической сфере может не хватить и шести лет. На уровне глубинных пластов жизни, отношений и ценностей, составляющих современное гражданское общество, обновление может затронуть несколько поколений [6]

В экономическом плане, вступление в ЕЭП дает Беларуси и белорусскому населению низкие цены на энергоносители, что во многом связано с повышением уровня жизни населения.

Во-первых, это обеспечение занятости белорусского населения и повышение конкурентоспособности белорусских товаров. В противном случае, многие производства пришлось бы остановить или ограничить. Во-вторых, сохранение относительно низких цен на коммунальные услуги, что позволяет поддерживать приемлемый уровень жизни населения, в отличие, например, от стран Прибалтики.

В социальном плане ЕЭП предполагает обеспечение свободного передвижения граждан внутри ЕЭП, что означает создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, условий труда и занятости. История развития интеграционных процессов свидетельствует, что экономическая, социальная и политическая сферы данных процессов постоянно совершенствуются. Однако для того, чтобы эти процессы стали действительно эффективными, необходимо уделять внимание их социальной составляющей, выявлять, каковы ожидания белорусского населения от интеграционных процессов, каково общественное мнение о происходящих преобразованиях, в какой мере население поддерживает эти процессы.

Например, вступление в ЕЭП расширило возможности трудовой миграции на российский рынок труда. Первая реакция населения на это нововведение – отток белорусских строительных специалистов на российские стройки и олимпийские объекты в связи со значительно более высоким уровнем оплаты труда. После кризисных явлений 2011 г. это носило достаточно массовый характер и привело к необходимости повышения оплаты труда в строительной отрасли Беларуси. Однако белорусские специалисты не только экспортируют знания и опыт, но и осваивают новые прогрессивные технологии; специалисты, имеющие семьи, не настроены на смену мест проживания, и заработанные средства ввозят в страну, потребляя в белорусской экономике и повышая уровень жизни своих семей.

Рассмотрим, на материалах республиканского социологического мониторинга, ежегодно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, общественное мнение по основным позициям: оценка влияния интеграционных процессов на экономическую ситуацию в республике; оценка динамики отношений между Беларусью и странами СНГ; оценка перспектив развития интеграционных отношений; оценка уровня социальной поддержки реализуемых проектов*.

1. При оценке влияния интеграционных процессов, выяснилось, что более 2/3 белорусского населения полагает, что эти процессы позитивно влияют на социально-экономическую ситуацию в республике, что особенно ярко проявилось в условиях финансово-экономического кризиса. Так в течение 2011 года численность населения, положительно оценивающего укрепление союза с Россией и другими странами СНГ, возросла с 63 до 70%. За тот же период группа тех, кто дает негативные оценки интеграционным процессам, снизилась вдвое (с 6 до 3%). Затруднились в ответе 30%.

2. Активизация интеграционных процессов также нашла свое отражение в общественном мнении белорусского населения: позитивно оценивали динамику отношений между Беларусью и Россией в 2010 г. – 19,4 %, в 2011 г. – 28,2 %, в 2012 г. – 42,3%). Группа тех, кто негативно оценивал динамику отношений, за тот же период уменьшилась от 22,2 до 8,8%.

3. При оценке перспектив развития интеграционных отношений, около 1/2 населения полагает, что Беларусь должна строить свои отношения с Россией на основе

* В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2012 г., выборочная совокупность составила 2110 человек. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95%-ной вероятностью, составила +/- 2%. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т.е. население Республики Беларусь.

международных договоров (в 2012 г. – 54,7 %). Вторую группу составляет часть населения, полагающая, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств, с созданием наднациональных органов управления (в 2012 г. – 39% населения).

4. В контексте выявления уровня социальной поддержки реализуемых проектов и направлений в 2012 году изучалось отношение населения к вхождению Беларуси в Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийское экономическое сообщество. Результаты исследования 2012 г. выявили, что поддерживают вхождение в Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана 62,7%, не поддерживают – 11,6% населения; вхождение в Единое экономическое пространство этих стран поддерживают 58,0%, не поддерживают 13,7%. Уровень социальной поддержки вхождения Беларуси в ЕврАзЭС несколько ниже (поддерживают 46,4%, не поддерживают 16,0% населения). В значительной мере это обусловлено тем, что до 40% населения затруднились ответить на этот вопрос и не в полной мере информированы о том, что такое Евразийское экономическое сообщество и каковы его функции.

Приведенные данные свидетельствуют, что по мере развития интеграционных взаимодействий, появления реально действующих экономических, правовых и иных соглашений, среди белорусского населения увеличивается численность сторонников интеграционных процессов. Большинство полагает, что происходящие интеграционные процессы позитивно влияют на социально-экономическую ситуацию в республике, что особенно проявилось в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Вместе с тем, в связи с недостаточной ясностью для населения интеграционных процессов и реализуемых проектов, доля тех, кто затрудняется дать им оценку, составляет до 40% населения. Очевидно, что активизация участия Беларуси во ЕЭП, Таможенном союзе и ЕврАзЭС должна сопровождаться привлечением к этим процессам всех слоев населения «снизу», усилением их трудовой мотивации, повышением уровня и качества жизни. Поскольку экономические процессы находят свое выражение в общественном мнении населения, а общественное мнение инициирует, в свою очередь, поведенческие стратегии этого населения, целесообразно проводить сравнительные исследования состояния общественного мнения стран-участниц ЕЭП по единой методике и единому инструментарию.

Инициативы и перспективы. Какие выводы можно сделать из сложившейся экономической ситуации? Первый и главный: мы не вырвемся вперед, сидя на нефтегазовой трубе. Даже если берем нефть в России по удивительно низкой цене 380 дол. США за тонну. Ведь от этого мы не становимся ни эффективнее, ни конкурентоспособнее. Пора развернуться к другой матрице экономики. Интеллектуальной. И это станет позитивным решением проблемы, в которую как в ловушку попали наши лидеры, – утверждает белорусский экономист Л.Ф. Заико.

В мировой практике Таможенный союз – не исключительное явление. Уже наработано достаточно много теории и практики такого рода. Однако о будущем России, Беларуси и Казахстана стоит говорить исходя из тех реалий, в которых мы оказались. В такой тройке для Беларуси очень важно, во-первых, не перенять болезни партнеров и, во-вторых, закрепиться в качестве системного элемента, без которого союз не может быть эффективным.

Хотя от СССР три страны ушли довольно далеко – «разрезали» большие фрагменты единой собственности, создали новые структуры в производстве и распределении. Однако эффективность хозяйствования у партнеров весьма различается. Беларусь на новом пространстве стратегий пока не выстраивает. Мы ждем дешевого сырья и равенства в распродаже российских ресурсов. Под них стали модернизировать устаревшие предприятия, которые можно было спокойно закрыть, а не искать приемы экономики XX века в сферах деревообработки, швейной и другой местной

промышленности. В итоге, под воздействием лоббизма уходящего в прошлое «красного» директорского корпуса, имеем запоздалую квазимодернизацию.

При этом Беларусь теряет одну за другой ниши на российском рынке, который в условиях членства в ВТО стал разгромной площадкой для постсоветского производства. Чего же мы лишаемся в конкурентной борьбе? С начала 2013 года отмечены потери по 13 позициям. При этом по таким позициям, как тракторы и седельные тягачи, утрачено 27%. Автомобили грузовые – до 50% рынка. Таким образом, по итогам первого полугодия потери значительные. Предлагается – сформировать усилиями трех стран мощные производственные сбытовые сети, транснациональные компании конкурентное производство. Путь долгий и непростой, но двигаться по нему необходимо [7, с. 12-13].

Сейчас в мировой экономике происходит осмысление новых трендов, формирование новых стратегий. Формирование в рамках ЕЭП новых сфер деятельности, новых видов производства возможно только в том случае, если бизнес-элита стран-участниц Евразийского сообщества сможет понять новые вызовы мировых рынков и начнет создавать сообща свою экономику.

Экономические процессы в рамках Таможенного союза нельзя оценивать односторонне. Например, падение экспорта калия, с одной стороны, является ущербом для бюджета Беларуси, но с другой – это сигнал к изменениям. Ведь наращивание сырьевого экспорта ведет к зависимости белорусской экономики от российской по таким позициям, как добыча калийных удобрений и переработка нефти. Осознание этой опасности ведет к необходимости формулирования новой стратегии экономического развития. Именно развития, а не количественного роста экономических показателей за счет природных ископаемых. Пока же, при такой сырьевой зависимости, интеллект никогда не станет доминирующим фактором производства, – считает Л.Ф. Заико. В условиях набирающего обороты Таможенного союза отношения с Россией стоили Беларуси потери 50% экспорта по вектору «Европейский союз». Снижая поставки сырой нефти, Россия отсекает Беларусь от Евросоюза. Предлагается посмотреть на эту проблему под другим углом. Вероятно, для Беларуси это снижение экспорта не так драматично, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, потому, что за его счет минимизируется общая сырьевая зависимость [7, с. 12-13]. Беларуси это надо воспринимать как внешний вызов, причем, позитивный. Чем мы можем на него ответить? Во-первых, новой промышленной политикой – реструктуризацией того, что осталось от СССР. Во-вторых, взять курс на интеллектуальное производство, чтобы утверждение «знание и наука – сила страны» было не просто лозунгом, а направлением движения всей экономики и общества. В рамках новой интеграционной общности – ТС и ЕЭП – стоит активизировать развитие образовательных программ, создавать новые исследовательские центры, научные холдинги. Беларуси будет выгодно не «выдирать» свои национальные экономические интересы из общего клубка хозяйственных противоречий трех стран, а формировать повестку дня для всего Единого экономического пространства. Переступить через мелочевку» и инициировать создание новой экономики – от Бреста до Тихого океана [7].

Литература:

1. Единое экономическое пространство ЕврАзЭС [Электронный ресурс] Евразийское экономическое сообщество. – Москва, 2013. – Режим доступа: <http://evrazes.com/customunion/eepr>. Дата доступа: 10.04.2013.
2. Пашковский К.Н., Пашкевич И.В., Жабко Л.С. Внешнеэкономическая деятельность и платежный баланс / К.Н. Пашковский, И.В. Пашкевич, Л.С. Жабко // Экономический бюллетень. 2013. № 2. С. 63-69.
3. Соколова Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь–Россия / Г.Н. Соколова // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 3-12.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012: стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Республики Беларусь, 2012.
5. Российский статистический ежегодник, 2012: стат. сб. – М.: Росстат, 2012.
6. Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. London: Chatto & Windus, 1990.
7. Заико Л. Нелюбовный треугольник: инициативы и перспективы / Л. Заико // Дело. 2013. - № 11. - С. 12-13.

Злобина Елена Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, г.Киев

ОБРАЗ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Процессы трансформации, происходящие в украинском и белорусском обществах, довольно похожи, если говорить о проблемах модернизации наших стран в экономической плоскости. Менее очевидны параллели в социокультурном обновлении, особенно если рассматривать его в контексте выстраивания новых ценностных иерархий.

Мы попытаемся осмыслить перспективы модернизации украинского общества в контекстах переживания и постепенного преодоления культурной травмы, связанной с распадом старой и становлением новой социальной системы. Использование этого концепта достаточно удобно именно в сравнительных исследованиях в силу его четкой конфигурации и хорошей операционализации, опирающейся на использование индикаторов, традиционно применяемых социологами для описания трансформирующихся обществ. По Штомпке социальное изменение, связанное с травматическими событиями, характеризуется: неожиданностью и быстротой; глубиной и радикальностью; экзогенностью, неподвластностью нашему влиянию; шокирующим и отталкивающим характером. Как следствие «происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идола рушатся» [1]. В качестве социально-психологических признаков травмы Штомпка выделяет: синдром недоверия; мрачный взгляд на будущее; ностальгию по прошлому; травмы коллективной памяти, связанные с переоценкой прошлого. Стратегии преодоления травмы представлены им в мертоновской традиции через социальные типы акторов, демонстрирующих инновационные; ретрагистские; ритуалистские; бунтарские образцы совладания с травмирующей ситуаций. Акторы либо принимают системные изменений как необратимую данность, либо уходят от травмы в пассивность и маргинализацию, либо обретают уверенность через традиционные образцы поведения, либо пытаются смягчить травмы атакой на фундамент системы под лозунгом возврата к старым (обновленным) институтам [2]. Анализируя развитие ситуации в Польше, Штомпка констатирует модернизационный характер преодоления травмы, когда «кризис ухода» разрешается через инновационные стратегии, приводящие к обновлению культурных образцов.

Применение концепта культурной травмы для описания изменений, происходящих в российском обществе, было осуществлено Т. Емельяновой [3]. Социально-психологические признаки травмы, выделяемые в ее исследовании несколько отличались от предложенных П. Штомпкой, поскольку акцент был сделан на отражении травмы в коллективных переживаниях, разделяемых членами больших социальных групп, и на анализе последствий травмы на групповом и социальном уровнях. В качестве показателей травмы выступали: высокая степень социальной фрустрированности; резкие изменения в социальной идентичности, в первую очередь гражданской; негативная окраска эмоциональных компонентов социальных представлений о новых общественных явлениях. Стратегии преодоления травмы рассматривались в этом исследовании через процесс трансформации коллективных представлений, в традиции С. Московичи и связывались с процессами переосмысления реальности, в ходе которых новый, незнакомый и, возможно, угрожающий феномен (травмирующее социальное изменение по Штомпке) требует интерпретаций, вырабатываемых коллективно. При этом символический процесс совладания с травмой достигается через конструирование

социальных представлений (метафор, оценок, объяснений) в межличностном и коллективном дискурсах.

Как показало исследование, развитие ситуации в России отличалось от польского сценария преодоления травмы. Хотя исходной точкой в обоих случаях служил «кризис ухода», и в обоих случаях травмирующая ситуация смягчилась и потеряла значимость, разрешение кризиса в массовом сознании россиян опиралось не на стратегию обновления (инновационную), а на стратегию возрождения (ритуалистскую). При этом ситуация новизны и неопределенности была преодолена через обращение к традиционным образцам, что слабо корреспондировало с необходимостью социокультурной модернизации. Ситуация в Украине мало отличалась от российской либо польской на старте. Тот же «кризис ухода» и те же компенсаторные механизмы. Однако, если в Польше и России можно говорить о преодолении исходной культурной травмы, то в Украине состояние массового сознания достаточно противоречиво. Если бы мы постарались ответить на вопрос, «есть ли культурная травма в Украине?», используя критерии Штомпки, то прежде всего вынуждены были бы констатировать сильную выраженность по крайней мере двух показателей: синдрома недоверия и мрачного взгляда на будущее. В Украине на протяжении многих лет стабильно поддерживается высокий уровень недоверия населения ко всему социальному окружению, кроме ближайшего, в том числе и к людям в целом. По данным Европейского социального исследования в 2011 году по показателям доверия к институтам власти Украина заняла последнее место среди 26 европейских стран [4]. Что касается образа будущего, то, он не только не улучшается, но, напротив, становится более пессимистичным. Если в 2001 году по данным мониторинга института социологии НАНУ¹, думая о будущем Украины 47% населения испытывало чувство надежды, то в 2013 так ответило лишь 32%, в то же время количество тех, кто смотрит в будущее Украины со страхом возросло с 13% до 22%, а тех, кто ощущает при этом безысходность, с 8% до 18%.

В то же время, ностальгия по прошлому, хотя все еще заметно выражена у отдельных социальных групп, однако в целом постепенно уменьшается. То же можно сказать и о травме коллективной памяти, связанной с переоценкой советского прошлого. Если сравнить оценку населением исходного социально травмирующего изменения – распада СССР, то оказывается, что в краткосрочной (1994 г.) и долгосрочной (2011 г.) перспективе радикальные сдвиги произошли фактически только по одной позиции. Почти вдвое (с 43% до 26%) уменьшилось количество тех, кто считает, что цена изменений была слишком велика. И эта реакция имеет чисто психологическую природу, переживания проблем, через которые проходили люди в начале преобразований, отошло в прошлое, а современные проблемы уже не воспринимаются по сравнению с советскими временами. Причем сравнение оценки произошедших изменений, с ответами на вопрос о том, сожалеют ли опрошенные о распаде СССР, показывает, что среди тех, кого доперестроечное общество вполне устраивало, сожалеют о распаде СССР 90%, а среди тех, кто приветствует перемены, не жалеют о случившемся 61,5%. В целом на основе данных мониторинговых исследований можно говорить о довольно уверенном преодолении «кризиса ухода», в том смысле, что разрыв с предшествующей ценностно-нормативной системой носит уже достаточно прочный характер. Сегодня в массовом сознании происходит активная трансформация социокультурной составляющей картины мира. Если 10 лет назад в 2003 году изменения главных жизненных ценностей общества осознавали лишь 11,8% опрошенных, то в 2013 их считают существенными уже 33,1%, значительно возросла и доля тех, кто отметил, что существенно изменились представления людей о «хорошем» и «плохом» (с 18,9% до 32,1%). Идеалы общества, изменения которых в 2003 году отмечало только 11,8%, сейчас считают существенно

¹ Далее все данные приводятся по результатам мониторинга «Украинское общество» Института социологии НАНУ, проводимого с 1992 года по настоящее время. Выборка 1800, репрезентативна в целом для Украины по показателям возраста, пола, размера населенного пункта и региона проживания.

трансформированными уже 27,2%, образцы жизненного успеха, изменения которых в 2003 году фиксировало лишь 7,8%, на сегодня оценивают как существенно обновленные 24,1%. Усилилась и рефлексия нормативных изменений. Количество тех, кто отметил существенное изменение правил, по которым нужно действовать, чтобы преуспеть в жизни, выросла с 24,9% в 2003 году до 34% в 2013, изменение требований, которые выдвигает перед людьми жизнь, отмечают сейчас 31%, что значительно выше, чем десять лет назад (23,2%). Доля тех, кто затруднился ответить, даже уменьшилась с 12,3% до 9,1%.

Таким образом, можно констатировать, что в массовом сознании украинцев «Рубикон перейден», разрыв с прошлым состоялся, но переживание травмы, показателями чего являются высокая степень недоверия, высокая фрустрированность, негативный эмоциональный фон, продолжается. В определенной степени этот парадоксальный вывод связан с тем, что осмысление феномена культурной травмы осуществлялось постфактум, и в качестве показателей с самого начала привлекались уже имеющиеся индикаторы, не позволяющие отразить в полной мере динамику изменений. Чтобы осмыслить имеющиеся противоречия нам потребовались новые исследовательские подходы. В частности мы обратились к воссозданию картины общества, сформировавшейся в массовом сознании. Образ строился с помощью признаков, имевших обобщенно-символическую природу, что делало возможным получение «проекции» внутреннего видения человеком общества без предварительной «привязки» его к традиционной системе социальных координат (рис. 1).

Список признаков содержал 12 понятий, представлявших противоположные полюса континуумов, которыми описывались:

- ✓ уровень благосостояния («богатство» - «бедность»)
- ✓ направление развития («перспектива» - «тупик», «подъем» - «разруха»)
- ✓ возможности для самореализации («свобода» - «давление»);
- ✓ характер общественных взаимодействий («сплоченность» - «противостояние», «упорядоченность» - «беспорядок»).

Динамика негативных составляющих образа украинского общества за последние 10 лет является довольно выразительной. Образ связан преимущественно с негативными ассоциациями, позитивные в среднем указывают лишь около 5% опрошенных. При этом акцент в восприятии переместился с проблемы нищеты, которая в 2003 году была наиболее типичной ассоциацией (62,4%), на проблему неупорядоченности, которая оказалась на первом месте в 2013 (49,7%). Причем превалирование как той, так и другой характеристик свидетельствует о неудовлетворении базовых потребностей населения.

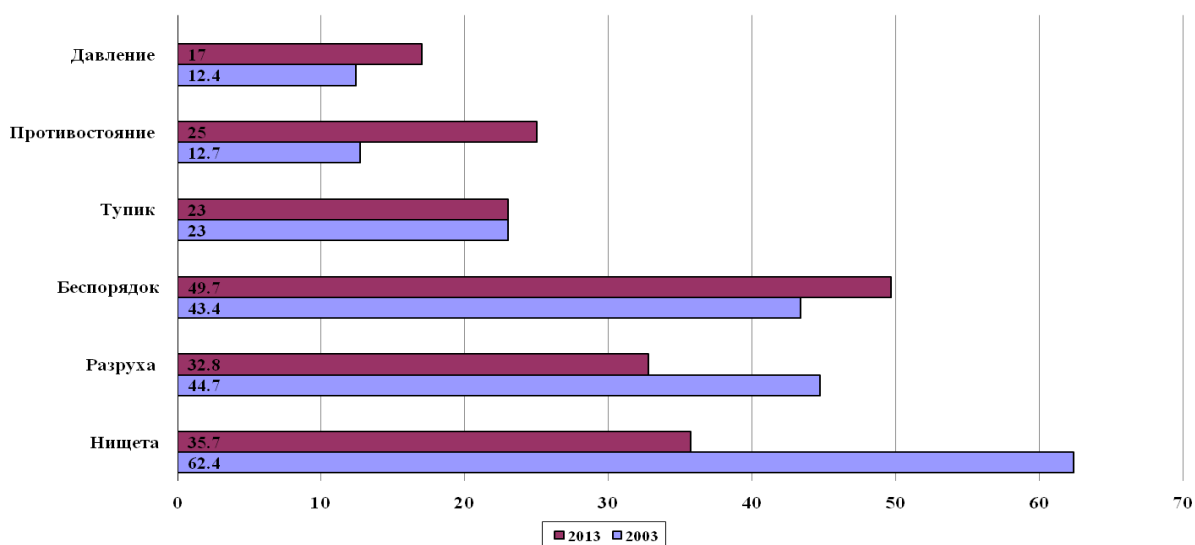

Рисунок 1. Динамика негативных составляющих образа украинского общества

Кроме того мы воссоздали образ украинского общества в координатах наиболее востребованных социальных типов (рис. 2). В системе коллективных представлений советской эпохи этот образ ассоциировался со страной «ученых, мечтателей, героев». «Знаковые» фигуры современного украинского общества представляли его через социальные типы, отражающие разное отношение к нормативности. В предлагаемый перечень вошли:

- ✓ творцы нормативной системы – «политики, бюрократы»;
- ✓ воспроизводящие нормативную систему – «труженики, профессионалы»;
- ✓ пользующиеся нормативными рассогласованиями – «приспособленцы, авантюристы»;
- ✓ разрушители нормативной системы - «воры»;
- ✓ защитники нормативной системы – «моральные авторитеты»;
- ✓ выпавшие из нормативной системы – «нищие»;
- ✓ не привязанные к нормативности прямо – «talанты, избранники судьбы»

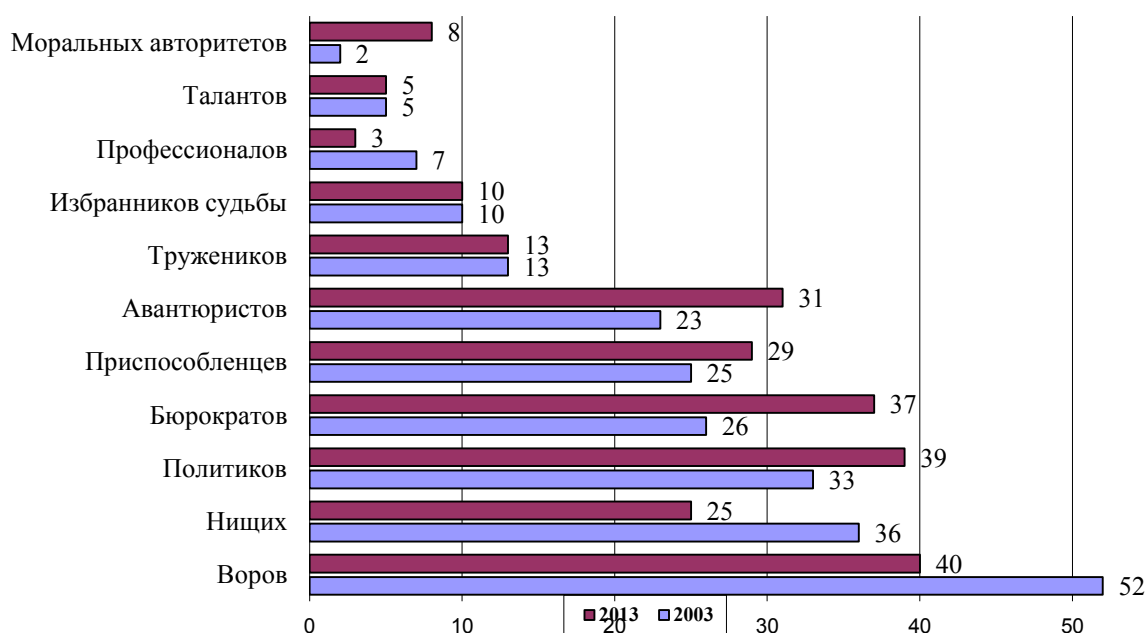

Рисунок 2. Динамика ответов на вопрос «Наше время – это время...»

Оказалось, что полученные образы хорошо корреспондируют. Социальный мир, образ которого связан с «беспорядком» благоприятен для тех, кто хорошо себя чувствует в мире «без правил». В то же время социальные типы, которые являются важнейшей движущей силой перемен – профессионалы и труженики, оцениваются в целом как не востребованные. Это неявно свидетельствует о блокировании в современном украинском обществе личностных ресурсов модернизации.

Таким образом, использование метафоры культурной травмы, применительно к состоянию современного украинского общества, дало возможность, с одной стороны подтвердить наличие признаков травмы, с другой, констатировать отрыв от «кризиса ухода». Представляется, что в настоящее время на смену «кризису ухода» пришел новый кризис – «кризис неопределенности». Травмирующая ситуация трансформировалась, но не потеряла значимости. При этом на уровне массового сознания создаются конструкты, рутинизирующие кризис. Дальнейшее развитие событий возможно для украинского общества в направлениях всех стратегий преобладания травмы, исключая ритуалистские. В силу внутреннего раскола украинского общества, обращение к общей традиции представляется маловероятным. Однако путь для инновационных стратегий, связанных с обновлением культурных образцов, представляется возможным, поскольку вопреки всем негативам гражданская идентичность постепенно приобретает все более положительную

окраску, а, следовательно, уменьшается вероятность массового продуцирования ретренистских стратегий, предполагающих пассивность и маргинализацию. За последние десять лет количество тех, кто гордится тем, что является гражданином Украины возросло в целом с 34% до 48%, а среди молодежи до 30 лет так считают 55%. При этом не исключен и сценарий массового продуцирования бунтарской стратегии, однако, поскольку она связана с преодолением «кризиса неопределенности», а не «кризиса ухода», ее результатом также может стать модернизация культурных образцов.

Литература:

1. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001–. № 1. – С. 11.
2. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001 –. № 2. – С. 3-12.
3. Емельянова, Т. П. Культурная травма: социально-психологические аспекты / Т.П. Емельянова // Материалы итоговой научной конференции института психологии РАН 14-15.02.2008 / ред. А.Л. Журавлев, Т.И. Артемьева. – М. : Институт психологии РАН, 2008. – С. 75-85.
4. Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг / За ред. В.Ворони, М.Шульги – К. : ІС НАНУ, «Азбука», Т.2. Таблиці і графіки – 520 с.

Котляров Игорь Васильевич, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПАРТИИ БЕЗ ЛИЦА КАК ЛИЦО БЕЛОРУССКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Политические партии являются одним из важных, спорных и необходимых конструктов современной политической науки. Они представляют сложные социальные модели, в которых диалектически соединены партийные лидеры и члены партий, политические идеологии и установки, идеи и программы, целенаправленная деятельность партийных структур по решению тех или иных проблем и отношение к социальным явлениям и процессам. Как показывает политическая реальность, политические партии всегда были наиболее сознательной и организованной частью определенной социальной группы или класса, которая активно борется за политическую власть или участие в ее осуществлении.

Политические партии – это основа представительной и партиципаторной демократии. Они являются социальными институтами, через которые граждане реализуют свои политические права и свободы. Через них социальные группы артикулируют свои потребности и желания, государство взаимодействует с общественными структурами и людьми. Именно политические партии формулируют и выражают политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, представляют их в законодательных органах, содействуют политической социализации граждан, являются своеобразными механизмами саморегуляции общественной активности. Во многих странах они превратились в эффективный инструмент власти, дополнительный канал влияния политической элиты на общество.

Основное функциональное предназначение современных политических партий – это суммирование общественных и личных интересов, принятие на их основе политических решений, формирование идеологических и политических позиций, поиск и рекрутирование кандидатов для избрания или назначения в органы государственной власти или местного самоуправления. Именно политические партии направляют стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за лучшее будущее. Когда речь идет о властных структурах или выборах различных уровней в США,

Франции или Великобритании, то всегда вспоминают о политических партиях. «Партии содействуют формированию политической воли народа», – подчеркнуто в Конституции (Основном законе ФРГ, ст. 21, абз.1).

Многопартийность – это широко распространенное явление в современном мире. В настоящее время, например, в Российской Федерации существует 74 политические партии. 53 из них боролись за депутатские мандаты на прошедших региональных выборах. Непарламентские партии, политические партии из несистемной оппозиции приглашаются в парламент, принимают активное участие в обсуждении законопроектов. Отношение к партиям различно. Лидер коммунистов Геннадий Зюганов считает, что большое количество партий размывает систему многопартийности, Владимир Жириновский убежден, что чем больше партий, тем больше демократии.

Современной или «новейшей» многопартийной системе Республики Беларусь чуть больше двадцати лет. Ее возникновение стало возможным после февральского (1990 года) Пленума ЦК КПСС, на котором Коммунистическая партия Советского Союза отказалась от статуса «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы», мартовского (1990 года) Съезда народных депутатов, где было принято решение об отмене шестой статьи Конституции СССР». Решения данного Пленума и III Съезда народных депутатов СССР создали реальную возможность для признания различных неформальных объединений легитимными политическими структурами и превращения их в политические партии. В октябре 1990 года был принят Закон СССР «Об общественных объединениях» и «Временное положение о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в Белорусской ССР».

Однако многопартийная система в Беларуси фактически начала формироваться с образования оргкомитета по созданию Белорусского народного фронта (БНФ) в октябре 1988 года. Именно эта структура в годы перестройки стала главной политической силой, оппозиционной КПСС – КПБ. Тысячи людей поверили ее идеям, призывам, лозунгам и выходили на митинги и демонстрации. В 1991 году были зарегистрированы первые пять белорусских политических партий – Объединенная демократическая партия Беларуси, Белорусская крестьянская партия, Белорусская социал-демократическая Громада, Национально-демократическая партия Беларуси, Белорусский христианско-демократический союз. Появлению большого количества новых политических партий способствовали невысокие требования закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях» – наличие в партиях не менее ста членов и уплата государственной пошлины в размере десяти минимальных окладов. Всего с того времени в стране было создано 43 политические партии.

Первые социологические исследования, направленные на определение популярности белорусских политических структур, были проведены группой социологов под руководством автора этой статьи в марте и ноябре 1991 года. Они показали, что партии поддерживали:

	Март 1991 г.	Ноябрь 1991 г.
БНФ	9,1 %	18,6 %
КПБ	52,1 %	5,1 %
Вновь созданные партии	3,6 %	4,2 %

Интересно отметить, что многие в Белорусской ССР, в том числе, авторы этого исследования, в то время не верили, что новые партии когда-нибудь станут сильными политическими структурами и сумеют активно влиять на политическую жизнь в стране. Мы их даже в социологической анкете обозначили с недостаточным уважением, не совсем корректно – «вновь созданные партии».

Наибольший расцвет белорусской многопартийности произошел накануне и во время предвыборной кампании перед выборами в Верховный Совет XIII созыва – первый парламентский парламент в независимой Беларуси. Один государственный чиновник,

рассуждая о политических партиях, заявил: «Это только поза и фраза». Но какая это была поза, ее увидели. Какая фраза – ее услышали. О партиях заговорили не только на кухнях, но и в престижных тусовках национальной элиты.

Однако скоро интерес к политическим партиям резко упал. Партийцы в парламенте не смогли проявить себя грамотными и высокопрофессиональными политиками. Пришедшие к власти на волне откровенного популизма, они не смогли доказать избирателям свою важность и необходимость. Кстати, такими же полупрофессионалами, даже любителями, дилетантами в политике оказались многие беспартийные депутаты. Оказалось, что размахивать руками на парламентской трибуне явно не достаточно для решения многочисленных проблем. Все это детерминировало крайне короткую политическую жизнь Верховного Совета Республики Беларусь XIII созыва.

В настоящее время в стране насчитывается 15 политических партий. Однако, как показывают мониторинговые социологические исследования, проводимые уже двадцать два года Институтом социологии НАН Беларуси, белорусская многопартийная система стремительно деградирует. Она находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Для современных белорусских партий характерны низкая интенсивность политической конкуренции и отсутствие значительного числа сторонников, неопределенность электоральных правил и скудность политической мысли, отсутствие связи с обществом и нежелание считаться с имевшимися в нем традициями и тенденциями, низкий уровень внутрипартийной демократии и неопределенность партийной тактики и стратегии, отсутствие знаковых фигур и т.д. Очень мало жителей нашей страны видят среди белорусских политических партий ту силу, которая способна защитить их интересы, понять их желания и потребности, эффективно представлять их на высшем государственном уровне. В сознании простых людей они и партии существуют в параллельных мирах, которые никогда не сойдутся. Партиям нет никакого дела до их жизни, проблем и бед. В результате, люди не чувствуют реальной потребности в партиях, а значит, в белорусском обществе отсутствует спрос на них.

Как результат, только 4,2 процента жителей страны считают, что участие в деятельности политических партий эффективно, 4,5% – поддерживают идею выборов в белорусский парламент по партийным спискам. Белорусским политическим партиям в настоящее время доверяют 14,8 процента населения Беларуси, не доверяют – 35,9 %. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в парламент по «партийным спискам», то 23,6 % избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Половина респондентов вполне вероятно вообще бы не пошла на выборы, так как они ничего не знают о партиях. Более трети (33,9%) населения страны считает, что для Беларуси главное – сильная, эффективная политическая власть, а не многопартийность. Сторонником какой-либо политической партии считает себя 1,4%, скорее считает – 2,4%. Самый интересный тренд, который отслеживают социологи, продолжающееся падение рейтинга доверия почти ко всем политическим партиям, кроме тех, которым падать уже некуда.

Можно констатировать, что сегодня практически все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия и кризис лидерства, кризис теоретической мысли и кризис идеологической идентичности, кадровый кризис и идеологический кризис, кризис признания и кризис профессионализма. Глобальный кризис партийного строительства в Беларуси имеет в настоящее время несколько составляющих компонентов. Это, во-первых, полное отсутствие способности создавать популярные, понятные людям идеи, во-вторых, неумение донести партийные идеи до широких народных масс, в-третьих, явный недостаток настоящих, полнокровных организационных структур, «искры, из которой разгорится пламя», в-четвертых, отсутствие способности убедить людей в правильности, важности и необходимости их внедрения в жизнь, в-пятых, не способность внедрить в жизнь даже некоторые из

партийных идей, в-шестых, явный дефицит людей, способных обеспечить реализацию первых факторов.

Одной из важнейших причин такой ситуации является то, что политические партии страны являются партиями без лица. Практически все они не имеют четко выраженной политической позиции по основным вопросам современности, не имеют системообразующего, основополагающего элемента. Например, совершенно не понятно отношение коммунистов к частной собственности на средства производства и землю, к колхозам и кооперативам, к приватизации государственной собственности и т.д. Впрочем, понятно, когда выгодно, их лидеры за частную собственность на средства производства, когда не совсем – то против. Поэтому К. Маркса и В.И. Ленина они трактуют весьма избирательно, в зависимости от политического момента. То же самое можно утверждать и о других партиях. Конечно, партии, принимая единые «правила игры», предложенные государством, понимая, что они в определенной степени находятся в одной лодке и опираются на одни и те же ресурсы, многие политические проблемы стремятся решать (или не решать?) примерно одинаковым способом, как результат, утрачивая социальную и идеологическую идентичность, полностью теряя свое лицо.

На подобное положение дел существенно влияют и целеполагание современных политических партий. Цель любой политической партии – это политическая власть. Иначе это не партия, а религиозная секта или некое общественное объединение типа профсоюза сантехников или общества любителей белых кошечек. Тот партийный лидер, который заявляет, что его партия не стремится к власти – это политический симулякр. Миф, блеф, фантом – его партия. Дмитрий Медведев, будучи Президентом Российской Федерации, интересно и весьма оригинально заявил, что «партия - это инструмент. Нынешние политические партии - это точно не политические партии XX века. Это способ достижения политических целей». Действительно, сегодня многие политические партии являются инструментом для решения различных личностных задач партийной элиты, прежде всего, ее прохождения в парламент, но никак не удовлетворения желаний и потребностей рядовых членов партии. Недаром говорят, что политические партии России сегодня больше похожи на коммерческие предприятия по продаже должностей и депутатских значков различных уровней. Социальное пространство вместо реальных политических действий заполняется различными миражами и подделками, мифами и пародиями. Публичная политика практически исчерпывается электоральной рекламой. Простые люди в этой системе координат – не более чем покупатели, которым надо сбыть партийный товар, не всегда лучшего качества. В перспективе это может привести к тому, что партии превратятся в машины для голосования и в политические структуры, обеспечивающие приход к власти определенных политиков. Такая парадигма превращает политические партии в «электоральные машины». Во время партийного ребрендинга как комплекса мероприятий по изменению бренда партии, лицо партии – это чисто условная дефиниция, подобная куску пластилина в умелых руках мастера, которая меняется в зависимости от ситуации. Правда, в Беларуси и до этого руки не доходят. Как результат, подавляющее число граждан белорусского государства полностью утратили какой бы то ни было интерес ко всем участникам партийных игр без исключения, не видя между ними принципиальной разницы.

Как показывают мониторинговые социологические исследования, многие современные партии нашей страны – это чисто «виртуальные», латентные структуры, идеальные симулякры, не имеющие никаких перспектив в политической деятельности, не способные стать чем-то важным и нужным в ближайшее время как для людей, так и государства в целом. Они напоминают телефон из куска мрамора из знаменитой сказки о старике Хоттабыче. Кажется, все есть: и трубка для голосового сигнала, и соединительный шнур, и набор цифр, а звонить нельзя. Так и в данном случае. Белорусские политические партии, обладая полным набором атрибутов, необходимых им по Закону «О политических партиях», внешним сходством с нормальными политическими

структурами, – партии бутафорские, не способные и даже не предназначенные к настоящей работе в реальной ситуации, самый настоящий блеф. От выборов до выборов они представляют аморфную, желеобразную массу, которую не реально встряхнуть, но и жалко выбросить. Даже появилась такая дефиниция – ширмочная партия. Ширма и есть ширма, а за ней ничего. Типичный пример – Социал-демократическая партия народного согласия. Она уже добрый десяток лет не предпринимает никаких действий, в коме, но дышит. Может быть, подобные партии еще понадобятся партийным боссам для решения собственных проблем?

Важный структурный компонент любой политической партии – ее идеология. История знает огромное количество политических партий, главной отличительной чертой которых было наличие устойчивой и оригинальной идеи. Как пример, можно назвать российских большевиков, английских лейбористов или испанских анархистов конца тридцатых годов прошлого века. Ради идеи партийцы шли на баррикады и виселицы, под бури и пули. Именно партийные идеологии являются идентификационными признаками партий, позволяющими отличать их друг от друга и формировать политические предпочтения и убеждения граждан. Партии, не имеющие хорошо разработанной и популярной системы идей и ценностей, идеалов и установок, не могут быть полноценными субъектами политических процессов. Они полностью лишены политического смысла.

Формирование белорусской многопартийной системы характеризуются преобладанием коммуникативных стимулов партийного членства и партийной поддержки, что требует от партий креативных идей, концепций и предложений. В такой период развития партийных систем главным объектом партийных идей является электорат. Как результат, политические партии формируют общие устремления своих членов, предлагают концепции будущего и комплекс конкретных способов его достижения. Идеологические платформы подавляющего большинства белорусских политических партий неясны, неточны, эклектичны, повторяют друг от друга с совершенно небольшими отклонениями. Как донести такие идеологии до широких народных масс, убедить людей в правильности партийных идей? Практически ни у кого из партийных активистов нет однозначного ответа на этот вопрос.

Одним из ключевых вопросов современных политических партий является их деятельность. Ее содержательная направляющая формируется через систематическое взаимодействие с людьми, электоратом и обществом, благодаря которому у широких народных масс появляются конкретные представления об идеалах, целях и перспективах политической структуры. Если политическая партия не заявляет о себе в публичной политике, не принимает активного участия в политической деятельности, не инициирует политические и информационные процессы, то ей предстоит недолгая жизнь. За время «новой многопартийности» ни одна из политических партий страны так и не сумела создать модель успешного коллективного действия, которые бы получили одобрение и поддержку большинства жителей страны. В ходе социологических интервью люди постоянно спрашивали: «очередным ударом экстремистов стала Сирия. На грани гражданской войны Египет. Почему молчат коммунисты и другие «левые»? Почему не протестуют?». А, действительно, почему? Ответы на эти вопросы до сих пор никто так и не смог дать.

Еще хуже, когда повседневная деятельность не соответствует целям и программным заявлениям партии. Говорят одно, а делают совершенно другое. Неспособность лидеров и активистов политических партий выполнять обещания и обязательства, данные своим сторонникам (избирателям), всем гражданам страны, которые их поддерживают, является полным провалом, крахом и политическим банкротством. По большому счету, как показывает жизнь, белорусские партии так и не смогли адаптироваться к новым экономическим, политическим и социальным реалиям, не

стали активными, самостоятельными и эффективными субъектами политики, оказались системно не востребованными обществом.

«Сядзяць пісцы, як гною кучкі», – писал о чиновниках в знаменитой поэме «Новая зямля» Якуб Колас. «Сядзяць пісцы, як гною кучкі» – совсем недавно говорил о партийных руководителях известный ученый. Действительно, лидеры политических партий постоянно, причем очень часто необоснованно, являются объектами критики как со стороны партии и её членов, так и политических оппонентов. И это не случайно. Партийные лидеры занимают в современных политических партиях особое место. Они являются их брендом, особенно в ходе избирательных кампаний и в общении с людьми и средствами массовой информации, «тащат» партию к победе на выборах, Партийные лидеры обязаны выражать интересы и быть отражением настроений партийного электората, своих избирателей – находиться впереди, а не полсти на карачках к дармовой кормушке. Они во многом проецируются на политическую партию, в некоторых случаях, полностью растворяются в ней.

Роль партийных лидеров особенно важна в современных условиях, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. В-первых, у многих людей отсутствует интерес к политике как способу решения интересов и потребностей. Как показывают социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, чуть больше пяти процентов жителей страны считает, что активное участие в политической деятельности поможет им ликвидировать существующие проблемы. Во-вторых, политические партии постепенно превращаются в институт, решающий, главным образом, электоральные задачи, причем, прежде всего, партийной элиты. В-третьих, развитие информационных технологий заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым и непонятым им правилам – быть компетентными и мобильными, элегантными и эрудированными, выражать социальные ожидания и заказы людей. Практически всё, что мы слышим от партийных лидеров, причем с серьезным выражением лица – это самые настоящие мифы. Руководители партий не несут никакой ответственности как перед их членами, так и перед народными массами. В условиях отсутствия конкуренции и ответственности на самый верх партийной пирамиды усиленно лезут посредственности, нигде и никогда не проявившие себя. Все это требует полной смены поведенческой парадигмы, формирования принципиально нового имиджа партийных лидеров, что, к сожалению, в Беларуси не произошло и произойдет очень не скоро. Любая дефибрилляция современных партийных лидеров – это продолжение не жизни, а политической агонии. Может быть, немедленная эвтаназия – более гуманный выход из партийной комы?

Сегодня лидеры многих политических партий страны, их даже нельзя назвать лидерами, это просто руководители, которые по воле судьбы оказались во главе этих структур. Они не отвечают современным требованиям и не способны в трудные периоды принимать ответственные решения или хотя бы демонстрировать, что готовы взять на себя ответственность за положение дел в государстве. Их трудно представить на каком-то митинге или демонстрации, ведущих за собой людей. Никто за ними никуда не пойдет. Да и не реально вспомнить, чтобы лидер какой-то партии по колено в навозе вел политическую дискуссию со свинарками или доярками. Под вопросом и их морально-нравственный облик. Когда говорят, что лидер такой-то партии – это умная и изящная, оригинальная и креативная личность, высокопрофессиональный специалист, кристально честный и чистый человек, не замеченный в коррупционных связях, постоянно доказывавший умение эффективно руководить политической партией или трудовым коллективом, для которого демократия – органичная часть души, а забота о народе – смысл жизни, раздается дружный смех, переходящий в аплодисменты. Лидеры многих современных партий думают по Зигмунду Фрейду, а живут – по Ивану Павлову. Следует особо подчеркнуть, что, как показали социологические исследования, подавляющее большинство партийных функционеров полностью обделено вниманием людей, многие о

них вообще никогда не слышали. Их рейтинг, как говорится, ниже плинтуса – 0, 00... процента. Но самое обидное для членов партий, что взяв все, что возможно, в случае самой небольшой опасности некоторые партийные руководители, как хамелеоны, меняют цвет и тихо уползают в тень.

Но с другой стороны, политические партии в Беларуси не являются локомотивами большой политической карьеры. Участие политических партий в принятии государственных решений чисто символично. Контрольные функции для них также остаются нереализуемыми. Руководители политических партий в круг людей, «делающих» большую политику, не входят. Поэтому некоторые продвинутые, с большими амбициями люди убеждены, что, если хочешь войти в круг национальной политической элиты, в нашей стране нет смысла заниматься партийными делами, делать партийную карьеру. Как результат, много интересных и умных, компетентных и деятельных, высокопрофессиональных и влиятельных людей предпочитает держаться подальше от политики и политических партий.

Для любой партии характерна устойчивая членская база. К сожалению, многие партийные лидеры оказались не способны понять, что в массовых политических партиях главным человеком является ее рядовой член, а основой – первичная партийная организация. В свою очередь, простые члены партии жалуются, что вышестоящие партийные органы забирают все членские взносы, направляют их на презентации и фуршеты, конференции и банкеты, а на местах не хватает средств, чтобы купить цветы на могилу умершему другу и коллеге: «Мы тут на передовой сражаемся, а они там все партийные деньги пропивают», – жалуются они. Рядовых партийцев обижают слова партийных «боссов»: кто вы без нас? Это противоречие между руководителями партий и ее членами известный ученый Роберт Михельс выразил в «железном законе олигархических тенденций», когда партийная демократия перерождается в партийную олигархию, а псевдодемократы становятся олигархами. Этот закон очень актуален для нашей страны. Многие партии выражают и представляют интересы не широких партийных масс, не простого члена партии – рабочего или крестьянина, предпринимателя или учителя, а партийной верхушки, своих друзей и родственников, знакомых и близких. И особенно близко к сердцу воспринимают предательство своих боссов простые члены партий из глубинки, искренне им верящие.

Очень слабое звено – партийный аппарат, имиджмейкеры, политтехнологи, спичрайтеры, аналитики политических партий. Они мало профессиональны и очень часто – коррумпированы. Мало того, что совершенно не поймешь, о чем они говорят и о чем пишут, но их точка зрения может поменяться несколько раз за неделю в зависимости от величины полученного гонорара. Особенно это касается тех аналитиков, которые постоянно живут за границей и оттуда со стаканом виски в руке объясняют то, чего не видят и чего не знают, и советуют, как жить дальше.

Серьезной проблемой всех политических партий страны является полное отсутствие теоретической работы. Каждая политическая партия обязана иметь программу – определенный набор идей и намерений, атрибутов и ценностей, норм и проектов предполагаемого будущего. Положения, требования и цели политической партии, изложенные в программе, являются ее обязательствами перед людьми. Именно по ней в первую очередь граждане будут судить о перспективах партии, возможной ее деятельности, о том, стоит ли голосовать за данную партию на выборах в представительные органы. Программы политических партий являются важнейшим элементом политического дискурса с широкими народными массами.

Многие белорусские политические партии оказались не способными в политических программах четко и конкретно сформулировать традиционные требования и принципы, стратегические приоритеты развития общества, предложить сценарий модернизации, попытаться воплотить некоторые инновации в жизнь. Ни у одной политической партии страны нет концепции построения нового социального порядка,

который соответствовал бы их требованиям. Характерными чертами многих партийных документов являются популизм и единообразие, декларативность и отсутствие конкретики. Неясность, нечеткость и небрежность стали их важнейшими составляющими элементами. Наблюдается весьма запутанная интерпретация событий и процессов прошлых лет и крайне примитивное представление о настоящем.

Против политических партий страны работает и менталитет белорусов. Люди ждут подачек от государства, привыкли, что кто-то другой должен решать их проблемы, но сами ничего не делают и делать не хотят. У многих граждан не достаточно выражена способность к политической самоидентификации. Как результат, в общественном сознании жителей современной Беларуси сформировалась низкая востребованность института политических партий.

Деятельность современных политических партий – это не только борьба, но и другие виды спорта, которые определяют их важность и необходимость. История показывает, что партии нужны только тогда, когда они имеют лицо, действительно служат людям, выполняют, отражают и представляют на высшем управленческом уровне их запросы и интересы, эффективно и целеустремленно сражаются за них. Белорусские политические партии до сих пор не научились этого делать.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Широканов Дмитрий Иванович, доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, г. Минск

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Человек как субъект познания и творец своей жизни использует и стереотипы, и динамику форм познания и деятельности, ибо и то и другое оказывается необходимым в его существовании и жизни, необходимым для его выживаемости. Проблема стереотипов и динамики мышления человека через проблему его выживаемости и развитие условий и средств существования оказывается и проблемой его бытия.

Противоречие между неисчерпаемостью и ограниченностью в человеческом познании разрешается в развитии человека, его сознания и мышления, в динамике их изменения. В познании последние приобретают статус определенных стереотипов, которые в процессе развития изменяются, теряют прежнюю определенность, приобретают новую форму, новые возможности взаимосвязей этих форм, а с ними и новые возможности для познания и прогнозирования.

Исследование и решение этих проблем требует преодоления многих сложившихся стереотипов в гносеологии и методологии мышления, формирования нетрадиционных подходов, включения человека в осмысление действительности в иных, более широких масштабах. В анализе взаимодействия и взаимосвязей явлений – выходить на новые уровни их организации.

Философские категории позволяют с более широких позиций рассмотреть место и значение тех или иных специальных областей знания и соответствующих понятий в общей системе науки, глубже понять процесс познания в единстве различных его сторон, в частности единства исторического и логического, общего и специального. Тем самым категории диалектики способствуют, дальнейшему развитию теоретических обобщений в специальных областях познания, они позволяют через призму обобщенного опыта познания с более широких позиций исследовать возможные решения узловых проблем науки и перспективы ее развития.

В историческом развитии более полно выявляется логика познания, более отчетливо раскрывается действительный смысл расширения одних принципов познания в той или иной его области и сужения либо же отрицания ими других принципов.

Процесс развития категорий и их взаимосвязей не является простым зеркальным отражением развития общего хода познания. Этот процесс характеризуется особыми диалектическими противоречиями. Зависимость между уровнем теоретических обобщений и логическими категориями имеет сложный опосредованный характер. Категории как ступеньки выделения, познания мира связаны с развитием форм обобщений. Всякое обобщение связано с абстрагированием, выделением предмета, тех или иных его свойств, отношений, сторон. В системе отношений, свойств абстракция на основе практики выделяет существенное, устойчивое, повторяющееся и тем самым позволяет зафиксировать это существенное в определенной связи предметов и явлений.

От уровня развития культуры мышления, методологических установок познающего субъекта, его способностей воспринять новое, отказаться от устаревших, рутинных подходов, использовать для этого достижения науки, культуры, техники и вместе с тем сохранить и развить достижения культуры, завоеванные формы общежития, делающие устойчивыми формы его бытия, будут зависеть своевременность поиска и нахождение

нужных человечеству и соответствующих изменившейся глобальной ситуации решения, успех их реализации.

Научную общественность (и не только ее) сегодня волнуют проблемы глобального порядка, которые затрагивают коренные условия существования людей на планете, – экологическая среда, условия и последствия использования ядерных источников энергии, потепление климата, демографические проблемы в условиях научного и технического прогресса, возникновение новых, неизвестных ранее болезней и т.д.

В исследовании новых явлений, в поисках необычных решений науке постоянно приходится преодолевать сложившиеся стереотипы, о чем свидетельствует развитие науки в прошлом. Особенно это относится к той области познания, которая затрагивает субъект мышления, готовность и способности человека к поиску нетрадиционных форм отражения, к поиску новых методов исследования и построения соответствующих научных образов.

Понятие «новое мышление» в последнее время широко используется в нашей литературе для обозначения новых ориентиров в сознании, нового содержания, не ограниченного прежними представлениями о роли классовости в международных процессах. То есть здесь имеют место иные, более широкие подходы, методологические установки, освобождение сознания от изживших себя стереотипов восприятия, установок, ориентация на новые ценности. Но рядом с пониманием новых подходов сохраняются и старые. Под видом новизны нередко сохраняются сложившиеся формы недиалектического мышления, противопоставление «нового» «старому» по линии «голового» отрицания.

В логическом аспекте такая «новизна» укладывается в те же стереотипные формы мышления тех же людей. Но по ориентировке сознания, его содержанию, по целям они имеют противоположную прежним установкам направленность. То есть такой поворот происходит в рамках одного и того же мышления, которое при этом остается в рамках линейного противопоставления.

Основанное на недиалектическом, «голом» противопоставлении и отрицании одних форм другими такое «баррикадное» мышление становится малопродуктивным, хотя и способно расшатывать сложившиеся структуры. В широком плане оно само по себе еще не ведет по пути обретений, аккумуляции прошлого опыта в интересах будущего, а нередко может привести к таким потерям, которые заводят нас в тупик.

Вырванные из того или иного контекста отдельные положения, превращаемые в лозунги, играют роль именно таких стереотипов, которые канонизируют содержание, так или иначе отличающееся от первоначального контекстуального смысла.

Для такого анализа кроме охвата системы связей необходимо преодолеть стереотип рассуждения, по формально-логическому противопоставлению: «или–или». Диалектика мышления в этом случае не есть простой консенсус ориентированных стереотипов социально-экономического мышления. Она предполагает, прежде всего, освобождение от этих стереотипов для более глубокого анализа развития процесса на его собственной основе с учетом изменяющихся потенциальных возможностей и форм их осуществления. То есть требуется анализ, свободный от всякой политической предвзятости, но не свободный от учета субъектной (связанной с культурой, подготовкой человека) стороны производства, «человеческого фактора». А это последнее предполагает дальнейшее исследование человека, так же как и условий его развития в социально ориентированном производстве, поскольку стратегия модернизации современного общества определяется его способностью к постиндустриальным трансформациям, с учетом внутренней специфики, на основе сочетания локального и универсального; укреплением культурных особенностей, сохранении суверенитета, национальной самобытности, духовных ценностей; позитивными изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека.

Малюк Андрей Николаевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии, Институт социологии НАН Украины, г. Киев

ОБ ОСНОВНЫХ АСПЕКТАХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Особенность и специфика нынешнего состояния современного – неолиберального мирового капиталистического порядка (МКП) характеризуется наложением кризисных тенденций различного масштаба и длительности. Из тенденций, которые будут определять ход процессов и событий в среднесрочной перспективе следует выделить:

- мировой финансово-экономический кризис (политэкономический аспект кризиса МКП);
- кризис проекта неолиберального глобализма (политико-идеологический аспект кризиса МКП);
- кризис гегемонии США и становление полицентричной геополитической системы (геополитический аспект кризиса МКП).

Эти взаимосвязанные аспекта глобального кризиса являются результатом противоречий, вызревавших на протяжении тридцати лет существования неолиберального МКП.

Текущий мировой финансово-экономический представляет собой распад основной несущей конструкции, на которой основывался неолиберальный МКП. Таковой выступал неолиберальный экономический режим, который может быть назван финансово-спекулятивным, поскольку основой процесса накопления капитала здесь выступает экспансия финансового капитала. Переход к этому финансово-спекулятивному режиму накопления привел к значительным структурным изменениям в мировом капитализме и породил ряд существенных диспропорций в мировой экономике. Одним из следствий финансово-спекулятивного режима накопления стал гипертрофированный рост финансового сектора по сравнению с так называемой реальной экономикой. Показателем этого процесса может служить рост прибылей, извлекаемых посредством финансовых операций. В начале 1980-х гг. в США на финансовый сектор приходилось 8% суммарной корпоративной добавленной стоимости и 5 % прибылей корпораций (после вычета налогов). Но уже к 2007 г. доля финансовых корпораций в корпоративной добавленной стоимости удвоилась, составив 16%, а доля в корпоративной прибыли возросла в восемь раз и достигла 41% [1, р. 33].

Это результат того, что накопление капитала связано не с производительным сектором и предоставлением ему финансовых услуг, а с куплей-продажей активов, для чего в огромных количествах привлекался ссудный капитал. Постоянный приток дешевых кредитных ресурсов стал основным источником роста стоимости активов и объемов финансовых операций. Новая банковская система, возникшая в 1980-х гг., отличалась от прежней тем, что выдача займов предприятиям перестала быть ее главной задачей, а чистая прибыль (разница между процентами выплаченными вкладчикам, и процентами, полученными от заемщиков) перестала служить основным источником доходов; им стала торговля финансовыми активами. Банки все в большей степени ориентировались на предоставление кредитов для таких операций в финансовом секторе как арбитражные сделки, представляющих собой получение прибылей из разницы цен между различными сегментами рынка [1, р. 32]. Экономическая роль государства также была преобразована в соответствии с требованиями финансовой экспансии – его задачей стало обеспечение ликвидности и предотвращение обвала рынков путем предоставления массивных и более дешевых кредитов, чем занимались Федеральная резервная система США и центральные банки других стран. Возводилась гигантская финансовая пирамида, связанная с созданием серии мыльных пузырей бумажных активов, каждый из которых был больше предыдущего (торговля акциями, «новая экономика», спекуляции с недвижимостью). А

вместе с экспансией кредитного рынка росли и долги. В результате совокупный долг США вырос с отметки 160 % ВВП в конце 1970-х гг. до 350 % ВВП в 2007 г [2, р.7,9]. В апреле 2008 г. совокупный долг США составлял около 53 трлн. долларов, что приблизительно равнялось мировому ВВП [3]. В то же самое время долги домохозяйств возросли с 50 % ВВП в 1980 г. до 67 % ВВП в 1997 г. и 100 % ВВП к 2007 г [2, 2006: р.8]. И конечно наиболее быстрыми темпами росли долги финансового сектора (с 22% ВВП в 1981 г. до 117% ВВП в 2008 г. [4]), поскольку долговой механизм использовался, прежде всего, для финансирования операций на самом финансовом рынке, а не для увеличения производительного капитала. Эти данные свидетельствуют о той решающей роли, которую финансовый капитал и долговая экономика стали играть в процессе накопления капитала в последние тридцать лет. И, конечно, дешевый кредит и рост долгов был основой потребительского бума в США в последние десятилетия. Как неоднократно отмечал Маркс, кредитная система – это то средство, с помощью которого капитал стремится преодолеть пределы, достигнутые его развитием. Она способствует ускорению развития материальных производительных сил и созданию мирового рынка, но в то же время интенсифицирует противоречия системы, делая их насильственный взрыв в форме кризисов более разрушительным.

Кризис-трансформация режима накопления охватил всю капиталистическую систему и породил целый ряд новых финансовых институтов и огромную массу новых финансовых инструментов. Масса деривативов к 2006 г. составила 283 трлн. долларов, превышая шесть совокупных мировых ВВП [2, р. 19]. При этом деривативы составляли лишь часть спекулятивной горы, равной двенадцати совокупным мировым ВВП. Их рост лавинообразно продолжался в последующие годы, превысив к 2008 г. 600 трлн. долларов (это сумма, уже в 10 раз превышающая мировое производство). Если к этому добавить остальные виды финансовой спекулятивной деятельности (торговля акциями, фьючерсами, валютой и т.д.), объем глобальной спекулятивной массы составит фантастическую сумму, превышающую 1 квадриллион долларов – почти двадцать мировых ВВП [5]. К середине 2008 г., когда по данным Банка международных расчетов объем деривативов достиг 684 трлн. долларов [6], по некоторым оценкам, гипертрофия финансового рынка достигла точки насыщения. В этих условиях достаточно было начаться обрушению спекулятивного рынка недвижимости США, чтобы обрушить всю систему в целом. Установление режима финансово-спекулятивного накопления привело к тому, что мировая капиталистическая экономика стала напоминать пирамиду, перевернутую основанием вверх. В ней масса фиктивного капитала, представляющего собой притязания на доход, источником которого является прибавочная стоимость, многократно превосходит возможности производительного капитала извлечь эту прибавочную стоимость из эксплуатации живого труда. Именно указанное несоответствие между огромной массой накопленного фиктивного капитала и реально производимой прибавочной стоимостью необходимой для удовлетворения его претензий является в настоящее время фундаментальной проблемой мировой экономики. Ее разрешение потребует разрушительной перестройки структуры мирового капитализма и демонтажа структур накопления и власти, на которых основывался неолиберальный капитализм. Следствием будет длительное депрессивное развитие капитализма, во многом аналогичное тому, что он переживал в период 1914-1945 гг.

Финансовые спекуляции – не столько причина, сколько проявление глубинных противоречий мировой капиталистической системы (МКС). Подлинные истоки современного финансово-экономического кризиса – в структурном кризисе послевоенной модели развития капитализма, выразившейся в фундаментальном кризисе перенакопления капитала, с которым капитализм столкнулся на рубеже 1970-х гг. Установление финансово-спекулятивного режима накопления преследовало цель преодолеть этот кризис и сохранить господствующее положение США. В течение тридцати лет строительство

финансовой пирамиды приносило свои плоды. Теперь отсрочка закончилась, и неразрешенные противоречия вновь стучатся в двери.

Неспособность обеспечить накопление капитала посредством расширенного воспроизводства на устойчивом базисе является причиной того, что неолиберализм основывается на модели, которую Д. Харви назвал изымающим или обездоливающим накоплением [7]. В то время как накопление на основе расширенного воспроизводства происходит посредством присвоения вновь созданной стоимости, обездоливающее накопление строится на присвоении уже созданной стоимости, не только прибавочного, но и необходимого продукта, доходя до изъятия у непосредственных производителей необходимых средств существования. Посредством основанных на Вашингтонском консенсусе шоковой терапии и программ структурных адаптаций МВФ-ВБ подобное изъятие общественного продукта, экспроприация эксплуатируемых, было осуществлено атлантическими элитами в 1980-х годах в Латинской Америке и государствах Африки. Следствием этого стало разрушение местных «средних классов» и погружение этих регионов в нищету, «потерянное десятилетие», как его называли в Латинской Америке. В 1990-х то же произошло в Восточной Европе и на пространстве бывшего СССР, где изъятие сопровождалось исторически беспрецедентным разрушением производительного капитала, деиндустриализацией и падением научно-технического потенциала, скатывание региона на положение периферии МКС. Обездоливающее накопление строится главным образом на принуждении, с использованием множества техник, варьирующихся от манипуляций на фондовой бирже и организации долговых кризисов до превращения в объект купли-продажи всевозможных природных ресурсов и открытого вооруженного захвата целых территорий и стран. Финансиализация представляет собой один из способов накопления капитала путем его присвоения, а не создания прибавочной стоимости.

Кризис неолиберального режима накопления нанес удар по легитимности англо-американской модели экономического развития воплотившейся в политике неолиберального глобализма. Это произошло спустя всего семнадцать лет после разрушения Советского Союза, распропагандированного как триумф и показатель жизненной силы глобального капитализма. Фактически мы наблюдаем идеологический крах неолиберального МКП, основанного на идее превосходства системы «свободного рынка» над другими типами хозяйственных систем. В настоящее время неолиберальная идеология уже неспособна убедить массы людей во всем мире в том, что капитализм – наилучший способ решения социальных проблем. Социальные и экономические катастрофы, вызванные движением по пути неолиберального глобализма, подрывают доверие к системе в целом. Это, безусловно, разрушает легитимность мирового капиталистического порядка и легитимность власти его имперского центра, включая институты глобального экономического правления (МВФ, ВБ, ВТО).

Что касается последнего, уникальность нынешней исторической конъюнктуры состоит в том, что мировая экономика вступает в депрессию именно в тот момент, когда гегемония США сталкивается с наиболее серьезными вызовами за весь период после победы Запада в холодной войне. Соединенные Штаты утрачивают гегемонию как в экономическом, финансовом культурно-идеологическом, так и военно-политическом отношении. Прежде всего, Соединенные Штаты утрачивают первенство как ведущая промышленная держава мира. В то время как в 1945 г. на США приходилось 50% мирового промышленного производства, в настоящее время их доля в мировом промышленном производстве составляет 22% и продолжает снижаться. Весьма показательным для этого процесса является банкротство корпоративного гиганта «General Motors», а также плачевного финансового состояния крупнейшего индустриального центра, автомобильной столицы Соединенных Штатов, выступавшего символом их промышленной мощи – Детройта. Гегемония США в период неолиберального МКП основывалась на их военной мощи и на контроле над мировой резервной валютой –

долларом США. Последнее обстоятельство позволяет им поддерживать дефицит платежного баланса и финансировать свой огромный долг. Ухудшение позиций американского капитализма подрывает способность США удерживать свое финансовое доминирование. Все сильнее обозначается тенденция к образованию в мировой экономике протекционистских блоков закрытых валютных зон и перевод межгосударственной торговли на расчеты в национальных валютах.

С другой стороны обозначился кризис военно-политического аспекта гегемонии США. Политика строительства Американской империи, как показывает неудачи США в Ираке и Афганистане, а также противостояние США с лево-радикальными режимами Латинской Америки терпит провал. При этом отсутствуют признаки того, что США собираются отказаться от реализации глобально-имперского проекта, о чем свидетельствует агрессия НАТО против Ливии, а также спонсирование США салафитско-ваххабитского наступления против Сирии. Тем не менее, как показывает убийство посла США в Бенгази, терпит провал вся американская стратегия переформатирования «Большого Ближнего Востока» посредством использования международных салафитско-ваххабитских структур. «Перенапряжение сил» свидетельствует о фундаментальном разрыве между целями американского империализма и недостаточности для их достижения военного потенциала, находящегося в его распоряжении. Кризис неолиберального МКП в данном случае проявляется в том, что американоцентристская геополитическая система трансформируется в полицентрическую. Учитывая ситуацию экономической депрессии, это означает, что нас ожидает весьма конвульсивный период исторического развития.

Таким образом, можно говорить, используя термин А.Грамши, об органическом кризисе неолиберального МКП. Это – кризис, охватывающий основные политико-экономические и идеологические структуры данного порядка. Одновременно, он предполагает глубокую перестройку господствующих институтов и идейных систем. Органический кризис неолиберального МКП означает начало нового периода истории, содержанием которого будет процесс слома в ходе острой социально-политической борьбы старых экономических, политических, идеологических структур и способов мышления и выбор обществом нового пути развития. Органический кризис неолиберального капиталистического порядка взаимодействует с долгосрочными кризисными тенденциями капитализма, ведущими к резкому сокращению социальных, экономических и экологических резервов экспансии капитализма. Долгосрочные кризисы будут сильно затруднять действие обычных механизмов вывода капитализма из экономической депрессии. Наложение долгосрочных и среднесрочных кризисных тенденций исторического капитализма делает его нынешнюю фазу развития потенциально наиболее опасной фазой в истории человеческой цивилизации вообще.

Литература:

1. Wade R. The First-World Debt Crisis of 2007-2010 in Global Perspective/ R.Wade.// Challenge. – 2008. – Vol. 51. – № 4. – P.23-54.
2. Magdoff F. The Explosion of Debt and Speculation / F.Magdoff //Monthly Review. – 2006. – November. – P. 1-23.
3. Beinstein J. The Collapse of the Center of the World. [Электронный ресурс] / J.Beinstein. – Режим доступа: http://www.observatoriocrisis.org/readarticle_EN.php?article_id=43 (2009 a).
4. Brooks M. The Economic Crisis and the Poor Countries. [Электронный ресурс] / M. Brooks. – Режим доступа: – <http://www.marxist.com/economic-crisis-and-poor-countries.htm>. (2009).
5. Beinstein J. Seven Faces of the Crisis. [Электронный ресурс] / J.Beinstein. – Режим доступа: http://www.observatoriocrisis.org/readarticle_EN.php?article_id=56 (2009 b).
6. Bank for International Settlements. OTC Derivatives Market Activity in the first half of 2008. [Электронный ресурс] / Bank for International Settlements. - Режим доступа: <http://www.bis.org/press/p081113.htm9>. (2008)
7. Harvey D. New Imperialism / D.Harvey. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 253 p.

Смирнова Розалия Андреевна, доктор философских наук, доцент, заведующая отделом социологии регионального развития, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Смирнов Виктор Эдуардович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПАРАДОКСЫ

Многозначность понятия модернизации зачастую совершает злую шутку с теми, кто его использует. С одной стороны она создает впечатление научности и системности рассуждений, с другой, благодаря расплывчатости модернизационного дискурса, позволяет с легкостью уходить от решения сложных, зачастую угрожающих современности, проблем. Понятийная многозначность выражается в разных вариациях, во-первых, в существовании классических представлений о модернизации как переходе из традиционного общества в общество современное с его урбанизацией, индивидуализацией, демократизацией и т.п. Во-вторых, в понимании модернизации как историческом процессе, комплексе явлений, которые демонстрировала западноевропейская цивилизация, начиная с XVI века. В-третьих, в трактовке модернизации как простой технико-технологической реконструкции производственного комплекса и активного внедрения новых организационно-управленческих технологий. На наш взгляд, подобная многозначность не так невинна, как кажется. Одним из главных аргументов в пользу данного заявления является незаметный, но постоянный сдвиг существенной части дискурса из научной сферы в идеологическую, что идет во вред верифицируемости и фальсифицируемости модернизационного дискурса в целом. Постараемся пояснить свою мысль.

Понятие модернизации в своем строгом значении исходит из теории модернизации, созданной в стенах американской университетской науки 50-70-х годов XX века специалистами по исследованию стран «третьего мира» (С. Липсет, Д. Энтер, С. Хантингтон, Ф. Риггс и др.) на базе идей Т. Парсонса, Р. Мертон, К. Поппера. Эта теория была быстро подхвачена американскими государственно-политическими элитами как теоретическое обоснование американской внешней политики. Суть ее состоит в том, что традиционные общества должны преодолевать свою отсталость, превращаясь в общества современные, т.е. обладающие рядом качеств, присущих образцам современного общества – странам Запада. Такие преодоления и превращения совершаются путем заимствования готовых образцов, а объем и качество заимствования обеспечивают либо просто модернизацию, либо модернизацию в форме вестернизации. Отличие между двумя последними понятиями довольно смутно, и, как правило, сводится к сохранению или отказу от национально-политической независимости модернизируемого общества. Такой подход был раскритикован еще в 80-х годах XX века. Основанием для критики стал опыт многочисленных реальных модернизационных программ, большинство из которых в процессе осуществления не достигли своих целей, а обернулись обострением кризисных явлений в модернизируемых обществах, усилением эксплуатации со стороны западных стран. Теорию модернизации небезосновательно обвиняли в том, что она превратилась в служанку идеологии, сделалась прямым обоснованием официальной политики доминирующих стран, тогда как эта политика во все большей степени рассматривалась в контексте обвинений в неокOLONIALИЗМЕ.

Нужно сказать, что эта критика по существу так и не была преодолена, мало того она не смогла противостоять новым модификациям теорий модернизации в форме пост- и неомодернизации. Их возрождение было связано с двумя группами факторов. Во-первых, в рамках глобалистской парадигмы прежние основания критики попросту потеряли смысл. Суть в том, что глобалистский дискурс исключил из общественного диалога язык, на котором и была ранее осуществлена критика теорий модернизации. Во-вторых, в

возрождении модернизационных идей громадную роль сыграл крах СССР и советского блока. В годы становления теории модернизации ее объектами были страны так называемого «третьего мира», т.е. слаборазвитые страны Азии, Африки, Латинской Америки. Понятно, что по отношению к СССР, на ту эпоху сверхдержаве с развитой промышленностью, наукой, высокой культурой, применять термин «модернизация» никому в голову не приходило. Рассуждали скорее о конвергенции, «наведении мостов» и т.п., но не о модернизации (хотя следует заметить, что и теории конвергенции сегодня часто рассматривают как разновидность модернизационных теорий, что не очень понятно). Советское общество переживало себя как самое современное, самое передовое общество, и в этом смысле в модернизации не нуждалось. Ситуация изменилась с крахом советского государства, в результате чего приемлемым стало рассуждать о модернизации постсоветских обществ. Весь опыт советского развития подвергся тотальному отрицанию, и единственным легитимным направлением социальных изменений было признано движение в сторону заимствования западных образцов. Любые издержки подобной «модернизации» игнорировались под лозунгами «так жить нельзя» с одной стороны, и «*Vae victis*» (горе побежденным), с другой. Способы подобной трансформации (ее необходимость и возможность до последнего времени даже не обсуждалась) и выразились в новых теориях модернизации.

С точки зрения модернизирующихся обществ вышеописанные подходы основываются на специфическом переживании ими современности. Современность переживается как существующая где то вне их, а модернизация предполагает освоение и присвоение этой современности. В этом смысле чрезмерным расширением понятия и неточностью является представление о модернизации самого Запада в Новое время. Ведь совершенно очевидно, что Европа Нового времени ни за кем не гналась и никого не догоняла; она просто существовала развиваясь. Так что уже здесь встает вопрос, не является ли такое определение модернизации чрезмерным расширением понятия?

В свою очередь, если современность переживается как существующая где то во вне, свое национальное общественное бытие представляется несовременным, отсталым и в этом смысле неправильным. Таким образом, ощущение необходимости модернизации начинается с кризиса идентичности. Проблема состоит в том, что сам язык модернизации проблематизирует идентичность обществ, коим эта модернизация предлагается, если не сказать, навязывается. Принять по отношению к себе модернизационный язык, значит принять всю систему значений и понятий этого дискурса, включающего и собственную априорную отсталость, и конкретные «адреса» современности, и представления о человеке, свободе, справедливости, выраженные на языке «современности» - языке западного индивидуализма. Таким образом, модернизационный дискурс сегодня есть не что иное, как инструмент доминирования и господства, и в этом смысле современность западного мира есть не столько современность для себя, сколько современность во вне, для других. Однако насколько обоснованы такие претензии, когда сама «современность» находится в глубочайшем кризисе? Своеобразие нашей эпохи заключается в том, что западный мир, в рамках модернизационного дискурса, утверждающий себя эталоном современности, впал в глубокий кризис, имеющий далеко не только экономическое измерение.

О том, к чему ведет неоднозначность модернизационного дискурса можно продемонстрировать даже на примере его употребления в плане такого простого и понятного понятия, как технологическая (инструментальная) модернизация, представление о том, что модернизация может быть сведена к модернизации промышленных предприятий и конкретным социальным инновациям. Что самое интересное, было бы ошибкой предполагать, что даже в этом случае можно избежать влияния модернизационного дискурса на понимание процессов, происходящих в конкретной стране. Например, в литературе можно встретить суждения о недостаточной модернизационной активности руководителей предприятий в Беларуси. Как правило,

такие обвинения можно услышать из уст социологов и политиков, и редко, от экономистов, в среде которых говорят скорее о чрезмерной и чересчур затратной модернизации предприятий в Беларуси. Дело в том, что модернизация того или иного предприятия с экономической точки зрения есть вопрос вовсе не идеологический, не вопрос желания или нежелания администрации промышленных производств, а всего лишь вопрос сбыта и окупаемости вложений. Подмена понятия технологической реконструкции, обусловленной экономическими потребностями, понятием модернизации (читай, в рамках модернизационного дискурса) нередко приводит к необоснованным вложениям в «модернизацию» предприятий, для продукции которых недостаточно платежеспособного спроса. Именно модернизационный дискурс переводит вопросы необходимости реконструкции предприятий и обновления основных средств производства из сферы простой экономической целесообразности в сферу идеологических представлений, точно так же, как зачастую вопросы желания или нежелания граждан принимать определенные реформы (образования, страхования, системы ЖКХ и др.) трактуются в идеологических терминах их «недостаточной инновационной активности».

Есть еще один важный вопрос, относящийся к связке понятий модернизация и глобализация. Он связан с тем, что господствующие глобалистские представления вовсе не так лояльны к идеям модернизации, как это может показаться на первый взгляд. В рамках представлений о глобализации мировое промышленное производство должно все более специализироваться в процессе углубления разделения труда между странами, что позволит опираться производству на максимально возможные рынки сбыта. Например, нет смысла нескольким странам одновременно производить и автомобили, и самолеты, и компьютеры. Каждому производителю придется делить рынки сбыта с производителями подобной продукции из других государств. А ведь именно рынки и, соответственно, объемы сбыта определяют, какие средства можно вкладывать в НИОКР, в реконструкцию и развитие производства. Соответственно, куда более эффективно было бы, если бы, условно говоря, в одной стране делали самолеты – для всех, в другой автомобили, а в третьей, компьютеры. Соответственно, вовсе не весь производственный комплекс в национальных рамках имеет смысл развивать и модернизировать, а только те производства, которые определены для той или иной страны в системе международного разделения труда.

Однако нужно сказать, что подобные представления во многом опровергнуты самой жизнью. Мирового правительства, которое имело бы средства и силы вышеописанным способом организовать мировое производство не существует и в обозримом будущем не предвидится. А ведь у национальных правительств есть цели, выходящие за рамки простой экономической эффективности хозяйствующих субъектов, например, нужно как-то занимать работоспособное население, которое одновременно является и электоратом. Кроме того, места в международном разделении труда далеко не равны по своей «выгодности» для национальных государств. Чем более высокая стадия передела в разделении труда, тем более технологично производство и тем выше добавленная стоимость, выше доход от этого производства, а в стоимости продукции составляющая оплаты труда наоборот, существенно ниже, что позволяет платить работникам куда больше. Можно привести пример с производством всем известных iPhone и iPad, которые в основном производятся в Китае предприятиями группы Foxconn по заказу Apple. Оборот компаний Foxconn и Apple примерно равен, у последней даже несколько ниже, в области 60-70 млрд. долл. В то время как прибыль различается на порядок; у Foxconn, платящей налоги в Китае – 3 млрд., а Apple почти 30 млрд. Еще более высоко отличие в заработных платах работников Foxconn и Apple. Вследствие такого положения вещей между странами ведется непрекращающаяся борьба за лучшие позиции в системе международного разделения труда, и инструментами такой борьбы являются в том числе и протекционистские меры, валютные войны, псевдоэкологические и псевдосанитарные запреты и т.д. Так что представления о гармоничных отношениях в

системе международного разделения труда сделались не более чем идеологическим инструментом стран-выгодополучателей этой системы.

Вышеописанные коллизии демонстрируют нам неоднозначность вероятных стратегий даже инструментальной модернизации, где необходимо пройти между Сциллой и Харибдой финансово- необоснованной реконструкции экономики, с одной стороны, и технологического отставания, с другой. Из этого можно сделать вывод, что понятие модернизации требует дальнейшей экспликации, четкого различения его научного и идеологического употребления, а модернизационный дискурс – категориальной наполненности и границ применения.

Подгайская Людмила Ивановна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

СПЕЦИФИКА МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПУТИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ИНЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ СЦЕНАРИЕВ

Модернизированное общество имеет комплекс взаимосвязанных черт, которые часто рассматриваются как отдельные процессы экономической, социальной, политической и культурной модернизации. Экономическая модернизация предусматривает интенсификацию процесса экономического производства, которая достигается благодаря росту дифференциации труда, энергетического оборудования производства, приращения науки в производственную (экономическую) силу и развитие рационального управления производством. Социальная модернизация предполагает формирование открытого общества с динамичной социальной системой, общества, которое развивается на основе рыночных отношений, правовой системы, регулирующей отношения собственников, и демократической системы. Политическая модернизация предполагает создание определенных политических институтов, которые должны способствовать участию населения во властных структурах и влиянию народных масс на принятие конкретных решений.

Для Беларуси важен опыт успешной модернизации соседних стран. Это недавние быстрые и масштабные преобразования в странах Восточной Европы: Польше, Чехии, Венгрии, Словакии, Словении, Хорватии. Но среди них, наверное, самым ярким является польский пример, так как именно из Польши к нам пришел термин «шокотерапия». Польская экономическая реформа 1990-х гг. является одним из наиболее удивительных явлений в мировой истории 20 века. Долгое время Польша не имела ни развитого бизнеса, ни предпринимательской культуры, ни эффективно работающей государственной администрации. Вместо этого польское общество многие десятилетия боролось за независимость и национальную целостность. А борьба не располагает к экономическому процветанию. Практически ни разу с момента восстановления независимости и до середины 1990-х гг. Польша не вызывала в мире серьезного интереса к своей экономике. Но с конца 1980-х гг. до середины 1990-х гг. с помощью трех важных взаимосвязанных компонентов Польша совершила огромный экономический прорыв. Во-первых, страна быстро перешла от социализма к капитализму, в частности, добилась политической, финансовой и законодательной стабильности. Во-вторых, Польша не просто создала рыночную экономику, но создала экономику настолько эффективную, что темпы роста ее ВВП после осуществления комплекса реформ стали одними из наиболее высоких в Европе. Страна добилась того, что трансформационный спад был полностью преодолен и докризисный ВВП существенным образом превышен. И это при том, что Польша никогда не была на хорошем экономическом счету даже по восточноевропейским меркам. В-третьих, Польша достигла этих результатов без подавления недовольных из числа тех, кто

понес с переходом к рынку существенные материальные и моральные потери. Более того, даже приход на смену правому правительству левой администрации не внес существенных перемен в экономическое развитие страны. Можно сказать, что главным двигателем всех преобразований в Польше стала демократизация общества. Она прокладывала дорогу преобразованиям в экономике и социальной сфере. И этот польский опыт, безусловно, заслуживает внимания. Но невозможно слепо скопировать чужой сценарий модернизации, даже если он является самым лучшим. Потому что наша страна изначально отказалась испытывать людей «шокотерапией», поддерживая социально незащищенные слои. И сегодня мы видим, как за годы становления суверенного государства Республики Беларусь вырос уровень благосостояния народа. Если в 1994 году средняя зарплата в стране составляла всего несколько десятков долларов, а пенсия была вдвое меньше, то к концу 2013 года планируется поднять средний заработок до 600 долларов, пенсии также соответственно вырастут, т.е. невозможно даже сравнивать современные доходы людей с тем, что было в прошлом. Белорусы сегодня имеют возможность выезжать на отдых за границу, магазины заполнены товарами – страна развивается. Но модернизация Беларуси необходима также, как и нашим соседям. И мы видим, что все последние решения, принятые Президентом Беларуси, создают условия, которые позволяют модернизироваться экономике в целом. Они являются инновационными, потому что изменяют условия стимулирования хозяйствующих субъектов со стороны государства. В основе последних документов находится повышение эффективности предприятий на базе конкурентности, приоритетных отраслей, на базе достижения результата. Например, таким является декрет №6, который создает условия для развития сельской местности и малых городов. Также это и указ № 231, который формирует условия конкретно для стимулирования предприятий при осуществлении инвестиционного проекта с критерием – достижение определенной добавленной стоимости. Это и 253-й указ, который касается Китайско-белорусского парка, и является новым для Беларуси направлением бизнес-процессов в привлечении внешних инвестиций. Сюда же можно отнести и указ № 357 об инновационных фондах, где впервые четко определены критерии того, что для нашей страны является инновацией, а также соответствующие условия, позволяющие предприятию получить какие-то стимулы для своего развития и воплощения инвестиционной идеи в жизнь. Все это создает модернизированные условия развития экономики страны, а соответственно, и социального прогресса.

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, г. Минск

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Под модернизацией понимаются процессы трансформации общества под влиянием внутренних и внешних факторов деятельности человечества. Фактически речь идет о его осовременивании, способности самостоятельно генерировать творческие практики, формировать модели современного государства, в которых акцентируются экономические, социологические, политические, культурологические, исторические возможности нации в начале XXI столетия соответствовать внутренним потребностям и внешним тенденциям глобализации социальной жизни. Все эти особенности формируют предметное поле социальных наук в рамках теории модернизации общества. Каждая из наук определила свое дисциплинарное поле, в пределах которого она пытается

синтезировать многогранную социальную жизнь. При этом очевидны предметные акценты в формировании теории модернизации. Так, в политических науках важную роль играют аспекты противостояния глобализму. В экономических науках речь идет об адаптации современных обществ к рыночным условиям деятельности, транснациональному пространству коммуникации. В социологии системные акценты модернизации проецируются на комплексные характеристики социальной сферы, в пределах которой идет поиск ресурсов общества, анализируется возможность сбалансированной политики на стыке экономических ресурсов общества и уже сформированных предыдущими модернизациями социальных стандартов жизни. Исторические науки рассматривают модернизацию в контексте длительной эволюции государства, начиная с древнейших времен.

При исследовании модернизации важную роль играет соотношение глобального и локального содержания в динамике общества. Мы придерживаемся позиции, в рамках которой глобальные особенности трактуются как динамика партикулярных структур. В данном контексте идентичность и культурный детерминизм локальной системы деятельности играют определяющую роль в конституировании многообразия трансформационных практик, генерируемых современными национальными государствами, региональными объединениями. Эта методология имеет основания в позиции Н. Данилевского, Н. Бердяева, О. Шпенглера, М. Вебера, Р. Робертсона, А. Хаттингтона. Она проецируется на различные сферы общественной жизни, в том числе экономическую сферу. Так, методология партикулярных структур активно используется при решении национальных задач экономического роста. Уже стали историческими государственные программы выхода из великой депрессии США, послевоенной депрессии ФРГ, послевоенной модернизации Японии, Южной Кореи. После культурной революции КНР инициировала программу трех модернизаций, об успехе которой до сих пор говорят аналитики. После распада СССР с задачей модернизации экономик столкнулись постсоветские государства. Каждое из них спустя десятки лет оказалось перед фактом того, что имеет дело со специфической моделью рыночной экономики. В одних из этих моделей акцент был сделан на трансформацию форм собственности, деиндустриализацию. В других моделях приоритет был отдан технологической модернизации промышленности, аграрного сектора, коммуникаций с целью наращивания ресурсов валютных поступлений за счет человеческого капитала, инновационной деятельности. В результате у социальных наук возникло новое предметное поле исследований в виде трансформирующегося постсоветского экономического пространства. Институциональные процессы сделали востребованной тематику динамики партикулярных структур в контексте сопряжения усилий для обеспечения национальной и региональной самодостаточности. В гуманитарной и военной сферах деятельности евразийского регионального пространства больше согласованных аспектов, поскольку основу их формирует идентичность. В экономике каждая из партикулярных структур опирается на сформировавшуюся локальную инфраструктуру и практику экономической деятельности. Эти пространственные конфигурации на концептуальном уровне обозначаются как конкретные модели развития национальных экономик, основу которых формируют интересы народа. Именно на такой основе интересов народа создавалась модель развития белорусского общества и государства. Похожая ситуация наблюдается в Казахстане, где важная роль отводится модели индустриализации экономики. В России, обладающей статусом великой державы, вопросы модернизации экономики непосредственно связываются с обеспечением этого статуса на высокотехнологическом уровне экономической деятельности. Отсюда такое внимание к кластерной методологии, кампусам. Даже поверхностный анализ показывает, что эти модели экономической деятельности дополняют друг друга, создают разделение труда, в границах которого может реализоваться потенциал постсоветских национальных экономик. Разность создает тождество экономических интересов и на этой основе подчеркивает эффективность

методологии партикулярных структур и, в частности, эффективность модели развития белорусского государства на уровне технологической политики активной модернизации промышленности, аграрного сектора, коммуникаций. Этот факт лишний раз подчеркивает важность видения глобальной динамики через локальные особенности и собственный исторический опыт. Беларуси такой опыт позволил создать защитные механизмы от ситуаций глобальных кризисных потрясений. Речь идет о модернизации агропромышленного комплекса, в результате вышедшего на валютные рынки за счет товаров с высокой добавленной стоимостью. Важную роль в данном случае играет созданная возобновляемая сырьевая база сельского хозяйства.

В условиях высокой конкуренции на мировых рынках все большую роль играет экономическая этика и креативная компонента в деятельности менеджеров, маркетологов, специалистов в области логистики. Востребованность экономической этики продемонстрировали события, связанные с подрывом рынка мировых калийных удобрений, организованного в спекулятивных эгоистических целях отдельным олигархом и его командой. Этот факт свидетельствует о том, что принципы экономической этики должны формировать основу модернизации постсоветских экономик. В Беларуси этому параметру деятельности коммерческих структур уделяется ключевое значение. Данное требование проистекает из рассмотрения современной рыночной экономики как кумулятивной системы, в которой аккумулирован труд многих поколений людей. Преимущество социальной деятельности придает модернизации трансформационный характер и содержание. Актуальность сохраняет и этика программной инженерии, посредством которой функционирует пространство электронной экономики. Если учесть связь экономической деятельности с социальными аспектами коммуникации, то очевидной становится этическая и правовая проблематика относящаяся к области манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. В данном случае модернизация актуализировала новое пространство технократической и гуманитарной деятельности.

Креативность ассоциируется нами с культурой системотехнического решения институциональных задач. Долгие годы такой уровень организационной культуры демонстрировало только государство, которое на основе административных механизмов воздействия стимулировало управленческую деятельность менеджеров. При этом на уровне предприятий творческие критерии оценки труда применялись к исполнителям технологических процессов. Сами менеджеры оставались в узком пространстве технократических методик и трактовали себя как часть управленческой элиты административного типа. В новых же условиях модернизации речь идет о способности менеджеров оперативно решать задачи производства и реализации продукции в рыночных, коммерческих условиях деятельности. Основным результатом креативных решений являются валютные поступления, востребованный товар на мировых рынках, долгосрочные заказы с гарантиями оплаты. Как только эти мировоззренческие представления трансформирующей общество и экономику модернизации станут содержанием конкретной деятельности, промышленность и аграрный сектор станут функционировать в режиме реальной отдачи многолетней поддержке государства, связанной с обновлением целых отраслей производства.

Креативность предполагает наличие человеческого капитала модернизации. Этот ресурс создается системой высшего образования, опытом практической деятельности в реальном секторе экономики, аналитических структурах. Важную роль в условиях новейших практик модернизации производств на основе кластерных решений играет инженерно-экономическая направленность подготовки менеджеров. Новый образ социальных наук находится в междисциплинарной области. Он имеет интегративную основу.

Беляева Елена Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет, г. Минск

ЭТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Нравственные процессы в Республике Беларусь происходят в условиях социальной трансформации, направленной на укрепление суверенного национального государства, что характеризует ее как классический «проект модерна». В то же время наша страна вовлечена в процессы глобализации, реакция на которые происходит и в области нравственности. Управление такого рода социальными процессами требует этического сопровождения, модернизация общества предполагает и модернизацию его нравственных установок. Между тем в идеологии белорусского государства декларируется приверженность исключительно к традиционным нравственным ценностям, и вопрос о том, как они должны сочетаться с инновационными процессами в экономике и социально-политической сфере, не ставится. Поэтому этический анализ соотношения и взаимосвязи традиционных и современных нравственных установок в системе нравственности белорусского общества представляется весьма актуальным.

К традиционным нравственным установкам относится почитание старших, солидарность поколений, общность их ценностных ориентаций. Если исследования 1990-х годов показывали высокую степень конфликтности между поколениями [1, с. 94], то по мере социальной стабилизации молодые люди все чаще характеризовали отношения с родителями как партнерские [2, с. 93]. Матрица нравственных представлений нашего общества по-прежнему задается старшими поколениями. В вопросе о преемственности ценностей белорусское общество, в общем и целом, сохраняет традиционные ориентации.

Функционирование принципа коллективизма в белорусском обществе обусловлено сохранением элементов традиционного способа моральной регуляции. Невзирая на волны модернизации, а, возможно, и как реакция на них, в белорусском социуме воспроизводятся сообщества общинного типа. Как показывают социологические данные, наше общество тяготеет к восстановлению общинных структур во всех сферах социальной жизни [3, с. 33]. Наши соотечественники понимают коллективизм в духе «грамады» [4, с. 129], когда главной ценностью выступает не универсальный закон морали (общество модерна) и не согласование интересов (общество постмодерна), а теплые межличностные отношения с ближайшим окружением. И те, кто декларирует свой индивидуализм, являют собой тип индивидуалиста-конформиста [5, с. 70]. Индивидуалист такого типа не противопоставляет себя обществу: «достижение личной свободы и независимости современными белорусами предполагается не через преодоление влияния коллектива..., а посредством коллектива» [6, с. 188].

Идея патриотизма также интерпретируется в общественном сознании по преимуществу в традиционном ключе, в ней акцентируется не национальный или государственный, а территориальный аспект. Белорусская идентичность имеет слабую гражданскую и этническую привязку; базовым интегрирующим фактором для белорусов оказывается общая территория и совместное проживание [7, с. 8–14], традиционные локальные типы идентичности остаются доминирующими. Поэтому укрепление патриотизма, обращенного к Республике Беларусь как национальному государству, остается актуальной задачей социальной модернизации.

Традиционной особенностью белорусского национального менталитета, которая исторически обусловлена пограничным положением страны между Западом и Востоком, католицизмом и православием, является толерантность [4, с. 131–132]. Толерантность белорусов проистекает из таких качеств как «памяркоўнасць» (рассудительность) и «цярплівасць» (терпение). Даже тогда, когда некие поступки другого человека они считают плохими, они мирятся с этим, так как значимость классических «добра» и «зла»

отступает перед таким благом как мирное сосуществование с окружающими [2, с. 100–101]. В целом две трети современных белорусов считают толерантность чертой реального белорусского менталитета [6, с. 157].

Результаты реализации проекта «Исследование европейских ценностей» в Беларуси свидетельствуют: «тезис об устойчивости базовых ценностей и их высоком иммунитете к серьезным потрясениям можно считать правильным» [8, с. 19]. Таким образом, в белорусском обществе базой для модернизации оказываются традиционные ценности, содержащие потенциал трансформации для решения актуальных задач.

В то же время общество осознает потребность в освоении нравственных ценностей модерна или, во всяком случае, потребность в нравственных представлениях, способных легитимировать социальные изменения современности. При сравнении ментального автопортрета современного белоруса с его идеальным портретом было выявлено, что именно качеств модерна (точности, обязательности, законопослушности, соревновательности и предприимчивости) недостает нашим гражданам, в то время как созерцательности и стремления к медленным переменам (ментальных характеристик человека традиционного общества) – явно в избытке [6, с. 160]. При размышлении о том, какие качества они хотели бы воспитать в своих детях, современные родители отдали предпочтение воспитанности, решительности и бережливости, но отвергли воображение, бескорыстие и религиозность. Общество хочет воспитать в подрастающем поколении нравственные ценности модерна, при этом само молодое поколение, в принципе, также ориентировано на них. Ценностный дискурс модерна выражен у 43% белорусских студентов [9, с. 92].

Наблюдается определенная диспропорция между осознанием необходимости освоения ценностей модерна и сложившимися ментальными характеристиками общества. Модерные представления относятся к ценностному резерву морального сознания белорусов, но именно в нем за последние десятилетия произошли наиболее существенные сдвиги [3, с. 44]. После непродолжительных попыток импортировать эти ценности в чистом виде в системе нравственности белорусского общества произошла актуализация автохтонных традиционных концептов, выполняющих аналогичные функции.

В поисках собственного «проекта современности» Беларусь обращается к своему культурному наследию, стремясь обнаружить в нем такое содержание, которое позволило бы самостоятельно осмыслить происходящие изменения. Успешность модернизации зависит от того, как традиционные культуры смогут осуществить «модернизацию на основе собственной традиционной идентичности» [10, с. 24]. Место Беларуси в глобальном мире будет определяться способностью транслировать свою нравственную аутентичность в условиях открытой коммуникации с другими системами нравственности.

Литература:

1. Данилов, А.Н. Молодежь кризисных лет : иллюзии и новые надежды / А.Н. Данилов. – Минск : Харвест, 1999. – 319 с.
2. Яковук, Т.И. Динамика ценностных ориентаций белорусской молодежи периода системной трансформации общества / Т.И. Яковук. – Брест : Изд-во БГТУ, 2003. – 234 с.
3. Титаренко, Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л.Г. Титаренко. – Минск : Изд-во РИВШ, 2006. – 144 с.
4. Бабосов, Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М. Бабосов. – Минск : Право и экономика, 2005. – 229.
5. Студенческая молодежь Беларуси в мире современной культуры / С.В. Лапина [и др.]. – Брест, 2004. – 96 с.
6. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель : Изд-во ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 321 с.
7. Специфика гражданского и этнического самосознания представителей трех поколений / Л.И. Науменко и др. – Минск : Белорус. наука, 2005. – 28 с.
8. Данилов, А.Н., Ротман, Д.Г. Современное белорусское общество: динамика перемен и эволюция ценностей // Ценностный мир современного человека : Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булынка, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск, 2009. – С. 5–19.

9. Кислова, О.Н. Ценностный мир постсоветского студенчества: результаты применения методов интеллектуального анализа данных / О.Н. Кислова, Л.Г. Сокурская // Социология. – 2008. – № 3. – С. 88–100.
10. Федотова, В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В.Г. Федотова // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.

Барановский Николай Александрович, доктор социологических наук, заведующий отделом политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

В настоящее время в стране, несмотря на некоторую позитивную динамику, сохраняется высокий уровень коррупционной и другой преступности. Согласно международным исследованиям Беларусь по уровню коррумпированности занимает примерно 38 место из 102 стран, то есть по распространенности коррупции Беларусь имеет показатель значительно выше среднего мирового уровня. Коррупция широко распространена во всех сферах общественной жизни и коррупционную преступность продолжает оставаться серьезной социально-правовой проблемой. Такой вывод вытекает из данных уголовной статистики. По статистическим данным в 2012 году было зарегистрировано 1779 коррупционных преступлений. Привлечено к уголовной ответственности 1151 человек, в том числе 32 представителя власти, 364 – занимающих должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, 7 – ответственное положение. При этом в 2012 году зарегистрированная коррупционная преступность по сравнению с 2011 годом уменьшилась на 26%. Больше всего коррупционных преступлений выявлено в Витебской, Гомельской и Минской областях, а также в г. Минске. Наиболее коррумпированными являются промышленность, образование, государственное управление, строительство, торговля, сельское хозяйство, здравоохранение, транспорт. Среди коррупционных преступлений преобладают хищения путем злоупотребления служебными полномочиями и получение взяток.

Располагая данной статистической информацией, не следует забывать, что она свидетельствует в большей степени не о реальной коррупционной ситуации в стране, а в значительной степени об активности или пассивности правоохранительных органов по выявлению и пресечению коррупционных преступлений. Статистика не учитывает масштабы латентной коррупционной преступности. Именно поэтому данные уголовной статистики должны обязательно дополняться и корректироваться результатами социологических опросов населения и экспертов.

Институт социологии НАН Беларуси в ноябре-декабре 2012 года провел республиканский социологический опрос населения. Анализ данных исследований показывает, что имеет место некоторая позитивная динамика в борьбе с коррупцией. Так, если в 2005 году 68% респондентов с тревогой отмечали распространение коррупции в стране, то в 2008 году 51%, а в 2012 году – 50%. По данным опроса 2012 года, наиболее коррумпированными структурами в стране являются: учреждения здравоохранения (50,0%); местные органы власти и управления (41,5%); милиция (39,9%); учреждения образования (39,1%); администрация предприятий и учреждений (38,9%); таможенная служба (34,5%); суды (32,5%); организации торговли и бытового обслуживания (29,3%); армия и военные учреждения (28,9%); налоговая инспекция (27,4%); прокуратура (26,8%); органы государственного контроля (21,4%); банки (19,5%); учреждения социальной защиты (19,1%); общественные организации и фонды (17,0%). По результатам опроса в течение последнего года 10% респондентов приходилось делать незаконное вознаграждение работникам органов власти и управления. Чаще всего это были вынуждены делать предприниматели (22%), домохозяйки (19,4%), служащие и

специалисты непроизводственной сферы (13,6%) и руководители среднего (15,5%) и высшего звена (13,4%). В наибольшей степени коррумпированы руководители высшего звена (35,0%), менее – руководители среднего уровня (17%), еще менее - руководители низшего уровня (10%) и рядовые работники (5,0%).

К сожалению, граждане в ситуации вымогательства денег, имущества, услуг со стороны работников органов власти и управления редко обращаются за помощью в органы милиции или вышестоящие государственные структуры. В качестве основных причин своей пассивности они называют бесполезность такого рода жалоб (11%), боязнь ухудшить ситуацию (7%), большая хлопотливость этого дела (6%), недоказуемость коррупционных действий (5%), незнание куда обращаться (5%), что «благодарность» стала своего рода «традицией» (4%). При этом только в половине случаев обращения с жалобами на незаконные действия должностных лиц граждане были удовлетворены результатами разбирательства, что, свидетельствует о неудовлетворительном качестве и низкой эффективности работы органов государственного управления. По мнению 38% опрошенных в настоящее время в стране борьба с коррупцией осуществляется не эффективно (только 6% респондентов полагает, что она осуществляется вполне эффективно, а еще 24,0% - «скорее эффективно, чем нет»).

Главными причинами, порождающими коррупцию, по данным опроса, являются: желание людей обогатиться любым способом, в том числе и противозаконным (49%) и безнаказанность многих коррупционеров (47%). Важные причины: отсутствие эффективного контроля за деятельностью чиновников (30%), распространенность мнения, что «коррупция всегда была, есть и будет» (27%), высокий уровень расслоения общества на богатых и бедных (25,0%), недостаточная активность граждан в борьбе с коррупцией (24%). Менее важные причины: неудовлетворительная работа правоохранительных органов по борьбе с коррупцией (15%), непрофессионализм, бюрократизм и безответственность чиновников (15%), несовершенство законодательства (15%).

Основными направлениями государственной антикоррупционной политики, по мнению граждан, являются: усиление ответственности за коррупционные правонарушения (56%), усиление общественного контроля за деятельностью работников государственного аппарата (39%), повышение качества и эффективности работы органов власти и управления (33%), широкое освещение в СМИ проблемы борьбы с коррупцией (30%), усиление координации действий правоохранительных органов и других организаций (27%), поощрение граждан, предоставляющих информацию о фактах коррупции (21%). Таким образом, в качестве основных социальных факторов коррупции выступают диспропорции в динамике экономических преобразований и формировании институциональной государственно-политической, организационно-управленческой, правовой и нравственной среды. Значимым фактором распространенности коррупции является массовая социокультурная аномия с доминированием в общественном и групповом сознании ценностных ориентаций на материальное благополучие, власть, культ денег и материальное потребление, устойчивость в общественном сознании, нравственно порочного мнения, что коррупция в значительной степени допустимое и оправданное явление.

Приоритетные направления государственной антикоррупционной политики:

- 1) повышение качества и эффективности работы органов власти и управления, развитие «прямой демократии» и «демократии участия», дебюрократизация государственного аппарата (показательно, что по данным социологического опроса 2013 года необходимость реформирования политической системы страны население рассматривает в качестве важнейшего средства повышения благополучия и качества жизни населения, а также предупреждения и борьбы с коррупцией среди чиновников);
- 2) совершенствование законодательства, развитие политической и правовой культуры;
- 3) совершенствование механизмов местного самоуправления и гражданского участия в государственных делах;
- 4) гласность и прозрачность работы государственных служащих, информирование

граждан о работе государственных органов; 5) контроль доходов и расходов государственных служащих; 6) учет общественного мнения и широкое использование средств массовой информации в борьбе с коррупцией; 7) создание в обществе атмосферы всеобщего осуждения всех форм проявления коррупции и протекционизма; 8) уменьшение организационно-управленческих, правовых и других объективных возможностей для коррупции, принятие специальных регламентов и этических кодексов; 9) неотвратимое и эффективное выявление, расследование, а также максимально публичное осуждение и наказание коррупционеров всех уровней власти и управления, включая компенсацию причиненного материального и другого ущерба, профилактику рецидивной коррупционной преступности; 10) активизация деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению коррупции, усиление координации действий правоохранительных органов и других организаций, поощрение граждан, предоставляющих информацию о фактах коррупции, широкая гласность фактов коррупции с раскрытием их экономического, морального, психологического, политического ущерба, наносимого обществу, а также практики неотвратимости мер ответственности коррупционеров всех уровней власти и управления; 11) повышение правовой культуры населения, включая широкую пропаганду правовых знаний.

Веруш Алла Ивановна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики государственного управления Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ: ПОНИМАНИЕ ЯВЛЕНИЯ И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

В современном мире торговля людьми является транснациональным видом преступления, по своему характеру аналогичным международной торговле наркотиками и незаконному обороту оружия. Это хорошо отлаженный транснациональный преступный вид деятельности, приносящий колоссальные доходы трафикерам и занимающий в криминальном мире третье место по прибыльности после торговли оружием и наркотиками. Как сектор теневой экономики, торговля людьми поставленная в большинстве стран вне закона, приносит колоссальные доходы ее владельцам. Именно поэтому продажа и перепродажа людей становится прибыльным занятием для многих преступных групп, вовлеченных в данный бизнес. Торговля людьми является преступлением, как против безопасности человека, так и против безопасности государства. Согласно экспертным оценкам, ежегодно в мире становятся объектом торговли до 4 млн. человек, в том числе до 700 тыс. – женщины и дети. Объектом торговли может стать любой человек независимо от возраста и пола: мужчины – в целях трудовой эксплуатации, женщины – для сексуальной эксплуатации, дети – с целью использования в попрошайничестве, все вместе – для трансплантации органов.

Причинами явления торговли людьми являются гендерное неравенство, экономическое неравенство как внутри государств, так и между ними, коррупция, это также результат неадекватности судебной и правоохранительной систем. Одним из факторов, способствующих процветанию торговли людьми, является спрос на платные сексуальные услуги и дешевую рабочую силу для строительства, обрабатывающего производства, промышленности и т.д. Неблагоприятная ситуация на рынке труда, ограниченные возможности занятости служат благоприятной почвой для торговли людьми. Жертвами эксплуатации зачастую становятся люди, выехавшие на работу за границу самостоятельно или через посредников, не имеющих соответствующей лицензии.

Бедные группы населения наиболее уязвимы для торговцев людьми. В условиях крайней нужды и безысходности люди склонны к рискованным формам социального

поведения. В надежде вырваться из нищеты люди часто сознательно или бессознательно идут на риск и оказываются жертвой обмана и различных манипуляций с целью их эксплуатации, становясь легкой добычей торговцев людьми.

В настоящее время такое явление как торговли людьми продолжает оставаться актуальной как для всего мирового сообщества, так и для Республики Беларусь. Возникновение самого явления торговли людьми в Республике Беларусь относится к середине 90-х годов прошлого века, и связана оно с распадом СССР и вытекающими из этого события последствиями. Способствовали процветанию торговли людьми естественное стремление к достойной жизни. С этого периода белорусы стали выезжать за границу в поисках лучшей жизни и больших денег. Основными формами торговли людьми в Беларуси являются преступления, совершаемые в целях сексуальной или трудовой эксплуатации. Сексуальная эксплуатация является самой распространенной формой торговли людьми. По данным Управления по наркоконтролю и противодействия торговле людьми МВД Республики Беларусь из 4 986 жертв торговли людьми, установленных в 2002–2013 годах, сексуальной эксплуатации подверглось 4 402 человека, трудовой – 581, изъятию органов – 3 [1]. Сегодня Беларусь преимущественно является страной происхождения «живого товара». В целях сексуальной эксплуатации трафикеры переправляют людей, как правило, в страны Евросоюза, на Ближний Восток и в некоторые регионы Российской Федерации (преимущественно, в г. Москву и Московскую область). Основным вектором вывоза белорусских граждан с целью трудовой эксплуатации является Россия. Также зафиксировано несколько случаев трудовой эксплуатации наших граждан в Турции и Польше. С 2006 г. в республике выявляются отдельные единичные факты, когда Беларусь выступает страной назначения. За это время были установлены жертвы торговли людьми из России, Украины и Молдовы. Кроме того, существует внутренняя эксплуатация (когда белорусские граждане эксплуатируются на территории Беларуси). Здесь сексуальная эксплуатация также превалирует над трудовой эксплуатацией. За 10 месяцев 2013 года силами МВД перекрыто 22 канала вывоза людей в 7 стран мира в целях эксплуатации, из них в следующие: Россия – 16 (39 жертв, 2 н/л), Германия - 1 (4 жертвы), Франция - 1 (2 жертвы), Кипр - 1 (2 жертвы), Польша – 1 (1 жертва), ОАЭ - 1 (1 жертва), Турция - 1 (1 жертва) [1]. Следует отметить, что количество преступлений по линии противодействия торговле людьми с 2006 года имеет тенденцию к снижению. И здесь просматривается активная роль Управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Республики Беларусь в борьбе с этим явлением.

Борьба с торговлей людьми как явлением требует всеобъемлющего подхода. Следует также понимать, что торговля людьми представляет собой подвижный и постоянно меняющийся феномен. Очевидно, что только силовыми методами данное явление в Республике Беларусь искоренить невозможно. Бороться необходимо с причинами, приводящие к распространению такого явления, как торговля людьми в Беларуси. Причины в уровне развития государства, в качестве, уровне и образе жизни граждан. Работа должна быть направлена на снижение рисков социально-уязвимых слоев населения нашей страны. Информационно-просветительская деятельность должна быть направлена на ознакомление уязвимых лиц с методами работы торговцев людьми. Очевидно, необходимы меры, способствующие сокращению спроса на дешевую рабочую силу. Необходима периодическая оценка рисков на уязвимых рынках. Следует усилить контроль в секторах и на рынках труда, потенциально способствующих торговле людьми. Однако, важнейшими мерами остаются пресечение и устранение условий, создающих возможность для такого явления как торговли людьми.

Литература:

1. Управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=28993>– Дата доступа: 15.11.2013.

Хамутовская Светлана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

*МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И
СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОЖИДАНИЯ*

В условиях активного становления в Беларуси новой системы общественных отношений, продолжающихся экономических и политических изменений большое значение имеет анализ социальных представлений и ожиданий основных групп населения, которыми во многом определяется отношение людей к белорусской политической системе, деятельности политических институтов, органов государственной власти и должностных лиц, к различным вариантам политической модернизации. При этом известно, что последняя в современных государствах является важным условием адекватного развития социальных систем в целом и политических систем как их части, необходимым для своевременной и эффективной реакции на новые вызовы и угрозы как внутренней, так и внешней среды.

В рамках социологического исследования, проведенного Институтотом социологии Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) в ноябре-декабре 2012 года (во всех областях республики и городе Минске было опрошено 2084 человека), были выявлены представления респондентов о необходимости модернизации политической системы и системы государственного управления, а также связанные с этим ожидания. Мнения опрошенных белорусов о том, нуждается ли нынешняя политическая система в реформировании, разделились почти поровну. Так, 17,1% считали, что не стоит вносить никаких изменений, 16,2% также указывали на то, что изменения скорее не нужны, чем нужны. В свою очередь, 20,5% респондентов были убеждены в том, что необходимость в изменениях есть, и 18,7% – что она скорее есть, чем нет. К числу наиболее важных перемен, востребованных обществом, были отнесены: повышение эффективности и открытости работы государственного аппарата, установление контроля за доходами и расходами чиновников, усиление ответственности руководителей всех уровней за принятые решения, что свидетельствует о сохранении ряда проблем в области де бюрократизации государственного аппарата. В 2012 г. часть опрошенных (в среднем от 27% до 35%) утверждала, что за последние 2-3 года эффективность работы таких органов власти и управления, как парламент, правительство, местные органы власти, учреждения здравоохранения, службы жилищно-коммунального хозяйства и других, осталась без изменений, то есть существенно не понизилась, но и не повысилась (табл.).

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, как изменилась эффективность работы органов власти и управления за последние 2-3 года?», 2012, %

Варианты ответа	Улучши- лась	Скорее улуч- шилась	Осталась без измене-ний	Скорее ухуд- шилась	Ухуд- шилась	Затруд- няюсь ответить
Парламент	4,7	12,4	30,1	5,4	4,9	40,5
Правительство	5,6	13,8	29,8	7,5	5,6	35,3
Местные органы власти и управления	4,3	13,4	34,8	9,2	6,5	29,5
Милиция, прокуратура, суд	5,5	15,1	32,1	8,3	6,1	31,0
Налоговые органы	4,6	12,0	30,5	5,1	4,4	40,5
Учреждения здравоохранения	8,5	18,5	27,0	15,1	10,8	18,5
Службы ЖКХ	5,6	14,8	32,7	12,1	11,5	21,8

Респонденты указали на то, что, на их взгляд, по-прежнему сохраняются очереди (45,6%), формализм и волокита (28,1%), перенаправление в другие службы и органы за получением дополнительных сведений (21,2%), низкий уровень информационно-справочного обеспечения (21%), прием граждан в неудобное время (17,7%), грубость со стороны работников органов власти и управления (17,1%).

Кроме того, по итогам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 году, были выявлены представления и ожидания опрошенных о дальнейшем развитии избирательной системы Республики Беларусь. Как известно, в течение нескольких предыдущих лет активно обсуждался вопрос о том, нужно ли Беларуси переходить от мажоритарной к пропорциональной избирательной системе, широко распространенной в странах Западной Европы. Нередко можно было слышать утверждения о том, что пропорциональная система более демократична, чем мажоритарная. Однако, такая позиция не имеет под собой реальных оснований. Известно, что не только мажоритарная, но и пропорциональная, и смешанная избирательные системы, обладают как достоинствами, так и определенными недостатками, во многом влияющими на ход избирательного процесса, установление итогов голосования, в целом на политическую стабильность. Можно согласиться с высказыванием известного зарубежного исследователя М. Уоллерстайна о том, что «выбор в пользу той или иной электоральной системы – дело чрезвычайно ответственное. Кто будет править и заседать в парламенте – менее существенно, чем сам избирательный процесс, хотя в высшей степени важны и соображения политиков, конкретно решающих проблему выбора способа голосования. Даже от деталей электоральных механизмов может зависеть, выживет ли сама демократия» [1]. Особенно нельзя делать поспешных выводов и перемен в условиях, когда демократия «молодая», «развивающаяся». При выборе той или иной избирательной системы нужно учитывать характер и состояние конкретной политической системы, форму правления в государстве, развитость демократических институтов, включая, в первую очередь, политические партии. Также необходимо учитывать предпочтения граждан по данному вопросу. Относительно последних можно отметить, что в ходе вышеупомянутого социологического исследования было установлено, что ничтожно малое количество опрошенных считали нужным перейти в Беларуси к смешанной (4,9%) либо пропорциональной (2%) избирательной системе. Кроме того, 33,4% и 17,4% респондентов были убеждены в том, что государство соответственно не должно или скорее не должно оказывать политическим партиям материальную поддержку, хотя известно, что такая практика широко применяется в странах с пропорциональной избирательной системой с целью активизации деятельности партий. Данный факт еще раз косвенно указывает на неготовность опрошенных к перемене типа избирательной системы. Большинство респондентов вполне устраивает ныне действующая избирательная система. Но так как в дальнейшем трансформация политической системы неизбежно будет происходить, представляется целесообразным продолжать поиск оптимальной модификации избирательной системы для нашей страны с учетом меняющихся потребностей избирателей, в том числе политических, а также анализировать опыт зарубежных стран, имеющих сходные с нами аспекты исторического, экономического, политического, социального и культурного развития.

Таким образом, по итогам анализа социальных представлений и ожиданий основных групп населения относительно модернизации политической системы и системы государственного управления в Республике Беларусь, можно сделать вывод о том, что в будущем целесообразно предпринять соответствующие меры для обеспечения более качественного исполнения принятых директив и указов, касающихся де бюрократизации государственного аппарата, с целью повышения степени удовлетворенности людей его деятельностью, а также предоставления гражданам реальной возможности влиять на управление и политические процессы, происходящие в стране, в полной мере реализовывать свои гражданские и политические права, что, в свою очередь, является

важным фактором становления и укрепления гражданского общества и демократии, которые выступают приоритетом в государственном развитии Республики Беларусь на современном этапе.

Литература:

1. Уоллерстайн М. Избирательные системы, партии и политическая стабильность / М. Уоллерстайн // Полис. – № 6. – 1992. – С. 156-162.

Анцыповіч Мікалай Васільевіч, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских учений, Белорусский национальный технический университет, г. Минск

ПАЛІТЫКА І РЭЛІГІЯ Ў СУЧАСНЫМ МАДЭРНІЗАЦЫЙНЫМ КАНТЭКСЦЕ

Да нядаўняга часу ў сацыяльна – гуманітарных навуках было засілле канцэпцый аб паступовай секулярызацыі сучаснага грамадства, якая разумелася як адзін са складнікаў агульнага працэса мадэрнізацыі. У выніку развіцця тэхнагеннай цывілізацыі прыйшло ўсвядомлення таго, што без традыцыйнай хрысціянскай рэлігіі пабудова быцця заходзяга чалавека апынулася пустой. Навука, паводле А. Тойнбі, «акуратна і старанна прыбрала» ў гэтай будыніне, але не зрабіла яе ўтульнай для пражывання чалавека, так як пакінула яго без рэлігіі. Выразнае ўсвядомленне адсутнасці ў навуцы жыццёвай значнасці, якой надзелена рэлігія, пачалося пасля завяршэння другой сусветнай вайны, калі пасляваеннае пакаленне ўзгадоўвалася сумніўнымі адносінамі да навукі, ўпікаючы яе ў тым, што яна нічога не здольна сказаць чалавеку аб яго жыццёвых патрэбах, аб сэнсавасці, ці безсэнсавасці чалавечага існавання, аб чалавеку як суб’екту свабоды. Змяненне гнасіялагічных і інтэрпрэтыўных рамак тэорый секулярызацыі, якія звязаны з адмовай лінейнасці Асветніцтва і мадэрнізацыйных тэорый, з прызнаннем прынцыпа плюралізма, які структурыруе ўсе аспекты сацыяльнасці, прыводзіць да іншых сэнсавых зместаў рэлігійнага фактара. Шмат якія палітычныя праблемы атрымліваюць сацыяльны рэзананс толькі ў выніку надзялення іх рэлігійнымі сэнсамі, так як рэлігійныя інтэнцыі робяцца запатрабаванымі, перад усім, у палітычнай прасторы. Шматзначнае тлумачэнне тэрміна «рэлігія» (і яго ўтворных) перашкаджае адэкватнаму разуменню ролі рэлігійнага фактара ў сусветнай палітыцы і сферах гаспадаркі. Паняці «грамадзянская рэлігія», «палітычная рэлігія», «рэлігійная ідэалогія», «рэлігійны радыкалізм» утрымліваюць у сабе прыхаванае значэнне для тэалагічнага кантэкста – яны могуць быць разгледжаны носьбітамі рэлігійнага светапогляда як абсурдысцкія і непрымальныя фармулёўкі.

У сучаснай палітычнай філасофіі пашырыўся постсекулярны падыход, які звязваюць з імёнамі такіх знакамітых прадстаўнікоў заходняй думкі, як Джон Ролз і Юрген Хабермас. Паводле апошняга, ў дэмакратычнай краіне ў роўнай ступені павінны быць пачуты содумкі як нерэлігійных, так і рэлігійных грамадзян. Рэлігійны плюралізм у сучаснай дэмакратычнай дзяржаве спалучаецца з адмовай ад секулярысцкага метанаратыва, а рэлігійныя традыцыі зноў здабываюць значнасць, перад усім, у сферы падтрымання грамадзянскай супольнасці і нацыянальнай культурнай ідэнтычнасці, якія знаходзяцца пад пагрозай з боку глабалізацыі і сусветнага рынка. На думку Хабермса, секулярнае грамадства ўсё часцей дэманструе няздольнасць да выхавання грамадзян, якія надзелены толькі прагай да ўласнага дабрабыту, што ўяўляе пагрозу для стабільнасці дзяржавы, так як цягне за сабой зніжэнне патрыятызму, грамадзянскай актыўнасці, дэмаграфічнага крызіса. Рэлігійныя каштоўнасці ў дадзеным ключы робяцца альтэрнатывай, якая здольна зменшыць наступствы мадэрнізацыі. Перад сучасным грамадствам паўстае мноства праблем маральна – этычнага характара, развязванне якіх немагчыма без улікаў пазіцыі рэлігійнай часткі грамадзян і канфесійных арганізацый. У першую чаргу, адносна дэмаграфіі – абортах, росце колькасці скасаваных шлюбаў, безадказнасці бацькоў за выхаванне сваіх дзяцей. Негледзячы на тое, што дэмакратычная

дзяржава гарантуе грамадзянам свабоду выбара форм свайго жыцця, але, відавочна, што ва ўмовах дэвальвацыі традыцыйных каштоўнасцей, неўмешальніцтва ў прыватную сферу цягне за сабой зніжэнне нараджальнасці, ўзрастанне колькасці дзяцей, якія выходзяць з няпоўных сем'ях, а ўсё гэта разбуральна ўплывае на сацыяльна – дэмаграфічную сітуацыю. У гэтай сувязі царква робіцца тым інстытутам, які здольны праз прапаганду рэлігійных каштоўнасцей, спрыяць аздаравленню духоўна – маральнага клімата ў грамадстве і, адпаведна, частковаму развязванню складаных сацыяльных праблем.

Адным з паказчыкаў сучаснай палітычнай сітуацыі выступае перасячэнне сэнсавых сфер рэлігіі і палітыкі. Рэлігія ўсё часцей выходзіць на першую паласу грамадска – палітычных спрэчак, здабываючы палітычную афарбаванасць, у той час як палітычная сфера азначаецца праз рэлігійныя ілюстрацыі. Новыя рэаліі дзяржаўнага ўладкавання патрабуюць фармавання адэкватнай мадэлі дзяржаўна – канфесіянальных адносін з улікам усёй спецыфічнасці сённяшняга дня. Узмацненне ролі рэлігіі прыводзіць да пашырэння семантычнага поля самога паняцця «рэлігія» і змяншэння дыскурсіўнага цэнтры рэлігійна – палітычных узаемаадносін у плоскасць іншых нетэалагічных сэнсаў. Рэлігійная экспансія у свеце палітыкі робіцца значным фактарам фармавання сацыяльна – палітычнага жыцця грамадства, прыдаючы палітычным працэсам у шмат якіх краінах не толькі рэлігійнае вымярэнне, але і спараджаючы такія дэструктыўныя з'явы, як палітыка – рэлігійныя канфлікты і палітыка – рэлігійны тэрарызм. Дзеля ўзгаднення дыялога паміж прадстаўнікамі рэлігіі і свецкай навукі недапушчальна ўскладняць тэрміны «радыкалізм», «фундаменталізм», «тэрарызм» і «экстрэмізм» тэалагічнымі характарыстыкамі. Неабходна выкарыстоўваць нейтральныя тэрміналагічныя канструкцыі, накіраваныя: радыкальнае працягванне той ці іншай рэлігіі, тэрарызм пад рэлігійнымі лозунгамі, экстрэмісцкая інтэрпрэтацыя рэлігіі і г.д. Радыкалізм пад рэлігійнымі лозунгамі нельга лічыць з'явай ўтворанай ад рэлігіі: тут рэлігійны складнік з'яўляецца не болей чым прапаганда.

У ідэалагічнай сістэме рэлігія выкарыстоўваецца ці для апраўдання гісторыі дзяржавы (мадэль інтэграцыі), ці для стварэння вобраза ворага і, як вынік, распальванне міжрэлігійнай, ці міжнацыянальнай нецярпімасці (мадэль кансалідацыі – дэзінтэграцыі), ці для спробы вяртання да рэлігійнага светапогляду і надання рэлігіі статуса навуковасці з мэтай утойвання супярэчнасцей паміж палітычнымі палажэннямі і штодзённай рэальнасцю (мадэль рэвіталізацыі), ці як частковы кампраміс палітычных ідэалаў з рэальнасцю і распад першапачатковых уяўленняў і змяненне сістэмы (дывергентная мадэль). У сучасным грамадстве існуюць розныя падыходы да праблемы ўзаемаадносін рэлігіі і палітыкі. Так, Дж. Стаут лічыць, што «грамадзяне маюць права на свабоднае выказванне рэлігійных перакананняў у палітычных спрэчках, паколькі менавіта тут правіцелі і прадстаўнікі эліт больш за ўсё схільны да выкарыстання абмежаванняў. Пагэтаму рэлігія мае права ўдзельнічаць у сучасным дэмакратычным, палітычным працэсе, а яе аргументы павінны прымацца палітыкамі» [1, с. 95]. Іншага погляду прытрымліваецца Р. Рорці, які дапускае, што рэлігія адносіцца да прыватнага жыцця, а палітыка – да публічнай сферы, ў сілу чаго гэтыя дзве розныя сферы жыцця чалавека не павінны змешвацца. Кампрамісную пазіцыю ў гэтым пытанні займае Ю. Хабермас, які дапускае, што ў адкрытым – «культурычным Свет – Грамадства» – магчыма суіснаванне палітыкі і рэлігіі. Палітыка – прававы змест прынцыпа свабоды сумлення, як неаддымнага атрыбута дэмакратычнага ўладкавання грамадства, раскрываецца ў сістэме наступных элементаў: свабода светапогляднага выбару; свабода светапогляднай практыкі; недыскрымінацыйнасць (раўнапраўнасць) па прынцыпу перакананняў. Палітычны змест прынцыпа свецкасці дзяржавы ўключае ў сябе: прынцып «нерэлігійнасці» паходжання інстытута дзяржавы, аб'ядноўвае нерэлігійнае абгрунтаванне права і дзяржаўнай ідэалогіі; прынцып «адасаблення» закранае аспекты палітычнай, эканамічнай, ідэалагічнай, юрыдычнай адасабленасці рэлігіі ад палітыкі, а таксама іх узаеманеўмешальніцтва. Сучасным дзяржаўна – канфесіянальным стасункам уласцівы плюралізм і адсутнасць жорсткай дэтэрмінаванасці рэлігійнай палітыкі, прызнанне верхаўства права і

талерантнасці, зберажэнне асобных элементаў, гістарычна ўзнікшых форм дзяржаўна – канфесіянальных адносін, у спалучэнні з свецка – арыетаванымі формамі ў рэлігійнай прапагандзе. Еўрапейскія дзяржавы практыкуюць дастаткова размаітую практыку выбудоўвання адносін палітыкі і рэлігіі, а агульнаеўрапейскай адметнасцю адносін палітыкі і рэлігіі з’яўляецца «унікальны плюралізм» дзяржаўна – канфесіянальных адносін. Французская мадэль устанаўлівае раўнапраўнае становішча ўсіх рэлігій на аснове ўсеагульнага іх адасаблення ад дзяржавы. Нямецкая і італьянская мадэлі рэалізуюць прынцып дыферэнцыяльнага падыхода да рэлігійных арганізацый на аснове супрацоўніцтва з аднымі і цяжкімі – паважнымі адносінамі з другімі. Англіійская мадэль падзяляе рэлігію на два віды – дзяржаўную і недзяржаўную.

Палітызацыя рэлігіі ў сучасным свеце суправаджаецца трансфармацыяй яе духоўна – маральнага патэнцыяла, які шчыльна злучаны з рэлетывізацыяй традыцыйных рэлігійных каштоўнасцей. У той самы час, рэлігія прыстасоўваецца да працэсаў дэмакратызацыі ў сучасным грамадстве, чым пазітыўна ўплывае на дэмакратычныя працэсы. Палітычная рэлігія – гэта такі стан рэлігіі, які фармуецца пад час уваходжання ў палітычнае жыццё грамадства і характарызуецца наступнымі прыкметамі: існуе толькі ў палітычным працэсе на перакрываванні рэлігійнага і палітычнага; стварэнне палітычнай рэлігійнай партыі, легальнага ці нелегальнага ўтварэння; наяўнасці ірацыянальных (вера, дагматы) і рацыянальных (палітычная ідэалогія, стратэгія і тактыка) кампанентаў. Па аналогіі з рэлігійным пасвяшчэнствам ініцыяцыяй ў палітычнай сістэме здзяйсняецца прыём у партыю, ў эліты, якія супрацьпастаўляюць сябе астатняму грамадству. Палітычная сістэма мадэлюе сябе падобна рэлігійнай структуры (іерархіі). Выбудоўваючы жорсткую цэнтралізаваную вертыкаль, прыкрыццём якой робіцца паказная «саборнасць» (з’езды, выбары, дэманстрацыі і г.д.) рэлігійная мадэль спрыяе ператварэнню палітыка – ідэалагічных пабудоваў у масавую веру. Пры ўсім гэтым роля царквы ў дэмакратычным грамадстве не павінна быць вельмі моцнай, так як клерыкальныя рухі засноўваюцца на рэлігійна – палітычных прынцыпах, адзінай крыніцай і гарантам якіх з’яўляецца толькі вера ў бога. Скрайні варыянт клеркалізацыі грамадства – патрабаванне ўсебаковага выканання дзяржавай палажэнняў рэлігійнай дагматыкі, наступленне на свецкую мараль.

У сучаснай Беларусі, як і ў большасці краін, царква адасаблена ад дзяржавы і фармальна не удзельнічае ў палітыцы. У сапраўднасці, ні ў адной дзяржаве свету царква, незалежна ад яе канфесійнай прыналежнасці, не можа быць адлучана ад палітыкі. Яна пастаянна знаходзіцца ў сферы зацікаўленасці і патрэб грамадзян, а змяненні ў знешняй і ўнутранай палітыцы закранаюць інтарэсы і самой царквы. Узаемаадносіны палітыкі і рэлігіі патрабуюць, у кожны гістарычны перыяд, дакладнага разгляду, які пакліканы раскрыць спецыфіку удзелу розных звёнаў рэлігійных арганізацый, любой канфесіі ў палітыцы. Афіцыйная савецкая гістарыяграфія і атэістычная «марксісцка – ленінская» філасофія адмаўлялі творчую ролю хрысціянства ў гісторыі беларускага народа. Для замежнай гістарыяграфіі (найперш, расійскай і польскай) уласціва імкненне прывязаць гісторыю Беларусі да гісторыі сваіх краін, за чым не відаць яе канфесійнай спецыфікі. Першыя сістэмныя даследаванні значэння хрысціянства ў станаўленні і развіцці беларускай нацыі, суадносін палітыкі і рэлігіі ў дапасаванні да беларускай гісторыі, выканаў беларускі асветнік і палітычны дзеяч ў Заходняй Беларусі ксяндз Адам Станкевіч (1891 – 1949), аўтар манаграфіяў «Родная мова ў святынях» (Вільня, 1929), «Хрысціянства і беларускі народ; Спроба сынтэзы» (Вільня, 1940). Як адзначаў У. Конан, «сучасныя даследаванні падцвердзілі гісторыка – філасофскую канцэпцыю Адама Станкевіча: хрысціянская рэлігія чатырох канфесіяў – праваслаўнай, каталіцкай, уніяцкай і рэфармісцкай – кожная па – свайму і неаднолькава на розных гістарычных этапах была і засталася духоўнай апорай беларускага народа на ўсіх этапах свайго этнакультурнага, нацыянальнага і дзяржаўнага развіцця» [2, с. 8-9]. Сучасная гістарыяграфія ў вывучэнні гісторыі праваслаўя, каталіцызма, пратэстантызму і ўніяцтва ў Беларусі робіць націск на іх узаемапрапранікненне і ўзаемаўзбагачэнне. Філасофскаму асэнсаванню гісторыі рэлігіі ў

Беларусі дапамагаюць працы Ігната Абдзіраловіча, даследванні С. Падокшына, У. Конана, Н. Кутузавай ды іншых. На сённяшні дзень асэнсоўваецца структурнае і змястоўнае падабенства паміж этнічнай, альбо народнай культурай, і царкоўнай мастацкай культурай, якая тыпалагічна склалася ў сярэдневяковай хрысціянскай цывілізацыі.

Літаратура:

1. Стаут, Дж. Демократия и традиция. - М, 2009. – 464 с.
2. Конан, Ул. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа // Зборнік навуковых артыкулаў у 2-х ч. - Ч. 1. Гродна: ГР. ДУ імя Я Купалы, 2009. – 385 с.

Мушинский Николай Иосифович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философских учений, Белорусский национальный технический университет, г. Минск

ФЕНОМЕН МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТИКИ И СОЦИОЛОГИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Феномен модернизации требует всестороннего осмысления с точки зрения преодоления техногенных проблем современности, в том числе применительно к развитию белорусского общества. Сталкиваясь со всё новыми вызовами технократического существования (истощение невозобновляемых ресурсов, глобальное потепление климата, рост международной напряжённости, нестабильность мировой финансово-экономической системы, правительственный кризис в США и т.п.), социум приходит к необходимости объединения усилий всего человечества, при *справедливом* участии всех заинтересованных сторон. Тем самым возникает потребность в выработке *междисциплинарного подхода* на стыке *этики* и *социологии*. В условиях обострения кризисных проявлений техногенеза, *социология* призвана раскрыть их глубинные причины, а *этика* - сформулировать адекватные критерии *справедливости*, на основе которых можно было бы объединить усилия отдельных государств и социальных групп с целью эффективного решения указанных проблем, активизировать процессы *модернизации* общественной системы. Поскольку именно научно-технический переворот предопределил социальные потрясения новейшего периода истории (революции, мировые войны, ракетно-ядерное противостояние), многие мыслители ещё на рубеже 19 – 20 вв. пытались осмыслить соответствующие проблемы общественного развития. Как наглядный образец *междисциплинарного подхода*, интегрировавшего передовые достижения *социологии* и нравственной философии (*этики*), может рассматриваться наследие выдающегося русско-американского исследователя *Питирима Сорокина* (1889 - 1968), жившего и работавшего в США с 1923 года, когда он вынужденно оказался в эмиграции. Взгляды П.Сорокина на проблему *справедливости* логически вытекают из его социологической теории, сохраняют актуальность в современных условиях, в том числе с точки зрения процессов *модернизации* и *устойчивого развития* белорусского общества.

Следует отметить, что влияние научно-технического переворота новейшего периода на кризис сложившейся социальной системы далеко не ограничивается узко-экологическими вопросами охраны окружающей природной среды. Все прекрасно знают, что следует создавать безотходное производство, снижать количество вредных выбросов промышленных предприятий, рационально упорядочивать природопользование, однако существуют объективные социальные механизмы, которые этому препятствуют. Соответственно, перед обществом возникают всё новые техногенные проблемы (по мере решения старых), и, в конечном итоге, социокультурная *модернизация* не ограничивается установкой очищающих фильтров на трубах конкретного завода в отдельно взятой стране

или созданием нового конкурентоспособного производственного цикла, она затрагивает глубинные общественные процессы в мировом масштабе.

Невиданный ранее скачок в развитии производительных сил общества обнажил те социальные противоречия, которые складывались на протяжении тысячелетий исторического процесса. На рубеже 19-20 вв., как и в начале третьего тысячелетия, совершенствование средств коммуникации (транспорта и связи) в *материально-техническом* отношении окончательно объединило человечество, однако в *нравственно-этическом* смысле оно оказалось не готово к равноправному взаимовыгодному сотрудничеству на основе принципов *справедливости*. Ещё с глубокой древности человек привык рассматривать технику как средство неограниченной эксплуатации враждебной природной среды (ресурсы которой казались неисчерпаемыми), перенёс этот принцип на другого человека. В результате современный научно-технический переворот вместо «вечного мира» на основе господства разума и здравого смысла, который предрекали философы-просветители Нового времени (Кант и др.), принёс новый виток вражды и всеобщей конфронтации. Неравномерное и *несправедливое* распределение созданных на заводах и фабриках материальных благ, «прибавочной стоимости», инициировало социальные революции и новые сословно-классовые антагонизмы. *Несправедливый* захват природных ресурсов развитыми странами, раньше других пережившими промышленный переворот, борьба за первенство между ними, привели к появлению колониальной системы и национально-освободительного движения, практики международного терроризма, мировых войн и атомной угрозы; военное противостояние вызвало к жизни авторитарные режимы. Каждая из сторон и враждебных социальных групп начала трактовать *справедливость* в свою пользу, в ущерб всем прочим (в «классовом», расовом, религиозно-экстремистском и т.п. смысле). Обобщая указанные социальные и морально-этические тенденции, П.Сорокин делает вывод: «Отсюда – современное «право сильного». И в этом – основная черта современного кризиса в этике... При таких условиях никакая логика, философия и... наука не могут... отделить справедливый моральный релятивизм от несправедливого» [1, с. 500 – 501]. Проблема *модернизации* в настоящее время трактуется как бесконечная гонка в развитии технологий; малейшее отставание влечёт экономический упадок и внутренний социальный кризис, возрастание военной опасности со стороны более «передовых» респондентов (которое на локальном уровне вполне способно реализоваться в явном виде, как показывают общественно-политические процессы на постсоветском пространстве и в странах «третьего мира»). Если подобная тенденция продолжится, то «граница между... справедливым и несправедливым... начнёт неуклонно стираться, пока не наступит царство... анархии» [2, с. 880], которое в условиях техногенного кризиса ставит социальную систему на грань самоуничтожения.

Чтобы понять причины всеобщего торжества *несправедливости*, П.Сорокин осуществляет *социологический анализ* процессов техногенеза в историческом контексте с подробными статистическими выкладками, схемами и диаграммами. Он, в частности, приводит показатели «флуктуации детерминизма и индетерминизма» с 540 г. до н.э. до 1920 г. по двадцатилетним циклам и двенадцатибалльной шкале [2, с. 457], раскрывает типологию культурной ментальности [2, с. 77], исследует интенсивность революционных процессов «по странам и разрядам» [2, с. 743], выявляет «относительные показатели динамики войн с XII по XX в.» [2, с. 699]. На стыке *социологии* и *нравственной философии* он распределяет по двенадцатибалльной шкале и столетним периодам показатели «флуктуации этических систем и нравственного сознания» между «этикой счастья» (эвдемонизм, гедонизм, утилитаризм), «этикой абсолютных норм» и «этикой любви» [2, с. 528]. Подобное сочетание нравственной теории *справедливости* с математическими формулами и диаграммами являет яркий образец *междисциплинарного подхода* в социологии.

Положительные перспективы современной цивилизации П. Сорокин связывает с дуализмом технического прогресса, когда идеи подлинной *справедливости* на основе

вдумчивого «социологического» отношения к окружающей действительности прорываются через все негативные последствия техногенеза. Действительно, научно-технический прогресс – это не только стихийные процессы хаоса и разрушения, но и развитие критического разума, способного увидеть возникшие противоречия, выработать совместные проекты для их *справедливого* разрешения. «В науке этот двойственный процесс нашёл отражение, во-первых, в усилении разрушительной мощи... , в изобретении ядерного, бактериологического оружия... ; и, во-вторых, в преобразовании фундаментальных научных теорий в морально ответственном... направлении... В *этике* он вызвал... ужасающую деморализацию, проявившуюся во Второй мировой войне, кровавых революциях... и в то же время рост нравственного героизма, возвышенного альтруизма и массовых движений за прекращение войн, кровопролития и несправедливости» [2, с. 886]. Вывод П.Сорокина состоит в том, что только научный социологический анализ общечеловеческих критериев *справедливости* при их свободном обсуждении на международном уровне позволит совместными усилиями избежать новых техногенных проблем современности.

Литература:

1. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество.- М., 1992.
2. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика.- М., 2006.

Якубовский Владимир Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии, Могилёвский государственный университет имени А.А.Кулешова, г. Могилёв

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В марте 2014 года исполнится 20 лет с того времени, когда в Москве от президента Казахстана Н.А. Назарбаева прозвучало предложение создать качественно новое интеграционное объединение – Евразийский союз государств. Сегодня, когда Евразийский экономический союз приобретает все более осязаемые черты и вызывает интерес во многих странах, есть необходимость ответа на вопрос, почему эта идея не потерялась, не «растворилась» в многочисленных объединительных инициативах и проектах, возникавших на постсоветском пространстве за последнюю четверть века.

Современный интеграционный процесс начался еще в конце 80-х годов 20-го века в СССР на фоне очевидной деградации объединительных стремлений вокруг социалистической идеи. Достаточно вспомнить дискурсивные метафоры: «мы все в одной лодке», «мир становится теснее», «совместный ответ на глобальные вызовы» и т.п., которые характеризовали концепцию «нового политического мышления». В представлении значительной части политической элиты времен «перестройки» и «ускорения социально-экономического развития» реальные симптомы разрушения социалистического лагеря и угрозы распада реального интеграционного объединения – СССР вполне компенсировались ожиданиями сближения между двумя прежде враждебными социально-экономическими системами перед лицом общих глобальных угроз. Уже тогда сформировались определенные модели-паттерны интеграционных процессов, институционально представленные межнациональными и межгосударственными структурами. Условно говоря, СССР, а также сконцентрированные вокруг него формирования – Совет экономической взаимопомощи, Организацию Варшавского договора и др., можно представить как «интеграцию-1». В этом случае процессы политической и экономической консолидации западного сообщества вокруг

США и других центров, выразившиеся в возникновении НАТО, Евросоюза («общего рынка») и в других форматах, уместно представить как «интеграцию-2».

Общей чертой обеих моделей являлась конфронтационная направленность, противоположный характер претензий на формирование картины мира, доминирующей в общественном сознании мирового сообщества. Таким образом, интеграция-2 не могла существовать без интеграции-1, будучи её антиподом и составляя вместе с нею объект метафоры «борьба нанайских мальчиков». Другой характерный признак обеих моделей – моноцентризм, жёсткая иерархия и подчинение геополитическим центрам социально-экономических систем.

С утратой восточным блоком исторической перспективы и распадом его лидера – СССР модель интеграции-1 не потеряла актуальности, трансформировалась в план восстановления интеграции на постсоветском пространстве вокруг единого центра – России. Как минимум два обстоятельства позволяют рассматривать её в качестве варианта развития интеграции-1. Внешний фактор – сохранение конфронтационной направленности интеграции-2, которая расширила и укрепила своё влияние. Внутренний – сохранение моноцентризма большинства проектов восстановления интеграции-1, которые, особенно на начальном этапе, выступали в форме геополитического реванша России.

В то же время вербальные конструкции типа «синдром старшего / младшего брата», «собираение русских/восточнославянских земель» и др. подчеркивают отсутствие среди факторов внутреннего порядка такой важной составляющей как социалистическая идеология, которая прежде являлась конституирующим началом интеграции-1. Попытки заполнить возникший вакуум факторами религиозного, этнического, культурно-исторического характера не привели к ожидаемому результату. Институциональное воплощение модернизированных проектов интеграции-1 (СНГ, ОДКБ, ЕвразЭС и др.) с самого начала обнаружило их ограниченный потенциал.

Существенное отличие представляют более поздние проекты в рамках интеграции-1. Союзное государство Беларуси и России, проложило «маршрут» Таможенному союзу России, Беларуси и Казахстана, Единую экономическому пространству и создаваемому Евразийскому экономическому союзу. Эффект этих форматов предопределили два обстоятельства: полицентризм взаимодействия стран-участниц и доминирование социального вектора интеграционных усилий.

Понятия «полицентризм», «интеграционные «кирпичики» устойчивого развития», «асимметричные решения», характеризующие отдельные взаимодействия на постсоветском пространстве, имели определённое хождение в интеграционных проектах. Не ускользнула от внимания их авторов и социальная составляющая интеграции. Например, еще в 1998 году прозвучала инициатива-программа Н.А. Назарбаева «10 шагов навстречу простым людям». Тем не менее принятый за основу объединительных процессов экономический прагматизм при существенном различии экономических интересов национальных элит объективно стал фактором торможения.

Внутренняя двойственность и противоречивость модернизационных проектов интеграции-1 стала наиболее очевидной в условиях экономического кризиса 2008-2010 годов. Задача «вместе выходить, преодолевать последствия кризиса» актуализировала социальную составляющую интеграции. Именно на положении широких слоёв общества кризис отразился особенно негативно, а социальные последствия оказались самыми тяжёлыми. Таким образом, в контексте интеграции социальный вектор встал во главу угла, а модель интеграции обрела недостающую идеологию – направляющий компонент. Фактически была сформирована модель «интеграция-3» наряду с продолжающимися борьбу за доминирование интеграцией-1 и интеграцией-2.

Потенциал интеграции-3 представляется неограниченным особенно в условиях глобализации. Оценка перспектив её развития предполагает изучение факторов её формирования. В этом отношении особый интерес представляет роль политического дискурса Беларуси, в котором интеграционная направленность и социальная

составляющая гармонично развивались с момента обретения страной суверенитета. Среди культурно-исторических, психологических, хозяйственных и иных компонент этого процесса ведущую роль играет социально-политическая стабильность, высокая степень единства основных социальных групп и политических элит. Эти особенности отразил внутривластный дискурс Беларуси, в основе которого непредвзятый анализ достоинств и издержек интеграции-1, причин её деградации. Важно подчеркнуть единство дискурса власти и публичного дискурса при оценке наследия СССР. В свою очередь это позволило сохранить единство дискурсивной и социальной практики как внутри страны, так и во взаимоотношениях с партнерами по интеграционным проектам. Одним из ключевых знаков политического дискурса и конструктом социального пространства стало понятие «форум». В сочетании с понятиями «регион», «трудовой коллектив», «бизнес-сообщество», «медиа-среда», «национальные диаспоры», «транзитное положение», «логистика», «суверенитет», «сотрудничество» и др. оно позволило создать идейно-целостное и социально-структурированное пространство с формированием равноправного партнерства при консолидирующей роли власти. Эффект конструктивного взаимодействия основных групп интересов в государственном строительстве Беларуси проявился и в её участии в интеграционных проектах. Наиболее отчетливы региональный аспект взаимодействия, медиапроекты, формирование единого культурного пространства, правовая и социальная защита и другие направления, подчеркивающие социальные приоритеты.

Модель Интеграции-3 демонстрирует характерные черты: полицентризм, многоуровневость, равноправие, социальный императив, консенсусность решений... По мере их проявления выстраиваются реальные конфигурации участия в её осуществлении других стран (Армения, Украина, Киргизия, Таджикистан). Растет интерес в «дальнем» зарубежье (Монголия, Вьетнам).

Появление в интеграционном процессе качественно нового содержания и новых участников придает ему необратимый характер. Тем самым обеспечивается особое место в нем Беларуси, достойной занять «свой пачэсны пасад між народамі».

Жуленева Оксана Вадимовна, аспирант, социолог отдела методологии и методов социологии, Институт социологии НАН Украины, г. Киев

*ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН
(ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ Р. ИНГЛХАРТА)*

Социокультурные процессы современности отличаются динамичностью и культурным многообразием. В связи с этим большой интерес вызывают пути развития национальных культур в условиях модернизации. Актуальным представляется соотнесения модернизационных процессов с «национальной культурной» общества, его традициями, ценностями [1, с. 15]. Целью данного доклада является теоретико-методологический анализ социокультурной специфики модернизации обществ с учетом их исторического и социокультурного развития.

Исторические факторы сохраняют преобладающие в обществе ценностные ориентации, являются продуктом взаимодействия движущих сил модернизации и сдерживающего влияния традиций. Хантингтон, Патнэм и Фукуяма утверждают, что культурные традиции отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют современную политическую и экономическую практику обществ (Huntington 1996; Putnam 1993; Fukuyama 1995). Однако в то же время авторы теорий модернизации писали, что

формирование индустриального общества сопровождается последовательным отходом от традиционных ценностных систем [2, с. 79].

Рассмотрим с этой точки зрения особенности модернизации обществ. Как известно, главный тезис теории модернизации состоит в том, что социально-экономическое развитие ведет к изменениям в культурной и политической жизни (Deutsch 1963; Pye, Verba 1963; Stinchcomb 1965; Huntington 1968). Социально-экономический фактор во многом определяет относительно одинаковую линию изменений в любом обществе, а именно исходным основанием социально-экономического развития является: технические инновации, которые повышают производительность труда; профессиональная специализация, повышение уровня образованности и доходов населения; преобладающую роль начинает играть не руководство и подчинение, а договорные отношения [2].

Названные изменения накладывают отпечаток на сферу культуры в виде изменений гендерных ролей, отношения к власти, сокращения рождаемости, более активное участие народа в политике, формирование общества, более критично настроенного и менее пассивного. Однако изменения в сфере культуры зависят от исторических особенностей общества, традиций, культурных оснований, которые являются своего рода базисом, на которые накладываются другие модернизационные изменения. Как пишет Инглхарт, традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные «культурные зоны» с собственными ценностными системами – их наличие четко прослеживается даже при всех поправках на результаты социально-экономического развития. С этой точки зрения в последние годы в области теории социально-экономического развития возникли два противоположных научных течения. Представители первого течения делают акцент на упадок традиционных ценностей и их замену современными ценностями. Другие подчеркивают устойчивость традиционных ценностей, несмотря на изменения в экономике и политике; они полагают, что сфера ценностей сравнительно независима от экономических условий [2, с. 79-80]. С точки зрения социально-экономического прогресса и изменения представлений и стремлений людей, на ход модернизации каждого конкретного общества оказывают большое влияние культурные традиции, системы взглядов, исторические особенности. Ценности могут меняться, но при этом они продолжают отражать историческое наследие общества, т. к. культурные изменения носят исторически обусловленный характер. В каждой культуре люди имеют совокупность типичных представлений о своем социальном окружении и характерные способы его восприятия и оценки, которые в результате образуют согласованную структуру наиболее устойчивых свойств конкретной культуры, общества, социальной группы. Этот устойчивый уровень ценностной системы общества Триандис называет «субъективной культурой». На фоне него, более динамичным является уровень «социальной культуры», который находится под непосредственным влиянием изменяющейся социальной ситуации («социальная культура») [5] Субъективная культура представляет собой исторически сложившиеся социокультурные убеждения, которые остаются неизменными на протяжении весьма длительного времени, будучи укорененными в традициях, верованиях, предрассудках, в языке и когнитивных структурах, а также в некоторых базисных формах социального поведения. В свою очередь, «социальная культура» отражает типичные для данного общества и времени представления людей о социальной действительности в определенных сферах общественной жизни: экономической, политической, правовой, семейно-бытовой, и может изменяться под действием внешних факторов [5, с. 213-314].

Таким образом, существование общих антропологических принципов, формирует культуры на единой основе, на которую надстраиваются огромное множество отличительных признаков. И в зависимости от степени близости культур в ходе своего развития формируются «культурные регионы», то есть та группа стран, культур, которая похожа по большинству социокультурных характеристик. Вместе с тем, даже эти «культурные регионы» могут отличаться как непосредственно в проявлении тех или иных

феноменов, так и в процессе модернизации общества на основании специфических контекстуальных условий.

Анализ социокультурных факторов, определяющих модернизацию общества, становится не только условием понимания хода событий, но и условием их реализации, так как ценностная система, во многом запрограммирована прошлым историческим развитием. Данные обстоятельства с объективной необходимостью выдвигают проблему исследования социокультурных факторов модернизации обществ в современных условиях с учетом их национальной культуры [5, с. 315]. В данном случае национальная культура представляет собой своего рода «архетип культуры», образец, который всегда повторяется в случае принадлежности к данной культуре-нации. Это в свою очередь помогает обнаружить определенные культурные доминанты, на которых держится этническое сознание. Присутствие архетипного является условием сохранения самобытности и культурной целостности этносов, обеспечения преемственности и единства общекультурного, транснационального развития. Это допущение имеет важное значение для изучения культурного многообразия с одной стороны и культурной динамики – с другой.

Социально-экономическое развитие является одним из факторов модернизации, подталкивая и определяя изменения в ценностной системе общества, на этом строится концепция Инглхарта о материалистических и постматериалистических ценностях [2]:

1. К материалистическим относят: индивидуальность, свободу, права личности, личную выгоду, преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности. Данный тип ценностей укрепился и стал господствующим во многих странах лишь в период зарождения капиталистических отношений.

2. К постматериалистическим ценностям относят: принадлежность к группе, самовыражение, развитие собственной жизни, качество жизни, стремление к признанию собственных достижений, приоритет духовных ценностей и т.п.

Концепция Инглхарта, основана на иерархии потребностей теории А.Маслоу; материалистические ценности соответствуют нижележащим, а постматериалистические – вышележащим уровням иерархии Маслоу. Преобладание «постматериалистических» ценностей в том или ином обществе, согласно Инглхарту отражает стадию общего экономического и социального развития. По степени ориентации на ту или другую группу ценностей Ингельхарт выделил четыре ценностных типа (ЦТ) людей:

ЦТ1 - носитель материалистической ориентации в наибольшей степени;

ЦТ4 - носитель постматериалистической ориентации в наибольшей степени;

ЦТ2 и ЦТ3 - промежуточные типы.

Страны Центральной и Восточной Европы традиционно являются более материалистично ориентированными в сравнении со странами Западной Европы.

Изменения в сторону постматериалистических ценностей возможны только в случае длительного экономического благополучия [2, с. 97]. Согласно Инглхарту: «...социально-экономическое развитие ведет к предсказуемым культурным и политическим изменениям, а коллапс экономики порождает изменения в противоположном направлении» [2, с. 81].

Однако изменения в социально-экономической сфере не имеют четко выраженной причинно-следственной связи в качестве, обусловленности и особенностей ценностной системы. Представленные типы ценностей, которые развиваются и видоизменяются в результате достижения и не достижения экономического благополучия и социальной защищенности обусловлены социально-экономическим ростом, которые в свою очередь носят скорее вероятностный, чем четко детерминированный характер. Более того, культурные изменения нелинейные, в отличие от экономического развития здесь нет постоянного движения в одном направлении.

Продолжая идею Триандиса о социальной и субъективной культуре, следует отметить, что представленная выше система материалистических и постматериалистических ценностей является элементом «социальной культуры», которая зависит от изменений социальной ситуации в обществе. В свою очередь, непосредственно «субъективная культура» во многом сама определяет проявление процесса модернизации общества.

Приведем пример из исследования В. Магуна и М. Руднева, которое базировалось на 4-м раунде Европейского исследования ценностей (European Values Study – EVS), проведенного в 2008-2010 гг. Авторы произвели классификацию европейцев на основе ценностных показателей. В качестве метода классификации использовалась процедура анализа латентных классов (latent class analysis, сокращенно – LCA), а основой для классификации респондентов были 10 показателей, на базе которых Р. Инглхарт и его соавторы строили два ценностных параметра (синдрома)– «Традиционные/Секулярно-Рациональные» ценности и «Выживание/Самовыражение» Было получено три класса [3]:

Класс 1 придает важность иерархическим отношениям в обществе, получению и исполнению сигналов «сверху» и руководству теми, кто ниже них в статусной иерархии. В то же время они, наоборот, низко оценивают важность инициативного действия, часто направленного на противодействие идущим «сверху» предписаниям.

В противоположность этому респонденты, которые вошли в класс 3, придают высокую значимость инициативным действиям, а мониторинг и исполнение сигналов, идущих «сверху» считают неважным (табл. 1).

Таблица 1. Средние значения показателей Р. Инглхарта в трех классах, выделенных с помощью LCA (Европейское исследование ценностей, 2008-2010гг., респонденты из 43 стран, N = 62677чел.) *

	Класс 1 («властная иерархия»)	Класс 2 («ни иерархии, ни инициативной автономии»)	Класс 3 («инициативная автономия»)
Важность Бога (шкала 0 - 9)	7,2	4,6	2,9
Уважение к власти (шкала 0 - 2)	1,4	1,3	1,3
Национальная гордость (шкала 0 - 3)	2,4	2,2	2,2
Индекс послушания: важно воспитывать послушание и религиозность, а не независимость и решительность (шкала 0 - 4)	2,1	1,5	1,0
Недоверие окружающим людям (шкала 0 - 1)	0,8	0,7	0,4
Неодобрение аборт (шкала 0 - 9)	7,8	5,3	2,5
Неодобрение гомосексуализма (шкала 0 - 9)	8,4	6,4	1,3
Субъективное ощущение несчастья (шкала 0 - 3)	1,1	1,0	0,7
Предпочтение материалистических ценностей постматериалистическим (шкала 0 - 2)	1,3	1,2	0,8
Неготовность подписывать петиции (шкала 0 - 1)	0,5	0,3	0,0

Исходя из представленных данных, Украина относится к первому классу (властная иерархия), для которого характерны: *преобладание ценности следования указаниям «свыше» над ценностью инициативного автономного действия*. Этот класс привержен диктуемым «сверху» запретам.

Представители класса 2 (к которому относится Беларусь), не ориентированы не на один из источников активности, не на вышестоящие инстанции, не на личностную активность, так как если посмотреть на этот класс с точки зрения особенностей отношения к власти и подчинения, средних значения он более близок к классу 3, для

которого характерна слабая ориентация на сигналы сверху, по характеристикам, которые отображают уровень инициативы, тот этот класс больше похож на представителей класс1.

Таблица 2. Распределение населения 43 европейских стран по ценностным классам, % по строке

Страна	Класс 1 («властная иерархия»)	Класс 2 («ни иерархии, ни инициативной автономии»)	Класс 3 («инициативная автономия»)	Численность
Молдова	72%	26%	1%	1551
Украина	66%	33%	1%	1507
Кипр	74%	25%	2%	999
Румыния	67%	30%	2%	1489
Россия	50%	46%	3%	1490
Босния и Герцеговина	71%	25%	4%	1512
Албания	58%	38%	4%	1534
Мальта	83%	13%	4%	1497
Сербия	56%	40%	4%	1512
Беларусь	39%	56%	5%	1500
Латвия	35%	59%	6%	1506
Эстония	35%	59%	6%	1518
Литва	37%	57%	6%	1499
Черногория	65%	28%	6%	1516
Болгария	39%	54%	7%	1500
Польша	49%	43%	7%	1479
Португалия	42%	50%	8%	1553
Хорватия	55%	34%	11%	1498
Греция	46%	41%	13%	1498
Венгрия	36%	49%	14%	1513
Словакия	36%	49%	15%	1509
Италия	46%	35%	18%	1519
Ирландия	43%	36%	21%	982
Словения	30%	40%	30%	1366
Чехия	19%	50%	31%	1793
Австрия	23%	45%	32%	1510
Испания	29%	36%	35%	1497
Великобритания	24%	39%	37%	1549
Бельгия	15%	46%	39%	1509
Франция	16%	44%	40%	1501
Германия	14%	41%	45%	2051
Швейцария	19%	34%	46%	1271
Люксембург	22%	31%	47%	1609
Финляндия	12%	33%	55%	1131
Нидерланды	15%	29%	56%	1552
Норвегия	9%	25%	66%	1087
Дания	8%	21%	70%	1507
Исландия	9%	21%	71%	808
Швеция	10%	16%	74%	1174

На представленную выше классификацию влияет не только социально-экономический фактор, характеристики каждого из классов отображают социальный

характер стран в целом. Социальный характер первого класса отображает страх свободы, это своего рода традиционный и внешне ориентированный культурный тип с выраженной авторитарной ориентацией. От этого класса достаточно сложно ожидать высокого уровня модернизации, основанного на демократических идеалах и высокой индивидуальной активности. Совершенно противоположным выглядит третий класс, особенности их социального характера отличаются высоким уровнем индивидуальной активности и самоконтроля. Второй класс – это своего рода «замирающая активность», для него характерны страх свободы, активности и четких инициатив.

Исходя из этого следует отметить, что на точки зрения относительно представленных переменных во многом влияет в данном случае «социальная культура», если члены того или иного общества будут делать акцент на религии, это влечет за собой относительно преобладающие в данном обществе точки зрения и по ряду других переменных, связанных с: отношением к абортam, чувством национальной гордости, уважением к власти, подходам к воспитанию детей.

Таким образом, анализируя особенности модернизационного пути общества, следует учитывать влияние национальной культуры, разделяя роль «субъективной» и «социальной» культуры.

Литература:

1. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества / С.Н. Гавров // М.: МГУКИ, 2002. – 146 с
2. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
3. Магун В.С., Руднев М.Г. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р.Инглхарта // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3-4 .
4. Online Data Analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAnalyzeStudy.jsp>
5. Triandis H.C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology. – Boston: Allyn and Bacon, 1980. – Vol. 1: Perspectives. – p. 414.

Широканова Анна Александровна, преподаватель кафедры социальной коммуникации, Белорусский государственный университет, г. Минск

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ Р. ИНГЛХАРТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Теория Рональда Инглхарта относится к числу универсалистских теорий модернизации. Она появилась в конце 1970-х гг. в результате осмысления «постматериалистического перехода» - последовательно более низкого уровня традиционных ценностей среди послевоенных поколений, выросших в экономически безопасных условиях в период модернизации. В 1990-е гг. данная теория была развита в концепции ценностей самореализации и теории человеческого развития Кристиана Вельцеля [1]. Для современной Беларуси актуальным является изучение возможностей данной теории (наряду с другими) в объяснении процессов изменения ценностей в ходе модернизации и обратного влияния господствующих ценностей на ход социально-экономических преобразований. Ключевая идея теории модернизации состоит в том, что экономическое развитие порождает систематические изменения в общественно-политическом развитии. Однако классическая модернизационная теория требует пересмотра по нескольким причинам [2, с. 552-553]:

1) модернизация нелинейна: индустриализация ведет к росту бюрократизации, централизации власти и секулярно-рациональным ценностям. Однако постиндустриальная фаза модернизации больший уклон делает в сторону индивидуальной автономии и

ценностей самовыражения. При этом принесенные модернизацией изменения могут повернуть вспять вследствие экономических кризисов;

2) социально-культурные изменения обусловлены предыдущим развитием страны, ее религиозным и историческим наследием; с наступлением модернизации религия и этнические традиции не исчезают [3, с. 14];

3) модернизация – не вестернизация (лидеры модернизации есть и в Восточной Азии, конвергенции культур не происходит [3, с. 38]);

4) модернизация не ведет автоматически к демократии. Повышение уровня экономической безопасности усиливает ценность самовыражения и, как следствие, свободы выбора.

Согласно Инглхарту и Вельцелю, связанные с модернизацией ценности – устойчивые признаки общества, которые тесно связаны с многими переменными национального уровня, от гендерного равенства до состояния гражданского общества [2, с. 551]. На основе анализа причинно-следственных отношений между ценностями самовыражения и состоянием социально-политических институтов авторы утверждают, что «отправной точкой здесь является культура, а конечной – институты, а не наоборот» [3, с. 16]. Таким образом, именно ценности поддерживают закрепленные институциональные формы; именно распространенные в обществе ценности облегчают или затрудняют процесс модернизации.

Разделяя этапы развития общества на аграрный, индустриальный и постиндустриальный этапы, Инглхарт и Вельцель выделяют следующие их черты. Для аграрных обществ характерны ценности религии, национальной гордости, послушания и уважения власти; для индустриальных – ценности секуляризма, космополитизма, автономии личности и рациональности. На постиндустриальном этапе развития гарантированная экономическая безопасность позволяет развивать ценности индивидуализации и самореализации, чего также требует распространение когнитивного труда. Ценности выживания провозглашают порядок, экономическую безопасность, а ценности самореализации – участие, субъективное благополучие, доверие, толерантность, заботу о качестве жизни.

С модернизацией устойчиво связаны ценности межличностного доверия и удовлетворенности жизнью. Эти показатели стран находятся примерно на одинаковом уровне в различных сравнительных исследованиях ценностей (WVS, EVS, ISSP, ESS). Методология Инглхарта применяется прежде всего в исследовании WVS. В то же время в общеевропейском исследовании ESS используется методика измерения с помощью портретного ценностного вопросника Шалома Шварца [4, с. 5-6]. Используя ценностные индексы разного уровня, можно сравнить проявленность в различных странах таких ценностей, как открытость изменениям и забота о людях и природе, соответствующих постиндустриальной стадии развития. Также, как было показано В. Магуном и М. Рудневым, продуктивной сравнительной методикой является определение по странам доли кластеров внутри населения по доминирующим ценностям [4, с. 28].

Существенные дополнительные объяснительные инструменты анализа модернизации ценностей: национальный мониторинг, неуниверсалистские теории модернизации. Так, украинскими социологами в рамках постоянного мониторинга Института социологии НАНУ были разработаны индексы социального самочувствия, национальной дистанцированности, индекс аномии, индекс цинизма, индекс тревожности, индекс социальной напряженности [5], которые широко используются украинскими социологами.

Более критическая перспектива рассмотрения путей модернизации связана с концепцией «множественного модерна» Шмуля Айзенштадта. По сравнению с теорией Инглхарта, акцент делается на историко-культурных единствах и различных способах адаптации к модернизации. Тем не менее на сегодня насущной задачей для социологов

остается всестороннее изучение ценностей в Беларуси в контексте модернизации, в т.ч. активное включение в международные сравнительные проекты ESS, ISSP.

Теория Р. Инглхарта успешно объясняет траектории изменения ценностей в ходе модернизации. Объяснительная способность теории модернизации Р. Инглхарта связана с тем, что она позволяет предсказывать (на основе сравнения опыта разных стран), какого рода изменения ценностей следует ожидать на каждом этапе модернизации. Авторы теории подчеркивают недерминированный характер модернизации и первичность экономической основы модернизации. При этом, несмотря на формирование схожих «секулярных» ценностей или ценностей самореализации, уделяется внимание сохранению религиозно-культурной близости групп стран.

Другие варианты сравнительного анализа ценностей в связи с модернизацией включают как универсалистские модели (например, анализ личностных ценностей по методике Ш. Шварца), так и национальные индикаторы по важным направлениям общественного развития.

Для информированного сравнительного социологического анализа ценностей в процессе модернизации важно сочетать различные существующие подходы, от осмысления «многообразия модернизаций» на макроуровне до эмпирической верификации западных теорий в различных международных проектах и выработки национальных индикаторов изменения ценностей в проблемных и актуальных сферах, которые могли бы быть применимы в анализе других обществ. В конкуренции различных подходов возможен научный дискурс о модернизации, который сегодня является необходимым сопровождением любых процессов модернизации.

Литература:

1. Welzel C. The theory of human development: A cross-cultural analysis / C. Welzel, R. Inglehart, H.-D. Klingemann // European Journal of Political Research. – 2003. – Vol. 42. – P. 341-379.
2. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
3. Inglehart R. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8, №2. – P. 551-567.
4. Магун В.С. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами / В.С. Магун, М.Г. Руднев // Препринт WP6/2010/03 / ГУ-ВШЭ. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 52 с.
5. Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: У 2-х т. Том 1. Аналітичні матеріали / За ред. В. Ворони, М. Шульги. – К.: Інститут соціології, НАН України, 2011. – 576 с.

Карпиевич Виктор Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Командно-инженерный институт МЧС Республики Беларусь, г. Минск

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ В УСЛОВИЯХ МОДЕРИЗАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ БЕЛАРУСИ

Одной из важнейших целей белорусского государства является обеспечение национальной безопасности, а задачей органов государственной власти является создание и поддержание деятельности системы национальной безопасности. В свою очередь для органов государственного управления в Республике Беларусь одним из приоритетных направлений деятельности является защита населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера.

Как это следует из Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, деятельность органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (ОПЧС) Республики Беларусь направлена на защиту личности от опасностей, которые могут возникать во время ЧС, а также спасение ее жизни и имущества. Предотвращая ЧС, либо минимизирую

их последствия, ОПЧС Республики Беларусь выполняют и важнейшую социальную функцию – сохранение общества, в т.ч. целостности государства, стабильности его социально-экономического развития.

Основным субъектом обеспечения безопасности жизнедеятельности людей от разного рода ЧС является государство, осуществляющее функции в данной области через органы исполнительной власти, республиканский орган государственного управления по чрезвычайным ситуациям, а также через иные республиканские и местные исполнительные и распорядительные органы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Государственная политика Республики Беларусь в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера должна проводиться посредством целенаправленной и скоординированной деятельности органов государственной власти, местных исполнительных и распорядительных органов, организаций и граждан в соответствии с их правами, полномочиями и обязанностями в этой сфере.

Эта политика заключается в том, что органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь играют важную роль в системе национальной безопасности. Они обеспечивают состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз со стороны чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В целом можно констатировать, что в XXI в. человечество находится в состоянии риска. Причем с ростом количества ЧС этот риск все более возрастает. Но т.к. практически невозможно полностью устранить вероятность возникновения ЧС (т.е. риски), то следует уделять внимание управлению рисками с целью минимизации последствий от ЧС различного характера.

В литературе под риском подразумевается возможность наступления событий с негативными последствиями, т.е. возможность реализации предполагаемой опасности [1, с. 12]. Терминологический глоссарий UNISDR также определяет риск как сочетание вероятности события и его негативных последствий [2, с. 23].

Следовательно, стоит согласиться с тем, что риск является наиболее наглядным показателем опасности тех или иных событий. При этом понятие риск всегда включает два элемента: частоту (или вероятность), с которой происходит опасное событие, и последствие этого события. Отсюда можно утверждать, что риск есть мера опасности, а опасность – это свойство чего-либо причинять кому-либо или чему-либо ущерб. Таким образом, любая ЧС таит в себе опасность. Если ЧС является масштабной, в ее рамки попадает большое количество людей или объектов жизнедеятельности, то речь уже идет о бедствии. А в наше время риск бедствий весьма очевиден.

Таким образом, мы получаем, что одной из важнейших проблем национальной безопасности в любой стране является риск возникновения ЧС. Причем эта проблема существует как в мирное, так и в военное время.

Также следует обратить внимание и на тот факт, что из всех угроз национальной безопасности государства, риск бедствий от ЧС является наиболее потенциальным. Это вытекает из самого характера развития современного общества, а также из тех природных явлений, которые остаются все еще неподвластными для человека. Так, вероятность возникновения крупномасштабных военных действий в северной части Индийского океана гораздо ниже, чем вероятность повторения цунами. Такая же ситуация характерна и для Чили, Японии или Гаити, где сейсмическая активность по-прежнему вызывает тревогу как у специалистов, так и у населения.

В этой связи можно констатировать, что в кризисных ситуациях особенно обостряется потребность общества в обеспечении безопасности, поддержании ее на приемлемом уровне в процессе общественного развития. В тех случаях, когда нарушается система безопасности, может наступить «кризис безопасности», при котором возможны

либо распад социального объекта на отдельные элементы, когда каждый из них вынужден сам создавать свою систему безопасности, либо полная катастрофа.

Как показывает практика, ЧС не возникают неожиданно. Зачастую им предшествуют определенные явления, события, процессы, которые называют накоплениями факторов риска. Обнаружение признаков опасности, их анализ и основанное на нем прогнозирование степени вероятности самой опасности, сроков ее действия, возможного ущерба и т.д. является важнейшей задачей специальных органов государственного управления.

Логика возникновения рисков такова, что возникает триада: опасность – причины – нежелательные следствия. Надо иметь в виду, что одна и та же опасность может реализоваться в нежелательное событие по различным причинам [3, с. 54].

Эта проблема снова стала актуальной после разрушительного землетрясения в Японии, повлекшего за собой аварию на АЭС. Даже самые передовые технологии безопасного строительства АЭС, которые были использованы при строительстве станций в сейсмической зоне и должны были обезопасить эти объекты, не спасли их от разрушений, повлекших за собой радиационное загрязнение прилегающих территорий. Поэтому сейчас можно констатировать, что к Чернобыльскому синдрому (страх перед радиацией) добавился синдром Фукусимы (страх перед атомной энергетикой вообще, требование закрытия АЭС, запрет на строительство новых). Общество по-новому стало смотреть на проблему атомной безопасности.

Требование абсолютной безопасности, во-первых, весьма туманно, а во-вторых, может обернуться трагедией для людей, так как обеспечить нулевой риск в действующих социальных системах невозможно. Получается, что общественный прогресс поставил под сомнение концепцию абсолютной безопасности. Вместо ее сейчас произошел переход к концепции приемлемого риска. Данная концепция подразумевает собой стремлению к такому уровню безопасности, который может быть принят обществом исходя из социально-экономического и научно-технического развития. Приемлемый риск представляет собой некоторый компромисс между уровнем безопасности и возможностями ее достижения. Но следует помнить, что экономические, социально-политические и научно-технические возможности повышения безопасности современных общественных систем не безграничны.

Литература:

1. Акимов, В.А. Риски в природе, техносфере, обществе и экономике / В.А. Акимов, В.В. Лесных, Н.Н. Радаев. – М.: Деловой экспресс, 2004. – 352 с.
2. Терминологический глоссарий UNISDR по снижению риска бедствий. – Женева: UNISDR, 2009. – 43 с.
3. Губанов, В.М. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них / В.М. Губанов, В.П. Соломин, Л.А. Михайлов. – М.: Дрофа, 2007. – 288 с.

Окунева Татьяна Владимировна, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современной социологической литературе постоянно идет спор о дефиниции «гражданское общество». Широкий разброс мнений относительно того, что такое гражданское общество, каковы его основные субъекты и что с ним происходит на постсоветском пространстве в настоящее время, является отражением постоянного изменения самого концепта гражданского общества.

В анкете социологического мониторинга, постоянно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, имеется следующий вопрос: «Как Вы считаете, что такое гражданское общество?». Ответы разделились следующим образом (табл.):

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что такое гражданское общество?», %

Варианты ответов	%
Свобода личности и обеспечение прав человека	53,1%
Активное участие граждан в работе органов государственной власти и управления	44,5%
Гласность и доступность информации о положении дел в обществе	42,4%
Личная безопасность и неприкосновенность частной жизни	39,9%
Свобода политических взглядов и убеждений, отсутствие господства одной идеологии	26,5%
Независимые средства массовой информации	20,3%
Независимые профсоюзы	15,7%
Конструктивное сотрудничество политических партий и общественных организаций с государством	13,7%
Социальная благотворительность	10,9%
Многообразие политических партий, правозащитных и других общественных организаций	10,4%
Местное самоуправление	4,6%
Другое	1,5%

Анализ ответов говорит о плохом понимании гражданами страны самой сущности гражданского общества. В современной России некоторые ученые и политики рассматривают гражданское общество как полный аналог «общества рыночной демократии» с максимально ограниченными возможностями государства регулировать социальные процессы [3].

Многие исследователи, которые занимаются проблемами гражданского общества, понимают под ним совокупность взаимодействий граждан, свободных от непосредственного контроля и регулирования со стороны государства [2, 3].

Американские ученые, ставя во главу угла так называемый третий сектор, предлагают следующее определение: гражданское общество – совокупность зарегистрированы в Минюсте США некоммерческих организаций, которые подпадают под налоговые льготы для организаций, не нацеленных на распределение прибыли (они могут ее получать, но обязаны использовать на уставные цели организации) [3].

Предлагаю собственное авторское определение: гражданское общество – это общество свободных и полноправных граждан, которое формируется на основе принципов плюрализма и демократии, правового равенства граждан, их самоопределения и самоорганизации, в котором происходит переход некоторых властных функций от государства к независимым от власти общественным структурам, способным создать необходимые и достаточные условия для развития личности, реализации ее прав, удовлетворения законных интересов и важнейших потребностей, роста правосознания и правовой культуры. Гражданское общество образует ту социальную среду обитания индивидов, где протекает их общественная жизнедеятельность, детерминируя контуры их социального пространства и рамки образа жизни [1, 2].

Гражданское общество имеет сложную структуру. Важнейшими структурными элементами гражданского общества являются различные группы и организации, объединенные общностью интересов, активно участвующие в политической жизни страны, реализующие частные интересы и выполняющие определенные властные функции. Среди них – местные органы самоуправления, политические партии, общественные объединения, профсоюзы, трудовые коллективы, семьи, молодежные структуры, религиозные организации, научно-технические общества, творческие союзы и

ассоциации, общественные объединения предпринимателей, землячества, общественные клубы и самодеятельные ассоциации, объединения граждан по месту жительства, средства массовой информации, правозащитные объединения, природоохранные общественные организации и многие другие. Наиболее важные из них:

- Советы депутатов, прежде всего, областного и базового уровня, где каждый избранный гражданин страны может представлять и защищать интересы различных социальных групп и слоев, принимать управленческие решения. Прямое участие людей в управлении государством формирует у них определенные личные качества, направленные на решение как государственных, так и региональных проблем, позволяет выполнять управленческие функции.

- Политические партии, служащие своеобразным посредником между государством и широкими народными массами. Они призваны выполнять функции объединения интересов различных социальных групп и личностей. Политические партии преобразовывают эти интересы в политические действия, по возможности реализуют их на государственном уровне; обеспечивают связи между различными уровнями и ветвями власти; вырабатывают компромиссные политические решения.

- Общественные объединения, пытающиеся решить многочисленные проблемы людей путем целенаправленного влияния на власть.

- Независимые средства массовой информации, доносящие различную информацию до людей. Прямое назначение средств массовой информации состоит в обеспечении информационного обмена между ячейками общества, создании информационного пространства.

- Церковь как общественный институт, формирующий личностные качества и властные отношения, систему прав и свобод граждан при помощи специфических идеологических методов и принципов.

- Семья как институт, обеспечивающий первичное пространство частной жизни и способного в силу этого стать отправной точкой «роста снизу» гражданского общества.

- Профессиональные союзы, призванные отстаивать сугубо экономические интересы людей труда.

Главным элементом гражданского общества является личность, человек, индивид как источник, цель и критерий стремления к идеалу и ее право на самореализацию, которое в полной мере возможно при обеспечении права индивидуальной личной свободы как в политической, так и экономической сферах.

Основные параметры практически всех субъектов гражданского общества можно измерить различными социологическими методами. Например, только 4,2 % жителей страны считает, что участие в деятельности политических партий эффективно, 4,5% – поддерживает идею выборов в белорусский парламент по партийным спискам, Сторонником какой-либо политической партии считает себя 1,4 %, скорее считает – 2,4% респондентов. Более трети (33,9%) населения страны убеждены, что для Беларуси главное – сильная, эффективная политическая власть, а не наличие большого количества партий. Белорусским политическим партиям в настоящее время доверяют 14,8 процента населения Беларуси, не доверяют – 35,9 процента. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в парламент по «партийным спискам», то 23,6 % избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Половина респондентов вполне вероятно вообще бы не пошла на выборы, так как они ничего не знают о партиях [1].

В настоящее время с православием отождествляют себя 80,0% граждан Беларуси, католицизмом – 8,5%, с протестантизмом – 0,6%. Почти половина (43,6%) респондентов считает, что выжить им в сложнейших ситуациях помогает именно вера в Бога. Чуть менее четверти опрошенных убеждены, что она помогает во всех случаях, шестая часть – в большинстве ситуаций, пятая часть – только в некоторых случаях. Шесть-восемь процентов верующих посещают храмы каждый день. Их число постоянно растет, что свидетельствует о повышении значимости веры в повседневной жизни, тяге к религии

прежде равнодушных к ней людей. Так 6,9% посещают храмы один-два раза в месяц, 28,7% – несколько раз в год, преимущественно по большим праздникам, 27,5% – один-два раза в год, 17,0% – не посещает никогда [1]. Социологические исследования дают важную и нужную информацию для изучения гражданского общества.

Литература:

1. Котляров, И.В. Гражданское общество и государство: поиск баланса во взаимоотношениях / И.В. Котляров, Т.В. Окунева // Республика Беларусь – Европейский Союз. Проблемы и перспективы партнерства. Сборник научных статей. – Минск: Беларуская навука, 2013. – С.204-250
2. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ. – 2004. – Т.1 – 286 с. Т.2 – 284 с.
3. Котляров, И.В. Управление совершенствованием гражданского общества: нормативный аспект / И.В. Котляров, Т.В. Хузева // Экономика и управление. – 2006. – №4. – С. 66-73.

Мартинovich Наталья Валерьевна, соискатель, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современная политика существует и реализуется через комплекс политических институтов и организаций, отношений и ценностей, установок и смыслов. Именно они в современном обществе организуют взаимодействия между людьми по поводу политической власти и обуславливают «правила политической игры», которые детерминируют политическую систему.

Но что представляет собой политическая система современного общества? На этот вопрос ответить и просто, и сложно. Политическая система – это особая реальность, которая качественно отличается от других систем общества, развивается в соответствии с собственной логикой и направлена на решение, прежде всего, властных проблем. В самом общем смысле под политической системой понимается весь спектр политических отношений субъектов по поводу политической власти. В развернутом виде политическая система – это система управления, с помощью которой общество регулирует происходящие в нем социально-политические процессы.

Белорусский политолог и социолог Игорь Котляров предложил следующее определение: политическая система – это целостная, упорядоченная совокупность взаимодействующих политических институтов и организаций, с помощью которых осуществляется политическая власть и управление обществом, и политических идей и идеалов, отношений и ролей, процессов и связей, норм и принципов, ценностных установок и ориентиров, направленных на реализацию властных отношений [1, 2].

Политическая система белорусского общества в настоящее время находится в состоянии постоянного развития и совершенствования. Наблюдается усиление централизации главного элемента политической системы – власти, в стадии становления многие другие ее элементы. И в тоже время достаточно много граждан Беларуси поддерживают предложения Президента страны по постепенной модернизации политической сферы. Как показывают социологические исследования, проведенные в 2013 году Институтом социологии НАН Беларуси, почти половина населения страны респондентов осознают необходимость модернизации политической реформы (да – 18,7%; скорее да, чем нет – 25,7%). Наиболее активно эту деятельность поддерживают 62,1% руководителей предприятий, учреждений и иных организаций, 53,5% – военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, 43,3% специалистов непроизводственной сферы.

Однако, как показывает анализ результатов социологических исследований, это только благие пожелания. Как модернизировать политическую систему, мало кто из политиков и ученых, тем более, граждан Беларуси, знает. Вот как выразили свое отношение респонденты к следующим направлениям модернизации политической системы белорусского общества:

Таблица. Оценки населением направлений модернизации политической системы белорусского общества, %

Варианты ответов	%
Усилить ответственность руководителей всех уровней за принятые решения	42,5%
Сделать работу государственного аппарата более эффективной и открытой для граждан	39,6%
Установить контроль за доходами и расходами чиновников	35,2%
В большей степени учитывать общественное мнение при управлении государством	31,3%
Развивать систему местного самоуправления	15,6%
Ввести прямые выборы населением руководителей местных органов власти и управления (местных администраций и т.п.)	13,7%
Учитывать права и мнение оппозиции при принятии политических решений и управлении государством	9,8%
Развивать и поддерживать негосударственные средства массовой информации	8,5%
Привлекать общественные организации к принятию политических решений и управлению государством	7,9%
Провести децентрализацию власти и управления (передать часть полномочий в принятии решений от республиканских в местные органы власти и управления)	7,2%
Оказывать государственную поддержку политическим партиям	6,7%
Перейти к голосованию как по отдельным кандидатам, так и по партийным спискам на выборах в Парламент (к смешанной системе)	4,4%
Перейти к голосованию только по партийным спискам на выборах в Парламент (к пропорциональной системе)	1,8%

Первые четыре кластера предложений относятся не к модернизационным процессам, а скорее к обыкновенным организационным инновациям. Можно ли учитывать общественное мнение граждан (этого требует почти треть жителей страны), при нынешнем состоянии политической системы? Безусловно! Поэтому, прежде чем говорить о модернизации политической системы, необходимо определить, что понимать под основными дефинициями политической системы, каковы ее основные пути ее модернизации, каким образом измерить параметры системы и темы ее реформирования.

Предлагаю интегративную модель политической системы, которая, по моему мнению, состоит из следующих трех важнейших подсистем: инструментальной, нормативно-идеологической и функционально-коммуникационной. В инструментальную подсистему входят следующие основные структурные элементы: президент как важнейший политический институт, парламент, правительство, местные органы управления и самоуправления, политические партии, политические элиты, политические лидеры, политические акторы и электорат.

Практически все структурные элементы политической системы можно измерить при социологических исследованиях. Причем социологический мониторинг, долгие годы проводимый Институтом социологии НАН Беларуси, делает это достаточно успешно.

Самый главный, спорный и интересный вопрос модернизации политической системы современного белорусского общества – переход от мажоритарной к пропорциональной системе. Его поддерживает только 1,8% населения страны. Основная причина – слабые политические партии.

Как показывают результаты социологического мониторинга, белорусским политическим партиям в настоящее время доверяют 14,8% населения Беларуси, не доверяют – 35,9%. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в

парламент по «партийным спискам», то 23,6 % избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Половина респондентов вполне вероятно вообще бы не пошла на выборы, так как они ничего не знают о партиях. Сторонником какой-либо политической партии считает себя 1,4%, скорее считает – 2,4%. Только 4,2 % жителей страны считают, что участие в деятельности политических партий эффективно. Более трети (33,9%) населения страны считает, что для Беларуси главное – сильная, эффективная политическая власть, а не многопартийность [3].

Представляет интерес и социологический анализ других политических структур как элементов политических систем. Он дает интересную и важную информацию для дальнейшего совершенствования политической системы белорусского общества.

Литература:

1. Гребень, В.А. Политология: структурно-логическая и графо-аналитическая модель / В.А. Гребень, И.В. Котляров // Минск: МИУ, 2011. – 592 с.
2. Котляров, И.В. Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление / И.В. Котляров // Социологический альманах. – №2. – Минск: Беларуская навука, 2011. – С. 41 – 54
3. Котляров, И.В. Социология политических партий Беларуси / И.В. Котляров. – Минск: Беларуская навука, 2011. – 400 с.

Пушкин Александр Леонидович, научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ¹

Понятие «гражданская идентичность» имеет многозначный характер, и применяется в различных научных дисциплинах. При всем существующем многообразии научных дефиниций, следует обратить внимание на два основных методологических подхода к изучению гражданской идентичности - редукционизм (метод сведения) и антиредукционизм. Большинство исследователей Ю.В. Арутюнян, О.А. Богатова, Е.А. Гришина, А.Г. Санина, В.А. Тишкова придерживаются первого подхода, для которого характерно сведение гражданской идентичности, прежде всего к национально-государственной идентичности, иногда в рамках данного подхода происходит сведение гражданской идентичности к этнической идентичности. Однако следует учитывать, что в рамках единого государства, как правило, существует одна гражданская идентичность и множество этнических идентичностей (в Беларуси насчитывается более 130 народностей).

Противоположного подхода к изучению гражданской идентичности придерживаются в своих исследованиях А.К. Дегтярева, Л.М. Дробижева, Н.М. Лебедева, М.Б. Хомякова, которые считают, что понятие гражданская идентичность это отдельный элемент в системе социальной идентичности личности, не тождественный национальной, этнической идентичности.

Наиболее значимыми и типичными предпосылками для формирования гражданской идентичности являются следующие факторы: историческое наследие, язык, общая культура, самоназвание социальной общности. Следует обратить внимание, что для граждан Беларуси, белорусский язык не является, в полной мере, объединяющим фактором, необходимой предпосылкой формирования гражданской идентичности.

Формирование гражданской идентичности возможно при наличии следующих структурных компонентов:

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г12Р-007 от 15.04.2012 г.).

- когнитивный – включает в себя знания о принадлежности личности к определенному сообществу граждан, о государственной власти, правовой основе организации общества, государственной символике, общественно-политических событиях, о выборах, политических лидерах, партиях и их программах, ориентация в их функциях и целях;

- эмоционально-оценочный (коннотативный) – рефлексивность знаний и представлений, наличие собственного отношения к общественно-политическим событиям, чувство гражданского долга, гражданское достоинство, гражданский патриотизм.

- ценностно-ориентировочный (аксиологический) – уважение прав других людей, толерантность, гражданские ценности и обязанности, принятие и уважение правовых основ государства и общества;

- деятельностный (поведенческий) – участие в общественной жизни своего трудового коллектива; участие в общественно-политической жизни страны, в государственных и гражданских структурах; самостоятельность в выборе решений, ответственность за принятые решения.

Современное состояние о типах идентичности в современной Беларуси получено в ходе республиканского исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г. Наглядное представление о типах идентичности представлено в таблице 1, в которую включены ответы респондентов на вопрос: «Кем Вы себя осознаете прежде всего?»

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя осознаете прежде всего?», %

Варианты ответов	Осознаю в полной мере	Осознаю в определенной степени	Не осознаю	Затрудняюсь ответить
Я гражданин Беларуси	67,5	22,7	3,3	5,6
Я типичный представитель своей национальности	36,0	36,8	12,1	13,1
Я сельский житель	24,1	16,1	44,1	11,8
Я городской житель	38,8	26,8	21,5	10,0
Я житель СНГ	12,9	27,8	37,5	18,0
Я верующий	34,7	32,8	15,0	15,4
Я атеист	3,1	8,1	63,6	19,4
Я европеец	12,6	25,5	36,5	21,1

Представленные данные указывают на определенную тенденцию, которая заключается в консолидации социальной общности государства на основе общеполитической, гражданской идентичности. По мере становления независимого государства, гражданская идентичность приобрела доминирующее значение, существенным образом опережая национальную, региональную, религиозную идентичности.

Анализ демографических групп выявил тенденцию повышения уровня гражданской идентичности по мере увеличения возраста респондентов так, например, среди респондентов 60–69 лет почти три четверти (74,6%), в полной мере осознают себя гражданином Беларуси. Среди молодежи до 30 лет гражданская идентичность также является доминирующей и соответствует среднестатистическим данным. Так, среди респондентов до 20 лет в полной мере осознают себя гражданином Беларуси 66,3%, среди следующей возрастной категории 20–29 лет – 66,9%. Эти данные противоречат стереотипу, согласно которому вся молодежь смотрит и стремится только в Европейский Союз. Становление гражданской идентичности определяется не только гражданской принадлежностью (формальными признаками), но и эмоциональным отношением и переживанием, с которым связана эта принадлежность.

В нашем исследовании эмпирическим индикатором эмоционально оценочного компонента являлись ответы респондентов на вопрос об их гордости о своем гражданстве, а также о том, что больше всего объединяет их с жителями Беларуси.

По отношению к первому вопросу ответы респондентов распределились следующим образом: гордятся тем, что являются гражданином Беларуси три четверти от числа опрошенных – 74,9 %, противоположного мнения придерживается – 6,7 %, затруднились с ответом – 13,2 %. Не ответили на данный вопрос – 5,2 %. Представленные цифры свидетельствуют о значительном потенциале по формированию гражданской идентичности потому, что три четверти респондентов гордятся своим гражданством, а это является важнейшей предпосылкой консолидации общества, формирования активной жизненной позиции по защите и отстаивании интересов страны.

Анализ демографических групп выявил одну закономерность: чем выше возраст респондентов, тем выше их гордость своей страной, чем моложе респондент, тем меньше его гордость своим гражданством, особенно это значимо для возрастной когорты респондентов до 20 лет. Для данной категории каждый пятый – 20,9 % затруднился ответить гордится он или нет своим гражданством; каждый десятый – 11,7 % не испытывают гордости за свое гражданство; гордятся своим гражданством – 61,6 % респондентов. Среди возрастной когорты 60–69 лет гордятся 84,6 %, а среди 70 лет и старше – 85,0 %, противоположного мнения придерживаются только 2,6 % опрошенных.

Вышеизложенное позволяет утверждать что, во-первых, специфика молодежи заключается в повышенном критическом отношении к существующей действительности, ей присущи максимализм и идеализация, некритическое отношение к информации, во-вторых, следует признать недостаточной работу с молодежью соответствующих государственных структур. Следует обратить внимание на идейное воспитание молодежи со школьной скамьи, активизировать контрпропаганду особенно в интернете, который является основным источником информации для молодежи.

Для успешного формирования гражданской идентичности необходимо наличие определенных знаний и умений, которые личность может успешно применять в повседневной практике, местном самоуправлении, самодеятельных организациях граждан. Только реальная практическая деятельность: участие в общественно-политической жизни страны, в государственных и гражданских структурах; самостоятельность в выборе решений, ответственность за принятые решения и их последствия.

Важнейшим критерием сформированной гражданской, как и любой другой идентичности, являются реальные поступки и деятельность субъекта той или иной идентичности. Деятельностный компонент гражданской идентичности проявляется в участии в общественной жизни трудового коллектива, в общественно-политической жизни страны, в государственных и гражданских структурах: местного, районного, городского и республиканского уровня. Эмпирическими индикаторами деятельного компонента гражданской идентичности в нашем исследовании являлись вопросы о форме участия в респондентов в политической жизни страны, об их участии в деятельности общественных организаций. Основными формами политического участия респондентов является их участие в выборах. Важнейшие формы участия респондентов в политической жизни страны и их деятельности в общественных организациях представлены в таблице 2.

Таблица 2. Формы участия респондентов в общественно-политической жизни страны, %

Варианты ответов	Возрастные группы			
	16-29	30-39	50 лет и старше	В целом
Участие в выборах Президента	45,3	65,4	66,4	60,6
Участие в выборах в местные Советы депутатов	27,7	41,6	49,4	41,1
Участие в выборах в Парламент	21,8	31,1	43,4	33,5
Не участвую в политической жизни	43,0	28,8	26,6	31,5
Не участвую в деятельности общественных организаций	56,4	66,2	73,7	66,7

Анализ полученных данных позволяет говорить о следующей закономерности, чем моложе респонденты, тем меньше их активность в политической жизни страны. В ходе опроса около трети респондентов выразили готовность уделить часть своего свободного времени в работе местного самоуправления. При этом среди молодежи согласились участвовать в работе местного самоуправления 31,2 %, среди возрастной категории 30-49 лет – 26,3 %, а среди тех, кому более 50 лет – 26,4 %. Приведенные данные свидетельствуют о значительном потенциале для работы на местном уровне. Задача заключается в выявлении и привлечении данных людей к реальной работе.

Итак, существующая тесная взаимосвязь между уровнем национально-гражданской идентичности и степенью консолидации государства, перспективой его исторического развития, обуславливает жизненную потребность в его формировании, укреплении и развитии. Только сформированная национально-гражданская идентичность является гарантом существования независимого государства Республика Беларусь. Подводя итоги, выделим основные тренды гражданской идентичности в современной Беларуси: анализ демографических групп позволил выявить следующую закономерность. Чем старше человек, тем более сформирована гражданская идентичность (когнитивный, эмоциональный, деятельный компоненты); в полной мере не используется существующий потенциал по привлечению молодежи к реальной работе на местном уровне, недостаточна работа государственных структур с молодежью в области воспитания патриотизма, по привлечению молодежи к реальному участию в политической жизни.

Рыбчак Светлана Владимировна, научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОБХОДИМОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ¹

К концу 2011 года стало очевидно, что существование в Беларуси социально-экономической системы и политической системы требует модернизации. Уже в краткосрочной перспективе понадобится кардинальное изменение сложившихся механизмов управления экономикой и социальной сферой, что вызвано, как минимум, двумя факторами:

- сокращением доступных бюджетных ресурсов;
- обязательствами по выплате внешнего долга.

Так что же такое модернизация. В словарях можно найти определение модернизации «как перехода от традиционного общества, которое отождествляется главным образом с социальными отношениями патриархально-феодалного типа, к современному обществу индустриального капиталистического типа. Другими словами, модернизация – целостное обновление общества». А консервативная модернизация заключается в изменении внешних элементов функционирования социально-экономической и политической системы без глубокой социально-политической трансформации, т.е. без внедрения либеральных свобод.

Политическая модернизация же предполагает реформирование определенных политических институтов, которые должны способствовать реальному участию населения во властных структурах и влиянию народных масс на принятие конкретных решений.

Многие эксперты сегодня говорят, что при всех проблемах, которые существуют в Беларуси, она на правильном пути. Положительным инструментом для реализации курса модернизации в Беларуси послужит ее плановая экономика.

¹ Работа подготовлена в рамках гранта БРФФИ по теме «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в Союзе Беларуси и России» (2012-2014 гг.).

Трансформация белорусского общества откроет различным социальным группам более привлекательные и более взвешенные пути решения накопившихся проблем. Пока же многие белорусы выстраивают свою гражданскую и моральную позицию почти в полном соответствии с обывательской философией. На вопрос социологов: «Что бы вы предпочли «Жить богаче, но рискуя, действия с инициативой» или «Жить пусть беднее, зато с гарантированным уровнем достатка, без риска» 42% опрошенных предпочли первый вариант и только 27% - второй.

Для более полного представления о том, как многогранная деятельность по модернизации политической системы отражается в общественном мнении различных групп населения Беларуси следует иметь в виду, что более четверти опрошенных 27,6% затруднились в выборе четкой позиции в данном вопросе и только 17,7% от общего массива респондентов заявили о том, что нет необходимости реформирования существующей в стране политической системы (заметим в скобках, что 16,2% заняли колеблющуюся позицию между ответами «да» или «нет» по данному вопросу, склоняясь, преимущественно, к положительному ответу на него).

Процессы, связанные с модернизацией, определили фундаментальный пересмотр вопросов соотношения молодежи и политики, которые начинают серьезно волновать исследователей. Этому есть ряд причин. Во-первых, молодежь, как правило, не является, по мнению большинства населения, «полноценным», независимым от взрослого мира субъектом политики. Во-вторых, политическую деятельность молодежь объединяют с процессом социализации и адаптации, отсюда сложность в определении направленности ее убеждений и отделении друг от друга тактико-стратегических политических установок. Господствующие позиции у молодежи занимает прагматизм, настроенный далеко не на реализацию социальных целей и каких бы то ни было программ и стратегий изменения социальных институтов и норм. Важной составляющей активного поведения молодежи выступает целеполагание: четкая и ясная цель сама по себе является мощным стимулом к действию, при этом сфера активности не имеет значения, поэтому не правомерно говорить о пассивности современной молодежи, скорее следует искать новые формы молодежной культуры. Молодежная активность - это, прежде всего, возможность испытать те или иные поведенческие, ситуационные, общественные практики в более яркой, радикальной форме. Развивая эту точку зрения, можно сказать, что молодежная активность есть своего рода включенное обучение социальным навыкам, где важно не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь и какую ответственность ты несешь за свои действия.

Приведенные результаты социологических исследований убеждают в том, что процесс модернизационных преобразований политической системы в Беларуси большинством граждан страны поддерживаются. Причем они не просто говорят о желательности таких преобразований, но и высказывают мнение о том, какие положительные изменения они хотели бы увидеть в процессе оптимизации управленческих структур.

В свете сказанного резко возрастает значимость более широкого и активного участия различных групп и общностей (политических, профессиональных, территориальных, поселенческих и др.) наших сограждан в разработке и осуществлении управленческих решений, а тем самым и вовлечение их в осуществление модернизации политической системы.

Безусловно, ожидаемая модернизация не означает никакой революции. Белорусская политическая система за прошедшие годы доказала свою устойчивость и эффективность. Сформированная на принципах подлинного народовластия, она явилась одним из ключевых факторов успешного развития страны и выдержала серьезные испытания и вызовы, в том числе атаки извне. Проведение нескольких избирательных кампаний различного уровня и референдумов, обеспечение устойчивой и слаженной работы всех ветвей власти - все это в позитивном зачете отечественной политической модели. Однако очевидно, что дальнейшее успешное развитие возможно только при

условии, если политическое руководство страны сумеет обеспечить определенную модификацию системы на марше. Ведь стабильность может быть долговременной только в обществе, которое способно к периодическому обновлению.

В заключение хотелось бы отметить, что модернизация в ее классическом понимании в нашей стране нецелесообразна, т.к. требует коренной ломки общественного строя и колоссальных затрат, а потрясения и дестабилизация нам не нужны.

Грибановский Сергей Петрович, аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ ГОССЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Проблематика «модернизации» современных обществ относится к числу наиболее актуальных и обсуждаемых тем в социологической науке. Понимание «модернизации» в самом общем виде включает в себя сложный комплекс перемен, происходящих в каждом аспекте общества. По мнению белорусского социолога Г.Н. Соколовой, модернизация представляет собой процесс позитивного изменения государства и общества, который основан на экономических, политических и культурных инновациях, ведущий, в конечном счете, к смене типа экономической и социальной структуры, политической организации общества, повышению благосостояния всех слоев населения, развитию культуры, науки и техники и сбережению природы [11, с. 5]. Российские исследователи В.И. Добренков и А.И. Кравченко рассматривают модернизацию, в первую очередь, как всемирно-исторический процесс становления, а затем распространения западного типа общества на незападные общества. При этом исследователи отмечают ключевые характеристики модернизированного общества, а именно: демократическая власть, рыночные отношения и классовое неравенство [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что модернизация пронизывает и обновляет все подсистемы общества.

В более детальном приближении можно обозначить следующие трансформации на уровне общественных подсистем: в экономической – включение национальной экономики в глобальный рынок (глобализация), распространение инновационных (наукоемких) технологий, развитие частной инициативы и конкуренции, расширение сферы услуг; в политической сфере – реформа политических институтов, идеологический плюрализм, либерализация политических прав и свобод граждан, включение населения в решение важнейших государственных вопросов; в социальной сфере – формирование открытого общества с высокой социальной мобильностью и усложненной стратификацией; в духовной сфере – «вестернизация» культуры и духовной жизни, распространение индивидуалистских и потребительских ценностей и т.д.

На наш взгляд, определяющим параметром модернизации на всех уровнях ее развертывания является усиление роли и статуса отдельного индивида. Следует подчеркнуть принципиальную двойственность позиции личности, выступающей одновременно не только в качестве субъекта, главного действующего лица общественных преобразований, но и в качестве объекта, терминальной цели и главной ценности подобных преобразований.

Успешность общественной модернизации зависит во многом от эффективности деятельности отдельных субъектов на уровне крупных промышленных производств, частных предприятий, институтов власти и военных структур, научно-образовательных учреждений и т.д.

Особое внимание следует уделить рассмотрению роли личностной компоненты в системе государственной службы, которая, будучи важнейшим социально-политическим институтом, несет прямую ответственность за реализацию программы социальной

модернизации. Как указывает социолог Л.А. Калиниченко, «эффективная государственная служба является одним из важнейших механизмов общественного развития; необходимое в высокоразвитом обществе повышение уровня организованности государственной службы – главный фактор достижения социальной эффективности» [6, с. 21].

Анализ деятельности государственных служащих позволяет спрогнозировать пути модернизации белорусского общества. Ключом к пониманию специфики деятельности госслужащих служит понимание ее как деятельности, носящей карьерный характер. По мнению исследователя В.Г. Игнатова, государственная служба «карьерна», потому как «действующие в ней чиновники связывают свою деятельность в ее недрах с продвижением по службе, ростом, подъемом по иерархической лестнице» [5, с. 144].

Профессиональную карьеру госслужащего можно представить как процесс профессионального развития чиновника, выраженный в его продвижении по квалификационной лестнице и проявляющийся в изменении его социального статуса, увеличении материального вознаграждения, расширении властных полномочий и авторитета, достижении высокого уважения и социального престижа.

Карьерный рост госслужащего определяется, в первую очередь, его карьерным потенциалом. Согласно определению И.А. Поленц, карьерный потенциал – это совокупная возможность физических, интеллектуальных и духовных свойств отдельного работника к карьерному продвижению. С точки зрения И.А. Поленц, карьерный потенциал складывается из личностного потенциала, психофизиологического и квалификационного [9, с. 14–15].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь на 1 ноября 2011 года численный состав госслужащих страны насчитывал 56 232 работника. Укажем на основные характеристики карьерного потенциала белорусских госслужащих:

1. Высокий образовательный уровень госслужащих. Как показывает статистика, в системе государственной службы доминируют специалисты с высшим образованием – 89,2%, что позволяет говорить о достаточном квалификационном потенциале современных белорусских управленцев.

2. Увеличение доли гуманитариев среди государственных служащих (юристов, экономистов и т.д.) и уменьшение числа лиц с техническим образованием [2, с. 210]. Профессионализация кадров госслужбы становится одной из ведущих тенденций ее развития.

3. Омоложение возрастной структуры кадров. На данный момент в системе госслужбы преобладают лица в возрасте от 30 до 39 лет (16 203 работника или 28,8 % от всех возрастных групп).

4. «Феминизация» государственной службы. Официальная статистика сообщает, что в органах государственного управления занято 38 495 женщин, что составляет 68,5% от всего гендерного состава. В то же время высшие руководящие должности в равной степени занимают мужчины и женщины (3 219 человек против 3 622 соответственно). Учитывая количественное преобладание женщин в целом, правомерно говорить о том, что на руководящие должности чаще попадают мужчины [12].

Обобщая статистические выкладки, можно заключить, что карьерный потенциал современных белорусских госслужащих высок, он характеризуется достаточным образовательным, профессиональным и квалификационным уровнем, способствующим успешному освоению карьерного пространства.

Тем не менее, в полной мере карьерный потенциал госслужащего может быть реализован только при содействии системы управления карьерой на госслужбе. Согласно дефиниции А.Я. Кибанова, управление карьерой – это комплекс мероприятий, проводимых кадровой службой организации, по планированию, организации, мотивации и контролю служебного роста работника, исходя из его целей, потребностей, возможностей, способностей и склонностей, а также исходя из целей, потребностей, возможностей и социально-экономических условий организации [7, с. 451].

В институте государственной службы управление карьерой работника производится с использованием различных карьерных процедур, как-то: конкурсный отбор кандидатов, квалификационные экзамены, тестирование, использование кадрового резерва и т.д. Приведенные процедуры в полной мере соответствуют меритократическим принципам комплектования кадров госслужбы. Однако, как отмечают некоторые исследователи, меритократические технологии подбора, расстановки и карьерного продвижения кадров в системе государственной службы Республики Беларусь используются лишь частично. По оценке отечественного специалиста в сфере госуправления Л.С. Вечер, в органах государственной власти наблюдается рост влияния на подбор и продвижение кадров корпоративных групп и дружеских связей [2, с. 210]. В целях обеспечения объективности отбора на госслужбу необходимо усилить роль кадровых служб, обратиться к методам рекрутинга кадров, а также привлечь их с помощью современных сетевых, в том числе, интернет-технологий.

Социально-экономическая повестка дня выдвигает новые требования к качеству персонала органов государственного управления. Приоритетным направлением признается создание компактной и эффективной государственной службы, что, в свою очередь, сопряжено с задачей сокращения численности аппарата и упорядочивания его функций, повышение материального довольствия служащих и их трудовой мотивации. Реформирование государственной службы осуществляется в соответствии с указом Президента Республики Беларусь от 12.04.2013 года «О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников». Реформа подразумевает общее сокращение количества госслужащих на 25%, то есть 13 617 единиц, и повышение размера оплаты труда оставшимся сотрудникам на 50%. В послании белорусскому народу и Национальному собранию Глава государства отмечал, что сокращение не механистично: оно призвано оставить на госслужбе наиболее инициативных, ответственных работников и должно освободить от должности только тех работников, которые случайно попали на госслужбу или не видят себя в ней [10].

Как нам видится, карьерный рост госслужащих в нынешней ситуации реформирования государственной службы будет определяться следующими положениями:

1. Возрастание требований к уровню профессионального мастерства, компетентности и образованности госслужащих. Профессионализм и компетентность относятся к ключевым принципам, на которых покоится система госслужбы, что отражено в статье 6 Закона Республики Беларусь «О государственной службе». В условиях модернизации навык ускоренной, гибкой и творческой адаптации к изменяющейся среде приобретает особую актуальность. Степень адаптируемости определяется качеством профессиональной подготовки госслужащего. Соответственно, назревает необходимость постоянного квалификационного совершенствования госслужащих; участие их в образовательных программах; прохождение регулярной аттестации и проч. По данным социологического исследования И.А. Давидюк, именно ум, профессионализм, хорошее образование являются ключевыми личностными факторами успешного карьерного продвижения чиновника [3, с. 30].

2. Актуализация этической проблематики государственной службы. Социальное значение госслужбы состоит в служении общественным интересам, из чего следуют определенные моральные императивы деятельности госслужащих. Госслужащий должен действовать, исходя из потребностей рядовых граждан, а не в угоду личным, корыстным целям. Принимая во внимание особую коррупциогенность сферы госслужбы, следует в качестве приоритетного личностного индикатора госслужащего назвать моральную чистоплотность. Важное значение имеют и другие моральные ценности. По мнению исследователя А.В. Оболонского, к ключевым моральным ценностям госслужащего относятся: честность, ответственность, подчинение закону, компетентность,

справедливость, беспристрастность, политическая нейтральность, «социальная чувствительность», эффективность [8, с. 58]. Соответствие указанным характеристикам с большой вероятностью будет способствовать карьерной мобильности госслужащего. Несоответствие моральным стандартам госслужбы может стать серьезным карьерным барьером для власти имущего.

3. Усиление значения политико-идеологического компонента госслужбы. Данный компонент, по нашему представлению, складывается из таких элементов как гражданственность, патриотизм, политическая лояльность госслужащего. Геополитическое положение Республики Беларусь на пересечении западного и восточного внешнеполитического влияния ставит задачу консолидации и упрочнения позиций внутренних элит, государственного аппарата. Госслужащие должны демонстрировать полную подчиненность интересам государственной политики и воли вышестоящих лиц, ибо это необходимо для сохранения суверенитета и целостности государства. Вертикальное карьерное восхождение чиновника можно прогнозировать только в случае, если он ответственно подходит к решению государственных задач и, более того, воспринимает их как лично значимые. О важности этого компонента писал в свое время еще классик мировой социологии М. Вебер: «дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям» [1].

Таким образом, модернизация белорусского общества должна рассматриваться в неразрывной связи с реформой государственной службы, которая есть механизм и проводник социального обновления. Реформа госслужбы должна опираться на меритократические процедуры отбора, расстановки и карьерного продвижения кадров. В конечном итоге, успешная карьерная самореализация госслужащих служит залогом не только успешного реформирования госслужбы, но и фактором модернизации всех подсистем белорусского социума.

Литература:

1. Вебер, М. Политика как профессия и призвание/ М. Вебер// Наука. Интернет. Россия [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.htm. - Дата доступа: 8.04.2013.
2. Вечер, Л.С. Государственная кадровая политика и государственная служба: практикум / Л.С. Вечер. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 279 с.
3. Давидюк, И.А. Управление развитием карьеры российских государственных служащих в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / И.А. Давидюк; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2008. – 32 с.
4. Добренков, В.И. История зарубежной социологии / В.И. Добренков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2004.
5. Игнатов, В.Г. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность / В.Г. Игнатов, В.К. Белоліпецкі. – Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2000. – 251 с.
6. Калининченко, Л.А. Социальная организация государственной службы (теоретико-социологический анализ): автореф. дис. ... докт. социол. наук: 22.00.08 / Л.А. Калининченко; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2001. – 46 с.
7. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: учебник / А.Я. Кибанов. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 695 с.
8. Оболонский, А.В. Этические аспекты регулирования государственной службы/ А.В. Оболонский// Общественные науки и современность. – 2004. – №5. – С. 53 – 64.
9. Поленц, И.А. Формирование системы управления карьерой в организации: автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05 / И.А. Поленц; Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.
10. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию// Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press143814.html#doc>. – Дата доступа: 30.08.2013.
11. Соколова, Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия/ Г.Н. Соколова// Социологические исследования. – 2012. – № 5. – С. 3 – 12.
12. Труд и занятость в Республике Беларусь: статистический сборник/ Национальный статистический комитет Республики Беларусь; науч. ред. Е.И. Кухаревич. – Минск, 2012. – 278 с.

Волков Сергей Евгеньевич, Первый заместитель начальника ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», начальник учебно-методического управления, полковник, г. Минск

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ГУМАНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В условиях современной социокультурной, экономической и геополитической обстановки компетентностный подход (КП), рассматриваемый как эффективный способ повышения качества высшего профессионального образования, занял уверенную позицию в современной методологии высшей школы.

На нормативном уровне КП заявлен в новых белорусских государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования в качестве концептуальной результативно-целевой основы проектирования содержания образования. Основное отличие данного подхода от гностического (знаниевого), на позициях которого отечественная профессиональная школа находилась довольно длительное время, заключается в нацеливании системы образования на конкретные результаты, выраженные на языке компетенций (знаний, умений и навыков в их практическом применении).

Компетентностный подход – это подход, акцентирующий внимание на результате образования, причем в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях, т.е. формирование компетентности в образовательном процессе выдвигает на первое место не информированность обучающегося, а умение разрешать проблемы в различных сферах.

Традиционное знаниевое образование утрачивает свою эффективность и целесообразность.

Прежде всего, это обусловлено развитием современного информационного общества, для которого характерны:

- стремительное обновление знаний (объем новой информации уже невозможно охватить учебными программами);
- информатизация профессиональной деятельности (добывание информации становится условием существования любого современного производства);
- отсутствие необходимости перегружать память знаниями «про запас» (сегодня существуют информационные хранилища иной природы, надо только уметь пользоваться ими).

Сегодня востребованным становится образование не на всю жизнь, а через всю жизнь. Стратегия модернизации образования предполагает, что в основу обновленного образования будут положены «ключевые компетентности», которые являются предпосылкой для развития и распространения компетентностного подхода. Специфика компетентностного обучения состоит в том, что усваивается не готовое знание, а формируются умения, необходимые для решения задачи.

Ключевые компетенции – это то, что дает ключ к становлению компетентности. Если эти ключевые компетенции сформированы, то это означает, что у человека есть некий особый ресурс достижения высокого уровня компетентности в любом виде деятельности. Как этот ресурс сформировать – это и есть главная проблема компетентностного подхода.

Формирование ключевых компетенций является первым направлением компетентностного подхода к современному образованию. Ключевые компетенции предполагают подготовку специалиста через реализацию Государственного образовательного стандарта; развитие межпредметных знаний и умений, в том числе по другим специальностям; информационную, коммуникативную и правовую подготовку.

Второе направление – формирование обобщенных предметных компетенций. Обобщенные предметные компетенции отвечают за умение использовать содержание различных дисциплин при решении конкретных задач. В определенном смысле данное направление связано с тенденцией к универсализации образования. При этом расширяется кругозор обучающихся, формируются умения искать и находить нестандартные решения проблем, возникающих в профессиональной деятельности и бытовой жизни.

Третьим направлением реализации компетентностного подхода является усиление практического, прикладного характера образования – развитие прикладных предметных компетенций. Прикладные предметные компетенции связаны с деятельностным характером профессиональной подготовки. В отличие от обобщенных предметных компетенций в данном случае формируются способности эффективно использовать в профессиональной деятельности конкретные знания и умения по изученным дисциплинам. Это направление является развитием традиционной системы профессионального образования.

Четвертое направление – овладение жизненными навыками. Развитие данного направления предполагает подготовку к социальной адаптации, которая не менее важна, чем профессиональная подготовка. Жизненные навыки важны профессионалу для успешной социализации в обществе.

Формирование и развитие ключевых компетенций будущих специалистов может эффективно осуществляться только в процессе системного и целенаправленного обучения, в котором предусмотрены все необходимые организационно-педагогические условия. Важнейшим из таких условий является моделирование целостного педагогического процесса.

Педагогическое моделирование – это процесс создания модели, в которой иерархия структурных составляющих образовательного процесса представлена в различных аспектах и различными средствами.

Моделью является искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковых форм или формул, который, будучи подобен исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом виде его структуру.

С позиции компетентностного подхода преподавание гуманитарных дисциплин в вузе направлено на комплексное освоение умений и способов социально-профессиональной деятельности, обеспечивающее успешное функционирование человека в ключевых сферах жизнедеятельности в интересах его самого и общества в целом.

Формирование ключевых компетенций в процессе гуманитарной подготовки обучающихся может эффективно осуществляться при создании определенных организационно-педагогических условий.

К условиям обычно относят внешние и (или) внутренние обстоятельства, то, от чего что-либо зависит. Педагогическими условиями принято считать внешние обстоятельства, которые обеспечивают функционирование и развитие процесса, что требует определенного упорядочения – организации. Организация понимается как процесс достижения определенности во внешних и внутренних отношениях систем, необходимой для обеспечения устойчивости систем в изменяющейся среде обитания.

Таким образом, основные организационно-педагогические условия формирования ключевых компетенций в процессе гуманитарной подготовки обучающихся представляют собой совокупность инновационной образовательной среды, структуры и содержания учебно-методического обеспечения процесса формирования ключевых компетенций.

Моисеенко Владимир Григорьевич, генерал-майор, Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск

*ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ
В СФЕРЕ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ*

Гражданско-патриотическое воспитание обучающихся в ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» представляет собой важное направление работы по подготовке специалистов в интересах органов пограничной службы. Оно призвано обеспечивать формирование и развитие у курсантов гражданственности и патриотизма.

Гражданско-патриотическое воспитание – это комплекс мероприятий, направленных на формирование и развитие личности военнослужащего, обладающей важнейшими качествами гражданина, патриота Республики Беларусь, организуемых в соответствии с концепцией патриотического воспитания военнослужащих органов пограничной службы.

Основными задачами гражданско-патриотического воспитания являются:

- воспитание у военнослужащих и гражданского персонала любви к Родине, гордости за ее историческое прошлое;
- формирование у военнослужащих бережного и уважительного отношения к обычаям и традициям белорусского народа;
- воспитание у военнослужащих уважения к профессии пограничника, профессиональной чести и неподкупности;
- развитие у военнослужащих интереса к истории пограничной службы, ее традициям, гордости за принадлежность к своей воинской части, подразделению.

Основными путями гражданско-патриотического воспитания являются:

- реализация Концепции патриотического воспитания военнослужащих органов пограничной службы;
- использование потенциала истории страны, пограничной службы, воинских частей, подразделений, памятных мест, современных символов Республики Беларусь;
- опора на ветеранов Великой Отечественной войны, пограничной службы, ветеранские организации;
- проведение акций в первичных организациях БРСМ;
- организация взаимодействия с ветеранскими организациями;
- создание и организация работы музеев и комнат боевой славы;
- организация работы по выполнению программ «Молодежь Беларуси», по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн;
- проведение военно-патриотических и спортивных лагерей молодежи;
- организация работы клубов «Юные друзья пограничников»;
- проведение военно-мемориальной работы.

В Концепции патриотического воспитания военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь на 2011-2017 годы основное внимание уделяется формированию и развитию личности военнослужащего, обладающего важнейшими качествами гражданина, патриота Республики Беларусь, определению основных направлений совершенствования работы по вопросам воспитания у военнослужащих патриотизма, морально-психологической готовности к выполнению задач, возложенных законодательством на органы пограничной службы Республики Беларусь.

Решить данные задачи возможно только при условии эффективного процесса воспитания патриотизма у курсантов-пограничников. Важным моментом воспитания патриотизма является формирование активной гражданской позиции курсантов-пограничников, чувства ответственности за развитие и государственное устройство

Родины, сознательного выбора и приоритета национальных интересов, уважения Конституции и законов Республики Беларусь.

Для решения задач воспитания патриотизма и гражданственности в современных условиях можно выделить следующие подходы: сбор, обобщение и анализ данных об уровне состояния патриотизма у курсантов, качества и действенности идеологической работы в условиях государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» по данному направлению, гибкое и своевременное реагирование на все изменения этого уровня; развитие научного обеспечения процесса воспитания патриотизма у курсантов-пограничников; скоординированное взаимодействие участников образовательного процесса, государственных и общественных организаций, семьи по обеспечению условий эффективной идеологической работы в условиях ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»; формирование у курсантов системы знаний, понимания исторической и причинной связи происходящих событий и явлений, представлений о роли личности в истории, её ответственности за мир, природу, окружающую среду, общество, воинский коллектив, свою семью, за самого себя; развитие национального самосознания и гражданской позиции в условиях образовательного процесса, спортивно-массовой работы, культурно-досуговой деятельности; привитие навыков поведения в воинском коллективе, формирование лидерских качеств, активной личной и социальной позиции; формирование ответственного поведения, умения противостоять чужим идеям и асоциальным явлениям, здорового образа жизни, самодисциплины; внедрение в систему воспитания патриотизма возможностей Интернет-ресурсов, создания компьютерных игр, интернет-проектов, комплектов плакатов, DVD-дисков с продукцией об органах пограничной службы; обеспечение проведения поисковой деятельности, спортивно-патриотических лагерей, учебно-полевых сборов, военно-спортивных праздников, смотров-конкурсов, викторин, спортивных слётов православной молодёжи и других мероприятий; создание видеофильмов и видеоархива воспоминаний пограничников- участников Великой Отечественной войны, об участии пограничников в боевых действиях в Республике Афганистан; воспитание на основе традиций и достижений пограничной службы, воинских частей, подразделений, биографий и реальных дел передовых военнослужащих, ветеранов; проведение «вечеров военных мемуаров».

Таким образом, существующая сегодня система воспитания курсантов в ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» отвечает требованиям, которые призваны обеспечивать формирование и развитие у курсантов гражданственности и патриотизма.

Кляр Андрей Анатольевич, начальник отдела военно-социологических исследований Центра психологических и социологических исследований Вооруженных Сил Республики Беларусь, г. Минск

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕСТИЖА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При рассмотрении факторов, определяющих «престиж» той или иной профессиональной деятельности, в первую очередь, необходимо обратить внимание на положения теории социальной стратификации П. Сорокина, указывающие, что доступ к привилегиям и власти определяет соотношение между социальной значимостью профессии, ее местом в иерархии профессиональных групп. Схожего мнения составляющих «престижа» придерживался и М. Вебер. Он рассматривал такие аспекты, как богатство, власть и социальное признание (социальное одобрение) в качестве трех отдельных взаимодействующих факторов, лежащих в основе иерархии в любом обществе

[2, с. 147, 151]. При этом «престиж» является одним из социальных факторов, оказывающих значимое влияние на социальную мобильность в обществе [2, с. 151].

С середины XX столетия основополагающим принципом стратификационных концепций являлся функционализм. Т. Парсонс, Л. Уорнер, Б. Барбер и другие авторы этого направления истолковывали социальное неравенство как «функционально необходимое для сохранения общества, части которого рассматривались как объединенные и взаимозависимые в системе, находящейся в равновесии» [1, с. 436].

Одним из основных вариантов приложения общей теории функционализма к проблемам социального неравенства и мобильности является концепция К. Дэвиса и У. Мура, которые под стратификацией понимали неравномерное распределение материальных благ и общественного престижа [3, с. 14].

Обобщая положения приведенных теорий, следует отметить, что отличия функциональной значимости различных профессий непосредственно связаны с социальным управлением, как инструментом организации и мотивации видов профессиональной деятельности. Возникающий благодаря необходимости рационального распределения по разным позициям индивидов, деятельность которых различным образом способствует выполнению стоящих перед обществом задач, «престиж» профессии выступает в качестве одной из важнейших составляющих данного механизма. При этом отличия «престижа» различных видов профессиональной деятельности связаны с тем, что каждый из них предоставляет своим исполнителям какой-то диапазон возможностей для удовлетворения личных потребностей и воспроизводства трудовых потенций в пределах, санкционированных социальными институтами. В связи с чем, наиболее престижным для индивида является профессиональная деятельность, наилучшим образом удовлетворяющая его актуальные потребности [3, с. 16]. Разнообразие последних предполагает существование нескольких видов престижа. В рамках рассматриваемой проблемы, наиболее значимым является социальный престиж профессии.

Основу социального престижа профессии составляет значимость осуществленного или же планируемого вклада его объекта (индивида, группы, института) в решение социально-экономических проблем общества. Он представляет собой обобщенный результат сопоставления значимости профессиональной деятельности (профессии) для существования и функционирования группы (общества) и во многом определяется системой ценностей группы (общества), в целом, и оценивающего индивида, в частности. При этом основу оценки значимости вклада и возможностей, предоставляемых объекту (индивидам, группе, институту) для удовлетворения его потребностей выступают не объективно существующие характеристики данных критериев, а общественные и личные представления о них. Посредством механизма социальной регуляции и контроля этот вклад получает соответствующую позитивную или негативную санкцию, которая с помощью символов престижа и стереотипов фиксируется в общественном мнении.

Схожим образом в общественном сознании формируются стереотипные образцы представителей профессий. Такие образцы постепенно превращаются в своеобразный шаблон, стереотип восприятия всей профессиональной группы, начинают ассоциироваться с каждым ее представителем и выполнять ряд важных функций (профессиональной пропаганды, стимулирования компенсации и т.п.).

Социальный престиж профессии, как отражение представлений о социальной позиции конкретной профессиональной группы, во многом обусловлено мнением о «профессиональном статусе», т.е. о положении в социальном сплетении профессиональных отношений, с которыми связаны определенные общественные ожидания. При этом профессиональный статус (ранг) индивида внутри профессиональной группы зависит от степени, с какой индивид в ходе профессиональной деятельности реализует определенные ценности, т.е. представления о том, что является желательным [4, с. 48].

Немаловажное значение для формирования престижных оценок конкретной профессиональной деятельности играет образование. В учебных заведениях с ярко выраженной профессиональной направленностью, происходит приобщение человека к ценностям, убеждениям, традициям тех профессий, по которым они получают образование (студенты медицинских, юридических и других вузов, курсанты военных учебных заведений).

Вместе с тем, в профессиональном самоопределении образование играет промежуточную роль, ибо его объективным результатом является конкретная профессиональная квалификация. Отношение к профессиональной деятельности, т.е. к труду, формируется как в процессе получения образования, так и в ходе практического исполнения профессиональных обязанностей. Как справедливо пишет В.А. Ядов – «отношение к труду есть триединое отношение: к труду вообще (общее), к профессии и специальности (частное), к данной конкретной работе (особенное)». При этом в качестве одной из основных детерминант данного отношения он определяет социальные условия, функциональное содержание труда и особенности личности работника. [6, с. 17]. Соответственно, «престиж» профессии для индивида формируется под влиянием:

- представлений об особенностях жизни и деятельности социального окружения (социума);
- оценки роли профессиональной деятельности, ее вклада в решение стоящих перед обществом задач;
- личных особенностей представителя профессиональной деятельности, его потребностей, возможностей и ценностных ориентаций.

Здесь следует отметить, что влияние социальной ситуации связано и с реально существующей в данном обществе системой ценностей. В соответствии с этой системой определяются критерии оценки, а высоким «престижем» наделяются (поощряются) те объекты, которые наилучшим образом соответствуют ценностным и нормативным стандартам, которые выгодны, благоприятны и значимы для общества [3, с. 18].

Таким образом, престиж – не только психологическая награда, присуждаемая индивидам в знак уважения к ним, и не только средство самоутверждения личности. Престиж – это и общественная оценка социальной значимости тех или иных лиц, социальных групп и институтов, их специфическое социальное качество, и особая социальная ценность, вступающая в отношения обмена с другими социально-значимыми ценностями. Но главное состоит в том, что престиж представляет собой особый механизм, с помощью которого общество влияет на поведение индивидов, регулирует их отношения, и, тем самым, корректирует распределение людских ресурсов для решения приоритетных задач.

Литература:

1. Беккер, Г., Босков, А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков – пер. с англ. В.М. Корзикина и Ю.В. Семенова. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. – 895 с.
2. Вебер, М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социс. – №5. – С.
3. Родионова, Н.А. Повышение престижа военной службы среди студентов: социально-управленческий аспект / Н.А. Родионова // Автореферат дисс. канд. социол. наук. – Москва: НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия», 2009. – 105 с.
4. Цвык, В.А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии / В.А. Цвык // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – №4. – С. 44–52.
5. Ядов, В.А. Методологические проблемы конкретного социологического исследования / В.А. Ядов // Автореферат дисс. доктора фил. наук. – Ленинград: ЛОЛГУ им. А.А. Жданова, 1967. – 32 с.

Войтеховский Александр Витович, кандидат философских наук, доцент,
Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск

АКТУАЛЬНОСТЬ И СУЩНОСТЬ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу таких принципов относятся:

1. Смысл образования заключается в развитии у обучающихся способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт обучающихся.

2. Содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем.

3. Организация образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучающихся опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

4. Оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности (компетенций), освоенных обучающимися на определённом этапе обучения.

Компетентностный подход апеллирует к современной парадигме взаимодействия науки, образования и социальной практики. Поэтому не удивительно, что сам принцип компетенции зародился в рамках одной из конкретных наук и был впоследствии экстраполирован в качестве научного метода, применимого к различным сферам знания, включая педагогику.

Для обеспечения более высокого уровня профессиональной подготовки будущих специалистов, востребованных на рынке труда, в других сферах общественной жизнедеятельности, необходимо выполнение следующих условий:

1) усиление прикладной и профессиональной направленности обучения, в том числе посредством изменения соотношения теоретической и практической подготовки;

2) увеличение доли курсов по выбору обучающихся, позволяющих познакомить их с особенностями профессиональной деятельности;

3) увеличение доли самостоятельной внеаудиторной работы и использование современных методов и средств ее контроля;

4) применение современных педагогических и информационных технологий, психолого-дидактических концепций, обеспечивающих приближение учебной деятельности к профессиональной;

5) проектирование новых профессионально значимых учебных курсов и их учебно-методического обеспечения, неотъемлемым компонентом которого должны стать электронные энциклопедии, электронные учебники, образовательные порталы и др.;

В этой связи особые требования предъявляются к преподавательскому составу высшей школы. Необходимым условием совершенствования профессиональной деятельности научно-педагогического корпуса вузов является переход от информирования к организации и управлению самостоятельной учебно-познавательной и профессионально-практической деятельностью обучающихся, осознание своих функций в поддержке становления нового поколения специалистов, основанного на свободе выбора и самоопределения, проявления творческих способностей и формирования профессионального сознания, адекватного социально-экономическому заказу общества.

Сегодня в процессе образовательной деятельности должны учитываться современные достижения теории и практики, а проектирование педагогических целей и задач, компетенций выпускников, применение современных педагогических технологий осуществляться для решения задач учебно-познавательной, а затем и профессиональной деятельности обучающихся, то есть, иметь практико-ориентированный характер.

Переориентация образовательного процесса на развитие профессиональной компетентности будущего специалиста взамен трансляции ему системы знаний, смена «субъект-объектных» отношений на «субъект-субъектные», системное видение компетентностной модели будущего специалиста – все это требует перестройки сознания преподавательского состава, творческой работы по пересмотру собственной роли и функций, повышения своей компетентности.

В условиях массового высшего образования идеология передачи «готовых знаний» обучающихся постепенно сменяется идеологией формирования компетенций, а на смену парадигме передачи знаний приходит парадигма дееспособности. В контексте новой парадигмы на первый план выходят задачи выявления и передачи современных способов организации мыслительной работы специалиста, что и определяет современное содержание высшего профессионального образования.

Важнейшим признаком компетентностного подхода является способность обучающегося к самообучению в течении всей жизни, а это невозможно без получения глубоких знаний. Роль знаний в современном мире меняется, они все больше подчиняются умениям. В содержание обучения включаются преимущественно те знания, которые необходимы для формирования умений. Все остальные знания рассматриваются как справочные, они хранятся в словарях, энциклопедиях, Интернете, других источниках и носителях информации и все меньше в сознании и памяти обучающихся. В то же время обучающийся должен при необходимости уметь быстро и безошибочно пользоваться всеми этими источниками информации для разрешения тех или иных проблем, умений в сложных жизненных и служебных ситуациях, практике профессиональной деятельности.

Таким образом, компетентностный подход – это системный процесс определения образовательных целей, отбора и формирования дидактического содержания, реализации комплекса мер по всестороннему обеспечению профессионального воспитания и обучения, осуществляемый на основе освоения обучающимися социально-личностных и профессиональных компетенций, формирование которых у выпускников обеспечивает высокий уровень владения сложными профессиональными действиями и высокую результативность в практической деятельности по должностному предназначению.

Волосников Роман Александрович, магистр педагогических наук, Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск

ПЕРЕХОД К УПРАВЛЯЕМОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ БЕЛАРУСИ НА ЭТАПЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА

Стремительное расширение информационного пространства, внедрение передовых достижений современных компьютерных технологий, научно-технический прогресс, стремление к гуманизации – являются основными направлениями социокультурного развития общества, а также оказывающие влияние на систему образования нашей страны. Появляется необходимость в специалистах нового качества, имеющих высокие навыки самостоятельной деятельности и обладающих перманентной потребностью в самообразовании и саморазвитии [8, с. 4]. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на выступлении перед студенческой молодежью Брестчины в 2004 году определил основное направление работы вузов страны: «Надо научить черпать знания. Ты

не можешь в вузе получить раз и навсегда нужный объем знаний. Тебя здесь должны научить добывать знания, работать с книгой, Интернетом, учебником. Должны научить и привить, если получится, чувство необходимости постоянно получать знания и совершенствоваться. Это главная задача вуза» [10].

В настоящее время в системе высшего образования Республики Беларусь осуществляется переход на новый стандарт, который предполагает компетентностную модель подготовки специалистов. В статье 91 Кодекса об образовании одним из требований к организации образовательного процесса является компетентностный подход [6]. Одной из компетенций, сформулированных на симпозиуме в Берне (1996), является «способность учиться на протяжении всей жизни в контексте как профессиональной, так и социальной жизнедеятельности» [9, с. 5].

Реализация компетентностного подхода в современной высшей школе предполагает переход от парадигмы «обучения» к парадигме «учения», а в последующем – от самостоятельной учебной деятельности к неизменной потребности в самообразовании. Следовательно, формирование навыков и умений самостоятельной работы является главной задачей профессиональной подготовки специалиста. В высшей школе одним из инновационных путей развития самостоятельности обучающихся является управляемая самостоятельная работа.

В этой связи, совершенно по-новому должна рассматриваться категория «самостоятельная работа». Необходима такая организация самостоятельной работы, в которой обучающийся будет иметь больше свободы и самостоятельности. Известный российский педагог-исследователь И.А. Зимняя отмечает: «...только свободная, внутренне мотивированная самостоятельно осуществляемая студентом учебная деятельность может развивать его творчество, интеллектуальную инициативу, личную самостоятельность и ответственность» [4, с. 4].

Общеизвестно, что цели образовательной системы определяются заказом общества. Если меняются требования, предъявляемые к выпускнику, то реформируются цели системы образования.

В сформировавшейся традиционной системе обучения высшей школы Республики Беларусь определяющее значение в подготовке специалистов имеет прямое обучение, заключающееся в передаче знаний от преподавателя к обучающемуся. Роль преподавателя в такой системе является ключевой, тогда как обучающийся занимает пассивное или зависимое, лишенное самостоятельности положение в обучении. Главными качествами образованного человека являются «энциклопедизм и высокий уровень интеллектуального развития» [19, с. 4].

Вместе с тем, возрастают требования к выпускникам вузов, появляется необходимость в специалистах с другой психологией и мировоззрением, которые готовы к постоянному саморазвитию и самообразованию, обладающих высоким уровнем профессиональной мобильности в условиях динамически развивающегося информационного пространства: технологии наукоемкого производства меняются каждые 3 – 5 лет.

Таким образом, высокие требования, предъявляемые к будущему специалисту, приводят к резкому увеличению учебной и информационной нагрузки на обучающихся. Одним из путей решения данной проблемы является совершенствование образовательного процесса путем внедрения инновационных форм и методов познавательной деятельности, повышении эффективности в учебном процессе самостоятельной работы, поскольку именно она в большей мере способствует формированию и развитию самостоятельности обучающихся, как качества личности. Кроме того, данный факт привел к актуализации идеи непрерывного образования человека на протяжении всей жизни: образования «через всю жизнь». Следует отметить, что переход от концепции образования «на всю жизнь» к концепции образования «через всю жизнь» (lifelong learning) весьма актуален на Западе.

Концепция непрерывного образования стала популярна с 1970 годов [20, с. 225]. Эта концепция изменила традиционные подходы к обучению.

Стремительные процессы интеграции в мировой геополитике накладывают свой отпечаток на многие сферы государственной деятельности, в том числе и в области образования. Развитие высшего образования современной Европы в значительной мере обусловлено Болонским процессом. Это событие повлияло и на развитие высшего образования в Республике Беларусь. Стремление государства присоединиться к единой европейской образовательной среде закреплены в Концепции развития высшего образования от 15 марта 1999 года, Программе социально-экономического развития на 2011 – 2015 года, Государственной программе развития высшего образования на 2011 – 2015 года [13, 14, 12].

Ожидается, что возможное вступление Республики Беларусь в Болонский процесс будет способствовать повышению качества подготовки специалистов с высшим образованием, развитию системы высшего образования в национальных интересах с учетом международных тенденций и передового опыта, укреплению международного сотрудничества с образовательными и научными учреждениями иностранных государств.

Поскольку Республика Беларусь стремится присоединиться к Болонскому процессу, необходимо остановиться на основных тенденциях, преобладающих в высшем образовании Европы.

В настоящее время в европейском пространстве завершен первый этап создания единой образовательной среды, которая строится в соответствии с компетентностным подходом [1].

«Компетентностный подход в высшем образовании – это система требований к организации образовательного процесса вуза, способствующая практико-ориентированному характеру профессиональной подготовки студентов, усилению роли их самостоятельной работы по разрешению задач и ситуаций, имитирующих социально-профессиональные проблемы» [2, с. 8].

В этом определении отмечается важная роль самостоятельной работы в процессе обучения, поэтому одной из главных личностных компетенций является «умение работать самостоятельно» [9, с. 4].

В 1996 в докладе Ж. Делора, руководителя международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI века, были впервые сформулированы основные компетентности, которые в этом же году на симпозиуме в Берне были конкретизированы. Одной из пяти «ключевых» компетенций, сформулированных на симпозиуме, является «способность учиться на протяжении всей жизни в контексте как профессиональной, так и социальной жизнедеятельности» [9, с. 5].

Еще одним значимым шагом на пути создания общего европейского образовательного пространства является проект TUNING, который расшифровывается как настройка образовательных структур в Европе (Tuning educational structure in Europe). В данном проекте также отводится отдельное место такой компетенции как «умение работать самостоятельно» [11, с. 89].

Компетентностный подход активно подвергся исследованию российскими учеными (В.И. Байденко, И.А. Зимняя, Н.А. Селезнева и др.). Результатом данных исследований по проблеме ключевых компетенций выпускника высшего учреждения образования позволил определить пять групп компетенций, в том числе: образовательные компетенции «обеспечивающие способность и готовность к самостоятельной познавательной работе, научно-исследовательской деятельности, постоянному самообразованию и самосовершенствованию, профессиональному росту в течение всей жизни» [2, с. 6].

Отечественный педагог-исследователь О.Л. Жук отмечает, что комплексно сформировать у студентов соответствующие компетенции посредством лекционно-семинарской формы не представляется возможным. «Компетенции могут эффективно

развиваться у студентов на основе их самостоятельной поисковой, творческой деятельности, самостоятельно приобретенного опыта решения разнообразных задач» [3, с. 6].

Из этого понятно, что подготовка в вузе компетентных, мобильных и способных к конкуренции выпускников требует активизации самостоятельного учебного труда, требует разработки содержательно-технологических и организационно-управленческих основ самостоятельной работы обучающихся как важнейшей составляющей образовательного процесса, обеспечивающей формирования у обучающихся компетенций.

Изучение научно-педагогической литературы позволило выделить наиболее прогрессивные подходы в образовании, которые главным образом направлены на создание необходимых стимулов к самостоятельной работе и выработку умений добывать информацию самостоятельно. К таковым относятся: системно-деятельностный, личностно ориентированный, и компетентностный. Следовательно построение модели управляемой самостоятельной работы необходимо осуществлять на основе данных подходов.

Выше мы рассмотрели компетентностный подход, остановимся подробно на остальных.

Исходную позицию системно-деятельностного подхода составляет понимание профессионального образования как освоения профессионального опыта. Целью обучения является не вооружение знаниями, не накопление их, а формирование умения действовать со знанием дела. Исследователь А.В. Романов выделил основные методологические позиции системно-деятельностного подхода. Приведем некоторые из них: при организации обучения первичной является деятельность, но не знания; конечной целью обучения является деятельность, содержание обучения – те знания, которые обеспечивают успешное выполнение профессиональных действий [15, с. 11].

Личностно-ориентированный подход выражается «в отношении к обучающемуся как целостной личности; обучение необходимо выстраивать с учетом интересов и потребностей воспитанников» [7, с. 36]. Главная цель личностно ориентированного подхода – способствовать личностному росту, при таком подходе обучающийся является активным субъектом.

Значимым явлением в дидактике высшей школы Запада стала статья Роберта Б. Бара и Джона Тага «От обучения к учению – новая парадигма высшего образования» (From Teaching to Learning – a New Paradigm of Undergraduate School) [17, с. 13-39].

Смысл данной парадигмы заключается смещении акцента с обучения студента на его учение, где ответственность главным образом за качество образования перекладывается на обучающегося.

В педагогике высшей школы парадигма перехода «от обучения к учению» актуальна. Как пишет в своей работе педагог-ученый Республики Беларусь Н.П. Хвесеня: «Применение новых форм и методов работы с целью формирования и развития способностей принятия самостоятельных решений становится мировой тенденцией в развитии высшего образования» [18, с. 6].

Таким образом, переход от парадигмы преподавания к парадигме учения предполагает применение новых форм и методов работы, с целью повышения самостоятельности обучающихся. Одним из способов достижения данного перехода видится в повышении роли самостоятельной работы, и в особенности – управляемой самостоятельной работы, в которой обучающийся имеет большую активность и осознанность, а преподаватель выполняет роль координатора и консультанта в процессе самостоятельного учения.

Как отмечается в статье о высшем образовании в Республике Беларусь развитие последнего «...осуществляется в соответствии со стратегией перехода страны на путь инновационных преобразований отраслей экономики и социальной сферы и направлено на дальнейшее повышение на основе новейших достижений науки и техники качества

образования в целях удовлетворения потребностей общества и государства в высококвалифицированных специалистах» [16, с. 6].

«Развитие интеллектуального и творческого потенциала обучающихся, их способностей к самообразованию и саморазвитию», является актуальной проблемой на пути реализации инновационных проектов в учреждениях образования Республики Беларусь [5, с. 13].

Проведенные исследования, дают полагать, что Республика Беларусь, следуя мировым тенденциям, реализует намерение построения «образования через всю жизнь». Свое практическое воплощение эта идея нашла в системе непрерывного образования, охватывающей все уровни – от дошкольного до высшего и последиplomного.

Таким образом, инновационный путь социально-экономического развития Республики Беларусь определяет необходимость системных изменений в высшей школе, одной из целей которых является умение и способность самостоятельно получать знания, приобретение настойчивости, упорства в достижении цели, развитие творческих способностей. В данном направлении в белорусской высшей школе активно исследуются инновационные технологии организации учебного процесса, в том числе управляемая самостоятельная работа, которая может рассматриваться как одна из составляющих системы перехода от обучения к учению.

В конечном счете, интерес к управляемой самостоятельной работе в высшей школе вызван следующими факторами:

Во-первых, диалектическим развитием мировой и европейской образовательной среды, которая осуществляет переход на новый стандарт высшего образования, заключающегося в его компетентностном формате. Устремленностью руководства Республики Беларусь присоединиться к болонскому процессу. Это требует конкретных изменений в системе подготовки кадров, перехода от парадигмы преподавания к парадигме учения.

Во-вторых, реализацией в образовательном процессе высшей школы наиболее прогрессивных подходов (системно-деятельностного и личностно-ориентированного), которые реализуются на практике в целях активизации компонента самостоятельности в обучении, создания условий для саморазвития, саморегуляции личности.

В-третьих, самой сущностью самостоятельной работы, поскольку она является основной, главной формой организации учебы в учреждении высшего образования, способствует личностно-ориентированной направленности профессиональной подготовки выпускников, превращению обучающихся в активных субъектов процесса познания, что способствует развитию их способности к самообучению и самообразованию.

В-четвертых, изменением социально-государственного заказа общества, в связи с устремленностью Республикой Беларусь на инновационное социально-экономическое развитие, которое определяет разработку и внедрение инноваций в высшей школе. Поскольку в инновационном развитии ставка делается на человеческий потенциал, необходима такая организация процесса образования, которая бы обеспечивала формирование у обучающихся необходимых компетенций, а также умения приобретать знания самостоятельно. Последние наиболее важно в условиях стремительно изменяющегося мира.

Литература:

1. Жук, А.И. Высшее образование Республики Беларусь: от Болонского процесса к европейскому пространству высшего образования / А.И. Жук // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.minedu.unibel.by/main.aspx?guid=-42283>. – Дата доступа: 24.02.2011
2. Жук, О.Л. Практикум на основе компетентностного подхода: учеб. пособие / О.Л. Жук, С.Н. Сиренко; под общ. ред. О.Л. Жук. – Минск: РИВШ, 2007. – 192 с.
3. Жук, О.Л. Педагогические основы самостоятельной работы студентов: пособие для преподавателей и студентов / О.Л. Жук, [и др.]; под общ. ред. О.Л. Жук. – Минск: РИВШ, 2005. – 112 с.

4. Зимняя, И.А. Самостоятельная работа как высшая форма учебной деятельности студента / И.А. Зимняя // Самостоятельная работа студентов: научн. тр. / Москва, 1993. – 140 с.
5. Инновационное образование: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22-23 дек. 2011г. / ГУО «Академ. последиплом. образования». – Минск: АПО, 2011. – 571 с.
6. Кодекс об образовании: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одоб. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: текст кодекса по состоянию на 13 янв. 2011 г. – Минск: РИВШ, 2011. – 352 с.
7. Ксёнд, О.Г. Схемы по педагогической психологии: пособие для студентов, изучающих психологию и педагогику / О.Г. Ксёнд. – Минск: БГУ, 2008. – 115 с.
8. Лобанов, А.П. Управляемая самостоятельная работа студентов в контексте инновационных технологий / А.П. Лобанов, Н.В. Дроздова. – Минск: РИВШ, 2005. – 107 с.
9. Лобанов, А.П. Профессиональная компетентность и мобильность специалистов: учеб. –метод. пособие / А.П. Лобанов, Н.В. Дроздова. – Минск: РИВШ, 2010. – 96 с.
10. Лукашенко, А.Г. Стенограмма выступления перед студенческой молодежью Брестчины / А.Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press18894.html#doc>. – Дата доступа: 20.02.2012.
11. Настройка образовательных структур в Европе. Вклад университетов в болонский процесс [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://tuning.unideusto.org/tuningeo>. – Дата доступа: 24.02.2011
12. Об утверждении Государственной программы развития высшего образования на 2011 -2015 годы: постановление Совета министров Респ. Беларусь от 1 июля 2011 г. № 893: нац. правовой портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=C21100893. – Дата доступа: 11.02.2012.
13. Об утверждении Программы реализации Концепции развития высшего образования в Респ. Беларусь: приказ Министерства образования Республики Беларусь, 15 марта 1999г., №123 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. №8/187. Минск: Дикта, 2000. – 17 с.
14. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2011 г., № 136 // [Электронный ресурс] / Нац. правовой портал интернет портал Респ. Беларусь, 2012. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31100136&p2={NRPA}>. – Дата доступа: 16.02.2012.
15. Розин, А.А. Педагогическое стимулирование самостоятельной деятельности курсантов военного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / А.А. Розин; Костромской гос. ун-т. – Кострома, 2010 – 22 с.
16. Теория управления: учебник / А.Л.Гапоненко [и др.]; под общ. ред. А.Л.Гапоненко, А.П. Панкрухина. – Москва: РАГС, 2004. – 558 с.
17. Толковый словарь русского языка // [Электронный ресурс]: Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. – Электрон. энциклопед. изд. (1,52 ГБ). - М., 2008. – 1электрон. опт. диск (DVD-ROM): зв., цв.
18. Философский словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
19. Хвесеня, Н.П. Методическое обеспечение самостоятельной работы студентов: пособие для студентов экономического факультета / Н.П. Хвесеня. – Минск: БГУ, 2008. – 28 с.
20. UNESCO, Higher education in the world, The financing of Universities. Regional perspectives: Europe, 2006, p. 435

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Васильева Екатерина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики, заместитель директора Института истории, международных отношений и социальных технологий по науке Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Темпы экономического роста зависят, прежде всего, от социального капитала и экономической культуры, исследование которых – научная проблема, а выявление социокультурных факторов и субъектов формирования экономической и инновационной активности молодежи, как наиболее мобильной группы населения, является основой при прогнозировании темпов модернизации конкретного региона, описании моделей модернизации.

Основной задачей исследования является систематизация научных представлений по вопросам формирования экономических практик, которые лежат в основе процесса модернизации. К таким практикам мы относим экономическую и инновационную активность населения, факторы формирования которых лежат в поле научного интереса многих исследователей [1]. Можно утверждать, что условием успешной модернизации социума является требование проявить экономическую и инновационную активность. Это обусловлено тем, что государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» является для РФ приоритетной по ряду показателей, отвечающих за социально-экономическое благополучие регионов и страны в целом.

Методологическая матрица исследования опирается на критическую теорию (Дьюи Д., Поль Р., Скривен М.), постулаты институциональной теории (Аболафии М., Биггарт Н., Блока Ф., Поланьи К., Флигстина Н.), теории модернизации (Бабосов Е.М., Балашова С.А., Бокарев Ю.П., Гончаров В.В., Матюшок В.М., Соколова Г.Н., Хило Я.П., Шишкин А.И.) [2]. Для оценки сложившейся ситуации в марте-мае 2013 года Научно-образовательным центром социальных технологий Волгоградского государственного университета было проведено эмпирическое исследование методом анкетного опроса (N-624) молодежи Волгоградской области. Генеральная совокупность – это молодые люди, еще не закончившие учебные заведения – студенты СУЗов и ВУЗов, а также школьники, обучающиеся в выпускных классах.

Была проанализирована структура экономических ценностей молодежи, профессиональных ориентаций и готовность к предпринимательскому, инновационному поведению. Полученные в ходе исследования данные позволили систематизировать представления о динамике экономической социализации молодежи. В результате исследования был выделен ряд факторов, препятствующих быстрому экономическому росту в российском обществе и тормозящих формирование экономической и инновационной активности молодежи.

Во-первых, доля учащейся молодежи однозначно положительно относящейся к предпринимательству равна всего лишь 3,28%. Это достаточно малый процент, который соответствует общей доле предпринимателей в современном российском обществе, что не позволяет говорить о быстром росте числа предпринимателей и в будущем. Скорее положительное отношение к предпринимательству продемонстрировало 32,38%

респондентов; 56,97% – нейтральное; 3,28% – скорее отрицательное и 0,82% имеют отрицательное отношение к данной экономической группе.

Во-вторых, не снижается доля молодежи, желающей эмигрировать в экономически развитые страны – 33,20% респондентов хотят уехать и не собираются возвращаться обратно в Россию.

В-третьих, экономическое благополучнее в регионах РФ остается на низком уровне. Это проявляется в том, что большинство молодых людей стараются совместить учебу с трудовой деятельностью. Варианты ответа на вопрос о самостоятельных заработках распределились следующим образом: «работаю во время каникул» – 54,51%; «совмещаю работу и учебу» – 16,80%; «еще не работали» – 28,28%; затруднились ответить на данный вопрос – 0,41%.

Таким образом, можно сказать, что модель экономической модернизации в РФ – это неорганическая модернизация, осуществляющаяся за счет заимствования западных ценностей (именно поэтому так высок процент тех, кто не хочет жить в России). Полученные данные близки к выводам Соколовой Г.Н. [3], описывающей тенденции в экономической модернизации Республики Беларусь. Следовательно, необходимо учитывать ценностную матрицу российского общества, конкретную экономическую и социально-политическую ситуацию в регионах РФ (а не только в столице), так как регионы, вынужденные функционировать в сжатых финансовых потоках, не готовы к быстрой экономической модернизации и значительно отстают в своем развитии от центральных регионов России.

Литература:

1. Бохан, Т.Г. и др. Личностная готовность к инновационному поведению народов Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2011. №348. С. 110-114; Васильева Е.Н. Молодежные и детские общественные организации как агенты формирования экономической активности молодежи // Вестник ВолГУ. 2012. №3. С. 168-171; Сеземина Е.Н. Стимулирование инновационной активности молодежи в рамках региональной молодежной политики // Инновации. 2010. № 6. С. 126-128; Условия развития и способы стимулирования инновационной активности молодых ученых: региональный аспект: коллективная монография / Ю. И. Богатырева, С. В. Пазухина, К. С. Шалагинова и др. - Тула: Изд-во «Гриф и К», 2012. – 192 с.
2. Аболафия, М. Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. 2003. №2. С. 63-72; Бабосов Е. М. Переход к рынку в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 25-34; Бигарт Н. Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. 2001. № 5. С. 49-58; Блок Ф. Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. 2004. № 2. С. 37-56; Бокарев Ю.П. Теории модернизации и экономическое развитие // Вестник РГГУ. Серия Экономика. 2009. № 3. С. 14-25; Гончаров В.В., Хило Я.П. Направления интенсификации инновационного развития Республики Беларусь в условиях становления инновационной экономики // Вестник ГГТУ им. П.О. Сухого. 2013. №3. С. 117-123; Дьюи Дж. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002; Матюшок В.М., Балашова С.А. Эндогенный экономический рост как условие модернизации экономики России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. №2. С. 5-14; Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. №2. С. 62-73; Соколова Г.Н. Модернизация как «ответ» общества на «вызов» глобальных изменений в мире // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 23-38; Флигстин Н. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Экономическая социология. 2003. №1. С. 45–63; Paul, Richard W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990; Scriven, M. Pros and cons about goal free evaluation. Eval. Comm., 3(4), 1–7. 1972; Шишкин А.И. Модернизация общества в контексте управления социально-экономическими процессами // Труды КарНЦ РАН. Сер. Регион: экономика и управление. 2012, №6. С. 5-10.
3. Соколова Г.Н. Модернизация как «ответ» общества на «вызов» глобальных изменений в мире // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 37-38.

Сечко Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ БЕЛАРУСИ

Республика Беларусь и Российская Федерация ориентированы на развитие и укрепление интеграционных процессов. Интеграционные процессы в Беларуси и России имеют как политическую, так и активно развивающуюся экономическую составляющую – создание *Евразийского экономического сообщества* (ЕврАзЭС), Таможенного союза и Единого экономического пространства ЕврАзЭС (ЕЭП). История развития интеграционных процессов свидетельствует, что и политическая, и экономическая сфера данных процессов постоянно совершенствуются в соответствии с изменяющимися макроэкономическими аспектами и тенденциями. Однако для того, чтобы интеграционные процессы были действительно полноценными и эффективными, они должны уделять внимание и социальной составляющей, соответствовать ожиданиям и потребностям населения. К числу основных социальных задач, заявленных в рамках интеграционных процессов Беларуси и России, относятся повышение благосостояния граждан наших стран, укрепление демократических основ государственности, защита прав и свобод человека. *Каковы ожидания белорусского населения от интеграционных процессов, каково общественное мнение о происходящих преобразованиях?*

Согласно результатам республиканского социологического мониторинга, осуществляемого Институтом социологии НАН Беларуси, большинство белорусского населения (более 2/3) полагает, что происходящие интеграционные процессы позитивно влияют на социально-экономическую ситуацию в республике, и особенно ярко это проявилось в условиях финансово-экономического кризиса: так в течение 2011 года возросла численность населения, положительно оценивающего влияние укрепления союза с Россией (весна 2011 г. – 62,8 %, осень 2011 г. – 68,7 %) и укрепление отношений с другими странами СНГ (64,0 % и 66,9 %, соответственно). За этот же период в 2 раза снизилась и без того незначительная группа респондентов, дающая негативные оценки интеграционным процессам с Россией (весна 2011 г. – 5,9 %, осень 2011 г. – 2,8 %) и с другими странами СНГ (2,2 % и 1,3 %, соответственно).

Начиная с 2011 года в условиях мирового финансово-экономического кризиса наблюдается активизация процессов как политического, так и экономического взаимодействия между Беларусью и Россией: начал функционировать Таможенный союз, активизировались процессы в ЕврАзЭС, Антикризисный фонд ЕврАзЭС оказал Беларуси поддержку в условиях кризиса, Российская Федерация предоставила Беларуси льготные цены на нефть (без экспортной пошлины) и газ, начало функционировать Единое образовательное пространство, направленное на обеспечение равных прав в сфере образования гражданам наших стран и предоставляющее возможность белорусской молодежи поступать в ВУЗы России, а российской молодежи – в ВУЗы Беларуси на бюджетную форму обучения, получать стипендию и проживать в общежитии. Активизация интеграционных процессов нашла свое отражение в общественном мнении белорусского населения: в 2011 г. и 2012 г. среди белорусов возросла численность населения, позитивно оценивающего динамику отношений между Беларусью и Россией (2010 г. – 19,4 %, а в 2011 г. – 28,2 %, 2012 г. – 42,3%). Начиная с 2012 г. в 2 раза сократилась группа респондентов, негативно оценивающих динамику отношений (весна 2011 г. – 22,2%, весна 2012 г. – 13,1%, осень 2012 г. – 8,8% населения).

При оценке перспектив развития интеграционных отношений белорусское население полагает, что Беларусь не должна входить в состав Российской Федерации в качестве субъекта федерации. Большинство населения полагает, что дальнейшее развитие интеграционных процессов должно осуществляться в рамках следующих организационно-

правовых форм: первую и наиболее значительную группу составляют респонденты, полагающие, что Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров (с 2009 по 2012 г. данную позицию поддерживает более половины населения, в 2012 г. – 54,7 % населения). Вторую группу составляет часть населения, полагающая, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления – с 2009 по 2012 г. данную позицию поддерживает около 2/5 населения, в 2012 г. – 39,1 % населения.

В контексте выявления уровня социальной поддержки реализуемых проектов и направлений в 2012 году изучалось отношение населения к вхождению Беларуси в Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийское экономическое сообщество. Результаты исследования выявили, что большинство белорусского населения поддерживает вхождение нашей страны в Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана (осень 2012 г., поддерживают 62,7%, не поддерживают 11,6% населения) и в Единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана (осень 2012 г., поддерживают 58,0%, не поддерживают 13,7% населения). Уровень социальной поддержки вхождения Беларуси в ЕврАзЭС несколько ниже (осень 2012 г., поддерживают 46,4%, не поддерживают 16,0% населения), это обусловлено тем, что почти 2/5 населения затруднились ответить на этот вопрос и не в полной мере информированы, что такое Евразийское экономическое сообщество.

Нестабильность и в последнее время даже непредсказуемость политики ведущих мировых держав ставит перед небольшими странами нелегкую задачу поиска надежных союзников. И Беларусь свой выбор сделала. А результаты республиканских социологических мониторингов Института социологии НАН Беларуси показывают, что по мере развития интеграционных взаимодействий, появления реально действующих экономических, правовых и иных соглашений, среди белорусского населения увеличивается численность сторонников интеграционных процессов. Большинство белорусского населения полагает, что происходящие интеграционные процессы позитивно влияют на социально-экономическую ситуацию в республике, и особенно ярко это проявилось в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Таранова Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЗАНЯТОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕГМЕНТАЦИИ БЕЛОРУССКОГО РЫНКА ТРУДА

В Государственной программе содействия занятости населения Республики Беларусь определено, что нынешний рынок труда Республики Беларусь формируется в условиях структурной перестройки экономики [1]. Предполагалось, что модернизация экономики и, соответственно, ее структурная перестройка, потребуют оптимизации численности работающих, что в свою очередь, может вызвать временное повышение уровня общей и структурной безработицы, снижение уровня стабильной занятости на белорусском рынке труда. В рамках данной статьи анализируется занятость населения в контексте региональной сегментации рынка труда на основе данных республиканского социологического исследования «Социологический анализ эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь в условиях экономических преобразований» (2012 г., данные опроса репрезентативны, в т.ч. по регионам). В качестве характеристик занятости, полученных в результате опроса, определены: форма найма и форма собственности предприятий, на которых работают опрошенные белорусы. Для

выявления уровня нестабильной занятости использовались такие индикаторы, как распространенность непостоянной занятости, форма и срок трудового договора; оценки защищенности от безработицы.

Форма найма. Большинство респондентов являются наемными работниками (88,3%); остальные работают самостоятельно (самозанятость) или являются членами коллективного предприятия (учредитель, акционер). В разрезе регионов (рис. 1) наибольший удельный вес наемных работников наблюдается в Витебской области (92,7%), наименьший – в Могилевской (79,2%).

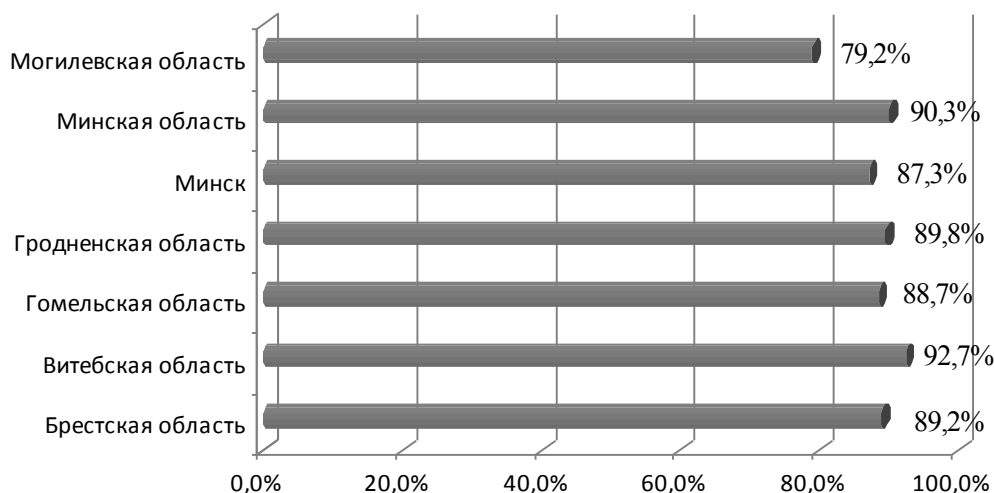

Рисунок 1. Доля наемных работников по областям

Форма собственности. Большинство респондентов отмечают, что работают на государственных предприятиях (организациях). Как видно по данным рисунка 2, на фоне других регионов выделяется Минск, в котором на государственных предприятиях трудится чуть более половины респондентов, остальные заняты на частных предприятиях.

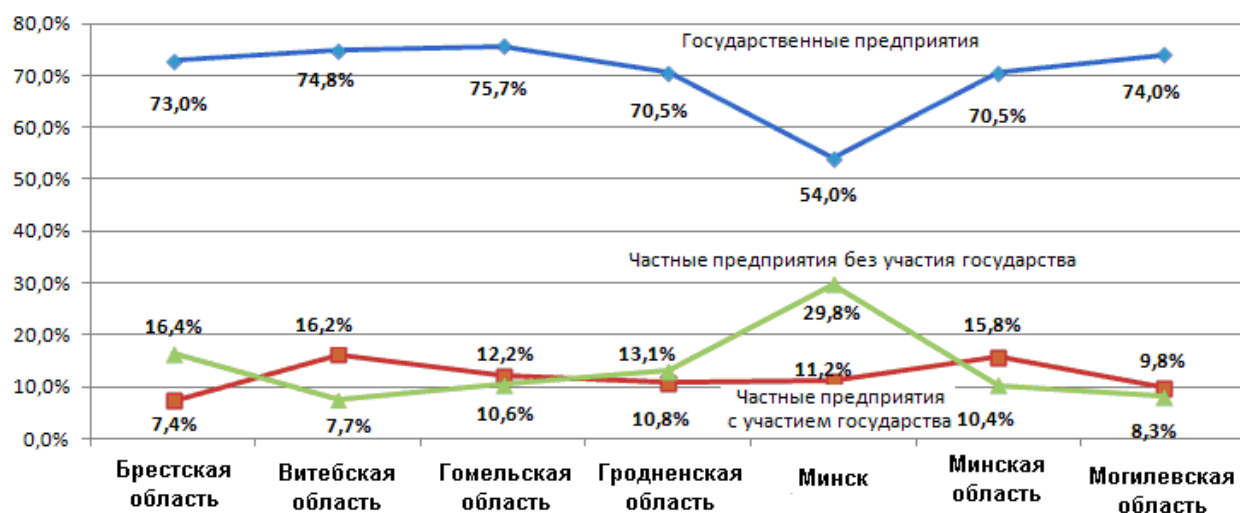

Рисунок 2. Форма собственности предприятий, на которых заняты респонденты (по областям)

Для сельского и городского сегментов рынка труда выявлено различие в форме собственности предприятий: среди сельчан (67,1%) больше работающих на государственных предприятиях, чем среди горожан (76,5%). Это во многом связано со спецификой занятости по отраслям экономики, поскольку 1/3 опрошенного сельского населения работает в сельском хозяйстве.

По выделенным характеристикам занятости в контексте региональной сегментации рынка труда отмечаются следующие различия. В Могилевской области 1/5 часть опрошенного работающего населения не являются наемными работниками. В других регионах эта величина составила от 9,7% в Минской области до 12,7% в Минске, В столице более 40% населения работают на негосударственных предприятиях; в других областях на негосударственных предприятиях трудятся менее 30% респондентов.

Непостоянно (нестабильно) занятое население представляет собой значительный и один из наиболее динамичных сегментов рабочей силы на рынках труда многих стран мира. Динамика непостоянной занятости также зачастую оказывается разнонаправленной. В одних странах ее доля в общей численности занятых устойчиво растет, в других снижается, в третьих удерживается практически на неизменном уровне. Вместе с тем, говорить о какой-либо общей закономерности, характерной для всех без исключения стран, едва ли можно. Тем не менее, в большинстве стран наблюдается явная тенденция к ее постепенному расширению [2, с. 135].

Рынок труда Республики Беларусь характеризуется стабильностью и традиционностью форм. Так, почти 90% работников трудятся по найму и примерно столько же работают полный рабочий день/неделю. Несмотря на преобладание контрактной формы найма (по трудовым контрактам работают 2/3 респондентов), занятость у одного работодателя нередко приобретает постоянный характер. Официальные статистические данные характеризуют текущий рынок труда низким уровнем безработицы и трудонедостаточностью – превышением числа заявленных работодателями вакансий над числом зарегистрированных безработных. Данные социологического опроса работающего населения относительно оценок вероятности угрозы безработицы показывают, что большинство (примерно 70%) белорусских работников уверены в сохранении своего рабочего места, а доля тех, кто опасается потерять работу – невелика. Возможно поэтому, в белорусском обществе пока что отсутствует четкий социальный запрос на введение системы социального страхования от безработицы; свою неготовность участвовать в таком страховании население объясняет недоверием финансовой и страховой системам, а также отсутствием финансовой возможности делать страховые взносы.

Рассмотрим, какие есть различия по названным характеристикам белорусского рынка труда в контексте его региональной сегментации. Уровень нестабильной занятости, определяемой по форме оформления трудовых отношений (временная занятость + неофициальная занятость) в среднем по выборочной совокупности составил около 7%, причем такое же значение было получено по городскому (7,2%) и сельскому сегментам (7,3%). В региональном контексте доля работников, с которыми заключены временные трудовые договора либо трудовые отношения официально не оформлены, составляет от 3,2% в Витебской до 9,5% в Могилевской области (рис. 3).

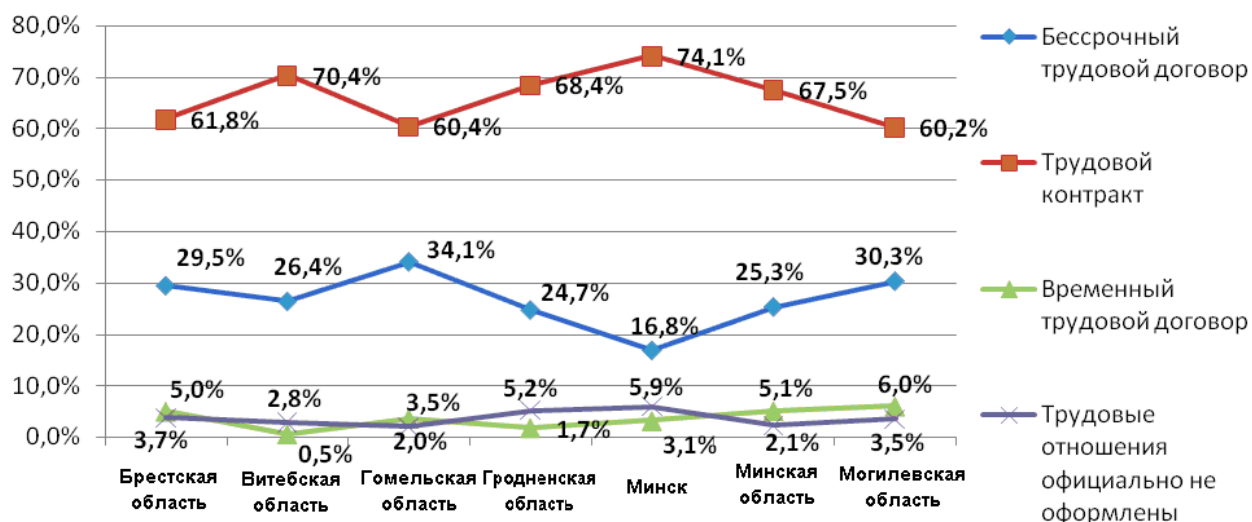

Рисунок 3. Формы оформления трудовых отношений по областям

Перспективная стабильность занятости нами определяться также по форме и срокам найма, указанных в условиях трудового договора (контракта). По данным проведенного исследования, в Беларуси преобладает контрактная форма найма: по трудовым контрактам работают от 60% населения (в Гомельской и Могилевской областях) до 74% (Минске). Стоит также отметить случаи неоформленных трудовых отношений, так называемой «устной договоренности» между работником и работодателем во всех регионах (рис. 3).

Некоторыми исследователями при определении уровня нестабильной занятости в расчет принимаются занятое население, работающее по срочным трудовым контрактам. В условиях преобладания контрактной формы трудовых отношений, их стабильность может рассматриваться с точки зрения продолжительности трудового контракта: чем больше эта продолжительность, тем выше стабильность работы.

Так по данным исследования, доля опрошенных занятых белорусов, с которыми заключены трудовые контракты сроком до 1 года включительно, составила: в Гомельской области – 28,5%, в Гродненской – 27,7%, в Брестской – 31,2%, в Минской – 41,1%, в Могилевской – 42,6%, в Минске – 44,3%, в Витебской – 48,0%. Таким образом, наблюдаются значительные региональные различия в распространенности краткосрочных трудовых контрактов. В то же время как для городских, так и сельских жителей в среднем доля работающих по таким трудовым контрактам совпадает и составляет 38%.

Стоит отметить, что краткосрочные контракты не обязательно будут означать краткосрочную занятость работника, поскольку зачастую они продлеваются из года в год. А среди тех респондентов, с которыми заключены такие контракты, 70% считают, что им не грозит потеря работы, и трудовой контракт будет с ними продлен после его окончания.

Таким образом, несмотря на общий традиционный и стабильный характер занятости в республике, региональная сегментация респондентов показала значимые отличия в характеристиках занятости и показателях ее стабильности. Срочные трудовые контракты чаще встречаются у респондентов из Минска, Витебской, Гродненской и Минской областей, в т.ч. сроком 1 год и менее преобладают в Витебской области (почти 50%), Минске, Минской и Могилевской областях (41-44%). Уровень непостоянной занятости, рассчитанной по удельному весу респондентов, работающих на основе временных трудовых договоров, и респондентов, чьи трудовые отношения строятся на устной договоренности, составил от 3,2% в Витебской до 9,4% в Могилевской области. Таким образом, показатели непостоянной занятости в Минске, Минской и Витебской областях характеризуются более высоким уровнем по сравнению с другими регионами. Эти показатели могут выступать, с одной стороны, как индикаторы нестабильной занятости, а с другой – как показатели трудовой мобильности населения.

Литература:

1. Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2013 год / Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2012 № 1211 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21201211&p1=1>.
2. Карабчук Т.С. Непостоянная занятость: исходные представления и проблемы измерения в России / Т.С. Карабчук // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 5. – С. 123–150.

Канах Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, адъюнкт кафедры социологии и междисциплинарных исследований, Институт философии и социологии Академии специальной педагогики им. М.Гжегожевской, г. Варшава

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ОТНОШЕНИЕ К БЕДНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ

Уровень жизни населения – это важная составляющая социально-экономического развития. Он охватывает разные сферы жизнедеятельности человека, в т.ч. здоровья, образования, занятости, социального обеспечения, культуры и отдыха, прав и свобод личности и др. Материальная составляющая, как правило, является одним из основных показателей уровня жизни населения. Значение имеют как объективные доходы населения, так и субъективная оценка своего материального положения. В данной статье обращается внимание на субъективную составляющую материального положения поляков в период трансформации. По данным международных исследований ценностей, Польша – как и другие страны Восточной Европы переходного периода – относится к группе стран с сильной материалистической ориентацией. «С переходом в 1989 году к новому социальному устройству общества и новому типу экономики значительно возрастает дифференциация в оплате труда, появляется безработица, углубляется социальное неравенство, растет роль конкуренции на рынке труда» [5].

По данным Центра исследований общественного мнения (CBOS), в целом в период с апреля 1987 г. до настоящего времени, материальные условия жизни польских домохозяйств, за исключением нескольких периодов, постепенно улучшаются [9, с. 3]. Трудные периоды, когда отрицательные оценки собственного материального положения превышали положительные, относятся к начальному периоду трансформации, когда в результате «шоковой терапии» произошел резкий упадок реального уровня доходов. Он продолжался до 1997 г. Следующий период ухудшения материального положения населения был отмечен с января 1999 г. по август 2006 г. С 2001 по 2003 гг. субъективные оценки материального положения иногда вдвое превышали положительные. С августа 2006 г. улучшаются оценки материального положения.

По результатам социологических исследований, 55% респондентов считает, что живет на среднем уровне благосостояния: денег хватает на каждый день, но на более значительные покупки нужно откладывать. 30% считают, что живут бедно или скромно, а 15% населения считает, что живет в достатке [9, с. 3]. Плохо оценивают свое материальное положение респонденты с начальным и средним профессиональным уровнем образования, безработные, лица находящиеся на пенсии по инвалидности. По сравнению с прошлым годом, несколько возросло ощущение риска попадания в бедность. 45% взрослого населения Польши опасается бедности, из них 36% считают, что сами справятся с трудностями. Большинство респондентов считают, что в течение ближайшего года материальное положение их домашних хозяйств не изменится (70%), 17% опасаются ухудшения ситуации, а 13% надеются на улучшение. Пессимистический прогноз основан на таких факторах, как растущие цены, низкие зарплаты, безработица. Оптимистические

ожидания связаны с профессиональной активностью (возможностью работать, в т.ч. иметь дополнительный заработок, выехать зарубеж).

Общество переходного периода сталкивается с многочисленными социальными и экономическими проблемами. Обостряются проблемы социального неравенства, безработицы, бедности. В экономике, основанной на рыночных отношениях, одни люди находят свое дело и улучшают уровень и качество жизни, другие – теряют работу, попадая в цикл депривации. Даже работа и образование не всегда помогают улучшить быт. Появляется категория «новых бедных» или «работающих бедных»; а также людей, которые не могут расплатиться по долгам и которым грозит принудительное выселение из квартиры. Возрастает чувство тревоги из-за риска потерять свою прежнюю социальную позицию. На индивидуальном уровне появляются вопросы: как жить, как улучшить положение семьи, как обеспечить детям достойное будущее, кому доверять? На государственном уровне: как и кому помогать, как оказывать эффективную помощь, как контролировать ее эффекты?

Социологи отмечают, что формируются Польша нескольких скоростей: быстро развивающиеся западные регионы и большие города, с одной стороны, и восточные регионы, малые города и деревни, с другой стороны. По мнению части исследователей, общество делится на «выигравших» (например, владельцы бизнеса, самозанятые) и «проигравших» (безработные, бедные) трансформации, (западную) «Польшу А» и (восточную) «Польшу Б». Иногда указывается категория «растерянных». Но самый существенный фактор благосостояния в региональном плане – это отдаленность от большого города.

Бедность – это не только недостаток денег или угроза жизни, невозможность удовлетворить самые базовые потребности. «Бедность – это также определенное психическое и социальное состояние, поскольку качество человеческого существования измеряется по стандартам достойной жизни, принятым в данном обществе. Неспособность их поддерживать сама по себе является причиной стресса, страдания и унижения. Бедность в то же время означает ситуацию исключения из того, что признается нормальной жизнью, недостаток возможностей стать такими, как другие, ведет к потере самооценности, ощущению стыда и вины, отказу от своего потенциала» [7, с. 77; 6, 2 аб.]. В польских пословицах подчёркивается множество причин попадания в бедность: «К бедности много дорог ведёт». Кроме того, подчёркивается крайняя степень бедности – нищета: «Когда бедность с бедностью соединятся, то нищета рождается» [4; 1; 2]. Известна и поговорка: «Счастья деньги не приносят, но всякие несчастья позволяют прожить в изобилии».

Около 1/3 поляков живет в бедности. Это высокий показатель на фоне других стран ЕС. Бедность относится прежде всего к детям и молодежи. 12% населения имеют статус безработных. Около миллиона человек выехало за хлебом в основном в другие страны ЕС. Именно безработные и люди с низким уровнем образования чаще заканчивают жизнь самоубийством. Высоки диспропорции в доходах богатых и бедных, отношение самой низкой зарплаты к самой высокой составляет 1: 420 [16, с. 39]. С другой стороны, выросло удовлетворенность жизнью в целом. При сравнении психической кондиции поляков в 2009 и 1990 гг. отмечено явное улучшение настроений и самочувствия (чувство, что «в жизни что-то удалось» выросло с 32% в 1990 г. до 56% в 2010 г.) [11, с. 5, 8; 3].

Для польского общества характерно амбивалентное отношение к бедности: сочувствие и порицание. Преобладающее большинство поляков считает, что причины бедности лежат извне. Это, как правило, результаты экономических процессов и политических решений. Есть категория людей, которая считает бедность как следствие индивидуального образа жизни (например, нежелания работать, отсутствия жизненной смекалки, злоупотребления алкоголем). Изменение уровня жизни влияет на восприятие бедности. Более обеспеченные люди склонны видеть индивидуальные причины бедности, вместо структуральных и системных [12; 21; 10].

В римско-католических и православных обществах бедность не оценивается таким критичным образом и не приписывается к отрицательным чертам личности, как это имеет место в обществах, связанных с культурой протестантизма. В странах, прошедших трансформацию государственного строя, бедные воспринимаются жертвами процесса, а в их нищете виновата система, а не они лично [12; 6].

Польские исследователи под руководством Э. Тарковской обращали внимание на отношение различных групп населения к бедности [20]. Социальные работники в основном понимают причины бедности как независимые от человека [17]. Вместе с тем отмечают, что в своей работе сталкиваются с такими клиентами, которым трудно как-то улучшить свою жизнь. Учителя стараются не замечать проблемы бедности в школах [15]. СМИ в публицистических и информационных программах, как правило, освещают проблему бедности редко и тогда, когда доходит до трагедии, несчастия [18; 19; 20]. Аудитория в анализах интернетных форумов проявляет амбивалентное отношение к людям, живущим в бедности [18; 13]. В телевизионных сериалах бедность показана в эстетической упаковке, зачастую идеализируется. Политики относятся к бедности инструментально. Представители общественных организаций видят бедных как неспособных самостоятельно выйти из трудной ситуации, как индивидов, которых нужно дисциплинировать [14]. Сами люди, испытывающие трудное материальное положение, не всегда идентифицируют себя с бедностью, считая, что живут не хуже других. Для них важно уважительное отношение более состоятельных групп населения [20].

Суммируя выше сказанное, следует отметить, что период трансформации и перехода к рыночной экономике польского общества привел к различным последствиям. С одной стороны, часть населения, проживающая в больших городах и с более высоким уровнем образования, улучшила свои условия и качество жизни. Значимым фактором развития явилось вступление Польши в ЕС. С другой стороны, часть населения оказалась за бортом нового потребительского общества. Острыми остаются проблемы бедности и безработицы. Безусловно, это не только польская специфика, но и других стран переходного периода. Особенности можно поискать в сфере культуры, в отношении общества к маргинализированным группам.

Польские социологические исследования подтверждают народную мудрость – «бедный бедного поймет». Чем выше уровень благосостояния индивидов, тем чаще они видят бедность как индивидуальную причину. А это далеко не всегда верно. Зато такая позиция освобождает от ответственности. Более состоятельные слои населения ограждают себя от контактов с наименее обеспеченным населением. Детей отправляют в частные сады, элитные школы. Живут за высоким забором частных домов и квартир. Однако, социологи замечают, что сильное социальное расслоение не способствует социальным связям и общественному доверию. Решение проблем бедности, безработицы и социального неравенства – это важная государственная задача. Изменение же отношения к людям, оказавшимся в трудном материальном положении, возможно путем воспитания и образования. Как писал З. Бауман, «каждое общество создает своих бедных по своей форме и подобию» [8, с. 4]. Следует помнить, что общественная солидарность не возможна без внимания к условиям и качеству жизни нуждающегося населения.

Литература:

1. Канааш Т.В. Анализ концептов бедности и богатства на материале белорусских и польских пословиц и поговорок // Культура и искусство. № 3. 2011. С. 64-70.
2. Канааш Т.В. Отношение к бедности и богатству в польской, белорусской и русской культурах // Культуры и искусства. №2. 2012. С. 63-105, http://www.e-notabene.ru/ca/contents_2012_2.html
3. Канааш Т.В. Проблемы удовлетворенности жизнью в польском обществе // Социальное знание и проблемы консолидации белорусского общества : материалы междунар. науч.-практ. конф.; г. Минск, 17–18 ноября 2011 г. / ред. кол.: Котляров И.В. (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2011. С. 160-163.
4. Канааш Т.В. Социологический анализ концептов бедности и богатства на материале белорусских и польских пословиц и поговорок // Материалы междунар. науч.-практ. конф. (к 20-летию

- институционализации социологии в Беларуси и 20-летию создания Института социологии НАН Беларуси), 3-4 декабря 2009, Минск : Право и экономика 2009. С. 345-437.
5. Канах Т.В. Ценность работы в жизни современного поляка // Социологический альманах. № 3. 2012. С. 256-263.
6. Студенна М. Проблема социальной эксклюзии в постиндустриальном обществе на примере польских и украинских центров угольной промышленности // История и современность. Выпуск № 1 (11). 2010. <http://www.socionauki.ru/journal/articles/126840/>
7. Bauman Z. Praca, konsumpcjonizm i nowi ubodzy. Kraków 2006.
8. Bauman Z. Zbędni, niechciani, odrzuceni – czyli o biednych w zamożnym świecie // Kultura i Społeczeństwo. 1998 nr 2.
9. CBOS. Oceny i prognozy materialnych warunków życia Polaków. Warszawa 2013, http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2013/K_046_13.PDF
10. CBOS. Polacy o skali ubóstwa w kraju. Warszawa 2012.
11. CBOS. Samopoczucie Polaków w roku 2010. Warszawa 2011.
12. Falkowska M. Społeczna definicja biedy, jej zasięg i przyczyny. Warszawa 1997.
13. Górniak K. Bezdomny w miejskim autobusie – historia jednego przypadku // Tarkowska E. (red.), Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013a.
14. Górniak K. Bieda i wykluczenie społeczne w perspektywie (dobroczynnych) organizacji pozarządowych // Tarkowska E. (red.), Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013.
15. Górniak K., Kalbarczyk A., Ukryty problem – obrazy biedy w dyskursie szkolnym // Tarkowska E. (red.) Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013.
16. Jarosz M. Beneficjenci i przegrani polskich przemian. Warszawa 2012.
17. Kalbarczyk A. Wizje biedy i wykluczenia społecznego w praktyce polskiego systemu pomocy społecznej // Tarkowska E. (red.), Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013.
18. Kanasz T. Problem ubóstwa w programie „Interwencja» telewizji Polsat // Tarkowska E. (red.) Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013.
19. Lepianka D. Bieda i biedni w polskiej prasie codziennej // Tarkowska E. (red.) Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013.
20. Tarkowska E. (red.), Dyskursy ubóstwa i wykluczenia społecznego. Warszawa 2013.
21. Tarkowska E. O ubóstwie i moralności. Czego można dowiedzieć się o moralnej kondycji społeczeństwa, badając biedę i biednych // J. Mariański (red.), Kondycja moralna społeczeństwa polskiego. Kraków 2002.

Палховская Екатерина Борисовна, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси. г. Минск

Амбражевич Алла Ивановна, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Беларусь активно участвует в процессах международной трудовой миграции, о чем свидетельствуют результаты анализа статистических данных и социологических исследований. Одним из базовых и весьма распространенных объяснений миграции является положение о том, что она обусловлена суммарным действием факторов «выталкивания» и «притяжения», имеющих экономическую, демографическую, социальную и политическую природу. Ежегодно Республика Беларусь теряет трудовые ресурсы, которые восполняют дефицит в других странах. Как правило, это те категории населения, потеря которых оказывает наиболее негативное влияние на перспективы экономического роста. Однако трудовая миграция несет в себе социальные риски не только для страны донора, но и для самого участника миграционного процесса. Основные социальные риски трудовой миграции для индивида рассмотрены на основе данных авторского социологического исследования. Под социальными рисками в данном исследовании подразумевается понижение экономического, социального и профессионального статуса мигранта после переезда.

Исследование состояло из серии онлайн интервью. Выборка строилась методом «снежного кома». Выбор данного метода построения выборки объясняется

труднодоступностью объекта исследования – белорусских трудовых мигрантов в Германии. В процессе исследования проведено 300 интервью с трудовыми мигрантами из Беларуси, которые на данный момент живут и работают в Берлине, Баден-Вюртемберге и Гамбурге. Выбор Германии как страны для проведения исследования обоснован следующим. Согласно официальной статистике ежегодно в Германию уезжает более пятисот белорусских граждан, что составляет 1/3 от общего количества мигрантов в страны Евросоюза [1, с. 133]. Германия остается привлекательной страной для мигрантов даже в период кризиса, поскольку средняя заработная плата в Германии за 2012 г. составила 28 952 евро в год [2]; ВВП на душу населения – 32 тысячи евро [3]. Германия проводит активную миграционную политику, направленную на привлечение квалифицированных кадров. С 1 августа 2012г. в Германии вступил в силу Закон о реализации Европейской Директивы по трудоустройству высококвалифицированных специалистов из третьих стран (Директива 2009/50/ЕГ Совета ЕС от 25 мая 2009г. об условиях въезда и пребывания граждан третьих стран с целью осуществления высококвалифицированной трудовой деятельности) [4]. В условиях выхода Германии из демографического кризиса и его социально-экономических последствий Закон способствует повышению конкурентоспособности и эффективности экономики страны путем поддержания привлекательности Германии для квалифицированных специалистов и сохранения конкурентоспособности в регионах ЕС [5].

Основная цель Закона – привлечь зарубежных специалистов с высоким уровнем образования на работу в Германию. Закон облегчает приток высококвалифицированных специалистов на продолжительное время и улучшает правовые предпосылки для трудоустройства иностранных выпускников германских ВУЗов. Помимо этого, Закон делает более привлекательным для граждан третьих стран получение профессионального образования в Германии и предоставляет специалистам из третьих стран возможность временного въезда в Германию с целью поиска рабочего места. В результате у квалифицированных иностранных специалистов появляется еще одно законное обоснование для получения вида на жительство. Значимым преимуществом реализации Европейской Директивы по трудоустройству высококвалифицированных специалистов из третьих стран является социальное обеспечение в Германии, которое включает: медицинское страхование, страхование от несчастных случаев, пенсионное страхование, страхование по безработице [6].

По результатам авторского исследования, более 90% опрошенных трудовых мигрантов пребывают за границей более года. Основными причинами выезда (выталкивающими факторами) белорусских граждан на работу в Германию являются: низкая оплата труда в республике (47,3%), материальные (42%) и жилищные (39,3%) проблемы, нестабильная экономическая ситуация в стране (32,7%). Менее значимыми выталкивающими факторами являются: миграция близких родственников (16%), отсутствие служебного продвижения в организации (13%), поступление в вуз в Германии (10,3%). Наиболее значимыми условиями, при которых трудовые мигранты готовы вернуться в республику, являются сокращение рабочих мест за границей в связи с экономическим кризисом и в результате потеря работы мигрантами – это условие называют половина опрошенных (50%). Увеличение расходов на жилье за границей и вместе с тем реальная возможность получить жилье в республике – работают как притягивающие факторы для 1/5 части опрошенных (21%). Рост уровня зарплаты в республике назвали в качестве необходимого условия возвращения 14,7% респондентов. Отметим, что 1/4 часть респондентов выбрали позицию «не вернулся бы никогда». При обозначении механизмов по возвращению трудовых мигрантов в республику половина респондентов, предложивших какие-либо механизмы, назвали улучшение экономической ситуации в республике и как следствие, повышение заработной платы.

Основными сферами приложения труда белорусских мигрантов в Германии являются: сфера обслуживания (36,3%), образования (16,7%), IT-технологии (15,7%),

медицина (9,3%), маркетинг (7%). Интересно отметить, что 2/3 респондентов работают за границей по полученной в республике специальности, т.е. потери квалификации у большинства респондентов не произошло. Это подтверждается ответом на вопрос об изменении должностного статуса мигрантов за границей. Так, 44% респондентов отмечают повышение должностного статуса за границей (особенно это характерно для мигрантов занятых в таких сферах как IT-технологии, маркетинг, образование), у 34,7% респондентов нет изменений в должностном статусе, у 21,3% должностной статус понизился (табл. 1). 2/3 респондентов довольны своим должностным статусом.

По уровню материального благосостояния большинство опрошенных относят себя к людям среднего достатка (78%) и ниже среднего (20,7%). Среднемесячный доход большинства (73,6%) трудовых мигрантов варьируется от 1 до 3 тысяч евро. Это значительно больше, чем они могли бы заработать в Беларуси. Вероятно поэтому 88,3% мигрантов отмечают улучшение материального положения в период миграции, еще 11,7% говорят, что материальное положение осталось прежним/не изменилось. Никто из опрошенных не отметил ухудшение материального положения по сравнению с тем, что было до миграции. Однако анализ материального положения белорусских мигрантов будет полным, если кроме доходов респондентов мы рассмотрим и структуру их расходов. Респондентам был задан вопрос хватает ли им заработанных денежных средств на определенные статьи расходов. Так 96,7% отметили, что им хватает заработной платы на аренду жилья (3,3% не тратят на это денег), 95,7% хватает на коммунальные платежи (4,3% не тратят на это денег), 100% хватает на продукты питания, 94% на одежду и обувь (6% не тратят на это денег), 82% - на товары текущего пользования (10,3% не тратят на это денег), 36,7% - на товары долговременного пользования (37,3% не тратят на это денег), 63,3% - на страховые взносы (22,7% не тратят на это денег), 56,7% - на оплату лечения/медикаментов (28% не тратят на это денег), 43,3% - отдых/развлечения (38,3% не тратят на это денег), 28,7% - отпуск (52% не тратят на это денег), 37,7% - денежные сбережения (37% не тратят на это денег), 13,3% - денежные переводы семье (72,3% не тратят на это денег), 15% - оплата образовательных программ (70% не тратят на это денег), 8,7% - выплаты кредитов (80% не тратят на это денег). Таким образом, даже учитывая тот факт, что 1/5 белорусских мигрантов в Германии не хватает денежных средств на покупку товаров долговременного пользования и денежные сбережения, 1/6 – на страховые взносы и оплату медикаментов, отдых/развлечения и отпуск; 1/10 – на денежные переводы семье, оплату образовательных программ и выплату кредитов – все же структура расходов мигрантов выглядит гораздо оптимистичнее, чем у работников республики, где каждый 2-й респондент отмечает нехватку средств на товары долговременного пользования, каждый 3-й – на одежду и обувь, медикаменты и отдых, каждый 5-й – на товары текущего пользования и каждый 6-й – на продукты питания.

В результате анализа выявлено, что доля респондентов, которым удалось преодолеть риски (улучшить должностной, экономический и социальный статус) после переезда за границу, составляет 53% от всех опрошенных, что свидетельствует о довольно высоком уровне конкурентоспособности наших соотечественников на европейском рынке труда. Это не просто трудовые ресурсы, которые теряет республика. Это квалифицированные специалисты с высоким адаптационным потенциалом, которые приносят пользу экономике другой страны. Очевидно, что в современной ситуации необходимо не только изучить инструменты управления международной трудовой миграцией, но дополнить традиционные подходы к регулированию миграции, опиравшиеся исключительно на государственные инструменты, социологическим инструментарием, позволяющим корректировать миграционную политику на основе изучения экономических интересов, потребностей, миграционных настроений мигрантов выезжающих за пределы республики.

Литература:

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2012: стат. сб. / Национальный стат. комитет Республики Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский и [др.]. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2012. – 716 с.
2. Durchschnittlicher Jahresarbeitslohn in Deutschland bis 2010 und Prognose bis 2016 [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/164047/umfrage/jahresarbeitslohn-in-deutschland-seit-1960/> - Дата доступа: 10.02.2013.
3. World Economic Outlook Database / International Monetary Fund. [Электронный ресурс]. – Минск, 2013. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/weodata/weorept.aspx?sy=2011&ey=2013&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=21&pr1.y=15&c=134&s=NGDPRPC%2CNGDPPC&grp=0&a=#cs1> - Дата доступа: 2.06.2013.
4. Информация о «Синей карте ЕС» [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.minsk.diplo.de/Vertretung/minsk/ru/Startseite.html> Дата доступа: 09.08.2012.
5. Blue card [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://www.zuwanderung.de/SharedDocs/Reden/DE/2012/04/bm_bt.html Дата доступа: 23.07.2012.
6. BlueCard-EU.de [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.bluecard-eu.de/blaue-karte-eu-deutschland/sozialversicherung.html> Дата доступа: 23.07.2012.

Мартинкевич Антон Вацлавович, магистр социологии, младший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕЭП

Формирование общего рынка труда и социальной политики Единого экономического пространства регулируется целым комплексом нормативных правовых актов. Особое внимание следует обратить на Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (в Республике Беларусь вступил в силу 23 декабря 1999 г., в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь зарегистрирован 27 января 2004 г. №3/1228) (*далее – Договор*).

Так, статья 39 раздела 6 Договора указывает на необходимость для стран-участниц обеспечить свободное передвижение их граждан внутри Единого экономического пространства. Свободное передвижение основывается на отмене любой дискриминации в отношении граждан стран-участниц Единого экономического пространства. При этом значимым становится создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, вознаграждения, других условий труда и занятости, который, в свою очередь, основывается на обеспечении целого комплекса возможностей для трудовых ресурсов:

1. свободно передвигаться, занимаясь трудовой деятельностью, по территории стран-участниц Единого экономического пространства;
2. максимально упрощать процедуры принятия и выхода из гражданства;
3. предоставление гражданам стран-участниц, постоянно проживающим на территории любой из стран-участниц Единого экономического пространства, правового статуса, максимально приближенного к статусу граждан страны проживания;
4. свободно пересекать границы и находиться на территории страны-участницы Единого экономического пространства по паспорту гражданина одной из них;
5. устанавливать единые нормы по провозу через границы стран-участниц Единого экономического пространства иностранной валюты и беспошлинного провоза багажа;
6. применять национальные режимы в отношении граждан стран-участниц Единого экономического пространства при пересечении их границ;

7. находиться в одной из стран-участниц Единого экономического пространства, занимаясь трудовой деятельностью в соответствии с законодательством, регулирующим занятость граждан данного государства;

8. оставаться на территории одной из стран-участниц Единого экономического пространства после завершения трудовой деятельности в этом государстве.

Наряду с созданием комплекса возможностей для трудовых ресурсов, страны-участницы Единого экономического пространства в рамках Договора обеспечивают единую систему подсчета трудового стажа (статья 40). Также страны-участницы Единого экономического пространства обязуются не вводить без согласования с другими странами-участницами дополнительные ограничения на право выбора места жительства и осуществление экономической деятельности на их территории для граждан других стран-участниц Единого экономического пространства (статья 41).

Не менее примечательным является то, что в рамках Единого экономического пространства предусмотрено:

1. создание единой визовой политики в отношении третьих лиц, в том числе для предупреждения неконтролируемой миграции (статья 42);

2. оказание бесплатной неотложной медицинской помощи при нахождении на территории стран-участниц Единого экономического пространства (статья 43);

3. создание согласованной системы образования, повышения квалификации, подготовки и переподготовки кадров, единых правил и условий поступления в общеобразовательные и профессиональные школы, высшие учебные заведения, аспирантуры, а также взаимное признание и эквивалентность документов об образовании, ученых степенях, званиях (статья 45).

Приведение в жизнь положений, описанных выше, обеспечивается Планом действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (*далее – План*) в рамках Решения Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа Таможенного союза) от 19 декабря 2009 г. №35. Во исполнение пункта 4 Плана (Свобода передвижения рабочей силы), а также положений Договора Республикой Беларусь были ратифицированы следующие соглашения:

1. Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей от 19.11.2010 (ратифицировано Законом Республики Беларусь от 28.12.2010 №220-З «О ратификации Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей»)

2. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19.11.2010 (ратифицировано Законом Республики Беларусь от 28.12.2010 №219-З «О ратификации Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств»)

Данные соглашения направлены:

- на обеспечение безопасности общего рынка труда Единого экономического пространства;

- на проведение согласованной миграционной политики на внешних границах Единого экономического пространства, т.е. со странами, которые не входят в Единое экономическое пространство.

Таким образом, на данном этапе «де-юре» создан механизм по формированию общего рынка труда и социальной политики Единого экономического пространства, однако вполне закономерно возникает вопрос о том, каково мнение населения стран-участниц Единого экономического пространства о различных аспектах формирования, функционирования и развития данного механизма. Необходимость ответа на данный вопрос обуславливает значимость социологических исследований в этой области.

Литература:

1. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (Подписан в г.Москве 26.02.1999): в Респ. Беларусь вступил в силу 23 декабря 1999 г.: в Национальном реестре правовых актов Республики

Беларусь зарегистрирован 27 января 2004 г. №3/1228 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] – Минск, 2013.

2. О плане действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: Решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа таможенного союза) от 19 декабря 2009 г. № 35 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] – Минск, 2013.

3. Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей: в Респ. Беларусь вступило в силу 01.01.2012: в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь зарегистрировано 12 января 2011 г. №3/2650 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] – Минск, 2013.

4. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств: в Респ. Беларусь вступило в силу 1 января 2012: в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь зарегистрировано 12 января 2011 г. №3/2649 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] – Минск, 2013.

Цюхай Марина Владимировна, преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин, Гродненский государственный университет имени Я.Купалы, г. Гродно

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА

Реализация на практике перспективных направлений развития проектных организаций требует задействовать имеющиеся и привлечь новые материально-вещественные, трудовые, денежные и финансовые ресурсы. В связи с этим актуализируется необходимость проведения анализа состояния проектного дела в республике. В РУП «Информационно-вычислительный центр Национального статистического комитета Республики Беларусь» автором были запрошены и проанализированы отдельные сводные данные по коду Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) 66000 «Проектные, проектно-изыскательские и изыскательские организации» за 2001–2010 гг., т.к. они не включались в издаваемые Национальным статкомитетом сборники («Статистический ежегодник», «Инвестиции и строительство в Республике Беларусь», «Труд и занятость в Республике Беларусь»).

С 2001 по 2003 гг. число проектных организаций возросло с 536 до 605 единиц (табл. 1). В последующие годы наблюдается их сокращение (до 507 в 2006 г.), а с 2007 г. – последовательный рост. В результате в 2010 г. насчитывалось 973 юридических лица, занимающихся проектной, проектно-изыскательской и изыскательской деятельностью (181,5 % к уровню 2001 г.), составивших 14,2 % от общего числа организаций строительства.

Таблица 1. Число организаций строительства* и проектных организаций

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Строительство	3957	4174	4261	4360	4520	4822	5291	6184	6157	6853
Проектирование	536	596	605	578	569	507	562	699	860	973

*Источники: Инвестиции и строительство в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – С. 134.

В период с 2001 по 2006 гг. в сфере проектирования рентабельность реализованной продукции, работ и услуг имела тенденцию к росту: с 19,0 % до 30,8 %, т.е. увеличилась примерно в 1,6 раза. С 2007 г. рентабельность начала снижаться и составила в 2010 г. 24,9 %. Однако данный показатель выше аналогичного за 2001 г. на 5,9 %. Рентабельность в проектных организациях *выше*, чем в целом в отрасли. Степень амортизации (износа) основных средств в проектировании сократилась с 42,1 % в 2002 г. до 39,4 % в 2010 г. и в целом *ниже*, чем в строительстве (табл. 2).

Таблица 2. Рентабельность реализованной продукции, работ, услуг и степень износа основных средств по отрасли экономики «Строительство»* и проектным, проектно-изыскательским и изыскательским организациям, %

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Рентабельность по строительству	8,3	8,7	9,7	10,8	10,6	11,0	9,7	11,7	10,8	9,5
Рентабельность по проектированию	19,0	21,7	28,2	30,7	29,2	30,8	28,6	28,5	27,6	24,9
Степень износа по строительству	57,0	...	...	...	61,4	54,0	51,1	49,2	45,1	44,0
Степень износа по проектированию	...	42,1	42,8	40,6	42,2	42,2	41,7	42,1	38,7	39,4

*Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – С. 286, 534.

В 2001–2010 гг. наблюдается последовательный рост размера заработной платы проектировщиков. Так, в 2005 г. среднемесячная зарплата в стране увеличилась почти в 4,5 раза по сравнению с 2001 г. В 2010 г. её изменение *в процентах к 2005 г.* составило 278,6 пункта. При этом среднемесячная заработная плата проектировщиков на протяжении анализируемого периода была выше, чем в строительстве (в 2001 г. 125,0% от зарплаты в отрасли, а в 2010 г. – 154,8%).

В 2001 г. в проектных организациях среднесписочная численность работников составила 16115 человек. В 2002 г. их число сократилось, составив 97,8 % к уровню предшествующего года. С 2003 г. прослеживается постепенное улучшение ситуации. При этом динамика численности проектировщиков с 2003 по 2005 гг. практически не изменялась, а с 2006 г. наблюдается последовательный рост занятых в сфере проектирования. В 2010 г. их число достигло 27864 человек или 172,9 % к уровню 2001 г.

Если в 2001 и 2002 гг. соотношение принятых и уволенных в проектных организациях республики составляло 79,5 % и 81,6 % соответственно, т.е. число увольнений превосходило число принятий на работу, то с 2003 г. наблюдаются изменения к лучшему (табл. 3). Несмотря на выявленные колебания, всё же наметилась и закрепились тенденция к превышению числа принятых на работу над числом уволенных. По сравнению с 2001 г. в 2010 г. произошло увеличение числа как набранных, так и уволенных работников, причём тенденция к увеличению набора сотрудников выражена в большей степени: так, в 2010 г. число принятых на работу составило 185,0 % к уровню 2001 г., а уволенных – 114,5 %.

Таблица 3. Приём и увольнение работников

Год	Принято работников в течение года	Уволено работников в течение года	Соотношение принятых и уволенных работников, в %
2003	2409	1780	135,3
2004	2620	1926	136,0
2005	2870	1828	157,0
2006	3277	1924	170,3
2007	3087	2164	142,7
2008	3577	2857	125,2
2009	3083	2806	109,9
2010	3291	2564	128,4

Для проведения сравнительного анализа **качественного состава кадров** в строительной отрасли и в сфере проектирования автором были сформированы соответствующие таблицы, в которые были включены данные за 2001 и 2005 гг. (годы

начала и окончания первого анализируемого пятилетия) и 2010 г. (год окончания второго анализируемого пятилетия).

Анализ данных о распределении работников **по уровню образования** показал, что среди занятых в проектировании преобладают люди с высшим и средним специальным образованием (более 4/5 от общей численности занятых), тогда как в строительстве их насчитывается немногим более 1/3. Анализ данных о распределении работников проектных организаций **по категориям персонала** показал, что служащие преобладают над рабочими, составляя при этом абсолютное большинство (более 80,0%), тогда как в строительстве, напротив, преобладают рабочие (более 70,0%).

На основе данных о распределении работников **по возрастным группам** выделены следующие возрастные категории: молодёжь в возрасте до 30 лет и лица старше трудоспособного возраста (табл. 4). В 2001 и 2005 гг. в организациях строительства удельный вес молодых работников был несколько выше, чем в проектных организациях (обратная ситуация зафиксирована в 2010 г.). Удельный вес молодых работников в общей численности занятых повышается прежде всего за счёт пополнения кадров выпускниками учебных заведений разных ступеней образования. Кроме того, растёт и число работников старше трудоспособного возраста. В итоге происходит своеобразное «вымывание» работников средней возрастной категории.

Таблица 4. Численность работников по возрастным группам, %

Категории работников	2001	2005	2010
Всего работников в организациях строительства	100,0	100,0	100,0
В том числе: *			
работники в возрасте до 30 лет	20,2	25,8	30,5
работники старше трудоспособного возраста	5,9 ¹	6,0	7,2
Всего работников в проектных организациях	100,0	100,0	100,0
В том числе:			
работники в возрасте до 30 лет	12,4	21,7	32,4
работники старше трудоспособного возраста	11,4	14,9	18,2

*Источники: Инвестиции и строительство в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Мн., Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. – С. 176. Труд и занятость в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Мн., Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – С. 120.

В сфере проектирования преобладают женщины: их удельный вес составляет не менее 3/5 от общей численности работающих, в то время как в строительных организациях доминируют мужчины – более 3/4. Таковы основные тенденции развития проектных организаций республики в первом десятилетии XXI века.

Злотников Андрей Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого, г. Гомель

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ТРУДОВЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Объектом исследования выступала студенческая молодежь дневных отделений ВУЗов Гомельской области, при отборе респондентов использовалась квотно-пропорциональная выборка. Доверительная вероятность 95%. Статистическая ошибка выборки 2,5 %. Анкетирование было проведено в апреле-мае 2013 года. Опрос производился по месту учебы респондентов. После проверки анкет на достоверность,

полноту заполнения и содержательность ответов к обработке и анализу были приняты ответы 1011 респондентов. Выборка является репрезентативной по основным параметрам генеральной совокупности: по вузу, по курсу обучения, по профилю получаемого образования, по полу респондента.

Существенное влияние на экономическое поведение студенческой молодежи оказывает опыт работа (подработки) в процессе обучения. Так, постоянно работают 10% респондентов, время от времени подрабатывают – 29% и не работают – 61% студенческой молодежи Гомельской области. Причем работающих юношей более чем в 2 раза больше, чем работающих девушек.

Стремление заработать деньги является основным мотивом работы для студенческой молодежи. Об этом свидетельствуют ответы почти трети опрошенных, среди работающих студентов. При этом не обязательно, что стремление заработать продиктовано плохим материальным и финансовым положением, потому что прямой зависимости между самооценкой уровня материального благополучия респондентов и наличия регулярной либо временной работы – не наблюдается. В то же время «профессиональная» мотивация (*«нужно получить опыт в будущей профессии»*) характерна для незначительной части студентов, такая же тенденция характерна и для «адаптационной» мотивации (*«нужно адаптироваться к новым жизненным условиям, которые ждут после учебы»*).

Выявлена прямая зависимость между стремлением работать и степенью самостоятельности, проявляемой студентами при формировании профессиональных знаний и навыков во внеучебное время. Более 2/3 постоянно работающих студентов самостоятельно ищут методические материалы для повышения уровня профессиональных знаний и самостоятельно приобретают полезный опыт по специальности (соответствующим образом ведет себя только 1/3 часть неработающих студентов).

Работающая студенческая молодежь в большей степени верит в то, материальное благополучие в современном обществе зависит от «умения «делать деньги», чем от трудолюбия и стремления много работать, зарабатывать деньги честным трудом.

Учитывая указанное выше, закономерным выглядит тот факт, что треть регулярно работающей студенческой молодежи после окончания ВУЗа планирует открыть свое дело, в то время как среди неработающих студентов этот показатель находится на уровне 16%.

Существенное влияние на экономическое поведение и трудовые установки студенческой молодежи оказывает уровень удовлетворенности специальностью. 87% респондентов на вопрос: *«Удовлетворены ли Вы специальностью, на которой обучаетесь?»* ответили «Да» и «Скорее да». При этом работать по другой специальности после окончания ВУЗа планирует только 8% студенческой молодежи. 20% респондентов планируют после окончания ВУЗа открыть свой бизнес, свое дело, а 11% – работать и продолжать обучение заочно.

Высокий уровень удовлетворенности специальностью во многом обусловлен и тем, что, по мнению большинства респондентов, она (специальность) в будущем сможет обеспечить трудоустройство с требуемыми условиями. Так, отвечая на вопрос *«Как Вы считаете, что позволит Вам профессия (специальность), которую Вы сейчас приобретаете?»* 84% респондентов высказали предположение («да» и «скорее да»), что работа по данной профессии позволит обеспечить себе (семье) достойный уровень жизни респондентов; 81% реализовать свои способности; сделать карьеру – 84% респондентов; общаться с интересными людьми – 88% респондентов.

Модернизация экономики и связанные с нею структурные сдвиги привели к необходимости обновления образовательной парадигмы, переходу к компетентностной модели высшего образования в Республике Беларусь. На сегодняшний день обновление образовательной парадигмы проявляется в сокращении количества лет обучения студентов, не всегда оправданном уменьшении цикла общеобразовательных дисциплин, появлении новых организационных форм взаимодействия ВУЗов и предприятий,

соответствующем изменении ценностных ориентаций студентов. В тоже время огромную роль играют и ожидания молодых людей в отношении роли государства в инновациях и модернизации. Так, в распределении ответов студенческой молодежи Гомельской области об основной функции государства на первом месте оказалась функция государства, соответствующая инновационным установкам.

Бедулина Галина Федоровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Глубокие социально - экономические изменения в Беларуси, переход к рыночной экономике ставят перед обществом важную педагогическую проблему – сформировать экономическую культуру молодого человека, которая будет способствовать осуществлению эффективной экономической деятельности и позволит оценивать данную деятельность с позиции не только экономической целесообразности, но и нравственной ценности.

У современной молодежи возникает потребность в развитии социальной активности, гражданской инициативы, предприимчивости, способности к активному выстраиванию своего будущего в реальных условиях. Актуальность экономического образования и воспитания школьников обусловлена необходимостью их адаптации к динамично изменяющимся социально-экономическим условиям жизни, повышенными требованиями к личным качествам будущих кадров рыночной экономики – их активности, самостоятельности, компетентности, деловитости, ответственности. Экономические знания помогают обучающимся ценить важность бюджетных ресурсов, познавать принципы финансовой этики и обучаться важности баланса между финансовыми навыками и решением их ответственного использования.

Очевидна необходимость и практическая значимость совершенствования методологии, теории и опыта прогнозных исследований социально-экономических явлений. При этом эффективность модернизации во многом зависит от того, как будет проходить процесс формирования экономической, предпринимательской культуры современной учащейся молодежи.

Минским научно-исследовательским институтом социально-экономических проблем проведена научно-исследовательская работа «Развитие экономической культуры и формирование предпринимательской инициативы учащихся в системе общего среднего и дополнительного образования детей и молодежи г. Минска» (руководитель ВНК, кандидат филологических наук А.И. Шабловский). Вашему вниманию предлагаются результаты социологического исследования по направлению «Наиболее востребованные области перспективной предпринимательской активности»:

Для того, чтобы определить, с чем связывают учащиеся свою деятельность в качестве предпринимателей, был сформулирован следующий сценарный вопрос: *«Представьте себе, что уже сейчас Вам надо выбрать занятие, которым Вы будете законно зарабатывать себе на жизнь. Условие: устроиться на работу Вы не можете. Но Вы можете создать свою компанию. Стартовый капитал для этого (деньги) у Вас есть. Чем Вы займётесь?»*. Условия выбора были следующие: девять вариантов ответа, возможность выбрать два и возможность дать собственный вариант ответа (табл. 1).

Таблица 1. Востребованные сферы предпринимательской активности, %

Вариант ответа	9 класс	9 класс негативисты	10 класс	10 класс негативисты	11 класс	11 класс негативисты	Контрольная группа
Я буду экономно жить на эти деньги	14,57	15,00	12,04	14,91	8,74	6,25	5,88
Попробую внедрить научное изобретение	12,77	13,12	<u>15,51</u>	14,91	<u>16,09</u>	13,89	<u>22,22</u>
Открою свой ресторан, дом отдыха, гостиницу	<u>50,90</u>	<u>53,12</u>	<u>57,55</u>	<u>59,63</u>	<u>62,76</u>	<u>65,28</u>	<u>48,15</u>
Открою модное ателье	10,15	8,75	8,16	4,97	8,74	12,50	7,41
Займусь ремонтом автомобилей или другой техники	9,00	5,62	10,20	7,45	11,03	6,94	<u>22,22</u>
Создам строительную фирму	11,46	7,50	10,41	8,07	<u>16,78</u>	14,58	14,81
Попытаюсь заняться шоу-бизнесом	10,31	9,38	12,45	10,56	10,11	12,50	7,41
Куплю себе классную спортивную команду	10,15	15,62	7,14	7,45	8,28	7,64	14,81
Открою частный детский сад, школу, институт	11,29	8,75	12,04	14,29	10,11	8,33	7,41

Принципиально важным здесь является первый вариант ответа: он определяет количество безразличных респондентов в группе. Особое место в списке занимают варианты 2, 4, 5, 6. Они связаны с предметными формами предпринимательской активности, которые требуют специальной профессиональной подготовки и встроены в реальный сектор экономики.

Собственный вариант ответа не представил никто из опрошенных. Учащихся остановились на заявленном разнообразии.

Очевидно, что категорическое распределение выборов в пользу сферы обслуживания (дом отдыха, ресторан, гостиница) является следствием низкой образованности в области ведения бизнеса. Невысокие показатели по инновационной сфере («попробую внедрить научное изобретение, начать производство нового товара») указывают ещё и на то, что рекламная кампания прецедентного проекта «Сто идей для Беларуси» прошла мимо старшеклассников минских школ.

Строго говоря, если вариант ответа не превышает порог в 15% – таким выбором можно пренебречь: он не обладает действительной социальной значимостью.

Общая структура предпочтений является неразвитой и включает три позиции:

1. сфера услуг – для всех групп,
2. инновационное направление – учащиеся 10 и 11 классов общей группы и контрольная группа,
3. строительство – 11 класс,
4. ремонт автомобилей и другой техники – контрольная группа.

Вывод: учащиеся старших классов средних школ г. Минска пока не заинтересованы в том, чтобы обстоятельно заниматься бизнес-проектированием в собственных интересах.

Вывод: в столице есть большая группа старшеклассников, которых можно заинтересовать прикладными учебными программами по экономическому профилю.

Результаты исследования позволяют определить основные направления в развитии экономической и предпринимательской культуры обучающихся:

- обучение осознанию обучающимися принципов финансовой этики и умению определять важность баланса между финансовыми навыками и решением их ответственного использования;

- широкое определение понятия сбережения. Экономное расходование воды и природных ресурсов столь же важно как экономное расходование денег. Обучающиеся должны учиться делать сбережения и тратить разумно.

- мотивация обучающихся видеть себя активными участниками и строителями нашего общества. Необходимо поощрять создание ими и продвижение своих кампаний социально-экономической направленности, помогать школьникам экспериментировать с получением доходов и приобретать опыт создания бизнес-моделей посредством участия в социальных или финансовых проектах.

Цель формирования экономической и предпринимательской культуры обучающихся – научить детей и молодежь критическому мышлению, правам и обязанностям, финансовой грамотности и навыкам, которые помогут им наиболее оптимально использовать имеющиеся ресурсы. Экономическое образование школьников учит гражданским обязанностям, необходимости понимания социальных проблем и участия в их разрешении. Наряду с этим, в соответствии с задачами формирования экономической культуры обучающихся необходимо активизировать экономическое просвещение:

- в сфере самосознания – осмысление своего индивидуального потенциала, формирование осознанного гражданского экономического поведения;

- в сфере мотивации – развитие интереса к проблемам экономики страны и семьи, постоянной потребности в новых знаниях, стремления к самовыражению и самореализации, что должно стать средством социальной защиты, адаптацией к условиям рынка.

Фундамент экономического образования и финансовой грамотности нужно закладывать уже со школьной скамьи. И это, несомненно, инвестиции в будущее Беларуси. Это не только способ распространения базовых экономических концепций, но и средство формирования, развития личности, адаптации ее к социально-экономическим условиям.

Литература:

1. Социальное партнерство: взрослые и дети: метод. материалы по реализации междунаро. инициативы «Город, дружественный детям» /сост.Е.В.Онуфирович, Л.А.Исачкина, О.А.Клецова, В.Г.Литвинович, Е.Г.Новик; под общ. ред. Н.В.Васильченко - Минск: Зорны Верасок, 2010 -160 с.
2. Шутко, В.Н. Город в интересах детей / В.Н. Шутко // Защита и справедливость. - 2010. - №1 - С. 35-40.

Панькова Оксана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, докторант отдела социальной психологии, Институт социологии НАН Украины, г. Киев

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА В МАТРИЦЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Современные социальные изменения в странах постсоветского пространства принято рассматривать как модернизацию, транзит, трансформацию. В процессе

трансформаций происходит постепенное изменение нормативно-ценностной системы общества, меняется базисный тип личности, возникают новые движущие силы общественного развития, формируются новые социальные акторы, трансформируются институциональная система и социально-групповая структура. Современная ситуация усложняется в связи с тем, что общества переходного типа, в число которых входит и украинское, и российское, и беларусское, сталкиваются с вызовами эндогенного и экзогенного характера, воздействующих на общественную систему одновременно. Это вызывает «двойную нестабильность», сопровождающуюся незавершенностью перехода к новым структурным и институциональным механизмам на фоне деградации и потери эффективности прежних, аномией, социальной и психологической травмированностью, что формирует вектор экстенсивного развития, деволюции, антропокризиса.

Среди концептуальных подходов к изучению процесса посткоммунистической трансформации необходимо отметить концепцию культурной травмы П.Штомпки, концепцию «зависимого развития» Д. Старка, Г. Грабера и Л. Бруста; концепция хаотичного капитализма Д. Лейна; концепция эволюционной модернизации и культурных изменений Р. Инглхарта, концепция социетальной трансформации российского общества Т.И. Заславской.

В украинской социологической науке различные аспекты постсоветских трансформаций и связанные с ними изменения представлены в работах Н. Шульги, Е. Злобиной, Н. Паниной, Е. Головахи, В. Вороны, В. Судакова, Л. Бевзенко, Н. Соболевой, Ю. Саенко, А. Стегния, Э. Афонина, Е. Симончук, А. Ручки, В. Тарасенко, О. Куценко, С. Бабенко, Е. Донченко, С. Макеева, И. Мартынюка, В. Пилипенко, Т. Петрушиной, В. Резника, О. Резника, Е. Суименко, Л. Сохань, Л. Сокурмянской, В. Степаненко, В. Танчера, В. Хмелько, П. Кутуева, Л. Хижняк, Ю. Яковенко, Е. Михайлевой, В. Смакоты, М. Паращевина, А. Арсеенко, А. Малюка, Н. Бойко, А. Зоткина, Т. Загороднюк, О. Демкива и др. Учеными рассматриваются различные социально-экономические, социально-психологические, ценностно-нормативные, духовно-нравственные, поведенческие аспекты, связанные с протеканием и последствиями для общества условий нестабильности на микро- и макро- уровнях.

Среди социологов Беларуси состояние жизнедеятельности и динамику изменений беларусского общества исследует научный коллектив Института социологии НАН Беларуси под руководством И. Котлярова, проблемами социально-экономических трансформаций занимаются Г. Соколова, Е. Бабосов, Р. Смирнова, А. Шавель и др.

Значительный методологический вклад в исследование модернизационных и трансформационных процессов в странах постсоветского пространства сделан российскими исследователями – Т. Заславской, Н. Римашевской, О. Яницким, В. Пригожиным, А. Кравченко, О. Шкаратаном, М. Шабановой, Г. Силласте, В. Федотовой, И. Соболевой, Б. Юдиным, Ю. Левадой, Н. Наумовой, В. Колесовым, Ю. Корчагиным, В. Ядовым, З. Голенковой, В. Радаевым, Р. Рывкиной и др.

Процессы трансформационных изменений происходят в условиях всеобщего цивилизационного вызова современности, когда коренным образом меняется качество социальных систем на мега- и макроуровнях, меняется смысл и качество взаимодействия в системе человек-государство-общество, меняется понимание природы человека, расширяются границы его возможностей, его потенциалов. Поэтому необходимо раскрыть сущность цивилизационного вызова современности, его структуру для более глубокого понимания социальной реальности, в координатах которой существует человечество, общество, человек.

На этот запрос пытаются ответить украинские социологи. Е.Михайлева предлагает рассматривать цивилизационный вызов современности сквозь призму формирования новой матрицы, которую образуют его базовые составляющие, а именно аксиологический вызов, пространственный вызов, национально-государственный вызов, вызов идентичности, вызов, связанный с усилением роли сознания и формированием

жизнетворчества как стратегии существования человека, вызов интеллектуализации, технологический и инвайроментальный вызовы [1, с. 22-27].

Итак, первая составляющая – аксиологический вызов, в основе которого – трансформация ценностных оснований бытия, подрыв традиционных ценностных оснований жизнедеятельности социальных субъектов. Изменения в ценностных основаниях современного социального пространства, привели к размытости и неопределенности в ценностных системах многих акторов и социальных субъектов. Ценностный стержень их жизнедеятельности претерпевает серьезные изменения, что накладывает отпечаток на процессы их социального взаимодействия.

В таких условиях для общества актуализируется проблема сохранения целостности, а, соответственно, и перестройки базовых социальных институтов, а также общей системы социальных отношений. Для личности – это «вызов свободы», который привлекает своим разнообразием и относительной доступностью, но требует при этом наличия ценностного стержня, опоры на ответственность, без которых свобода теряет всякий смысл.

Период конца XX – начала XXI веков ознаменован коренным качественным изменением тренда мирового хозяйственного развития, что проявляется в том, что его основой стало сочетание инновационных технологий с национально-культурной идентичностью хозяйствующих субъектов. Это означает, что в новом тренде развития, который начался, происходит актуализация духовно-творческой составляющей [2, с.4-5].

Постнеклассическая наука объявляет происходящие коренные изменения на мегауровне переходом к четвертой научной революции, в основе которой - парадигма целостности. Целостности мироздания, биосферы, ноосферы, общества, человека, которые образуют сверхсложные системы, открытые и способные к самоорганизации. Объектом науки становятся и «человекообразные» комплексы, неотъемлемым компонентом которых является человек (глобально-экологические, биотехнологические, медико-биологические и т.п.). Таким образом, аксиологический вызов стимулирует к поиску новых ценностных оснований жизнедеятельности и жизнеспособности общественных систем, социальных субъектов и социальных акторов.

Вторая составляющая – пространственный вызов. В его основе – значительное расширение социального пространства, в котором социальные субъекты осуществляют свою жизнедеятельность. Расширяются как географические границы, так и виртуальные. В связи с этим акторы начинают мыслить, действовать и жить по-новому. Пространственный вызов изменил представления о сущности успеха, факторах и средствах его достижения. У социальных субъектов и акторов значительно расширились возможности для изменения пространственных координат своего бытия, а значит и своего существования. Пространственный вызов заставляет более универсально подходить к оценке и критериям человеческого потенциала, унифицировать его качественные характеристики.

Третья составляющая цивилизационного вызова – национально-государственный вызов, в основе которого – смещение значимости национальных и государственных образований в сторону транснациональных. Глобализация значительно пошатнула основания национально-государственной модели общества, классические модели общественного развития также представляются малоэффективными. Для Украины с позиций развития человеческого потенциала этот вызов носит двойственный характер – с одной стороны в стране не созданы благоприятные условия для развития человеческого потенциала, поэтому страна теряет лучшую часть своих человеческих ресурсов за счет миграции и продолжающейся «утечки мозгов». Но с другой стороны, для обеспечения национальной и социальной безопасности Украины необходима эффективная государственная политика для противодействия этому процессу, а это означает, что позиция государства должна усилиться, стать более прочной для разрешения внутреннего противоречия и сохранения человеческого потенциала страны.

Четвертой составляющей цивилизационного вызова является вызов идентичности – он затрагивает и *личность*, к которой современность предъявляет новые требования, и *нацию*, заостряя вопрос о внутренней культурной идентичности украинского общества, и *страну*, которой необходимо определяться геополитически и интегрироваться в определенный модернизационный проект. Иллюстрируют кризис идентичности в Украине работы Н. Шульги, который отмечает, что очень медленный процесс кристаллизации новых социальных групп приводит к размытости социальных и политических самоидентификаций, следствием чего становится рыхлая неустойчивая политическая структура [3, с. 503-504]. Такая ситуация негативно отражается на всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и на состоянии человеческого потенциала страны, т.к. деформируется система управления и регулирования социальными, экономическими, культурными процессами, а кризис самоидентичности порождает дезинтегрированность, социальное отчуждение, апатию.

Пятая составляющая цивилизационного вызова – усиление роли сознания, актуализация сферы умственного труда, реализация жизнотворчества как стратегии существования человека и развитие творческой составляющей в деятельности социальных акторов. Актуализация творчества как характеристики человеческой деятельности и ее развитие является сущностной компонентой человеческого потенциала нации, страны, раскрытия потенциала человека в современном мире. Готовность к реализации творческой стратегии является ответом на вызов возрастающей роли сознания и одним из критериев успешности социальных субъектов, результатом которой является формирование творческой личности, что становится одной из главных задач современного института образования. Обратной стороной медали расширения этого вызова является манипуляция массового сознания, коммерциализация системы образования в интересах общества потребления.

Можно ожидать, пишет Л.Сохань, что восхождение общества на новый уровень цивилизационного развития будет ознаменовано переходом на новую базовую, типичную для данного общества, личность с более развитыми демократическими устремлениями и притязаниями [4].

Что касается стран постсоветского пространства, то Е. Головаха, видит выход в разворачивании прочных механизмов самоорганизации, одним из которых является самоорганизация личности современное общество способно эффективно функционировать [5, с. 3-9]. «Не свобода от ...», а «свобода для...» может раскрыть внутренние потенции индивида через умение «вписаться» в окружающий мир, активно и творчески в нем жить, из-за способности быть ответственным – за себя, за свою работу, за свою семью, за свою страну. Время выставляет запрос именно на самоуправляемый тип личности в широком социальном контексте как тот, который способен к саморегуляции, самоконтролю, к ответственным действиям и решениям в условиях «стабильной нестабильности».

Мы можем добавить, что время дает запрос на тот тип личности, который способен на одухотворенное творчество, близкое к раскрытию божественного начала, которое заложено внутри самого человека, но далеко не всегда и далеко не каждым раскрывается в процессе жизни. Но новые условия современности, новые цивилизационные вызовы формируют новое поколение людей. Об этом же пишет Б. Юдин: уже сейчас психологи отмечают, что под воздействием новых технологий, компьютеризации, общего изменения видео-аудио среды развития, современные дети опережают по некоторым параметрам интеллектуального, социального, личностного развития соответствующие возрастные группы прошлых поколений. Эти процессы будут нарастать, так как каждое новое поколение будет жить в ином, принципиально непредсказуемом мире, преображенном новыми технологиями. При этом возникают новые механизмы изменения и передачи культуры, отличающиеся от постконфигуративных и конфигуративных культур [6, с. 47-54]. Понимание этих процессов, создание в обществе условий для развития

инициативной, полноценной самореализующейся творческой личности являются решающим условием перехода в новое информационное общество, новую префигуративную культуру XXI века.

Страны постсоветского пространства в координатах матрицы цивилизационных вызовов находятся в положении многомерной нестабильности, которая требует системной структурной реорганизации всех сфер жизнедеятельности общества, системы общественных отношений, самого человека, фундаментальных основ его существования. Это крайне важно для того, чтобы уменьшить разрушительный потенциал, накапливающийся внутри общества и человека и дать возможность проявиться созидательному, за счет этого дать достойные ответы на вызовы новой эпохи, чтобы не оказаться в ситуации эволюционного тупика. Но именно в этих странах формируются такие условия, которые заставляют искать новые нестандартные пути, механизмы, источники и ресурсы самосохранения, саморазвития, самореализации как человека, так и общества.

Современность, бросая новые вызовы человечеству в целом, заставляет переосмысливать существующую реальность, формируя ее новую модель, где разум и сознание выступают фундаментальными аспектами [8]. Формируется запрос на новое миропонимание, на Человека нового типа, нового качества, способного мыслить и преобразовывать свою жизнь и жизнь вокруг себя на принципах целостности, созидающего творчества, духовности.

Литература:

1. Михайлева Е.Г. Интеллектуальная элита в матрице современных цивилизационных изменений : Монография / Е.Г. Михайлева ; Нар. укр. акад. - Харьков : Изд-во НУА, 2007. – С. 22-27
2. Колінко О.Г. Духовно-творча діяльність людини як основа сучасного господарського розвитку. Монографія. – Харків: «Друкарня Мадрид», 2013. – С.4-5.
3. Шульга М. Нескінченний каскад біфуркацій. Українське суспільство 1992-2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. В.Ворони, М.Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2012. – С.503-504
4. Сохань Л.В., Головаха Е.И., Ануфриева Р.А., Балакирева О.Н., Очеретяный В.В. Психология жизненного успеха. Опыт социально-психологического анализа преодоления критических ситуаций Режим доступа: http://www.libok.net/writer/3990/kniga/11550/sohan_lv/psihologiya_jiznennogo_uspeha/read
5. Головаха Е.И. Самоуправляемая личность и общество //Четвертая всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии (Москва, 4-5 мая 2010 г.). Материалы сообщений. – М.: Смысл, 2010. С.3-9.
6. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1999; Юдин Б. Г. Концепция человеческого потенциала как программа исследований // Человек-Философия-Гуманизм: Основные доклады и обзоры Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.): В 9 т. СПб., 1998. Т. 9. С. 47–54.
7. Тоффлер Э. Третья волна / Э.Тоффлер – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – 647 с.

Сысоев Сергей Александрович, соискатель кафедры институциональной и теоретической экономики, Белорусский государственный университет, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

В классической статье о взаимосвязи социального капитала и социально-экономического развития страны «Economic growth and social capital in Italy» Дж.Ф. Хилливелл и Р.Д. Патнэм исследовали причины различий в экономическом развитии северных и южных регионов Италии. По мнению исследователей, эти различия связаны с социальным капиталом [1, с. 295]. Для оценки уровня социального капитала было использовано несколько показателей. Первый показатель – индекс гражданского общества – измеряет широту и глубину гражданского общества, а также политическую активность

граждан, проявляющуюся в количестве читателей газет, наличии спортивных ассоциаций, явке на выборы и предпочтении той или иной партии при голосовании. Вторым показателем был использован для исследования различий в состоянии институциональной системы и включал в себя двенадцать различных индикаторов, например, скорость ответа государственных органов на запросы граждан. Третий показатель учитывал степень удовлетворенности граждан региональными органами власти [1, с. 297].

Сопоставление показателей социального капитала с показателями экономического развития позволило выявить, что в 1960-1970-х гг. регионы с высоким уровнем социального капитала были более схожи по уровню доходов на душу населения и эти доходы были выше, чем в регионах с низким уровнем социального капитала. Начиная с 1983 г., удовлетворенность граждан региональным правительством положительно влияла на экономический рост – чем выше была удовлетворенность, тем выше был экономический рост [1, с. 304].

В свою очередь, С. Нэк и П. Кифер в работе «Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation» изучали взаимосвязь между социальным капиталом, который, по мнению исследователей, представляет собой межличностное доверие и нормы сотрудничества, и экономическими показателями [2, с. 1251]. Для оценки уровня доверия были использованы данные международного исследовательского проекта «The World Values Surveys», которым в 1990-1991 гг. было охвачено 28 стран. В рамках данного проекта у респондентов спрашивали, доверяют ли они большинству людей или нет [2, с. 1255-1256]. Показатели уровня доверия сопоставили с показателями экономического роста в рассматриваемых странах в 1980-1992 гг. Результаты показали, что уровень доверия оказывает положительное влияние на экономический рост – чем выше уровень доверия, тем выше темпы экономического роста. Также исследованию взаимосвязи социального капитала и экономического развития были посвящены работы Б. Рутледжа, И. Амсберга, Я. Алгана, П. Кахук, С. Акомак, Б. Вилла и многих других [3, 4, 5].

Несмотря на достигнутые результаты, рассматриваемые работы имеют ряд недостатков. Так, предложенная Дж.Ф. Хилливеллом и Р.Д. Патнэмом методика оценки социального капитала в большей степени подходит для измерения социального капитала в рамках страны, имеющей значительные региональные различия. Использование предложенной методики для сопоставления уровня социального капитала в различных странах может носить ограниченный характер из-за существенных институциональных различий, присущих каждой стране.

Кроме того, всеми исследователями были разработаны математические модели, которые позволяют определить наличие статистически значимой взаимосвязи между показателями социального капитала и показателями социально-экономического развития страны. Однако, ни в одной работе не было предложено теоретического обоснования механизма взаимосвязи социального капитала и социально-экономического развития страны.

По нашему мнению, механизм взаимосвязи социального капитала и социально-экономического развития страны может быть рассмотрен с помощью категории «общественный капитал».

В последние годы промышленный, финансовый, банковский капитал транснациональных корпораций, несмотря на торможение мировой экономики, динамично развивался. Например, суммарная годовая выручка крупнейших мировых банков, входящих в рейтинг Global 2000, который ежегодно составляется журналом Forbes, в 2007 – 2011 гг. колебалась на уровне 3 300 – 3 500 млрд. долл. США в год, а их суммарные активы за аналогичный период выросли на 24,2% – с 58 291 млрд. долл. США в 2007 г. до 72 376,5 млрд. долл. США в 2011 г. [6].

Однако, стремительное развитие промышленного, банковского и финансового капитала протекает на фоне негативных явлений, происходящих в обществе и государстве. Так, в период бурного роста капитала транснациональных корпораций

безработица в странах ЕС выросла с 7,1% в 2007 г. до 9,6% в 2010 г., в США – с 4,6% до 9,6%, в Канаде – с 6,0% до 8,0% [7]. Это приводит к нарастанию социальной напряженности в обществе – многотысячные демонстрации против безработицы и снижения уровня жизни проходят в Риме, городах Испании.

С нашей точки зрения, перечисленные отрицательные экстерналии, которыми сопровождается для общества и государства бурное развитие промышленного, банковского, финансового капитала, уже в среднесрочной перспективе способны нарушить стабильность оборота всего общественного капитала. Под общественным капиталом мы, как и К. Маркс, будем понимать сумму индивидуальных капиталов [8, с. 94]. Современная экономика характеризуется высоким уровнем специализации производств, значительной межфирменной кооперацией и представляет собой глобальный «сборочный цех». В такой экономике компании, составляющие единую технологическую цепочку, могут находиться на разных континентах. Если в какой-либо стране противоречия, связанные с развитием капитала, перерастают в затяжной социальный конфликт, то это может негативно отразиться на обороте общественного капитала.

С нашей точки зрения, стабильный оборот всего общественного капитала невозможен без учета интересов общества и государства, активного «генерирования» социального капитала на метауровне социально-экономической системы, т.е. в отношениях между капиталом, обществом и государством. Таким образом, социальный капитал становится важнейшим фактором развития социально-экономической системы как на уровне отдельной страны, так и всей мировой экономики. Под социальным капиталом мы будем понимать общественные отношения, взаимосвязи и соответствующие структуры, а также правила и нормы, сформированные на основе доверия и взаимопомощи, которые обеспечивают расширенное воспроизводство хозяйственной системы.

По нашему мнению, уровень социального капитала, сформированного на метауровне социально-экономической системы общества, может быть оценен при помощи таких статистических показателей, как уровень безработицы, индекс Джини, количество забастовок. Для оценки уровня социального капитала, сформированного во взаимоотношениях корпораций, государства и профсоюзов, нами был разработан индекс социального капитала для метауровня социально-экономической системы общества. Индекс социального капитала для метауровня социально-экономической системы рассчитывается как сумма индексов социального капитала, каждый из которых учитывает уровень безработицы, индекс Джини, количество забастовок в стране. При этом все индексы, входящие в результирующий показатель, имеют равный вес и каждый из них рассчитывается при помощи формулы нормализации данных, применяемой ПРООН при расчете индекса развития человеческого потенциала [9, с. 59-81].

Расчет индекса социального капитала для метауровня социально-экономической системы позволяет, во-первых, обобщить показатели, характеризующие социальный капитал, каждый из которых измерен в различных единицах. Во-вторых, хотя с помощью индекса невозможно измерить социальный капитал в каких-либо единицах, благодаря ему возможно ранжировать различные страны по уровню рассматриваемого показателя.

Для расчета индекса социального капитала были использованы данные национальных статистических служб международных организаций России, Беларуси, Германии, Финляндии и Швеции за 2007-2009 гг. [10, 11, 12, 13]. Выбор данных стран обусловлен тем, что, несмотря на экономические и культурные различия, эти страны имеют единые европейские корни, что позволяет, абстрагируясь от ряда институциональных различий, провести анализ взаимосвязей между социальным капиталом, уровнем образования и доходом.

Анализ статистических данных показал, что среди рассматриваемых стран минимальный уровень безработицы был зафиксирован в Беларуси – 0,6% от экономически активного населения, максимальный – в Финляндии – 7,7%. Наиболее низкий показатель

индекса Джини зафиксирован в Швеции – 24,4, наиболее высокий – в России – 40,1. Наиболее существенно страны различаются по количеству забастовок. Например, в 2008 г. в Беларуси не зафиксировано ни одной забастовки, в Германии – 881 забастовка.

Расчет индекса социального капитала, сформированного на метауровне социально-экономической системы, позволил получить следующие результаты: в России индекс социального капитала составил 0,79, в Беларуси – 0,97, в Германии – 0,72, в Финляндии – 0,88, в Швеции – 0,91. Значительное отрицательное влияние на итоговый индекс социального капитала в Германии оказало высокое количество забастовок.

В целом, рассмотренные страны демонстрируют достаточно высокий уровень социального капитала, сформированного на метауровне. Исходя из этого, можно утверждать, что в рассматриваемых странах складывающиеся отношения между трудом, капиталом и государством пока не создают угрозу для оборота всего общественного капитала.

Литература:

1. Helliwell, J. Economic growth and social capital in Italy [Electronic resource]. – Mode of access: http://college.holycross.edu/eej/Volume21/V21N3P295_307.pdf
2. Knack, S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? [Electronic resource]. – Mode of access: https://hec.unil.ch/docs/files/21/280/knack_keefer_1997.pdf
3. Routledge, B. Social Capital and Growth [Electronic resource]. – Mode of access: <http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1421&context=tepper>
4. Algann, Y. Inherited Trust and Growth [Electronic resource]. – Mode of access: http://econ.sciences-po.fr/sites/default/files/file/yann%20algann/Inherited%20Trust%20and%20Growth_AER.pdf
5. Akcomak, S. How do social capital and government support affect innovation and growth? [Electronic resource]. – Mode of access: <http://arno.unimaas.nl/show.cgi?fid=8475>
6. The Global 2000. Forbes [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.forbes.com/lists/2010/18/global-2000-10_The-Global-2000_Rank.html
7. World Bank Open Data: free and open access to data about development in countries around the globe [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org>
8. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии : в 3 т. / К. Маркс ; пер. И. И. Степанова-Скворцова. – Ленинград : Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 2. Кн. 2: Процесс обращения капитала. – 530 с.
9. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.undp.ru/nhdr2008/undp_uchebnik_site.pdf
10. Unemployment, total (% of total labor force) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>
11. Занятость населения и безработица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_5/14.pdf
12. GINI index [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>
13. Strikes and lockouts [Electronic resource]. – Mode of access: <http://laborsta.ilo.org/STP/guest>

Борисова Ольга Васильевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Могилёвский государственный университет имени А.А.Кулешова, г. Могилёв

СТРАТЕГИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

На сегодняшний день в мире почти не осталось стран, не столкнувшихся в той или иной степени с проблемами роста населения и, как следствие, необходимостью так или иначе регулировать уровень рождаемости. Поэтому демографическая политика является частью современной политики практически каждого государства. Ее целью является изменение или поддержка существующих в данный период времени демографических тенденций.

Некоторые проявления демографической политики можно обнаружить уже в античные времена. Так, например, Гай Юлий Цезарь уже в 59 г. до н.э. провел через сенат

аграрный закон, в соответствии с которым все желающие заниматься земледелием могли получить участок из фонда общественных земель. При этом претендующие на получение земли должны были иметь троих и более детей.

В средневековой Европе раньше всех стали осуществлять демографическую политику во Франции, где попытались скопировать римские законы. Так, согласно эдикту Людовика XIV, на несколько лет от налогов освобождались те, кто вступал в брак в возрасте до 21 года. Наиболее активная демографическая политика проводилась в германских государствах, которые из-за своего географического положения страдали от разрушительных европейских войн и несли потери населения. Одной из мер по восстановлению численности жителей стало, например, запрещение принимать в монастыри мужчин моложе 60 лет.

В период докапиталистических обществ именно численность населения обеспечивала престиж и военную мощь государства. А главной целью демографической политики было упрочение могущества своих государств.

В настоящее время в зависимости от сложившейся ситуации существуют 2 основных типа демографической политики: направленная на повышение рождаемости (в экономически развитых странах) и на ее снижение (в развивающихся странах).

В 1953 г. с целью регулирования основных демографических процессов, в частности рождаемости, была основана Международная Федерация Планирования Семьи. Появились программы, названные «планированием семьи», направленные на разработку мер по снижению чрезмерно высокой рождаемости в некоторых странах, например в Индии и Китае.

В развитых странах остро стоит диаметрально противоположная проблема, связанная с низкими темпами рождаемости. Демографическая политика этих государств включает целый ряд мер по стимулированию рождаемости и снижению темпов процесса депопуляции. Она включает в основном экономические меры, среди них: денежные дотации - ежемесячные пособия семьям, имеющим детей, льготы одиноким родителям, оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком и др. В некоторых странах, где сильны позиции католической церкви (например, в Ирландии, США, Польше) в последнее время обсуждаются законы, предусматривающие уголовную ответственность для женщины, прервавшей беременность, и врача, сделавшего аборт.

Определенным эталоном демографической политики является Франция, первая из европейских стран, столкнувшаяся с депопуляцией, и разработавшая систему мер по ее преодолению и увеличению численности населения.

Мероприятия в области демографической политики в развитых странах проводятся по трем направлениям: 1) законодательные меры, которые обеспечивают супружеским парам возможность реализовать свое право на воспроизводство; 2) экономические меры, т.е. материальное вознаграждение в различных формах; 3) меры, направленные на сочетание материнства и женской занятости.

Проблема низкой рождаемости характерна и для Республики Беларусь, где с 1994 начались депопуляционные процессы, которые начали приобретать масштаб, угрожающий нормальному функционированию и развитию страны. Стратегически демографическая ситуация в стране, наличие человеческого капитала - это важнейшие факторы устойчивого экономического роста, ключ к ее национальной безопасности. Поэтому понятно внимание власти к данной проблеме.

Но, как показывает анализ зарубежного и отечественного опыта применения различных мер по стабилизации и стимулированию уровня рождаемости, универсальной стратегии для решения этой проблемы не существует. Поэтому каждая страна, учитывая общемировой опыт, пытается решить данную проблему по-своему.

Для того чтобы найти рациональные решения, необходимо правильное понимание причин происходящих негативных явлений. Основные причины снижения рождаемости в стране следующие:

- демографический переход страны к новому типу воспроизводства населения (согласно теории Мальтуса). Этот закономерный процесс характерен для большинства стран мира, где происходит снижение рождаемости и уменьшение норм детности;

- особенности половозрастной структуры, связанный со скачками доли людей, вступающих в детородный возраст;

- социальная и экономическая нестабильность (неравномерность экономического развития, снижение благосостояния, дестабилизация потребительского рынка);

- экологическая ситуация в стране, в частности последствия катастрофы на ЧАЭС, что породило беспокойство родителей о здоровье своих детей;

- проблемы с репродуктивным здоровьем населения страны, распространение первичного и особенно вторичного бесплодия;

- ухудшение работы социальной сферы (в частности, здравоохранения);

- изменение системы ценностей, в частности ценности семьи и материнства и др.

Несмотря на предпринимаемые меры, за последние пять лет в Беларуси численность населения уменьшилась на 270 тысяч человек. Как видно, пока еще баланс складывается не в пользу рождаемости. И чтобы его изменить, надо решить несколько взаимосвязанных проблем:

- поднять стандарты жизни людей на качественно новый уровень;

- разработать и последовательно осуществлять государственную программу поддержки материнства и детства, более целенаправленно поддерживать (прежде всего материально) те семьи, где рождается трое и более детей;

- активно развивать семейные формы устройства сирот, чтобы дети из домов-интернатов переселялись в дома семейного типа, где бы они чувствовали родительскую заботу о себе и в последующем могли бы воспроизвести роли матери или отца в своей семье;

- усилить борьбу с распространением курения, алкоголизма и особенно наркомании в подростковом возрасте для сохранения качественного генофонда нации, воспроизводства физически, нравственно и социально здоровых поколений;

- при реализации жилищной программы первоочередное внимание уделять обеспечению жильем многодетных семей;

- внести изменения в молодежную политику, формируя ориентацию молодых людей на счастливую семью, на рождение и воспитание детей;

- повышать ответственность родителей за воспитание детей, стимулировать изменения ролевых функций в сторону более равномерного участия мужчин и женщин в выполнении семейных обязанностей;

- совершенствовать различные формы информирования населения по вопросам, связанным с выбором супруга, с семейной жизнью, супружескими взаимоотношениями, с воспитанием детей;

- содействовать укреплению института брака, предотвращению его разрушения, уменьшению количества разводов;

- сохранять и улучшать здоровье, прежде всего – репродуктивное, повышать уровень культуры репродуктивного поведения;

- формировать у населения активное и сознательное самосохранительное поведение с ориентацией на здоровый образ жизни;

- улучшать условия для сочетания родителями профессиональной деятельности и семейных обязанностей, повышать статус и престижность неоплачиваемой работы по дому и уходу за детьми

- дать возможность родителям устраивать детей в детские дошкольные учреждения рядом с домом и др.

В Беларуси сейчас функционирует вторая Национальная программа демографической безопасности на 2011-2015 годы, где предусмотрен ряд конкретных мер для стимулирования более высокой рождаемости. Также сегодня рассматривается

возможность введения материнского капитала, а пособие на ребенка в ближайшее время будет приближено к средней зарплате одного из родителей. Это очень важные шаги на пути решения проблемы. Но не надо забывать, что только материальных стимулов недостаточно. Надо оказывать воздействие на ценностный уровень людей, находящихся в активном репродуктивном возрасте, а особенно молодежи, так как ее репродуктивное поведение будет во многом определять уровень рождаемости в ближайшем будущем.

Малинин Глеб Романович, соискатель, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ КАК ДЕТЕРМИНАНТА РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Современную эпоху можно охарактеризовать как этап всеобъемлющей трансформации и модернизации общества. Его специфика заключается в кардинальных изменениях практически всех парадигм и детерминант, детерминирующих законы социально-экономического развития XXI столетия. Формирующаяся в режиме реального времени социально-экономическая инфраструктура обладает новыми параметрами и характеристиками, такими, как системная сложность и социальная альтернативность, полиструктурность и кластерный тип организации, высокая социальная активность и глобальная синергия единый контент информационного пространства и т.д. Данные инновации ведут к кризису классических парадигм хозяйственной деятельности и социального управления, меняют методологию и средства управления и научного анализа, выводят на первое место принципиально новый социально-экономический императив развития общества.

В Беларуси в последние годы координация хозяйственной деятельности осуществляется как рынком, так и на основе государственного прогнозирования социально-экономического развития страны. Экономические показатели доводятся до министерств, составляются планы экономического развития, задаются конкретные цифры. Это способствует стабильному росту экономики, делает предсказательным ее развитие. Вместе с тем, такое вмешательство государства в экономику ограничивает самостоятельность и инициативу хозяйствующих субъектов, замедляет их реакцию на изменения в рыночной конъюнктуре, снижает привлекательность для иностранных инвесторов. С другой стороны, если рынку (хозяйствующим субъектам) предоставить полную самостоятельность, это приведет к монополизму и развалу экономики. Поэтому для устойчивого социально-экономического развития необходимо формирование и реализация социально-экономического императива.

Участие морали в формировании социально-экономического императива обязательно. В свое время А. Смит предупреждал о том, что если не будет морали, не будет и хлеба.

Императив – это безусловное требование, конструктивная идея по решению наиболее приоритетной проблемы, объединяющая все мышление страны. Так как идея, овладевшая массами, становится материальной силой, императив имеет огромное значение в социально-экономическом развитии любой страны. Его отсутствие в Беларуси оказывает отрицательное влияние на процессы специализации экономики, повышение ее эффективности. Его формирование – ближайшая задача как государства, так и всего общества. Без императива невозможна целесообразная консолидация ресурсов в наиболее перспективном направлении, социально-экономическое развитие замедляется.

Все в этом мире опирается на свою противоположность. В частности, развитие социальной сферы невозможна без прогресса в экономике, а в свою очередь, последнее

немыслимо без ее социальной ориентации. Поэтому социально-экономический императив – это результат взаимодействия двуединых противоположностей.

Формирование и развитие социального рыночного хозяйства стало основой общественного прогресса большинства высокоразвитых стран мира. Его важнейшими принципами являются: формирование и поддержание функционально способной системы цен при относительно «полной» конкуренции; главенство денежной политики, чтобы обеспечивать стабильность валюты; частная собственность как средство производства; гарантия свободы договоров; корректировка доходов путем проведения соответствующей налоговой политики.

В соответствии с этими принципами определяются приоритеты современного социально-экономического развития. Наиболее значительными из них стали стимулирование конкретных программ, направленных на поддержание всех желающих начать собственное дело; увеличение инвестиций в человеческий капитал, научные исследования образования и воспитания; создание нового производственного капитала, ставящего человека в центр производственного процесса; проведение структурной политики посредством кредитования создаваемых предприятий; ориентация на международное сотрудничество.

В итоге реализация этих принципов и приоритетов позволило ведущим странам Запада добиться значительных успехов в социально-экономическом развитии. Благодаря этим принципам, в 80-е годы двадцатого века, когда они стали доминирующими в названных странах, ВВП увеличился в 2-3 раза, при этом индекс потребительских цен не увеличился, а даже снизился.

Совершенно понятно, что один кластер принадлежит экономике, другой – социальной сфере. Следует подчеркнуть особую роль морали, помня о религии и культуре. В зависимости от вероисповедания, страны заметно отличаются друг от друга по темпам социально-экономического развития. Уровень развития культуры в решающей степени зависит от уровня развития науки, образования и воспитания, всего того, что является человеческим капиталом. Его рост должен стать катализатором развития социально-экономического императива Республики Беларусь.

В современном, динамично меняющемся мире у нашей страны есть все шансы найти свою нишу, занять достойные позиции, обеспечить взаимовыгодное сотрудничество со всеми партнерами. Залог успеха – сочетание твердых принципов, ориентированных на долгосрочные перспективы народа и государства, с гибким учетом новых возможностей и новых вызовов.

Шашило Татьяна Анатольевна, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

АКТУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ БИЗНЕС-ИНКУБИРОВАНИЯ В МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1. Модернизация является одним из необходимых условий успешного социально-экономического развития Беларуси. 2013 год является для Беларуси годом активной модернизации. Стоит отметить, что понятие модернизации необходимо рассматривать в самом общем плане, то есть как комплекс качественных изменений в обществе, затрагивающий технологическую, экономическую, социальную, культурную, политическую сферы жизнедеятельности. Главной целью модернизации является совершенствование всей общественной системы и различных подсистем общества для достижения экономического, социального, духовного и политического развития. В Республике Беларусь к концу 2011 года была выполнена 61 программа, связанная с

модернизационными процессами. Республика Беларусь выбрала путь «обгоняющей» модернизации и построения социально-ориентированой экономики. Несмотря на заметные достижения в научно-исследовательских разработках, в реализации инновационных проектов и производстве высокотехнологичной продукции, имеется ряд проблем по достижению запланированных результатов модернизации. Существует множество различных стратегий модернизации и многообразие национальных программ, но целесообразно выделить три основных структурных элемента любой модернизационной программы: технологическое обновление производства, перестройка экономики и инновационный путь развития.

Продуктивное развитие экономики в современном мире зависит, прежде всего, от развития науки, инноваций и высокотехнологичных отраслей производства. Одним из антимодернизационных барьеров в развитии экономики является низкая наукоемкость ВВП, которая должна быть 1,2-1,4%, а фактически находится ниже критического уровня и составляет 0,7%. Также снижается уровень кадрового потенциала, численный состав научных кадров. В структуре национального богатства развитых стран доля человеческого капитала составляет 78%, в Беларуси по примерным оценкам ученых около 55% [1]. Таким образом, экономическая стабильность государства основывается на развитии творческой деятельности человека в процессе производства. Ещё одной проблемой является отсутствие четко структурированной национальной инновационной системы, без которой невозможно перейти на инновационный путь развития. Одной из приоритетных задач Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь до 2015 г. является развитие малого инновационного предпринимательства путем создания бизнес-инкубаторов и технологических парков. Следует отметить, что бизнес-инкубатор может выступать не только элементом инфраструктуры инновационного развития, но и структурой для развития человеческого капитала и творческого потенциала предпринимателя. Таким образом, анализ типов бизнес-инкубаторов как элемента инновационной системы Республики Беларусь является актуальным в контексте перехода страны на инновационный путь развития.

2. Бизнес-инкубаторы выступают ключевым элементом поддержки предпринимательства и становления инновационной системы государства. Бизнес-инкубаторы можно типологизировать по различным основаниям. Так, Национальная Ассоциация бизнес-инкубаторов выделяет пять ключевых типов бизнес-инкубаторов по профилю деятельности.

Смешанный тип инкубатора, в котором клиентам предлагается широкий спектр услуг. Деятельность такого рода бизнес-инкубатора направлена на создание рабочих мест и улучшение экономического положения населения путем государственной финансовой поддержки.

Технологический бизнес-инкубатор, деятельность которого направлена развитие высокотехнологичных отраслей производства и проведение научных исследований.

Производственные бизнес-инкубаторы предоставляющие производственные площади и оборудование для развития промышленного производства.

Целевые бизнес-инкубаторы, деятельность которых направлена на создание определенного вида продукции (еда, одежда, электроника и т.д.).

Бизнес-инкубаторы, созданные для расширения возможностей занятия предпринимательской деятельностью среди широких слоёв населения [2, с. 45].

В соответствии с квалификацией, предлагаемой автором, бизнес-инкубаторы можно разделить на семь категорий по целям их создания.

1. Классический бизнес-инкубатор, который предоставляет услуги предпринимателям любого профиля деятельности. Данный тип бизнес-инкубатора появился одним из первых и на сегодняшний день занимает 51% рынка всех бизнес-инкубаторов в США [2, с. 58]. Главной целью их создания является развитие института предпринимательства в целом. Преимущества классического бизнес-инкубатора

закljučаются в том, что предприниматель может иметь бизнес практически любого профиля и не иметь практических навыков ведения бизнеса.

2. Часть технопарка (инновационного центра, главная задача которого – развитие новых технологий). Такой инкубатор ориентирован на работу в области высоких технологий, поддерживает инновационные предприятия. Этот тип бизнес-инкубатора целесообразно развивать при университетах для коммерциализации научных разработок. Резидентами данного инкубатора могут являться студенты и молодые специалисты научных учреждений, главной задачей которых становится наладка трансфера научных знаний в практику.

3. Инкубатор для экономического развития. Ориентируется на решение конкретных задач: создание рабочих мест, развитие слабого сектора в экономике региона и пр. Деятельность регулируется местными и региональными властями. Целями создания такого типа бизнес-инкубатора являются: реализация конкурентных преимуществ региона, эффективное использование ресурсов региона, развитие малого предпринимательства с учетом региональной специфики. Преимущество инкубатора для экономического развития заключается в оздоровлении экономической активности региона и как следствие рост занятости и уровня жизни населения.

4. Молодежный бизнес-инкубаторы. Как правило, это совместные проекты вузов и муниципальных органов. Деятельность таких инкубаторов направлена на развитие предпринимательских способностей и инициатив на начальной стадии их существования.

5. Сельский бизнес-центр. Их главная функция – использование имеющихся ресурсов для создания продуктов, пользующихся спросом на локальном рынке. Объединяет группу предпринимателей, фермеров и ремесленников. Основной проблемой таких бизнес-инкубаторов является небольшое количество резидентов для самоокупаемости бизнес-инкубатора.

6. Инкубатор, ориентированный на социальную адаптацию незащищенных слоев населения. Поддерживает фирмы, в которых работают представители этнических меньшинств, женщины, бывшие военные и т.п.

7. Виртуальный бизнес-инкубатор. Объединяет поставщиков услуг, которые размещают информацию о себе в базах данных инкубатора, получателей услуг и головной офис (координирующий центр). Доступ получателям услуг предоставляется бесплатно. Данный тип бизнес-инкубатора является наиболее эффективным для поддержки предпринимателей, чья деятельность связана с работой в области высоких технологий.

3. Одной из ключевых идей модернизации Республики Беларусь является создание инновационно-восприимчивой (интеллектуальной и креативной) экономики. Так, для достижения запланированных результатов модернизации необходимо не только внедрение новейших технологий, но и модернизация социальной структуры общества [3]. На наш взгляд, наиболее восприимчивой к инновациям и экономически активной группой населения являются предприниматели. По мнению автора, развитие системы бизнес-инкубирования как элемента инфраструктуры инновационной поддержки предпринимательства является одним из важнейших условий увеличения доли частного бизнеса в структуре экономики.

На наш взгляд, все выделенные семь типов бизнес-инкубаторов могут пропорционально применяться в качестве инструмента поддержки предпринимательства. Стоит отметить, что наибольшее внимание следует обратить на следующие типы инкубаторов: классический бизнес-инкубатор, инкубатор экономического развития и бизнес-инкубатор как часть технопарка. Названные типы бизнес-инкубаторов, на наш взгляд, в наиболее полной мере соответствуют целям государства по модернизации экономики и инновационному развитию. Инкубатор инновационного развития и инкубатор экономического развития позволят оздоровить экономику региона и осуществить трансферт научных знаний и инновационных продуктов в реальный сектор экономики, что является наиболее приоритетным направлением развития государства на

сегодняшний день. С другой стороны создание сельских, социальных и молодежных бизнес-инкубаторов также способствует поддержке и развитию предпринимательских способностей и предпринимательского потенциал определенных категорий населения, что соответствует целям концепции комплексной модернизации страны. Таким образом, внедрение и использование инструмента бизнес-инкубирования может стать одной из точек роста инновационной экономики страны.

Литература:

1. Шимов, В.Н. Модернизация национальной экономики – императив времени / В.Н. Шимов, Л.М. Крюков // Белорусский экономический журнал. – 2013. – № 2. – С. 18-42.
2. Duff, A. Best Practice in Business Incubator Management. – Booragoon, Western Australia, 1998.
3. Концепция комплексной модернизации Беларуси (резюме). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bel.biz/news/35033.html>. – Дата доступа: 14.10.2013.

Малмыгин Артем Сергеевич, младший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК КОРПОРАТИВНЫЙ КОДЕКС

Приведём классические логику теоретического анализа корпоративной культуры: она предполагает рассматривать корпоративную культуру как набор элементов (корпоративная этика, корпоративный имидж, корпоративная философия, фирменный стиль и др.); элементы корпоративной культуры классифицируются (например, по стилю управления или лидерства); рассматриваются уровни корпоративной культуры и элементы этих уровней (например, поверхностный уровень – видимые элементы (например, фирменный стиль) и глубинный уровень – ценности, нормы поведения); предлагается определение корпоративной культуры, как правило, имеющее следующую черту: подчёркиваются социальные факты, которые разделяются (в большей или меньшей степени) осознанно и неосознанно всеми членами организации и который должен быть усвоен.

Рассматривая с точки зрения сложившейся логики корпоративную культуру, от нас могут ускользнуть причины всех форм нерационального поведения сотрудников, причины исследований трудовых коллективов, тенденцию расширения корпоративной культуры в организационном цикле фирмы. Поэтому мы полагаем, что дескриптивно-аналитическая модель должна отражать Корпоративный кодекс. И предлагаем следующий приём анализа: переход от уровня исследования элементов и простого их обобщения в понятие корпоративной культуры к изучению системного эффекта корпоративной культуры. Мы полагаем, что таким эффектом в организации (или одним из таких эффектов) является появление Корпоративного Кодекса. Исходя из того, что декларируемые и транслируемые организацией элементы корпоративной культуры не занимают *весь социальный объём* хозяйственной организации, а сосуществуют как с организованной организацией социальной материей, так и не доступной такой организации социальной материей. *Организация не упорядочивает всю сумму социализации работника, сформированный культурой габитус, также все виды архетипов или то, что К.Г. Юнг относил к коллективному бессознательному.* Отсюда можно сделать вывод, что структура корпоративного Кодекса представлена открытыми статьями и скрытыми статьями. Открытые «статьи» - это видимый уровень корпоративной культуры (фирменный стиль и т.д.) и глубинный уровень, представленный ценностями и нормами, определяющими и регламентирующими поведение сотрудников в компании и разделяемые или частично разделяемые сотрудниками организации.

А «скрытые статьи» мы определим как доорганизационную социальную материю, вписанную в границы организации. «Скрытые статьи» - рудимент неорганизованной среды, которую организует организация идеологией, расписанием и всей иерархией. «Скрытые статьи» не являются даже частью неформальных практик. Для организации это *социокультурное незнание социокультурного знания*. Первой области Кодекса присуща фиксируемость (включая и неформальные отношения), для второй - не фиксируемость. Именно тут можно напомнить о проблеме корпоративной недосоциализации сотрудников любой компании даже с развитой корпоративной культурой.

Первая часть структуры Кодекса существует на коллективном уровне поведения, вторая - на индивидуальном. Коллективные «статьи» «осознаются» (рефлексируются) организацией, а *«скрытые статьи» - область внутривирменного бессознательного* (in-housunconscious). Именно тут мы можем спросить себя, только лишь информация о неформальных отношениях является конечной целью психосоциологических зондажей коллективов или их идеальная цель лежит далее такой «легитимной» обществом цели? Не тут ли начинается тенденция *расширения* корпоративной культуры, чтобы абсолютно подчинить всю структуру поведения сотрудника собственным целям, включая поведение за рамками организации, если неизвестны социальные факты или некорпоративные элементы, как для организации (под организацией тут будем понимать управленческое звено), так и для сотрудника. Например, досуг и порядок целей индивида, направляя их и расставляя приоритеты на хозяйственную организацию, а не на другие социальные отношения и социальные институты. Итак, можно сделать вывод, что индивиды, как носители норм корпоративного Кодекса, являются также носителями неорганизованной компанией социальной материи.

Байдачная Анна Викторовна, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современное предпринимательство неразрывно ассоциируется с инновациями, наукоемкой продукцией, высокотехнологичными производствами и венчурными инвестициями. Венчурное инвестирование один из самых эффективных механизмов развития инноваций. Именно поэтому большое количество исследователей занимаются экономическим анализом венчурного капитализма и современного высокотехнологического предпринимательства. Среди западных экономистов - это Кэмпбэлл К, Брандэр Дж., Эган Э., Камминг Д. и др. Социальной стороной венчурного капитализма Д.Ортманс, М. Грановеттер, М. Феррари. Кроме того, социологические аспекты исследования данной проблемы связаны с рассмотрением символического капитала в трудах П. Бурдьё, вопросов влияния окружения, воспитания и религии в трудах М. Вебера.

В России венчурный капитализм исследуют экономисты Аммосов Ю. П., Каширин А.И., Гулькин П.Г., социологи Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. В Беларуси вопросами венчурной деятельности занимаются экономисты Богдан Н.И., Мясникович М.В., Нехорошева Л.Н., Малашенкова О.А. Однако, в Беларуси пока не рассматривают социальные аспекты становления и развития венчурного инвестирования, а так же социального поля, в условиях которого формируется и развивается современное высокотехнологическое предпринимательство.

Рассматривая современное предпринимательство, необходимо описать его экономическую сущность и особенности его организации. Первое определение предпринимательства было введено Р. Кантильоном в XVIII веке, и по его мнению,

предприниматель - это человек, подвергающий себя риску непостоянных доходов: крестьянин, ремесленник, торговец, разбойник, нищий и т.п., но не рабочий и государственный чиновник с постоянным жалованием и не земельный собственник, получающий ренту. Риск, а не наличие капитала, – главная отличительная черта деятельности такого предпринимателя [1]. Основоположник школы политической экономии А. Смит наоборот полагал, что предпринимателем можно считать только собственника капитала, который ставит целью получение предпринимательского дохода. Немецкий социолог М. Вебер полагал, что гораздо большее влияние на его формирование оказывала религия. В своей широко известной работе «Протестантская этика и дух капитализма» он обосновывал мысль о том, что европейский капитализм обязан своим происхождением протестантизму как религиозно-этическому комплексу, обеспечивающему воспитание таких черт личности, как трудолюбие, бережливость, честность, расчетливость. Необходимым, считал М. Вебер, развитие капиталистического духа, присущего людям, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, полностью преданными своему делу, со строго буржуазными воззрениями и «принципами» [2].

В развитие и анализ теории предпринимательства, внес огромный вклад, американский экономист Й. Шумпетер, который неразрывно связывает предпринимательство с инновационной деятельностью. «Быть предпринимателем, – писал он, – значит делать не то, что делают другие». Цели и мотивы предпринимательской деятельности, по его мнению, не могут быть сведены только к «удовлетворению потребностей путем потребления». Приобретение благ предпринимателем удовлетворяет, во-первых, его потребности в господстве, власти, влиянии. Во-вторых, предпринимателем движет воля к победе: желание борьбы плюс стремление к успеху, как таковому (показателем его может быть и прибыль). Наконец, третий мотив - сам процесс труда. Предприниматель испытывает от своего, по преимуществу творческого, труда лишь радость, он готов заниматься любимым делом и на работе, и дома, и где угодно [3].

Французский социолог П. Бурдьё в своей работе «Социальные структуры экономики» говорил о необходимости осмысливать любой тип действия, даже строго экономический. П. Бурдьё разработал диспозиционную концепцию действия в которой, выбор и действия всегда прямо зависят одновременно от предшествующих социальных условий (формирование вкусов, наклонностей, привычек и т.д.) и от практического отношения к будущему, практического предвидения (того, что необходимо сделать, сказать, какую позицию занять и т.д.) [4]. Такой подход указывает нам на то, что путь к инновационной экономике должен сопровождаться созданием социального поля, в котором с общественной точки зрения инновации будут носить положительную социальную окраску, с одной стороны, и указывать на будущую общественную и личную выгоду, с другой стороны. Социальными факторами способствующими созданию такого поля могут выступать: имидж предпринимательства, а именно высокотехнологичного предпринимательства связанного с наукой и прогрессом, истории успеха предпринимателей создавших свой бизнес используя инновации и научные достижения, примеры успешных ученых, изобретателей, предпринимателей, руководителей малого и среднего бизнеса – придумавших и/или внедривших инновации. Вернемся к работам Адама Смита, который ещё в начале последней четверти XVIII века написал в своей книге, ставшей самой известной работой в области экономики, что развитие предпринимательства начинается со стремления людей обеспечить себе хорошие условия существования. При этом люди руководствуются соображениями эгоистической выгоды и экономической эффективности своих поступков (такой подход также называется утилитаризмом – стремлением извлекать пользу из всего, с чем человек соприкасается) [2]. Предпринимательство – новаторская деятельность людей, принадлежащих к особой социальной группе, называемой предпринимателями, которые обладают редкими

способностями, позволяющими нести бремя не только отличительных черт этой деятельности, но и развивающими экономику функций с целью получения прибыли [5].

Исследуя практики развития и функционирования высокотехнологичного предпринимательства в странах с высокоразвитой экономикой становится ясно, что предпринимательство тесно связанное с инновациями часто становится предметом венчурной деятельности. Чаще всего под венчурной инвестиционной деятельностью подразумевают инвестиции в молодые высокотехнологичные компании и проекты (компьютерные, телекоммуникационные, медицинские технологии). Однако сами венчурные инвесторы считают иначе. По словам одного из них, «венчурный капитализм – это бизнес инвестирования в предпринимательство [6]. А именно – в предпринимателя, человека обладающего предпринимательскими навыками и способностями.

Предпринимательское поведение является социально-экономическим. Под таким поведением понимается цепь последовательно совершаемых поступков, направленных на получение субъективно оцениваемых преимуществ от разницы между приложенными усилиями и полученным результатом в процессе приобретения, хранения и обмена материальных и духовных ценностей. Можно предположить, что предпринимательское поведение обусловлено установками, вызывающими состояние готовности к совершению поступке предпринимательского характера в случае наличия потребности и ситуации ее удовлетворяющей.

Отношение к предпринимательству отражает общее настроение населения к предпринимательству и предпринимателю [7]. Наличие в стране людей, способных не только распознать новые бизнес возможности, но и имеющих достаточно знаний и опыта для их воплощения, значительно влияет на развитие страны. Кроме того благоприятное отношение к предпринимательству у населения формирует благоприятный климат и ведет к развитию финансовых и коммерческих инфраструктур.

Такой взгляд на предпринимательство, очень схож с вектором развития Беларуси, которая последние годы нацелена на развитие инновационной экономики, и как следствие, инновационного предпринимательства. Такой переход требует инноваций в первую очередь и как необходимость людей, которые эти инновации будут придумывать и осуществлять. Инновации – это обновление, реструктуризация, реконструкция – это процесс всепроникающий и очень объемный. Инновации невозможно насаждать – они должны быть рождены обществом. Инновационный процесс необходим в вузах, на предприятиях, в малых, средних и крупных компаниях. И двигатели это процесса ученые, сотрудники, студенты – общество.

Сегодня инновационное предпринимательство сталкивается с рядом проблем, которые в первую очередь связаны с недостаточной развитостью институциональной среды, а именно недостаточным количеством малых инновационных предприятий, низким количеством наукоемкой продукции, недостаточным количеством и компетенциями акторов инновационного предпринимательства, спецификой социального поля влияющего на мотивацию и вовлечение населения в инновационное предпринимательство. Как уже говорилось выше, большое количество авторов Беларуси уделяют внимание экономической составляющей этих процессов, поэтому нам хотелось бы сконцентрироваться на социальных факторах развития инновационного предпринимательства. Но, к сожалению, в сегодняшнем белорусском обществе отношение к предпринимательству неоднозначное. Во много это связано с советским наследием, в идеологии которого предприниматель характеризовался как делец, махинатор, и деятельность таких людей наказывалась законодательно.

Кроме того, размытость социальных границ часто не позволяет обществу четко сформулировать понятие и образ предпринимателя. Так многие белорусы в ходе опросов на вопрос – кто такой предприниматель – отвечают, что сейчас все предприниматели, потому что всем приходится «крутиться». Изменение установок, препятствующих предпринимательскому поведению дело крайне трудное. Современные психологи придают

смене установок большое значение. Психологический портрет предпринимателя выделяет личностные черты, отличающие его от других людей. Зарубежные и отечественные авторы единодушны относительно ряда черт, характерных для предпринимателя. Это творческая экономическая активность, принятие риска, общительность, стремление к самореализации, стрессоустойчивость и др. Имеется и ряд отличий, позволяющих выделить особенности отечественного предпринимателя в сравнении зарубежным. Это слабая включенность в социум, низкая оценка полезности их деятельности со стороны социума, невысокие нравственные качества т.п. [8].

Опыт малого бизнеса в различных странах мира показывает, что открыть свое дело легче, чем закрепиться на рынке и обеспечить устойчивое развитие предприятия. Даже там, где созданы благоприятные условия для предпринимательства, по данным Всемирного банка, около 50% вновь создаваемых малых предприятий становятся банкротами в течение первого года работы [9]. В Беларуси, где условия для бизнеса более жесткие, созданному малому предприятию выжить еще труднее. В то же время, практически в любом регионе и в любой отрасли существуют малые предприятия, которые успешно преодолевают трудности, стабильно функционируют и даже развиваются. Исследования причин прекращения деятельности малых предприятий свидетельствуют о том, что: 44% банкротств происходит вследствие общей некомпетентности предпринимателей (нечеткая предпринимательская идея, слабое владение навыками ее реализации, незнание основ предпринимательской деятельности, неготовность к самостоятельному ведению дел и т.п.); 17% предприятий прекращают свою деятельность из-за управленческой некомпетентности предпринимателей (неумение организовать деятельность предприятия, незнание основ менеджмента, неготовность выполнять управленческие функции и т.п.); 16% фирм губит дисбаланс компетентности предпринимателей (хорошая осведомленность в некоторых областях бизнеса при недостатке знаний в области финансового менеджмента, маркетинга и др.); 10% предприятий закрылись по тому, что предприниматели уделяли им недостаточно времени. Только в 6% случаев банкротств их причинами были объективные внешние факторы [10].

Среда малого предпринимательства в нашей стране становится все более благоприятной, поэтому для эффективности каждого предприятия решающим фактором будет что и как делают их руководители. Одна из главных особенностей малого бизнеса состоит в том, что здесь неизбежен низкий уровень специализации управленческих функций. В отличие от руководителей крупных предприятий, предприниматель вынужден принимать на себя исполнение всех основных управленческих функций. Но подавляющее большинство начинающих предпринимателей в прошлом не были управленцами и оказываются слабо подготовленными к решению связанных с этой работой задач. Более того, они не осознают своих слабостей и, терпя неудачи, объясняют их внешними причинами.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются предприниматели, «боязнь неудачи». Многие исследователи отмечают одну важную особенность отношения к предпринимательству в США лидеру по количеству предпринимательской активности. На предприятиях малого бизнеса в США занято 70,2 млн. работников; удельный вес продукции малых и средних предприятий составляет в валовом внутреннем продукте 50–52% [11]. Предприниматели в Америке относятся к неудаче как к важной части общего пути к коммерческому успеху и прибыли. Рассматривая деловые неудачи предприниматель ищет допущенные ошибки и рассматривает их с точки зрения опыта и расширения своих знаний.

Предприниматели Беларуси к коммерческому неудаче относятся как к личной профнепригодности и зачастую отказываются от дальнейшего ведения бизнеса. Не способствует развитию предпринимательства и информационный вакуум в предпринимательской среде. В силу ментальных установок, советского наследия и страха за собственный бизнес в Беларуси не принято быть успешным предпринимателем. У

белорусских предпринимателей нет привычки делиться своим успехами, рассказывать о достижениях и преодоленных трудностях. Наоборот в силу ментальных привычек белорусский предприниматель старается завуалировать свою деятельность и делится информацией даже с коллегами очень осторожно и неохотно. Но, как уже говорилось ранее, институт предпринимательства и развитие малого и среднего бизнеса имеют очень важное значение для развития инновационной экономики страны.

Ежегодно в Беларуси предпринимаются попытки улучшения среды для занятий предпринимательской деятельностью, снижаются ограничения по открытию бизнеса, облегчается ведение отчетности, оптимизируется налогообложение. Только за последний год Беларусь переместилась с 91 на 69 место из 183 стран в рейтинге по легкости ведения бизнеса. Это подтверждает что внешние условия для ведения предпринимательской деятельности улучшаются [12]. В Минске и областных центрах с 1997 года проходит конкурс «Лучший предприниматель года», где лучших предпринимателей выбирают по 16 номинациям, но к сожалению развития у этого мероприятия нет [13]. В Европейских странах и США с такими предпринимателями принято устраивать открытые лекции, брать интервью, писать обзорные статьи о достижениях предпринимателей. Все это улучшает отношение к предпринимателям, раскрывает его деловые и человеческие качества, дает пример тем, кто не может решиться стать предпринимателем или сомневается в своих силах. Возможно такая практика будет введена в Беларуси в ближайшие годы.

Еще одним социальным аспектом, сдерживающим рост малого инновационного предпринимательства выступает низкий уровень компетентности предпринимателей, связанный с условиями начала собственного дела белорусскими предпринимателями. Согласно опросу проведенному РОО «Перспектива» в 2009 году, среди 400 предпринимателей из разных регионов Беларуси, более половины (58,5%) заявили, что пошли в бизнес по необходимости (т.е. не имели других способов к получению средств для существования). Лишь 20,5% сделали это «по призванию» (желали использовать открывающиеся для них возможности и получить преимущества от предпринимательской деятельности). Еще 21% указали на оба варианта. То есть предприниматели приходят в малый бизнес, без специальной подготовки, и ведут бизнес чаще по наитию, чем руководствуясь управленческими, экономическими и правовыми компетенциями [14]. Эта проблема может быть решена путем бесплатных консультационных центров для предпринимателей и центров поддержки предпринимательства. В Беларуси открываются центры поддержки малого предпринимательства, инкубаторы малого бизнеса, однако результаты этих организаций пока не достаточно эффективны, программ содействующих именно инновационному высокотехнологичному предпринимательству нет.

Современное высокотехнологическое предпринимательство, выступающее одним из механизмов развития экономики Беларуси, нуждается сегодня в помощи со стороны общества, а именно – в улучшении общественного отношения к предпринимательству, как социально значимому и инновационному виду деятельности. Решение этой проблемы возможно через раскрытие портрета современного предпринимателя и обсуждение на различных уровнях причин и историй успеха и неуспеха предпринимателей. Построением системы менторства, когда уже состоявшиеся предприниматели помогают и поддерживают, начинающих и молодых предпринимателей. При этом обе стороны взаимодействия учатся друг у друга и обмениваются опытом и знанием: финансирование и поддержка молодых высокотехнологичных проектов, во-первых, аккумулирует предпринимательское знание, а во-вторых, накладывает отпечаток прошлых успехов на зарождающуюся компанию. Истории успеха могут помочь будущим предпринимателям и бизнесменам оценить себя и свои возможности. Приход новых предпринимателей в экономику даст новый толчок развитию инноваций и страны в целом.

Литература:

1. Бусыгин А.В. Предпринимательство: Учебник. – 3 -е изд. - М.: Дело, 2001. - 640 с.
2. Шараев, Ю. В. Теория экономического роста: Учеб. пособие для вузов / Ю. В. Шараев; – М.: Гос. ун-т – Высшая школа экономики. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 254 с.

3. Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982 – 455 с.
4. Bourdieu P., Chamboredon J. C., Passeron J.-C. Le Métier de sociologue. Préables épistémologiques. – Paris–La Haye: Mouton, 1973.
5. Энциклопедия начинающего предпринимателя: Практические рекомендации., под редакцией д.э.н. Емельянова Д. М. – М.: Букпресс, 2006. – 816 с.
6. Аммосов Ю. Венчурный капитализм: от истоков до современности. – СПб: Феникс, 2005. – 372с.
7. Каширин А.И. Венчурное инвестирование в России. Каширин А.И. Семенов А.С. - М.: Вершина, 2007. – 320 с.
8. Глобальный мониторинг предпринимательства. Отчет за 2011г. - [Электронный ресурс] Высшая школа менеджмента СПбГУ Режим доступа: http://www.gsom.spbu.ru/files/upload/research/gem/gem_2011.pdf Дата доступа 13.02.2012
9. Шарова М. А. Учёт и анализ банкротств: учеб. пособие - М.: ИНФО, 2003. — 248с.
10. J. Ortman's Europe's Entrepreneurial Challenge - [Электронный ресурс] Enterprineurship Режим доступа: <http://www.entrepreneurship.org/en/policy-forum/europes-entrepreneurial-challenge.aspx> - Дата доступа 18.01.12
11. Мильнер Б.З. Теория организаций: Учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-м, 2010. – 864 с.
12. Индекс легкости ведения бизнеса - [Электронный ресурс] Википедия Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%ED%E4%E5%EA%F1_%EB%B8%E3%EA%EE%F1%F2%E8_%E2%E5%E4%E5%ED%E8%FF_%E1%E8%E7%ED%E5%F1%E0 - Дата доступа 13.01.2012
13. Лучший предприниматель года [Электронный ресурс] Белорусский союз предпринимателей, 2012 Режим доступа: <http://belsp.com> - Дата доступа 13.10.2013
14. Ермак Д. Предпринимательство в Беларуси – бизнес или перспективы // [Электронный ресурс]. Навины 09.02.2010 - Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2010/02/09/ic_articles_113_166557/ Дата доступа: 15.10.2013
15. Ferrary, Michel and Granovetter, Mark (2009) 'The role of venture capital firms in Silicon Valley's complex innovation network', *Economy and Society*, 38:2, 326 – 359 p.

Мельник Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры адвокатуры, МИТСО, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ. ПУТЬ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Четвертый этап в развитии теорий модернизации охватывает уже и страны бывшего Советского Союза. Именно в начале 1990-х годов одним из главных вопросов в теориях модернизации становится путь дальнейшего развития постсоветских стран. Переход на новые модернизационные пути оказался шоковым для большинства из них из-за того, что переход от командной экономики и государственного плана к рыночным отношениям не был подготовлен заранее. Например, в составе СССР Беларусь (БССР) была подотчетна общесоюзным ведомствам, в которых и разрабатывались планы на развитие всех отраслей экономики и сфер общественной жизни. Оказавшись вне единого государства (каким был СССР) нашей стране понадобился период для перехода и поиска новой альтернативы для существования как независимого государства.

С распадом СССР и провозглашением независимости Республика Беларусь оказалась перед выбором из двух разных альтернатив дальнейшего своего развития. Во-первых, наша страна могла пойти по пути, который предлагали страны Западного блока. Построить экономические отношения и общественную жизнь по образцу стран Западной Европы или США. Данная альтернатива пугала радикальной перестройкой жизни белорусского общества. Теории модернизации отводят странам постсоветского блока заурядную функцию и строго очерченные границы участия в модернизационных процессах. От данной альтернативы отказались уже в 1994 году.

Отказ от следования западноевропейским и американским традициям в экономике и общественной жизни обусловлен рядом факторов, которые и породили специфический западный тип капитализма. Следует обратиться к наследию Макса Вебера для того, чтобы более детально рассмотреть невозможность перенесения западных культурных и экономических образцов на территорию Беларуси. Классический капитализм западноевропейского образца сложился под непосредственным влиянием совокупности

событий и явлений, которые характеризуют уклад Западной Европы. Одним из таких явлений становится утверждение протестантизма как новой ветви христианства: учение о предопределении сняло границы в повседневной деятельности рядового работника. Всем известны высказывания Б. Франклина, которые и сегодня являются квинтэссенцией идей протестантской этики (в трактовке М. Вебера). Повсеместное отношение к труду и вознаграждение за него становятся предпосылками к спасению. В православной традиции постулируется несколько иное отношение к спасению и к личной активности отдельной личности. Эти расхождения и сегодня играют важную роль в возможности копирования западного образа жизни и экономического поведения.

Во-вторых, Республика Беларусь могла пойти по пути собственного развития. Прошло то время, когда в начале 1990-х годов Беларусь, как и многие страны, заимствовали без изменений планы модернизации у Запада. Сегодня для Беларуси характерно осмысление и переработка таких планов на национальной основе. Вторая альтернатива и стала основой для разработки развития экономической и общественной сферы Беларуси. Сегодня в ряде направлений основных модернизационных процессов Беларусь идет в ногу с ведущими странами как Запада, так и Востока. Беларусь в своем развитии опирается на положения следующих программ: разрабатываются программы социально-экономического развития на 2011-2015 гг., национальная стратегия устойчивого развития (НСУР) на период до 2020 года. В данных документах подробно и обстоятельно прописаны основные задачи и стратегии модернизационных процессов в Беларуси. Подобная проработка будущих векторов развития страны подтверждает правильность исторического выбора национального, а не наднационального пути развития Беларуси. Тем самым Беларусь избежала многих рисков, связанных с коренным переустройством хозяйственной системы общества и поступательно перешла к новым реформам в экономике. Этот поэтапный процесс перехода к новым реалиям позволил сохранить общекультурные ценности белорусского народа.

В целом, исходя из истории теории модернизации, Беларусь идет в своем развитии по пути рационализации, который предложил еще немецкий социолог Макс Вебер. Рациональная модель управления, основанная на договоре между правителем (государством) и народом, развивается в отношении Беларуси и свидетельствует об общей тенденции, характерной для развития всех стран Западной Европы и США.

Литература:

1. Вебер, М. Протестантские секты и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. – Москва, 1990. – С. 273-306.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. – Москва, 1990. – С. 44-272.
3. Вебер, М. Хозяйственная этика мировых религий / М. Вебер // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994 – С. 43-77.

Савко Надежда Викторовна, магистрант, Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, г. Минск

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ РЕАЛИИ

Главными направлениями развития современного высшего образования должны быть повышение уровня интеллектуализации учебного процесса, анализ и развитие инновационных форм и методов обучения, организация благоприятных условий для обучения студентов, усовершенствование творческого потенциала студентов. В результате, все это должно способствовать подготовке высококонкурентных профессионалов, которые

в ситуации высокой конкуренции на рынке труда среди молодых специалистов окажутся способными решить проблему трудоустройства.

А необходимость изучения молодежного рынка труда вызвана особой ролью молодежи в период становления рыночной экономики. Будущее суверенной Республики Беларусь, успех экономической трансформации во многом зависят от того, в какой степени удастся сохранить и приумножить интеллектуальный потенциал нации. Решение задач активного включения молодежи в трудовые отношения является залогом социально-экономической стабильности в будущем. В условиях переходного периода данная проблема – одна из наиболее важных.

Одной из задач высшего образования является оказание помощи в формировании и развитии конкурентоспособности выпускников, обеспечении их прочными профессиональными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для того, чтобы выдержать конкуренцию, соответствовать требованиям, предъявляемым работодателями, и получить работу по своей специальности.

В современном обществе наблюдается тенденция снижения доли молодежи в наиболее высокооплачиваемых отраслях экономики и практически полное отсутствие притока молодых специалистов в наукоемкие производства и в научную сферу. Повышение уровня образования и приобретение квалификации специалиста все чаще не гарантируют соответствующих преимуществ в сфере труда и также в плане высоких доходов и социального статуса. Такое положение идет в разрез с мировой тенденцией постоянного роста интеллектуального содержания труда вообще (в сельском хозяйстве, промышленности, учреждениях, свободных профессиях), когда знания становятся основным источником стоимости.

На таком неблагоприятном фоне реальные возможности удовлетворения профессиональных и социальных притязаний молодежи становятся весьма ограниченными. Вполне вероятно, что при подобном положении дел в трудовой сфере повышение уровня образования может стать серьезной проблемой. Молодежь вынуждена будет реагировать на снижение своего экономического и социального статуса, и формы реакции могут быть крайне нежелательными для общества и государства. Возможен рост масштабов социального отчуждения молодежи в силу того, что перспективы полноценного и своевременного ее включения в самостоятельную трудовую жизнь становятся все более неопределенными.

Ещё одной важной проблемой молодёжного рынка труда является различие в положении девушек и парней на рынке труда и сравнение их востребованности.

Если в западных странах гендерное разделение труда обычно связывают с более низким образованием женщин, то в современных России, Беларуси уровень образования работающих женщин выше, чем уровень образования работающих мужчин, что, однако, не меняет неэффективного характера использования женского труда. Женщины-специалисты традиционно выполняют рутинную учетно-статистическую или канцелярскую работу, а высокий уровень образования скорее определяет их высокий статус, чем реальные профессиональные возможности. В то же время у женщин чаще имеет место несовпадение высокого уровня образования с более низким статусом занимаемой должности, на долю женщин приходится большая часть неквалифицированных работ [2, с. 60].

Анализируя молодежный рынок труда, необходимо остановиться на трёх сегментах его структуры. А именно:

- подростки;
- выпускники средних специальных учебных заведений;
- студенты и выпускники высших учебных заведений. Ниже будут представлены результаты исследования проблем трудоустройства именно этой группы молодежи [1, с. 83].

Сложное положение молодежи на рынке труда обусловлено рядом факторов, которые затрудняют трудоустройство данной социально-демографической группы:

- недостатком профессиональных знаний, отсутствием необходимой квалификации и трудовых навыков, что порождает неуверенность у работодателей в производительности труда молодого человека, претендующего на получение работы;
- необходимостью предоставления нанимателем льгот молодежи, предусмотренных Трудовым кодексом Республики Беларусь;
- трудовой нестабильностью молодежи: молодые люди чаще вынуждены прерывать свою трудовую деятельность в связи с призывом в армию, поступлением на учебу, отпуском в связи с рождением и воспитанием детей;
- завышенной самооценкой и требованиями молодежи к уровню оплаты труда;
- недостаточной инициативностью части молодежи при решении вопросов трудоустройства, неготовностью к самостоятельным действиям на рынке труда [3, с. 161].

Несмотря на положительные в последние годы тенденции на рынке труда Республики Беларусь (увеличение спроса на рабочую силу, уменьшение уровня регистрируемой безработицы), сохраняется проблема занятости молодежи, составляющей 38,4 % всех безработных в 2011 [4, с. 134].

На проблему трудоустройства выпускников и выпускниц ВУЗов влияет прежде всего массовый набор студентов/студенток, перенасыщение рынка труда специалистов с высшим образованием. В 2000 г. высшими учебными заведениями Беларуси было выпущено 38,7 тыс специалистов, а в 2011 г. уже 75,8 тыс. И в дальнейшем следует ожидать массового прихода дипломированных специалистов на рынок труда с небольшими шансами трудоустройства по специальности.

В рамках исследования, проведенного в декабре 2012 - марте 2013 на тему «Проблемы трудоустройства студентов и выпускников на факультете философии и социальных наук (ФФСН) БГУ» изучались мотивы выбора специальности, отношение к выбранной специальности, намерение работать по специальности, востребованность студентов и выпускников на рынке труда, а также факторы подготовки к трудоустройству и ожидания от рынка труда. В процессе исследования было опрошено 286 студентов 1-х – 5-х курсов дневной формы обучения факультета философии и социальных наук БГУ по 4 специальностям – философии, социологии, информатики и коммуникации и психологии.

В ходе исследования было выявлено, что ключевым фактором при выборе специальности явилась «интересная специальность» для 60,3 % респондентов, второе место в иерархии мотивов занял такой фактор как «специальность даёт возможность для творчества в труде» (29,5 %), а на третьем – «для меня это было случайное, спонтанное решение» (18,3 %).

Проведенное исследование со всей очевидностью показало высокую степень актуальности для студентов и студенток проблемы трудоустройства после окончания вуза. В процессе исследования измерялось насколько важна проблема остаться без работы после окончания ВУЗа для студентов и студенток. Для 48,8 % из них эта проблема «очень важна», для 25,4 % - «скорее важна, чем нет», для 13,1% скорее не важна, чем важна и только для 7,4% - «не важна». 5,3 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Следует также отметить, что девушки в большей степени склонны считать, что они могут после окончания вуза остаться без работы (78,6 % девушек отмечают важность проблемы остаться без работы по сравнению с 65,6 % парней).

В ходе исследования были выявлены меры, которые использовали студенты и студентки за годы обучения в ВУЗе, чтобы повысить свою конкурентоспособность. Итак, студенты и студентки использовали следующие меры повышения конкурентоспособности: примерно каждый третий студент/студентка занимались самообразованием и саморазвитием (37,0 %), примерно каждый четвёртый обучался на

курсах, стажировках, тренингах, практикумах 23,5 %) и примерно каждый пятый совмещал учёбу и работу.

В ходе анализа результатов с помощью таблиц сопряжённости нами было выделено 2 типичных группы студентов и студенток:

1. «оптимисты» (те, кто знают, куда будут трудоустроены);
2. «пессимисты» (те, кто не знают, куда будут трудоустроены);

Типичный портрет «*оптимиста*»: студент 5 курса отделения психологии бюджетного типа обучения из полной вполне обеспеченной семьи, закончивший среднюю школу в столице.

Типичный портрет «*пессимиста*»: студентка 2 курса отделения социологии платного типа обучения из полной вполне обеспеченной семьи, закончивший среднюю школу в районном центре.

Среди выпускников 35,6 % точно знают, в какую компанию они будут трудоустроены после окончания ВУЗа. При этом столько же выпускников/выпускниц не знают о своём трудоустройстве.

Проведённое исследование позволило выявить факторы, которые являются решающими для студентов при выборе работы. Главным фактором при выборе работы является интересная работа (38,7 %), на втором месте находится «высокая зарплата» (37,7 %), а на третьем – самореализация, самоутверждение (35,9 %)

Следует отметить, что зафиксирована гендерная специфика при выборе решающих факторов работы юношами и девушками.

Для юношей это – комфортные условия труда (39,4 %). Это свидетельствует о том, что юноши предпочитают комфортабельность рабочего места высокой зарплате и интересной работе; высокая зарплата (38,3 %); интересная работа (36,2 %)/

Для девушек это – интересная работа (49,1 %); самореализация, самоутверждение (38,0 %); высокая зарплата (37,4 %).

Студенты и студентки понимают, что при переходе от учебы к работе им недостаточно того багажа знаний и умений, которые обеспечивает университет, так как работодатели предъявляют свои требования к специалисту на вакантную должность. А с точки зрения вуза востребованность, адаптивность, конкурентоспособность выпускника сводятся к его соответствию требованиям государственных образовательных стандартов, предусмотренных для каждой конкретной специальности. Проблема заключается в том, что они нередко идут вразрез с ожиданиями работодателей, которые нанимают на работу молодых специалистов.

В рамках социологического исследования с помощью глубинного интервью было опрошено 5 экспертов, 4 из них занимают руководящие должности на факультете философии и социальных наук, а 1 эксперт одновременно с тем, что преподаёт на факультете, ещё и является потенциальным работодателем.

Экспертный опрос позволил получить глубокую информацию о проблемах трудоустройства студентов/студенток и выпускников/выпускниц факультета философии и социальных наук.

Причины трудностей трудоустройства выпускников и выпускниц ФФСН после окончания ВУЗа эксперты видят, прежде всего, в перепроизводстве специалистов, высокой конкуренции на рынке труда, несбалансированности рынка труда или неправильно сформированным рынком труда, когда предложение рабочей силы не соответствует спросу на неё.

Эксперты высказались по вопросу влияния фактора гендера на проблемы трудоустройства студенток/студентов и выпускниц/выпускников. Эксперты отмечают, что, несмотря на то, что у нас на государственном уровне декларируется равноправие мужчин и женщин, всё равно у нас общество патриархальное, большинство руководящих постов занимают мужчины, в связи с сохранением такой патриархальной структуры, они заинтересованы брать на работу мужчин, чтобы эту структуру сохранить.

Большинство экспертов считает, что необходимо привлекать работодателей к участию в финансировании нужным им высококвалифицированным специалистов. Причём эксперты отметили, работодатель сам должен выступать инициатором такого финансирования.

Эксперты высказали мнение о том, что необходимо привлекать работодателей и к разработке учебных планов и формированию перечня специальностей.

В целом исследование показало, что проблемы профессиональной ориентации и трудоустройства студентов прямо зависят от таких социальных параметров, как гендерность, профильность обучения, статусность, (престижность) конкретной специальности.

Литература:

1. Бордачева, Н.В. Теоретические аспекты молодежного сегмента рынка труда / Н.В. Бордачева // Веснік БДУ: Серыя. 3. - 2010. - № 1. – С.81-84.
2. Скутнева, С.В., Стратегии жизненного самоопределения молодежи в трудовой сфере / С.В. Скутнева // СоцИс. - 2006. - №10. - С.88-94.
3. Рынок труда и денежные доходы населения. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в 2008 году // Экономический бюллетень НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь. - 2009. -№2. - С. 25-33.
4. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г. Экономика труда. – М.:Wolters Kluwer, 2011. – 800 с.

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Осипов Алексей Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, г. Минск

ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ

В Республике Беларусь взят стратегический курс на инновационное развитие, целью которого является создание инновационной, конкурентноспособной, наукоемкой, ресурсо-и энергосберегающей, социально ориентированной экономики, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие страны и повышение качества жизни белорусского народа.

Упор делается на разработку и внедрение инновационных наукоемких технологий, которые призваны значительно увеличить производительность труда, обеспечить снижение себестоимости производимой продукции и повышение уровня жизни. Для успешного научно-технического развития необходимо создание эффективного правового и экономического механизма, который бы стимулировал разработку и внедрение высоких технологий в производство. Именно внедрение было и остается самым слабым звеном в системе «наука – производство». В этом направлении делается немало со стороны государства, но сделать предстоит еще больше. Какими бы правильными не были различные программы, указы они при всей своей необходимости не могут породить высоких технологий и инновационной экономики. Без создания реальной конкурентной среды, которая вынуждала бы производителей «гоняться» за разработчиками технологических инноваций (а не наоборот, как это имеет место сейчас), инновационное развитие невозможно. Кроме того, необходимо преодоление иждивенчества, безинициативности, этатистско-патерналистского комплекса в сознании очень многих людей. Привычка рассчитывать на государство, его опеку, помощь, боязнь самостоятельности и ответственности подавляют инициативу и предприимчивость. Это необходимо изживать.

Инновационное развитие не следует сводить, как это часто делается, к научно-техническому и экономическому развитию. Наша цель должна состоять не в том, чтобы «догнать и перегнать» развитые страны (к чему стремились в хрущевские времена). Стратегия «догоняющей модернизации» обрекает на вечное отставание. Нужно стремиться к тому, чтобы занять достойное место в мировом сообществе, обеспечить достойную жизнь нашим людям. А достойная жизнь не сводится к высокому уровню жизни, к материальному благополучию. Она должна включать нечто большее – духовное измерение, без которого материальное благополучие превращается в самодовольную сытость.

Духовность не есть следствие материального благополучия и не является также каким-то к нему приложением. Поэтому ошибочным является мнение, что нужно сначала обеспечить людям материальное благополучие, а потом думать о духовности. Без духовно-нравственного измерения жизнь человека даже комфортная и благополучная теряет свою глубину и подлинный смысл.

Духовность относится к сфере смысложизненных ценностей, определяющих содержание, качество и направленность человеческого бытия и образ человеческий в каждом индивиде. Духовность предполагает выход человека за рамки узко-эмпирического (пусть и комфортного) бытия, преодоление себя «вчера» в процессе

совершенствования и восхождения личности к высоким идеалам и ценностям в процессе ее житнетворчества.

Нельзя редуцировать человека к потребителю, рассматривать материальный комфорт и благополучие как главную цель жизни. По такому пути идет западная постиндустриальное общество, для которого характерно тотальная материализация бытия человека. Экономизм стал господствующим мировоззрением на Западе. Через призму рынка, выгоды, прибыли, рентабельности рассматривается все, что существует. Дух безудержного потребительства (консьюмеризм) и гедонизм (жажда наслаждений, острых ощущений) – свидетельство глубокого духовного кризиса Запада на фоне материального комфорта и благополучия.

В современную эпоху под угрозой оказывается само существование личности, поскольку личность – это духовная характеристика человека. «И дело здесь не только в секуляризации христианской культуры, а в разрушении сакральных основ самого бытия человека, неостребованности духовного измерения человеческого существования. Идеалом жизненного успеха в общественном сознании представляется карьера звезды шоу-бизнеса, спортивной знаменитости, высокооплачиваемого актера или преуспевающего бизнесмена. Область духовных интересов перемещается на периферию общественного сознания, становится способом проведения досуга, хобби для чудаков и маргиналов. Но нельзя безнаказанно ампутировать духовное. «Свято место пусто не бывает», рано или поздно его заселяют бесы» [2, с. 176–177]. Это очень созвучно с высказыванием Патриарха Московского и всея Руси Алексием II: «Если в душе нет места святости, в ней воцаряется мерзость запустения».

Можно сделать вывод о том, что жизнь, в которую погружен человек постиндустриального общества, представляет собой огромный гипермаркет, в котором продается все (товары, услуги, ощущения, таланты и т.п.), и гигантское театрализованное шоу, напичканное разнообразными спецэффектами.

Возможности оперативной коммуникации в информационном обществе неизмеримо возрастают. Но при этом происходит формализация межличностных отношений. Поверхностная информационная коммуникация вытесняет живой человеческий диалог, экзистенциальное общение («от сердца к сердцу», «глаза в глаза». «Роскошь человеческого общения» поистине становится ненужной и обременительной роскошью в информационном обществе.

Постиндустриальное общество потребления явилось той почвой, на основе которой в последней четверти XX века возник постмодернизм – направление в искусстве и философии, ставшее очень популярным к концу столетия. Для постмодернизма характерно разочарование в разуме и прогрессе, неверие в будущее. Постмодернистское общество теряет интерес к целям, для него характерны «гипертрофия средств и атрофия целей» (П.Рикер), разочарование в идеалах и ценностях. Отсюда цинизм и релятивизм нравственных ценностей, принимающий форму гедонизма, культа чувственных и физических наслаждений, удовольствий, развлечений.

Постмодернистский человек – это в полном смысле массовый человек, которого сравнивают с магнитофоном, подключенным к телевизору, без которого он теряет жизнеспособность. Это конформист, готовый поступиться любыми принципами, ради достижения успеха. Его мировоззрение лишено прочной опоры, оно размыто и неопределенно [5, с. 283–284].

Иными словами, можно говорить о некоем духовном бессилии человека постиндустриального общества. «Насколько безгранична его возможность иметь, настолько бессильна его способность быть» [1, с. 60]. Можно согласиться с известной поэтессой и прозаиком Олесей Николаевой, которая говорит о «чувственной бесчувственности человека эпохи постмодернизма, о его сердечном омертвлении, которое происходит на фоне разгула его страстей. Такой человек не любит – он «занимается любовью». Он не творит, он «самовыражается». Он не смиряется – он пытается

приспособиться. Он не блаженствует – он получает наслаждение. Он не раскрывает в себе образа Божьего – он делает себе имидж. Он даже не играет – он «ведет» игру» [4, с. 120–121]. Постмодернистские восторги относительно постиндустриального общества якобы освобождающего и раскрепощающего человека вызывают только горькие сожаления. Освобождение и раскрепощение человека, о котором любят многие говорить, на деле есть раскрепощение человеческих страстей и инстинктов, освобождение от нравственных норм, что ведет к духовно-нравственному релятивизму, граничащему с цинизмом. Человек превращается фактически в раба своих страстей, в «машину желаний», марионетку, которой умело манипулируют, создавая у человека иллюзию свободы.

Это скорее духовный регресс, а не прогресс человечества на фоне стремительного научно-технического прогресса. Иными словами, наряду с научно-техническими и социально-политическими и экономическими приобретениями имеют место и потери, прежде всего в экзистенциальной, духовно-нравственной сфере. Можно, вслед за М.Блюменкранцем, поставить вопрос о том, не является ли неизбежной платой за невиданный научно-технический прогресс общества и неотъемлемые завоевания современной западной демократии, катастрофическое понижение ресурсов человеческого в человеке, вырождение его духовной природы, деградация присущей ему воли к творчеству? [1, с. 51]. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский).

Наша модель социально-экономического развития не должна слепо копировать западные образ жизни, стандарты и ценности, которые сформировались в ином культурном пространстве. Рыночной должна быть экономика, но не общество. Технологичным должно быть производство, но не образ жизни. В связи с этим тревогу вызывает широко распространенные в нашей литературе словосочетания «человеческий фактор», «человеческий потенциал», «человеческий капитал». В этих словосочетаниях, особенно в последнем, четко прослеживается тенденция редукции экзистенциально-личностного понимания человека к функционально-технологичному его пониманию. Неслучайно среди задач Государственной программы инновационного развития на 2007–2010 гг. на последнем шестом месте стоит «развитие интеллектуального потенциала и творческой активности населения».

Мы должны стремиться к утверждению более гуманных, нравственно оправданных форм жизни, связанных с утверждением особого типа человеческой солидарности, не сводимого лишь к политико-правовым и экономическим связям и отношениям. Последние в своей основе являются феноменами цивилизационными, т.е. рационально-инструментальными, организационно-технологическими. Это означает, что они имеют общие черты, что позволяет их тиражировать, переносить в другое культурное пространство. Но необходимо учитывать, что эти цивилизационные феномены имеют и специфические черты, обусловленные неповторимостью культурно-исторической почвы, их породившей. Поэтому при переносе цивилизационных феноменов, возвращенных одной культурной традицией, необходима их адаптация к другой культурной традиции. Иначе может произойти их отторжение.

Попытка радикальных российских реформаторов, «шокотерапевтов» в 90-е годы механически перенести на российскую почву западные либеральные идеи и модели окончились неудачей. Отторжение этих идей во многом обусловлено тем, что реформаторы не учли особенности культурно-исторического субстрата, восточнославянского менталитета.

Восточнославянские традиции и ценности рассматриваются радикал-реформаторами как анахронизм, досадная помеха, препятствующая осуществлению рыночных реформ. Плохую приживаемость ценностей западного либерализма на российской почве и свою неудачу они именно этим и объясняют («народ не тот»). Их очень удивляет, что когда они пытаются вставить «штепсель», сделанный на Западе (западная модель либерального капитализма), в нашу «розетку» (восточнославянская

культурно-историческая почва) почему-то не загорается «лампочка» всеобщего восторга и энтузиазма. Они считают, что «розетка» не та, а «штепсель» абсолютно хорош. Поэтому радикал-реформаторы предлагают сломать отечественную «розетку» и заменить ее на западную. Они не понимают или не хотят понимать, что это неосуществимо. Не «розетку» надо ломать, тем более, что такой слом, если бы он был осуществим, означал бы национально-культурную катастрофу, а адаптировать «штепсель» к нашей «розетке», «почистив», конечно, и саму «розетку», но не пытаться ее сломать.

Иными словами, надо адаптировать идеи рынка к нашим неустрашимым особенностям, а не пытаться слепо и бездумно копировать чужой опыт, взращенный в ином культурном пространстве. По мнению А.Зиновьева, в России «не получится ни демократия западного образца, ни рыночная экономика в том виде, как она реально существует на Западе, а не в воображении российских реформаторов» [3, с.3].

Нам не стоит «ломать» и перекраивать себя, свою душу, свой менталитет, чтобы в погоне за западными стандартами занять очередь в потребительский рай. Все равно, такими как они, мы не станем, ибо слишком велики культурно-исторические различия. А превратиться в третьесортных (по западным меркам) потребителей, стремящихся во всем походить на преуспевающих американцев, завидующих им и преклоняющихся перед ними, было бы просто стыдно и обидно. Променять наше неповторимое национально-культурное своеобразие, накопленный в течении столетий духовно-нравственный потенциал нашего народа на материальный комфорт и благополучие – значило бы совершить роковую историческую ошибку. Сытость и духовность – антиподы, ибо сытость подразумевает самодовольство, летаргический сон души. Именно сытость, а не материальное благополучие, которое вполне может сочетаться со стремлением человека к высшему, чистому, светлому.

Нам необходимо, опираясь на свои культурно-исторические и религиозные традиции и ценности, не утрачивая своего лица, своей самобытности, перенять у Запада все действительно ценное и нужное для нас. Стоило бы поучиться у Запада демократическим принципам организации политической и гражданской жизни, правовой культуре, уважению достоинства человека, чувству личной ответственности и т.п. А вот перенимать западную расчетливость и прагматизм, сухость межличностных отношений, не говоря уже о духе потребительства и гедонизма, вряд ли стоит. И уж совсем не гоже отречься от собственных традиций и ценностей, превращаться в культурных мутантов и маргиналов.

Культурно-историческая традиция есть некий необходимый способ закрепления и селективного сохранения определенных значимых элементов социального опыта, прошедших отбор, выдержавших проверку временем. Традиция обеспечивает генетическую связь, устойчивую преемственность в культурно-историческом процессе, приобщение к которому – необходимое условие национальной, групповой и персональной идентичности.

Отказ от культурно-исторических традиций своего народа ведет к разрыву преемственности, дестабилизации, дезинтеграции, кризису идентичности. Другая крайность – консервация сложившихся социально-культурных форм жизнедеятельности народа. Поэтому необходимо как сохранение традиций, так и творческое развитие накопленного опыта, инновации в их органической взаимосвязи. Сохранение означает не консервацию, а бережное отношение к своим традициям и ценностям, которое предполагает уважительное отношение к чужим традициям, открытость к продуктивному диалогу с ними, результатом которого должно стать духовное взаимообогащение, а не уничтожение, растворение, поглощение. Консервация же контрпродуктивна, закрыта для диалога, ведет к изоляционизму, отсталости, выпадению из мирового процесса. Консервация – неадекватная защитная реакция на перемены, ведущая к напряженности и конфликтам.

Бережное отношение к своим традициям означает гармоничное сочетание преемственности и инновационности. Нам необходимо творчески осмыслить себя и свое место в мире. Необходим вдумчивый глубокий и всесторонний анализ наших культурно-исторических традиций с точки зрения того, что следует сохранить из накопленного опыта, а что оставить в прошлом. Такой же селективный подход необходим в отношении инноваций. Только в таком случае возможно формирование адекватной национальной идентичности белорусского народа, осознание им себя как интегрированной общности свободных индивидуальностей в гражданско-политическом, социально-экономическом, культурно-историческом и духовно-мировоззренческом смыслах. Тогда мы будем уважать себя, нас будут уважать, а наш народ, наша страна займут достойное место в мировом сообществе.

Литература:

1. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта. // Вопросы философии. 2007. № 12.
2. Блюменкранц, М. Общество мертвых велосипедистов. // Вопросы философии. 2004. №1.
3. А. Зиновьев Русский эксперимент. М., 1995.
4. О. Николаева. Современная культура и Православие. М., 1999.
5. Современная западная философия. Мн., 2000.

Игнатович Петр Григорьевич, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологи, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА БЕЛАРУСИ

Имидж представляет собой целенаправленно формируемый образ определенного социального феномена – индивида, социальной группы, политической партии, культуры, страны и т.д. с целью сформировать позитивное (либо отрицательное, негативное) впечатление, отношение к нему других людей и сообществ. Создание данного образа ориентировано на укрепление (либо ослабление) престижа, авторитета, влияния, симпатии, доверия к данному феномену.

Целостный и непротиворечивый имидж создается при наличии органической взаимосвязи концептуальных идей, составляющих его теоретический фундамент и социальных технологий их реализации, направленных на соответствие ожиданиям определенной социальной общности или обществе в целом, включая и зарубежные страны.

Всякое государство есть уникальный по набору конгломерат ценностей, национальных интересов, специфических особенностей географического положения, характеристик внутригосударственной экономической системы, социальных и политических процессов, этнических и культурных особенностей, традиций, нравов и обычаев, эволюционирующих в развивающемся сообществе людей. Все это участвует в формировании имиджа страны.

Образ страны соединяет в себе комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев который определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране.

Именно имидж страны во многом обуславливает характер взаимоотношений граждан и власти, является одним из важнейших компонентов, на которых базируется

идеология страны. Имидж страны играет решающую роль в определении перспектив международных отношений, оказывая существенное влияние на возможность и перспективы развития культурного и научного обмена, экономического развития (позитивный имидж дает дополнительные возможности привлечения иностранного капитала, способствует сохранению старых и появлению новых рынков сбыта белорусских товаров, что очень важно для активно развивающегося производства). С имиджем страны во многом связаны перспективы развития туризма, создания благоприятных условий для белорусских граждан, выезжающих за рубеж и привлечения иностранных туристов в Беларусь. Позитивный имидж страны дает возможность международного сотрудничества в области борьбы с международным терроризмом и наркоторговлей, способствует психологическому комфорту граждан страны, повышению авторитета власти.

Имидж Беларуси складывается из множества составляющих. Это и ландшафтно-географическое и геополитическое положение, и историко-культурное наследие, и ментальные характеристики белорусов. Это и модель социально-экономического развития, качество труда, качество рабочей силы, качество выпускаемой продукции.

Особая роль в числе имиджеобразующих факторов страны принадлежит культурному потенциалу народа, притягательности нравственных и иных гуманитарных ценностей нации.

Что касается формирования позитивного имиджа страны в опоре на ее исторические, культурные, туристические и другие ценности, то этим аспектам позиционирования Беларуси за рубежом в настоящее время уделяется незаслуженно мало внимания. Обращение к ним имеет бессистемный и зачастую формальный характер. Между тем, потенциал национальной культуры, белорусского исторического наследия может и должен быть использован для формирования позитивного имиджа Беларуси как страны, обладающей не только самобытной культурой и уходящими вглубь истории духовными традициями, но и сегодня сохраняющей высокий уровень культурного и интеллектуального развития. Именно культура способна индивидуализировать, упрочить и значительно улучшить имидж Беларуси в глазах граждан других стран. Не случайно культура нации и построенные на ее основе кросс-культурные коммуникации оцениваются экспертами как наиболее эффективные средства преодоления политических предубеждений и культурных различий.

Изложенное обуславливает актуальность исследования теоретических и практических вопросов использования потенциала национальной белорусской культуры в деле формирования позитивного международного имиджа страны. Национальная культура является важнейшей составляющей современной общественной жизни. Культурный уровень людей в значительной степени определяет социально-экономическое и политическое развитие общества.

Статус культуры как ключевого элемента общества обусловлен, во-первых, тем, что культура аккумулирует многовековой опыт народов, – преимущественное большинство ценностей создано на протяжении многих столетий и тысячелетий и в значительной степени определяет дальнейшее развитие социума. Во-вторых, культура, в конечном счете, формирует самого человека, а, следовательно, содействует его успехам в решении социально-экономических, политических, духовно-нравственных и иных задач. Правда, воздействие культуры на иные сферы жизнедеятельности людей часто имеют отсроченный во времени эффект. В-третьих, культура социальна по своей природе и вне общества существовать не может, точно так же общество не может существовать без культуры.

Постоянно видоизменяясь, социальная система продуцирует исторически преходящие формы культуры, культуротворческой деятельности, системы культурных ценностей и норм, поэтому культура исторична, как историчны любые социальные феномены.

Культура выступает в качестве «особой подсистемы общественной жизни, обеспечивающей воспроизводство и развитие человеческой социальности». Культура несет в себе нечто, что может быть обозначено как «социокод» [2, с.11]. По аналогии с генетическим кодом культура обеспечивает сохранение и передачу программ человеческого общения, поведения и деятельности. То, что происходит в культуре, не только закрепляет и передает структуры общения и поведения, но и отвечает за возникновение принципиально новых элементов социокода. Культура служит не только средой коммуникаций, в ней заложены механизмы сохранения и передачи следующим поколениям исторически накопленного опыта.

Национальная культура представляет собой историческую совокупность художественных, материальных, философских, эстетических и других ценностей и достижений, созданных титульным этносом нации, а также ценностей, полученных ею в процессе взаимодействия с этносами-контактерами и другими нациями.

Развитие культуры – действенное средство предотвращения духовного и социального упадка, средство создания социальных условий для достойного человека бытия, обучения и воспитания молодого поколения, укрепления интеллектуальных и духовных сил народа, его нравственного здоровья. Культурный уровень личности в значительной степени определяет экономические достижения общества, его социально-политическую, образовательную, ценностную, моральную, эстетическую ориентацию. Возрастает значение культуры в решении проблем духовно-экологической инфраструктуры общества, создания оптимальных условий жизни нации. И, несмотря на отсутствие во многих случаях мгновенных результатов культурной деятельности, культура играет чрезвычайно важную роль, что вынуждает общество относиться к ней с особой заботой, сохраняя и умножая накопленный культурный потенциал как одну из самых значимых ценностей державы.

Стремительное и полномасштабное распространение информационных и телекоммуникационных технологий, характерное для нашего времени, часто определяют как глобальную информационную революцию, инициирующую трансформационные процессы в экономике, политике, культуре, управлении, финансах, образовании и других сферах жизнедеятельности общества на глобальном уровне.

Количественное и качественное развитие информационных технологий и распространение их на все значимые сферы общественной жизни не только влечет за собой появление новых возможностей в решении наболевших проблем, но и создает принципиально новые угрозы, недооценка которых способна привести к крайне пагубным последствиям. Это, безусловно, усиливает необходимость всестороннего анализа реалий, связанных с формированием глобального информационного пространства.

Говоря о влиянии глобализационных процессов на развитие национальных культур, следует подчеркнуть такую тенденцию: чем больше влияние глобализационных процессов, тем сильнее стремление национальных культур к сохранению самобытности. В данном случае белорусская культура, сформировавшаяся в условиях полиэтничности и поликонфессиональности, развивающаяся в условиях взаимодействия различных культур, может стать примером ведения социокультурного диалога в условиях глобализации.

Определяющую роль в стимуляции, планировании и осуществлении модернизации, сохранении этнокультурной самобытности играют различные социальные институты, включая государство. Вырабатывая и реализуя определенные программы в форме политико-правовых, социально-экономических, коммуникационных механизмов, государство регулирует процессы социокультурных изменений. Основными направлениями взаимодействия государства и культуры являются: сохранение национального культурного наследия, развитие региональных культур, актуализация межкультурного диалога между различными этническими общностями внутри страны и на международной арене, поддержка народного творчества, противодействие негативному влиянию коммерциализации в сфере культуры, содействие новаторству и обновлению в культуре.

В «Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 гг.», «Концепции национальной инновационной системы Республики Беларусь» и других документах предусматривается осуществление комплекса социокультурных и технологических мероприятий для перевода национальной экономики и других сфер общественной жизни на инновационный путь динамичного конкурентоспособного развития общества.

Беларусь одновременно с процессами интеграции в мировое экономическое и культурное пространство, в числе других суверенных государств, возникших на постсоветском пространстве, постоянно сталкивается с необходимостью выработки государственных идейно-культурных установок, способных сохранить культурное разнообразие и самобытность, национальный суверенитет и историко-культурные традиции, которые позволят в процессе интеграции достаточно плодотворно использовать процессы глобализации на благо своих народов и культур, одновременно защитить историко-культурное наследие и менталитет своих народов от разрушительного влияния глобальной духовной стандартизации [1, с.27].

Логика развития нашего общества требует принципиально иного понимания сущности культурной деятельности, определяет необходимость обновления подходов ко всей системе ее организации. Это – объективное веление времени. С одной стороны, белорусское общество представляет собой единый организм. С другой – имеет чрезвычайно многообразную социальную структуру, характеризующуюся многоплановыми отличиями различных социально-стратификационных, социально-демографических, поселенческих групп и общностей, что, естественно, закономерно определяет различный уровень запросов, предпочтений и потребностей, определяет спрос и предложения на рынке культурных продуктов и услуг.

Важное значение имеет вопрос учета территориально-региональных особенностей развития культуры в целом и культурных ориентаций и стратегий поведения, в частности. В зависимости от особенностей этнокультурного развития исследователи предшествующих поколений выделили шесть основных традиционных культурных регионов. В процессе происходящих политических, экономических, социокультурных изменений происходит и определенная коррекция границ традиционных культурных регионов.

Сидорович Людмила Николаевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры правоведения, Международный институт трудовых и социальных отношений, г. Витебск

ПУТЬ К ДУХОВНОМУ ВАКУУМУ?

«XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вообще»

К. Леви-Строс

XXI век стремительно набирает обороты. За горизонтом времени осталось его первое десятилетие. Научно-технический прогресс охватывает все новые сферы жизни и деятельности людей, проникает в каждый дом, внося новации в его функционирование. Машины и механизмы, роботы и новые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Их влияние на сознание людей все усиливается, порождая, с одной стороны, сдержанный оптимизм по поводу будущего человечества, а, с другой, вполне законные опасения об их возможных последствиях.

Однако в этих, казалось бы, радужных условиях более всего настораживает думающих людей снижение уровня духовности в обществе и опасная близость духовной пустоты, при которой ценностные ориентации современной молодежи достигнут критической отметки.

Именно поэтому нам вспомнилась справедливая мысль французского этнографа, философа культуры и социолога Клода Леви-Строса о характере XXI века как столетии гуманитарных наук.

Отметим, что в последнее время в мире все чаще поднимаются вопросы, связанные с проблемой духовности современного общества.

Эта проблема поднимается не случайно. Обстановка в мире далека от стабильности: мир лихорадит финансово-экономический кризис, захватывающий все новые и новые регионы, терроризм приобретает все более глобальный характер, в военные действия разного масштаба включаются ранее относительно «спокойные» страны. Это все не может не вызывать крайнюю тревогу всех жителей планеты Земля.

Так что же происходит в мире? Быть может, все эти непростые и опасные явления взаимосвязаны? И где искать их причины?

Нам представляется, что очень многие, и не только перечисленные нами, негативные явления являются порождением духовного вакуума и кризиса духовности в обществе.

Однако, что есть такое духовность? Что кроется под этим сложным философским понятием? Как оно соотносится с категорией «культура»?

Согласно современным представлениям, духовность – это термин, широко применяемый в гуманитарных областях знания. По определению К.М. Хоруженко, «духовность – важнейший фактор развития цивилизации, открытия новых форм общественной жизни, соответствующих изменившимся условиям существования; преобладания в человеке духовных, нравственных, интеллектуальных качеств (ценностей) над материальными запросами» [1, с. 140].

Обратим внимание на вторую половину определения, на наш взгляд, наиболее значимую с точки зрения проблематики данной статьи. Проблемы духовности общества и индивида поднимались еще в глубокой древности, в античные времена. Известно, что древнеримский философ и оратор Цицерон, «рассуждая о культуре, говорил... о созидании духовности, отождествляя культуру души и духа с философией. Культура для него не только образованность, развитие искусства и науки, но культура – это особый строй жизни, где духовное состояние человека и интересы государства находятся в противоречивом единстве» [2, с. 11].

Традиции возврата к идеям и ценностям античности в понимании духовности были продолжены в период Возрождения, а затем развиты в эпоху Просвещения. Мысль о значимости духовных, нравственных начал перед материальными запросами превалировала и провозглашалась в более позднее время – в XIX и XX вв.

Духовные ценности, наряду с материальными, создавались и создаются конкретными личностями – людьми, своими творениями и деяниями обессмертившими свои имена и прославившими свое отечество. Этих людей называют духовными референтами нации. Именно они, своего рода духовные наставники нации, гении мысли и слова, внесли свой посильный вклад в дело воспитания духовности своего народа или народов мира, став примером для подражания многих людей. Такими были гений русской поэзии А.С. Пушкин, на великих произведениях которого учились и воспитывались многие поколения (не случайно Н.Г. Чернышевский определил поэзию А.С. Пушкина как поэзию «нравственного здоровья»), выдающиеся белорусские просветители Евфросиния Полоцкая, Франциск Скорина, Симеон Полоцкий и другие. Своими идеями они питали дух народа, подавая своим современникам и нам, живущим ныне, примеры высокой нравственности и патриотизма. Благодаря их неустанной гуманистической и просветительской деятельности мы сегодня ощущаем себя не Иванами, не помнящими своего родства, а наследниками богатой и древней культуры.

Однако в современном духовном мире произошли существенные качественные изменения. И они носят далеко не позитивный характер. Вот такой парадокс: казалось бы, современное европейское и белорусское общество становится все более образованным. А

вот становится ли оно при этом более культурным, гуманным и духовным? На этот вопрос дать однозначный ответ нам не представляется возможным. С одной стороны, в обществе провозглашаются идеи милосердия, духовности и гуманизма, а, с другой, зачастую царят невежество, безнравственность, жестокость и насилие, позволяющие утверждать о духовном кризисе социума. События последних дней, к сожалению, только подтверждают этот тезис.

Норвежский овощевод Брейвик в своей стране спокойно расстрелял безоружных и ни в чем не повинных молодых людей. В США моральные уроды неоднократно убивают своих знакомых, одноклассников и случайных прохожих без видимых на то причин. Витебские террористы Д. Коновалов и В. Ковалев, совершив свое кровавое дело в станции метро «Октябрьская», убили и искалечили более сотни своих сограждан. В Сирии против своих же земляков и родных людей используют оружие массового уничтожения людей - химическое оружие. Сводки новостей все более ужасают чередой трагических обстоятельств и событий, напоминающих военные действия на поле боя. И в нашем белорусском обществе удручает резкое снижение уровня культуры и падение нравов. Огорчает невоспитанность наших молодых соотечественников, причем зачастую высокообразованных. Их искренне изумляет предложение снять головной убор в помещении. Они грубят старшим, забывают уступить место в общественном транспорте пожилым и инвалидам. Современная белорусская молодежь понятия не имеет об этикете и этических нормах поведения в обществе.

А ведь их этому никто не учит: ни в школе, ни в вузе сегодня не преподаются дисциплины, способные воспитывать высокие моральные качества у молодых людей. В учебных программах разного образовательного уровня в нашей стране отсутствуют этика, культурология, эстетика и другие значимые с точки зрения совершенствования духовного мира индивида учебные дисциплины. Современную молодежь воспитывает интернет и улица. А это далеко не всегда грамотные, и, тем более, безопасные воспитатели.

Так что же происходит с сознанием современных нам людей и, прежде всего, молодых и юных? Что делает их духовно ущербными? Этот вопрос не дает покоя многим современным ученым, педагогам, воспитателям, психологам и психиатрам. И ответы на него пока не найдены. А духовный кризис продолжается и углубляется. И потому, на наш взгляд, пришла пора еще раз глубоко задуматься над проблемой преодоления духовного кризиса в обществе. Одним из этих путей может стать путь воссоздания и пропаганды тех ценностей, которые являются доминирующими в культуре народов мира, которые, говоря словами культуролога К.М. Хоруженко, составляют «ядро отечественной культуры и определяют ее уникальность» [1, с. 141].

«Мировоззренческой предпосылкой преодоления духовного кризиса являются: возрождение национального идеала; актуализация в общественном самосознании духовных референтов» [1, с. 141]. А нам хотелось бы добавить: преодоление духовного кризиса возможно путем созидания духовности и воспитания молодежи в духе гуманизма. Полагаем, что этого можно добиться. Однако не путем сокращения гуманитарных дисциплин в школе и вузе, а путем увеличения доли исторических, культурологических и, главное, общевоспитательных предметов, таких как «История Беларуси», «История белорусской культуры», «Мировая художественная культура» (в средней школе), культурология, этика, эстетика и других. Иначе в нравственно-этическом, в общекультурном и духовном плане будут «потеряны» целые поколения людей. И понадобятся годы и десятилетия для выхода из духовного тупика, в котором может оказаться не одно поколение современного белорусского общества.

А потому справедливыми представляются слова итальянского писателя, драматурга, сценариста, журналиста и театрального критика Эннио Флайано, который утверждал, что «прогресс наук и машин – это полезное средство, но единственной целью цивилизации является развитие человека». Мы же добавили бы и подчеркнули, что

доминантой цивилизации в XXI веке должны стать именно *духовное развитие* человека и общества. Нельзя допустить образования духовного вакуума в обществе.

Литература:

1. Хоруженко, К.М. Культурология. Энциклопедический словарь / К.М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 1997. – 640 с.
2. Алпеева, Т.М. Введение в культурологию / Т.М. Алпеева. – Минск: ЗАО Веды, 1997. – 88 с.

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск

КУЛЬТУРНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Модернизация всех сфер общественной жизни стала насущной потребностью современной цивилизации. Исследование ее региональных и национальных особенностей предполагает разработку особой методологической программы, в которой учитываются культурные детерминации модернизации. Этот акцент делает востребованным исторический опыт государств в решении данной задачи. Мы обратимся к опыту России XIX столетия, когда в содержании модернизации доминировали трансформационные процессы в форме реформ.

Реформы в России XIX века стали объектом изучения в дореволюционной, советской, современной российской, англо-американской, французской исторической науке. Особенно интересна позиция дореволюционной историографии, поскольку она соразмерна ситуации непосредственной включенности в актуальный процесс модернизации общества. В такой ситуации находятся современные исследователи.

Классическая традиция в российской науке представлена именами Н.М. Карамзина, М.А. Фонвизина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова. Ее отличала склонность к исконно русскому образу жизни при значительном влиянии христианской идеологии. Обращаясь к либерально-реформаторским намерениям Александра I, Н.М. Карамзин демонстрирует в определенной степени архаичный культурный взгляд на необходимость перемен, новшеств, движения в жизни общества. В частности, давая оценку советникам царя, которые разрабатывали реальные преобразовательные программы, он пишет: «Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринына царствования, утвержденному опытом... советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло...ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо уважаем более то, что давно уважаем и все делаем лучше от привычки» [1, с. 87]. В этом высказывании обозначены основные направления российских реформ: реформирование государственного строя путем ограничения абсолютной монархии и крестьянский вопрос, или вопрос о земельной собственности, связанный с отменой крепостного права.

Артикулируя указанные проблемы, оценивает Петровские реформы другой русский историк – М.А. Фонвизин: в деле законодательства Петр Великий едва ли не уступал своему отцу, издавая бесчисленные, запутанные указы. Он же усугубил крепостное право. Ему не нужен был человек с достоинством и нравственностью, он преследовал исключительно государственные интересы. Создание армии, флота, промышленности – вот его основная цель. Если же Петр I и «старался вводить в Россию европейскую цивилизацию, то его прельщала более ее внешняя сторона. Дух же этой цивилизации – дух законной свободы и гражданственности был ему, деспоту, чужд и противен» [2,

с. 268]. В то же время М.А. Фонвизин согласен с тем, что Петр I извлек Россию из мертвенного состояния неподвижности, в которое она была погружена.

Согласно С.М. Соловьеву, ход исторического развития есть продукт органический внутренне обусловленный, закономерный, единый и поступательный. Высшая цель, стоящая перед всеми народами – воплощение в жизнь идеалов христианства. Этапы, которые ведут к ее реализации – это господство чувств и господство мысли. В России второй этап начинается с реформ Петра I, когда государственность становится важнейшим приоритетом общественной жизни. Сложности, которые возникают на этом пути, связаны как с природно-географическими, этническими, внешнеполитическими факторами, так и с особенностями человеческой природы. Последние укоренены в борьбе между идеалами христианства и человеческими возможностями. В России эти противоречия проявились в соперничестве родовых и государственных учреждений, борьбе леса и степи (оседлых и кочевых народов).

Для В.О. Ключевского характерны новые подходы. Анализируя проблему реформаторской деятельности в России, он придает большое значение степени активности исторического сознания народа. Так, он отмечает, что потребность в преобразовании государственного строя ощущалась в России еще до Петра I, но не была удовлетворена и к концу XVIII столетия потому, что реформы зачастую являлись запоздало. Это придавало им непродуманный, «несколько ускоренный, торопливый ход, неудобства которого не могли не отразиться на их успехе» [3, с. 142, 552, 553]. Значительное влияние на реформаторскую деятельность оказывали особенности русского исторического сознания: 1) судорожное движение вперед и пугливая оглядка назад как отличительный признак культурной походки русского общества начиная с XVII века. Но в этой «оглядке» не было желания мыслить исторически, ориентироваться в новом положении с помощью прошлого; 2) древнерусская мысль всегда упорно работала над нравственно-религиозными вопросами, дисциплиной совести, покорением ума; и пренебрегала условиями земного существования [3, с. 144, 145, 552].

Реформы Петра I подорвали эту иллюзию, но пробудили новую веру – в науку, что во время Великих реформ 60-70-х гг. XIX в. сказалось в благодушной непредусмотрительности, уверенности, что благие намерения сами собой принесут плоды. Бездеятельность, невнимание к прошлому – антиисторический момент в общественном сознании. Когда прорывы, колебания, спады и подъемы реформаторской деятельности не принесли быстрых плодов, в общественном сознании сложилось только одно ясное историческое представление – о том, что русская жизнь сошла со своих основ. И ее тут же разделили на дореформенную и пореформенную, как раньше делили на допетровскую и петровскую. Это второй антиисторический момент общественного сознания. Простая метафора, понятие, не соответствующее историческому процессу, рожденное из невнимания к наличным историческим силам – успокоило творческую энергию исторического сознания, вновь ограничив его чувственно-эмоциональным переживанием. Реформы 60-х гг. XIX в. не стали переломными для русской истории. Вместе с тем сам факт прерыва, который ощутило историческое сознание, позволил вновь окунуться в историческое самозабвение и объявить прошлое, с которым порвано, не заслуживающим внимания. Но история не прощает забвения: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу» [3 с. 554].

Литература:

1. Карамзин, Н.М. Из «записки о древней и новой России» / Н.М.Карамзин / Из истории исторической науки в СССР. М., 1990.
2. Фонвизин, М.А. Обзорение проявлений политической жизни в России / М.А.Фонвизин / Из истории исторической науки в СССР. М., 1990.
3. Ключевский, В.О. исторические портреты / В.О.Ключевский. М., 1991.

Лугвин Сергей Борисович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и истории, Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого, г. Гомель

ПРОБЛЕМЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время Беларусь, как и другие постсоветские государства, развивается в рамках индустриального общества. Удельный вес материального производства превышает удельный вес сферы услуг. Промышленность находится на этапе крупносерийного производства, ориентированного на неудовлетворенный массовый спрос. Сохраняется высокая материало- и энергоемкость производства, имеется немало убыточных предприятий, народное хозяйство еще недостаточно восприимчиво к инновациям, существуют целые анклавы ручного труда и пр. Очевидно, что незавершенность позднеиндустриальной модернизации, в т.ч. неразвитость рынка, не позволяет стране уже сегодня решать задачи, связанные с проведением постиндустриальной модернизации. Тем не менее, некоторые исследователи считают, что в подобных условиях целесообразно сочетать широкомасштабную позднеиндустриальную модернизацию и анклавную постиндустриализацию [1]. Подобный подход к проведению модернизации весьма перспективен: он ориентирует на быстрее достижение мировых рубежей социально-экономического развития. Однако, как представляется, несмотря на отдельные прорывы к постиндустриальным технологиям, основной акцент в Беларуси в обозримом будущем будет делаться на завершении процессов позднеиндустриальной модернизации, которая создает необходимые предпосылки для перехода на путь постиндустриального развития.

Важным условием проведения позднеиндустриальной модернизации является развитие рыночных начал. «Переход к рынку, - пишет Е.З. Майминас, - определяется экономико-технологическими императивами современной эпохи, эпохи постиндустриального, информационного общества. Она требует разнообразия индивидуальных, преимущественно творческих усилий, эффективность которых не может быть установлена и оценена единым внешним планом и обеспечена административным предписанием и контролем. В таких условиях рынок незаменим, и страны, опирающиеся на нерыночно-государственное планирование и управление, неизбежно отстают все больше и больше» [2]. Разумеется, речь может идти лишь о таком рынке, который защищен от бюрократической регламентации и реализуется через свободное соперничество ответственных собственников, выстраивающих свои отношения на основе горизонтальных связей.

Вопросы ускорения и обновления стратегии развития сегодня актуальны для всех постсоветских стран. Для Беларуси же, лишенной сырьевых и топливных ресурсов, переход к постиндустриальному обществу является единственным шансом занять достойное место в современном мире. Это означает, что ей предстоит в исторически короткий промежуток времени создать принципиально новую экономику, основанную на применении высоких технологий, использовании новых знаний и информации, всемерном развитии сферы услуг. Важнейшими приоритетами такого развития должны стать не количественные показатели материального производства, а такие институты как наука, образование и здравоохранение, которые, в конечном счете, и определяют уровень постиндустриального развития любой страны.

В настоящее время совершенно неприемлемо традиционное понимание модернизации, основанное на механическом заимствовании опыта западных стран, поскольку такой подход обрекает модернизирующиеся страны на перманентное отставание. Как считает П.Г. Никитенко, необходимо отказаться от бесперспективной стратегии «догоняющего развития» в пользу модели «опережающей модернизации», следуя которой можно обеспечить относительно быстрое достижение современного

технологического уровня [3]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. Мау. Полагая, что догоняющее развитие уже не вполне точно отражает характер решаемых сегодня задач, он предложил использовать модель «социально-экономического прорыва» [4]. Подобный подход весьма продуктивен. Дело в том, что в условиях перехода к постиндустриальному обществу речь должна идти не просто о развитии вдогонку, а об опережающей модернизации, которая предусматривает прорыв в будущее, основанный как на использовании прогрессивных достижений западных стран, так и на постоянном поиске и апробации собственных технологий и моделей развития. Видный американский специалист в области управления П. Друкер пишет: «...На протяжении последних 200 лет ни одна страна в мире не вышла на ведущие позиции в экономике, следуя только по стопам бывших лидеров. Только те страны, которые сразу начинали с развития наиболее передовых в техническом отношении отраслей и производств, основанных на повышении образовательного и квалификационного уровня работников, выбивались в лидеры. Но прежде всего они становились лидерами в области управления» [5].

Процессы, идущие сегодня в экономически развитых странах, характеризуются мощным динамизмом, высокой степенью неопределенности и быстрым изменением условий развития. Это означает, что универсальной модели постиндустриальной модернизации просто не существует. Постиндустриальное общество не строится по заранее заданному плану, а взращивается на основе учета собственных потребностей и объективных процессов развития. В отличие от догоняющей модернизации, которая основывается на заранее известных целях и направлениях развития, постиндустриальная модернизация нуждается в неустанном поиске, требует гибкости и способности быстро приспосабливаться к меняющимся реальностям. Так, по мнению В. Мау, сегодня невозможно точно сформулировать, что должно быть сделано для осуществления постиндустриального прорыва. Он является результатом взаимодействия очень большого числа факторов и конкретных обстоятельств, плохо поддающихся однозначной интерпретации. А потому «необходимо отказаться от заранее заданных и предопределенных секторов прорыва и ориентироваться на выявление тех факторов, которые наиболее значимы для данной страны при данных обстоятельствах» [6]. Правильность данного вывода подтверждается отсутствием сколь-либо полного знания о постиндустриальном обществе, которое еще далеко не в полной мере не выявило свои черты и особенности.

Постиндустриальный прорыв – это результат системных преобразований, охватывающих все сферы общественной жизни. Разумеется, инициатива в таких преобразованиях должна идти «снизу», но поддерживаться и стимулироваться «сверху». Постиндустриальные модернизации обычно происходят без волевого нажима «верхов» как постоянные и скоординированные перестройки, в ходе которых меняется не только технико-экономическая среда, но и сам человек. Только таким путем могут усваиваться новые, более сложные, «правила игры», формироваться такие качества работника как предприимчивость и чувство ответственности.

Очевидно, что формирование основ постиндустриального общества в Беларуси будет происходить в условиях жестких процессов глобализации и острой конкуренции за ресурсы и рынки сбыта, которые лишь усиливают неравномерность развития разных стран и народов. В подобных условиях временное научно-техническое отставание той или иной страны в перспективе может оказаться непреодолимым. Данная реальность ставит перед модернизирующимися государствами жесткую альтернативу: либо своевременно обеспечить ускорение своего развития, либо надолго, если не навсегда, превратиться в периферию мировой хозяйственной системы. Особую роль в проведении постиндустриальной модернизации в Беларуси должно сыграть государство, которое является основным средством защиты национальных интересов перед лицом глобализационных процессов, экспансии ТНК и вызова консолидированного Запада. Деятельность государства должна быть нацелена на устранение институциональных

ограничений экономического роста, на стимулирование инвестиционной и инновационной активности, развитие образования, науки и здравоохранения. Как показывает опыт, в условиях слабо развитого гражданского общества только государство может стимулировать экономическую и социальную активность граждан, создавая благоприятные условия для проявления их индивидуальности и творческого потенциала.

Литература:

1. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века / В.А. Красильщиков // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 53.
2. Майминас, Е.З. О социально-экономических особенностях развития России / Е.З. Майминас // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 120.
3. Никитенко, П.Г. Императивы инновационного развития Беларуси: теория, методология, практика / П.Г. Никитенко. – Минск: Право и экономика, 2003. – С. 411.
4. Мау, В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития / В. Мау // Вопросы экономики. – 2002. – № 7. – С. 4 – 25.
5. Друкер, П. Труд и управление в современном обществе / П. Друкер // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1993. – № 5. – С. 111.
6. Мау, В. Указ. соч. – С. 11-12.

Красюк Владимир Федорович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ: АРХАИКА ИЛИ СОВРЕМЕННОСТЬ?

В самом общем плане идеал общественного бытия людей можно видеть в таком устройстве общества, которое обеспечивало бы совершенство, гармонию в отношениях между людьми. При различии мировоззренческих и методологических подходов социальная мысль разных народов, их культур и эпох имела определенный знаменатель: улучшение события сообщества индивидов воплощалось в идее высшей степени его развития, в ее пригодности для достижения этой цели. Философы, теологи, моралисты, революционеры и ретрограды-консерваторы, политики и мифотворцы изломали немало копий об эту проблему, но содержимое знаменателя далеко от наполнения, ибо практика, рафинируя эту наполняемость, вносит более чем серьезные коррективы в целесообразность и действенность предлагаемых проектов.

Реальные социальные процессы, особенно минувшего столетия, обусловили существенные перемены в понимании и толковании социальных идеалов, поставили вопрос об их праве на существование. Классические представления о социальном идеале как о совершенном обществе, в котором наличествует гармония между основными жизненными потребностями людей и устройством их социума, которое дает необходимые средства для удовлетворения этих потребностей, сменились постмодернистскими сентенциями о никчемности стремления к идеальному, к иным, более привлекательным, чем здесь и сейчас, социальным отношениям. Всякие попытки идеализации потенциально успешных проектов воспринимается ныне пессимистически, в лучшем случае с позиции игровых программ. В социальной философии теперь идеалы зачастую попадают в разряд мифов либо попросту подменяются социальным прогнозированием. Мифотворчество, как известно, расцветает там, где имеет место оторванность от практики реальной социальной жизни. Здесь идеалы – это представление желаемого вместо действительного. В то же время в идеалах проявляется и историческая ограниченность эпохи, ее проекции в будущее впоследствии кардинально корректируются. Например, «идеальное» государство Платона в последствие заменяется Городом Солнца Кампанеллы и Утопией Мора, которые в свою очередь уступают место проектам Сен-Симона и других энтузиастов.

Что касается социального прогнозирования, то оно, как правило, основывается на научной методологии и, по большому счету, не нуждается в субъективных пристрастиях.

Тем паче, что сегодняшние прогнозы рисуют более чем не радужные перспективы, далекие от идеала. Таким образом, ныне идеалы нечто вроде рудиментов социальной мысли, архаика, неминуемо разбивающаяся об исторический опыт.

Наступивший XXI век подверг сомнению традиционный взгляд на идеал как на совершенное состояние действительности в ее перспективы, как на ожидаемое будущее, параметры которого задаются заранее философствующими идеологами, учеными, писателями. Ныне, в постсовременности, идеал может возникнуть в недрах объективно формирующегося вектора развития социума. Например, в свое время ни Ж. Верн, ни С. Лем, ни другие классики научной фантастики, не говоря уже о представителях науки, включая даже Н. Винера, об экономистах, политиках и т. д. не могли предположить о столь грандиозном информационном буме, что происходит сейчас, об информационных системах как основе функционирования социума. Исторически довольно внезапно появившееся информационное общество сегодня преподносится в качестве идеала. То есть, образ цели деятельности, получается, формируется, не исподволь, не спекулятивно, во временном плане не в прошлом, а в настоящем, свершившемся.

Не надо сбрасывать со счетов и мысль И. Канта об условности идеала. Если идеал как воображаемое совершенство человеческого рода характеризуется полным и абсолютным отсутствием противоречий между индивидом и обществом, т.е. между индивидом, составляющими род, то, таким образом, осуществление идеала совпало бы с концом истории. Можно согласиться, в свете мышления нынешнего века, что фундаментально представляемый идеал практически не достижим и является только идеей регулятивного порядка. Он указывает скорее направление на цель, но не является ясным образом результата.

Однако даже принятый в качестве приемлемого научным сообществом и сообществом граждан идеал на поверку оказывается химерой. Так, разрекламированный философской и научной мыслью и вроде бы не лишенный оснований в качестве идеала прогресс, в том числе социальный, на деле показывает свою обратную сторону – вместо благоденствия перед человечеством стоит проблема выживаемости. В этом можно видеть антиномию идеала.

В понимании Канта идеал – это, прежде всего моральное совершенство. И действительно, он сопоставим с понятиями «справедливость», «добро», «правда», «истина», «равенство», «лучшее» и т.д. Но эти феномены имеют социальное содержание. Поэтому, в социальном идеале следует видеть и нравственный императив человеческой деятельности. Разумеется, для значительной части общества существенными является религиозный аспект проблемы; например, установление тысячелетнего царства Христова. Необоснованными можно считать всякие попытки создать некий виртуальный проект идеала, ибо этот монстр может быть лишен гуманистических начал, обезличен.

Поскольку общественный идеал и нравственный неотделимы друг от друга, будучи тесно переплетенными, то идеал как таковой можно считать не просто желаемым будущим, а проекцией общественных потребностей, отражением сущего в реальности, в его динамике. Это форма опережающего социального отражения, логически включающая идеалы социально-политический, нравственный, эстетический. Данный социально-духовный резонанс наделен смысловым содержанием, воплощаемым в той или иной степени оформленном духовном образе. «Оформление» этого образа возлагает как на личность, так и на социум большую моральную ответственность. Можно согласиться с авторами, говорящими, что идеал общества, общества желаемого, будущего исторически виделся в свете таких духовных качеств как смысл жизни, мечта, надежда, счастье [1, с. 528]. В век антиутопий это не лишние ценности, ибо представления о совершенном общественном устройстве является моральным обоснованием перспективы его развития.

Сегодня креаторы социальных теорий осторожно относятся к определению как сегодняшнего социума, так и его видения в будущем. П. Штомпка говорит о наступившем «конце определенности»; в русле тенденций самоорганизации, нелинейности и

альтернативности развития И. Пригожина обнаруживается рост парадоксальных и культурно гибридных компонентов (Ж. Тощенко); увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего, все больше заявляет о себе «социальная уязвимость» (У. Бек). Поэтому сегодня «нужно принципиально *новое теоретизирование*, нацеленное на учет и анализ возникших реалий уязвимости «которые, в свою очередь, обретают характер *становления*, потеснив значимость традиционных, относительно константных противоречий и опасностей» [2]. Все «это затрагивает функционирование *жизненных референтов*, включая ценности, авторитеты, представления о добре и зле» [2]. По мнению Ж. Деррида, наши представления о социальных видениях могут стать уязвимыми под воздействием «вдруг – событий». Социальные идеалы ныне невозможно четко отграничить ни в пространстве, ни во времени. Тем не менее, двигаться в будущее на ощупь, без определенных проекций и проектов – значит усилить риски, социальную уязвимость, что негативно скажется на социальном самочувствии нашего общества. Отдать приоритет точкам бифуркации среди многочисленных шансов развития социума – значит заведомо обречь себя на неспособность дать анализ эволюционным процессам – и это при современном уровне развития научного знания и познания законов общества!

Для современного белорусского общества выработка перспективы будущего является насущнейшей задачей, поскольку перед ним стоит исторический выбор нахождения своего места в глобализирующемся мире. Говорить о социальном идеале по старым схемам – не лучший вариант. Сама история цивилизации, попытки практического воплощения в жизнь социальных учений, казалось бы, идеальных по замыслу и научно обоснованных, показывают тщетность чьего-либо права на истину, претензий па Провидение. Социологические исследования показывают, что люди не верят ни в образы светлого будущего, ни в чудеса цивилизованного рынка и т.д. Видимо, для становящегося белорусского общества выбор путей развития в качестве оптимальных, приемлемых и рационально осмысленных, не укладывается в заученные схемы, над которыми должна поработать пропаганда, а исходить из жизненнообоснованных потребностей, представленных понятиями: инновации, модернизация, национально-культурное Возрождение, народные традиции, духовные ценности. Риски заключаются в том, что никто не гарантирует получение пожизненной ренты от единожды выбранной модели развития. Социальная синергия предусматривает совместный поиск образа будущего, что в совокупности должно предполагать нужный вариант цивилизованного обустройства. Поэтому социальный идеал – не архаика, не рудимент истории, он необходим, поскольку изменение наличных обстоятельств предполагает целеполагание, которое включает представления о более совершенном социуме, отвечающем желаниям и чаяниям людей. И этот идеал должен быть достижим – таковы уроки истории, которая требует перехода от «неразумной действительности» к «разумному» идеалу.

Литература:

1. Бабосов, Е.М. Современный социум / Е.М. Бабосов, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 2013. – 728 с.
2. Кравченко, С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей / С.А. Кравченко // Социс. – 2013. – № 5. – С. 3–12.

Цыбульская Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Культура управленческого общения представляет собой подсистему культуры управления, обеспечивающую деятельность механизмов координации управленческой

деятельности и реализации коммуникативного потенциала субъектов управления. Культура управленческого общения – особый элемент культуры управления, не являющийся рядоположенным среди её основных элементов (управленческое мышление, управленческое поведение, управленческие отношения). Культура управленческого общения, «пронизывая» указанные элементы, представляет собой их коммуникативный «срез» и одновременно способ проявления внутренних аспектов культуры управления.

Культура управленческого общения выполняет функции стимулирования и программирования управленческой деятельности (скрытые) и функции координации взаимодействия управляемой и управляющей подсистем, а также реализации коммуникативного потенциала субъектов управления (явные).

Развитие и совершенствование культуры управленческого общения – необходимое условие повышения эффективности деятельности субъектов управления и формирования высокого уровня культуры управления в условиях транзитивного белорусского общества.

Воплощение культуры управленческого общения в практику реализуется посредством социокультурных технологий, которые являются инструментами практической реализации управленческих знаний, умений, навыков в управленческое деловое поведение. Наиболее часто используемые технологии включают средства управленческого администрирования (распорядительные, служебно-коммуникационные, координационные и контрольно-оценочные операции), обмена информацией, побуждения, обратной связи. Широта выбора и степень использования конкретных технологий, то есть многовариантность деловых взаимоотношений, определяется уровнем культуры управленческого общения руководителя.

Данная концепция культуры управленческого общения была использована для анализа конкретно-эмпирического материала двух социологических исследований (экспертных опросов руководителей высшего и среднего звена, работающих в различных секторах экономики), проведенных автором в начале постсоветской трансформации белорусского общества и через десять лет. В ходе обоих исследований применялся сопоставимый инструментарий, что позволило осуществить сравнительный анализ культуры управленческого общения руководителей за период постсоветского десятилетия и выявить динамику её изменения.

Культура управленческого общения может изучаться социологическими методами посредством замера следующих показателей:

- преобладание в управленческих контактах видов общения той или иной уровневой направленности (по горизонтали или по вертикали);
- степень удовлетворённости взаимоотношениями в коллективе;
- самооценка уровня различного вида знаний, позволяющих успешно осуществлять управленческую деятельность;
- предпочтительные способы получения новых знаний об управленческой деятельности;
- способ получения информации о текущих производственных делах; содержание коммуникативных контактов с подчинёнными;
- предпочтения в значимости тех или иных видов управленческого общения;
- наличие трудностей в управленческом общении и способы их преодоления;
- отношение к критике со стороны подчинённых;
- осведомлённость о мнении подчинённых по поводу деятельности руководителя и учёт этого мнения.

Индикаторами в таком случае выступают: частота определённого вида контактов, степень удовлетворённости деловыми и межличностными отношениями, степень достаточности управленческих знаний, степень необходимости управленческих знаний.

Главное внимание уделяется изучению степени реализации наиболее часто используемых руководителями социокультурных технологий: обмена информацией, администрирования, обратной связи, побуждения.

Проведенное автором социологическое исследование культуры управленческого общения дало возможность выявить некоторые закономерности в развитии культуры управленческого общения на современном этапе.

Технология обмена информацией в целом подверглась некоторой динамике. Возросла информированность управленцев в отношении правовых и психологических знаний, обеспечивающих эффективную управленческую деятельность, а уровень информации по остальным видам знаний не претерпел видимых изменений.

Использование технологий обратной связи в деловых коммуникациях уменьшилось, что отражает общие тенденции усиления монологической составляющей управленческого мышления и проявления авторитарных элементов в управленческом поведении, которые обусловлены ростом администрирования как управленческой стратегии на уровне государства и, соответственно, преимущественным использованием технологий администрирования, иногда в ущерб другим технологиям (побуждения, обратной связи).

Использование технологий администрирования возросло, что объективно отражают такие показатели, как повышение личной ответственности руководителей, рост внимания управленцев, прежде всего, к исполнению своих прямых функций и обязанностей (выработке управленческих решений, разъяснению заданий подчинённым, контроль исполнения заданий).

Технологии побуждения используются руководителями недостаточно: управленцы недооценивают личностную составляющую управленческого общения, личное мнение подчинённых по деловым вопросам, деловую активность подчинённых в ходе выработки управленческих решений, роль делегирования полномочий и ответственности в управленческой деятельности.

Таким образом, выявилась положительная динамика в оценке руководителями важности тех управленческих контактов, которые помогают организовывать, упорядочивать деловое поведение подчинённых (предпочтение технологий администрирования), и отрицательная динамика в оценке управленцами тех видов деловых контактов, которые предполагают анализ и учёт личностной составляющей делового поведения подчинённых (частичное игнорирование технологий побуждения).

Результаты замера оценки руководителями деловых отношений в своих коллективах показали следующее: проявилась положительная динамика в оценке деловых отношений, причём наблюдается уменьшение числа выборов руководителями позиций полного одобрения и увеличение числа выборов позиций частичной удовлетворённости отношениями со всеми выделенными контактными группами (с подчинёнными, с руководством и с руководителями своего уровня). В целом же управленческие отношения как элемент общей культуры управления обеспечивают благоприятный фон для развития культуры управленческого общения.

Подводя итог, можем констатировать, что проведенные исследования и анализ их результатов доказали практическую значимость концепции культуры управленческого общения и возможность её эффективного использования для прикладного изучения наличной культуры управленческого общения социологическими методами.

Комаровский Андрей Владимирович, магистр социологии, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

*СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА*

Глобальная социокультурная динамика в течение XX – начала XXI века обнаружила недостаточность классических теорий модернизации и сопутствующих им

политических проектов. Классические линейно-эволюционные представления, заданные в теории Парсонса, предполагали возможность построения единой (универсальной) модели современного общества, служившей образцом для развития. Данная модель предполагала определенную (вестернизированную) констелляцию, совокупность порядков (институтов) в сферах ведения хозяйства, государственного управления, социальных отношений. Социокультурные факторы представлялись сопутствующим, но не ключевым фактором для успешной модернизации. В духе технократически-менеджеральных представлений предполагалось, что модернизация может быть запущена как цепная реакция при создании базовых (в первую очередь экономических) институтов, которые бы подтягивали остальные институты.

Ряд примеров невестернизированной успешной модернизации (ключевым кейсом выступает Япония) поставил под сомнение представление об институциональной изоморфности (однородности), необходимой для успешной модернизации. В теоретико-методологическом плане больший вес получили цивилизационные подходы, а подходы к анализу культуры М. Вебера стали замещать упрощенные структурно-функциональные представления. Была продемонстрирована внутренняя неоднородность культуры, присутствие диахронных по своему содержанию социальных порядков (стилей жизни), конфликт и борьба ценностных ориентаций различных групп элит и населения, их оппортунистические реакции и конъюнктурное использование модернизационного дискурса различными политическими игроками.

Тем самым была зафиксирована необходимость привлечения более многомерных социокультурных моделей, описывающих множественность, нелинейность и неустойчивость модернизационных траекторий различных культур. Социокультурный анализ оказывается продуктивным инструментом для изучения сложностного институционального профиля культуры (констелляции актуальных и желаемых социальных порядков), отслеживания транс- и межпоколенческих трендов в ценностных ориентациях (отношения конфликта, оппортунизма, солидарности или сотрудничества), поддерживающих или блокирующих определенные трансформационные векторы и процессы. Ученые и политики пришли к выводу, что не существует универсального решения для осуществления модернизации, что каждая культура вынуждена искать собственный уникальный путь к (социально ориентированному) правовому рыночному государству и культуре.

Шульга Александр Николаевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела теории и истории социологии, Институт социологии НАН Украины, г. Киев

ПОНЯТИЕ «СИМВОЛИЧЕСКИЙ УНИВЕРСУМ»: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

Целью данной статьи является представление понятия «символический универсум» в гносеологическом и онтологическом срезе. Мы не стараемся пройти весь путь от теоретической интерпретации до операционализации, но, скорее, показать огромный потенциал этого понятия и концепции символических универсумов в целом для теории социологии, а также изучения социальных трансформаций.

Понятие «символический универсум», развитое в концепцию учениками Альфреда Шюца – Томасом Лукманом и Питером Бергером – по нашему мнению, не заслужило должного внимания в социологии. Однако именно это понятие, наряду с понятием «легитимация», обладает крайне высоким эвристическим потенциалом и способно дать новый толчок развитию теоретического ядра социальных наук и в частности – феноменологической парадигмы. Более того, понятие «символический универсум» может быть не только использовано для прояснения и обоснования категориально-понятийных

связей в рамках феноменологического подхода. Развитие концепции символического универсума позволит перейти с микроуровня на макроуровень и таким образом, претендовать на всеобщность и теоретическую полноценность феноменологической парадигмы в социологии. Ведь очень часто в качестве одной из главных претензий к познавательному потенциалу феноменологического подхода называют его сосредоточенность на социальном акторе, его повседневных взаимосвязях. Тогда как концепция символических универсумов, дополненная концепцией легитимации должна стать еще одним шагом для выхода феноменологического анализа в новые сферы социальной реальности.

Потенциал концепции символического универсума можно и нужно применить не только для решения проблем в гносеологической и эпистемологической сферах, но и для онтологического уровня. Речь идет о концепции символических универсумов, их существовании и замене, их структуре, внутренней иерархии элементов, и т.д. Подобная теоретическая надстройка позволит описать и объяснить процессы, происходящие в постсоветских обществах, одним из которых, без сомнения, является украинское общество. Эта концепция позволит по-новому взглянуть на то, что происходит в украинском обществе последние несколько десятилетий: смена картины восприятия одних и тех же исторических событий, языковых предпочтений, политических и геополитических ориентаций населения, уровня религиозности, смена систем ценностей.

Теоретический уровень. Наиболее полно и подробно обоснование концепции символического универсума представлено в общем труде Питера Бергера и Томаса Лукмана - «Социальное конструирование реальности». Первое же, что следует выделить, это тесная связь концепции символического универсума с понятием легитимация, которое определяется ими как «объяснение» и, вместе с тем, «оправдание» существующего в обществе институционального порядка. В первую очередь, это делается по причине и для поддержания наследственности поколений. Поскольку перед новым поколением, созданные ранее смыслы предстают уже как сложившиеся. Они объективированы и должны быть интернализированы представителями нового поколения. Ученые разделяют этот процесс на несколько уровней. Первым из них они называют «до-теоретические» утверждения, которые объясняют установившийся порядок и более частные вопросы традицией, тем, что такое положение дел существовало задолго до появления индивида и будет существовать после его смерти. Второй уровень включает в себя объяснения и оправдания порядка, которые претендуют на большую сложность и могут считаться зачаточными теоретическими конструктами. К таким конструктам П. Бергер и Т. Лукман относят пословицы, моральные максимы, сказки, легенды и т.д.

Третий уровень легитимации, в отличие от двух предыдущих, «содержит явные теории, с помощью которых институциональный сектор легитимируется в терминах дифференцированной системы знания. Такие легитимации предусматривают хорошо понятные системы отсчета для соответствующих секторов институционализированного поведения. Из-за их сложности и специализации они зачастую поручаются специальному персоналу, который передает их с помощью формализованных процедур посвящения» [1].

В отличие от первых двух уровней легитимации, данный уровень является более независимым и может отрываться от повседневной практики, переходя в более абстрактные формы.

Ученые, таким образом, выстраивают иерархию уровней легитимации и вполне логично, что четвертый и последний из них, является наиболее сложным. Этот уровень легитимации и является символическим универсумом. Говоря о символическом универсуме, Питер Бергер и Томас Лукман поясняют, что использовали предикат «символический», чтобы указать на процессы обозначения. Более того, эти символические комплексы выходят за пределы повседневной жизни и таким образом демонстрируют наивысшую степень теоретичности по сравнению с другими тремя уровнями легитимации.

«Символический универсум – пишут ученые – понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума. И что особенно важно, маргинальные ситуации индивидуальной жизни (маргинальные в том смысле, что они не включены в реальность повседневного существования в обществе) также охватываются символическим универсумом» [2].

Из данного определения мы можем сделать два вывода. Первый относится к тому, что символический универсум задает индивиду систему координат и характеризуется наивысшей степенью интеграции смыслов в единый комплекс. Второй вывод отсылает нас к концепции конечных областей значения Альфреда Шюца, который представляет их как замкнутые области, каждая из которых имеет свой когнитивный стиль и особый акцент реальности. При этом повседневный мир располагается наверху иерархии этих областей значений, поскольку подразумевает наивысшее напряжение сознания индивида, обусловленное практической деятельностью. В свою очередь Томас Лукман и Питер Бергер делают акцент на всеобщности смысловой матрицы, которую предлагает символический универсум, что наделяет его всеобщей интегративной и унифицирующей способностью. Благодаря символическому универсуму, разные области значений – и мир фантазий, и мир сновидений или безумия и т.д. – упорядочиваются в рамках мира повседневной жизни. Кроме того, именно символический универсум отвечает у Томаса Лукмана и Питера Бергера за ослабление шока от перехода сознания индивида из одной области значения в другую и смещения, в результате этого акцента реальности и напряжения сознания, который Альфред Шюц назвал «скачком».

Таким образом, они используют, концепцию конечных областей значений Альфреда Шюца и включают её в собственную концепцию символического универсума. Последний выступает интегрирующей основой для всех областей значений и определяет их иерархию, где верховное положение сохраняет мир повседневной жизни.

Помимо того, что символические универсумы служат для организации прошлого, настоящего и будущего, сами они являются результатом прошлых теоретизирований, соединившихся в один смысловой комплекс. Они – это «социально-исторические продукты. Если нужно понять их значение, следует понять историю их создания. Это тем более важно, что эти продукты человеческого сознания, по самой своей природе, представляют собой вполне развитые и неизбежные тотальности» [3]

Каждый символический универсум, нуждается в средствах своего поддержания. Как показывают Питер Бергер и Томас Лукман, такими средствами являются разные уровни легитимации, которые мы упоминали ранее: начиная с дотеоретического уровня и до наиболее абстрактных форм теоретизирования, затрагивающих притязания на божественность существующего порядка социальных отношений. В качестве таких концептуальных механизмов ученые выделяют также мифологию, теологию, философию и науку. При этом они предпочитают не говорить, об эволюции этих механизмов на протяжении истории от сравнительно наиболее простой мифологии до сложной и формализованной науки, хотя и признают факт их различной дифференциации, аргументированности и непротиворечивости. Данные концептуальные механизмы являются скорее идеальными типами, которые, в случае необходимости, функционируют не по отдельности, а комбинируются между собой.

Вместе с тем, прибегать к помощи разных уровней легитимации, то есть объяснения и оправдания данного порядка, необходимо только в случае определенных условий.

«Необходимость в специальных процедурах поддержания универсума – пишут по этому поводу ученые – появляется, когда символический универсум становится *проблемой*. До тех пор, пока это не так, символический универсум является самоподдерживающимся, то есть самолегитимирующимся благодаря прозрачной

фактичности его объективного существования в данном обществе. Если представить общество, в котором это было бы возможно, то оно было бы гармоничной, замкнутой, сложно функционирующей системой. На самом деле такого общества не бывает. Вследствие напряженности, неизбежной в процессе институционализации, и благодаря тому факту, что все социальные феномены

– конструкции, созданные человеком в ходе исторического развития, ни одно общество и а fortiori, ни один символический универсум не являются абсолютно само собой разумеющимися» [4].

В качестве одной из таких ситуаций, когда символический универсум и его само собой разумеющийся характер становятся проблематичными и неочевидными, Питер Бергер и Томас Лукман определяют смену поколений. В её результате, новое поколение предстает перед сложившимся смысловым комплексом, который, однако, в процессе социализации, не обязательно интернализируется полностью. Второй проблематичной ситуацией, требующей включения механизмов легитимации символического универсума, ученые называют существование альтернативных, «еретических» толкований реальности. При этом сам символический универсум вынужденно видоизменяется и усложняется, отвечая на вызовы этих альтернативных смысловых комплексов.

Питер Бергер и Томас Лукман выделяют два практических механизма, которые символический универсум использует для собственного поддержания и уменьшения влияния альтернативных версий толкования реальности: терапия и аннигиляция.

Первый механизм заключается в корректировке смыслов, посредством всякого рода социального контроля и давления. Речь в первую очередь идет о единичных случаях, когда индивид «выпадает» из общепринятого символического универсума. Посредством влияния коллектива, норм, правил и т.д., символический универсум «излечивает» этого индивида, и таким образом, восстанавливает свою легитимность даже на этом единичном уровне.

Аннигиляция, в свою очередь, рассчитана скорее на группы и индивидов, к которым, в силу их физической удаленности, невозможно применить терапию. Их смыслы и весь универсум в ходе аннигиляции наделяется негативной тональностью, представляется чем-то чуждым, неестественным. Фактически, в отличие от терапии, чуждые смыслы не корректируются, а отрицаются. Одновременно подчеркивается превосходство и безальтернативность именно своего символического универсума.

«Терапия – пишут Питер Бергер и Томас Лукман - использует концептуальную машинерию для того, чтобы удерживать всякого в рамках данного универсума. Аннигиляция в свою очередь использует сходные механизмы для концептуальной ликвидации всего, что находится вне этого универсума. Эту процедуру можно описать как род негативной легитимации. Легитимация поддерживает реальность социально сконструированного универсума; аннигиляция отрицает реальность любого феномена и его интерпретации, которые не подходят этому универсуму» [5].

Однако противоречия присущи не только отношениям между одним символическим универсумом и представителями чуждого универсума. Как показывают ученые, конфликты происходят и внутри самого символического универсума. Здесь ученые в который раз подчеркивают диалектичность отношения социальных систем и индивидов, которая проявляется в том, что социальные акторы являются и творцами и продуктами социальной системы. Как уже было указано, символический универсум, как теоретическая система наиболее высокой степени абстрактности, нуждается в особом рода «экспертах», осуществляющих творение определенных смыслов, обновление уже существующих или же отрицание чуждых систем значений. С усложнением этой системы и её дифференциацией возможны противоречия между самими экспертами одного и того символического универсума относительно их компетенции и места в иерархии данного сообщества.

Это приводит к тому, что в рамках одного универсума могут возникать несколько символических подсистем, которые, хотя и остаются в рамках данной смысловой системы, однако же, конкурируют между собой за вполне конкретное социальное и политическое влияние в обществе.

Такова вкратце концепция символических универсумов, предложенная Питером Бергером и Томасом Лукманом. По нашему мнению она требует ряда существенных доработок, среди которых: пересмотр логико-теоретических связей понятий «символический универсум» и «легитимация», в частности – пересмотр отношения субординации между ними; дополнение и расширение механизмов поддержания символического универсума, роли разных социальных институтов в этом процессе; более детальный анализ роли «экспертов» в удержании и смене символических универсумов; подробное описание иерархии символических универсумов в рамках одного общества.

Наконец, приведем несколько измененное определение понятия «символический универсум»: это замкнутая смысловая система, которая предлагает собственную матрицу видения и интерпретации объективных, intersубъективных и субъективных событий или явлений. Важнейшей характеристикой символического универсума является его замкнутость и целостность, благодаря чему он задает границы коммуникации и интерпретации в повседневной жизни.

Практический уровень. От теоретического уровня мы можем перейти к практическому. Несмотря на упомянутые замечания, концепция символических универсумов имеет высокий эвристический потенциал для изучения трансформирующихся обществ. Ведь борьбу символических универсумов более четко видно в странах, где сравнительно недавно произошли коренные изменения в системе социальных отношений. По своей природе только один символический универсум может выполнять роль доминирующего и таким образом удовлетворять стремление социальной системы к стабильности и предлагать индивиду интерпретативную схему, которая бы унифицировала и организовывала для него социальную реальность.

Новый символический универсум, замещая старый, с необходимостью приводит к новой социальной структуре и перераспределению власти, финансов, престижа и информации. Именно такие процессы происходят последние двадцать лет в постсоветских странах, в том числе и в Украине. Как показывают эти годы, процесс замещения одного универсума другим крайне длительный и социально «болезненный». Он может растягиваться на несколько десятилетий и даже этот срок не гарантирует, что процесс замещения пройдет успешно. В результате, общества, переживающие смену символических универсумов, оказываются на длительный период расколотыми по целому ряду важнейших вопросов.

Для социологов это время является редкой возможностью изучить обычно латентные механизмы, используемые символическими универсумами для своего укоренения и нейтрализации влияния альтернативных символических универсумов. Кроме того, этот период нестабильности позволяет увидеть структуру символического универсума - в первую очередь это касается доменов символического универсума, которые можно выделить в нем в качестве структурных элементов. Мы не будем подробно рассматривать структуру символического универсума, иерархию его доменов, а тем более каждый из них в данной статье. Вместо этого мы проиллюстрируем на примере Украины, какие изменения происходят в одном из доменов, который условно можно назвать «ценностным» доменом.

Для этого рассмотрим, как население Украины воспринимает старые и новые ценности, которые пропагандируются в современном украинском обществе, насколько актуальны советские ценности и подверглись ли распространению другие ценности, предлагаемые украинским гражданам сейчас. Анализируя ответы на указанные вопросы, мы рассмотрим возможные различия отношения к этим вопросам со стороны разных поколений и социальных групп. Подобный анализ позволит получить количественный

срез того, что происходит с ценностными доменами старого и нового символических универсумов.

Начнем с рассмотрения того, насколько сильно, по мнению украинцев, влияние советских ценностей в современном украинском обществе. Для этого респондентам был задан вопрос «Как Вы считаете, действуют ли сегодня ценности, которые пропагандировались в Советском Союзе?». Большинство населения согласно с тем, что те ценности, которые пропагандировались в Советском Союзе (такие как коллективизм, равенство, государственная поддержка и т.д.), сейчас уже утратили свою актуальность. Такого мнения придерживается три четверти населения страны¹.

При этом, если сравнить между собой ответы на этот вопрос представителей старшего поколения (50 лет и более), которое социализировалось именно во времена доминирования вышеназванных ценностей, а также молодежи до 21 года, которая родилась в новых условиях, то можно выделить две особенности. Первая заключается в том, что старшее поколение больше молодежи указывает на потерю актуальности старых ценностей. Это можно объяснить тем, что старшее поколение может сравнивать старые и новые времена. В свою очередь новое поколение имеет гораздо большую долю тех, кто не может определиться по этому вопросу, если сравнивать как со старшим поколением, так и с общим распределением ответов. Отсутствие четкого ответа почти у трети молодежи можно отнести как к тому, что молодым людям не с чем сравнивать, так и к низкой релевантности этого вопроса для них (табл. 1).

Таблица 1. Действуют ли сегодня ценности, которые пропагандировались в Советском Союзе, %

Варианты ответов	По Украине в целом	Возрастные группы			
		Молодежь (18-21 лет)		Старшее поколение (50 лет и старше)	
	%	N	%	N	%
Однозначно нет	38,5	22	20,8	349	45,4
Скорее нет	38,3	45	42,5	254	33,0
Скорее да	7,6	6	5,7	65	8,5
Однозначно да	1,7	2	1,9	16	2,1
Затрудняюсь	13,9	31	29,2	85	11,1

Среди региональных особенностей отношения к этому вопросу следует выделить то, что жители восточных и южных областей больше ощущают потерю актуальности советских ценностей, чем жители Запада и Центра.

Если конкретизировать вопрос и предложить респондентам оценить, что именно изменилось в современной Украине по сравнению с советскими временам, то частыми ответами будут: изменение отношения государства к человеку, отношение людей друг к другу и изменение самих людей.

Сравнение ответов молодого поколения, которое социализировалось в новейших условиях и старшего поколения существенным образом отличаются. Для пожилых людей более очевидно, что изменились главные жизненные ценности людей, моральные координаты того, что хорошо, а что плохо, и т.д. Вместе с тем, молодое поколение демонстрирует явно большие сложности в ответе на этот вопрос (каждый пятый не может определиться), что вполне логично, учитывая невозможность сравнивать старые и новые времена (табл. 2).

¹ Здесь и далее в статье используются данные Омнибуса Института социологии НАН Украины 2013.

Таблица 2. Оценка изменений, которые произошли в независимой Украине по сравнению с Советским Союзом, %

	По Украине в целом	Возрастные группы			
		Молодежь (18-21 лет)		Старшее поколение (50 лет и старше)	
	%	N	%	N	%
Отношение государства к человеку	47,4	33	31,1	382	49,5
Отношение людей друг к другу	45,9	33	31,1	392	50,8
Сами люди	42,7	38	35,8	340	44,1
Правила, согласно к-рым надо действовать, чтобы преуспеть, достичь успеха	34,0	40	37,7	250	<u>32,4</u>
Главные жизненные ценности людей	33,1	26	24,5	264	34,2
Представления людей о том, что хорошо и что плохо	32,1	27	25,5	251	32,6
Требования, которые ставит перед людьми жизнь	31,0	26	24,5	241	31,3
Идеалы общества	27,2	17	16,0	214	27,8
Возможность для достижения цели	24,3	24	22,6	182	23,6
Образцы жизненного успеха	24,1	15	14,2	208	27,0
Ничего из перечисленного существенно не изменилось	5,2	6	5,7	44	5,7
Затрудняюсь ответить	9,1	21	19,8	59	7,7

Можно сделать промежуточный вывод, что советская ценностная модель, по мнению населения, больше не играет большого значения. Однако, полностью ли ее заменила новая система ценностей, предлагаемая новым символическим универсумом? Ведь замещение ценностных доменов является одним из самых главных условий для общего изменения доминантного положения среди универсумов. Для того, чтобы это выяснить, рассмотрим ответы украинцев на вопрос «Воспринимаете ли Вы как свою, ту систему ценностей, которая сложилась за годы независимости?».

Как свидетельствуют результаты исследования, процесс замещения старого символического универсума новым универсумом еще незавершен. Половина населения, на вопрос относительно восприятия новой системы ценностей отвечает отрицательно. При этом к положительному ответу склоняется лишь четверть опрошенных и еще четверть населения вообще не может дать ответ. Таким образом, несмотря на потерю старой системой ценностей доминирующего положения, новая ценностная матрица не получила преимущества среди общества. Данный период, который является периодом изменения символических универсумов, можно охарактеризовать периодом ценностного вакуума. Ни одна из систем ценностей временно не имеет доминирующего положения, поскольку старая его уже потеряла, а новая только приобретает распространение среди большинства общества. В первую очередь это проявляется среди нового поколения, которое встречает эту систему ценностей с самого начала.

Особенно четко видно различия между поколением, которое социализировалось в Советском Союзе и поколением уже независимой Украины. Фактически, ответы представителей обеих групп являются прямо противоположными: среди молодежи вдвое меньше тех, кто не воспринимает новую систему ценностей и одновременно вдвое больше тех, кто ее воспринимает. Такие ответы представителей молодежи можно объяснить тем, что они интернализировали предлагаемые смыслы нового универсума. Ответы старшего поколения в свою очередь свидетельствуют о том, что его представители в основном не

смогли ресоциализироваться и испытывают дискомфорт от новой системы моральных регуляторов и социальных отношений в целом (табл. 3).

Таблица 3. Отличия между поколениями относительно восприятия новой системы ценностей, %

Варианты ответов	По Украине в целом	Возрастные группы			
		Молодежь (18-21 лет)		Старшее поколение (50 лет и старше)	
	%	N	%	N	%
Однозначно нет	17,3	7	6,6	185	24,1
Скорее нет	30,9	25	23,6	249	32,4
Скорее да	23,3	34	32,1	126	16,4
Однозначно да	2,8	2	1,9	20	2,6
Затрудняюсь	25,8	38	35,8	189	24,6

Это можно иллюстрировать тем, как оценивают старшее и новое поколение справедливость современного общества. Если сравнить оценки обоих поколений относительно того, справедливо ли современное украинское общество, пожилые люди более критичны - низкую оценку ставят 44% из них, тогда как среди молодежи таких 26%. В целом же, средняя оценка, которую дает молодежь, составляет 2,2 балла из 5-ти возможных. Старшие люди в среднем оценивают справедливость украинского общества в 1,8 балла.

Кроме возрастных особенностей восприятия новых ценностей, можно выделить региональные и другие характеристики, которые имеют значение. Прежде всего, следует упомянуть о региональных отличиях: среди жителей западных областей наименьшая доля тех, кто не воспринимает новую систему ценностей (39% против 50 % в среднем по стране).

Национальная самоидентификация тех, кто воспринимает новую систему ценностей и тех, кто не считает ее своей, также несколько отличается - доля людей, которые называют себя русскими, несколько больше во второй группе. Это, в свою очередь, сказывается на том, на каком языке преимущественно общаются представители обеих групп. Те, кто не воспринимает новые ценности, сравнительно больше общаются в повседневной жизни на русском языке и немного меньше – на украинском. Представители тех, кто воспринимает новые ценности, демонстрируют прямо противоположные результаты по этому параметру. Еще одной характеристикой, по которой явно отличаются обе группы, является религиозная принадлежность. Среди тех, кто не воспринимает новую систему ценностей, заметно больше сторонников Украинской православной церкви Московского патриархата (47% против 37% аналогичного показателя среди тех, кто воспринимает эти ценности), тогда как среди тех, кто принимает новую систему ценностей, в несколько раз больше представителей Украинской греко - католической церкви (27% против 10%).

Описанные выше особенности обеих групп - тех, кто воспринимает новую систему ценностей, предлагаемую новым символическим универсумом и тех, кто эти ценности не воспринимает – демонстрируют сложную взаимосвязь различных доменов символического универсума: языкового, ценностного, религиозного и других. Как уже было отмечено, процесс замены символических универсумов является растянутым во времени, поскольку разные домены универсумов с разной скоростью меняют свою гегемонию. Зафиксированный вакуум общепринятой системы ценностей в украинском обществе является очередным индикатором незавершенности изменения символических универсумов, свидетельством активной борьбы между ними. То, насколько быстро произойдет распространение новых ценностей, зависит не только от смены поколений, но и от ситуации с изменением других доменов старого и нового универсумов, того,

насколько быстро и успешно происходить изменения с их другими структурными элементами.

Литература:

1. Berger P.L.&Luckmann Th. Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. – New York: First Anchor Books Edition, 1967, – 219 p.
2. Berger P. L. The Sacred Canopy: Elements of s Sociological Religion. – Garden City: Anchor Books, 1969. – 229 p.
3. Berger P. L. A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovering of the Supernatural. – Garden City: Doubleday&Company Inc., 1969. – 129 p.
4. Berger P. L. The Social Reality of Religion. – Harmondsworth: Penguin Books, 1973. – 235 p.
5. Berger P. L. The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. – Washington: Ethics and Public Policy Center, 1999. – 135 p.
6. Luckmann Th. Das Problem der Religion in der modernen Gesellschaft. Institution, Person und Weltanschauung, Freiburg im Breisgau, Verlag Rombach & Co GmbH, 1963, - S. 84
7. Luckmann Th. Soziologie der Sprache // Handbuch von empirischen Sozialforschung / Hrgg. Rene König. – Bd. 2. – Stuttgart. 1963, – 1165 S.
8. Luckmann Th. Unsichtbare Religion. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. – 191 s.
9. Schutz A. On Multiple Realities // Collected Papers. – Vol. I. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.

Лашук Ирина Валерьевна, кандидат социологических наук, заведующая сектором культурных инноваций Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Концептуальный анализ жизненных стратегий социокультурного поведения в современном обществе распадается на четыре проблематизации:

1. Проблематика конструирования современного общества и современности.
2. Концепт «жизненные стратегии».
3. Тематика поведения.
4. Понятие «социокультурное».

Обозначенные направления тесно между собой переплетены и могут быть выделены отдельно только в аналитических целях. Попытаемся разобраться в четырех указанных категориях научного анализа.

1. По мере того, как мы вступали в XXI век, век социальных теоретиков, которые посвящают свое внимание определению общества, в котором мы живем, развились по крайней мере 2 ветви определения общества, в котором мы живем (онтологический смысл) и способов познания этого общества (эпистемологический смысл). Первая ветвь представлена группой теоретиков (Ю. Хабермас и Э. Гидденс), полагавших, что мы продолжаем жить в обществе, которое правильнее всего назвать современным, и в отношении которого мы можем строить теории тем же способом, какой социальные мыслители использовали на протяжении многих лет. Вторая традиция представлена мыслителями (Ж. Бодрийар, Ж-Ф. Лиотар, Ф. Джеймсон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно ином, постмодернистском обществе. Более того, они доказывают, что об этом новом обществе необходимо размышлять новыми способами. В этом смысле с некоторой натяжкой сторонников первого направления следует обозначить как «неомодернисты», второе – «постмодернисты».

Э. Гидденс современное состояние общества определяет как «поздний (высокий, радикализированный) модерн», одной из основных характеристик которого является глобализация социальной жизни. С эпистемологической, прежде всего, социологической точки зрения Э. Гидденс утверждает, что «не существует никаких социологических

законов, независимых от места и времени. Понятие пространственно-временной дистанциации позволяет по-новому концептуализировать понятие социальная реальность и общество. Таким образом, общества различаются не степенью дифференциации, а формой и масштабом пространственно-временной дистанциации.

Ю. Хабермас рассматривает современность как «незаконченный проект». Центральной проблемой сегодня, как и во времена М. Вебера, остается рациональность, причем не только социальной системы, но и «жизненного мира». Если М. Вебер акцентирует внимание на бюрократии, то Ю. Хабермас описывает рост формальной рациональности как макдонализацию общества.

Постмодернисты в качестве объекта своего рассмотрения определяют постсовременное общество. Это новая историческая эпоха, которая сменила современную эру, или современность. Постмодернистское направление в социальном мышлении, и, прежде всего, в социологии, представляет собой эпистемологическое оформление интеллектуальных усилий по созданию типа мышления и методологии познания общества на иных, и более широких, чем рационалистические традиции, предпосылках. Среди основных проблем постмодернизма обсуждаются: конец веры в господство всеобщей научно-рационалистической и единственной теории социального прогресса; замена эмпирических теорий истины постэмпирическими; расширенное внимание к явлениям бессознательного в социальных действиях; возрастание роли конструируемых теорий и плюрализма концепций.

В современном социогуманитарном знании популярной является концептуализация современного общества как общества потребления. К основным онтологическим характеристикам общества потребления относят:

- производство и потребление симулякров (по Ж. Бодрийяру) гиперреальности, конструируемых в медийном пространстве;
- возникновение нового виртуального интерактивного информационного поля: социальные сети, форумы...
- изменения в структуре образа жизни людей. С одной стороны, общество потребления предлагает больше возможностей для саморазвития и самосовершенствования, с другой – достижение необходимого уровня потребления предъявляет определенные требования к личности [1, с. 142].

2. *Жизненные стратегии* личности являются комплексным феноменом и связаны с категориями, характеризующими жизнь человека в целом и его поведение. В социологии категории, репрезентирующие концепт «стратегии жизни», исследовались в той или иной степени представителями разных направлений. Прежде всего, идея сознательной ориентации поведения человека выражена в теориях социального действия М. Вебера и Т. Парсонса. В феноменологии разрабатываются концепции субъективности и интересубъективности поведения личности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), стратегического действия и взаимодействия (И. Гофман). В символическом интеракционизме (У. Томас, Дж. Мид) рассматривается роль символов и значений в интерпретации людьми жизненной ситуации, конструировании ими действий.

Особо следует остановиться на социоанализе П. Бурдьё, в котором он стремится отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности и вводит понятие «агент» в противоположность субъекту и индивиду. Агенты у П. Бурдьё «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы» [2, с. 19]. Агенты осуществляют стратегии – своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. П. Бурдьё предлагает в качестве основы для объяснения практики агентов не теоретическую концепцию, построенную для того, чтобы представить эту практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», а описывает саму логику практики через такие ее феномены, как практическое чувство, габитус, стратегии поведения.

Определенными «вехами» в исследовании жизненных стратегий личности являются работы Ю.М. Резника и Т.Е. Резник [3, с. 103]. Авторы предлагают социологическую концептуализацию понятия «жизненные стратегии». Исходя из двойственности социального мира, предлагается рассматривать стратегии жизни как символически опосредованные и выходящие по своему воздействию за пределы сознания идеальные образования, реализующиеся в поведении человека его ориентиры и приоритеты. Идеальность стратегии проявляется, с одной стороны, субъективно, как нечто, содержащее уникальные и неповторимые, ситуативно возникающие и надситуативные личностные смыслы и цели, с другой – объективно как нечто, включающее культурно обусловленные образцы, стандарты, нормы и ценности, усвоенные человеком в процессе социализации. Если объективная идеальность локализуется в культуре, то субъективная пронизывает индивидуальное сознание и поведение людей, их прошлый опыт и цели как предвосхищение будущего. Третье, собственно **социальное измерение** жизненных стратегий, зарождается на пересечении объективной и субъективной идеальности – в сфере так называемой интерсубъективности, образующейся на основе согласования взаимных представлений и ожиданий. Идеальность стратегии тесно связана с ее реальностью, т.е. стратегическим поведением, под которым понимается внешняя, предметно-чувственная форма выражения жизненной стратегии.

3. Тематика *поведения* актуализируется в социологии в теории социального действия, разработанной М. Вебером. Он определяет действие как такое поведение, с которым действующий индивид или индивиды связывают субъективно полагаемый смысл. «Социальным» действие становится только тогда, когда по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Значит, социальное действие не просто «самоориентировано», оно ориентировано, прежде всего, на других. Ориентацию на других Вебер называет «ожиданием», без которого действие не может считаться социальным. К «другим» М. Вебер относит не только индивидов, но и «социально общие» структуры, такие как государство, право, организации, союзы и т.д., т.е. те, на кого может и реально ориентируется индивид в своих действиях, рассчитывая на их определенную реакцию. Социальное действие, по М. Веберу, включает в себя два момента: а) субъективную мотивацию индивида (индивидов, группы людей); б) ориентацию на других (другого), которую М. Вебер называет «ожиданием» и без чего действие не может рассматриваться как социальное. Социальное действие у М. Вебера выступает в четырех «идеальных» типах: целерациональном, ценностно-рациональном, аффективном, традиционном.

Концепция эволюции «жизненного мира» Ю. Хабермаса, устанавливающая связь между знанием и действием на метатеоретическом уровне, привела его к созданию собственной теории социального действия. В современных условиях, по его мнению, можно выделить четыре идеальных типа социального действия (понятие «идеальный тип» наряду с самой типологией социального действия заимствованы у М. Вебера).

1. Стратегическое действие;
2. Нормативное действие;
3. Драматургическое действие;
4. Коммуникативное действие.

Идеи «субъективности» социального мира активно развивает представитель феноменологии А. Шюц. Он утверждает, что социальная реальность представляет для каждого человека как субъекта социального действия существующий для него и других людей *интерсубъективный мир*, то есть мир, созданный в процессе взаимодействия и взаимовлияния многих субъектов между собой.

Научный интерес к теории социального действия проявил и основатель символического интеракционизма Дж. Мид. Отправная точка теоретической концепции Дж. Мида – приоритет социального над индивидуальным. Социальное действие в отличие

от обыкновенного действия обязательно включает как минимум двух людей. В основе социального действия лежит жест – действие, согласно Дж. Миду, которое рассчитано на ответную реакцию окружающих. Если реакция происходит на бессознательном уровне, автоматически, то жест является «незначимым» (на такого рода жесты способны не только люди, но и животные). Если же реакции предшествуют размышления, то жест приобретает социальное значение.

Преодолевая противоречие между субъективным и объективным, теоретическим и эмпирическим французский социолог П. Бурдьё вводит различие между *эмпирическим индивидом* (наблюдаемым в обыденном опыте) и *эпистемическим индивидом* (сконструированным исследователем в целях анализа). Если первый воспринимается как единичность, наделенная бесконечным множеством свойств, то второй – это ограниченный набор свойств, служащих в исследовании наблюдаемыми переменными и отвечающих требованиям используемого теоретического универсума. Эпистемический индивид не содержит ни одной характеристики, которую нельзя было бы концептуализировать. Таким же образом можно провести различие между *агентом* (одним из основных понятий бурдьёвской концепции) и *индивидом* (понятием феноменологии и методологического индивидуализма). Агент определяется конечной совокупностью свойств, а индивид – это нечто «готовое», «всегда уже» данное.

В разработанной теории П. Бурдьё социальное пространство образуется целым рядом силовых полей (полей отношений или свойств) – политическим, социальным, культурным, символическим и т.д. Поле представляет собой определенный тип игры, в каждом поле существует своя логика или свои правила. При этом в каждом поле могут выделяться субполя, например, в поле культуры (в узком смысле), сосуществуют субполя морали, образования, религии и т.д.

4. Понятие «социокультурное» в социологии было введено П. Сорокиным. Структура социокультурного взаимодействия имеет, по его мнению, три аспекта, неотделимых друг от друга:

- 1) личность как субъект взаимодействия;
- 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами;
- 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [4, с. 214].

Различия между «социальным» и «культурным» он видит в том, что «социальный» означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как «культурный» – на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре).

В социогуманитарном знании выделяется несколько подходов к понятию «социокультурное»:

1. *Социальное и культурное как системно уравнивающие друг друга компоненты (Т. Парсонс).*

2. *Социальное и культурное как дуальные оппозиции (А. Ахиезер).*

3. *Социальное и культурное как диалектическое взаимодействие старого и нового*

Итак, рассмотрев различные концептуализации понятий «современное общество», «жизненные стратегии», «поведение», «социокультурное», мы пришли к выводу, что данные феномены тесным образом переплетаются в разрабатываемых социологических концепциях, однако единого теоретического, а тем более операционального определения так и не создано. В этой связи необходимо разработать теоретико-методологический аппарат, необходимый для изучения жизненных стратегий социокультурного поведения в современном белорусском обществе.

В рамках данной работы мы предлагаем собственное концептуальное определение понятия «жизненные стратегии социокультурного поведения» на базе следующих теоретико-методологических основаниях:

1. Культурсоциологический подход. В основе данной работы лежат теоретические положения, которые разрабатываются сегодня в рамках культур-социологического направления, основателем которого признан Дж. Александер [5, с. 27]. На фоне целого ряда подходов, разворачивающих социологическое рассуждение «о культуре», этот исследовательский проект выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической субдисциплины «социологии культуры».

Не вдаваясь подробно в историю и предпосылки возникновения данного дискурса в социальной теории (это предмет отдельной работы) отметим, что существуют принципиальные различия между традиционно понимаемой социологией культуры и культур-социологией. Главное отличие последней заключается в том, что культура уже не рассматривается как предмет специальной социологической теории (как это делается в социологии культуры), речь идет об изучении культуры на метатеоретическом уровне. Тем самым культур-социология претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного, социум понимается как «производный» от культуры.

2. Социоанализ П. Бурдьё. Для нашего анализа важными являются два основных тезиса социоанализа П. Бурдьё:

– Социальная реальность рассматривается как многомерное пространство, включающее различные поля (политическое, экономическое, социальное, культурное и т.д.) – социальная топология пространства

– Различие между *эмпирическим индивидом* (наблюдаемым в обыденном опыте) и *эпистемическим индивидом* (сконструированным исследователем в целях анализа).

3. Типологический подход к культуре (Абушенко В.Л.). Следуя культур-социологической методологии социолог В.Л. Абушенко выделяет несколько основных концептуализаций феномена «культура» в современном социогуманитарном знании [6]. Среди выделенных автором 10 перспектив концептуализации феномена «культура» фокус нашего внимания сосредоточен на аксиологическом и деятельностном понимании феномена «современная культура». Суть нашей концептуализации заключается в следующем: *в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения.* Не претендуя на универсальность, данный подход является одной из возможных концептуализаций культуры в конкретном научном проекте.

4. Современное общество конструируется нами как» общество потребления», которое является одним из форм макро- социокультурного поля и, соответственно, обладает силовым воздействием на «втянутых» в него индивидов. «Общество потребления» в нашем понимании представляет собой социокультурное поле, имеющее силовой характер по отношению к попавшим в его пределы индивидам. Основной ценностью является потребление, которое проявляется в различных жизненных ситуациях взаимодействия и закрепляется в повседневных моделях поведения [23, с. 28].

Итак, концепт «жизненные стратегии социокультурного поведения» в рамках представленных методологических основаниях базируется на следующих положениях:

1. Мы берем в основу веберовское представление о социальном действии и его осмысленности действующим субъектом, с одной стороны, с другой – используем метод построения «идеальных» типов стратегий поведения, отражающих не «объективную» реальность, а основные тенденции социума, в котором живут и действуют осмысливающие субъекты.

2. Мы концептуализируем социальное пространство в терминах П. Бурдьё, предполагая, что оно состоит из различных полей, в каждом из которых «играют» свои козыри в форме капиталов. Капиталы могут выступать в объективированной и инкорпорированной формах.

3. Каждое поле является в той или иной степени социокультурным.

4. Вслед за феноменологами мы предполагаем, что люди взаимодействуют в конкретных именно для них жизненных ситуациях, в которых они и делают свой выбор.

Жизненные стратегии социокультурного поведения в современном обществе потребления представляют собой *«чистые» (идеальные) типы стратегий поведения «агентов», имеющих различные капиталы и делающих свой выбор в жизненных ситуациях конкретного поля, являющегося в той или иной степени социокультурным.* Иными словами стратегии поведения формируются и проявляются в жизненных ситуациях в различных полях – экономическом, политическом и др., каждое из которых является в той или иной степени социокультурным.

Литература:

1. Бодрийар, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийар // Пер. с франц. Е. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 272 с.
2. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё: Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288с.
3. Резник, Т.Е. Жизненные стратегии личности / Т.Е. Резник, Ю.М. Резник // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 100–105.
4. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Александер, Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры / Дж. Александер // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 17–37.
6. Абушенко, В.Л. Типологический подход к исследованию культуры в культур-социологии / В.Л. Абушенко // Социологический альманах. – № 3. – С. 124–140.

Веренич Мария Ивановна, научный сотрудник Центра стратегических европейских исследований и межкультурного сотрудничества, Институт философии НАН Беларуси, г. Минск

МИНИМАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В СТРУКТУРЕ ИНДИКАТОРОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Категория «качество жизни» является сегодня важнейшей оценочной категорией отражающей состояние и уровень развития социально-культурной, экономической, политической сферы, уровня благосостояния как отдельной личности так и общества в целом. Будучи интегральной социально-экономической категорией, качество жизни представляет собой результат агрегированного воздействия объективных компонент, отражающих состояние и уровень развития. Повышение качества жизни населения признается одной из приоритетных задач социально-экономического развития страны на современном этапе.

Следует отметить, что при всей актуальности, данная категория имеет множество определений и методов оценки. В научной литературе чаще всего используются три подхода к оценке качества жизни: объективный, субъективный и комплексный. Объективный подход - определяет качество жизни на основании системы показателей, характеризующих объективные условия жизнедеятельности людей (уровень безработицы, загрязнение окружающей среды, преступность, и т.д.). Субъективный подход - базируется

на результатах эмпирических исследований, опросах, отражающих мнения и суждения людей об удовлетворенности различными сторонами жизни. Как отмечает Б.Л. Токарский «Если уровень жизни характеризует реализацию нужд членов общества в благах, то качество жизни – степень удовлетворения потребностей с достижением того определенного личностно-психологического состояния, без адекватной оценки которого невозможно судить о реальном состоянии удовлетворения потребностей людей».

Комплексный или синтетический подход - включает данные объективного и субъективного подходов. Таким образом, качество жизни человека и общества охватывает три сферы: удовлетворение потребностей человека (трудовых, социальных, культурных и др.); условия жизни (природная и социально-культурная среда); виды деятельности (трудовая деятельность, формы быта, организация и вид досуга и др.) и является показателем, который характеризует уровень экономического развития общества с ориентацией на потребности населения.

Без учета социально-культурной компоненты, которая входит во все вышеперечисленные сферы не представляется возможным оценить качество жизни современного человека и общества, выработать индикаторы его измерения. О качестве жизни стали говорить в середине 60-х годов прошлого столетия в контексте дискуссий о формировании постиндустриального общества. Так по мнению Инглгарда, - «именно из-за достижения высоких уровней экономической безопасности население стран, первыми осуществивших индустриализацию, постепенно стало делать упор на постматериальных ценностях, отдавая более высокий приоритет качеству жизни, чем экономическому росту» [2]. В современном обществе существенно изменились представления о ресурсах развития, все большее внимание уделяется «экономике символического обмена», значение приобретают образовательные, культурные ресурсы [3].

Так об удовлетворенности качеством жизни населения РБ свидетельствуют не только внутренние качественные и количественные исследования, но и то что согласно последнему опубликованному Докладу о человеческом развитии, подготовленному Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Республика Беларусь улучшила свою позицию в международном рейтинге по индексу человеческого развития и заняла 50-е место среди 187 стран. Сам Индекс человеческого развития (ИЧР) – интегрированный показатель, используемый для межстрановых сопоставлений и ежегодно рассчитывается ПРООН на основе таких компонентов человеческого развития как ожидаемая продолжительность жизни при рождении; средняя и ожидаемая продолжительность обучения; валовый национальный доход на душу населения. По докладу о человеческом развитии 2013 года, по значению ИЧР Республика Беларусь, как и ранее, относится к странам с высоким уровнем человеческого развития: в 2012 году ИЧР составил 0,793, в 2011 году – 0,756, в 2010 году – 0,732 (Доклад о человеческом развитии 2013, 2012, 2011). Увеличение значения индекса человеческого развития и, как следствие, улучшение позиции Беларуси в международном рейтинге стран, было вызвано ростом значений трех из четырех компонентов ИЧР: ожидаемой продолжительности жизни при рождении (с 70,3 лет до 70,6 лет), средней продолжительности обучения (с 9,3 лет до 11,5 лет), ожидаемой продолжительности обучения (с 14,6 лет до 14,7 лет). Что касается четвертого компонента ИЧР, то в рейтинге стран по ВНД на душу населения Беларусь занимает 61 место.

Считаем, что эти компоненты обеспечены в том числе и уровнем развития сферы культуры в РБ. Деятельность в сфере культуры является содержанием культурной политики. Культурная политика представляет собой координацию и регулирование всей деятельности в сфере культуры, связанной с сохранением историко-культурного наследия, обеспечением равного для всех доступа к культуре, поддержкой всех видов искусства и творчества. Государство реализует культурную политику путем оказания финансовой административной, юридической поддержки как на общереспубликанском уровне так и на местах. При всей очевидности влияния культурных факторов на качество жизни, роль

культуры зачастую определяется второстепенной, о чем свидетельствует в том числе и уровень финансирования сферы культуры. Но, как подчеркивает известный теоретик социокультурного проектирования, Чарлз Лэндри культура важна сама по себе, она «элемент несущей конструкции обществ». Также в работе «Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке», им отмечается, что включенность человека в культурную жизнь, наличие благоприятных условий для проявления его творческих способностей, доступ к культурным ценностям и информации, свобода мысли и выражения своего мнения, возможность приобретения человеком культурных благ, способность институтов культуры общества предоставлять культурные блага своим гражданам являются важнейшими характеристиками культурного измерения качества жизни [4].

Индикаторы качества жизни, обеспечиваемые предоставлением культурных услуг зависят от качества работы и доступности учреждений культуры. Это важнейшие показатели уровня развития места, локуса и формируют качество жизни населения.

Важно предусматривать единые нормативы социальных стандартов по обслуживанию населения в том числе и в сфере культуры для обеспечения равного доступа и прав граждан как к социальным так и к культурным услугам, культурной жизни общества.

Так в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь, от 30 мая 2003 года №724 «О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики», в качестве минимального социального стандарта в области культуры был утвержден норматив бюджетной обеспеченности расходов в расчете на 1 человека в размере 1,5 базовой величины, в том числе 1,3 – за счет бюджетного финансирования, 0,2 – за счет оказания платных услуг.

Установление социальных стандартов позволяет обеспечить минимальный перечень услуг в области культуры, а также сохранить сеть библиотек, клубов и домов культуры, домов ремесел и фольклора, музеев и киновидеопредприятий, расширять перечень и увеличивать объемы предоставляемых населению услуг, проводить работу по совершенствованию форм и методов культурного обслуживания населения, поиску новых форм и методов работы [2].

Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 18 октября 2013 г. № 103 утверждены размеры минимальных потребительских бюджетов для разных социально-демографических групп в среднем на душу населения и на одного члена семьи разного состава в средних ценах сентября 2013 года. Так на период с 1 ноября 2013 г. по 31 января 2014 г. потребительский бюджет семьи из 4-х человек составляет 1.659.400 рублей. А структура среднедушевого минимального потребительского бюджета семьи из 4-х человек в ценах сентября 2013 г. по статьям расходов предусматривает: 1,5 % - на культурно-просветительные мероприятия и отдых, при 54,1 % - на продукты питания, и –22,0 % на одежду, белье, обувь; 5,3 % на бытовые услуги, транспорт, связь.

Это конечно ничтожно малые суммы, которые не покрывают удовлетворения культурных потребностей каждого члена семьи, но позволяют сохранить существующую инфраструктуру культуры в РБ. Так, если в соответствии с решением коллегии Министерства труда Республики Беларусь №12 от 22 октября 1998 года, в Положении по расчету минимальных потребительских бюджетов для различных социально-демографических групп населения, согл. п.2.7, «расходы на культурно-просветительные мероприятия и отдых предусматривали необходимые на данном социально-экономическом уровне развития республики потребности населения в услугах культуры и включали расходы на посещение зрелищных мероприятий в: кинотеатрах, видеосалонах, театрах, концертах и цирке, а базовая величина расходов была определена с учетом сложившихся в республике средних фактических цен на билеты и фактическое посещение культурно-просветительных заведений населением», то аналогичное Постановление

Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 146 от 14.12.2009 «Об утверждении состава потребительских корзин и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства труда Республики Беларусь, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь», статья Культурно-просветительские мероприятия и отдых, предусматривает, что «Объем годового потребления по данной позиции *определяется исходя из фактических расходов населения по статистическим данным*», что говорит о динамике в развитии отрасли и разных уровнях реализации культурных потребностей различными социально-демографическими группами.

Итак, система государственных социальных стандартов в сфере культуры – инструмент, который в наибольшей степени должен ориентировать белорусскую культуру как на формирование культурных потребностей так и на их удовлетворение для конкретных людей. Конечно же для этого необходимо не только финансовое обеспечение соблюдения минимальных стандартов, но и создание условий для организации новых форм культурно-досуговой деятельности населения, внедрение инновационных механизмов финансирования, в том числе путем нормативно-законодательной поддержки деятельности спонсоров, меценатов, благотворителей.

На наш взгляд, для преодоления существующих проблем и создания предпосылок для дальнейшего развития социально-культурной сферы на современном этапе необходимо совмещение сметного и нормативного финансирования учреждений культуры. Введение такого вида финансирования позволит оптимизировать ресурсы отрасли культуры, позволит внедрить новые менее затратные формы организации социально-культурных мероприятий, расширит возможности реализации творческого потенциала личности и увеличения доступности культурных услуг.

Литература:

1. Токарский Б.Л., Токарская Н. М. Определение взаимосвязи качества жизни с уровнем жизни населения // Известия Иркутской государственной экономической академии / 2011, №4, с. 200-204
2. Инглхарт. Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества// Политические исследования, 1997г. №4. с. 90-91
3. Пахтер М., Лэндри Ч. Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке. М., 2005.С. 43-44
4. Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии 1993, № 1/2.

Смыкова Евгения Юрьевна, магистр социологических наук, младший научный сотрудник сектора культурных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ В БЕЛАРУСИ

Современное общество под влиянием трансформационных процессов все чаще учеными-гуманитариями отождествляется с «цивилизацией досуга». И это происходит не случайно, поскольку с одной стороны досуг рассматривается как самостоятельная ценность, с другой – все больше дистанцируется от трудовой сферы. На сегодняшний день досуг не только отражает реалии характерные для социума в целом, но тем или иным способом оказывает влияние на повседневную жизнь. Досуг в современном понимании несмотря на его различное проявление в различных социальных группах, рассматривается как досуг нового типа, то есть в данном случае как способ конструирования собственной идентичности, включенный в стиль потребления индивида.

В повседневной жизни реализация досуговых практик осуществляется в поведенческих стратегиях, принимающих форму в виде посещения учреждений культуры, спорта, занятия хобби и т.д. Как правило, изучение досуговых практик ограничивается лишь замером форм, целей проведения досуга, оставляя без должного внимания

поведенческие практики. В данном случае включение поведенческого индикатора позволило не просто проследить предпочтения касательно выбора формы проведения досуга, но и замерить реальные стратегии поведения, через которые реализуются досуговые практики респондентов. Так согласно данным эмпирического замера¹, в основном предпочтения белорусы отдают отдыху дома, походам в гости, выезду на природу, занятием хобби (в порядке убывания). Достаточно высока доля тех, кто проводит досуг в Интернете (38,6%), причем по сравнению с предыдущим годом данный показатель увеличился на 17,4%. Около одной пятой части опрошенных стремятся в свободное время посетить учреждения культуры и спорта. В меньшей мере респонденты проявляют интерес к самообразованию (14,1%) и участию в мероприятиях, проводимых общественными или политическими движениями/организациями (7,4%).

Особое место в данном вопросе занимает структура целевых установок при выборе досуговых практик, поскольку последнее оказывает влияние на характер его проведения. В целом, цели респондентов в большей мере сводятся к улучшению здоровья и поддержанию хорошей физической формы. Возможность отдохнуть (ничего не делать/развлечься), равно как получить новые знания, расширить кругозор оказались в числе актуальных характеристик при выборе досуговых практик. Чуть в меньшей мере респонденты стремятся через досуговую деятельность приобщиться к искусству и принести пользу обществу. Посещение учреждений культуры занимает шестое место в структуре досуговых практик – данную позицию отметили 26,2% от числа всех опрошенных. В целях более детального изучения данных социологического исследования зафиксированы статистически значимые различия посетителей культурных учреждений в зависимости от социально-демографических характеристик.

Так, обнаружено, что женщины в большей мере предпочитают «культурно» проводить свободное время в отличие от представителей мужского пола. Учет возрастных различий позволил зафиксировать следующую тенденцию: по мере увеличения возраста респондента сокращается количество опрошенных, ориентированных на посещение учреждений данного типа. Причем их средний возраст зафиксирован на уровне 37 лет, в то время как тем, кто не посещает около 46 лет. Основную долю «любителей» культурных учреждений составляют респонденты со средним специальным и высшим образованием, 1/5 часть – закончила общеобразовательные учреждения².

Помимо половозрастных и образовательных различий прослеживается тесная связь с типом населенного пункта и регионом проживания респондента. Согласно результатам исследования, данной форме проведения досуга в большей мере отдают предпочтение городские жители в отличие от сельчан (14,5%). Что касается региона проживания, то лидирующие позиции занимает г. Минск. Одним из важных компонентов культурно-досугового поля, определяющего частоту походов в учреждения культуры, выступает наличие/отсутствие социально-досуговой группы. В целях корректного представления и интерпретации полученных данных рассчитывались порядковые индексы³. В итоге зафиксировано, что именно ближайшее окружение, а в большей мере семья, чаще всего выступает в качестве социально-досуговой группы. Оставшиеся показатели распределились следующим образом (по мере убывания):

1. с семьей – 3,27
2. с любимым человеком – 2,81

¹ В данных тезисах представлены результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси на тему: «Белорусская национальная идентичность: изменения в условиях интеграционных процессов и трансграничных миграций».

² В данном случае были сформированы следующие образовательные группы: начальное, среднее неполное; общее среднее; профессионально-техническое; среднее специальное; высшее/незаконченное высшее, два и более высших образования, магистратура/аспирантура/ординатура, ученая степень – высшее образование.

³ В данном случае рассчитан индекс контрастности, значения которого находятся в диапазоне от 1 до 4, где 1 – менее важно, а 4 – очень важно.

3. с друзьями – 2,69
4. с другими родственниками – 2,26
5. с коллегами – 1,78
6. в одиночестве – 1,53.

В институциональном плане досуговые практики закрепляются за определенными учреждениями культуры и спорта. Используя табличные данные можно четко проследить уровень востребованности представленных заведений среди респондентов (табл.).

Таблица. Посещение учреждений культуры и спорта, %

Учреждения культуры, спорта	Процент
Парк отдыха	65,2
Кинотеатр	47,1
Концертный зал	44,4
Театр	41,2
Музей	40,1
Спортивный зал	38,4
Библиотека	36,8
Клуб по интересам	18,6

Данные проведенного исследования свидетельствуют о том, что две трети опрошенных предпочитают проводить досуг в парках отдыха/парках с аттракционами. Чуть ниже доля тех, кто при ответе на поставленный вопрос выбрал кинотеатр (47,1%), концертный зал (44,4%), театр (41,2%) и музей (40,1%). Спортивный зал и библиотеки, в качестве актуальных мест для досуга отметили 38,4% и 36,8% соответственно. В числе менее популярных оказались клубы, где проходят занятия по интересам.

Таким образом, на основе проведенного анализа социологических данных были получены следующие результаты:

1. Структуру досуговых практик в основном составляют такие категории как отдых дома, походы в гости, выезд на природу, занятие хобби. Наиболее важным при выборе досуга, по мнению респондентов, является возможность улучшить здоровье и поддержать хорошую физическую форму. К числу часто посещаемых учреждений культуры и спорта следует отнести парки отдыха/парки с аттракционами, кинотеатры и концертные залы.

2. Четвертая часть респондентов в качестве основной формы проведения досуга рассматривает посещение культурных учреждений. Социально-демографический портрет их выглядит следующим образом: представительницы женского пола, молодой возрастной когорты, уровень образования – среднее специальное и высшее. Наибольший интерес к данному типу учреждений проявляется со стороны горожан, а также жителей столицы. В качестве социально-досуговой группы выступает ближайшее окружение (семья, любимый человек, друзья, другие родственники).

Сосновская Наталья Александровна, младший научный сотрудник сектора культурных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНЦЕПЦИЯ «ПРОИЗВОДСТВО КУЛЬТУРЫ» КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В современной социологии искусства не существует устоявшейся позиции относительно подходов и принципов изучения явлений искусства. В полной мере это относится к социологии музыки. Длительное время на советском и постсоветском

пространстве социологический подход к изучению музыки выражался в статистическом анализе музыкальных предпочтений. Расширение информационного пространства, изменение идеологических установок, цифровая революция привели к переосмыслению теоретических подходов.

По мнению ряда ученых, обращающихся к рассмотрению музыкально-социологической проблематики (Дамберг С.В., Семенов В.Е., Николаев В.И., Чепурова К.И.), музыкальная культура включается в структуру социального пространства посредством практик ее потребления. Дискурс потребления, является одним из ведущих в социологическом анализе музыкальной культуры. Наиболее последовательно он представлен в концепции «производства культуры», где потребление рассматривается в неразрывной связи с процессом производства.

Сторонники данной концепции сосредотачиваются, прежде всего, на изучении социальных условий производства произведения искусства. Методологическим основанием, обуславливающим данное направление исследований, является допущение о том, что произведение искусства представляет собой символическую систему, которая формируется, распространяется, оценивается и сохраняется социальными организациями. То есть произведение искусства можно рассматривать как продукт совместной деятельности многих людей. Тем самым допускается социологическое изучение искусства, позволяющее исследователю обойти его эстетическую составляющую. Данная трактовка предполагает акцентирование внимания на трудовой деятельности и решение ряда проблем социального взаимодействия.

Творческое произведение рассматривается как «продукт», который подвержен влиянию множества факторов как экономического, так и социального характера. К ним относятся законодательство, технологии производства, структура производства, организационные структуры, особенности рынка и его влияние. Личности творца отводится роль работника, исполняющего свои функции в рамках индустрии. При проведении эмпирических исследований в данном направлении используются преимущественно методы организационной и экономической социологии.

Данный подход правомерен для изучения всех творческих направлений: живописи, литературы, музыки. Для создания произведения как минимум необходимы автор, исполнитель, продюсер, звукорежиссер, благодаря чему возможно ее рассмотрение как символической структуры, созданной внутри определенной социальной организации [1]. Потребление «культурных продуктов», в рамках рассматриваемой концепции, не имеет своей специфики и носит те же закономерности, что и потребление продуктов и др.

Метафора производства предполагает существование двух взаимодополняющих процессов: производства и потребления. В рамках данной концепции разработана модель «культурного алмаза», способствующая изучению конкретного направления искусства. Углы «алмаза» представлены оппозициями: искусство – общество; производители – потребители. Исследование одной из граней неразрывно связано с исследованием других. В центре схемы находится *распространение*, понимаемое как ключевой элемент, опосредующий связи между потребителями и производителями культуры и обществом в целом.

В России данный подход получил известность благодаря работам Фархатдинова Н. [2] и Автономова Ю. [3].

В обзорной работе Фархатдинова Н. освещаются базовые концептуальные позиции, связанные с именами Р. Петерсона и Г. Беккера, внесшими в разработку данного теоретического направления наибольший вклад.

Р. Петерсон считается основоположником направления. Им предложено обоснование подхода и разработаны основные теоретические позиции.

Взгляды Г. Беккера близки позиции Р. Петерсона. Он сосредотачивается на процессе создания произведения искусства. Для социологического анализа Г. Беккер предлагает использовать понятие «мир искусства», под которым понимает «людей и

организации, производящих события и объекты, которые сам мир искусства определяет как искусство». Ключевым в его концепции является подход к рассмотрению создания произведения искусства, как к процессу коллективного действия. «К конкретному объекту искусства причастны все, кто участвует в создании, представлении и восприятии этого объекта» [2]. Ученый не отрицает значение «художественного дара», необходимого для создания истинного произведения искусства. Но только в комплексе с коммерческими, производственными и другими не менее важными для создания произведения факторами. Ключевой категорией анализа является произведение. Именно оно предстает как итог объединенных усилий. Объектом социологического анализа по Беккеру является весь процесс созидания от замысла до его воплощения и представления.

Говоря о концепции «производства культуры», необходимо упомянуть о ряде критических замечаний, направленных в ее адрес. Прежде всего, это «потеря» предмета исследования. Широко изучаются производственные и экономические особенности искусства. Значительное место принадлежит исследованиям, посвященным изучению спроса и цены на предметы искусства. Внимание обращается на социальный смысл конечного продукта, системе отношений между творческими работниками и вспомогательным персоналом. Эстетическая сторона, то, что составляет суть феномена искусства, старательно игнорируется. Поэтому произведения анализируются, как и остальные предметы потребления. Также отсутствует дифференцированный подход к различным видам искусства. Литература, музыка, живопись изучаются сходным образом. В целом подход «производства культуры» к произведению как предмету потребления согласуется с общефилософским осмыслением массовой культуры.

В последнее время подход «производства культуры» получил практическое преломление в виде исследования «культурных индустрий», «творческих индустрий», «креативных индустрий». Теоретический анализ «культурных индустрий» был предпринят А.Я. Флиером [4]. Культурные индустрии в понимании автора подразумевают широкую трактовку культуры, которая включает как художественное производство, так и производство «общества как культурного явления». Флиер предлагает определение культурных индустрий, в котором учитываются их главные отличительные признаки: массовость и стандартизированность. Культурные индустрии – это «системная совокупность культурных практик, осуществляемых не в новационно-поисковом (творческом) режиме, а по стандартам, реализующим наиболее актуальные в имеющихся условиях технологии социального производства и параметры создаваемых при этом продуктов». Культурные индустрии обеспечивают массовое распространение типовых культурных образцов отвечающих общепризнанной идеологии в соответствующих стандартных формах и по стандартным технологиям [4]. Наряду с культурными индустриями ученый выделяет культурное творчество – производство эксклюзивной, оригинальной, новационной продукции. Культурное творчество и культурные индустрии выполняют разные социальные функции. Творчество служит целям социальной дифференциации – обеспечением потребителей эксклюзивной продукцией. Индустрии отвечают целям «интеграции и стабилизации социальных аутсайдеров и обеспечивают их потребительской продукцией определяющей и стимулирующей стандартные формы их социальной адекватности и культурной лояльности».

В отличие от «культурных индустрий», «творческие» и «креативные» индустрии сосредотачиваются именно на художественном *производстве*, осуществляемом методами массового тиражирования [5]. «Творческим индустриям» отводится роль одного из экономических направлений, реализующим инновационный и творческий потенциал региона. В их основе лежит индивидуальное творчество, талант, который при сотрудничестве с менеджерами и опорой на современные технологии способен приносить прибыль и создавать дополнительные рабочие места.

Творческие индустрии способствуют созданию действительно нового явления для современной городской жизни и для формирования творческой экономики - творческих

кластеров. Творческий кластер предполагает объединение нескольких предприятий, фирм, мастерских, офисов, объединенных в общем пространстве и занятых в секторе творческих индустрий. В кластере возникает общая, специфичная, открытая творческая среда для коммуникации и сотрудничества, формируются новые сети взаимоотношений, на основе которых происходит обмен идеями. Главной чертой творческих кластеров является общая атмосфера творчества и бизнеса, способствующая производству творческого продукта. Основное отличие творческих индустрий – их ориентация на прибыль и создание рыночных продуктов. На данный момент становление в России творческих индустрий расценивается как перспективное направление социально-экономического развития.

Литература:

1. Мукерджи, Ч. Новый взгляд на поп-культуру / Ч. Мукерджи, М. Шадсон // Sociologists Warehouse [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/articles/mukerji_schudson_01.htm. – Дата доступа: 12.07.2013.
2. Фархатдинов, Н. Социология искусства без искусства. Индустриальная метафора в социологических исследованиях искусства / Н. Фархатдинов // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 3. – С. 55–69.
3. Автономов, Ю.В. Эмпирические исследования спроса на культурные блага: исполнительское искусство и объекты культурного наследия / Ю.В. Автономов. – М.: Институт экономики РАН, 2011. – 57с.
4. Флиер А.Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии / Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / № 3 2012 http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ доступ 26.02.2013
5. Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии. Теории и практики. Е.Зеленцова, Н.Гладких Издательство: Классика-XXI, 2010. – 240с

Бородачева Елена Михайловна, заведующая сектором математической обработки и анализа социологической информации, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Зразикова Вера Михайловна, младший научный сотрудник сектора математической обработки и анализа социологической информации, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ БЕЛОРУСОВ

Проблематика бедности и богатства является наиболее распространенной в классическом и современном социально-гуманитарном знании. Существует множество определений данного феномена. Так, в энциклопедических словарях «бедность» понимается как скудость и противопоставляется богатству как обилию чего-либо. В широком смысле говорят о бедности природы, языка, права, культуры, нравственных и других проявлений жизни человека, социальных групп и общества в целом. В более узком смысле «бедность» определяется как характеристика экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определённый круг минимальных потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода. Бедность является относительным понятием и зависит от общего стандарта уровня жизни в данном обществе.

Проблема бедности является междисциплинарной проблемой. Она в течение длительного времени находится в центре внимания экономистов, социологов, политиков и т.д. В данной работе авторский исследовательский интерес сфокусирован на социальных представлениях о богатстве и бедности в общественном сознании жителей Беларуси.

Понятие «*социальные представления*» ввел С.Московичи в начале 60-х годов. Под социальными представлениями он понимал «систему ценностей, идей и практик, предназначенную для того, чтобы ориентировать индивидов в социальном и материальном мирах, а также для облегчения интрагрупповых коммуникаций между индивидами». Или другими словами сеть понятий, утверждений и объяснений,

рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. В отличие от коллективного представления Э. Дюркгейма, «социальное представление» является динамическим образованием, появляющееся и функционирующее в современном обществе, которое характеризуется гетерогенностью позиций, социальной мобильностью, распространением научных знания и новых форм коммуникации. Если в формировании коллективных представлений первична реальность, то в формировании социальных представлений первичен коммуникативный процесс.

Социальное представление выполняет три основные функции:

- 1) оно является инструментом познания социального мира;
- 2) оно есть способ опосредования поведения – способствует направлению коммуникации в группе, обозначению ценностей, регулирующих поведение;
- 3) оно является средством адаптации совершающихся событий к уже имеющимся, т.е. способствует сохранению сложившейся картины мира.

Изучение особенностей конструирования социальных представлений о богатстве и бедности в условиях общественных изменений является актуальным, так как позволяет на социально-психологическом уровне реконструировать картину социального расслоения, существующую в обыденном сознании населения.

В качестве факторов, влияющих на формирование социальных представлений о богатстве и бедности, можно выделить существующие в обществе социокультурные и нравственные традиции, а также сложившиеся экономические представления.

Экономические представления должны изучаться в рамках единого процесса формирования социальной идентичности личности. Как составная ее часть эта категория выражает осознание человеком своей принадлежности к конкретной социальной общности, определяемой экономическими признаками.

Рисунок 1. Схема социальных представлений о богатстве и бедности

В свою очередь экономические представления тесно связаны с социокультурными и нравственными традициями. Они основываются на сложившихся в менталитете народа представлениях о богатстве и бедности, закреплённых в обыденном сознании, пословицах, поговорках и анекдотах. Эти представления чаще всего нравственно окрашены («с трудов праведных не построишь палат каменных»). Поэтому экономические представления всегда предполагают некий нравственный аспект переживания своей принадлежности группе собственников (необязательно осознаваемый личностью), который тесно связан с проявлениями чувства социальной справедливости. В этой связи в данной работе предпринята попытка изучить и обосновать «культурные» основания социальных представлений о богатстве и бедности.

Для этого, нами была предпринята попытка оценить личные качества, присущие «богатым» и «бедным» группам в современном обществе. С этой целью респондентам¹ было предложено оценить десять личностных характеристик «богатых» и «бедных» по 10-бальной шкале (1 – максимальная степень отрицательной характеристики, 10 – максимальная степень положительной характеристики²). Были предложены следующие характеристики:

злость – доброта
жадность – щедрость
черствость – отзывчивость
пассивность – инициативность
лень – трудолюбие
неуважение к закону – законопослушность
низкий уровень образования – образованность
непорядочность – порядочность
низкий уровень квалификации – профессионализм
безразличие к семье – патриотизм.

Как видно из таблицы 1, в представлении белорусского общества богатый человек – это злой, жадный, черствый, не уважающий закон человек, но при этом он инициативный, трудолюбивый, образованный, с высоким уровнем квалификации. Портрет бедного человека более позитивный – он добрый, щедрый, отзывчивый, трудолюбивый, законопослушный, порядочный, патриот своей страны. Оценки же таких качеств, как инициативность, образованность и профессионализм находятся на нейтральном уровне.

Таблица 1. Средние значения оценок личностных характеристик богатого и бедного человека в представлении белорусов

	Злость – Доброта	Жадность – Щедрость	Черствость – Отзывчивость	Пассивность – Инициативность	Лень – Трудолюбие	Неуважение к закону – Законопослушность	Низкий уровень образования – Образованность	Непорядочность – Порядочность	Низкий уровень квалификации – Профессионализм	Безразличие к судьбе своей страны – Патриотизм
Богатый	4,64	4,26	4,46	6,13	6,18	4,81	6,35	5,17	6,39	5,05
Бедный	6,24	6,37	6,61	5,54	6,24	6,46	5,47	6,27	5,58	6,12

С помощью факторного анализа были выделены 3 латентный фактора оценки личностных характеристик человека³:

1) моральные качества («злость – доброта», «жадность – щедрость», «черствость – отзывчивость»);

¹ В исследовании, проведенном Институтом социологии НАН Беларуси в августе 2012 г., использовалась республиканская многоступенчатая стратифицированная маршрутная выборка с проверкой квот по полу, возрасту и образованию. Объем выборочной совокупности – 2106 респондентов. Максимальная погрешность составила $\pm 2,1\%$ для республики, $\pm 2,5\%$ для городских жителей и $\pm 4,2\%$ для сельских.

² 10-бальная шкала была выбрана неслучайно – для данной шкалы отсутствует нейтральная позиция. Что вынуждает респондента определиться с полярностью оцениваемой характеристики. Так выбор от 1 до 5 баллов свидетельствует об отрицательной оценке характеристики, от 6 до 10 – положительной.

³ Коэффициент КМО = 0,843, уровень значимости критерия сферичности Бартлетта < 0,001, объясняющая дисперсия = 74,8%.

2) инструментальные ценности («пассивность – инициативность», «лень – трудолюбие», «низкий уровень образования – образованность», «низкий уровень квалификации – профессионализм»);

3) социальные качества («неуважение к закону – законопослушность», «непорядочность – порядочность», «безразличие к судьбе своей страны – патриотизм»).

При сравнительном анализе портретов бедного и богатого человека были выявлены следующие статистические различия¹: по всем личностным характеристикам, описывающим моральные и социальные качества, портрет бедного человека выглядит более позитивно, чем портрет богатого человека; по трем из четырех характеристик, входящих в инструментальные ценности (кроме «пассивность – инициативность») более высокие баллы были поставлены богатому человеку.

На рисунках 2 и 3 представлены профили личностных характеристик «богатых» и «бедных» в представлении городских и сельских жителей.

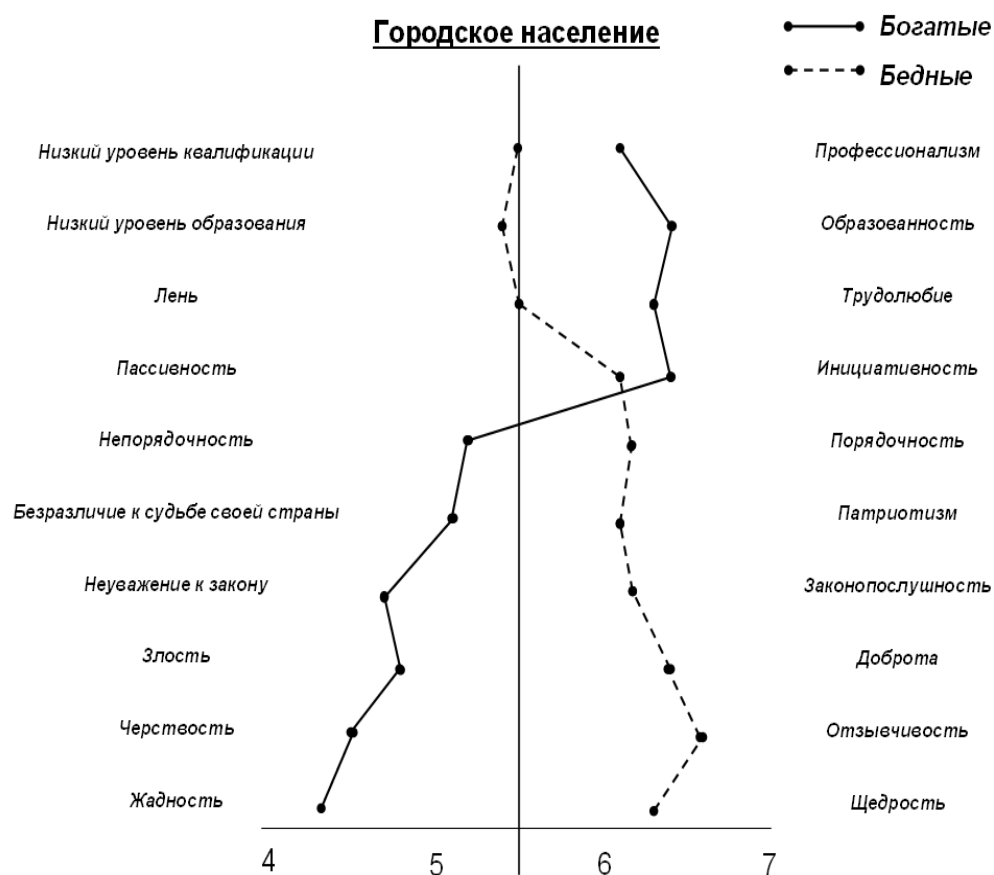

Рисунок 2. Профиль личностных характеристик «богатых» и «бедных» в представлении городских жителей

¹ Использовался непараметрический критерий Вилкоксона. По всем шкалам (кроме «пассивность – инициативность») уровень значимости $p < 0,001$.

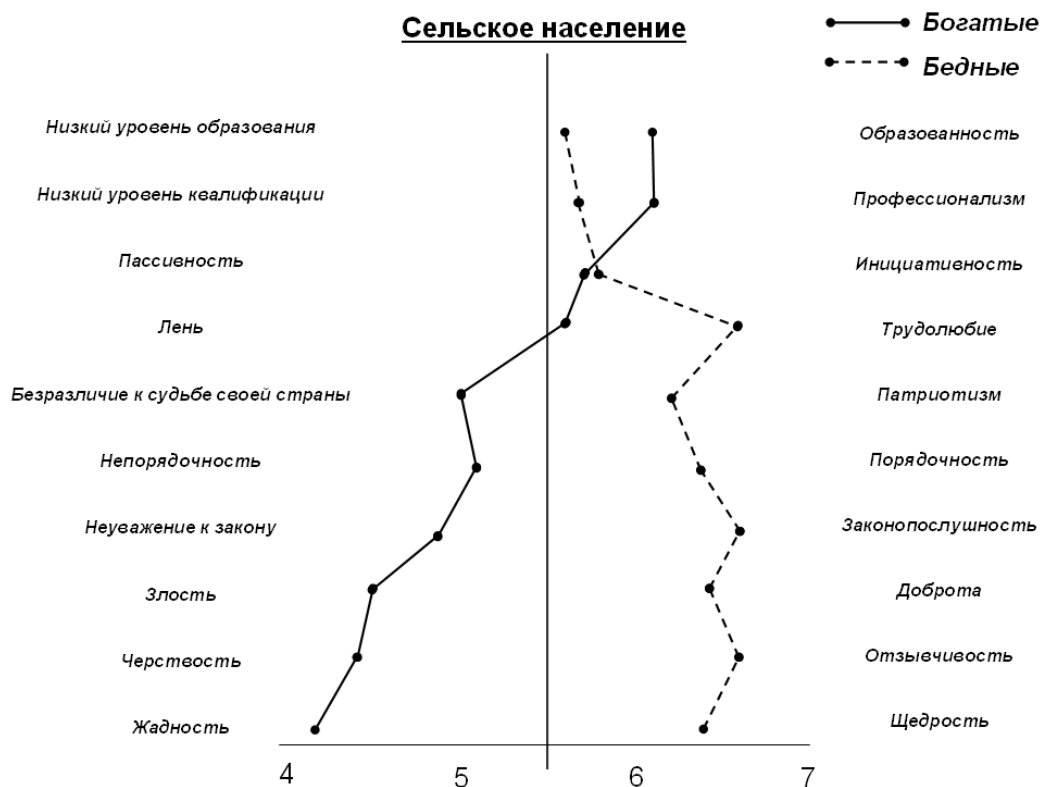

Рисунок 3. Профиль личностных характеристик «богатых» и «бедных» в представлении сельских жителей

При сравнительном анализе портретов, сформированных на основе оценок городских и сельских жителей, были выявлены следующие различия в восприятии богатых и бедных людей¹:

1) при описании богатого человека городские жители дают более высокие оценки по сравнению с сельскими жителями по шкалам «пассивность – инициативность» ($p < 0,001$), «лень – трудолюбие» ($p < 0,001$), «низкий уровень квалификации – профессионализм» ($p < 0,001$) и «низкий уровень образования – образованность» ($p \leq 0,003$);

2) при описании бедного человека сельские жители дают более высокие оценки по сравнению с городскими жителями по шкалам «злость – доброта» ($p \leq 0,028$), «пассивность – инициативность» ($p < 0,003$), «лень – трудолюбие» ($p < 0,001$) и «непорядочность – порядочность» ($p \leq 0,025$).

Таким образом, городской житель более позитивно описывает богатого человека, сельский – бедного. Причем, если для горожанина более трудолюбивым и инициативным является богатый, то для сельского жителя (по этим же характеристикам) – бедный человек. Так же, легко заметить, что при описании богатого человека городские жители более высоко оценивают инструментальные ценности (профессионализм и образованность), а сельские при описании бедного человека – моральные и социальные качества (доброту и порядочность).

Если на полученный результат взглянуть с точки зрения теории социальной идентичности Теджфела Тернера, которая прямо постулирует, что для поддержания самооценки люди склонны видеть членов своих собственных (и сходных с ними) социальных групп в позитивном, а членов аутгруппы – в негативном свете, то можно сделать следующие выводы по результатам проведенного исследования и анализа: до сих пор сельские жители мыслят категориями бедности, то есть для них более свойственно

¹ Использовался непараметрический критерий Манна-Уитни.

поведение бедного человека; для городского жителя символ «богача» как отрицательный образ человека, достигшего обеспеченной жизни нечестным путем, уходит в прошлое. Представления о возможности достижения материального достатка за счет образованности, высокого профессионализма активно выходят на первое место.

Абушенко Владимир Леонидович, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ

1. Формирование и развитие социальных наук связано с изменением глубинных оснований понимания характера научной рациональности, идеалов и норм науки, дисциплинарной организации научного познания, что существенно влияет на изменение научной картины мира, трансформируя «реальность», которую традиционно «изучали» социальные науки.

Адекватные концептуальные и аналитические средства для описания кардинальных трансформаций социального знания предоставляет различие в современной эпистемологии классического, неклассического (включая неоклассическое) и постнеклассического (по)знания (и, соответственно, разных типов научной рациональности, предлагающих различные образцы знания). Приемлемая исходная версия для такого различия была достаточно доказательно разработана в работах В.С. Степина (что не значит отсутствия иных разработок в этой области).

При этом, однако, следует учитывать, что степинская схема была выработана на материале анализа естественнонаучного знания (хотя в своих последних работах В.С. Степин стал активно использовать и материал социальных и гуманитарных наук). Тем не менее адекватность наложения этой схемы на социологическое (социальное) (по)знание по сути специально не обсуждалась (что не мешает ее использованию), а применительно к эпистемологической оценке теперешнего социологического проекта (проектов) практически не применялась.

Не имея здесь возможности, да и необходимости вдаваться в обсуждение всех критериев различия названных типов научного знания, как и их самих, остановимся лишь на некоторых ключевых моментах.

В концептуальной схеме Степина акцент сделан на том, что современная (постнеклассическая) наука имеет дело со сложными и открытыми самоорганизующимися системами. С точки зрения социального знания здесь нет ничего принципиально нового – оно исходно имело дело уже в своей «классике» с допускающими именно такое распознавания предметностями. Иное дело, что социологические дискурсы классического и неоклассического типов слабо и недостаточно это артикулировали.

Для социологии (и социального знания в целом) значительно большим эвристическим потенциалом обладает другое принципиальное положение рассматриваемой концептуализации. Речь идет о прослеживаемом Степиным движении от объекта «самого по себе» (результат познания соответствует «действительности», как она есть «на самом деле») через признание влияния субъекта на объект (признания зависимости результата от инструмента измерения) к тезе о включенности субъекта в познавательную систему (что всегда ведет к таймированности и локализованности – контекстности – получаемого результата).

Следует признать, что осознание и принятие этих исходно латентно присутствовавших в дискурсах социальных наук допущений применительно и к своим теоретическим построениям давалось исследователям «социальной реальности»

достаточно трудно и весьма «растянулось» во времени. Тем не менее современная социология, например, достаточно много и всесторонне говорит об условиях своего собственного (вос)производства, о необходимости «объективации субъекта объективации», «наблюдении за наблюдающим» и т.д.

Соответствующая реконструкция по крайней мере социологического знания позволяет обнаружить все нарастающий в теоретических дискурсах переход от «обнаруживаемых» натуральных объектов в качестве предмета научного интереса к полаганию предмета через схватывание «сопротивляющегося» материала посредством оформления его средствами вырабатываемой понятийно-категориальной сетки и языка (языков) описания материала. Социальное переинтерпретируется как социокультурное, укорененное в структурах повседневного мира. Часть социальных теоретиков идет еще дальше, рассматривая «реальность» сквозь призму связи (ре)презентирующих ее концептов, данных в (не)соотносимых друг с другом дискурсах, как символическую и/или текстовую реальность, наделяя социальное статусом квазиреальности, конструируемой и конституируемой в ходе развертывания управленческих, но прежде всего познавательных практик.

Если к сказанному добавить еще тезис об отказе современной науки от представления об абсолютной познавательной способности, в существовании которой не сомневалось классическое знание, а частично и уверенности в том, что можно найти и «обустроить» избранные/выделенные/премущественные и т.п. точки наблюдения, свойственной знанию неклассическому, то вполне обосновано говорить по крайней мере об утрате доверия к привычным онтологическим картинам и гносеологическим установкам. Происходит «реальная» релятивизация «точек наблюдения», среди которых остается место и для позиции, сохраняющей приверженность «трансцендентальному означаемому», однако она не может больше некритически приниматься как универалистская (внеконтекстная) и определяться как доминирующая (скорее происходит ее оттеснение на периферию социологического мейнстрима, а соответственно – и ее маргинализация).

2. Для понимания «претензий» и возможностей субъекта познания принципиально важно исходить из признания контекстности и/или контекстуальности современного социального знания. Таковым оно было всегда, хотя неоклассический его образец (идеал) по-прежнему утверждает обратное. Любые универалистского типа концептуальные схемы имеют значимые для их дисциплинарной судьбы контуры порождения и применения.

Контексты порождения почти всегда латентны и проявляются, рефлексивно отделяясь от теоретического ядра концептуальной схемы как правило лишь пост фактум, когда попытки применить заимствованное «универсальное» знание приводят не к тем или к не совсем тем результатам, которые ожидалось.

Сказанное вполне возможно адекватно «прописать» в рамках концептуальных и аналитических средств, выработанных при различении классической, неклассической (включая неоклассическую) и постнеклассической рациональности. Представляется, однако, оправданным введение дополнительного ракурса рассмотрения затронутой проблемы.

Понятийно термин «контекст» в доминирующих в настоящее время дискурсах принято связывать с термином «текст». В данном же случае больший интерес представляет переинтерпретация иной его концептуализации, связанной с различением интернализма и экстернализма при понимании природы научного знания.

Интерналистская трактовка связана с таким направлением исследований, как «история идей», в котором анализировалась логика своеобразного самопорождающего развития различных (прежде всего научных) представлений о мире, по отношению к которым совокупность исторических социокультурных обстоятельств, в которых эти представления сформировались, рассматривалась как «внешняя» и несущественная.

Обстоятельства такого рода трактовались как имеющие только косвенное значение для возникшей идеи и то лишь постольку, поскольку они определили контекст, в котором творил автор, ту или иную идею высказавший, а тем самым повлияли (через со-бытия биографии автора) на ее появление «здесь-и-сейчас» (только в этой перспективе идеи и имеют контекстность). Экстерналистская перспектива утверждает нечто прямо противоположное (во всяком случае – в предельных версиях) интернализму – социокультурные исторические контексты (контекстность, контекстуальность) играют решающую роль в появлении той или иной идеи (в этом аспекте биография автора в значительной степени лишь «проговаривает» их).

Если уйти от крайностей обоих обозначенных выше направлений и попытаться отразить рассматриваемую проблематику с позиции методологических установок социологии знания, анализирующую внутреннюю логику развертывания знания в терминах исторического социокультурного порождения самой этой логики, то обнаруживается, что универсализированное понятие контекста может быть рассмотрено как ключевое для понимания порождаемых в обстоятельствах (интерьерах) тех или иных эпох, социумов и культур текстов и дискурсов, что, в свою очередь, позволяет понять так или иначе связанные с этими текстами и дискурсами субъектные идентификации.

Контекст в данном случае относится тогда не к тексту, а к порождающим его стратегиям мышления, и в качестве такового он приобретает многомерность и качество трудно определимости своего содержания, так как каждый раз встает вопрос: «А о чем, собственно, идет речь в данном конкретном случае?» При этом традиционно актуализируемое отношение текст-контекст (в котором последний трактуется как квазизнаковый феномен, придающий дополнительные значения тексту) оказывается не более, чем одним из возможных, а само это отношение может быть переинтерпретировано в свете двойственной нагрузки, которую понятие контекста начинает нести в рамках анализа рассматриваемой проблематики.

С одной стороны, понятие контекста позволяет фиксировать экспрессивно-семантическую целостность текста – смысл и значения которого для каждого контекстуального прочтения оказываются аддитивными по отношению к смыслу и значениям суммы составляющих его единиц. Помещение же этого текста «внутри» некоей текстовой целостности и/или рассмотрение его «на фоне» такой целостности порождает его дополнительную (супер)аддитивность. Постструктуралистские версии анализа как раз и смещают интерес к эффектам супераддитивности. В них текст сопряжен прежде всего не с автором-субъектом (и контекстами порождения), а с читателем, с его опытом и смыслами, относимыми к контекстам прочтения. Контекст прочтения вытесняет контекст порождения, моделируя совершенно иную ситуацию (интерьер) для «не здесь и не сейчас» созданного текста (а самое главное – стоящих за ним ментальностей и/или мыслительных стратегий).

При этом сам этот текст выступает по отношению к «читающему» его одновременно и как репрессирующий его, так как он с необходимостью должен быть усвоен (например, через систему образования) как непревзойденный образец (канон), и как объект желания, так как только обязательное усвоение этого нерелефлексивного в своих основаниях образца есть необходимое условие современности уровня мышления. Тем самым текст ставит принадлежащего ему и стремящегося вырваться за его пределы (границы) «читателя» в ситуацию зависимости-подчиненности и неразрешимой двойственности, так как он принадлежит: 1) контексту, который квалифицируется «из центра» (контекста порождения) и во многом воспринимается самим «читателем» как несуществующий или стремящийся к небытию (и в этом аспекте «пустой»), так как подлинность и полнота бытия принадлежат (по определению) только «центру»; 2) контексту, который является основным, а зачастую и единственным для «читателя» (как в силу того, что не каждый обязан бывать и бывал в «центре», так и в силу того, что «центр» вводит ограничения на попадание в себя каких-либо категорий «читателей»)

«местом пребывания» (бытия «тут»); и в этом отношении «воспринимающий» контекст более чем реален и со-бытийно заполнен.

В своем втором контекстуальном измерении навязываемо-желаемый текст (прежде всего то, что вычитывается за ним) так или иначе порождает «сопротивление», обращает к рефлексии контекста, с одной стороны, а с другой – вызывает к жизни новые, вычитываемые из канона смыслы.

В этом аспекте рассмотрения нашей проблематики предлагается далее понимать под контекстом организованную совокупность тех со-бытий, которые порождают новые смыслы и значения, которые вкладываются в некий универсальный (взятый из «центра», канонический) текст и принципиально противопоставляются в нем тем, которые, будучи внесены в этот текст обстоятельствами (интерьером) его порождения, остались, как правило, неотрефлексированными в этом качестве «центром», но выявлены, распознаны как таковые и изменены (или даже заменены) благодаря иной со-бытийности «мест пребывания» условно периферийного (т.е. не находящегося в «месте и обстоятельствах» продуцирования текста) читателя (особенно при занятии последним прагматической позиции при усвоении этого текста).

С другой стороны, переинтерпретация традиционного понимания контекста призвана акцентировать его де-конструирующую (разрушающую) роль по отношению к универсальности, но, по сути, к центрированности, текста. Обнаруживая свою зависимость от контекста, текст начинает свидетельствовать о своей инвариантно-вариативной (с акцентом на вариативности) природе. Становится очевидным, что он содержит в себе смыслы и значения, привнесенные в него контекстами его порождения, которые оказались «утопленными» и неотрефлексированными в нем, но которые сразу же обнаруживаются при попадании текста в децентрирующий его инокультурный (не связанный с «центром») контекст (для которого смыслы и значения распознаются как «чужие» и/или «чуждые»). Последний стремится заменить неприемлемые для него смыслы и значения своими собственными, что ведет к существенным трансформациям исходного текста. Можно, наверное, говорить даже о том, что мы начинаем иметь дело с существенно иным в ряде его измерений текстом. Соответственно и рассмотрение «претензий» и возможностей познающего субъекта вводится в деятельностно-институциональные интерьеры его соответствующих контекстов.

3. Не менее важно для понимания характера современного социального знания рассмотрение и контура его «практического» употребления, включающего параметры функциональной нагруженности, «целевого» назначения, востребованности, «ангажированности», включенности в коиниуникационно-дискурсивное пространство, «результативности», «эффективности» и т.д., т.е. постулирования его принципиально «прикладной» природы.

Этот круг вопросов актуализирует проблематику легитимации и санкционирования научного знания, его институционального и «внутреннего» дисциплинарного устройства. Весьма показательно, что в профессиональных текстах все чаще употребляется понятие «дискурс», и все меньше – «дисциплина». Это связано и с идущими параллельно процессами размыванием дисциплинарных демаркационных границ (а тем самым и замкнутых предметных областей исследований), которые становятся весьма подвижными и условными, и с развитием сначала междисциплинарности, а теперь и трансдисциплинарной подходности.

Показательна в рассматриваемом контексте одна из недавно прошедших дискуссий о месте социологии (шире – социального знания) в современном обществе, инспирированная М.Буравым, но имеющая, несомненно, более глубокие корни. За «поверхностью» и в этой дискуссии скрывается «глубина»: фоном и/или латентно, кроме непосредственно обсуждаемого, присутствует три пласта проблем, принципиально затрагивающих социальные основания социологического (социального) знания, еще

глубже – соотношение «социологического» и «социального» («знаниевого» и «практического»).

Речь идет, во-первых, о наличии «социального заказа» на определенный род знания в конкретном обществе, характере этого «заказа» и способах его институционального оформления и легитимизации. Во-вторых, о соотношении аксиологической нейтральности / отнесенности к ценности (включенности в некую целостность более широкого, чем знание, порядка) / так или иначе понимаемой принципиальной ангажированности социального знания. В-третьих, о контурах, стратегиях и техниках употребления (научного/социального) знания, т.е. о его прагматическом (праксеологическом) аспекте.

При этом самим Бутовым традиционно понимаемая «прикладизация» знания признается вполне легитимированной версией оформления социологического знания, имеющей законное право на существование. Речь в разных, но взаимосвязанных между собой аспектах, может идти в данном случае об инженерной (и технологически-манипулятивной) составляющей «прикладизации», консьюмеризме и менеджерализации социологии (и не только социологии). К сожалению, это сложившееся в неоклассике представление о прагматике (праксеологии) социального знания остается в постсоветском пространстве доминирующим и репрезентировано в ожиданиях потенциальных «заказчиков» и «потребителей» его результатов.

Не большой интерес в интересующем нас аспекте представляет собой и легитимизированное традиционное «академическое» знание (рецепция идеалов «классики»), на которое потенциально есть общественный «заказ» и соответствующие ожидания его возможного воплощения в «техниках», но обеспечение развития которого становится весьма накладным для стран с неразвитыми технологическими укладами в силу чего и предлагаются многочисленные варианты реформирования его организационно-институциональных форм по выше обозначенному образцу «прикладизации». (Если вдуматься, то оказывается, что реформаторы от науки предлагают преобразовывать «классику» средствами «неоклассики».)

В качестве же прорывных направлений в современной социологии в ходе дискуссии рассматривались прежде всего ее критическая и (особенно) публичная формы востребованности, за которыми стоит иное понимание «социального заказа» на знание, перевод инженерно-манипулятивных стратегий его применения в социогуманитарные технологии, изменение понимания самой сути прикладного аспекта социального знания (через замену «прикладизации» понимаемыми сквозь призму постнеклассики праксеологией и соответствующей прагматикой).

Если и дальше погружаться в «глубину», то обнаруживается, наконец, «базовый» слой – открытость «социологического» «социальному». Этот круг проблем достаточно адекватно поставили и обсуждали социологи, так или иначе связанные с феноменологическим подходом, – однако феноменологическая социология никогда не принадлежала к дисциплинарному мейнстриму (к тому же, как представляется, ее уроки до сих пор в достаточной мере не усвоены). В настоящее время наиболее развернуто эта проблематика (ре)презентируется в работах исследователей, опознаваемых сквозь призму «умеренного» социального конструктивизма, а вот он (как представляется) вполне вписывается в современные тенденции развития социального знания.

Не вдаваясь далее в обоснование и развертывание предложенной тезы, следует обратить внимание на то, что в ней содержится весьма недвусмысленное утверждение о соотношенности и взаимозависимости внутри целостности культуры контуров человекоразмерности, социальности и знания, а соответственно – о том, что знание, с которым каждый раз имеют дело социальные акторы, всегда подчинено (институционализированным) способам соединения действия и знака, допускаемым культурным социокodem, и несет отпечаток той феноменологически конкретной культуры, в которой оно было непосредственно (вос)произведено и/или в которой оно выводится в контур употребления.

Этот круг идей оказывается вполне резонансным представлениям о природе постнеклассической рациональности, развиваемым В.С. Степиным. В зрелый период своего творчества Степин перешел от анализа научных картин мира, как организующих и определяющих на «высших этажах» дисциплинарную организацию научного знания, к критическому анализу генерирования самих этих научных картин мира в определенных социокультурных условиях, а далее – к обоснованию тезиса о науке как об определенной сложно организованной социально-познавательной практике, а тем самым в пределе – к пониманию науки и ее результатов, т.е. знания, как определенного культурного продукта. Постнеклассическая рациональность, согласно Степину, учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая экспликацию внутринаучных ценностей и их соотнесение с социальными целями и ценностями, т.е. речь в данном случае идет, фактически, о признании неизбежной открытости «знаниевого» и «социального» в рамках определенных культурных целостностей. Дальнейшее развитие этой «темы» усиливает и ранее присутствовавшее в социологии внимание к перформативным характеристикам социального знания, что приводит к совершенно иному, чем «прикладизация», пониманию его праксеологии и прагматики.

В качестве итогового вывода предложенного выше рассмотрения может быть предложен следующий, вполне отражающий авторскую позицию. Из имеющихся сегодня в распоряжении социологов концептуальных средств, наибольшими возможностями для критической рефлексии кардинальных изменений в социальном (социологическом) знании обладает, как представляется, именно культур-социологический разворот темы, вполне позволяющий прописать взаимоотношения между эпистемологическими установками исследователей (познающих субъектов) и теми онтологическими «картинами социальной реальности», которые они полагают в качестве предмета своего анализа.

Ширко Оксана Анатольевна, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ПРАВОСЛАВИЯ КАК МЕЖЛУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Идея восточно-христианского союза как единого механизма православного сотрудничества уже на протяжении нескольких столетий призывала к сохранению православной культуры и православной идентичности, а важным фактором реализации всеобщей идейной парадигмы являлось укрепление политического сотрудничества стран восточно-христианской духовной традиции. Данные цели были отражены в опыте православного сотрудничества в новейшей исторической практике: создание Всемирного совета церквей в 20-40-х годах XX столетия. Предпосылкой создания Межпарламентской ассамблеи православия (МАП) послужил тот факт, что процесс расширения деятельности Всемирного совета церквей столкнулся с проблемой образования единого центра, главной задачей которого является восстановление единства христианского мира. Всемирный совет церквей не смог стать международным органом, выразителем восточнохристианской духовной традиции. В конкретном случае требовалось решить вопрос активизации межцерковного общения и усиления политических мер в деле защиты духовных ценностей. Это послужило основным поводом в развитии идеи образования межгосударственного православного политического объединения, способного решить поставленные вопросы. Создание в 1993 году Европейской межпарламентской комиссии православия предопределило основополагающую цель в поддержании роли православной культуры как объединяющей силы в Восточной Европе на современном этапе. Год спустя

Европейская межпарламентская комиссия православия была преобразована в Европейскую Межпарламентскую Ассамблею православия.

Началом Европейской Межпарламентской Ассамблеи Православия принято считать 3 июля 1993 года, когда в Греции, в городе Ормилия в Халкидики собралась инициативная конференция православных парламентариев европейских стран. Своих делегатов на эту конференцию направили парламенты Беларуси, Болгарии, Грузии, Кипра, Латвии, Литвы, Молдавии, России, Румынии, Словакии, Украины, Эстонии и Югославии. Главным достижением данного собрания явилось документальное оформление намерений православных депутатов создать Европейскую межпарламентскую комиссию православия (ЕМКП). Были выработаны цели ЕМКП, определены время и место проведения Учредительной конференции.

ЕМАП – это светская, политическая, парламентская организация. До ее организации в мире не существовало структур, которые отстаивали на законодательной основе конфессиональные интересы. На то, что организаторы ЕМАП избрали именно парламентскую форму организации сторонников православия, имеется несколько причин. Прежде всего, парламент – это не только законодательный, но и представительный орган власти, а парламентаризм – это основа всей демократической деятельности. Это определяет высокий уровень участия народных избранников в православном движении, отстаивающем важную роль и значение православной традиции в процессах современной европейской интеграции и направляющем дальнейшее развитие православного сообщества.

Во-вторых, многие проблемы можно решить прежде всего законодательным путем, так как парламент представляет определенный коридор деятельности исполнительной власти и другим структурам.

В-третьих, идея создания православной организации парламентариев принадлежит Греции – родине парламентаризма и демократии, что стало ярким знаковым фактором для многих других государств, продемонстрировало открытый и миротворческий характер нового православного движения.

В-четвертых, все парламенты, как правило, избираются на несколько лет, что является залогом стабильности деятельности этой организации, фактором долговременной и целенаправленной работы в ней депутатов.

В-пятых, только вместе православные люди, объединенные единой православной идеей, способны противостоять нашествию агрессивных сил извне, разрушающих православные храмы, оскверняющих православные святыни, как было, например, на Кипре или в Косово.

ЕМАП создавалась как специфическая депутатская политическая организация, находящаяся в тесном контакте с руководством восточноевропейских стран и поместных православных церквей, учитывающая их стремление к поиску общих путей решения имеющихся проблем. Ее учредителями были парламенты Армении, Беларуси, Болгарии, Греции, Грузии, Кипра, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, России, Румынии, Словакии, Югославии, Украины, Финляндии и Эстонии. Впервые членом высшего органа ЕМАП – Секретариата в 1996 году был избран представитель Республики Беларусь, председатель Постоянной комиссии по правам человека, национальным вопросам, средствам массовой информации, связям с общественными объединениями и религиозными организациями Верховного Совета Республики Беларусь XIII созыва, доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии социальных наук Игорь Котляров. Он тогда же возглавил Комиссию ЕМАП по правам человека. С тех пор Республика Беларусь играет важную роль в данной организации. По ее инициативе обсуждались многие важные и нужные для православия вопросы. Среди них – развитие православного образования в Европе, осуждение бомбардировок Сербии самолетами НАТО и т.д. В Минске состоялось выездное заседание Секретариата ЕМАП. Его членов принимал Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко. В настоящее время роль МАП в

международной жизни постоянно возрастает. Это заслуга и парламентской организации, и православия в целом.

Литература:

1. Котляров, И.В. Беларусь и православие в современных условиях / И.В. Котляров // Материалы 10-й конференции Межпарламентской Ассамблеи православия. – Афины. – МАП. – 2004. – С.87-93 (рус.), – С.67-72 (греч.)
2. Котляров, И.В. Евроинтеграция, православие, Беларусь / И.В. Котляров // Документы и материалы Международных конференций в Париже (2011 г.) и Требинье (2012 г.) / под редак. В.А. Алексеева – М.: МФЕПН – МАП, 2013. – С. 282-292
3. Котляров, И.В. Православие и парламентская демократия / И.В. Котляров // Проблемы управления. – 2006. – №3. – С. 25-30.
4. Котляров, И.В. Традиционные ценности и демократические ценности в белорусском обществе: социологический анализ /И.В. Котляров // Документы и материалы Международных конференций в Праге (2012 г.) и Варне (2013 г.) / под общ. редакцией В.А. Алексеева – М.: МФЕПН – МАП, 2013. – С. 324-335

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Русецкая Ванда Ивановна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Социальная сущность человека задается системой взаимосвязей, определяемых ценностями культуры. Особенности социокультурной идентификации определяет та социальная среда, в которой личность существует, особенности национальной культуры, традиций, географическое расположение этноса, множество других факторов, как социально – экономических, так и религиозных, национальных, нравственных. П.А. Сорокин под «социокультурным» понимал все то, что «люди получают от других людей благодаря непрерывающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей» [1, с. 17]. В качестве «надорганических ценностей» имеются в виду язык, религия, искусство, наука, этика, и т.п. Проблемы взаимодействия общества как социокультурной реальности и личности как субъекта, действующего в этой реальности, показывают, что основными показателями, выражающими современное содержание социокультурной идентификации являются семейно-ролевые, этнические, гражданские, поколенческие, стратификационно-статусные и политические ценностные установки. Человек принадлежит не только к определенной социальной группе, но к соответствующему социальному окружению, к определенной нормативно-ценностной системе и определенному социальному времени.

Социокультурная идентичность выражается в процессе самоотождествления индивида с какими-либо идеями, ценностями, социальными группами и культурами. Этот процесс связан со многими видами идентичности: этнической, поколенческой, групповой, профессиональной, поскольку в итоге позволяет личности осознать свою социально-ценностную и эмоционально-психологическую значимость как члена определенной общности. Важным основанием определения социокультурной идентичности является географическое положение и языковая палитра белорусов. Также одним из важнейших факторов, определяющих социокультурную идентичность, является межпоколенческая трансляция социокультурных ценностей и традиций. Некоторые исследователи называют этот процесс межпоколенческой идентификацией.

Следует отметить, что белорусский язык вследствие исторического и географического положения белорусской нации на пограничье различных славянских культур, несет в себе значительное количество заимствований из польского и русского языков. Кроме того, владение белорусским языком не является одним из основных условий причисления белорусами себя к белорусскому этносу. Несомненно, это определяет особенности социокультурного развития белорусов, которые выражаются в культурном, религиозном, психологическом взаимодействии различных социокультурных образцов.

В мониторинговых исследованиях, ежегодно проводимых Институтом социологии НАН Беларуси наряду с вопросами, касающимися различных сторон социально – экономического и социального положения жителей республики изучаются вопросы существования и распространения языков, на которых говорят жители Беларуси, их национальной идентификации. Свою национальность респонденты определили следующим образом: к белорусам себя отнесли 83,9%, к русским – 8,2%, к полякам – 4,5%, к иным – 2,0%. Полученные социологические данные соответствуют данным статистики. В ответах на вопросы, на каком языке белорусы разговаривают дома с

родными, с близкими друзьями, с соседями, с земляками, с коллегами по работе, с незнакомыми людьми в общественных местах были получены следующие данные. Дома, с друзьями, с соседями, земляками и даже с коллегами по работе респонденты общаются в основном на русском языке (60-66%), с незнакомыми людьми также, только процент уже возрастает почти до 72. Чуть более трети опрошенных дома, с друзьями, соседями и земляками общаются на «местном» языке (т.е. на смеси русского, белорусского и польского). С коллегами по работе и с незнакомыми людьми на местном языке общается несколько меньше людей – от 22,4 до 29%. Литературный белорусский язык имеет очень небольшой ареал распространения (от 1,6% до 3,6%). «Местным», то есть смесью белорусского, русского и польского языков пользуется от 22,4% до 32,2% в зависимости от сферы общения.

В исследовании, проведенном в июне 2013 г. Институтом социологии НАН Беларуси при поддержке БРФФИ (Договор №Г12Р – 007 от 15.04.2012 г.) по общереспубликанской выборке были выявлены факторы, в наибольшей степени объединяющие жителей Беларуси. Это, прежде всего, значимость культуры, традиций, которые оцениваются населением выше, чем национальность, патриотизм, общая история, религия, менталитет, язык. Фактором, наиболее объединяющим жителей Беларуси, названо гражданство, свидетельствующее о факте принадлежности человека к той или иной социальной общности - государству. Исследования белорусского ученого Л. И. Науменко, которой среди наиболее значимых факторов белорусской идентичности выделены гражданская принадлежность, любовь к Беларуси, знание и уважение белорусской культуры, также свидетельствуют, что знание и использование белорусского языка, как идентифицирующий фактор отмечают менее 9% опрошенных. Исследование российских ученых, проводимое в рамках указанного договора, показывает, что факторы социокультурной идентификации россиян близки белорусам, однако несколько отличаются.

Значимость родного языка как идентифицирующего фактора, у россиян значительно выше. Она, по данным исследования, располагается на первом месте, следующую позицию, как и у белорусов, занимает «культура и традиции», далее «менталитет», «национальность», «патриотизм», «общая история» и только на седьмой позиции – «гражданство». Россияне, как и белорусы, патриоты своей страны, гражданство же не является столь важным идентификационным моментом в современной России. Однако следует отметить, что феномен общей культуры и традиций, объединяющих людей, и у белорусов и у россиян занимает одно из ведущих мест в их идентификационной структуре. Наиболее значимым фактором, объединяющим белорусов и россиян, является, как свидетельствует наше исследование, общая история. Историческое прошлое как объединяющий фактор, отметили более половины белорусов и россиян. Как следствие этого, значимым объединяющим моментом названы культурные традиции, обычаи, обряды.

Важным обстоятельством, определяющим особенности социокультурной идентичности белорусов, является система традиций народа, которая непременно включает в себя обряды и обычаи, отражающие представления о мире, связанные с календарным годом, местом проживания и способами организации быта (хозяйства, кухни, костюма и т.п.). В условиях существования на перекрестке нескольких близких славянских культур Беларусь испытывает культурное влияние традиций не только белорусского этноса, но также других – русского, польского, украинского. Это проявляется в традициях, обрядах и обычаях, определяющих характер взаимоотношений человека и социальной общности, обеспечивающих переходы индивида из одного социального качества в другое, формирующих те его качества, которые помогают успешно самоосуществляться, в условиях совместного существования способствуют взаимопроникновению, многообразию поведенческого проявления этих традиций и обрядов. Например, традиции костюма, кухни, религиозные праздники, обряды.

Трансляция традиционных ценностей из поколения в поколение всегда осуществлялась как посредством семейного воспитания, так и в процессе непосредственного строго регламентированного и расширяющегося с возрастом участия человека в обрядовой деятельности общины, результатом чего становилось формирование определенного типа ментальности и совокупности типических отношений к окружающей действительности и собственной жизнедеятельности. Так на вопрос о том, кто должен заботиться о духовно – нравственном развитии общества, 72,9% опрошенных ответили – семья; 47,5% – учреждения образования и культуры; 30,1% - церковь; 26% - органы государственной власти и управления; 21,1% - СМИ. Как видим, на семью возлагается основная ответственность о духовно – нравственном развитии общества. В регионах пограничья, в частности белорусско-польского, где более заметен плюрализм мнений, культур, традиций, новые поколения в меньшей степени, чем представители старших поколений, стремятся к сохранению традиционной культуры: «традиционалистское» влияние родителей особо сильно в польской среде, что более способствует сохранению национального жизненного уклада. Обращает на себя внимание тот факт, что более чем в четверти семей опрошенных поляков родители, сами соблюдая обычаи, уже не требуют этого от детей. Очевидно, и здесь возникла тенденция разрыва межпоколенческих этнических связей, которая в большей степени выражена в семьях белорусов и русских.

Цивилизационное развитие оказывает сильное воздействие на культуру: оно изменяет и подвергает девальвации традиции, устоявшиеся модели поведения и образы жизни. Культурное воздействие глобализации как феномена цивилизации проявляет себя «в распространении универсальных символов, образцов и способов потребления, независимо от специфики локальной культурной основы» [2, с. 11]. Это приводит к ослаблению регулирующей функции культуры: как совокупность значений и смыслов, как система ссылок и образцов культура утрачивает для индивида эту свою регулирующую роль. Ослабление влияния культуры является важнейшей особенностью современной культурной ситуации, которую характеризуют изменчивость, текучесть, бесформенность, и в которой одни нормы и ценности исчезают, а другие появляются. Множественность систем ценностей, подходов, типов культурного поведения, расширяя сферу социально и культурно значимого, порождает у человека экзистенциальное напряжение, обусловленное, прежде всего необходимостью совершения выбора, сознанием неопределенности и даже распадом «существующих форм социальной жизни, их некомплементарностью, а также необходимостью пребывания во все более расширяющемся поле неартикулированной реальности» [3, с. 28]. Трансформация политической, экономической, социальной, социокультурной реальности в контексте развития глобализационных процессов, неоднозначно воздействует на процессы формирования идентичности личности. С одной стороны расширяется социокультурное поле идентификации, появляются многообразные субкультурные образования, ускоряется социокультурная динамика, смена культурных образцов, с другой – наблюдаются процессы детрадиционализации, разрыва межпоколенческих связей, расширенного воспроизводства массовой культуры. Все это ставит перед исследователями множество вопросов, требующих серьезного научного анализа.

Литература:

1. Сорокин П. А. Структурная социология / Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Под. ред. А. Ю. Согомонова, М.: Политиздат, 2002
4. Мартинковский М. Здоровье и здоровый образ жизни в ценностных ориентациях молодежи. – Минск, 2003.
5. Korpowicz L. Osobowość i komunikacja w społeczeństwie transformacji. Warszawa, 1996. – С. 28.

Кислая Анна Александровна, кандидат философских наук, доцент, профессор Института социологии, психологии и социальных коммуникаций Национального педагогического университета им. М.Драгоманова, г. Киев

*ТРАДИЦИОННАЯ И МОДЕРНИСТСКАЯ КУЛЬТУРА В УКРАИНЕ:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ (опыт Крыма)*

Украинское государство имеет совершенно уникальный опыт интеграции традиционной и модернистской культур на уровне локального полиэтнического сообщества. Уникальность заключается в том, что в гомогенном культурном пространстве (славянском, православном) «десантируется» инокультура (мусульманская, субъект – крымские татары). Последняя не только имеет другие этнические границы (по Ф.Барту этничность это форма социальной организации культурных различий, где центральным «различителем» является граница, а не сама по себе содержащаяся в пределах границ культура) [1, с. 15], но и презентует другой уровень развития. И этот уровень не модернистский, а традиционный. «Десантирование» крымско-татарского этноса из азиатского социокультурного пространства с преобладающей традиционной культурой в европейский модернистский мир должно было, в соответствии со стратегией взаимодействия культур, аккультурацией, повлечь за собой социокультурные изменения, как в принимающей культуре, так и в прибывшей. Интеграция традиционной и модернистской культур в крымском сообществе отмечается, но «презентуется» асимметрично, то есть трансформируется большей частью традиционная культура крымско-татарского этноса. Чтобы объяснить этот феномен «моноинтеграции» или «моноаккультурации» (односторонней аккультурации), мы обратимся к анализу основных направлений социокультурных изменений жизнедеятельности крымско-татарского этноса. Но прежде отметим, что изучение интеграции традиционного социокультурного сообщества и модернистского имеет принципиальное значение для прогнозирования межэтнических отношений в поликультурном крымском социуме и, следовательно, для выработки стратегии этнополитики на основе анализа парадигмы мультикультурного взаимодействия.

Проблема интеграции традиционалистской и модернистской культур является предметом должного научного интереса исследователей. К этой теме обращались П. Бурдье (о роли культуры как активного начала, формирующего различия в социуме и идентификации) [2, с. 256], Ю. Хабермас (о культурном смысле модернизации) [3, с. 237], М. Хечтер, изучающий причины сохранения традиционализма в современном мире [4, с. 206]. Этой же теме посвящены эмпирические исследования российского социолога Л. Дробижевой о культурной дистанции [5, с. 142]. В равной мере все эти исследования могут являться теоретической базой для анализа социокультурной модернизации крымско-татарского этноса.

В социологической концептуализации традиционализм и модернизм принято рассматривать следующим образом. Традиционное общество это социальная организация, которой характерны низкий уровень разделения труда, неразвитое производство, низкий уровень урбанизации, большие семьи, авторитарная власть, иерархия, основанная не на достижениях, а на сословной или кастовой принадлежности, традиционные нормы и ценности. Отношения, которые характерны традиционной организации социума, коренятся в эмоциях, привязанностях, душевной склонности. Здесь главное органичность, конкретность отношений, их укорененность в традиции. Модернистская организация социума основывается на всеохватывающем разделении труда, высоком уровне производства и урбанизации. Большая семья заменяется нуклеарной, авторитарная власть трансформируется в демократическую. Иерархия общества выстраивается на основе «достижительных» статусов, обусловленных ценностными ориентациями и образовательным потенциалом. Преобладают рациональные нормы и ценности.

Направления модернистских изменений в социокультурной жизни крымско-татарского этноса, которые мы смогли отследить в результате анализа эмпирических материалов (данные участвующего наблюдения, неформализованного интервью, контент-анализа крымско-татарских газет) адекватны представленным выше характеристикам модернистской социальной организации.

Институциональные изменения. Субъекты крымско-татарского этноса, интегрируясь в украинский социум, оказываются в ситуации, когда институциональный статус и желание ему соответствовать делают невозможным исполнение традиционных общественных ролей, например принятие пожилыми высшего социального статуса молодежи и подчинение им.

Самоорганизационные изменения. Утрачиваются традиции, паттерны поведения в результате перехода этноса на иной уровень самоорганизации, который заказывает модернизм. Например, такая традиция как культ гостя утрачивается, крымские татары в неформальных интервью отмечают, что «теперь, чтобы зайти в гости надо заранее договариваться, потому что все теперь так заняты».

Изменение социальных функций. Происходит перераспределение социальных функций в группе, в основе чего лежит экзистенциальная причина: рыночная экономика и соответствующие отношения требуют мобильности, энергичности, способности к адаптации, и даже физической силы, потому что основная сфера предпринимательства, в которой заняты крымские татары, это реализация сельскохозяйственной продукции, торговля. Старшее поколение не выдерживает этих нагрузок, оно уступает дорогу молодым и функцию принятия решений, тоже уступает молодым. Также происходит утрата на фоне демократизации авторитарных отношений, культивируются совершенно новые для традиционного общества партнерские отношения или отношения, основанные на авторитете достижений.

Ценностные изменения. Наблюдается принятие новых ценностей: индивидуальная свобода, ценность успеха, ценности преуспевания и достижения, свобода выбора, замена «культа зрелости» на «культ молодости», ценность романтической любви и в связи этим утрачивается рациональный выбор супруга (браки по рекомендации) и уменьшается роль родителей в выборе супруга. Возникла совершенно недопустимая в этом этническом сообществе прежде ценность, гражданский брак, и рядом осознание своей сексуальности и свобода в ее проявлении.

Изменения интергенерационных отношений. Отмечается переход от строгой иерархии отношений между поколениями (вертикаль «старший – младший»), к партнерским отношениям. Молодая генерация этноса отстаивает право на собственную позицию, право на принятие решения, право на собственное автономное существование. Старшие все чаще отстраняются от принятия решения как на микроуровне (семья) так и на макро (этническое сообщество).

Трансформация паттернов поведения. Фиксируются изменения ежедневного поведения, что заметно в радикальной (по оценкам традиционной культуры) одежде: шорты у женщин, мини-юбки, яркая косметика. Интенсивность социализации (встречи парня и девушки без наречения, дискотеки в раннем возрасте) также изменяет принятые нормы в сообществе. Нарушаются коды общественного поведения: демонстрация индивидуальности, готовность быть оригинальным. Отмечается появившаяся установка у женщин на повышение самооценки и, как следствие, конфликт между ценностями семьи и карьеры. Повысился средний возраст вступления в брак, изменившиеся ожидания по отношению к браку – желание партнерства. Крымско-татарские ученые считают, что будет происходить ослабление позиции мужа и отца в семье, потому что мужчине очень тяжело сейчас выполнять основные функции, предписанные ему традиционным обществом, а именно: обязанность мужчины иметь (строить) жилье и основное содержание семьи.

Анализ социокультурных изменений позволяет, на наш взгляд, объяснить феномен «моноаккультурации» доминированием эволюционистской парадигмы развития традиционализма и как следствие тиражированием стереотипа восприятия дихотомии традиционализм – модернизм, в котором модернизм читается как цивилизованность, а традиционализм как архаичность. Последнее обстоятельство провоцирует в первую очередь крымско-татарскую молодежь и интеллектуальную часть этноса артикулировать и реализовывать стратегию «желания соответствия». Этот вывод, на первый взгляд, логично приводит нас к прогнозу о растворении крымско-татарской культуры в преобладающей региональной. Но мы не будем так однозначны в своем прогнозе и согласимся с Л. Иониным, что любое общество это сплав традиционных и современных элементов и поэтому крымские татары, пережив переходный период, «уже не традиционное, но еще не современное» [6, с. 42] общество, найдут путь рационального развития традиционных элементов своей культуры. И она сможет занять свою нишу и выполнять свою функцию в полиэтничном социуме.

Литература:

1. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organizations of Culture Differences. London. Universitets Forlaget. 1994. P. 11-32.
2. П. Бурдьё. Художественный вкус и культурный капитал. Электронный ресурс: sociologist.nm.ru/articles/burdieu_01.htm
3. Хабермас Ю. Культурный модерн и модернизация общества. Электронный ресурс: www.gumer.info/bogoslov.../Hab_Modern.php
4. Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. – М., 2000.
5. Арутюнян Ю., Дробизева Л., Сусоколов А. Этносоциология. – М., 1999.
6. Ионин Л. Социология культуры. – М., 1996.

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, заведующая Центром социологических исследований, ФГБОУ ВПО Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Модернизация предполагает изменения в различных сферах жизни общества, при этом последствия и темпы модернизации в разных областях социальной жизни различны. В каких бы сферах общества не происходили модернизационные изменения, они так или иначе затрагивают традиционные основания и принципы самоидентификации членов общества, порой радикально меняя их, что не может не сказаться на идентичности самого общества. Социальная идентичность находится в постоянном становлении и корректируется в соответствии с социальным контекстом, с другой стороны меняется и сам институциональный и культурный контекст. Как правило, глубина изменений, происходящих с социальной идентичностью, характеризует и глубину изменений, происходящих с обществом.

При этом идентичность может стать как ресурсом развития, так и существенным препятствием на пути модернизации. По мнению В.Г. Федотовой если рассматривать процесс модернизации как процесс создания новых институтов, отношений, ценностей и норм, то данный процесс обязательно требует определенного изменения идентичности людей [1, с. 91]. В некоторых случаях речь идет о кардинальной смене идентичности, но в действительности происходит расширение пространства идентичности, сосуществование

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Идентификационные риски в полиэтничном пространстве региона», поддержанного грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)

«новых» и «старых» ее форм. Как отмечают В.И. Пантин и И.С. Семененко: «процессы формирования новой, современной идентичности (современных идентичностей) сопровождаются поисками путей и методов органичного совмещения императивов модернизации с императивами сохранения основы культурной идентичности, определенной преемственности в культуре» [2, с. 40-41].

Для российского общества поиск своей идентичности совпал с поиском оптимальной модели модернизации. Модернизация, происходящая в России, имеет свои особенности: это и особая роль государства в проведении модернизации, и волнообразный характер, наложение антимодернизационных процессов на волны модернизации и т.п. При этом для большинства россиян до сих пор не понятно, что представляет собой модернизация [3]. Не ясен вопрос о том, какой социальный слой способен стать социальной базой российской модернизации. М.Ю. Горшков, опираясь на многочисленные эмпирические исследования, проведенные Институтом социологии РАН, считает, что люди, способные двинуть вперед процесс модернизации, «распылены» по разным социальным группам, им трудно консолидироваться. «Модернистский» тип сознания и системы ценностей демонстрируют две трети представителей среднего класса. Среди традиционалистов – социальные низы, почти полностью состоящие из пенсионеров и рабочих. Большинство же россиян относится к «промежуточной», колеблющейся группе [4]. То есть модернизационный потенциал российского общества размыт по широкому социальному спектру.

Российское общество все еще не определилось со своей ролью в мировой системе, обществом и государством в поиске своей идентичности конструируются новые институты, образы и символы. Отсутствие стабильных структур идентификации приводит к многофакторной дифференциации внутри российского общества, которая способствует распаду прежней модели идентификационной системы. Современная идентичность населения России представляет собой сложный и постоянно изменяющий свои контуры конгломерат, состоящий из новой российской, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной и других идентичностей.

Российское общество нуждается в переходе на новый этап модернизации, который подразумевает не только мобилизующую роль государства, но активность и самостоятельность гражданского общества, свободу индивидуальной инициативы, а это в свою очередь требует новой модели коллективной идентичности – общероссийской. Без общероссийской идентичности, преобладающей над всеми иными (этническими, религиозными, региональными и другими идентичностями) и более или менее гармонично взаимодействующей с ними, в стране невозможны ни гражданское общество, ни социальная солидарность, без которых в свою очередь невозможно осуществление полноценной модернизации.

Литература:

1. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация // Мегатренды мирового развития. М.: «Экономика», 2001.
2. Пантин В.И., Семененко И.С. Проблемы идентичности и российская модернизация // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М.: ИМЭМО РАН-М., 2004.
3. Модернизация в России // Сайт ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d111511> (дата обращения 01.10.2011).
4. Горшков М.Ю. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 28-41.

Миськевич Владимир Иосифович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск

Малыхина Галина Ивановна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Базовый интерес современного белорусского социума связан с построением суверенного государства и формированием нации, способной к самостоятельному историческому творчеству. Отечественная социальная и культурная динамика в исторической ретроспективе была обусловлена перманентными внешними вызовами, чаще всего несоизмеримыми по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского этноса. Эти обстоятельства в существенной мере деформировали процессы формирования синергичных структур и отношений в белорусском обществе, его самосознание.

Самосознание народа (т.е. осознание, узнавание им самого себя) иногда сводят к лишь его рациональным формам – социально-философским учениям, конкретно-научным теориям, идеологиям, правовым и политическим доктринам, эстетическим концепциям. Но подобно тому, как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить и об обществе по высшим формам его духовной культуры (К. Маркс). Существуют глубинные пласты неявного, невербального знания, связанные с чувствами, воображением, интуицией, бессознательным, верой. Например, знания об уместности проявления тех или иных чувств в различных жизненных ситуациях; знания о традициях и способах следования им; знание о Боге; коммуникативные знания; «знания» совести; интуитивные знания и т.п. Эти знания существуют в виде структурированных «коллективных представлений» (Э. Дюркгейм). Причем в разных обществах, социальных группах мозаика их различна. Следование им в соответствии с принятыми ожиданиями – необходимая предпосылка социальной солидарности и взаимопонимания между людьми. Следовательно, когда речь идет о сознании, надо понимать, что модальность образующих его знаний может быть очень разной. И только взятые в единстве, все формы знаний могут характеризовать этническое (национальное) самосознание. Стало быть, кроме интеллектуалов (и задолго до них) любой этнос создает (чаще всего стихийно-бессознательно, как результат ответов на вызовы среды) образ самого себя, выраженный в мифах, сказаниях, легендах, преданиях, песнях, коллективных представлениях и т.д. Особенность этого образа в том, что в нем сливаются воедино рациональные и чувственные, ценностные и поведенческие моменты. «Смотрясь» в него и «отражаясь» в нем, как в зеркале, человек самоидентифицирует себя, различает «своих» и «чужих». Этот слой (уровень) самосознания принято именовать ментальностью или менталитетом народа.

Менталитет – это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система взаимосвязанных рациональных образов человека и мира и внутренних, глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемая и функционирующая как под воздействием внешних условий, так и в процессах внутренней самоорганизации. Менталитет является относительно постоянной исторической величиной. И даже когда, по мере развития социума, появляются внутренне дифференцированные формы «высокой» культуры – философия, теология, наука, искусство и др., его своеобразие определяется глубинными структурами самосознания.

Общеизвестно, что центральную проблему белорусского менталитета составляет размытость, неочерченность этнического самосознания. Белорусы в своей массе знают

свой язык и культуру намного хуже, чем язык и культуру соседних этносов. А это значит, что они и не выступают в качестве маркеров национальной идентичности.

Феномен национального менталитета является «сквозной» проблемой, которая должна учитываться при разработке государственных программ модернизации (в том числе инновационного развития страны), структурной перестройке экономики, создании и «запуске» механизмов социальной самоорганизации, поддержке предпринимательства и бизнеса, практике обучения и воспитания, принятии управленческих решений и т.д. Ибо, в конечном счете, именно творческий потенциал народа, его воля к действиям как организующая и побуждающая сила определяет успешность и конкурентоспособность страны. Задача «субъективного фактора» (институтов управления) – обеспечить необходимые для этого условия: правовые, организационные, финансовые, административные. Но прежде необходимо знать, что собой представляет этот социальный ресурс, что от него можно ожидать, и какие возможные коррективы в него следует внести.

Модернизация когнитивного, аксиологического и социально-психологического содержания национального самосознания может быть эффективной в ситуации синергического взаимодействия трех факторов: целерациональной деятельности органов государственного управления, механизмов общественной самоорганизации и спонтанного давления императивов общественного бытия на общественное сознание. Определяющим среди этих факторов в настоящее время является первый, поскольку основные ресурсы социума сосредоточены в руках государства. Важно правильно ими распорядиться. «Правильно» - значит разделить власть, финансы и собственность (а с ними и ответственность за результаты социального управления) с гражданским обществом, его институтами и структурами. Последние, однако, могут возникнуть и продемонстрировать свою эффективность лишь в правовом государстве, в котором существует реальное разделение властей, уважение к закону, соблюдаются права и свободы человека и гражданина. Формируемые совокупными – целерациональными и спонтанными действиями государства и общества материальные, социальные и культурные условия жизни людей образуют тот реальный базис (общественное бытие), который входящее в жизнь поколение воспринимает как объективную данность. Эта объективная реальность, в свою очередь, определяет содержание сознания людей, мотивацию их действий. Круг спирали, таким образом, замыкается и далее начинается новый.

Осуществляя системную модернизацию социума, его основных структур и подсистем, важно целенаправленно культивировать в белорусском менталитете новые личностные качества и установки (инициативность, предприимчивость, критичность, готовность рисковать, а также чувства национального достоинства, патриотизма, солидарности), используя все имеющиеся для этого инструменты – систему образования, научную периодику, СМИ (особенно TV, Интернет), кино, рекламу, искусство спорт, туризм и т.д. И если это процесс будет «понимающим», то и результаты окажутся ожидаемыми. В нашем случае – совпадающими с целями национальных программ и проектов.

Социо-гуманитарные науки и социально-гуманитарное образование являются важным инструментом трансформации белорусской ментальности, воспитания гражданского патриотизма. При этом важно понимать, что теоретическое осмысление проблем белорусского социума должно сочетаться с потребностями практики, т.е. потребностями культивирования в национальном менталитете ценностей и установок, адекватных вызовам времени. Естественной, уходящей корнями вглубь тысячелетий, формой их (теории и практики) связи является система образования. «Вымывание» же социокультурной составляющей из образовательного процесса чревато сведением последнего к обучению, производству «одномерной» личности. Это нежелательно. Ибо роль и значение воспитания, т.е. акцентированного формирования направленности

сознания подрастающего поколения в ситуации нестабильности, перехода от одного типа общества к другому, объективно возрастает.

Статус и роль социогуманитарной интеллигенции в существенной степени зависит от общей ситуации в стране, наличия (отсутствия) гражданского общества. Гражданское общество – это система независимых (финансово и организационно) от государства социальных структур и институтов, преследующих (в рамках закона) свои частные цели и интересы. Эти интересы могут также артикулироваться и выражаться в теоретической форме. Материальная, организационная и финансовая поддержка общественными фондами независимых социальных исследований, критической рефлексии – важное условие формирования подлинного духовного и идеологического плюрализма, объективного исследования реальных социальных и антропологических проблем в нашей стране.

Общий успех модернизации, построения в Республике Беларусь основ постиндустриального общества неотделим от фундаментальных социальных реформ и изменения общественного сознания. Трансформация последнего связана с превращением аморфных структур белорусского менталитета в самодостаточное национальное самосознание, фундированное ценностями свободы, творчества, гуманизма, патриотизма и национального достоинства.

Потапейко Павел Олегович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, г. Минск

МУСУЛЬМАНЕ И СИРИЙСКАЯ ДИАСПОРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В последние десятилетия в государствах-членах Европейского союза наблюдается устойчивый рост численности мусульманской общины, причем ее представители могут являться и гражданами этих стран, и просто имеющими вид на жительство, и (все чаще) нелегальными иммигрантами. Мусульмане становятся все более серьезным фактором европейской политики. Кроме того, в течение последних нескольких лет в сфере международных отношений наблюдается такой феномен, как т.н. «арабская весна». В контексте этого явления особенно примечателен конфликт между властью и повстанцами в Сирии. Эта страна отличается чрезвычайно сложным этноконфессиональным составом населения, что оказывает прямое влияние на политические процессы. За время конфликта в Сирии, начавшегося в марте 2011 г., более 4 млн. стали беженцами на сирийской территории и до 3 млн. бежали в соседние страны. По данным ООН, число беженцев из Сирии к концу 2013 г. достигнет 3,5 млн чел. Верховный комиссар ООН по делам беженцев А.Гутерриш неоднократно призывал ЕС помочь справиться с этой проблемой.

В настоящее время наблюдается и укрепляется тенденция роста численности сирийских беженцев в странах ЕС. По официальной статистике, к октябрю 2013 г. на территории Евросоюза находилось до 50 тыс. граждан Сирии. ЕС согласился принять в течение 2013 г. 10 тысяч новых сирийских беженцев фактически лишь после неоднократных призывов со стороны ООН. Из них половина прибыла в Германию, а Швеция стала первой страной ЕС, предоставившей им постоянный вид на жительство. Все остальные страны ЕС выдают временные разрешения (как правило, на год). Германия и Швеция приняли наибольшее число сирийских беженцев. При этом до сих пор ни одна страна-член ЕС не выдает сирийцам виз, так что фактически единственным способом попасть в Европу для них являются нелегальные каналы.

Большинство других стран Евросоюза не приняли сколько-нибудь серьезных мер в отношении сирийских беженцев. Вклад ЕС в решение проблемы прежде всего

заключается в финансовой поддержке. Одной из стран-членов ЕС, где данная проблема ощущается особенно остро, является Болгария. После обострения кризиса в Сирии ее захлестнул поток беженцев из этой страны. По данным болгарского МВД, в августе 2013 г. со стороны Турции границу ежедневно переходило от 40 до 100 человек, причём многие из них нелегально. Два существующих в стране лагеря для беженцев переполнены. Их недовольство превращается в дестабилизирующий фактор: в одном из центров их пребывания в августе 2013 г. имело место настоящее восстание.

Растет число беженцев из Сирии, пытающихся добраться до побережья Италии. Только в августе – сентябре 2013 г. туда прибыли морским путем более 3 тыс. сирийцев, в том числе 230 детей без сопровождения взрослых.

В то же время ряд стран-членов ЕС заявляет о намерении активнее способствовать смягчению последствий гуманитарной катастрофы в Сирии. В первую очередь, это Финляндия. Правительство этой страны в сентябре 2013 г. заявило о решении увеличить квоту на прием сирийских беженцев в общей сложности до 1 050 человек. Это вызвало сильное неприятие со стороны оппозиционной партии Истинные финны, выступающей за ограничение иммиграции в страну.

Сирийские беженцы – один из самых острых вопросов в Европарламенте. Либералы (например, депутаты от германской Свободной демократической партии) предлагают учредить европейскую программу по этому вопросу. Консерваторы (например, депутаты от баварской ХСС), напротив, выступают за то, чтобы притормозить прием беженцев.

Европейское общество относится к притоку сирийских беженцев с опаской. Об этом свидетельствует растущая поддержка ультраправых партий во многих странах, будь то «Национальный фронт» во Франции, Партия независимости Великобритании или партия «За лучшую Венгрию» («Йоббик»). Это во многом объясняется страхом того, что с потоком беженцев в страны Европы попадут исламские экстремисты. Поэтому в Германии звучат голоса, призывающие предоставлять убежище только тем сирийцам, которые исповедуют христианство.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать следующий вывод: сирийский конфликт все больше становится фактором европейской политики, причем не только на уровне принятия военно-политических, дипломатических и иных решений, но и в контексте повседневной жизни европейского избирателя. Проблема беженцев в значительно более серьезной степени, чем это было в случае с Афганистаном, Ираком или североафриканскими странами, охваченными «арабской весной», начинает отражаться на странах, входящих в Евросоюз.

Харитонов Игорь Николаевич, младший научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИГРАЦИОННОМ ПОВЕДЕНИИ

На миграционное поведение оказывают влияние целый ряд факторов: социальные, экономические, политические, социально-психологические, индивидуально-психологические. Одним из факторов влияния выступают различные состояния и специфика национальной идентичности. В данных тезисах попытаемся определить некоторые моменты ее влияния на миграционное поведение.

Миграционное поведение является одной из социально значимых форм поведения индивидов в обществе. Его масштабы и характер существенно влияют на структуру и состояние общества.

В советской науке развитие теоретических проблем социологического изучения миграционного поведения как вида демографического поведения связано с работами новосибирской школы миграции (Т.И. Рывкина, И.В. Заславская) [2, с. 7], рассматривавшей миграционное поведение как форму социальной мобильности. Развивая далее эти взгляды, Л.Л. Рыбаковский и В.Д. Шапиро дополнили модель миграционного поведения социально-психологическим компонентом, разработанным на основе концепции социального поведения В. Ядова, объясняя необходимость этого компонента значимостью миграционного поведения для личности [2, с. 8]. Национальная идентичность как раз имеет отношение к социально-психологическому компоненту.

Л.Л. Рыбаковский, В.Д. Шапиров говорят о трех видах миграционного поведения: проективное (потенциальная миграция), презентивное (акт миграции миграционное поведение собственно), ретроспективное (предшествующий миграционный опыт). Внутри каждого типа также еще выделяются подтипы (безвозвратное, эпизодическое и др.) [2, с. 10]. Отдельно говорится об индивидуальном и групповом миграционном поведении [2, с. 6]. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков выделяют такой вид миграций как этнические, определяя их как вынужденные или добровольные массовые перемещения представителей одного этноса с территории формирования данного этноса [4, с. 140]. Как мы видим, в основе этих разделений лежит разный уровень проявлений миграционного поведения: групповой или индивидуальный.

В социальных науках под национальной идентичностью понимают либо этническую, либо гражданскую идентичности, а также структурно-целостный концепт из гражданского, этнического и других компонентов (Л. Дробижева, Л.И. Науменко). В социальной психологии национальная идентичность представляется как персонально-значимый конструкт, базирующийся на идентификации себя с определенным народом (нацией). Данное определение является частным вариантом определения социальной идентичности Г. Тэшфела, Дж. Тернера. При этом существенное отличие национальной идентичности от других форм социальных идентичностей (территориальной, гражданской, этнической и т.д.) представлена в политических науках, где подчеркивается, что национальная идентичность базируется на ценности суверенности народа и государства, наличии независимой государственности, исторической и культурной уникальности и тождественности, представлениях о единстве народа.

Связь двух феноменов: национальной идентичности и миграционного поведения проявляется в двух взаимобратных процессах, когда специфика национальной идентичности влияет на миграционное поведение, как бы его «предопределяя», и когда само миграционное поведение создаёт некоторые новые условия, влияющие на национальные идентичность и идентификацию.

Мы бы выделили три этапа влияния национальной идентичности на миграционное поведение, на каждом из которых факторы, связанные с национальной идентичностью, играют сдерживающую или благоприятствующую роль к миграции и репатриации, оказывают определенную специфику на адаптацию мигранта:

1. Этап формирования потенциальной миграции, когда явления национального и этнического характера вносят свой вклад в планирование и решение об отъезде или, наоборот, о том, чтобы остаться.

2. Этап собственно миграции, на котором определенные особенности национальной идентичности могут повлиять на способы эмиграции или иммиграции.

3. Этап адаптации, интегрирования, обособления или репатриации.

На этапе формирования потенциальной миграции важна удовлетворенность национальной идентичностью. Н.М. Лебедева отмечает, что согласно концепции социальной идентичности Г. Тэшфела, Дж. Тернера групповое членство выступает

средством удовлетворение базовой потребности в самоуважении. В случае, если членство в той или иной нации не удовлетворяет данную потребность, то индивид может: а) оставить группу физически (т.е., мигрировать); б) психологически отмежеваться (в нашем случае, это означает снижение актуальности национальной идентичности); в) предпринять когнитивные усилия для восстановления позитивной ценности группы [4, с. 145].

На социально-групповом уровне роль национальной идентичности может быть связана с определенной внутренней и/или внешней этнополитической ситуацией. Это касается, прежде всего, положения различных национальных и этнических меньшинств. Если этнополитическая ситуация не позволяет индивиду ощутить единство с обществом той или иной страны, то он является потенциальным мигрантом. Влияние этнополитической ситуации на миграционные настроения отмечается практически всеми исследователями этого вопроса (Г. Витковская, Н. Лебедева, Г. Пядухов и др.).

Г. Витковская выделяет следующие этнические мотивы и факторы миграции: этнополитические (этническая политика, этническая дискриминация), этносоциальные (страх перед этническими конфликтами) бытовой национализм, этнокультурные языковой барьер этнический дискомфорт (брак, трудность в общении, чуждые традиции) [1, с. 99]. Как показывают опросы: устранение этнического дискомфорта существенно снижает объемы потенциальной миграции и склоняет респондентов нетитульных национальностей к отказу от эмиграции.

На этапе адаптации в стране иммиграции, интегрирования или репатриации специфика национальной идентичности может склонять к репатриации. Когда мигранты оказываются в стране иммиграции, они сталкиваются с двумя основными шокowymi открытиями: то, что они не похожи на местное население и то, что они не нужны и не востребованы в обществе иммиграции [3, с. 77]. У них трансформируется отношение к другим социальным, главным образом, этническим группам. Если это мигранты, прибывшие в страну коренной национальности (на «историческую» Родину), то у них осознается близость с коренным населением страны выезда [3, с. 78].

Имеет значение степень и легкость, с которой индивид может стать «своим» в принимающем обществе. Если государство базируется на гражданском типе национального строительства и имеет долгие традиции интеграции иммигрантов, то сравнительно не сложно будет иммигранту стать своим и осознать свою принадлежность этому обществу.

Национальная идентичность играет свою роль в миграционном поведении. Ее влияние проявляется на двух уровнях: групповом и индивидуально-психологическом. Среди основных моментов влияния национальной идентичности назовем степень удовлетворенности членством в нации, доступность и непротиворечивость для индивида национальной идентификации на родине и в стране иммиграции, персональная значимость национальной идентичности, этнополитическая ситуация.

Литература:

1. Витковская Г. Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Под. ред. Г. Витковской. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1996. – С. 83-130.
2. Рыбаковский Л.Л. Методика социологического изучения демографического поведения. Вып. 1 / Л.Л. Рыбаковский, В.Д. Шапиро. – М.: Институт социологических исследований, 1985.
3. Шайгерова Л.А. Кризис идентичности в ситуации вынужденной миграции // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – М.: Смысл, 2001. – С. 75-85.
4. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001.

Земляков Леонид Евгеньевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии, Белорусский государственный университет, г. Минск

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

В последние десятилетия сложилось негативное отношение к идеологии. Однако активизация действий широких масс людей и особенно направление этих действий в конструктивное, творческое русло, неминуемо предопределяет незаурядный подъём статуса и роли идеологического фактора в жизнедеятельности общества. Следовательно, проблемы идеологии, идеологической деятельности приобретают сегодня исключительно важное теоретическое и практически – политическое значение. Обновление же форм и методов идеологической активности в условиях трансформации социума немыслимо вне глубоких и разносторонних исследований природы и сущности идеологии, её генезиса и структуры, социальных функций и роли в общественной жизни людей.

Идеология (как система идей, взглядов, оценок) может обладать такими характеристиками, благодаря которым она содействует общественному развитию в одном измерении и сдерживает его в другом. Это зависит в значительной степени от содержания идеологии, характера общественных отношений, в которых она разворачивает свою функциональность, от общей духовной атмосферы и культурно-исторической традиции, сила которой может не только деформировать любое идеологическое влияние, но даже и уничтожить его. Влияние идеологии зависит от содержания идей, от того, интересы какой общественной силы отражает та или иная идеология, какое распространение получили эти идеи в массовом сознании.

В идеологической системе религия применяется либо для оправдания истории государства (модель интеграции; используется регенеративная функция религии), либо для создания образа врага, разжигания межрелигиозной или межнациональной нетерпимости (модель консолидации – дезинтеграции), либо для попытки возврата к религиозному мировоззрению и приданию религии статуса научности для сокрытия противоречий в политической программе и обыденной реальности (модель ревитализации), либо как частичный компромисс политических идеалов с действительностью, распад первоначальных представлений и изменение системы (дивергентная модель).

В условиях религиозного плюрализма стабилизирующая, мировоззренческая, нормативная, легитимирующая, компенсаторная и самоидентифицирующая функции религии частично заменяются функциями идеологии. В идеологическую схему не вписывается разве что сакрализирующая функция религии, формирующая представления о святом и осуществляющая преемственность этих представлений на протяжении жизни поколений.

Идеологии стремятся не только вытеснить религию из сферы общественной жизни, но также и манипулировать религиозными догмами, которые попадая в зависимость от социальных отношений, под их влиянием претерпевают изменения, что и приводит к радикализма под религиозно-аксиологическими лозунгами.

Религиозный фактор идеологии белорусского государства представляет собой совокупность религиозно-политических воззрений, религиозных идеалов, традиций, религиозно окрашенных ценностей, религиозно-психологических мотивов и побуждений, имеющих значение для поведения человека в общественной сфере, благодаря которым религия непосредственно или опосредованно проникает в сферу идеологии белорусского государства.

Религия и идеология в реальной жизни тесно переплетены друг с другом, и Беларусь в этом плане не является исключением. Власть всегда стремилась использовать церковь, вовлекая ее в те или иные политические процессы. С другой стороны, сама

церковь нередко боролась за приоритет над светской властью, используя свое влияние на массы. В этой связи церковь можно рассматривать как одну из сил институтов, формирующих идеологию, наряду с такими институтами, как само государство, политические партии, СМИ и т.д.

Религиозный фактор как динамичная система религиозно-философских взглядов (догматика, теология, религиозная философия, включающая различные современные философские идеи); культа (как наиболее стабильного консервативного элемента, особенно в сформированных религиях); сложившихся в ходе культовой деятельности отношений между последователями той или другой религии, их отношения к другим конфессиям; различных институтов (церковь, секта, деноминация, новые религиозные движения и т.д.) является условием функционирования религиозных организаций и объединений в современном обществе и государстве, оказывает влияние на жизнь общества [1]. Как правило, он определяет лояльность граждан государству, консолидирует верующих, вносит интегрирующий и стабилизирующий элемент в общественную жизнь государства. Вместе с тем в переломные моменты истории, в переходный период, когда недостаточно сильна сама государственная власть, во время социально-экономического кризиса в стране религиозный фактор может оказывать дезинтегрирующее влияние на общественную жизнь, вносить дополнительную напряженность в социальные отношения, способствовать межконфессиональным и межэтническим конфликтам. Если светское государство провозглашает принцип равноудаленности от конфессий, предоставляет им право самим решать внутренние проблемы, то определенная часть общества активно принимает участие в религиозной деятельности, тем самым, оказывая влияние на общество (одновременно получая от него дополнительные стимулы для своей деятельности и развития). В этом случае религиозный фактор функционирует в обществе и государстве, не создавая проблем.

Рост значимости религиозного фактора в идеологических процессах Республики Беларусь связан с тенденцией, которая обозначается как «религиозное возрождение». Термин «религиозное возрождение» стал общеупотребительным в связи с возрастанием роли религиозного фактора в общественной жизни.

В этой связи важным представляется охарактеризовать религиозную ситуацию в Беларуси после более чем двадцатилетнего обновленческого периода.

Надо отметить, что исследовать тенденции развития религиозной ситуации в Республике Беларусь очень сложно. Религиозная жизнь современной Беларуси тесно переплелась с социальной, политической жизнью. К этому надо добавить, что у части общества существует установка, что ее роль может выполнять религия в том или ином конфессиональном выражении. Существенно и то, что религия воспринимается человеком как фактор самоидентификации. Размежевание населения белорусского государства по этноконфессиональному принципу стало заметной чертой нашего времени. Для части наших сограждан религиозность выступает как форма протеста и отхода от неприемлемой для них социально-политической действительности. Наконец, многими белорусами религия воспринимается как важнейший элемент национальной культуры.

По состоянию на 1 января 2013 года в Республике Беларусь насчитывалось 3251 религиозные общины, в их числе 1594 – православных и 483 католических, старообрядческих – 33, Христиан веры Евангельской – 517, Евангельских христиан-баптистов – 287, Совет церквей ЕХБ – 29 (без регистрации), Греко-католических – 15, Новоапостольских – 21, иудейских – 42, исламских – 25, Свидетелей Иеговы – 27, бахаи – 5, мормонов – 4, кришнаитов – 6. Общины представляют 25 конфессий, церквей, религиозных направлений и деноминаций. Число религиозных общин продолжает увеличиваться.

На территории Беларуси имеются 1407 православные церкви, 476 костелов и пр. Всего насчитывается 2406 культовых помещения.

В настоящее время строится 203 новых культовых здания, в том числе православных – 162, католических – 26, протестантских – 12; многие культовые здания ремонтируются и находятся на реставрации.

В республике со своими уставами действуют 165 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение. Имеются такие религиозные организации, как 2 православные и 2 католические духовные семинарии, 2 католических колледжа, православная академия и духовные училища, 34 православных и 9 католических монастырей, 22 протестантские миссионерские организации, 45 религиозных центров и управлений (республиканских и областных). Среди них 11 православных и 4 католические епархии.

В религиозных организациях осуществляют свою деятельность 3074 служителей культа, в том числе 1562 православных священника и 439 католических ксендзов (146 из них являются иностранными гражданами).

Религиозная жизнь в Беларуси представляет собой сложную систему отношений, которые включены в общую структуру общественной жизни и развиваются под влиянием социально-экономических и политических процессов. Укрепление роли и влияния религии в обществе в целом, ее внедрение в ту или иную социальную сферу прямо связаны с идеологическими процессами в Республике Беларусь.

Литература:

1. Земляков, Л.Е. Религиозный фактор политической культуры / Л.Е. Земляков // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 3. – С. 71.

Паращевин Максим Анатольевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии, докторант, Институт социологии НАН Украины, г. Киев

РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

За крушением СССР, на протяжении существования которого атеизм всегда был составляющей общей идеологии (а в отдельные отрезки времени агрессивно продвигался государственной машиной), последовало то, что в религиозной литературе справедливо принято называть «религиозным ренессансом». Действительно, по историческим меркам практически одномоментный переход большинства населения от атеизма (или, как минимум, безразличия к религии), к религиозной вере, оказался неожиданным, и не только изменил представления о роли религии в самих постсоветских обществах и общественные практики по отношению к религии, но и добавил весомый аргумент тем западным социологам религии, которые критикуют теорию секуляризации. Кажется, что религия не только вернула себе позиции значимого элемента личностного мировоззрения, но и возвращается в поле общественных (в частности, политических) отношений. Такие оценки возникают в связи с активным восстановлением церковных структур, заметным присутствием церковных иерархов и рядовых священников в информационном поле, вниманием к доминирующим православным Церквям со стороны представителей власти, попытками Церквей влиять на принятие политических решений. В этих условиях естественно, что религиозные организации и, шире, религиозность, становятся объектами социологических исследований.

Однако при этом собственно социологичность этих исследований оказывается недостаточной. Ведь большинство публикаций с изложением результатов опросов населения по религиозной тематике носят характер социальной статистики. Это простая констатация доли верующих людей, распределения их по разным конфессиям, частоты

совершения религиозных ритуалов. А для социологов такая информация хоть и интересна, но второстепенна. Признаки, связанные с религиозной принадлежностью, степенью интериоризации религиозных идей, норм и ценностей, степенью религиозной активности, являются лишь вспомогательными для выяснения главного вопроса – характера взаимодействия религии с нерелигиозными сферами общественной жизни. Для социолога должно быть важным не наличие или отсутствие у людей религиозности как таковой (какой бы массовой она не была), а, во-первых, наличие или отсутствие воздействия этой религиозности на поведение в непосредственно не связанных с религией сферах (а при наличии такого воздействия, его способы и масштабы), и, во-вторых, воздействие на деятельность религиозных организаций и на характер религиозных учений особенностей самих общественных отношений. Именно в направлении выяснения этих вопросов и должен быть направлен анализ.

То есть необходимо анализировать, имеются ли существенные отличия между религиозными и нерелигиозными людьми в их восприятии окружающей действительности, в отношении к разнообразным процессам, происходящим в обществе, в повседневном поведении, имеются ли подобные отличия между людьми разных конфессий и разной степени религиозности.

При этом необходимо не только проводить простое сравнение между религиозными и нерелигиозными, но и учитывать возможное воздействие других характеристик, по которым между религиозными и нерелигиозными людьми имеются отличия, и которые сами могут выступать детерминантами мировоззренческих и поведенческих отличий. В частности, традиционно доля верующих выше среди людей старших возрастных категорий, среди женщин, среди сельских жителей. Кроме того, могут иметь место обусловленные историческими особенностями региональные отличия (например, в Украине жители западных областей гораздо более религиозны, чем представители других регионов). Поэтому когда мы видим разницу по каким-то признакам в плоскости верующие/неверующие, то прежде чем делать выводы о значимости именно религиозных убеждений, стоит проверить, не имеет ли в данном случае место воздействие этих сопутствующих факторов. То есть необходимо посмотреть, сохраняются ли отличия между людьми, разделяющими и не разделяющими религиозные убеждения, если это разделение провести в разных возрастных группах, в разных типопоселенческих группах и т.д. И если внутри этих групп различий наблюдаться уже не будет (что в основном и происходит), то это будет означать, что зафиксированные ранее отличия обусловлены вовсе не религиозностью, а вполне светскими причинами.

И если мы будем анализировать религиозность составляющих большинство среди славянского населения Украины и России православных верующих, то окажется, что религиозность подавляющего большинства этого населения мало связана с другими сферами жизни. Мы имеем массу формальных верующих, которые ограничиваются лишь ритуальной стороной своей религии, и не переносят её требования и идеи в реальную жизнь. Мы имеем массу верующих, вольно трактующих учение своей религии (причем такие интерпретации могут довольно сильно отличаться от официальной церковной догматики). Мы имеем немалую долю так сказать «культурных православных», т.е. тех, кто идентифицирует себя с православием по принципу культурного единства с людьми своего этноса. Всё это не ставит под сомнение саму религиозность этих людей (поскольку религиозная вера может принимать самые разнообразные формы, и не нам судить о том, правильно или неправильно кто-то верит). Однако это ставит под большой вопрос социальную значимость религиозности в этих странах. А это, в свою очередь, ставит под вопрос и необходимость социологических исследований этой религиозности, по крайней мере в таком ключе. Ведь по большому счету, если имеет место слабая дифференциация между верующими и неверующими по всем важным вопросам сегодняшней жизни (и политическим, и экономическим, и социокультурным), то с социологической точки зрения не имеет значения, религиозны наши люди или нет. Религиозность в этом случае

становится просто личным делом, психологической чертой, проявляющейся в личностных переживаниях, и мало выходящей в сферу социальных отношений. В этом случае социологические исследования становятся лишь инструментом диагностики, призванным отслеживать, не произошло ли каких-то заметных сдвигов в этой сфере.

В то же время это не снимает необходимости социологического анализа другой составляющей взаимодействия религии и общества, а именно воздействия второго на первую. В частности важно пояснить, как особенности современной религиозности (её слабая интенсивность, вариативность, высокая степень индивидуальной трактовки учения, увеличение масштабов нетрадиционной религиозности) обуславливаются изменениями социальных структур и институтов, условий жизни, характера взаимоотношений между людьми. Т.е. как трансформации религиозности вписываются в общие социальные трансформации, имевшие место в последние 2 века.

Балич Наталья Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела политической социологии и социологии права, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИЧНОГО ПОНИМАНИЯ ВЕРЫ¹

Религиозные практики широко исследуются в гуманитарных науках на основе различных подходов и методов. Социология рассматривает религиозные практики как социальный феномен в системе социальных действий индивидов в единстве религия-общество, которые находятся в процессе взаимовлияния и часто приводят к объективным изменениям в структуре социальной идентичности исходя из особенностей религиозного сознания и поведения людей.

Религиозные практики – социальное образование, позволяющее воспроизводить социальный институт религии в новых условиях и в конкретных формах. Религиозные практики – это совокупность действий, совершаемых людьми в связи с их верованиями, религиозным самосознанием, опытом и взаимодействием с религией. Быт верующих различных конфессий и функционирование разных религиозных культов отражает не декларативную, а практическую сторону религии, что позволяет выявить реальную картину религиозной жизни современных обществ. На эти методологические особенности изучения обращают внимание российский и французский исследователи – А. Агаджанян, К. Русселе. По их мнению «в исследованиях современных религий и религиозности в России есть определенный изъян. В этих исследованиях преобладает анализ институтов и норм, а также их правового регулирования и политических импликаций, но в них недостает живого, конкретного, непосредственного материала, изучения *lived religion, religion vecue*» [1, с. 5]. Соответственно, важнейшие типы религиозности – мотивации ее носителей, их реакции на новые и быстро меняющиеся общественные условия, то, как религия встроена в структуру общественных отношений, и другие аспекты предлагается изучать более пристально – с позиций микросоциологии и антропологии. Отсюда сфокусированность российских исследователей на повседневных религиозных практиках.

Религиозные практики определяются со статической позиции – как совокупность интерпретаций и действий индивидов, связанных с религией, и с динамической позиции – как явление, противоположное жесткой установленной системе религиозных текстов, норм и институтов, – «герменевтический процесс» переосмысления и корректирования. А. Агаджанян и К. Русселе подчеркивают, что религиозные практики не следует смешивать с совокупностью различных социально-культурных практик, в которых отсутствует

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г12Р-007 от 15.04.2012 г.)

осознанная религиозность субъектов действия. Динамический характер «практик» позволяет отрешиться от понимания их как механического производного от нормативных текстов и институтов [1].

Религиозные практики рассматриваются также в рамках народной религии, или народной религиозности, которая противопоставляется элитарной религии – хранительнице чистоты норм, за которую ответственны официальные или канонические институты. Народная религия описывается как пространство экспериментов, где нормативное приходит в соприкосновение с эмотивным и характеризуется высокой эмоциональностью и драматизмом, а также доминированием религиозности женщин.

Практики включают в себя обряды (ритуалы) – реально совершаемые действия, имеющие отличительные особенности в рамках определенной конфессии, но также могут означать и деятельность, которая не имеет четкой повторяемости, однако имеет религиозный смысл (чтение религиозной литературы, посещение святых мест, лекций на религиозную тематику и т.д.). Поэтому понятие «религиозные практики» шире понятия «обрядовая деятельность», в то же время религиозные практики отличаются от других форм социальных практик наличием религиозной заданности.

Методика измерения религиозности в современной социологии основывается на выявлении основных показателей включенности индивидов в религиозную практику. Американские социологи Ч. Глок и Р. Старк предлагают исследовать религиозность на основе опыта, веры, особенностей культа, знания религии, влияния религиозных мотивов на поведение людей.

Институциональные изменения в сфере религии белорусского социума заметны в динамике роста не только верующих, но и религиозных конфессий.

Переход от общества, где ограничивались религиозные возможности граждан, к обществу, в котором религия признается значимым аспектом духовной жизни, происходил на фоне стремительного роста религиозных организаций и объединений. Например, в Республике Беларусь в период с 1988 по 2012 г. численность религиозных общин увеличилась более чем в 4 раза.

В настоящее время в Республике Беларусь действуют 3374 религиозные организации (епархии, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения, общины), представляющие 25 конфессий и религиозных направлений [2].

Социологический мониторинг, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г. (объем выборки составил 1589 человек), выявил, что большинство населения Беларуси (94,3 %) относит себя к одной из конфессий: православию – 81,8 %, католичество – 10,2 %, старообрядчеству – 0,6 %, протестантизму – 0,5 %, буддизму – 0,3 %, исламу – 0,1 %, иудаизму – 0,1 %, другие варианты ответов – 0,7 %. Не считают себя приверженцами религий 5,0 % участников опроса, не дали ответа 0,7 % респондентов. В тройке лидеров – православные, католики, а также лица, не определившиеся в своей религиозной идентичности.

Религиозные представления – это верования и идеи, которые получают свое выражение в обыденных формах мышления и поведения: самоидентичность субъекта, выполнение им определенных культовых предписаний и практик, способствующих преобразованию внутреннего мира индивида в целостную систему в соответствии с доктринально-целевыми установками конкретного вероучения. В то же время религиозная идентичность не всегда означает соблюдение индивидами соответствующих религиозных практик и следование установленным нормам и правилам в рамках конкретной религии. Это подтверждают данные мониторинга, свидетельствующие о пассивной позиции большей части опрошенных. Основная часть респондентов посещает церковь и принимает участие в религиозных обрядах нерегулярно (от случая к случаю – 37,1 %, по религиозным праздникам – 25,8 %), один-два раза в месяц – 11,7 %. Лишь 1,8 % респондентов участвуют в обрядовой практике несколько раз в неделю, и 6,3 % – один раз. Число лиц, не участвующих в практиках, составило 15,3 %, другие варианты ответов – 2,1 %.

Институциональные изменения в сфере религии (рост религиозных организаций и культовых зданий) слабо отражаются в повседневной жизни населения, а наблюдающееся возрождение религии нередко носит формальный характер. Подавляющее большинство белорусов считают, что самоидентичность как верующего не предполагает регулярной и обязательной культовой практики. Так, на вопрос анкеты «Допускаете ли Вы, что можно быть верующим, но не участвовать в жизни Церкви» ответ «да» был у 37,5 % опрошенных, «скорее да» - у 31,2 %. Сравнительный анализ групп верующих, колеблющихся между верой-неверием и атеистов, не выявил существенных различий.

Подобная ситуация наблюдается не только в Беларуси, но и в России, а также других странах. По данным отдела социально-политических исследований Левада-Центр, исследующего роль Русской православной церкви в жизни российского общества, по частоте посещения храмов и включенности в жизнь церкви Россия занимает последнее 15-е место среди исследованных стран (Словакии, Болгарии, США, Швеции, Франции, Великобритании, Польши и др.) [3].

Религиозные практики – явление (внутри определенного религиозного комплекса), которое противопоставляется жесткой регламентации текстов и подлежит воспроизводству в новой интерпретации со стороны субъектов практики. В частности, молитва имеет отличительные особенности в рамках одной из мировых религий – христианства в таких направлениях как православие и протестантизм. Отличия проявляются в форме внешнего и устного обращения к Богу. Внешнее обращение проявляется в том, что православные христиане во время молитвы применяют крестное знамение, поклоны, коленопреклонения, а священники используют поднятие рук. Протестанты же принимают специальные молитвенные позы: опущенная голова, закрытые глаза, сложенные ладонь в ладонь руки.

Словесная православная и католическая молитва – это устное обращение к Богу в форме разработанных и установленных церковью словесных формулировок (после прочтения текста молитвы верующий может добавить свои просьбы и восхваления). Протестантская форма молитвы и порядок произнесения слов в тексте второстепенны. Каждая служба – это творческое выступление пастора перед прихожанами, где наряду с обращением к Богу нередко затрагиваются важные социальные вопросы. Смысл нормативных текстов опосредован практикой и поэтому бесконечно варьирует. Протестантской молитве свойственна импровизация, так как, согласно учению, должна способствовать самовыражению личности и подчеркивать интимность обращения к Всевышнему. Независимо от того, в каком направлении и в какой форме верующий выражает свои чувства, молитвенная и обрядовая практика способствуют формированию религиозного самосознания, соответствующих религиозных представлений и укреплению веры.

Религия не может существовать в обществе без конкретного проявления и воспроизводства в форме религиозных практик. Это результат прикладной религиозности, воплощения в жизнь личного понимания веры.

Таким образом, *религиозные практики* – это совокупность действий и взаимодействий индивидов и групп, которые осуществляются в связи с их верованиями, опытом и взаимодействием с институтом религии. Религиозные практики включают обучение основам веры, соответствующим знаниям и навыкам, что обеспечивает функционирование и воспроизводство социального института религии.

В модернизирующемся обществе типичные формы религиозных практик преобразуются, наполняются новым содержанием, что позволяет индивидам реагировать на социальные изменения и открываться новому социальному опыту. Однако темпы возрождения религиозных практик «отстают» от институционального развития религии в Беларуси.

Литература:

1. Религиозные практики в современной России: сб. научных трудов; сост. А. Агаджанян, К. Русселе. – М. : Новое издательство, 2006. – 640 с.

2. Справка о религиозной ситуации и религиозных организациях в Республике Беларусь [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.belarus21.by/ru/main_menu/religion/sotr /relig_sit. - Дата доступа: 14.08.2013.
3. Редичкина, О. Отношение к вере аналогично отношению к государству [Электронный ресурс] / О. Редичкина // Деловой журнал РБК. – 2012. – Режим доступа: <http://magazine.rbc.ru/2012/08/20/trends/562949984506862.shtml>.

Щекин Николай Сергеевич, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном мире процесс крупномасштабной социальной (идеологической) и экономической трансформации сопровождается многими неопределенностями. Поэтому важным представляется оценка и анализ происходящих в обществе процессов, осмысление роли и значения традиционных и модернизационных составляющих социальной деятельности.

На протяжении столетий религия, мифы, Священное писание являлись фундаментом, нравственным маяком и метафизическим ориентиром в цивилизационной динамике исторического процесса. И в этой связи, важно отметить, что уникальность традиций, как некоего социокультурного, цивилизационного феномена состояла в том, с точки зрения социальных механизмов они рационально и вполне, гармонично, адаптируются к новшествам. С одной стороны догматическое воспроизводство традиций, а с другой - катализировать устоявшееся социальные механизмы.

Стремление людей в переломные моменты исторического развития искать устойчивые духовные, ценностные, а значит, традиционные основания вполне является закономерным. Мировые религии, религиозные догматы, религиозная вера в данной неустойчивой ситуации, ситуации поиска морального успокоения, и являются высшей ценностью, образцом для подражания.

В этом контексте важной задачей становится глубокий анализ происходящих в белорусском обществе с дискурсом особого пути модернизации православного мира и оценки модернизационного потенциала православного мира.

Влияния христианства в целом и православия в частности на формирование восточнославянской традиции очевидно. В то же время, очевидно, что православие стремится избежать столкновения с реалиями, выраженными, прежде всего, в изменяющихся мотивационных механизмах новой ценностной парадигмы глобального мироустройства. Более того, нельзя не заметить, как отмечает М. Рогинская «создается проект общих ценностей без общих мотиваций, который ставит под вопрос сущностный характер религиозной мотивации как основы традиции-Предания» [1, с. 78-79].

Широко развернутая дискуссия о корреляции традиции и новаций православной церкви Беларуси осложняется тем, что историческое наследие народа формируется в русле разных возможностей общества и разнообразия опыта не только православного духа, но и всех предшествующих традиций; от язычества до научных достижений. В этой связи, весьма актуальным является понимание традиции Патриархом. 10 сентября 2010 года в своем Патриаршем слове в Успенском Соборе обращаясь к верующим Патриарх определил традицию следующим образом «механизм, который помогает передавать людям из поколения в поколение самое важное, что было в жизни людей в прошлом и что должно сохраняться в настоящем и будущем» [2].

В основах социальной концепции Русской православной церкви содержательно наполняя идею «симфонию властей» четко разделяется природа церкви и государства в

контексте различий средств для достижения своих целей. Государство опирается в основном на материальную силу и ей присущи «светская система идей». Церковь свободна от государства и располагает религиозно-нравственными средствами для «духовного руководства».

Церковь и государство, важнейшие социальные институты на протяжении многих веков взаимодействовали, вырабатывали определенную типологию своих взаимоотношений. Это взаимоотношение предполагало позиционирование традиций и новаций в лоне многомерности социальных систем.

В то же время мы должны четко осознавать и определенную опасность столкновения двух позиций о которых неоднократно предупреждал Митрополит Филарет (Вахромеев). Среди противоречий глобальных цивилизаций наших дней наиболее острой является двойственная тенденция: с одной стороны, определенные слои общества в разных странах и народах унифицируются, превращаясь в клонов массовой культуры, а с другой стороны, протест против этой унификации нередко вырождается в радикальный рационализм или анархию [3, с. 158].

Рассматривая данный вопрос, следует сделать следующие выводы:

Первое, взаимоотношения государства и церкви имеют глубокие исторические корни, выраженные в догматах, канонах, моделях, которые были заложены в ветхозаветных и новозаветных текстах и в решениях вселенских соборов.

Второе, назрела необходимость, через осмысление наследия восточнославянской цивилизации и православного мира, сформулировать концепцию государственно-церковных отношений на территории Беларуси.

Третье – определяя модернизацию как обновленную стратегию на долгосрочную перспективу, включающую ключевые направления движения общества и государства, опережающую отражение общественных процессов, с учетом национальных целей и приоритетов развития, в основе которых находятся национальные ценности, следует выработать модель взаимодействия церкви и государства на основе ценностного диалога.

Литература:

1. Рогинская М.А. Православная модернизация как предельный интерес: о некоторых аспектах диалога церкви и общества. Журнал Культура и цивилизация. № 1 2012. С 73-122.
 2. Патриаршее слово в Успенском Соборе (10 сентября 2010 г.) // Официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarhia.ru/db/print/1271983.html> (дата обращения 12.10.2013).
- Филарет (Вахромеев К.В.; Митрополит Минский и Слуцкий) Человек в истории / митрополит Филарет (Вахромеев). – Минск: Свято-Елисаветинский женский монастырь, 2008. – 192 с.

Терещенко Ольга Викентовна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной коммуникации, Белорусский государственный университет, г. Минск

ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь определяет информационное общество как современный этап развития цивилизации с доминирующей ролью знаний и информации, воздействием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на все сферы человеческой деятельности и общество в целом [1]. Изменяя человеческую жизнь, ИКТ дифференцированно воздействуют на различные социальные группы, порождая тем самым новые формы социального неравенства. Понимая социальное неравенство в целом как структурные различия возможностей и ограничений для социальных групп, неравенство, связанное с использованием ИКТ и получившее название *цифрового неравенства* (разрыва, барьера), можно определить как возможности и ограничения для социальных групп, обусловленные доступом ее

представителей к современным ИКТ. Автором термина «цифровой разрыв» (digitaldivide) является, вероятно, ПиппаНоррис, опубликовавшая одноименную книгу в 2001 г [2].

Термин «Измерение информационного общества», а также его первые показатели предложены в 2007 г. специализированным агентством ООН Международный союз электросвязи (МСЭ – International Telecommunication Union, ITU) [3]. Характерно, что первые отчеты МСЭ, в соответствии с концепцией открытого интернета, распространялись, в том числе и через интернет, бесплатно. Однако в настоящее время бесплатно можно получить только краткие резюме (правда, на 6 языках), а полные версии отчетов доступны в том же интернете за 70–80 швейцарских франков.

Международный союз электросвязи измеряет уровень развития информационного общества применительно к странам посредством индекса развития ИКТ, и определяет их место в соответствующем рейтинге. Индекс развития ИКТ (рис. 1) включает подиндексы технологической «готовности» страны (инфраструктура и техническая доступность ИКТ), интенсивности использования ИКТ и навыков населения по использованию ИКТ [4]. Подиндекс технологической готовности использует такие показатели как количество стационарных и мобильных телефонов (на 100 жителей), доступность широкополосного интернета (бит/секунду на одного интернет-пользователя), процент домохозяйств, имеющих компьютер, и домохозяйств с доступом к интернету. При вычислении подиндекса интенсивности и использования учитывается процент интернет-пользователей, пользователей стационарного широкополосного интернета и пользователей мобильного широкополосного интернета. Подиндекс навыков включает процент грамотных среди взрослых (15 лет и старше) и процент обучающихся на второй и третьей ступенях среднего образования в соответствующей возрастной группе. Таким образом, рейтинг МСЭ является интегрированным показателем *глобального цифрового неравенства*, отражающим возможности страны и ее граждан в глобальном информационном обществе.

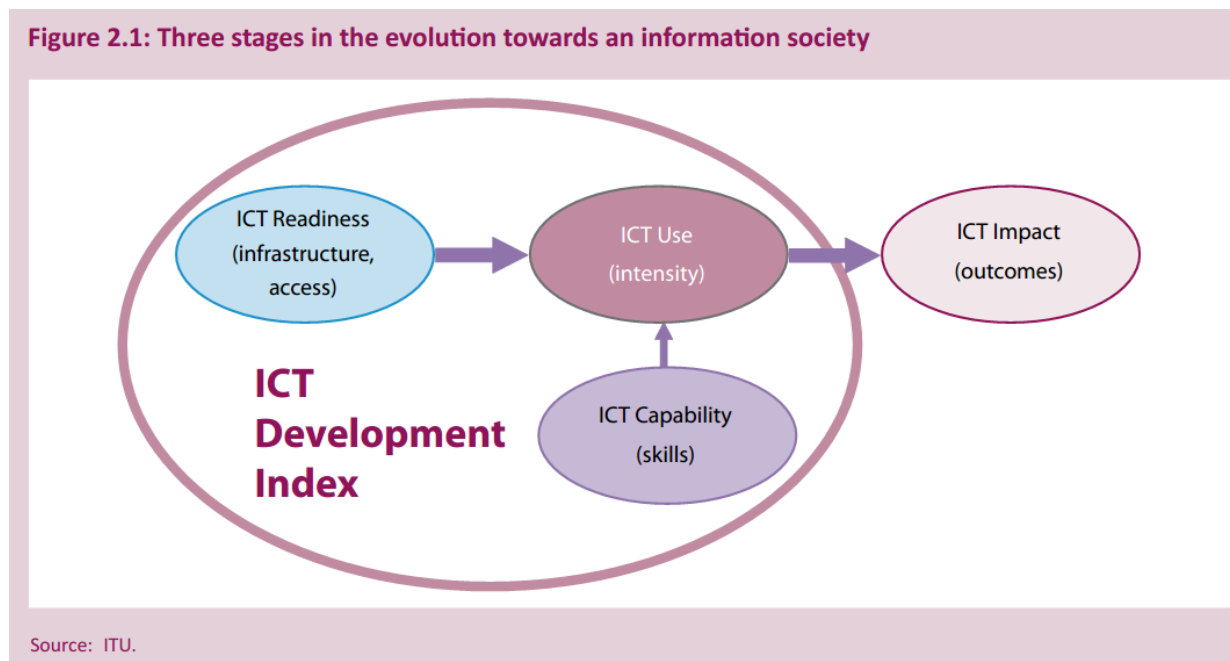

Рисунок 1. Индекс развития ИКТ

Источник: Measuring the Information Society 2013. – Geneva: ITU, 2013. – С. 18.

На рисунке 2 представлена динамика рейтингов развития ИКТ Беларуси и России начиная с 2008 г., когда он впервые был измерен для Беларуси.

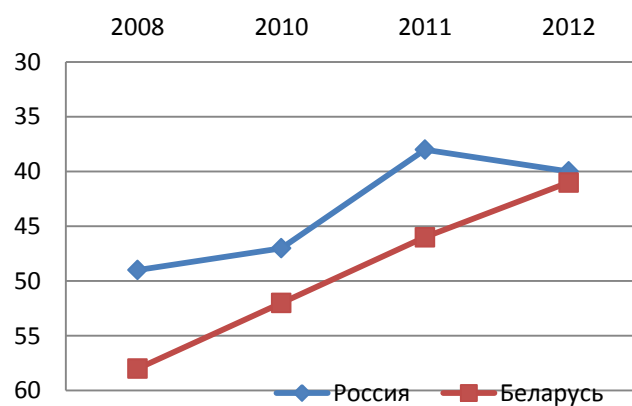

Рисунок 2. Рейтинг Беларуси и России по развитию ИКТ
Источник : Measuring the Information Society 2011, 2013

МСЭ измеряет также рейтинг экономической доступности ИКТ населению страны посредством оценки стоимости «цифровой корзины» – набора информационных услуг, в которой учитывается стоимость абонентной платы и звонков по стационарному и мобильному телефонам внутри сети и в другие сети, а также стоимость стационарного и мобильного интернета (за 1 гб/сек) – по отношению к ВВП на душу населения [5]. Динамика рейтингов Беларуси и России по стоимости цифровой корзины представлена на рисунке 3.

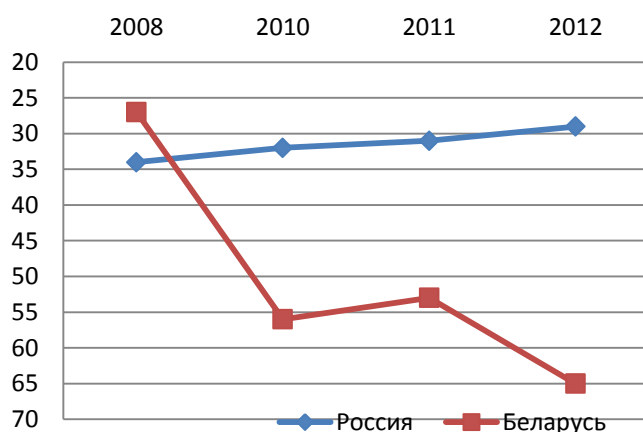

Рисунок 3. Рейтинг Беларуси и России по стоимости «цифровой корзины».
Источник: Measuring the Information Society 2011, 2013

Измерение информационного общества базируется на официальной статистике. Национальные статистические комитеты не только предоставляют данные Международному союзу электросвязи, но также публикуют их. Например, Национальный статистический комитет Республики Беларусь с 2011 г. ежегодно издает сборник «Информационное общество в Республике Беларусь», включающий данные об использовании ИКТ организациями и домохозяйствами.

Развитие национальной статистики информационного общества (в том числе с использованием данных исследований домохозяйств) способствует измерению *цифрового неравенства на национальном и региональном уровнях*. Например, доступ и частота использования интернета определяется по областям, типу поселения, возрасту, образованию [6]. Однако многие аспекты «внутреннего» цифрового неравенства на уровне государственной статистики остаются неисследованными, хотя выборочное обследование домохозяйств, ежегодно осуществляемое Белорусским Статкомом, позволяет значительно расширить получаемые результаты. Имеющиеся пробелы могут быть компенсировать данными регулярных социологических исследований.

Основными измерениями цифрового неравенства внутри страны, как и на глобальном уровне, являются технологическая, экономическая и компетентностная доступность ИКТ, которые имеют как объективные, так и субъективные особенности, и могут рассматриваться на мезо- и микро-уровне. Технологическая доступность представляет собой наличие доступа к технологиям в конкретном населенном пункте (мезо-уровень) и/или доме (микро-уровень). Экономическая доступность на мезо-уровне может рассматриваться как стоимость оказываемых ИКТ-услуг, на микро-уровне – как уровень индивидуальных (среднедушевых в семье) доходов или, более строго, как доля стоимости услуг в индивидуальных (семейных) доходах. Компетентностная доступность основной интерес представляет на индивидуальном (микро-) уровне и не сводится исключительно к образованию, но также включает разнообразные навыки, позволяющие использовать предоставляемыми услугами – интернет-магазинами, мобильным банкингом и др.

В качестве интегрального показателя цифрового неравенства внутри страны может рассматриваться уровень проникновения ИКТ в конкретные социальные группы. В качестве примера рассмотрим гендерный и возрастной аспекты проникновения ИКТ. Рисунок 4 демонстрирует динамику проникновения интернета в группы белорусского населения, выделенные по признаку пола¹.

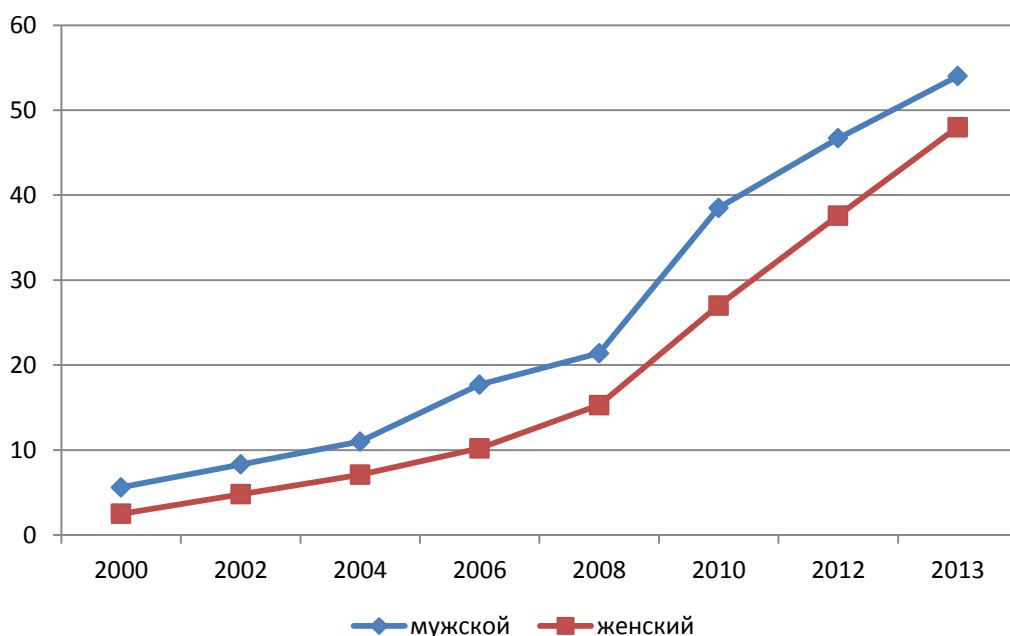

Рисунок 4. Регулярное использование интернета в зависимости от пола

В сентябре 2013 г. интернет регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю) использовали 54 % мужчин и 48 % женщин. Однако эти различия вызвано не гендерными особенностями потребления интернета, а преобладанием женщин в старших возрастных категориях. Как показывает рис. 5, во всех возрастных группах разность между мужчинами и женщинами не превышает 2 %, и полностью отсутствует в возрасте до 20 лет. На данном рисунке также видны четкие возрастные различия, которые можно рассматривать как поколенческий разрыв: регулярно интернет используют 93 % «детей» в возрасте 18–24 лет; 52 % их «родителей» (40–49 лет) и 9 % «бабушек и дедушек» (60+).

¹Здесь и далее данные НИСЭПИ: www.iiseps.org. Ежегодные национальные опросы: объем выборки – 1500 респондентов старше 18 лет.

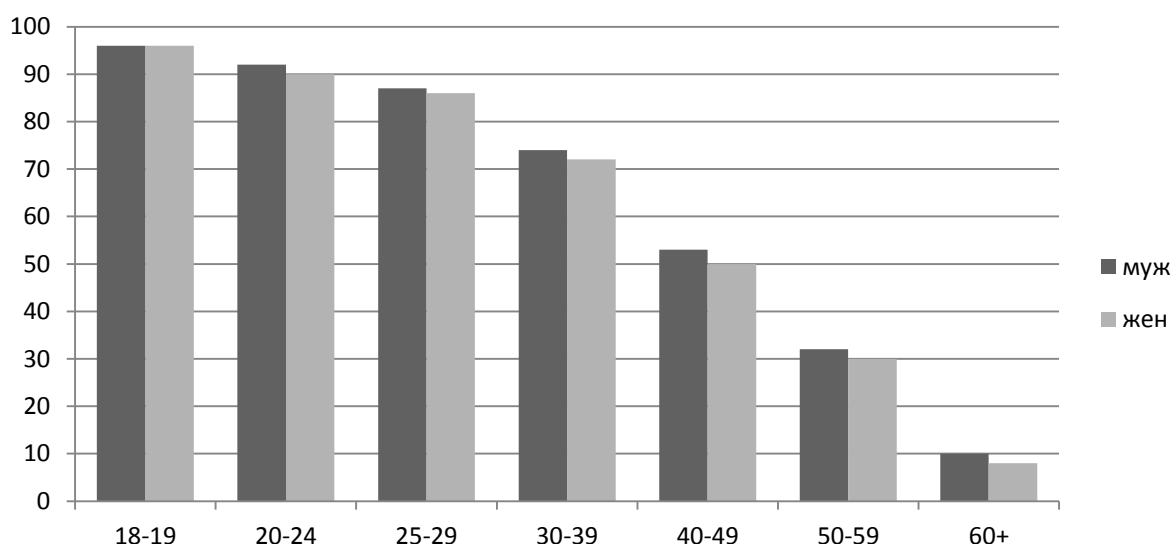

Рисунок 5. Регулярное использование интернета в половеозрастных группах

Для изучения *процесса* проникновения интернета в возрастные группы может быть использован когортный анализ [7]. В таблице можно наблюдать, как различались в определенном году уровни проникновения интернета в возрастные группы (по столбцам), как возрастал с течением времени уровень проникновения в каждой возрастной группе (по строкам), как развивался процесс проникновения в каждой из выделенных 5-летних возрастных когорт. Например, возрастная когорта белорусских первопроходцев интернета, которой в 1998 было 25–29 лет, и в которой наблюдался в то время максимальный уровень проникновения – 8 %, в настоящее время находится в возрасте 40–44 лет и уровень проникновения в ней – 76,7 %.

Таблица. Процесс проникновения интернета в возрастные группы (данные НИСЭПИ в 1998, 2003, 2008, 2013 гг.)

Возраст	1998 г.	2003 г.	2008 г.	2013 г.
16–19	3,3	44,1	71,0	96,0
20–24	4,5	43,4	75,7	96,7
25–29	8,0	33,8	61,3	91,2
30–34	2,4*	23,3	48,5	91,4
35–39	2,4*	17,7	48,6	77,7
40–44	1,1*	17,7	43,2	76,7
45–49	1,1*	11,9	36,8	61,7
50–54	0,5*	9,8	30,3	56,4
55–59	0,5*	2,9	10,5	32,4
60+	0,3	2,8	3,6	13,0
В целом	2,3	17,8	31,2	58,7
Объем выборки	1474	1488	1531	1508

* В 1998 г. использовались группы 30–39, 40–49, 50–59 лет

Навыки работы в интернете позволяют пользователю решать широкий круг повседневных задач – рабочих, бытовых и досуговых. Поэтому разнообразие навыков является важным показателем качества жизни, и в этом контексте может рассматриваться как важный показатель цифрового разрыва. Максимальный разрыв, как и в случае проникновения, происходит по критерию возраста (рис. 6). Однако рисунок позволяет также заключить, что у абсолютного большинства пользователей интернета достаточно навыков, чтобы общаться в социальных сетях – расстояние между кривыми, соответствующими общему количеству интернет-пользователей и участников социальных сетей минимально.

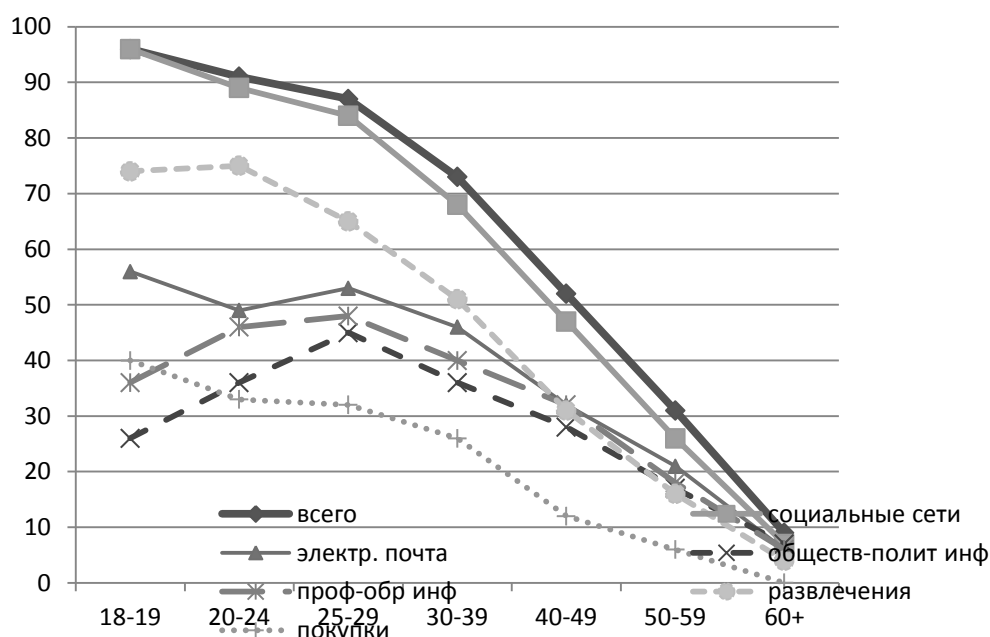

Рисунок 6. Распространенность основных видов занятий в Интернете в разных возрастных группах

Мы рассмотрели ряд подходов к измерению цифрового неравенства: на макро-уровне это регулярные измерения информационного общества Международным союзом электросвязи, на мезо-уровне — данные официальной статистики, на микро-уровне — анализ опросных данных, которые могут быть получены посредством как социологических исследований, так и обследований домохозяйств, осуществляемых Национальным статистическим комитетом.

Литература:

1. Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь до 2015 г.
2. Norris, P. Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide. Cambridge, 2001.
3. Measuring the Information Society 2007: ICT Opportunity Index and World Telecommunication/ICT Indicators — Geneva:ITU, 2007
4. Measuring the Information Society 2013. — Geneva: ITU, 2013. — С. 209–211.
5. Measuring the Information Society 2013. — Geneva: ITU, 2013. — С. 217–223.
6. Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник. — Минск: Статистический комитет Республики Беларусь, 2013. — С. 82–87
7. Терещенко, О.В. Метод когортного анализа в социальных исследованиях / О.В. Терещенко. — Социология: 4М. — 2009. — № 29.

Сарна Александр Янисович, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной коммуникации, Белорусский государственный университет, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ, «НОВЫЕ МЕДИА» И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В БЕЛАРУСИ

В результате мощного воздействия цифровых технологий на работу с информацией и распространения «глобальной паутины» традиционные медиа (пресса, теле- и радиовещание) изменяют свою коммуникативную природу настолько, что возникает совершенно новое явление — «новые медиа». Новые медиа и Интернет теперь выступают не только как инструмент, который удобен и оперативен для поиска информации, установления контактов между людьми (социальные сети от «Одноклассников» до «Фейсбука»), согласования коллективных взаимодействий (сетевой активизм, флеш-мобы, гражданская журналистика...), но и как новая «среда обитания» для «медиа сапиенс».

Интернет способствует устранению границ – национальных, территориальных, языковых. Во-первых, в виртуальном пространстве сети устраняются границы физические (что очевидно) и происходит «сжатие» пространства-времени. Во-вторых, преодолеваются символические границы как социальные и культурные барьеры между группами, сообществами и субкультурами. Здесь становятся несущественными различия между сегментами социального поля, что открывает равные возможности для самопрезентации субъектов сетевой активности. В-третьих, происходит «размывание» границ между приватным и публичным, особенно в социальных сетях, где «все друг друга знают» максимум на уровне пяти контактов и вместо «пяти рукопожатий» действует правило «пяти кликов» по перекрестным ссылкам, позволяя выйти на самые разные источники информации и людей, ее предоставляющих. Казалось бы, в этих процессах модернизации раскрывается весь позитивный потенциал современной коммуникации, стимулирующий креатив интернет-пользователей, в полной мере способствуя реализации их творческой активности. Однако при этом возникают условия для формирования и всевозможных социальных рисков как негативных последствий «сетевого активизма».

Ведь тот, кто не успел или не смог обзавестись «реальными» сетями знакомств, может легко запутаться в «виртуальных», поскольку для него реальность становится просто не нужна. Естественно, в такой ситуации первой пострадает молодежь, как наиболее активная и подверженная соблазну «виртуальной вселенной» (Ж. Бодрийяр) социальная группа. Для нее возможности электронных социальных сетей легко компенсируют нехватку или замкнутость контактов в «реале». Тем самым нуклеарная семья становится пережитком нашего времени: она становится просто не нужна, когда у тебя на счету сотни виртуальных «френдов», готовых поддерживать связь с тобой постоянно, в любое время суток. Сеть – это и есть «новая семья», ведь ее представители готовы разделять твои интересы в отличие от реальных родственников, зачастую редко поддерживающих связь друг с другом. Возникает тотальная зависимость от Интернета, когда образ жизни строится целиком в рамках сетевого сообщества, требующего постоянного присутствия на персональном аккаунте.

В результате возникают не только веб-сообщества как новые группы, но и соответствующие им «новые идентичности» («чатлане» как активные пользователи сети, постоянно общающиеся в режиме чатов), когда происходит «сборка личности» при взаимодействии сетей на основе интероперабельности [4]. Им соответствуют новые сценарии поведения от «невинных» высказываний до откровенных провокаций (выкладывание скандальных фото, роликов, «троллинг» и «флуд» в сети) [1]. Это приводит к трансформациям и самой социальной реальности: перераспределение сил и активностей, появление на публичной он-лайн сцене новых игроков-одиночек (известные блоггеры собирают сотни тысяч просмотров своих материалов), которые стремятся действовать вне контроля медиа-корпораций, органов власти и гражданского общества.

Современные технологии бросают нам вызов, искушая и соблазняя доступностью производства информационного продукта и его распространения огромными тиражами. Ведь теперь дело не ограничивается воздействием кино, теле- и радиовещания в национальном масштабе, что всегда использовалось государством и коммерческими корпорациями для манипуляций массами. Новые медиа формируют иной коммуникационный и социокультурный ландшафт, радикально меняют саму нашу «среду обитания» уже на микроуровне, где мы должны ощущать себя по-другому и совершенно иначе реагировать на все, что происходит вокруг. Электронные социальные сети мобилизуют виртуальные сообщества, видео из мобильного телефона размещается в интернете и становится конкурентом «горячим новостям», а массовые флеш-мобы, PR-провокации и промо-акции создают инфоповоды, способные превратиться в медиа-вирусы и стать сенсацией.

Такого рода стратегии продвижения, используемые в сети как инструмент самопрезентации, позволяют достаточно легко добиться контакта он-лайн с

представителями самых разных сообществ. Это не могло бы произойти в физическом пространстве, где просто не предусмотрены возможности встречи и пересечений между этими группами, сообществами и субкультурами. Они представляют собой своеобразные «закрытые клубы» по интересам со своими уникальными маршрутами активности, траектории их движения в «реале» никогда не пересекаются (точек соприкосновения как «мест встречи» просто не существует физически), зато в виртуальной среде Интернета их встречи вполне возможны и происходят довольно часто.

Так формируется «прозрачное общество» (Дж. Ваттимо) [2], легко трансформирующееся в «общество контроля» (Ж. Делез) [3] в связи с экспансией медиа во все сферы социальности. К чему это приводит? Возможный радикальный вариант – полное уничтожение частной жизни как новая версия антиутопии «1984» в варианте «Слепая вера» Бена Элтона [5] или апгрейд в духе английского мини-сериала «Черное зеркало». Ведь информационные технологии позволяют ужесточить контроль со стороны государства и социума, проникая в самые интимные уголки нашей жизни: спецслужбы, военкоматы, рекламные агенты, работодатели и просто мошенники легко могут воспользоваться личной информацией пользователей в своих целях. С другой стороны, то и дело случаются провокации со стороны частных лиц и отдельных компаний, организаций, даже государств, использующих в качестве информационных поводов любые возможности, чтобы привлечь к себе внимание, любой ценой добиться известности за счет генерируемых ими медиа-вирусов (например, имитация падения метеорита в Латвии в 2011 году).

Как эти тенденции влияют на возможности формирования публичного пространства в Беларуси? Государство стремиться полностью контролировать или «закрыть» любую активность в реальности, кроме потребительской, которую также целенаправленно канализирует в выгодном для себя русле («Купляйце беларускае!»). Для реализации своей гражданской позиции остается лишь электронная среда – виртуальное информационное пространство интернет и социальных сетей. И здесь могут применяться следующие *стратегии формирования публичного пространства* как информационной среды: 1) от «стартапа» – к «стенд-апу»: предложение и продвижение новых тем, вопросов и проблем как новой «повестки дня», их обсуждение, критика и анализ, расстановка акцентов и приоритетов в самых разных форматах, включая ток-шоу и юмористические программы; 2) «лайкни меня»: оценка активности и создание репутации через подтверждение своей значимости, а также использование чужого авторитета в качестве символического ресурса для повышения своего статуса; 3) «разделяй и властвуй»: сегментирование аудитории и объединение ее по различным интересам и пристрастиям в виртуальных сообществах, форумах, блогах, почтовых сервисах, видеохостингах и социальных сетях.

При этом в современном медиaprостранстве могут использоваться различные *инструменты продвижения* как реализации указанных стратегий: 1) создание сетей – электронных ресурсов, связанных друг с другом через ссылки, цитаты, предложения и приглашения, вовлекающие нас в деятельность различных сообществ; 2) «власть рейтинга»: контекстная реклама и PR через «захват» первых строчек на поисковых сервисах (Google, Яндекс и др.) для привлечения внимания пользователей; 3) самопродвижение в сети: открытие блогов, персональных страниц, каналов на YouTube для прямого контакта с аудиторией.

Приведенные выше стратегии и применяемые в них инструменты позволяют по-новому выстраивать отношения всех участников процесса коммуникации, менять традиционные коммуникативные тактики и стратегии, трансформировать социальные практики. Нужно учитывать, что самая активная пользовательская аудитория сетевых медиа (как правило, это молодежь) зачастую проводит в виртуальной среде гораздо больше времени, чем в реальной. Тем самым изучение сетевых медиа и последствий, связанных с их использованием и возможными рисками, приобретает исключительную

важность в контексте развития информационных и коммуникационных технологий в современном обществе.

Литература:

1. «ИМХО»: зачем белорусы делают это с собой? URL: <http://news.tut.by/kaleidoscope/371156.html> (дата обращения: 20.10.2013).
2. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. – М.: Логос, 2002. – 128 с.
3. Делез Ж. Общество контроля PostScriptum. – Элементы, № 9, М., 2000. URL: <http://arcto.ru/article/547> (дата обращения: 20.10.2013).
4. Щуров, И. Сборка личности. – Компьютерра, №6, 25.02.2008 URL: <http://old.computerra.ru/2008/722/349637/> (дата обращения: 20.10.2013).
5. Элтон Б. Слепая вера / пер. с англ. В. Бабкова. – М.: Иностранка, 2009. – 416 с.

Бойко Наталия Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии, Институт социологии НАН Украины, г. Киев

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ В ИНТЕРНЕТЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Интернет сегодня - это новая социальная реальность современного общества, в которой граждане активно общаются, получают информацию, выражают свое мнение и намерения, делают покупки, ведут бизнес, учатся, получают советы специалистов и интернет-друзей, ищут единомышленников, объединяются для реализации своих планов и защиты своих интересов, инициируют различные социальные и гражданские инициативы. Феномен Интернета заключается в том, что он предоставляет возможность общения и объединения совершенно незнакомых людей, которые часто имеют разную территориальную дислокацию, разные возрастные, образовательные, профессиональные, материальные характеристики. Однако всех их может объединить определенный общий интерес – социальная или гражданская проблема, обсуждение и разрешение которой становится возможным благодаря включенности во всемирную сеть. Современной практикой становится социально-гражданская активность людей, которая была инициирована в Интернете и реализовывалась рядовыми гражданами, объединившимися в сети для решения определенных неотложных социальных проблем. Так, можно вспомнить, например, объединение жителей столицы в сети в конце марта 2013 года для преодоления последствий снежной метели, которая парализовала город и оказалась серьезным испытанием для власти и граждан. Тогда внезапная метель со снежными заносами буквально парализовала город и пригороды г.Киева. Тысячи людей оказались заложниками ситуации. Сотни машин и общественный транспорт застряли на дорогах. Люди сидели в машинах по двое суток. Коммунальные службы оказались не готовы к разрешению такой ситуации. И тогда горожане объединились через социальную сеть (Фейсбук) для оказания помощи. Тысячи совершенно незнакомых людей смогли договориться, объединиться, создали в сети координационную группу, согласовывавшую их действия. Была сформирована карта города на которой каждый желающий оставлял свои координаты и микрорайон в рамках которого он может оказать помощь (откопать и вытянуть машину, дать инструменты, тросы, напоить чаем и т.д.). В результате нередко были случаи на дорогах, когда МЧСовцы давали координаты Интернет-активистов тем водителям, которые нуждались в помощи. Можно вспомнить и инициативы Интернет-пользователей в помощь больным детям, беспризорным животным, противодействие незаконному строительству, уборка мусора и тому подобное. Примеров существует немало, однако цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выяснить отношение украинцев к возможности реализации социального, гражданского, политического взаимодействия через Интернет, а также выявить реальный уровень социально-гражданской активности украинцев в сети.

Следует отметить, что сегодня социологические исследования подтверждают общую достаточно низкую активность граждан в отстаивании своих прав и интересов, решении социальных, гражданских, политических проблем общества. Ответы на вопросы о готовности отстаивать свои права и интересы и контролировать их решение властью свидетельствуют, с одной стороны, о недостатке реальных механизмов влияния общества и граждан, а с другой, о не востребовавности и неэффективности существующих. Так, результаты социологических опросов Института социологии НАНУ демонстрируют следующие результаты. При ответе на вопрос «Если бы Правительство Украины приняло решение, которое притесняет Ваши законные права и интересы, могли бы Вы что-то сделать против такого решения?» в 2002 г. 65,8% опрошенных граждан отметили, что ничего не смогли бы сделать, в 2006 г. – 63,2%. Позитивный ответ предоставляют не более 10% жителей Украины. За последними результатами опроса 2012 г. (66,6%) – ситуация, к сожалению, даже несколько ухудшилась. Правда, более реальным отстаивание своих законных прав и интересов граждане оценивают в отношениях с местной властью в случае принятия решений, противоречащих интересам граждан. Так, в 2012 г. негативно оценивают возможности отстаивания своих интересов на местном уровне 56,1% украинских граждан. Около 12,6% респондентов (то есть почти вдвое больше, чем на государственном уровне) отмечают, что смогли бы что-то сделать в случае принятия местной властью такого решения.

Отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, имеется ли у Вас возможность контролировать деятельность властных структур?» – 76,5% респондентов отмечают, что они не имеют никакой возможности контролировать деятельность властных структур. Причем следует отметить, что количество украинцев, которые считают, что не имеют возможности контролировать деятельность властных структур, увеличилась в 2013 г. по сравнению с 2006 г., когда такой ответ предоставляли 70,5% опрошенных (в 2001 г. так считал 81% опрошенных). Рассматривая же качественные показатели контрольных ресурсов общества, выделенные респондентами, можно заметить, что в течение всех лет исследования оценка возможностей влияния граждан на деятельность властных структур остается достаточно низкой. Так, оценка контрольных возможностей общества за деятельностью власти по всем предложенным позициям («международные организации», «общественные организации», «политические партии», СМИ, Интернет, «референдумы», «участие в выборах») практически не превышает 10-процентного рубежа.

Вместе с тем, следует отметить, что украинские граждане сегодня рассматривают Интернет как один из возможных каналов общественного влияния. Не трудно заметить, что, несмотря на общую достаточно низкую оценку всех выделенных позиций влияния, Интернет как вероятный ресурс влияния общества рассматривается гражданами чаще, чем такие ресурсы влияния, как международные организации, политические партии, суд и правоохранительные органы, общественные организации. Такую приоритетность выбора в исследовании демонстрируют все респонденты – и те, кто пользуется Интернетом, и те, кто никогда не пользовался Интернетом (не пользователи), и потенциальные пользователи сети (те украинцы, которые отмечают, что хотели бы, но не имеют возможность пользоваться Интернетом). Если же рассмотреть оценки контрольных ресурсов общества реальными пользователями – теми, кто отмечает, что пользуется сегодня Интернетом, то ситуация станет еще более показательной.

Среди пользователей сети 8% опрошенных считают, что Интернет является возможным ресурсом влияния общества. В то же время, на свою возможность влиять на деятельность властных структур через суды и правоохранительные органы указывают 2,7% пользователей Интернета, через общественные организации – 5,6%, через политические партии – 3,8%, через референдумы – 4,9%, через международные организации – 3,8%. Таким образом, можно заметить, что Интернет сегодня признается пользователями сети как один из наиболее реальных ресурсов влияния общества на

деятельность властных структур. Чаще, чем Интернет, пользователи сети выделяют только такие ресурсы влияния общества, как СМИ – 15,6% и участие в выборах – 9,5%.

Сегодня Интернет начинает рассматриваться гражданами в качестве возможного реального агента общественного влияния – канала взаимодействия и объединения людей, канала реализации диалога гражданина с властными структурами, политиками, чиновниками и т.п.

Однако возникает вопрос какова же реальная картина активности пользователей в сети. Для чего чаще всего пользователи используют Интернет. Заметим, что в 2013 г. уже около половины (48,8%) украинских граждан в возрасте от 18 лет отмечают, что они являются пользователями всемирной сети. Результаты наших социологических исследований свидетельствуют о том, сегодня происходят значительные качественные изменения в использовании Интернет-сети пользователями. Повышается общая активность пребывания в сети, а также формы и цели его использования. Это и ознакомление с последними новостями, текущей информацией; и поиск информации для учебы/повышения квалификации и информации по интересам; пользование электронной почтой и общение в сети; поиск информации о товарах/услуги и покупки он-лайн; посещение сайтов государственных, общественных структур; поиск единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив т.п. Так, по результатам нашего исследования сегодня 52,5% украинских пользователей знакомятся в сети с последними новостями, текущей информацией; 32,8% ищут информацию для учебы/повышения квалификации; 30,5% ищут информацию, необходимую для выполнения профессиональных обязанностей; 21,7% ищут информацию про вакансии, возможности трудоустройство; 12% посещают сайты государственных, общественных структур и т.п.; 45,2% ищут информацию по темам, которые интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и т.п.); 11% находят и читают/переписывают в свою электронную библиотеку художественные книги; 42,1% находят и слушают/переписывают музыку, фильмы; 44,5% общаются в чатах, iCQ, социальных сетях («Одноклассники», «Вконтакте» и тому подобное); 28% просто блуждают по сети; 26,3% играют в компьютерные игры он-лайн; 8% участвуют в форумах, конференциях; 5,4% ищут единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив; 31,2% ищут информацию о товарах/услуги; 16,2% делают покупки он-лайн; 45,2% пользуются электронной почтой; 32,2% общаются с помощью специальных программ (Скайп, Сипнет и тому подобное).

Более детальный анализ социально-гражданской активности в сети мы реализовали, предложив респондентам, пользователям Интернета, обозначить свои сетевые практики по целому ряду позиций, отражающих определенные уровни социально-гражданской активности – от наиболее низкого (условно «пассивного» уровня), который предполагает ознакомление с общественно-политической информацией и демонстрирует интерес пользователей к данной проблематике до активно-действенного уровня – уровня инициирования социально-гражданской активности в сети. Исследование продемонстрировало следующие результаты (табл.).

Анализ социально-гражданской активности в сети свидетельствует о том, что сегодня украинцы используют Интернет преимущественно для получения разнообразной социально-политической информации и отслеживания общественно-политических новостей. То есть преобладает достаточно пассивный уровень использования сети для удовлетворения социально-общественных потребностей. Однако существует и определенная группа пользователей, достаточно незначительная на сегодняшний день, которая отмечает, что активно использует всемирную сеть для презентации своих мыслей и предложений по разнообразным вопросам общественно-политической проблематики, для контактов с властными и гражданскими структурами, а также для поддержки конкретных социальных мероприятий, инициатив, которые иницируются гражданами в сети.

Таблица. Ответы на вопрос: «Какую активность Вы проявляете в сети Интернет?» среди пользователей сети, 2013, %

Варианты ответов:	Пользователи Интернета, N=824
Читаю информацию на сайтах разнообразных государственных и негосударственных организаций	32,8
Отслеживаю новости общественно-политической жизни	32,0
Читаю блоги, страницы политиков, общественных деятелей	12,0
Обращаюсь в официальные учреждения, организаций для решения личных или общественных проблем	5,6
Обращаюсь в общественные, международные организации	2,1
Выражаю свое мнение, предложения, замечания в блогах политиков, общественных деятелей, на сайтах государственных учреждений, партий	2,7
Оставляю комментарии к публикациям по социальным, общественно-политическим вопросам	5,6
Обсуждаю на форумах, конференциях, в социальных сетях актуальные вопросы социально-политической, общественной жизни	3,9
Поддерживаю социальные мероприятия, инициированные пользователями в сети (например, помощь больным, протестные акции против незаконной застройки и тому подобное)	4,0
Сам инициирую через Интернет определенные социальные мероприятия и действия	1,5
Другое (<i>напишите</i>)	0,6
Ничего из перечисленного не делаю	45,6

Можно отметить, что пользователи сегодня рассматривают Интернет как потенциальный ресурс реализации социально-гражданской активности, ресурс возможного влияния общества на властные структуры и канал взаимодействия власти и граждан. Однако социально-гражданская активность в сети не стала еще повседневной практикой. Такой результат можно объяснить как общей достаточно низкой оценкой гражданами своих возможностей влияния на власть, так и объективными условиями развития Интернет-технологий в современном обществе. Электронное управление, предоставление электронных услуг властными структурами, электронное взаимодействие социальных субъектов сегодня только набирать обороты и отвоевывает свое право на полноценное существование в обществе. Данную ситуацию демонстрируют и особенности реализации социально-гражданской активности в сети Интернет. Такое развитие нуждается и в становлении определенной гражданской культуры использования сети, и в овладении определенными знаниями, навыками реализации такого взаимодействия. Однако многочисленные проявления социально-гражданской активности, которые сегодня успешно реализуются пользователями в обществе с помощью всемирной сети, а также достаточно высокий уровень оценки возможностей использования Интернета, как современного ресурса общественного влияния, который продемонстрировали респонденты – подтверждает потенциал сети в решении разнообразных неотложных и актуальных общественно-гражданских вопросов и проблем.

Лагунова Елена Николаевна, преподаватель кафедры философии, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск

*КОММУНИКАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ Ю.ХАБЕРМАСА И Р.РОРТИ*

Согласимся с тем, что условием и целью социальной модернизации выступает демократизация общества. Однако современный либерализм – «победившая» тактика и стратегия социокультурного развития – парадоксален: декларируя свободу личности, он тут же устанавливает «разумные пределы», подменяя универсализм творчества человека в формализм возможности творчества по социальному (и, прежде всего, политическому) заказу. В данном случае принципиальный диалогизм личностного бытия трансформируется в монологизм цивилизационного, лишь на поверхности кажущегося демократичным. Разрешение этого иронического парадокса необходимо, в том числе, и на теоретическом уровне.

Говоря о социальной теории сегодня, мы должны принимать во внимание следующие соображения. Во-первых, возможна ли теория, схватывающая общество в его тотальности, и поддается ли вообще социальное систематизации и теоретическому анализу, или же мы должны остановиться на уровне описания общественных феноменов? Во-вторых, может ли теория помочь в решении конкретных насущных проблем и не превратиться в игру отвлеченного ума. Наконец, нужна ли вообще «теория», которая выступит как очередное проявление власти, репрессивно задающее «мое» видение мира?

Все же попытаемся отстоять возможность и необходимость социальной теории, к которой предъявим следующие требования. Если она возможна, то только в качестве принципиально фальсифицируемой, что позволит избежать ее абсолютизации и даст адекватный выход в реальную социальную практику. Если она необходима, то для того, чтобы обосновать идеалы демократического общества. Кроме того, современная социальная теория уже ангажирована многомерностью и переходностью цивилизации, и, следовательно, может выступать технологией модернизационной трансформации.

На наш взгляд, этим требованиям удовлетворяют концепции Юргена Хабермаса и Ричарда Рорти. Несмотря на различие позиций и взаимную критику их горизонты понимания пересекаются, что является условием продуктивной коммуникации между ними. Юрген Хабермас, выступая критиком классической рациональности, все же не принадлежит к представителям тотальной критики разума. По его мнению, рациональное устройство общества возможно, если не абсолютизировать инструментализм разума, который дает нам опыт вмешательства во внешний мир и власть над последним, а актуализировать коммуникативную сторону разума, ведущую к подлинной солидарности.

Основой коммуникации, обеспечивающей возможность взаимопонимания, выступают интерсубъективные структуры социального познания и действия, предполагающие общезначимость опыта деятелей. Коммуникация не сводится только к передаче информации, но является трансляцией социальных значений, обменом смыслами в поле интерсубъективности. Кроме того, посредством коммуникации может осуществляться социальное влияние и управление. Последнее носит двусторонний характер, обеспечивая адекватное взаимодействие и понимание между двумя социальными деятелями. Условием интерсубъективности выступают универсалии, которые имеют процедурный, а не онтологический статус. Как ни парадоксально, универсалии ситуативны и историчны, что дает нам возможность рассматривать коммуникацию как языковую игру. Это, в свою очередь, предполагает множественность картин мира и его открытость для всевозможных интерпретаций. Пересечение картин мира и понимание между людьми возможно, поскольку, по мнению Хабермаса, поиск консенсуса и свободная от господства коммуникация – основа общественной жизни человека.

Ричард Рорти предлагает иную модель культуры и общества, которая наиболее адекватна самообразу человека как творческого существа, а именно либеральную утопию, являющуюся, по сути, поэтической культурой. О такой культуре говорят со времен Романтизма: романтики попытались в своих теоретических построениях и практических действиях эстетизировать мир, воспринимать и организовывать его как художественное произведение. Если для новоевропейской традиции средоточием мысли выступал человек познающий, способный, в силу присущего ему «естественного света разума», понимать и обустраивать действительность, то для Романтизма – это, прежде всего человек переживающий и чувствующий.

Основную роль в построении поэтизированной культуры Рорти отводит ироникам. Ироническое мышление основано на понимании мира как открытого для означивания. Ироник не предполагает «естественный» порядок вещей и событий, освященный Истиной, Логосом или Богом, а скорее утверждает историчность любых социальных практик. Ироник, в отличие от метафизика, понимает ограниченность и конечность собственного словаря, что позволяет ему свободно обращаться с другими словарями, бесконечно продуцируя смысл и символический контекст. Здесь позиции Рорти и Хабермаса пересекаются: и тот, и другой полагают, что диалог, в котором прекращается понимание и производство значений, превращается в псевдокоммуникацию.

Ироническая установка, конечно, дает возможность раскрытия личностного («приватного»), но может ли она быть отправным пунктом социальной коммуникации («публичного») и основой солидарности? Когда словарей бесконечное множество, а языковая игра превращается в самоцель, возможно ли вообще общество, а не просто общность?

Упрек в том, что ирония приводит к релятивизму и делает невозможным либерализм, на наш взгляд, несостоятелен. К примеру, полагая свободу одной из ценностей демократического общества, ироник говорит о том, что она желаемая (и этого достаточно), в то время как метафизик пытается объяснить, почему она необходима, что вынуждает его обращаться к трансцендентным сущностям. Ирония же прагматична: в ходе дискуссии она *создает* убеждение и истину, а не *открывает* их, и именно поэтому ирония возможна как реальная стратегия изменения социальной практики.

В концепциях Хабермаса и Рорти социальность выступает как возможность достижения взаимопонимания и солидарности, процесс постоянного производства смыслов, тогда коммуникация – базовая процедура социальных действий, Коммуникация выступает основой организации социального порядка и внутренней тенденцией общественного развития. Т.е. коммуникация – условие и способ социального существования и трансформации. При этом на первый план социальной практики выходят жизненные смыслы и повседневный опыт, что предполагает публичность каждого человека.

Таким образом, для Хабермаса и Рорти основой социума и социальной теории выступает «свободная от господства коммуникация», предполагающая множественность картин мира (словарей), что приводит к необходимости и возможности социальной модернизации. Технологию же модернизационных общественных трансформаций Хабермас видит в рационализации культуры, «усовершенствовании» классической рациональности до коммуникативной, смещении акцента с субъективности на intersубъективность, а Рорти – в поэтизации культуры, использовании иронии как тактики и стратегии «приватного» и «публичного» существования.

Подвальская Вероника Сергеевна, аспирант, младший научный сотрудник сектора методики и практики прикладных социологических исследований, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Информационное общество характеризуется целым рядом особенностей, одной из которых является возросшее влияние средств массовой коммуникации и информационных технологий во всех сферах общественной жизни. Этому способствовал стремительный скачок научных достижений, который привел к массовому использованию коммуникационных технологий и, как следствие, увеличению их роли в жизни общества. В свою очередь развитие коммуникационных технологий и усложнение социальной структуры общества привело к возникновению новой коммуникативной ситуации, ключевой характеристикой которой является рост значения коммуникации по отношению к иным областям жизнедеятельности социума.

Говоря о коммуникации в информационном обществе, необходимо отметить целый ряд особенностей, которые наблюдаются в развитии коммуникационных процессов начиная со второй половины XX века. К данным особенностям относятся следующие.

1. Увеличение доли СМИ, Интернета, сотовой, спутниковой связи в обеспечение информационно-коммуникативного взаимодействия между людьми.

2. Изменение образа жизни, социальных механизмов, обеспечивающих функционирование коммуникативного пространства населения планеты.

3. Доступность практически любой информации самым широким слоям населения, что способствует формированию в самосознании человека своего собственного образа, выровненного в возможностях со всеми. Это ощущение, с одной стороны, усиливает индивидуалистические тенденции в становлении личностных качеств современного человека, а, с другой, - интегрирует его в массу себе подобных, создает психологическую базу формирования иллюзорного мира абсолютного равенства в возможностях.

4. Действие принципов быстротечности, фрагментарности в сфере межличностных коммуникаций, а также в сфере потребления и услуг. Коммуникативное поле в информационном обществе характеризуется высокой мобильностью не только человека, но и социальных систем, социальных институтов, сокращением времени, отводимом на межличностное длительное общение, появлением новых информационно-коммуникативных технологий, способствующих сокращению времени связей между людьми [1].

Обозначенные особенности определяют существенные изменения в коммуникативном пространстве информационного общества, которые условно могут быть разделены на три основные группы.

К первой группе относятся изменения, связанные с изменением параметров информации. Эти изменения характеризуются целым рядом аспектов. Прежде всего, это изменения, связанные с увеличением объема информации, скорости ее распространения. В информационном обществе человек оказывается потребителем огромного количества информации. Избыточность информации приводит к тому, что человек не успевает воспринимать и обрабатывать ее. Тем самым многократно возрастает случайность коммуникации: переизбыток информации вынуждает человека к тому, чтобы отказываться от множества из коммуникационных возможностей. Селективность коммуникации определяется все более негативно, т.е. принимается больше решений отказа от коммуникации, чем согласия на нее. Таким образом, количество коммуникационных поводов увеличивается, но случаев «удавшейся» коммуникации не становится существенно больше [2; 3].

Еще одним важным аспектом изменения параметров информации является усложнение проблемы ее достоверности. Постановка данной проблемы обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, усложнением возможности проверки достоверности информации для пользователя, поскольку такие ее параметры, как скорость поступления, масштабность, территориальный охват и количество не оставляют времени для тщательного анализа и проверки.

Во-вторых, возможностью искусственного создания (моделирования) происходящих событий и соответствующих информационных полей. В результате информационное пространство стало комбинированным: оно содержит отражение как реально происходящего в действительности, так и виртуального. Появление этих виртуальных образований ведет к имитации реальности, созданию иллюзорных образов, которые воспринимаются людьми как достоверная информация.

В-третьих, созданием особой культуры восприятия, которая во многом опирается на индивидуальность восприятия и, следовательно, отрицает установку на выработку общих для группы кодовых систем [3].

Следующим аспектом изменения параметров информации является восприятие информации в качестве основного социального ресурса, символического капитала. Информация превращается в глобальный, в принципе неисчерпаемый ресурс человечества. Как следствие, изменяется тип структурирования общества: вместо традиционного деления на экономические классы (собственников и наемных работников) и страты (низший, средний и высший), общество дифференцируется по профессиям, уровню образования и квалификации, по отношению к информационным источникам и процессам.

Еще одним аспектом изменения параметров информации является появление информационного неравенства, т. е. разная степень доступности жителей мира к средствам обработки, выборки и передачи информации по телекоммуникационным сетям, включая Интернет [3]. Данное неравенство существует как внутри стран, так и между регионами, а также на глобальном уровне.

Таким образом, изменения в коммуникативном пространстве информационного общества, связанные с изменением параметров информации, оказывают существенное влияние на характер процесса коммуникации, качество информации, образ жизни отдельного человека и социальную структуру общества в целом.

Ко второй группе изменений в коммуникативном пространстве информационного общества относятся изменения, связанные с развитием информационных технологий. Информационные технологии в информационном обществе определяются несколькими параметрами. Во-первых, информационные технологии приобретают глобальный и тотальный характер. Глобальность информационных технологий заключается в охвате практически всего мирового сообщества информационно-компьютерными сетями и создании мирового информационного пространства, которое преодолевает пространственно – временные барьеры в международном общении между людьми. Во-вторых, информационные технологии существенно воздействуют на все сферы и стороны жизнедеятельности человека, общества, качественно изменяя все наработанные ранее социальные технологии: общение, обучение, принятие решений и т.д. [2; 4].

Таким образом, стремительно развивающиеся информационные технологии особым образом структурируют социальные взаимодействия людей, влияют на характер их интересубъективных отношений, когнитивных структур, эмоциональных реакции и, как следствие, на систему ценностных предпочтений.

К третьей группе изменений в коммуникативном пространстве информационного общества относятся изменения, связанные с природой и механизмом коммуникативного взаимодействия. Данные изменения связаны, прежде всего, с проблемой человек/коммуникация. С одной стороны, коммуницируемость социального пространства

активно формирует новый режим приобретения знаний, новостей, личного и делового пространства. С другой стороны, погружая человека в непрерывный поток информации, происходит ускользание информационных смыслов. Как следствие, социальные субъекты коммуницируют друг с другом, но их языки общения все меньше совпадают друг с другом [3]. Таким образом, стремительное развитие информационных технологий и рост влияния средств массовой коммуникации на все сферы жизни общества, характерные для информационного общества, с одной стороны открывают новые коммуникационные возможности для человека и общества в целом, а с другой стороны - характеризуются целым рядом негативных последствий.

Литература:

1. Савруцкая Е.П. Феномен коммуникации в современном мире // Российская коммуникативная ассоциация [Электронный ресурс]. - 2004. –Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/s/savrutskaya.shtml. - Дата доступа: 18.11.2013.
2. Михайлов, В.А., Михайлов, С.В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // Российская коммуникативная ассоциация [Электронный ресурс]. - 2004. Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/m/mihaylov-mihaylov.shtml. - Дата доступа: 18.11.2013.
3. Барматова, С.П. Изменение места и роли коммуникации в современном мире // Социология: теория, методы, маркетинг [Электронный ресурс]. - 2009. - № 3. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/soc-ua/msg/33476536.html>. - Дата доступа: 18.11.2013.
4. Байков. Э. Информационные технологии в постиндустриальном обществе: перспективы развития // Библиотека учебной и научной лит-ры [Электронный ресурс]. - 2007. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/baykov_inf/. - Дата доступа: 19.11.2013.

Зубарев Александр Сергеевич, аспирант кафедры социологии, Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина, г. Харьков

М.БАХТИН В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Многообразие проблем современности требует от социолога-исследователя определённой изобретательности в поиске новых способов описания, объяснения и понимания социальной реальности, но что ещё более важно – определения и обоснования собственной этической позиции по отношению к этим проблемам. Этот перманентный поиск может быть направлен не только в современность, где мы вправе осмотреться и выбрать созвучные нам концепты, но и в прошлое – историю собственной науки. Одной из таких ретроспекцией может быть социологическое прочтение работ М. Бахтина в контексте проблем современного общества, возможности которого отчасти рассматриваются в работах Ю. Давыдова [1], З. Каримовой [2; 3] не получивших, впрочем, заметного отклика среди социологов.

Как ни странно, несмотря на то, что перу М. Бахтина принадлежат не только труды, в которых социологическая проблематика присутствует имплицитно, но и собственно работы по социологии, в учебных изданиях, как и в научной периодике, об этом упоминается крайне редко. В отечественных публикациях апелляции к М. Бахтину в большинстве своем ситуативные, что связано, по всей видимости, с более выраженными по сравнению с западной гуманитарной наукой дисциплинарными границами. Ведь западными авторами уже давно развиваются такие интересные направления исследований, как М. Бахтин и постмодернистская деконструкция бинарных оппозиций; бахтинская теория карнавала и проблема маргинальных культур (М. Бернард-Дональдс); рефлексивное исследование социологической науки в контексте бахтинской теории языковых и литературных жанров (Д. Смит); М. Бахтин и проблематика формирования

социальной идентичности (Д. Пейтер); аналитика повседневности в контексте бахтинских ранних работ (К. Бендер) и другие [2, с. 179-183]. Среди более современных исследований можно назвать как достаточно традиционные, предпринимаемые в контексте разработки проблематики диалога (Ж. Дюбоск, И. Кльо [4]), анализа дискурсов (С. Бранка-Розофф [5]), так и выражающие поиск оригинальных тематических полей, примером чего может служить исследование А. Романа [6] корпоративной электронной почты.

З. Каримова, актуализируя идеи М. Бахтиным в контексте социологической проблематики, обращает внимание на бахтинские концепты «избытка прямого значения», «двухголосого слова», «Другого». «Избыток прямого значения» – это категория организации значения, согласно которой значение понимается как незавершенное, обратимое, многоплановое, постоянно поддающееся реинтерпретациям, которое может «оттеняться» значениями, куда более важными, чем прямое, может быть деконструировано и даже доведено до своей противоположности. Но для М. Бахтина избыток прямого значения – это ещё и «избыток человечности», подчеркивает З. Каримова, а, значит, особая теория социальности, текста и субъективности [3, с. 20-21]. Избыток прямого значения делает возможным «двухголосое слово», то есть слово с установкой на чужое слово, двумя полюсами которого являются диалог и монолог [3, с. 22-23]. Впрочем, диалогичность присуща не только слову, но и всей культуре, ведь фигура «Другого» играет фундаментальную роль в формировании значения и субъективности в целом, позволяет нам взглянуть на себя «со стороны», преломляя наш опыт через свои оценки, восприятие, мировоззрение. Другой – это и «зеркало», в котором мы видим искаженный образ себя, и полноправный субъект, обладающий своим голосом и кругозором. У М. Бахтина Другой входит в диалог не как выразитель каких-либо идей, а как полноценный субъект, который в своем бытии, конечно, превышает любые идеи [3, с. 33-35]. Эти бахтинские концепты представляются особенно актуальными в связи с проблемами расизма, национализма, сексизма, фундаментализма, ксенофобии, которые тесно связаны с процессами упрощения и «натурализации» социокультурного восприятия Другого в современных обществах, о чем недвусмысленно пишет Ю. Сорока [7]. Ещё одно направление, в перспективе которого рассмотренные бахтинские концепты кажутся особенно актуальными, это исследование «нетипичности» в различных её формах, требующее погружения в субъективный мир переживаний личности [8].

Впрочем, методологический потенциал концепции М. Бахтина этим не исчерпывается. Этическая трактовка жизненного мира, осуществлённая М. Бахтиным [9], позволяет увидеть новые ориентиры в профессиональной этике социолога. Согласно М. Бахтину, человек бесконечно ответственен за то место, которое он занимает в бытии. Индивидуально-ответственным поступком является и мысль, и слово, и действие, и вся жизнь как сплошное «поступление». «Я поступаю всей своей жизнью», – пишет М. Бахтин [9]. Действительно свершающийся в жизни-событии поступок снимает всякую гипотетичность, он «последний итог, всесторонний окончательный вывод» [9]. Такая концептуализация поступка позволяет М. Бахтину трактовать кризис современного общества, то есть общества начала XX, как кризис поступка. Согласно М. Бахтину, современный человек уверенно поступает там, где его принципиально нет – в различных автономных областях культуры, великолепных в своей стройности, но далеко не так уверенно в действительном мире жизни, где он «имеет с собой дело» [9]. Потому желая и умея «участно мыслить» социолог не может исключить себя из общества, в котором человеческие отношения находятся под угрозой замещения отношениями эксплуатации, дискриминации или потребительства – в зависимости от той или иной его социологической концептуализации. Перефразируя М. Бахтина, можно сказать так: «За то, что я пережил и понял в социологии, я должен отвечать своей жизнью и, наоборот, за то, что я понял в жизни – должен отвечать в науке социологии». Иначе и наука, и жизнь обедняются, не будучи связанными единством конкретной личности.

Итак, теоретическое наследие М. Бахтина изобилует концептами, эвристически ценными в контексте исследования и поиска решения проблем современного общества, а также выработки этической позиции социолога по отношению к этим проблемам. Хотя социологическая интерпретация идей М. Бахтина имеет и свои границы, связанные с проблемой перевода бахтинских понятий на социологический язык и, в конце концов, интеграции различных дискурсов: социологического, философского и литературоведческого, которая должна вести не к размыванию поля социологической науки, а к обогащению её новыми смыслами.

Литература:

1. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Михаил Бахтин (к введению в социологию XX) / Ю.Н. Давыдов // Социологические исследования, 1996, № 9, С.3-14.
2. Каримова З.З. Бахтин в зеркале социологии и диалогии [Электронный ресурс] / З. Каримова // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1999, № 1. – Режим доступа: <http://www.nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=1&abs=KARIMOVA>
3. Каримова З.З. К вопросу о социологической интерпретации М.М. Бахтина [Электронный ресурс] / З.З. Каримова // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1999, №4. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=KARIMOVA>
4. Duboscq J. L'autoconfrontation croisée comme instrument d'action au travers du dialogue: objets, adresses et gestes renouvelés / Julie Duboscq, Yves Clot // Revue d'anthropologie des connaissances 2/2010 (Vol 4, n° 2), p.255-286.
5. Branca-Rosoff S. Normes et genres de discours / Sonia Branca-Rosoff // Langage et société 1/2007 (n° 119), p.111-128.
6. Roman A. La banalisation du mail: l'ombre de dionysos dans la communication organisationnelle / Artur Roman // Sociétés 2010/1 (n° 107), p.87-102.
7. Сорока, Ю. Свої, чужі, різні: соціокультурна перспектива сприйняття Іншого: монографія / Юлія Сорока. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 332с.
8. Ярская-Смирнова О. Социокультурный анализ нетипичности / О. Ярская-Смирнова. – Саратов: СГТУ, 1997. – 272с.
9. Бахтин М.М. К философии поступка [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985 гг. – М., 1986. – С.82–160. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Baht_FilPost.php

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Королевич Александр Николаевич, кандидат физико-математических наук, заведующий отделом-центром планирования и прогнозирования подготовки научных работников высшей квалификации, Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, г. Минск

Никоненко Наталья Анатольевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры стоматологии, Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск

Артюхин Михаил Иванович, кандидат философских наук, руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В целом по республике численность лиц, осваивающих содержание образовательной программы аспирантуры (адъюнктуры), составила 5456 человек, из них за счет средств республиканского бюджета проходили подготовку 4329 человек. Удельный вес численности аспирантов, получающих образование в дневной форме, в общем количестве обучающихся в аспирантуре, на начало 2013 года составил 48,1%. Доля лиц, осваивающих содержание образовательной программ аспирантуры (адъюнктуры) в форме соискательства составила 16,5%. В 2012 году по сравнению с 2011 годом численность лиц, осваивающих содержание образовательных программ аспирантуры (адъюнктуры), уменьшилась на 323 человека (5,6%). Уменьшение численности обучающихся в аспирантуре в целом по республике достигнуто главным образом за счет снижения численности лиц, осваивающих содержание образовательной программы аспирантуры в научных и иных организациях – на 293 чел. (22,8%).

По сравнению с 2011 годом фактический выпуск из аспирантуры в целом по республике в 2012 году уменьшился на 2,2% (на 24 чел.), тогда как прием в аспирантуру – на 22,4% (табл. 1). Анализ статистических данных позволяет отметить следующие тенденции. По республиканским органам государственного управления и иным государственными организациями, подчиненным Правительству Республики Беларусь, другим государственными органам и государственными организациями, подчиненным Президенту Республики Беларусь, численность обучающихся в аспирантуре в 2012 году распределялась следующим образом: в системе Минобразования осваивали содержание образовательной программы аспирантуры 3147 человек или 57,7% от общего числа обучающихся в аспирантуре (в 2011 г. – 3226 человек или 55,8%); в НАН Беларуси – 671 человек или 12,3% (в 2011 г. – 774 чел. или 13,4%); в системе Минздрава – 603 человек или 11,1% (в 2011 г. – 648 чел. или 11,2%), в системе Минсельхозпрода – 329 человек или 6,0% (в 2011 г. – 389 чел. или 6,7 %) (табл. 1).

Отраслевая структура подготовки лиц, осваивающих содержание образовательной программы аспирантуры (адъюнктуры). Анализ отраслевой структуры республиканской аспирантуры показывает, что за последние пять лет она не претерпела существенных изменений. По-прежнему наблюдается значительное преобладание доли аспирантов в области общественных и гуманитарных наук над всеми остальными отраслями наук. Причем этот показатель увеличился с 2011 по 2012 годы с 46,8% до 47,9%. Следует отметить отрицательную динамику уменьшения численности аспирантов по некоторым важнейшим для обеспечения инновационного развития экономики страны отраслям науки. Так, за отчетный период численность аспирантов в области естественных

наук уменьшилась на 10,1% (на 80 чел.), медицинских – на 10,9% (67 чел.), сельскохозяйственных – на 15,1% (на 54 чел.).

Таблица 1. Динамика численности лиц, осваивающих содержание образовательной программы аспирантуры (адъюнктуры) по республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям за период 2005-2012 годы

<i>Органы государственного управления</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>	<i>2008</i>	<i>2009</i>	<i>2010</i>	<i>2011*</i>	<i>2012*</i>
	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>	<i>чел.</i>
<i>Всего по республике</i>	5042	4857	4498	4281	4571	4725	5779	5456
<i>из них:</i>								
Организации при Президенте РБ	153	158	133	133	126	117	135	126
МВД	34	37	36	34	35	35	57	63
Минздрав	308	331	364	471	509	513	648	603
Минкультуры	189	198	152	156	155	130	135	129
Минобороны	43	50	59	65	81	91	109	98
Минобразование	2993	2809	2522	2278	2512	2609	3226	3147
Минприроды	6	5	8	11	19	22	30	25
Минсельхозпрод	283	294	323	333	352	365	389	329
Минэкономики	96	85	59	44	33	22	26	25
Минэнерго	7	4	1	-	3	3	3	3
Минюст	11	19	13	14	9	7	6	3
Минстройархитектуры	11	15	19	20	14	10	9	9
МЧС	16	25	26	20	21	27	44	44
Минспорт	45	47	42	44	43	49	63	63
КГБ	20	18	18	14	10	12	36	32
НАН Беларуси	717	685	639	561	560	635	774	671
Белкоопсоюз	46	34	26	21	18	17	18	20
Федерация профсоюзов Беларуси	-	-	5	7	7	7	9	11
Юридические лица без ведомственной подчиненности	46	43	53	55	52	34	42	41
Национальный банк РБ	-	-	-	-	12	20	20	14

* - включая соискателей.

Эффективность деятельности аспирантуры. Эффективность деятельности аспирантуры в Республике Беларусь представлена двумя показателями: доля лиц, защитивших кандидатские диссертации в срок обучения, в общей численности выпуска; доля лиц, прошедших процедуру предварительной экспертизы диссертаций, в общей численности выпуска. По сравнению с 2011 годом в отчетном году такой показатель эффективности деятельности аспирантуры, как выпуск из аспирантуры с защитой диссертации немного вырос с 4,6% до 5,0% (всего в 2012 году выпущено из аспирантуры 1075 чел., в том числе с защитой диссертации – 54 чел.). Однако другой показатель результативности – выпуск обучавшихся в аспирантуре с проведением предварительной экспертизы диссертации снизился на 7,1 п.п. (с 25,4% до 18,3%).

Следует отметить, что увеличение показателя «выпуск из аспирантуры с защитой диссертации» в целом по республике до 5,0% достигнуто главным образом за счет высоких показателей эффективности подготовки соискателей. За период 2011-2012 гг.

показатель удельного выпуска соискателей с защитой диссертации возрос с 15,2% до 31,9%, а с предварительной защитой диссертации – с 23,2% до 42,0%.

В разрезе органов государственного управления наибольшее увеличение показателя эффективности по удельному весу лиц с защитой кандидатской диссертации в срок обучения в их общем выпуске наблюдается в системе Минздрава – 10,4 % (общий выпуск – 164 чел., в том числе с защитой диссертации – 17 чел.) (в 2011 г. – 8,6%); Минобразования – 5,2% (общий выпуск – 541 чел., в том числе с защитой диссертации – 28 чел.) (2011 г. – 3,4%). Следует обратить внимание на резкое снижение результативности деятельности аспирантур в системе НАН Беларуси – 2,0% выпускников закончили аспирантуру с защитой диссертации (общий выпуск – 150 чел., в том числе с защитой диссертаций – 3 чел.) (в 2011 г. – 5,4%). На протяжении последних четырех лет не было защит диссертаций в срок обучения в аспирантурах Минстройархитектуры, Минспорта и Минэкономики. В 2012 году в целом по республике успешно прошли процедуру предварительной экспертизы диссертации 197 выпускников аспирантур или 18,3% от общего выпуска (в 2011 г. – 25,5%). В разрезе органов государственного управления в 2012 году наиболее высокие результаты по показателю прохождения процедуры предварительной экспертизы диссертаций имели аспирантуры МВД – 87,5% (в 2011 г. – 50,0%), Минздрава – 29,9% (в 2011 г. – 47,4%). В системе Минобразования в 2012 г. успешно прошли процедуру предварительной экспертизы диссертаций 20,9% от общей численности выпускников аспирантур (в 2011 г. – 22,6%). Наиболее значительное снижение показателя прохождения процедуры предварительной экспертизы диссертаций за 2011-2012 гг. имело место в аспирантурах НАН Беларуси – 9,3% (в 2011 г. – 16,9%), Минобороны – 17,9% (в 2011 г. – 94,1%), в системе Минспорта – 6,3% (в 2011 г. – 25,0%), Минкультуры – 10,7% (в 2011 г. – 36,4%), Минсельхозпрода – 2,9% (в 2011 г. – 4,9%). Именно за счет этих государственных заказчиков наблюдается уменьшение показателя «выпуск с предварительной защитой диссертации» в целом по республике в 2012 г.

Возрастная структура аспирантуры. Анализ возрастной структуры обучающихся в аспирантуре за период 2008-2012 гг. свидетельствует о снижении доли лиц в возрасте до 24 лет на 12,4% (на 10,0% без учета соискателей). В результате в 2012 году удельный вес лиц в возрасте до 30 лет снизился и составил 63,3%, главным образом за счет возрастного состава соискателей. В 2008 году этот показатель составлял 73,1%, а в 2012 году без учета соискателей – 71,2%.

Докторантура. В 2012 году образовательные программы докторантуры реализовывали 56 организаций республики, из них 25 – научных организаций и 31 – учреждения образования. Всего на 1 января 2013 года в целом по республике численность лиц, осваивающих содержание образовательной программы докторантуры, составила 218 человек (из них 142 – за счет средств республиканского бюджета). Из них 51 человек (или 23,4%) обучались в докторантурах научных организаций, 167 человек (или 76,6%) – в докторантурах учреждений образования. В 2012 году численность обучающихся докторантов сохранилась на уровне 2011 года (в 2011 г. – 220 чел.). В 2012 году прием в докторантуру составил 76 человек, а по сравнению с 2011 годом увеличился на 11 чел. или 16,9%. Наибольшее число докторантов и соискателей принято в докторантуры организаций и учреждений образования системы Минобразования и Минздрава – 32 чел. (или 42,1 % от общей численности приема) и 24 чел. (или 31,6 %), соответственно.

Отраслевая структура докторантуры. Отраслевая структура докторантуры в 2012 году не претерпела значительных изменений. Доля обучающихся в докторантуре в области общественных и гуманитарных наук составила 41,3% (в 2011 г. – 39,1%) от общей численности; в области естественных наук – 11,5% (2011 г. – 11,4%); технических – 12,4% (2011 г. – 12,3%); медицинских – 27,1% (2011 г. – 29,1%); сельскохозяйственных – 6,0% (2011 г. – 5,9%). *Эффективность деятельности докторантуры.* Фактический выпуск из докторантуры за 2012 год составил 65 человек, из них только 4 выпускника защитили диссертации в срок подготовки. По сравнению с 2011 годом данный показатель снизился с

15,5% до 6,2%. По показателю прохождения предварительной экспертизы диссертации результативность докторантуры также снизилась по сравнению с 2011 годом. В 2012 году успешно прошли предварительную экспертизу диссертации 9 выпускников или 13,8% от общего выпуска (в 2011 г. – 29,3%). Динамика изменения возрастного состава лиц, обучающихся в докторантуре, представлена на рисунке 6. В 2012 году удельный вес лиц старше 40 лет составил 67,9% от их общей численности. Причем возрастная группа 40-49 составила 43,6% (в 2011 г. – 38,6%); 50-59 лет – 21,1% (в 2011 г. – 20,4%). В 2012 г. доля лиц в возрасте 35-39 лет составила 21,6% (в 2011 г. – 23,2%), в возрасте 30-34 года – 10,5% (в 2011 г. – 11,4%). Доля докторантов и соискателей в возрасте до 35 лет снизилась за период 2011-2012 гг. с 34,6% до 32,5%.

Прогноз приема в аспирантуру. Из анализа прогнозных показателей приема в 2013 году следует, что в целом по республике за счет средств республиканского бюджета в аспирантуру (адъюнктуру) планируется принять 1162 человек, в докторантуру – 83 человека. Из них 666 человек (57,3%) планируется принять для получения послевузовского образования в дневной форме. По сравнению с фактическими показателями приема в 2012 году численность приема в аспирантуру в 2013 году планируется увеличить на 74 человека (6,8%) (табл. 2). Наибольшее увеличение численности приема по сравнению с фактическими показателями приема планируется в НАН Беларуси – 33 чел. (25,8%), Минздрава – на 31 чел. (24,8%), Минэкономики – в 4 раза. При этом сокращение приема аспирантов и соискателей планируется только в системе Минобразования – на 28 чел. (4,3%), в системе Минспорта – на 4 чел. (25,0%), Минобороны – на 8 чел. (30,8%). Следует обратить внимание на незначительную, как и в предыдущие годы, численность приема в аспирантуры Минюста и Минстройархитектуры в 2013 году – всего лишь 1 и 2 чел, соответственно.

Таблица 2. Сравнение численности фактического приема аспирантов и соискателей в 2012 г. и плановых показателей на 2013 г. по государственным заказчикам

Государственные заказчики	Фактические показатели приема в аспирантуру в 2012 г., чел.	Плановые показатели приема в аспирантуру на 2013 г., чел.	Изменения: увеличение (+), уменьшение (-), чел.
Республика Беларусь	1088	1162	+74
Академия управления при Президенте РБ	7	11	+4
НЦЗПИ	4	3	-1
МВД	20	24	+4
Минздрав	125	156	+31
Минкультуры	30	37	+7
Минобразования	648	620	-28
Минсельхозпрод	59	64	+5
Минэкономики	5	20	+15
Минстройархитектуры	1	2	+1
Минспорта	16	12	-4
НАН Беларуси	128	161	+33
Минобороны	26	18	-8
Минприроды	5	11	+6
МЧС	6	10	+4
Минюст	-	1	+1
КГБ	8	12	+4

Шарый Игорь Николаевич, кандидат социологических наук, заведующий сектором социологии науки и научных кадров Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Перспективы своего социально-экономического развития промышленно развитые страны связывают с экономикой, основанной на знаниях, при этом основная доля прироста валового внутреннего продукта обеспечивается за счет продукции и технологий, в которых воплощены новые знания. В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь №136 от 11 апреля 2011 г., «развитие национальной экономики основывается на новых знаниях и технологиях». Это приоритетное направление развития, которое может обеспечить повышение конкурентоспособности белорусской экономики.

Одной из наиболее актуальных задач является создание условий для максимального использования интеллектуальных ресурсов общества для обеспечения устойчивого инновационного развития экономики. Наряду с традиционными для страны отраслями все большее значение будет иметь развитие новых отраслей экономики, развитие производств V и VI технологических укладов. Уже в текущей пятилетке значительная часть прироста экспорта будет обеспечена за счет экспорта продукции наукоемких производств. В соответствии с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь за счет создания новых и модернизации действующих производств в 2015 году вклад секторов, производящих наукоемкую продукцию, в экономику Республики Беларусь, должен стать сопоставимым с вкладом традиционных секторов. Развитие наукоемкого сектора экономики в республике становится одним из приоритетов социально-экономического развития, что предполагает необходимость кадрового обеспечения этого процесса, в том числе развития кадрового потенциала науки.

В экономике, основанной на знаниях, инновации и высококвалифицированные кадры определяют перспективы экономического развития. Среди наиболее важных задач в процессе перехода на инновационный путь развития можно выделить развитие и воспроизводство кадрового потенциала науки. Особенность изменений в системе воспроизводства кадрового потенциала белорусской науки состоит в том, что необходимо преодолеть негативные последствия тенденций, которые имели место в прошлом, и в то же время обеспечить развитие в соответствии с современными мировыми тенденциями, которые объективно сложились в связи с переходом к экономике, основанной на знаниях. Необходимо учитывать, что поиск наиболее эффективных подходов для обеспечения воспроизводства кадрового потенциала науки осуществляется в промышленно развитых странах - лидерах научно-технического прогресса, что связано с ростом международной конкуренции в сфере научно-технического развития.

В Беларуси активно осуществляется процесс модернизации системы воспроизводства научных работников. В последние годы формировалась организационно-правовая основа регулирования воспроизводственных процессов в научной сфере, вырабатывались принципы и приоритеты в области кадровой политики в науке. Как показывает анализ, среди наиболее существенных новых составляющих государственной политики в области воспроизводства научных кадров можно отметить создание института магистратуры и системы государственной поддержки одаренной научной молодежи, создание перспективного кадрового резерва, введение контрактной системы в сфере науки. Важное значение имело совершенствование системы подготовки научных кадров высшей квалификации (введение госзаказа на подготовку аспирантов, контрактной системы подготовки и обязательного распределения после окончания аспирантуры,

развитие докторантуры), обеспечение приоритетного развития дневной формы подготовки аспирантов. В то же время, обеспечение устойчивого развития кадрового потенциала науки потребует решения ряда проблем.

Основные направления государственной кадровой политики, включая направления кадровой политики в научно-инновационной сфере, определены в Концепции государственной кадровой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 399 от 18.07.2001 г., в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В Концепции среди угроз национальной безопасности отмечается «снижение научно-технологического и образовательного уровня, не способного обеспечить инновационное развитие» [1, с. 16]. В кадровой сфере науки к числу внутренних угроз национальной безопасности отнесены неблагоприятная возрастная структура и недостаточный уровень подготовки научных кадров [1, с. 20]. К внешним источникам угроз отнесено ограничение доступа белорусских исследователей к новейшим технологиям, результатам исследований и разработок мирового уровня, политика зарубежных стран и компаний по стимулированию эмиграции высококвалифицированных ученых и специалистов.

В Беларуси с 1990 г. по 1995 г. численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, сократилась в 2,7 раза. С 1995 г. по 2000 г. темпы сокращения численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, замедлились, в последующем их численность, в целом, стабилизировалась. В первой половине 90-ых годов прошлого века прежде всего наименее защищенные категории научных работников, главным образом в возрасте до 39 лет, покидали научную сферу. Сокращалась численность не только научных работников без ученой степени, но и кандидатов наук. За относительно небольшой промежуток времени произошло серьезное нарушение баланса возрастного состава научных работников, вследствие резкого сокращения доли работников молодого и среднего возраста. С 1993 по 2012 гг. в наибольшей мере уменьшилась доля исследователей в возрастной категории от 40 до 49 лет - более чем в 2 раза (с 31,2% в 1993 г. до 14,3% в 2012 г.). Существенно уменьшилась доля исследователей возрастной категории 30-39 лет – с 32,3% в 1993 г. до 20,6% в 2012 г. Доля других возрастных категорий выросла. Доля исследователей в возрасте 60 лет и старше выросла с 2,6% в 1993 г. до 17,2% в 2012 г. Доля исследователей в возрасте от 50 до 59 лет выросла с 16,9% до 23,8%, а доля исследователей в возрасте до 29 лет выросла с 17% до 24,1%.

За последнее десятилетие не преодолены диспропорции в возрастной структуре научных работников высшей квалификации. Если в 2004 году численность докторов наук в возрастной категории 60 лет и старше в 4,6 раза превышала численность докторов наук в возрастной категории до 49 лет, то в 2012 году – в 15,5 раза. За период с 1996 г. по 2012 г. численность кандидатов наук в республике сократилась на 28,3%. Основной проблемой в изменении возрастной структуры этой квалификационной категории исследователей является то, что образовался и увеличивается возрастной «провал» - при росте кандидатов наук в возрасте до 39 лет и старше 60 лет, интенсивно сокращалась доля «промежуточных» возрастных категорий от 40 до 59 лет. Среди положительных тенденций последних лет следует отметить то, что темпы сокращения численности кандидатов наук в возрастной категории от 40 до 49 лет существенно замедлились, что позволяет говорить о стабилизации их численности. В то же время, в последние годы прекратился рост численности кандидатов наук в возрасте от 30 до 39 лет. Таким образом, необходимость преодоления негативных последствий деформации возрастной структуры научных кадров, повышение эффективности подготовки научных кадров высшей квалификации, обеспечение закрепления в сфере науки перспективных научных работников высшей квалификации остаются актуальными задачами.

В 2013 г. сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров был проведен анкетный опрос аспирантов очной формы обучения и руководителей структурных

научных подразделений академического сектора науки. В результате сплошного анкетного опроса получены ответы 262 аспирантов дневной формы обучения научных организаций НАН Беларуси, расположенных в г. Минске. Почти 70% респондентов до того как поступить в аспирантуру, обучались в магистратуре. В целом, как показал анализ, обучающиеся имели достаточно высокий уровень подготовки, так почти 30% из них закончили вуз с отличием, 74% от общего количества аспирантов занимались научно-исследовательской работой в период обучения в вузе, 78,6% имели научные публикации, до того как поступили в аспирантуру. В то же время, процесс профессиональной адаптации респондентов проходит достаточно сложно. 42% из числа респондентов отметили, что полностью реализуют свой творческий потенциал, работая над диссертацией, несколько больше (43,1%) доля тех, кто наполовину использует свой творческий потенциал, а 11,8% респондентов отметили, что в минимальной степени используют свой творческий потенциал.

С точки зрения обеспечения воспроизводственных потребностей науки важно определить, насколько респонденты ориентированы на реализацию своих карьерных устремлений в научной сфере. Анализ показал, что только 12,2% респондентов ответили «да» на вопрос «считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?». Значительно больше - 35,9% при ответе на этот вопрос выбрали ответ «скорее да». В то же время, 15,3% респондентов выбрали ответ «скорее нет», а 11,1% выбрали ответ «нет». Почти каждый четвертый при ответе на этот вопрос выбрал ответ «пока не определился». Только 26,7% респондентов при ответе на вопрос «Где бы Вы предпочли работать после окончания аспирантуры, если бы у вас был выбор?» отметили, что хотели бы работать в научной организации НАН Беларуси. 17,9% от общего числа респондентов отметили, что хотели бы открыть свое дело, 13,4% хотели бы работать в вузе, 6,9% выбрали ответ «в органах государственного управления». Кроме этого респонденты отмечали, что хотели бы уехать за границу по контракту (10,3%), уехать за границу навсегда (6,5%). Полученные данные показывают, что стремление повысить свою квалификацию и защитить кандидатскую диссертацию, на что указало большинство из респондентов (75%), еще не означает, что такое же большинство ориентировано на научную карьеру, на работу в научных организациях НАН Беларуси. Одной из проблем является и то, что респонденты невысоко оценивают престижность научной деятельности. Анализ ответов респондентов на вопрос о престиже научного труда в нашей стране показал, что доминируют пессимистические оценки - всего 12,2% респондентов отметили, что профессия научного работника является престижной в Беларуси. Доля тех, кто не считает престижной профессию научного работника в нашей стране, более чем в 5 раз больше - 66,4%. В то же время большинство респондентов считает, что профессия научного работника является престижной в странах дальнего зарубежья (80,2%).

Для оценки перспектив воспроизводства научных кадров в академическом секторе науки был проведен экспертный опрос руководителей структурных научных подразделений, которые являются руководителями аспирантов дневной формы обучения. Как показал опрос экспертов (опрошено 132 эксперта), подавляющее большинство из них (87,9%) считает, что структурные подразделения, в которых они работают, испытывают дополнительную потребность в кадрах. На вопрос о потребности в конкретных категориях работников, большинство респондентов выбрало ответ «молодые специалисты» (62,9%). На втором месте по значимости оказалась потребность в кандидатах наук (52,1%), на третьем – потребность во вспомогательном персонале (25%). Существенно меньше оказалась доля респондентов, которые отметили, что имеется потребность в докторам наук (17,3%), в руководителях проектов (13,7%), в специалистах в области инновационного менеджмента (5,2%).

Прогнозные оценки динамики численности аспирантов указывают на возможные проблемы с воспроизводством научных кадров высшей квалификации в ближайшие годы. Как показал анализ, 48,8% экспертов отметили, что численность аспирантов дневной

формы обучения будет сокращаться, и только 6,1% от общей численности экспертов отметили, что она будет увеличиваться, а 34,4% экспертов считает, что их численность не изменится в ближайшие три года. Экспертам был задан вопрос о динамике защит кандидатских диссертаций в краткосрочной перспективе (2-3 года), что позволяет оценить имеющиеся возможности для пополнения численности кандидатов наук за счет молодежи. Как показал анализ ответов экспертов, только 10% из них отметили, что число защит кандидатских диссертаций будет увеличиваться. Доля экспертов, которые считают, что число защит кандидатских диссертаций останется на прежнем уровне, и доля экспертов, которые считают, что число защит кандидатских диссертаций будет сокращаться, оказалась почти одинаковой (37,7% и 38,5%). В целом эксперты не ожидают увеличения численности защит кандидатских диссертаций, а это отражает в целом неблагоприятную тенденцию для обеспечения воспроизводства кандидатов наук. В связи с отмеченной тенденцией преодоление сложившейся деформации в возрастной структуре кандидатов наук («провал» численности кандидатов наук в возрасте 40-49 лет) оказывается проблематичным. Более того, можно ожидать дальнейшего сокращения численности кандидатов наук в возрастной категории 30-39 лет, которое началось в 2012 г.

В целом результаты исследования показывают, что в ближайшей перспективе преодоление негативных тенденций в развитии кадрового потенциала науки останется проблематичным. Имеющиеся меры по оптимизации воспроизводства научных кадров высшей квалификации являются недостаточными, что предполагает необходимость разработки и реализации дополнительных мер, направленных на обеспечение позитивных изменений.

Литература:

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждена указом Президента Республики Беларусь №575 от 9 ноября 2010 г. (официальное издание). - Мн.: Белорусский дом печати, 2011.- 48 с.

Щурок Элла Михайловна, научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ РАЗЛИЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Успешное инновационное развитие национальной экономики на данном этапе невозможно осуществить без участия научной сферы, где она становится базовым ресурсом экономического и технологического развития государства. В связи с этим большая нагрузка и ответственность для реализации инновационных проектов ложится на научные кадры различной квалификации, так как максимальное использование их творческого потенциала, научных идей и разработок будет способствовать активному развитию экономики страны. Отсюда и политика в сфере науки должна быть направлена на создание условий для успешного осуществления научной деятельности и стимулирование научной мотивации ученых.

Эффективная деятельность человека вне зависимости от ее характера зависит не только от его знаний, умений, интеллектуальных способностей, она в принципе возможна лишь при наличии соответствующей мотивации. Изучение мотивации научной деятельности и выявление ее влияния на творческую продуктивность занимает одно из первых мест в социальных исследованиях науки, «поскольку определенные формы деятельности, поведение людей в науке являются и условием функционирования данного социального института, и его порождением» [1, с. 27]. Мотивы научной деятельности делятся науковедами на внешние и внутренние, а мотивация деятельности разделяется на

сильную и слабую. Конечно же, данное деление носит условный характер, т.к. научной сфере, как и любой другой сфере деятельности, свойственен полимотивированный характер, а в реальной практике мы наблюдаем сплетение различных мотивов научной деятельности и их сложную иерархию. Что же играет главную роль в самой структуре мотивов научной деятельности – индивидуально-психологические или социально-психологические факторы мотивации? Вопрос остается для ученых спорным. С одной стороны принято считать, что творчески активные ученые ориентируются в основном на внутреннюю мотивацию, и основная особенность их поведения – стремление работать над проблемами, интересными для них, иметь возможность развивать и разрабатывать собственные идеи. С другой стороны, под воздействием определенных социальных условий, в рамках которых осуществляется научная деятельность, научные работники, для которых определяющее значение имеет внешняя мотивация деятельности, могут повысить уровень своей внутренней мотивации, если на лицо факторы, вызывающие удовлетворение научной работой. И наоборот, условия профессиональной среды могут оказать блокирующее воздействие на внутренние мотиваторы, и тогда ученые, ранее руководившиеся внутренней мотивацией, могут вести себя подобно научным работникам, ориентированным на внешние составляющие научного труда. И именно неудовлетворенность внешними условиями и обстоятельствами рассматривалась во многочисленных исследованиях как один из основных факторов, препятствующих эффективной деятельности в сфере науки, снижающих ее внутреннюю мотивацию.

В мае 2012 года ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» провел социологическое исследование проблем развития и функционирования академического сектора науки. Всего было опрошено 847 научных работников научных учреждений НАН Беларуси: из них 60 докторов наук, 280 кандидатов наук, 507 научных работников без степени. В данном исследовании был сделан акцент на изучение внешних составляющих мотивационной структуры научной деятельности.

Как показало исследование, наибольшую неудовлетворенность вызывает у научных работников размер заработной платы – 76,7% респондентов не удовлетворены данным условием научной деятельности. А ведь этот внешний фактор мотивации является основополагающим условием деятельности, не только влияющим на эффективность в любой сфере и обеспечивающим успешное ее осуществление, но и обуславливающим социальное и физическое существование человека. Процент удовлетворенных размером заработной платы среди докторов наук составляет всего лишь 28,6%, среди кандидатов наук – 23,4%, а среди научных работников без степени всего лишь 14,3% респондентов данной категории устраивает размер заработной платы. И это не случайно, так как у данной категории научных работников нет надбавок ни за ученую степень, ни за научное звание, что существенно сказывается на размере заработной платы. Кроме того, у исследователей без ученой степени еще и уменьшаются шансы «подзаработать» в своей организации, так как в силу отсутствия высшей научной квалификации и наличия высокой степени конкуренции в своих структурах, они зачастую имеют небольшой доход от выполняемой работы или вообще оказываются не включенными в хозяйственные работы.

Вторым условием, вызывающим у научных работников наибольшее неудовлетворение, оказалось несоответствующая оснащенность рабочего места современным научным оборудованием. Процент неудовлетворенных данным условием среди кандидатов наук максимален и составляет 74,9% респондентов, а среди докторов наук и исследователей без ученой степени он равен 63,1% и 66,6% соответственно. Ситуация с обеспеченностью компьютерной базой на своих местах не является проблематичной.

Для успешного осуществления научной деятельности исследователям важны разносторонние научные коммуникации, которые выступают и непременным условием функционирования науки, и важнейшим механизмом ее самоорганизации. Ограниченность зарубежных научных командировок и активных международных

коммуникаций в научной среде негативно сказывается не только на интеграцию отечественной науки в международное научное пространство, приводит к изоляции белорусских ученых от мирового научного сообщества, но и снижает престиж белорусской науки на мировой арене. Большинство респондентов (64,0%) не удовлетворены возможностью зарубежных стажировок, а каждый второй – научными командировками. В большей степени не устраивают эти условия научной деятельности докторов наук.

Важными условиями, оказывающими влияние на эффективность научной деятельности, являются возможность профессионального роста, перспективы научной карьеры и объективность оценки научной работы. Кандидаты наук в большей степени не удовлетворены признанием своего научного труда по сравнению с исследователями без степени – 40,6% против 30,0% соответственно, среди докторов наук около 60% позитивно оценили данное условие научной деятельности. Каждый пятый исследователь без степени, скорее всего в силу низкого научного статуса, вообще затруднился ответить, насколько адекватно оцениваются его научные результаты. 62,6% респондентов удовлетворены возможностью профессионального роста. Что касается карьеры в научной сфере, то ее перспективы и должностной рост напрямую зависят от наличия ученой степени. Так, если среди докторов наук 64,2% удовлетворены возможностями построения карьеры в науке, то среди кандидатов наук только половина респондентов, а среди исследователей без степени 48,0% дали положительные ответы. Почти каждый четвертый кандидат наук и научный работник без степени негативно оценил перспективы своей будущей карьеры в сфере науки.

Как уже говорилось выше, внутренние мотивы научной деятельности побуждают ученого эффективно работать, «творить», не обращая внимания на условия ее осуществления. Проведенное исследование в очередной раз подтвердило, что неудовлетворенность условиями труда является одной из причин того, что достаточное количество опрошенных научных работников не считают работу в сфере науки своим призванием. Конечно же, у научных работников высшей квалификации, имеющих определенный вес в системе научной иерархии и вложивших огромный труд для достижения этого статуса, не возникает вопрос о правильности выбранной профессии. Все участвовавшие в опросе доктора наук и 87,6% кандидатов наук уверены в своем профессиональном выборе. Но ситуация с научными работниками без степени выглядит иначе: только 66,6% уверены в профессиональном выборе, каждый пятый респондент этой категории не считает науку своим призванием, а 13,5% – вообще еще не определились со своей профессиональной сферой деятельности. Зачастую возникает парадоксальная ситуация, когда либо молодой специалист, попав в профессиональную научную среду, либо научный работник, уже имеющий ученую степень и опыт работы в научной организации, не идентифицируют себя с профессией. Результаты проведенного исследования показали, что 8,5% респондентов планируют уйти в другую сферу деятельности, 4,0% ответивших планируют заниматься наукой, но в других организациях, а каждый четвертый респондент (24,3%) – вообще затруднились ответить на вопрос о своих планах профессиональной деятельности на ближайшую перспективу. В наибольшей мере готовы оставить научную работу исследователи без ученой степени – 10,1% респондентов, а 29,6% – затруднились ответить на этот вопрос, что является еще раз подтверждением их неопределенности в своем профессиональном выборе. Неуверенность в карьере на ближайшую перспективу также продемонстрировали и ученые-кандидаты наук – 17,5% респондентов этой возрастной группы затруднились ответить на данный вопрос, а 6,4% кандидатов наук высказали намерение о переходе в другую сферу деятельности. Однако и среди докторов наук (11,5%) нашлись ученые, которые не определились с планами на ближайшее будущее, а 4,9% из них и вовсе заявили о намерении перейти работать в другую сферу деятельности.

Позитивное влияние на исследовательский процесс оказывает благоприятный климат в коллективе. Участвовавшие в опросе исследователи положительно

характеризуют социально-психологические условия своего труда. В частности, в отношениях с непосредственным руководителем не испытывают никаких проблем 86,8% респондентов.

Важно отметить, что изучение мотивации научной деятельности не должно замыкаться только на исследованиях условий, в рамках которых она осуществляется. Существенное внимание должно быть уделено и изучению степени удовлетворения смысловых потребностей человека. Уровень удовлетворенностью жизнью, своим материальным положением, показатели социального оптимизма как одни из основных индикаторов социального самочувствия человека с одной стороны, и как мотивационные составляющие деятельности с другой стороны, также воздействуют на формирование мотивации к деятельности, в том числе и научной.

Анализ самооценки своего материального положения респондентами показал, что наиболее не удовлетворены своим материальным положением исследователи, не имеющие научной степени. Так, 63,6% респондентов данной категории исследователей оценили свое материальное положение как низкое и ниже среднего, 31,9% - воспринимают его как среднее, и только 1,0% - дал оценку «высоко». Самый высокий показатель позитивных оценок удовлетворенности своим материальным положением наблюдается среди докторов наук: 15,5% их них высоко и выше среднего оценили свое материальное положение, 58,6% респондентов этой категории дали среднюю оценку своему материальному положению. Половина опрошенных кандидатов наук свой материальный уровень определили как средний, 43,3% респондента со степенью кандидата наук оценили его ниже и ниже среднего, и только 5,4% из них высоко оценивают свое материальное положение. Для исследователей НАН Беларуси актуальным остается и жилищный вопрос, что не может не накладывать негативный отпечаток и на престиж выбранной профессии ученого, и на уверенность в завтрашнем дне.

Анализ удовлетворенности жизнью показал, что наиболее низкие значения этого индикатора социального самочувствия наблюдаются у молодых исследователей без степени – 45,0% дали позитивные ответы, у кандидатов наук этот показатель равен 54,2% ответивших, а среди докторов наук 64,4% довольно тем, как проживают свою жизнь. Анализ такого индикатора социального самочувствия, как уверенность в завтрашнем дне, можно отметить, что в целом научные работники продемонстрировали невысокие показатели оптимизма, и они значительно отличаются у исследователей разных квалификаций. Наиболее уверенны в завтрашнем дне доктора наук: 50,8% положительных ответов против 42,6% отрицательных оценок. Среди кандидатов наук 43,1% респондентов говорит об уверенности в своем будущем, 45,7% - дали противоположные ответы. Самыми пессимистичными оказались исследователи без ученой степени – 55,8% не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, а каждый третий дал ответ «да, уверен» или «скорее уверен, чем не уверен» на данный вопрос.

Не однозначно научные работники оценивают и современное положение дел в научной сфере республики. Доктора наук, которые в данном случае могут выступать в качестве экспертов, в большинстве своем дали низкую оценку нынешней политики в сфере науки: 58,3% низко оценили ее качество, а 26,7% – дали среднюю оценку. Все еще остается нерешенным вопрос нехватки и молодых специалистов, и высококвалифицированных научных кадров – 62,6% участников опроса отметили потребность в молодых специалистах и кандидатах наук.

Хотелось бы обратить внимание, что в научной сфере республики доля исследователей без степени составляла в 2012 году 80,4% от общей численности [2, с. 40]. Значительная часть данной категории научных работников обладает высокими потенциями и большим опытом работы в науке, поэтому наравне с кадрами высшей квалификации, эффективное использование их практического опыта и творческого потенциала в научной и инновационной сфере будет затруднено, если не будут созданы условия для успешного осуществления деятельности и не будет стимулироваться их

пронаучная мотивация. Таким образом, для устойчивого функционирования науки государственная политика должна быть направлена, прежде всего, на сохранение и воспроизводство кадрового потенциала, закрепление в научной сфере кандидатов наук и исследователей без ученой степени молодого и среднего возраста. Последняя категория нуждается в серьезной поддержке со стороны государства, поскольку в силу слабой социальной защищенности, низкого статуса в системе научной иерархии, они часто вынуждены покидать научную сферу.

Литература:

1. Мирская, Е.З. Роберт Мертон и наука XX века // Социология науки и технологий. 2010 Том 1. №4, С. 26 – 42.
2. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2012 года: Аналитический доклад / под ред. И.В. Войтова, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2013. – 216с.

Ворошень Ольга Григорьевна, младший научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОЦЕНКА АКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ И ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ РАЗВИТИЯ МОЛОДЫМИ УЧЕНЫМИ

Важная роль в повышении эффективности модернизационных процессов принадлежит успешно проводимой кадровой политике в научной сфере. Вопросы привлечения молодежи в науку, создание условий для закрепления талантливой молодежи в науке являются особенно актуальными. В данном контексте особенно важно принимать во внимание мнения и оценки самой молодежи о состоянии научной сферы, проблемах развития науки, ее перспективах.

Исследование, проведенное сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в 2012 году, позволило выявить весь спектр оценок актуального состояния белорусской науки и перспектив ее развития, разделяемых молодыми учеными. В ходе исследования был проведен республиканский опрос сотрудников структурных подразделений в научных организациях республики и были получены ответы от 312 человек в возрасте до 35 лет. Среди молодых сотрудников доля кандидатов наук составила 20%, опрошенных без степени - 80 %.

Одной из задач проведенного исследования было выявление представлений молодых ученых о ситуации в отечественной науке. Молодым исследователям предлагалось дать оценку положению науки в целом, академической науки, своей научной организации.

Как показали полученные результаты, большинство респондентов оценили положение в науке в целом как неустойчивое, перспективы дальнейшего развития которого, неоднозначны (54,5%). Пятая часть молодых исследователей (19,2%) определяют ситуацию в науке как кризисную, без каких-либо гарантий и перспектив развития. Наиболее позитивно настроены только 16,6% опрошенных, которые считают, что положение в науке в целом стабильное с хорошими перспективами развития.

Ситуация в академическом секторе науки оценивается еще менее оптимистично. Доля респондентов, которые полагают, что положение в академической науке стабильное, составила только 11,5%, в то время как кризисным его назвали уже 24,9% молодых ученых.

Положение научной организации, в которой работают респонденты, напротив, рассматривается ими более позитивно. Так, четверть опрошенных исследователей (25,8%)

считают, что положение их научной организации стабильное с хорошими перспективами развития, 16,1% - кризисное, 50% - неустойчивое.

Таким образом, молодые ученые обеспокоены нестабильным положением в науке, дальнейшими перспективами развития науки, своей научной организации.

Оценивая уровень развития науки в Беларуси и за рубежом, более половины молодых ученых (55,8%) отмечают, что уровень развития отечественной науки достаточно высокий по сравнению со странами СНГ.

Пятая часть респондентов (21,1%) считают, что белорусская наука высоко развита, по сравнению со странами Восточной Европы. И только 4% опрошенных придерживаются такого же мнения, сравнивая уровень развития науки в нашей стране и странах Западной Европы, США, Японии.

Следует отметить, что исследователи с большим стажем работы в научной сфере более высоко оценивают уровень развития отечественной науки по сравнению со странами СНГ и Восточной Европы.

Молодым исследователям также было предложено оценить значимость самых важных научных результатов, полученных в структурном подразделении, где работают опрошенные, за последние 5 лет. 40,4% опрошенных считают, что научные результаты, полученные в подразделении, в котором они работают, прежде всего, имеют значение для развития науки в Республике Беларусь. Треть респондентов (33,4%) убеждены, что достижения их структурного подразделения имеют ценность для развития науки в странах СНГ. 20,2% молодых исследователей полагают, что важные научные результаты, полученные их коллегами, могут способствовать развитию мировой науки.

Молодые специалисты также высказали свое мнение относительно перспектив развития национальной науки. Уровень развития отечественной науки позволит добиться экономического и социального процветания Беларуси в ближайшие 10 лет. В этом уверены только 12,5% молодых ученых, 55,6% - так не считают, 31,8% - затруднились ответить.

18,5% респондентов уверены, что в нашей стране есть все возможности для создания конкурентоспособной экономики при нынешнем уровне развития белорусской науки. 44,7% молодых исследователей не согласны с таким утверждением. При этом следует отметить, что доля респондентов, которые полагают, что уровень развития науки в Беларуси предоставляет возможности для экономического роста и социального развития, создания конкурентоспособной экономики, выше среди представителей отделения гуманитарных наук и отделения аграрных наук.

Наиболее позитивно оцениваются возможности по созданию высокотехнологичных производств. 28,8% опрошенных полагают, что современный уровень развития науки в нашей стране позволяет создавать высокотехнологические производства. 38,7% молодых сотрудников с этим не согласны, 32,5% - затруднились ответить.

Следует отметить, что, давая оценки перспективам, достижению которых может способствовать нынешний уровень развития современной науки, исследователи со степенью, а также с большим стажем работы в науке в своих прогнозах были более оптимистичны. Среди респондентов, которые считают, что современная наука позволит достичь экономического и социального процветания в ближайшее время, создать высокотехнологичные производства и конкурентоспособную экономику, преобладают кандидаты наук, а также респонденты со стажем работы в научной сфере более четырех лет.

Трудности, которые испытывает белорусская наука в настоящее время, молодые ученые связывают в основном с уровнем развития национальной экономики и недостаточно эффективной государственной политикой в области науки. С этим согласны 72% и 71,7% опрошенных соответственно. Однако треть респондентов (30,2%) видят причины трудностей не только во внешних обстоятельствах, но и во внутренних проблемах самой науки.

Вопрос, каким путем развиваться дальше белорусской науке в современных условиях, стоит и перед молодыми исследователями. Анализируя возможные сценарии развития отечественной науки, они выбирали наиболее предпочтительный, по их мнению, вариант.

Большинство молодых исследователей считает, что дальнейшее развитие белорусской науки должно быть ориентировано на создание научно-производственных комплексов (37,9%). Академическую модель развития науки предпочли 24,1% опрошенных. И только 4,2% респондентов поддержали предложение ориентировать национальную науку на университетскую модель. Важно отметить также, что почти треть респондентов (29,6%) затруднились выбрать конкретную модель организации науки из предложенных.

Также следует отметить, что сотрудники с кандидатской степенью отдают предпочтение академической модели организации науки в отличие от опрошенных без степени, которые в большей мере поддерживают модель, ориентированную на создание научно-производственных комплексов.

Полученные данные также показали, что мнения молодых сотрудников, которые только начинают свою научную карьеру, и тех, кто уже имеет определенный опыт работы в науке, по данному вопросу также различаются. А именно, выявлено, что по мере увеличения стажа работы в науке среди молодых исследователей наблюдается рост сторонников академической модели организации науки, и уменьшение числа тех, кто выбирает ориентацию на создание научно-производственных комплексов.

Таким образом, среди молодых исследователей не наблюдается единодушия в оценке положения в отечественной науке, уровня развития науки в Беларуси, перспектив развития национальной науки. Молодые ученые обеспокоены нестабильным положением как в целом в науке, так и в своей научной организации, дальнейшими перспективами их развития. Их волнует вопрос о дальнейшем пути развития белорусской науки. Наиболее поддерживаемые среди молодежи направления развития науки – это академическая модель и модель, ориентированная на создание научно-производственных комплексов.

Артюхин Михаил Иванович, кандидат философских наук, доцент, руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Мееровская Ольга Анатольевна, заведующая секторов международного научно-технического сотрудничества, Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, г. Минск

БЕЛОРУССКАЯ НАУЧНАЯ ДИАСПОРА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Формирование мировой системы научных диаспор в решающей степени определено целенаправленной иммиграционной политикой, которую проводят развитые страны – экономические и технологические лидеры. Они стимулируют приток высококвалифицированной рабочей силы из других стран. Это характерно для иммиграционной политики таких развитых стран, как США, Великобритания, Франция, Германия, Австрия, Канада и др. Последнее предопределило формирование значительных научных диаспор в развитых странах, а также разнообразие их типов. В определенной мере эту способствовало высокая и все возрастающая степень мобильности высококвалифицированной рабочей силы, которая обеспечивается трансграничным характером социально-экономических процессов, обеспечивающих трансграничные передвижения работников высокой и высшей квалификации, а также возросшим числом межправительственных и общественных организаций, фондов различного профиля, интенсификацией международных научных обменов.

Сегодня в мировом опыте работы с зарубежными диаспорами выделяются две основные модели:

- репатриационная (переселение на историческую родину);
- прагматическая (модель, опирающаяся на использование политического, экономического, интеллектуального потенциалов диаспоры в интересах страны-метрополии).

Репатриационная модель диаспоральной политики все реже применяется странами-донорами. Более актуальной и приемлемой для развивающихся стран-доноров становится политика прагматического использования интеллектуального потенциала диаспоры в интересах страны-метрополии путем различных форм интеграции и сотрудничества с диаспорой.

Как оказалось, страны-доноры могут иметь дивиденды от национальной научной диаспоры, которая рассматривается как значительный и уже осуществленный ресурс инновационного развития экономики и науки страны-метрополии. Многообещающая перспектива такой стратегии состоит в том, что через экспатриантов, страна-метрополия может иметь доступ не только к их знаниям, которыми они обладают как индивидуумы, но также и к социально-профессиональным сетям, в которых они задействованы за границей [1].

Проблема интеграции и консолидации зарубежных соотечественников-ученых и специалистов представляется актуальной и для Беларуси. В последние годы в Беларуси наблюдаются некоторые позитивные изменения в понимании на государственном уровне места белорусской научной диаспоры в системе приоритетных направлений современной научно-технической и миграционной политики Республики Беларусь. Постепенно приходит осознание необходимости разработки и реализации действенной государственной диаспоральной политики и механизмов взаимодействия с белорусской научной диаспорой.

По оценке специалистов-научковедов, интеллектуальный потенциал белорусской научной диаспоры, который может быть использован для развития научной и образовательной сферы Беларуси, весьма значителен.

Анализ данных мониторинга интеллектуальной миграции из Республики Беларусь за период 1996-2011 гг. показывает, что суммарная численность эмигрантов-ученых и преподавателей вузов за этот период составила около тысячи человек. Следует отметить, что названная цифра – это «полные» эмигранты, то есть люди, потерявшие белорусское гражданство. Количество же ученых и высококвалифицированных специалистов, длительное время работающих за границей без потери белорусского гражданства, можно определить только гипотетически. По оценкам специалистов, их порядка 4-5 тысяч человек. Именно эта цифра и отражает, по оценке специалистов, количественный состав белорусской научной диаспоры.

В 2011 году Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь был поддержан двухлетний исследовательский проект «Анализ возможностей и разработка комплекса мер и механизмов для развития международного научно-технического и инновационного сотрудничества с участием научных работников – выходцев из Беларуси, работающих за рубежом».

В рамках этого проекта Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы совместно с Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси провел опрос ведущих ученых республики по проблеме взаимодействия с научной диаспорой. Цель опроса – изучить накопленный в научных учреждениях и вузах Беларуси опыт сотрудничества с соотечественниками, работающими в сфере науки и высшего образования за рубежом, а также оценить мнение экспертов – непосредственных участников международного научного сотрудничества о целесообразности поддержки и развития этого направления государственной научной политики.

Для участия в опросе были отобраны 40 человек, в число которых вошли ведущие ученые с высоким научным рейтингом, которые помимо научной деятельности, непосредственно участвуют в формировании научно-технической политики на уровне научной организации, отрасли или на национальном уровне. Среди экспертов, участвовавших в опросе, 58,6% имеют ученую степень доктора наук и 34,5% – кандидата наук. Следует отметить, что 83,3% экспертов имеют опыт участия в совместных с учеными-соотечественниками научных проектах, из них в качестве руководителя проекта с одной из сторон - 75,0%; руководителя совместного проекта – 8,3%; рядового участника – 16,7%.

Опыт участия экспертов в совместных с учеными-соотечественниками научных проектах позволил респондентам достаточно объективно оценить научный потенциал белорусской научной диаспоры. По данным опроса, 66,7% респондентов считают, что ученые-соотечественники обладают достаточным научным потенциалом. На это указывает высокий квалификационный уровень ученых-соотечественников, с которыми сотрудничают респонденты: доктора наук - 16,7%, кандидаты наук – 75,0%. Причем 60,0% респондентов высоко оценивают опыт организации и результаты совместных научных проектов с учеными-соотечественниками.

Респонденты отмечают положительные стороны эффективной совместной работы с соотечественниками:

- отсутствие языкового барьера (на это указали 50,0% опрошенных);
- длительный опыт совместной работы в прошлом – 58,3%;
- дополнение рабочих взаимоотношений личными – 41,7%;
- сходный менталитет – 33,3%;
- глубокое взаимопонимание в процессе научного исследования и его методологии – 25,0%.

Имеющийся у респондентов опыт сотрудничества с учеными-соотечественниками позволил им назвать возможные и наиболее приемлемые на сегодня формы сотрудничества и взаимодействия с диаспорой:

- публикация совместных статей с учеными-соотечественниками (так считает 66,7% опрошенных);
- участие в совместных с учеными-соотечественниками научных проектах, в т.ч. многосторонних - 58,3%;
- участие ученых-соотечественников в научно-технических мероприятиях (конференциях, семинарах, школах и т.д.) - 50,0%;
- приглашение со стороны ученых-соотечественников молодых белорусских ученых для прохождения стажировок за границей - 50,0%;
- совместное участие в конкурсах международных проектов, организуемых Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, - 41,7%;
- чтение лекций, преподавательская деятельность, научное руководство аспирантами - 25,0%;
- содействие ученых-соотечественников в организации связей белорусских коллег с зарубежными учеными и научными центрами - 25,0%;
- содействие со стороны ученых-соотечественников в получении финансирования за рубежом - 25,0%;
- участие ученых-соотечественников в экспертизе белорусских научных и инновационных проектов - 8,3%.

По мнению экспертов, системное включение представителей диаспоры в развитие науки и высшего образования Беларуси будет иметь следующие положительные результаты:

- рост числа совместных публикаций с учеными-соотечественниками;
- проведение совместных с зарубежными учеными научных проектов на регулярной основе;

- расширение возможностей для международной мобильности белорусских ученых;
- создание системы международной экспертизы научных исследований;
- достижение нового уровня и качества международных связей;
- появление новых зарубежных источников финансирования науки и инвестиций в экономику;
- высокий уровень обмена информацией и/или доступ к информации, которая ранее была не доступна белорусским ученым;
- снижение риска оттока ключевых ученых и молодежи за границу.

К числу главных препятствий для развития сотрудничества с диаспорой респонденты отнесли следующие:

- негибкая и излишне иерархичная система управления отечественной наукой, высокий уровень бюрократизма;
- неравномерный, местами весьма низкий уровень интеграции белорусских ученых в мировое научное сообщество;
- отсутствие негосударственных фондов поддержки науки и инновационной деятельности;
- неразвитость системы конкурсного финансирования международных научных исследований.

Как считают респонденты, сегодня еще рано ожидать реальной помощи со стороны ученых-соотечественников в получении значимого зарубежного финансирования научных исследований, а также в развертывании совместных масштабных научных проектов и научно-технических мероприятий за рубежом.

Вместе с тем большинство опрошенных считает, что сотрудничество с соотечественниками, работающими в сфере науки или высшего образования за рубежом – это перспективное направление государственной научно-технической политики и его следует всемерно развивать.

Анализ данных опроса позволил выявить основные направления и механизмы формирования активной диаспоральной политики, направленной на создание организационной, правовой и социально-экономической базы взаимодействия с научной диаспорой и вовлечения ученых-соотечественников, работающих за рубежом, в развитие белорусской науки и образования.

Оценивая зарубежный опыт выстраивания отношений с научной диаспорой и возможность переноса его на белорусскую почву, респонденты чаще всего отмечают, что для расширения сотрудничества с белорусской диаспорой необходимо:

- развивать международные проекты исследований, в которых с зарубежной стороны участвуют представители диаспоры (51,7%);
- осуществлять всемерную поддержку международной мобильности в рамках выполнения совместных проектов (48,3%);
- учредить систему грантов для научных организаций Беларуси для целей приглашения представителей научной диаспоры для чтения лекций, проведения совместных исследований или участия в конференциях (48,3 %).

Среди других возможных мер и направлений по формированию активной диаспоральной политики респонденты выделили следующие:

- создание базы данных ученых-соотечественников и выходцев из Беларуси, осуществляющих научную деятельность за рубежом (44,8%);
- принятие комплекса мер, направленных на поддержку национальной науки и престижа профессии ученого в Беларуси (44,8%);
- отмена нострификации ученых степеней (41,4%);
- создание на территории Беларуси современных международных научных и инновационных центров (34,5%);

- привлечение ученых-соотечественников для проведения разного рода экспертиз (34,5%).

Респонденты также отмечают, что проблема взаимодействия страны-метрополии с научной диаспорой и разработка стратегии интеграции ученых-соотечественников и экспатриантов в процесс социально-экономического и научно-технологического развития Беларуси затрагивает различные аспекты экономической, социальной и научной политики государства. Для придания отношениям с диаспорой системного характера необходимы серьезные законодательные, организационные и финансовые меры. Речь здесь должна идти не о проведении очередной кампании, а о разработке и реализации принципиально новой научной и диаспоральной политики государства.

Литература:

1. Жан-Баптист Мейер, Мерси Браун Научные диаспоры: новый подход к утечке мозгов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.uct.ac.za/org/sansa/>

Пушкевич Сергей Александрович, магистр социологии, аспирант, младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

С 2010 по 2013 г. автором проводилось диссертационное исследование по теме «Состояние и основные тенденции развития внешней миграции населения Республики Беларусь: социологический анализ». По результатам исследования были адаптированы к условиям Беларуси определения понятий «миграционный потенциал» и «миграционное поведение»:

1. *Миграционный потенциал* – психологическое состояние готовности отъезда из страны, характеризующееся принятым, но еще не реализованным решением о выезде.

2. *Миграционное поведение* – совокупность действий и отношений, опосредующих переселение индивидов либо отказ от него [1].

Также были выявлены следующие *закономерности*, присущие внешней миграции населения Беларуси:

1. Внешняя миграция – основной фактор нивелирования естественной убыли населения страны [2].

2. Основным фактором внешней миграции населения Беларуси является экономический. Растет значимость фактора самореализации.

3. Изменения миграционного потенциала и миграционного поведения – индикатор социально-экономических изменений в стране [3; 4].

Основные тенденции развития внешней миграции населения Беларуси таковы:

1. Внешняя миграция становится единственным и ведущим источником нивелирования естественной убыли населения Республики Беларусь. Наиболее миграционно активными в части выезда из страны являются Витебская область и Минск, наименее – Минская область.

2. Для Беларуси характерен высокий уровень миграционного потенциала.

3. Регионы Республики Беларусь характеризуются средними и высокими уровнями миграционного потенциала. Наибольшим уровнем обладает Минск, наименьшим – Могилевская и Витебская области.

4. Основной фактор формирования миграционного потенциала – экономический. На второе место выходит фактор самореализации личности.

5. Наибольшим уровнем миграционного потенциала обладают респонденты в возрасте до 29 лет включительно.

6. Мужское население обладает большим уровнем миграционного потенциала, нежели женское.

7. Наибольшим миграционным потенциалом обладают лица, имеющие высшее и среднее специальное образование.

8. Наибольшим уровнем миграционного потенциала обладают студенты, учащиеся, рабочие промышленности, транспорта, строительства, служащие непродуцированной сферы, наименьшим – рабочие сельского хозяйства.

9. Основные мотивы реализации миграционного потенциала у желающих выехать за границу на время – улучшение материального положения и обеспечение достойного будущего детям.

10. Основные мотивы реализации миграционного потенциала у желающих выехать за границу на постоянное место жительства – улучшение материального положения и жизненная и профессиональная самореализация.

11. Поскольку с увеличением возраста миграционная активность ученых снижается, то наибольшую миграционную активность проявляет в основном научная молодежь и ученые, относящиеся к средним возрастам (30-49 лет).

12. Наиболее предпочитаемый учеными вариант выезда за границу – временная научная работа за рубежом.

13. Выезд за границу на постоянное место жительства научная молодежь связывает в основном с решением своих личных и материальных проблем, а ученые 30-49 лет – с научной самореализацией [3; 4].

По результатам проведенного диссертационного исследования были выдвинуты следующие **предложения по совершенствованию демографической и миграционной политики:**

1. По результатам диссертационного исследования с учетом опыта Российской Федерации (С. Глазьев, В. Локосов) [5] сформированы предельно критические показатели демографической и миграционной безопасности Республики Беларусь (табл. 1).

2. Приведенные показатели предлагается включить либо в Приложение 3 Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, либо в Концепцию миграционной безопасности Республики Беларусь, создаваемую по аналогии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г.

3. Основные социально-демографические группы, для которых должна разрабатываться демографическая и миграционная политика – лица в возрасте до 29 лет и возрастная группа 30-49 лет. Необходимы дифференцированные подходы как в области демографической, так и в области миграционной политики. Особое внимание следует уделить лицам с высшим и средним специальным образованием.

4. Основные социально-профессиональные группы, для которых должна разрабатываться особая демографическая и миграционная политика - студенты, учащиеся, рабочие промышленности, транспорта, строительства, служащие непродуцированной сферы.

5. Представляется целесообразным разработать и принять Концепцию миграционной безопасности Республики Беларусь, включив туда предельно критические показатели демографической и миграционной безопасности Республики Беларусь.

Можно сделать вывод о том, что перспективны следующие направления дальнейших социологических исследований по заявленной теме:

1. Зарубежные, советские и постсоветские теории миграционного поведения населения.

2. Типология миграционного поведения населения Республики Беларусь.

3. Типология регионов Республики Беларусь по преобладающим типам миграционного поведения.

4. Теоретическое исследование понятия «миграционная безопасность».

5. Разработка критериев и показателей миграционной безопасности административно-территориальных единиц и страны в целом.
6. Типология регионов Беларуси по критериям и уровням миграционной безопасности.
7. Разработка Концепции миграционной безопасности Республики Беларусь.

Таблица 1. Предельно критические показатели демографической и миграционной безопасности Республики Беларусь

Показатель	Предельно критическое значение*	Фактическое состояние, 2012 г.	Фактическое значение по отношению к предельно критическому
Коэффициент рождаемости на 1000 чел. населения	22	12,2	Ниже в 1,8 раза
Коэффициент смертности на 1000 чел. населения	12,5	13,3	Выше в 1,1 раза
Естественный прирост на 1000 чел. населения	9,5	-1,1	Убыль населения
Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1,0	1,1	Больше в 1,1 раза
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,15	1,50	Ниже в 1,43 раза
Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет в общей численности населения, %)	7,0	14,0	Выше в 2 раза
Доля лиц старше трудоспособного возраста, %	15,0	22,5	Выше в 1,5 раза
Продолжительность жизни населения, лет	75,0	71,5	Меньше на 3,5 года
Миграционный прирост на 1000 чел. населения	1,1	1,0	Ниже в 1,1 раза
Доля мигрантов (в % к численному составу населения)	3,0	... **	... **
Положительное миграционное сальдо, в год, тыс. чел.	28,0-30,0	9,3	Ниже в 3,1 раза
Миграционный потенциал населения, %***	30,0	20,6	В пределах нормы****
Разрыв между доходами 10% самых высокообеспеченных групп населения и 10% самых малообеспеченных, раз	8,0	5,6	В пределах нормы
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	0,800	0,793	Меньше на 0,007 пункта

* по С.Ю. Глазьеву и В.В.Локозову ** данные отсутствуют *** Измеряется показателями структуры миграционных установок: удельным весом (в процентах) лиц, которые приняли, но еще не осуществили решение об отъезде, и относительными размерами всех остальных контингентов населения, которые не заявили намерений об отъезде ****показатель у Минска составляет 32,5%, что превышает норму на 2,5 п.п.

Литература:

1. Пушкевич, С.А. Аспекты формирования миграционной безопасности Республики Беларусь / С.А. Пушкевич // Молодежь в науке – 2012: прил. к журн. «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Серия гуманитарных наук / Нац. акад. наук Беларуси. Совет молодых ученых НАН Беларуси – Мн.: Беларуская навука, 2013. – С. 48-51.

2. Пушкевич, С.А. Социальные аспекты внешней миграции населения Беларуси / М.И. Артюхин, С.А. Пушкевич // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2012. - №4. – С. 17-21.
3. Пушкевич, С.А. Потенциал внешней миграции населения Беларуси: социологический анализ / М.И. Артюхин, С.А. Пушкевич // Доклады НАН Беларуси. – 2011. – Т.55. - №3. - С. 115-118.
4. Пушкевич, С.А. Миграционный потенциал населения Беларуси: социологический анализ / С.А. Пушкевич // Молодежь в науке – 2011: прил. к журн. «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». В 5 ч. Ч. 2. Серия гуманитарных наук / Нац. акад. наук Беларуси. Совет молодых ученых НАН Беларуси – Мн.: Беларус. навука, 2012.– Мн.: Беларуская навука, 2012. – С. 93-99.
5. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. - №4(22). – С. 22-41.

Антонова Татьяна Антоновна, научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ БЕЛАРУСИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Так как в значительной степени уровень социально-профессиональной адаптации ученых определяется их поведенческими установками, в частности, выбранными стратегиями в обеспечении своего материального положения, рассмотрим основные способы, которыми пользуются для этого научные работники Беларуси. По данным республиканского социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 году, у значительной части опрошенных они лежат в сфере дополнительной трудовой занятости. В целом, дополнительные источники доходов имеет практически треть (30,7%) исследователей, в том числе 34,2% - мужчин, 25,9% – женщин.

Таблица 1. Дополнительные источники доходов научных работников

	В том числе:			
	АВ		%	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Грант БРФФИ	55	37	6,3	5,6
Грант зарубежных фондов	15	3	1,7	0,5
Доход от оказания услуг репетитора	8	4	0,9	0,5
Доход от работы по зарубежному контракту	12	6	1,4	1,0
Доход от собственности (сдача внаем квартиры, дачи, гаража)	20	8	2,3	1,2
Доход от оказания услуг населению не по специальности (строительство, ремонт, транспортные услуги и другое)	37	6	4,2	1,0
Доход от оказания услуг по специальности (консультации, помощь в написании статей, диссертаций и другое)	36	16	4,1	2,3
Доход от работы по совместительству в других организациях	106	69	11,9	10,3
Зарплата от дополнительной работы по специальности (работа по совместительству в своей организации)	99	57	11,2	8,5
Материальная поддержка родственников (родители, дети и т.д.)	69	58	7,8	8,7
Случайные приработки	95	29	10,7	4,4
Другое	43	26	4,9	3,9

Как видно из данных таблицы 1, непосредственно в сфере науки (выполнение грантов, работа по совместительству в своей организации и др.) подрабатывают 22,3% мужчин и 16,1% женщин; 5,0% мужчин и 2,8% женщин занимаются деятельностью, не

имеющей прямого отношения к научно-исследовательской, но, в определенной мере, содействующей поддержке профессионального статуса научных работников (речь идет о репетиторстве и оказании таких услуг по специальности, как консультации, помощь в написании статей, диссертаций и др.). Доходы от деятельности, не имеющей никакого отношения к науке (оказание строительных, ремонтных, транспортных услуг населению; доходы от сдачи внаем собственности) имеют, в целом, 6,5% мужчин и 2,2% женщин. Весьма существенными для 7,8% и 10,7% мужчин, а также 8,7% и 4,4% женщин являются такие виды доходов как «материальная поддержка родственников» и «случайные приработки».

Еще одной разновидностью дополнительной занятости, направленной на поддержку основного профессионального статуса научных работников, является международное научное сотрудничество. Так, 38,0% мужчин и 32,5% женщин отметили, что участвовали в работе зарубежных конференций; соответственно, 35,2% и 21,5% - принимали участие в международных научных проектах; 12,5% и 7,9% - проходили за границей стажировку; 13,6% и 7,7% - участвовали в зарубежных грантах (табл. 2).

Таким образом, анализ данных социологического исследования показал, что в современных условиях для адаптационных стратегий трети научных работников Беларуси характерна дополнительная трудовая занятость, лежащая как в сфере их основной профессиональной деятельности, так и в сфере трудовой занятости, не связанной с их основной профессиональной деятельностью.

Дополнительные доходы части научных работников Беларуси (17,2% мужчин и 6,6% женщин) лежат в сферах, не относящихся к науке, при этом численность мужчин, использующих в своей трудовой практике эти виды дополнительной занятости (оказание строительных, ремонтных, транспортных услуг населению, доходы от сдачи внаем собственности, а также случайные приработки) превышает численность женщин в 2,6 раза. Между тем, дополнительная занятость, не имеющая отношения к основной профессиональной деятельности ученых, может привести к научной деградации, так как заставляет работников распределять свои трудовые усилия в совершенно различных, не стыкующихся между собой областях деятельности, в результате чего успех, как правило, не достигается ни в одной из них. Именно поэтому такого рода дополнительная занятость является непродуктивной, а использующие ее в своей адаптивной практике респонденты, стремясь улучшить свое материальное положение, рискуют потерять в профессионализме.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какой опыт международного сотрудничества Вы имеете?»

Виды сотрудничества	Кол-во		%	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Публикации в зарубежных изданиях	430	313	48,7	46,9
Совместные исследования, международные проекты	311	144	35,2	21,5
Стажировки за рубежом	110	53	12,5	7,9
Участие в зарубежном гранте	120	51	13,6	7,7
Участие в работе международных конференций, проводимых в РБ	491	389	55,6	58,2
Участие в работе международных конференций за рубежом	335	217	38,0	32,5
Другое	66	54	7,4	8,1

Что касается международного научного сотрудничества, то здесь, наоборот, ученым предоставляется возможность как профессионального роста и расширения контактов в области науки, так и улучшения своего материального положения. Численность мужчин, принимавших участие в работе зарубежных конференций, проходивших за границей стажировку и принимавших участие в зарубежных грантах превышает численность женщин, соответственно, на 13,7%, 4,6% и 5,9%.

И, наконец, дополнительная занятость, связанная с профессиональной деятельностью ученых, направлена непосредственно на сохранение и повышение их профессионального статуса. Стремление к достижению профессионального успеха (с учетом материальной составляющей) в сочетании с активностью как личностным фактором и благоприятными условиями работы, продуцирует инновации в сфере научного управления и, в итоге, является одним из наиболее перспективных способов поведения в науке. По данным исследования, в этих видах дополнительной трудовой занятости также лидируют мужчины. Так, в выполнении грантов участвуют 8,0% мужчин и 6,1% женщин; работают по совместительству в своей организации, соответственно, 11,2% и 8,5%.

Дополнительная трудовая занятость, лежащая в сфере основной профессиональной деятельности ученых, способствует их успешной социально-профессиональной адаптации, позитивно влияет на уровень удовлетворенности жизнью и уверенности в завтрашнем дне, т. е. является залогом эффективности используемых ими в своей трудовой практике адаптационных стратегий. Таким образом, исходя из данных исследования, можно заключить, что доля ученых-мужчин, использующих в своей трудовой деятельности «успешные» адаптационные стратегии, составляет более 22%, у женщин – более 16%; доля респондентов, придерживающихся непродуктивных адаптационных стратегий, а именно лежащих в сфере дополнительной трудовой занятости, не связанной с их основной профессиональной деятельностью, составляет, в целом, около 9% (6,5% - у мужчин и 2,2% - у женщин).

В целом, можно констатировать, что дополнительная занятость устойчиво характеризует значительную часть ученых Беларуси (как мужчин, так и женщин) и является для них значимым адаптационным ресурсом, позволяющим приспособиться к нынешним условиям жизнедеятельности и улучшить свое социально-экономическое положение. При этом, как для мужчин, так и женщин, наиболее характерна дополнительная занятость, лежащая в сфере их основной профессиональной деятельности, в первую очередь, участие в выполнении грантов БРФФИ, а также работа по совместительству в своей и других организациях.

Лещинская Ирина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет, г. Минск

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МОДЕРНИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Динамично нарастающие изменения в современном социуме со всей остротой поставили вопрос о необходимости модернизации образовательной системы и формировании новых стратегий ее развития. Особую артикуляцию этот вопрос приобрел в отношении такого сложного и значимого социально-культурного организма, каковым является университет. Многие интеллектуалы XX века констатировали факт кризиса классического университета. По их мнению, исторически сформировавшаяся и осуществлявшаяся в течение многих столетий в европейской культуре «идея университета» на современном этапе оказалась в плену реальности. Процессы коммерциализации, массовизации и глобализации существенным образом нарушили содержательное и функциональное триединство университетского образования как гармоничного сочетания науки, образования и культуры.

В последние десятилетия эта проблема обрела свои специфические очертания и актуальность и для белорусского общества. Диктат экономической необходимости в условиях вхождения в систему рыночных отношений и ориентация социума на практическую целесообразность и массовое производство специалистов с неизбежностью

предполагает модернизацию образовательной системы, сопровождающуюся целым рядом весьма неоднозначных последствий. Остановимся на некоторых из них, представляющих, на наш взгляд, определенную опасность для такой сложной системы как университет.

Во-первых, в условиях рынка классическое, а, следовательно, универсальное образование зачастую воспринимается определенной частью общества, том числе и академического, как расточительство и бесполезная трата средств и времени. Как результат – расширение сферы профессионального образования, всяческая поддержка исследовательского (главным образом, естественнонаучного) направления, тогда как культурообразующая сфера, представленная, прежде всего, корпусом социально-гуманитарных наук, сокращается и отодвигается на задний план. Это своего рода принцип экономии, который якобы соответствует духу времени и позволяет избежать перегруженности и недостаточной эффективности учебного процесса. Особую остроту эта проблема приобрела в условиях перехода системы высшего образования на четырехлетнее обучение, поскольку этот процесс затронул большинство специальностей, подготовка которых осуществляется в БГУ.

Во-вторых, установка на количественный рост университетской аудитории с неизбежностью сказывается на ее качественных показателях. Речь идет, прежде всего, о степени мотивированности такого рода образования и об уровне подготовленности для его получения. Наличие «массы» в среде студенчества существенным образом затрудняет осуществление диалоговой модели обучения и ослабляет воспитательные возможности образовательного процесса в силу низкой степени интеллектуальной и моральной вменяемости данной категории обучающихся. Это ведет к существенной деформации университетского образования, так как без атмосферы духовного аристократизма трудно помыслить «идею университета». Речь, разумеется, не идет о том, чтобы представить университет «башней из слоновой кости», где академическое сообщество упражняется в духовных исканиях, далеких от «прозы жизни».

Развитие университета как сложной социальной системы детерминировано определенными правилами, в корпусе которых, основываясь на идее Д. Серля, следует различать две их разновидности: конститутивные и регулятивные [1]. В нашем случае конститутивные правила задают специфику университета, определяют его природу как уникального социокультурного феномена. Эти правила, отсылающие к традиции, к истокам данного феномена, в современных условиях поддерживают его онтологию и предопределяют его социальную топологию. Они выступают в качестве стабильных программ, задающих константность данной институции. Корпус регулятивных правил в свою очередь обеспечивает ее функционирование в конкретных исторических условиях, поэтому они определяются не только спецификой данной системы, но и насущными потребностями общества. Они отличаются мобильностью и призваны воплотить в реальность формулу успешности данной образовательной системы. В силу этого регулятивные правила динамичны, обновляясь, они позволяют данной системе наиболее адекватным образом реагировать на запросы времени.

Жизнеспособность университета как сложного социального организма обеспечивается соразмерностью и гармоничным соотношением двух разновидностей правил и соответственно двух тенденций: традиционной, сохраняющей дух академизма, и инновационной, обеспечивающей его поисково-адаптивную способность. Но если в процессе развития изменяются не только регулятивные правила, но размыванию подвергаются и конститутивные, то мы имеем не просто модернизацию системы, а разрушение ее архитектурной целостности и уничтожение ее сущности, «чтойности». Можно сказать, что отрицанию подлежит «метафизика» университета, и как неизбежное следствие этого – деградирует его «физика», так как снижается способность элементов данной системы к взаимодействию и возможность их солидаризирующегося объединения, замедляется ее динамика, деформируется ее «оптика» и «акустика».

Поэтому в ситуации модернизации системы образования, в особенности университетского, важно сохранить и воспроизвести свод конститутивных правил, которые ответственны за сохранение и воплощение «идеи университета». На наш взгляд это возможно только благодаря всяческой поддержке корпуса социально-гуманитарного знания и, прежде всего, философского. Не случайно история европейского университета демонстрирует его неразрывную связь с философией, что является подтверждением их глубинного родства. Их объединяет стремление к универсальности и интеллектуальной самодостаточности. Именно философия способна дать образец целостного мировоззрения, привить вкус и способность к его формированию. Развитие философской мысли, представляющее историю напряженного духовного поиска истины в процессе непрерывного интеллектуального диалога, являет собой образец самосозидания человеческого духа, без ориентации на который трудно представимо формирование творческой личности. Погружение в стихию «чистой мысли» является адекватным способом профессиональной «постановки» мышления обучаемого, благодатной интеллектуальной средой для культивирования «*homo universalis*».

В свою очередь, функционально-профессиональное знание – это знание форм, оно по своей структуре и содержанию рецептурно, его освоение предполагает строгое следование определенному алгоритму, что ведет к формированию, по преимуществу, исполнительского типа социального характера. Такой типаж малопригоден как в сфере научного поиска, так и в сфере художественного творчества. Более того, узкий профессионализм расщепляет, «разбивает на осколки» человека, что весьма неблагоприятно для человеческой природы и без того изрядно поврежденной современной цивилизацией. Специалист – это адекватно функционирующая часть в целом, он может состояться как некая целостность, т.е. как личность, способная не только действовать, но и ответствовать, исключительно в контексте культуры как пространстве смыслов. Единство и сущностное родство социально-гуманитарных наук имеют своим основанием обращенность к миру человека и в силу данного обстоятельства их значение в формировании образа современного человека и соответственно облика мира ближайшего будущего трудно переоценить. Только при участии этих наук образование может реализовать в полной мере свой онтологический характер, а идея университета в том виде, в котором она утвердилась в европейской культуре получить свое наиболее полное и адекватное воплощение. Таким образом, процесс модернизации университетского образования, столь необходимый в новых социокультурных условиях, не может продуктивно осуществляться без ориентации на «идею университета», имеющую свои истоки в прошлом и настоятельно отсылающую нас к будущему, и выступающую в качестве регулятивной идеи для его успешных преобразований.

Литература:

1. Серль, Д. Рациональность в действии / Д. Серль. – М., 2004. – 336 с.

Романова Светлана Павловна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической социологии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

НЕФОРМАЛЬНОЕ И ВНЕФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В социологической и педагогической литературе альтернативные доминирующему в обществе формальному образованию модели образовательных систем часто обозначаются самыми различными терминами, такими, как «открытые образовательные системы», «неформальное образование», «дистанционное обучение», «внеформальное обучение» и т.д. Полагаем, что, прежде всего, необходимо разработать максимально

точное определение ключевых понятий, подкрепленное выделением четких характеристик и устойчивых свойств видов образовательных систем таким образом, чтобы в дальнейшем на их основе возможен был более глубокий анализ конкретных учреждений, организаций и общественных объединений, выступающих в роли основных или дополнительных инструментов развития человеческих ресурсов.

Формальное образование относится к модели системного, организованного образования, структурированного и административно оформленного в соответствии с определенным набором законов и норм. Оно опирается на четко сформулированные и юридически зафиксированные учебные планы и программы, в которых обозначены цели, содержание и методология образовательного процесса. Учреждения формального образования административно, территориально и содержательно организованы, именно они выдают в соответствии со строгими процедурами аттестаты и дипломы, подтверждающие результативность процесса обучения.

На сегодняшний день в Беларуси система формального образования является доминирующей (если оценивать исходя из статуса приобретаемого индивидами образования, масштаба охвата населения, объемов финансирования, уровня государственной поддержки и ряда других параметров), она представляет собой процесс приобретения населением знаний, навыков и профессиональных компетенций, который организовывается, прежде всего, на базе учреждений среднего, среднего специального и высшего образования.

Понятие «**неформальное образование**» определить несколько сложнее, чем «формальное образование». Если система образования организована, системна, но при этом не характеризуется постоянной, непрерывной коммуникацией между преподавателем и учащимся, в ней отсутствует требование регулярного посещения учащимися учреждения образования, образовательный процесс допускает отсутствие регламентированной локализации учащегося в стенах учебного заведения, временную неупорядоченность процесса обучения, гибкость учебного плана и образовательных методик, адаптируемых под способности, потребности и интересы учащегося, ее можно отнести к неформальному типу. Первичный анализ существующих неформальных систем образования показывает наличие у них, по меньшей мере, нескольких базовых черт: 1) концентрация образовательного процесса на учащемся в соответствии с заранее выявленными у него потребностями и возможностями; 2) непосредственная полезность образования для личного и профессионального роста учащегося; 3) высокое качество и актуальность учебных материалов, которые максимально точно отвечают ожиданиям учащихся и поддерживают у них высокий уровень учебной мотивации; 4) доминирование ценностей, целей и интересов независимых от образовательной системы учащихся над общественными интересами и формализованными стандартами при организации учебного процесса и формировании содержания образовательных программ.

Итак, очевидно, что неформальное образование гораздо лучше, чем формальное, отвечает индивидуальным запросам учащихся. Поскольку оно сосредоточено на учащемся, то волей-неволей проявляет гибкость в определении своих целей, в выборе методик обучения и в наполнении содержанием учебных программ. Неформальное образование включает огромное разнообразие видов образовательных программ, многие из которых уже сыграли и / или продолжают играть важную роль в обновлении системы образования в целом. Наиболее развитыми и распространенными среди них в Беларуси сегодня являются три – «корреспондентское обучение», «дистанционное обучение» и «открытые образовательные системы».

Внеформальное образование принципиально отличается от формального и неформального образования, хотя и во многом с ними может быть связано. Оно обладает рядом черт, которые условно можно обозначить как его характеристики: 1) оно не относится к организованной и планомерной системе образования – это своего рода обучение через приобретение опыта; 2) оно не обязательно включает такие элементы, как

цель и субъекты образовательного процесса; 3) оно ориентировано в равной мере на индивидуальные и общественные интересы, не накладывая при этом ни на кого каких-либо обязательств; 4) в нем отсутствует система контроля за осуществляемыми видами деятельности, содержанием, интенсивностью передачи и формами предоставления информации от субъекта к объекту образовательного процесса; 5) оно не предполагает выдачу каких-либо обязательных сертификатов, дипломов, подтверждающих факт получения знаний. Внеформальное образование охватывает такие виды образовательной деятельности, как: посещение учреждений культуры, науки, выставок, экспозиций, культурно-массовых мероприятий и т.д.; просмотр и прослушивание теле- и радиопередач образовательной и / или научной направленности; чтение текстов по науке, образованию, технике и технологиям и т.д. в периодических изданиях; знакомство с Интернет-ресурсами, содержащими научную и учебную информацию и удовлетворяющими познавательные интересы пользователя; участие в научных мероприятиях; посещение публичных лекций и конференций и т.д. Существует множество примеров видов деятельности, осуществляемых в рамках внеформального образования, которые имеют развлекательную составляющую – обучающие и развивающие игры и викторины, интеллектуальные теле-шоу, печатные издания (или разделы в печатных изданиях), содержание которых предполагает задействование читателем его интеллектуальных способностей, памяти и внимания (кроссворды, ребусы, интеллектуальные задания и т.д.).

Таким образом, проведя концептуальное разграничение трех понятий – «формальное образование», «неформальное образование» и «внеформальное образование» – мы обозначили существование трех разных феноменов, каждый из которых направлен на развитие человеческих ресурсов, обладая при этом своими специфическими чертами. Очевидно, что формальная система образования, будучи гораздо более стандартизированной, предполагает единую директивную методологию организации всего учебного процесса, по большому счету не учитывающую индивидуальные особенности учащихся, их пожелания и возможности, которые имеют непосредственное отношение к образовательной системе, но при этом не могут быть оценены с помощью формализованных процедур тестирования, аттестации или сертификации. При этом данная образовательная система – неиндивидуализированная и крайне стандартизированная – используется независимо от того, с каким количеством учащихся имеет дело отдельное учреждение образования. Институциональные средства развития человеческих ресурсов иного характера (гибкие, вариативные, нерегламентированные) используются крайне редко, и в тех случаях, когда они все же имеют место, базовые принципы образовательного процесса по-прежнему остаются ключевыми.

Совершенно очевидно, что неформальная черта изначально присутствует в большом количестве систем формального образования, но в весьма ограниченных пределах. Вследствие этой ограниченности в ряде случаев по тем или иным причинам происходит выход определенных учреждений, систем или программ из установленных формальных структур. При этом неформальное и внеформальное образование гораздо лучше, чем формальное, отвечает индивидуальным запросам учащихся. Поскольку они сосредоточены на учащемся, то волей-неволей проявляют гибкость в определении своих целей, в наполнении содержанием учебных программ и в выборе методик обучения. Другими словами, они в силу своей специфики способны более индивидуализировано и ситуационно развивать личностный и социальный потенциал учащихся. Однако разграничивать жестко между собой три «сферы» или системы образования было бы неверно, скорее имеет смысл подчеркивать существование определенных связей, соединяющих между собой формальное, неформальное и внеформальное образование и являющихся адекватным «ответом» на требования социальной среды, предъявляемые к качественным и количественным характеристикам развития человеческих ресурсов в современном социуме.

Кочергин Вячеслав Яковлевич, кандидат философских наук, доцент кафедры экономической социологии, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

*ТЕХНОЛОГИИ ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ
МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ВУЗА И
РАБОТОДАТЕЛЯ КАК КОНЕЧНОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ*

Высшая школа, оказавшись в эпицентре радикальных изменений в обществе, остро нуждается в перманентных проектных и управленческих решениях, соответствующих сложившимся условиям и наиболее вероятным перспективам. Растущее разделение труда под давлением постоянно обновляемых технологий требует более специализированной и качественной подготовки. Высшее образование, реформируясь, отвечает на эти вызовы введением многоуровневой подготовки, постоянным обновлением номенклатуры специальностей и специализаций, учебных планов и программ, методического и информационно-технологического оснащения.

Тем не менее проблема рассогласования уровня качества подготовки выпускников вузов и потребностей работодателей, представляющих народное хозяйство, обостряется с каждым годом. Предпосылкой являются и трудности набора, которые впоследствии скажутся на качестве подготовки. Внедренная в вузы Республики Беларусь система менеджмента качества (СМК) представляет собой инструмент регулирования и оптимизации многих внутривузовских процессов, направленных на рост качества образовательных услуг. В то же время недостаточно акцентирована важнейшая линия взаимодействия: СМК - работодатель. Фактически – это линия связи с рынком труда. Необходима разработка социальных проектов и технологий, маркетингизация этого взаимодействия.

В настоящее время в системах менеджмента качества учитываются в основном лишь требования государства как потребителя услуг, оказываемых высшими учебными заведениями. Участие в формировании требований к качеству образования других категорий потребителей, в частности, работодателей, носит эпизодический и, как правило, пассивный характер.

Актуальным направлением развития университетских систем менеджмента качества является проведение мониторинга целевых рынков труда и изучение требований различных категорий работодателей.

На наш взгляд, основными принципами разработки технологии оптимизации взаимодействия СМК вузов и работодателей как конечных потребителей образовательных услуг могут быть: а) совместное с работодателями проектирование компетентностных моделей специалистов и учебных программ; б) синхронизация изменений на рынке труда и изменений в учебных планах и программах; в) создание вузами и работодателями совместных баз данных (выпускники – потенциальные рабочие места); г) предоставление вузам большей самостоятельности в оперативном изменении планов и программ.

Титова Татьяна Петровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вопросы обеспечения национальной и международной безопасности, выработка концептуальных основ политики в этой сфере привлекают растущее внимание ученых и политиков. Интерес этот представляется вполне закономерным, поскольку безопасность тесно связана со всеми сторонами жизни человека и общества. Сегодня безопасность понимается как сложное социально-политическое явление, которое отражает последствия многогранной жизнедеятельности человека, накопленный исторический опыт, предпочтения и культуру индивида, общества, государства, и в целом – земной цивилизации. За последние десятилетия концептуализация понятий безопасности претерпела значительные трансформации. В контекст исследований, помимо военно-политической, постоянно включаются иные сферы жизнедеятельности: экономическая, социальная, экологическая. И тенденция эта нарастает. С появлением новых факторов развития, и, соответственно, новых опасностей и угроз возникает потребность в новых парадигмах и системах безопасности.

Экономика знаний выдвигает новые правила и требования к экономическим игрокам в динамично меняющемся мировом пространстве. Завоевание и удержание позиций на мировых рынках высокотехнологичной продукции достигается в жёсткой конкурентной борьбе. Отставание в распространении и использовании высоких технологий означает не просто снижение международной конкурентоспособности, но угрозу остаться на периферии нового информационного общества и «новой экономики», утратить научно-технологическую и экономическую самодостаточность. В процессе становления общества знания наука и образование интенсивно интегрируется в транснациональные и глобальные контексты. При этом перед мировым сообществом возникают новые проблемы в связи с увеличением разрыва между странами с высоким уровнем образования и науки, «догоняющими» странами и странами «третьего мира».

Поскольку возможности современного экономического роста определяются степенью развития человеческого капитала, и в первую очередь его образовательного фактора, сегодня те страны, которые достигли более высокого уровня образования, профессиональной подготовки кадров, оказываются в выигрышном положении по сравнению с теми, где этот уровень относительно ниже. Именно поэтому во многих странах (США, Японии, ЕС, ОЭСР) решающая роль науки и образования в экономическом и социальном развитии признана в качестве главного приоритета обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности.

Разворачивающееся вокруг интеллектуальных ресурсов соперничество, борьба за достижение и удержание превосходства в этой сфере занимают все более значимое место в общей геополитической конкуренции развитых стран мира. Возрастающая роль человеческого потенциала в целом и интеллектуального потенциала как его важнейшей составляющей находит отражение в концептуализации новых парадигм национальной безопасности. Так, интеллектуальная безопасность рядом исследователей выделяется как отдельный вид национальной безопасности, а отток научных кадров за границу – интеллектуальная миграция, рассматривается в качестве одной из угроз, поскольку параметры кадрового потенциала науки и образования определяющим образом влияют на темпы социально-экономического развития.

Существуют различные трактовки понятия «интеллектуальная миграция». Ее расширенное понимание включает миграцию не только научно-технических специалистов, но и творческой интеллигенции, а наиболее широкая трактовка

подразумевает весь комплекс миграционных потоков квалифицированных кадров, более одного года работающих за рубежом.

Развитие экономики знаний способствовало формированию особого сегмента мирового рынка труда – интеллектуального. Глобализация превращает научный мир в единое международное сообщество, которому присуща повышенная мобильность. В настоящее время мобильность интеллектуальной элиты достигла таких масштабов, что ее вклад в развитие знаний человечества вполне сопоставим с деятельностью в национально-государственных рамках.

Растущие потребности развитых и развивающихся стран в притоке мигрантов интеллектуальных профессий и ограниченность мировых интеллектуальных ресурсов породили острую конкурентную борьбу на современных мировых рынках интеллектуального труда. Это обстоятельство усиливает роль политического управления процессами миграции в целом и интеллектуальной миграцией как ее наиболее значимым сегментом. В качестве основных направлений политического регулирования можно выделить: постоянное увеличение доли расходов на НИОКР и образование в национальных ВВП; поощрение международной мобильности исследователей; селективную миграционную политику.

Республика Беларусь обладает достаточно большим человеческим потенциалом для выполнения научных исследований и разработок. По данным Института Всемирного банка по индексу знаний в рейтинге 146 стран мира Беларусь занимает 45-е место. В то же время показатели Беларуси в контексте европейских индикаторов инноваций снижаются по целому ряду показателей. Такой разрыв свидетельствует о недостаточно эффективном использовании человеческого и интеллектуального капитала страны. Беларусь продолжает находиться на отстающих позициях по уровню бюджетного финансирования исследований и разработок по сравнению с другими странами. Научоемкость ВВП в последние годы составляет около 0,7 %, что ниже критического уровня в 1,0 %. В то же время развитые страны, а в последние годы и Россия, ведут активную политику, стимулирующую развитие сферы НИОКР и направленную на привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа. В совокупности все эти факторы создают постоянную угрозу утечки умов из страны.

Эмиграция научных кадров способна оказать существенное влияние на снижение интеллектуального потенциала страны. И хотя она не достигает масштабов, которые были характерны для 1990-х гг., однако по-прежнему является значимым фактором для инновационного развития Беларуси. Нужно учитывать и тот факт, что количественные показатели не дают полной картины изменений в научной среде, поскольку в сфере интеллектуального, и особенно научного, труда количество работников далеко не всегда коррелирует с реальной величиной человеческого капитала.

В качестве важнейших видятся следующие направления политики, способные позитивно повлиять на процессы интеллектуальной миграции в Беларуси: постоянный рост доли расходов на НИОКР и образование в национальном ВВП; повышение социального статуса научных и высококвалифицированных кадров; развитие мобильности исследователей, обеспечение участия белорусских научных организаций в международных проектах; селективная миграционная политика по привлечению в страну высококвалифицированных специалистов; эффективное взаимодействие с зарубежными учеными-соотечественниками.

Обеспечение национальной безопасности в современном мире требует сосредоточения усилий на развитии науки и образования как приоритетах устойчивого развития.

Фаблинова Ольга Николаевна, младший научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

*ИНТЕРНЕТ В ЖИЗНИ АСПИРАНТОВ ДНЕВНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Широкое распространение информационных технологий привело к изменениям как в обществе в целом, так и в жизни отдельно взятого индивида. Интернет широко применяется индивидами как в трудовой, профессиональной сфере, так и в сфере досуга. Аспиранты представляют собой социально-демографическую группу, которая характеризуется четкой профессиональной ориентированностью и целеустремленностью, высокой степенью самостоятельности и склонностью к научной работе, то есть к деятельности, направленной на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний о действительности. Аспиранты – будущее белорусской науки, поэтому крайне важно изучать различные аспекты жизни данной категории населения, отслеживать происходящие с ними изменения. Сегодня, когда Интернет стал неотъемлемой частью жизни ученых, позволяя им быть в курсе последних событий в сфере науки и научных открытий, поддерживать профессиональные контакты с учеными других стран, быть включенными в научные сообщества, формируемые не по принципу территориальной близости, но на основе разделения общих идей, – крайне важно отследить, какая роль отводится интернету в жизни аспирантов.

В мае-июне 2013 года сектором социологии науки и научных кадров Института социологии Национальной академии наук Беларуси был проведен опрос аспирантов дневной формы обучения НАН Беларуси (выборка – сплошная, объем выборки – 262 аспиранта). Из них 46,3% составили мужчины, 53,7% – женщины. Распределение респондентов в зависимости от года обучения следующее: 25,2% – аспиранты первого года, 34,7% – второго года, 39,3% – третьего года обучения. 2 респондента (0,8%) отказались указать год обучения в аспирантуре.

В ходе проводимого опроса аспирантов попросили проранжировать значимость различных источников получения информации при работе над диссертацией по шкале от 1 до 10, где 1 – наиболее значимый, важный источник. Более трети респондентов (34,8%) отметили, что основным источником информации для них выступает общение с научным руководителем. Вторым по популярности ответом (27,7%) о наиболее значимом источнике информации являются научные публикации, доступные в интернете (табл. 1).

Таблица 1. Популярность источников информации при работе над диссертацией

Источник информации	% респондентов
Общение с Вашим научным руководителем	34,8
Научные публикации, доступные в интернете	27,7
Научные монографии (печатный вариант)	14,0
Научные журналы (печатный вариант)	13,8
Общение с коллегами по работе	8,1
Электронные ресурсы Центра интернет-доступа библиотеки НАН Беларуси	6,4
Общение с зарубежными коллегами	6,4
Участие в научных конференциях	3,3

Таким образом, для аспирантов академического сектора науки публикации, доступные в интернете, по значимости для работы над диссертацией преобладают над печатной литературой (научными монографиями и журналами). При этом стоит отметить, что электронные научные ресурсы Центра интернет-доступа библиотеки Национальной

академии наук Беларуси назвали лишь 6,4% опрошенных. Возможными причинами такой невысокой популярности Центра интернет-доступа могут выступать недостаточная информированность аспирантов о возможностях, предоставляемых Центром, ограничение времени работы с электронными ресурсами, имеющимися в Центре (не более 3 часов в день для одного пользователя), привязанность к конкретному месту (библиотека) и времени (время работы библиотеки) выхода в интернет и т.п.

Позитивная оценка влияния интернета на профессиональную сферу в среде аспирантов академического сектора науки находит отражение и в их ответах о наиболее популярных по частоте ежедневного использования интернет-сервисах. Так, 91,1% опрошенных указали на ежедневное использование поисковых систем, 89,0% – на использование электронной почты, 71,5% – на посещение новостных сайтов.

Однако интернет используется аспирантами не только с целью профессионального развития. Так, почти половина опрошенных (48,9%) указали, что проводят свой досуг с использованием возможностей сети (четвертое место по популярности проведения досуга). При этом в качестве желаемой формы проведения свободного времени интернет-досуг назвали только 9,5%. Мужчины (15,7%) чаще женщин (3,8%) упоминают интернет как желаемый способ проведения досуга. Получивший сегодня широкую популярность такой интернет-сервис, как социальная сеть находится у аспирантов на четвертом месте по популярности ежедневного посещения (54,5% опрошенных). «Ютуб» (сервис, предоставляющий услуги видеохостинга) ежедневно используют 24,8% аспирантов, интернет-игры – 4,6%, сайт знакомств – 2,8%.

Стоит отметить, что в выходные дни в аспирантской среде снижается продолжительность нахождения в Интернете. Данное обстоятельство отличает аспирантов академического сектора науки от студентов высших учебных заведений г. Минска, для которых, напротив, характерно увеличение времени проведения в сети в выходные дни (табл. 2). Интернет-поведение студентов было изучено в рамках авторского исследования, проводимого в декабре 2011 года – феврале 2012 года: объем выборки – 630 студентов очных и заочных форм обучения, метод сбора информации – раздаточный опрос по месту учебы респондента, ошибка выборки – 3,9%.

Таблица 2. Продолжительность нахождения в интернете в будние и выходные дни

	Аспиранты Национальной академии наук (2013 г.), %		Студенты ВУЗов г. Минска (конец 2011 – начало 2012 г.), %	
	Будние дни	Выходные дни	Будние дни	Выходные дни
Не пользуюсь	0,8	5,0	0,1	0,8
Менее 1 часа	7,3	13,5	6,0	8,0
1-2 часа	23,8	24,7	20,5	14,2
2-4 часа	26,9	25,9	30,1	24,6
4-6 часов	20,0	17,4	21,4	20,6
6-8 часов	9,6	4,6	9,9	15,5
Более 8 часов	11,5	8,9	11,9	16,3

Важность использования интернета для роста аспиранта в профессиональном плане, а также снижение продолжительности нахождения в сети в выходные дни находит свое объяснение в оценке респондентами влияния сети на различные сферы жизнедеятельности индивидов. Так, из четырех сфер возможного влияния интернета на жизнь индивида (дружеские отношения, досуг, психологическое состояние и профессиональное развитие), лишь последняя сфера получила положительную оценку. При оценке же влияния интернета на досуг различия в позитивных и негативных оценках наиболее выражены по сравнению с оценками других параметров (табл. 3).

Таблица 3. Оценка влияния интернета на различные аспекты жизнедеятельности индивида

	Позитивное	Негативное

	влияние, %	влияние, %
Влияние Интернета на психологическое состояние индивида	28,7	33,4
Влияние Интернета на дружеские отношения	28,3	42,9
Влияние Интернета на проведение человеком своего досуга	22,2	44,5
Влияние Интернета на профессиональное развитие	70,5	11,1

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить следующие особенности использования интернета аспирантами дневной формы обучения Национальной академии наук Беларуси:

- Высокая значимость научных публикаций, доступных в интернете, в качестве источника получения информации при работе над диссертацией;
- Низкая значимость электронных научных ресурсов Центра интернет-доступа библиотеки НАН Беларуси в качестве источника получения информации при работе над диссертацией;
- Наиболее популярными интернет-сервисами по ежедневному посещению являются сервисы, носящие информационный характер: поисковые системы, электронная почта и новостные сайты;
- Высокая популярность использования интернета в качестве фактического способа проведения досуга (48,6%);
- Низкая популярность использования интернета в качестве желаемого способа проведения досуга (9,5%);
- Влияние половой принадлежности респондента на оценку интернета как в качестве желаемого способа проведения досуга: мужчины - 15,7%, женщины – 3,8%;
- Снижение продолжительности нахождения в интернете в выходные дни;
- Оценка интернета как благотворно влияющего на профессиональное развитие и негативно влияющего на сферу досуга и дружеские отношения.

Назаренко Юлия Степановна, магистр социологии, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

В современном мире происходят изменения в характере труда, обусловленные развитием новых технологий в трудовом процессе и инфраструктуре деятельности. Постсоветские общества унаследовали нормы организации трудового процесса советского образца, для которого характерна низкая мотивация в труде, который выступает скорее не как способ самореализации, а удовлетворения материальных потребностей. Также ему свойственна низкая мобильность работников, что выражалось в низкой профессиональной мобильности, поскольку частая смена мест работы порицалась и свидетельствовала о наличии у работника негативных качеств, которые становились причиной смены работы. Карьерные установки также были выражены недостаточно четко, поскольку трудовая этика приветствовала качественное выполнение своих рабочих обязанностей без учета потенциального вознаграждения в виде повышения и т.п. (это решалось «начальством» и в минимальной степени становилось предметом латентных контрактных договоренностей между работником и трудящимся).

На смену советской трудовой системе приходят западные формы организации деятельности, существенно отличные от советской трудовой этики. Современное общество характеризуется формированием определенного образа профессионала, который должен обладать широким кругом компетенций. К ним относятся обладание творческим нестандартным мышлением, креативными навыками, коммуникативной и лидерской компетенциями, реализуемые работником в процессе трудовой деятельности.

Современный труд характеризуется значимостью компетенций «командной работы», наличием широкого профиля знаний в различных областях ведения бизнеса (права, бухгалтерии, маркетинга, продаж и т.п.), высокой интеллектуальной (информационной) емкостью продуктов труда. Эффективный труд работника выступает ключевым критерием карьерного роста, способствующего достижению профессионального успеха и личностной самореализации.

Под руководством А. Аузана и К. Келимбетова российские исследователи провели сравнительный анализ российского (постсоветского) и европейского типа работника на основе портрета современного профессионала. В работе «Социокультурная формула экономической модернизации» представлены результаты данного исследования (табл. 1) [1, с. 43]. «Восприятие профессии как призвания (а не средства построения карьеры) говорит о высокой ценности самореализации. Универсализм, во многом вытекающий из образования советского образца, обусловлен склонностью к самореализации и конфликтному индивидуализму. Способность решать нестандартные и уникальные задачи – следствие высокого универсализма и, как ни парадоксально, низкой значимости соблюдения стандартов и законов» [1, с. 43].

Таким образом, эмпирическим путем были зафиксированы различия в портретах современного российского и западного работника. Данные различия свидетельствуют о недостаточной «пригодности» российского типа работника для работы в современных условиях. Требуется устранение зафиксированных недостатков советского профессионала, что достигается путем реализации компетентностного подхода в образовании. Состав компетентностного профиля (ключевые компетенции) позволяет устранить эти недостатки с помощью различных форм базового, вузовского и, что особенно актуально, в рамках стратегии непрерывного образования, стержнем которого становится воспитание работника современной информационной (социо-)экономики.

Таблица 1. Портрет российского инноватора: обобщенный взгляд из Германии, США, РФ

Характеристика	Плюсы	Минусы
Восприятие профессии как призвания, а не карьеры	Нацеленность на самореализацию, достижение уникального результата, высокая креативность	Неумение себя «подавать» и «продавать», ориентация на признание среди узкого круга коллег и друзей
Фундаментальное образование советского типа	Универсальная квалификация	Необходимость адаптироваться к конкретным узкоспециальным задачам
Опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде	Способность решать сложные нестандартные уникальные задачи	Сложности в решении формальных и рутинных («скучных») проблем, потребность быть «творцом», а не «исполнителем»
Радикальный индивидуализм	Склонность к трудоголизму и гиперответственности, презрение к признанным авторитетам	Отсутствие навыков командной работы, конфликтный характер взаимодействия, неумение перераспределять ответственность, авторитарный стиль управления
Короткий горизонт планирования	Способность у мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам	Отсутствие стратегического мышления, ориентация на решение тактических задач

Литература:

1. Аузан, А., Келимбетов, К. Социокультурная формула экономической модернизации / А. Аузан, К. Келимбетов // Вопросы экономики. – 2012. – №5. – С.38-44.

Пацеева Анастасия Георгиевна, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ НОРМ И ЦЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВРАЧА

Профессиональная культура – область, в которой детерминируется практика реализации профессии. Одно из фундаментальных оснований изучения профессиональной культуры было заложено П. Сорокиным, который в рамках своего социокультурного подхода к изучению социальной реальности обосновал неразрывность изучения трёх измерений человеческого бытия: личности, общества и культуры [1].

Профессиональная культура, которая может быть рассмотрена как подвид социальной культуры, понятие весьма многозначное. В качестве основного в данной работе принято следующее понимание феномена профессиональной культуры – это «саморазвивающаяся система признанных социально-профессиональной группой функций специалиста (профессиональных ролей), норм и ценностей, регулирующих и направляющих процесс производственной деятельности, отношения между членами профессиональной группы с другими группами и общественными институтами, а также устанавливающих квалификационные критерии, образцы достижений и профессиональной мобильности» [2, с. 34]

Конструируемые здесь нормы и ценности определяют не только индивидуальную профессиональную деятельность, но и задают отношения с коллегами, прочерчивают границы института данной профессии, обуславливают её легитимизацию в социальном пространстве. Это обеспечивает «уровневое» структурирование профессиональной культуры: индивидуальная профессиональная культура и культура профессиональной группы как целого – институциональная.

В рамках профессиональной культуры формулируется её особый элемент – представление о профессионализме. Представления о профессионализме – комплекс признанных и разделяемых большинством представителей данной профессиональной группы представлений об эталонном осуществлении профессиональной деятельности [3].

Практическое значение данной трактовки представлений о профессионализме заключается в обеспечении возможности анализировать внутреннюю дифференциацию профессиональной культуры. Эти явления исследованы на примере изучения ценностей и норм, формируемых в сфере профессиональной культуры врачей. Профессия врача является глубоко институализированной в социальном пространстве, и может служить прообразом классической профессии, как служения обществу [4]. Этим обусловлен выбор её для изучения процессов внутренней динамики профессиональной культуры. Выявление факторов, обеспечивающих поддержание осуществления профессиональной врачебной деятельности на высоком качественном уровне, обуславливает социальную значимость предлагаемого исследования.

В ходе исследования объектом стало профессиональное сообщество врачей г. Минска. Для изучения заявленных явлений была применена методика анкетного опроса врачей Минска, опрос реализован весной 2012 года. Вопросы анкеты были направлены на изучение мнений и оценок врачей города относительно ряда элементов профессиональной врачебной деятельности и основных аспектов взаимодействия между профессионалами. Были опрошены 456 врачей города, что представляет мнения врачей города с точностью $\pm 4\%$. Выборка была сформирована по квотному принципу, в ней представлены группы врачей основных типов лечебных учреждений города – клиник, диспансеров, поликлиник, пропорционально реальному соотношению работающих там врачей.

В целом представления о профессионализме врачей города, выявленные в ходе исследования, достаточно консолидированы. Абсолютное большинство врачей необходимыми чертами профессионала считают высокий уровень квалификации (78,3%),

направленность на постоянное самообразование (74,3%), доброжелательное, отзывчивое отношение к пациенту (70,0%), способность к эффективному взаимодействию с коллегами (61,0%).

Детальное рассмотрение представлений о профессионализме врачей дало возможность выявить несколько стилистически различных типов представлений о профессионализме, которые поддерживаются врачами города. Многомерный анализ представлений о том, какими социальными чертами должен обладать врач-профессионал позволил выделить три типа представлений о профессионализме. Два из них представляют активную профессиональную позицию: профессионалы-индивидуалисты и профессионалы корпоративного типа. В представлениях индивидуалистов об идеале врачебной деятельности превалируют ценности и нормы индивидуального плана – профессиональное самосовершенствование, направленность на повышение квалификационного уровня. Для профессионалов корпоративного типа несколько более акцентированными являются ценности и нормы, обеспечивающие поддержание институциональной идентичности профессионального сообщества – взаимодействие с коллегами, доброжелательное отношение к пациентам. Третий тип представлений о профессионализме – индифферентный, представляющий собой тип специалистов, не акцентирующих ценности профессиональной деятельности ни институционального, ни индивидуального уровня.

Выявленные типы органично вписываются в тенденции изменения представлений о профессионализме врача, фиксируемые в теоретико-методологических работах, посвящённых этим проблемам. До середины 60-х годов среди врачей на Западе преобладали обладатели частных практик. Они, как и врачи клиник обладали профессиональной независимостью [5]. В это время советская система здравоохранения развивалась в рамках авторитаризма, принизывавшего большинство сфер социальной жизни, что во многом ограничивало самоуправление врачей, но в меньшей степени влияло на выбор тактики лечебно-диагностических мероприятий [6].

Профессиональная деятельность врачей приобретает черты командной работы, в которой сотрудничают представители различных медицинских специальностей. Выбор тактики лечебно-диагностических мероприятий становится функцией не только непосредственно лечащего врача, но и целой команды – специалистов смежных специальностей, осуществляющих лечение сопутствующих заболеваний [7]. Эти процессы сопряжены с модернизацией представлений о профессионализме врача от традиционного представления, сформулированного в терминах представлений профессионалов-индивидуалистов, к инновационному – корпоративному стилю. «Институциональный профессионализм» - формулируется как одна из задач, поставленных обществом системе здравоохранения [8]. Эти же тенденции формулируются в рамках более обширного процесса автономизации профессий российскими социологами [9].

Группа врачей поддерживающих представления о профессионализме индивидуального типа самая многочисленная группа среди опрошенных – 47,0%. В этой группе врачей наблюдается преобладание мужчин, доля врачей этой группы, падает в возрастных группах по мере увеличения стажа. Удельный вес доли врачей, поддерживающих представления о профессионализме данного типа, значимо выше среди врачей клиник, нежели в поликлиниках. (35,1% vs 24,7%; $\phi^*=2,078$, при $\alpha=1,64$). Врачи, этой группы чаще работают специалистами – 51,5% от общего числа специалистов, также их доля самая высокая среди руководителей – 49,1%.

Удельный вес врачей поддерживающих корпоративный тип представлений о профессионализме – 17,5%. Это самая малочисленная группа специалистов. Эта группа врачей, практически не отличается от основной выборки по демографическим характеристикам. Индифферентный тип представлений о профессионализме поддерживает группа врачей составляющих 35,5% от всего количества участвовавших в анализе. Эта в большей мере представлена женщинами – их доля выше, чем в среднем по

выборке (88,3% vs 79,5%; $\phi^*=2,489$, при $\alpha=1,64$); и значимо выше, чем доля женщин в двух первых группах. Доля врачей поликлиник, поддерживающих профессионализм данного типа выше доли врачей поддерживающих представления о профессионализме индивидуального типа. (67,8% vs 56,5%; $\phi^*=2,119$, при $\alpha=1,64$). Наибольшая доля врачей придерживающихся индифферентного типа представлений о профессионализме – участковые врачи, 44,8% от общего числа участковых врачей.

Таким образом, ценности индивидуального уровня профессиональной культуры имеют широкую поддержку в профессиональном врачебном сообществе. Ценности и нормы институционального уровня имеют приоритетное значение для меньшей доли профессионалов. В свою очередь модернизация норм и ценностей институционального уровня профессиональной культуры в направлении повышения уровня самоуправления и изменения смысловых атрибуций взаимодействия профессионалов, открывает новые перспективы повышения качества реализации функций профессионального сообщества, в данном случае врачебного.

Литература:

1. Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество./ П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
2. Кочергин, В.Я. Профессиональная культура и социальные технологии / В.Я Кочергин. – Минск : БГЭУ, 2007. – 178 с.
3. Кочергин В.Я О профессионализме, как об идеальном образе профессиональной культуры. / В.Я Кочергин, А.Г. Пацеева // Вестн. Беларус. гос. эконом. ун-та. – 2013 – №1 – С. 92-98.
4. Parsons T. The social system. / T Parsons. – London: Routledge, 1991. – 404 p
5. Freidson E. Profession of Medicine: A Study in the Sociology of Applied Knowledge/ E.Freidson. – N.Y.: Harper Pow, 1988 – 440p.
6. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 годы / К. Бартон // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. – 2007 – №4. – С.541–558.
7. Кульман Э. Разновидности профессионализма поздней современности на примере немецкой системы здравоохранения / Э. Кульман. // Журнал исследований социальной политики. Т. 3 – 2005 – № 4. – С.535-550.
8. Doctors in society: medical professionalism in a changing world. Report of a Working Party of the Royal College of Physicians of London. – London: RCP, 2005. – 51 p.
9. Романов П.В. Власть знания и общественные интересы: профессионалы в государстве благосостояния / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова // Профессии социального государства: науч. тр. // Центр социальной политики и гендерных исследований ; под ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. – М.: ООО Вариант, 2013. – с. 7-21

Кройтор Светлана Николаевна, кандидат социологических наук, зав. сектором методики и приктики прикладных социологических исследований, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЛОГИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исследование становления советской академической традиции и, в частности, такого ее аспекта, как ориентация на фундаментализацию высшего образования, представляется важным и актуальным. Анализ исторического опыта развития и реформирования советской высшей школы будет способствовать более глубокому пониманию проблем отечественного высшего образования на современном этапе, а также поиску оптимальных решений по совершенствованию образовательной политики в сегодняшней Беларуси.

Одним из основных принципов, определявшим характер и содержание образования в советском государстве, был принцип научности обучения (в научной литературе его также определяют как «принцип фундаментальности образования»). Реализация этого

принципа касалась как содержания образования, так и методов обучения, а также способов организации учебного процесса.

Что означал принцип фундаментальности применительно к работе высших учебных заведений в СССР? Прежде всего, попытку сочетания в рамках вузовской подготовки достаточно серьезной и обширной научно-теоретической подготовки и внимания к развитию навыков практической деятельности. Обучение в советской высшей школе может быть охарактеризовано, как, с одной стороны, общефундаментальное (поскольку в высших учебных заведениях велась подготовка специалистов широкого профиля), с другой, – тесно связанное с «жизнью», т.е. с потребностями экономики и общества. Как определялось оптимальное соотношение фундаментального и прикладного в советском высшем образовании? Каким образом решалась задача достижения взаимосвязи теоретического и практического в подготовке высококвалифицированных специалистов? На эти вопросы мы и попытаемся ответить в ходе работы над данной публикацией.

Основные этапы становления фундаментальной традиции в советских высших учебных заведениях.

Можно сказать, что период активного движения советской высшей школы в направлении подготовки «специалистов широкого профиля» начался после Октябрьской революции 1917 года. Это было вызвано осознанием того факта, что для обеспечения эффективного функционирования экономики страны и управления государством нужны специалисты со значительно более широким «научным» либо «научно-техническим» образованием, чем выпускались на то момент вузами страны. Исходя из этого, было принято решение о расширении, укрупнении большинства вузовских специальностей, а также об открытии ряда отраслевых вузов, готовящих специалистов для таких востребованных в то время отраслей, как энергетика, авиация, металлургия, машиностроение, горное дело и др. В истории советской высшей школы был период, когда имел место перекося в сторону излишней специализации. Так, был создан ряд вузов, готовивших специалистов по очень узким направлениям (например, институт коноплеводства, институт прядильных культур и некоторые другие), однако это было временной мерой, вызванной острой потребностью в соответствующих специалистах в послевоенное время.

В 1933 году был осуществлен еще один пересмотр номенклатуры специальностей. При реализации этой меры государственные структуры, ответственные за развитие высшей школы, исходили из того, что соответствие квалификации выпускаемых вузами специалистов потребностям производства может быть достигнуто и при еще меньшем числе специальностей при условии, что квалификация выпускаемых специалистов станет еще более фундаментальной. В результате количество специальностей сократилось в два раза. Высшие учебные заведения страны стали вести подготовку по 345 специальностям [4, с. 24]. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что понятие специальности понималось несколько иначе, чем это имеет место сегодня. То, что называли специальностью, на самом деле скорее представляло собой некое профилирование специальной подготовки на общетеоретической основе. Разница между многими смежными специальностями часто была незначительной и выражалась, главным образом, в наличии определенной направленности, присущей специальным курсам, производственной практике и дипломным работам.

Кроме укрупнения специальностей, в вузах усиливалось преподавание общенаучных и общетехнических дисциплин. Это достигалось как за счет увеличения объема соответствующих учебных курсов в общей структуре подготовки, так и повышения качества преподавания этих дисциплин за счет привлечения к чтению курсов ученых и специалистов производства. Все это позволяло готовить специалистов более широкого профиля.

В период Великой отечественной войны осуществлялось расширение общетеоретической подготовки будущих специалистов, усиление научных основ преподавания ряда дисциплин, включая физику, химию, механику, электронику и др. Вместе с тем, в ответ на потребности страны, которая жила в условиях ведения военных действий, создан ряд специальностей отраслевого назначения, но это опять-таки было временной мерой, направленной на решение ситуативных задач военного времени.

После войны происходило дальнейшее укрупнение специальностей, расширение профиля подготовки специалистов, предприняты определенные попытки к усилению развития самостоятельной работы студентов. В 1955 году номенклатура вузовских специальностей была снова пересмотрена. В новый перечень вошли 274 специальности. Определенным изменениям были подвергнуты учебные планы и программы вузов. Подготовка специалистов еще более широкого профиля обеспечивалась путем расширения общенаучной и общинженерной подготовки за счет сокращения объема специальных дисциплин и времени, отводимого на их изучение. В технических вузах увеличено число академических часов, отводимых для изучения таких дисциплин, как физика, теоретическая механика, теория механизмов и машин и др., а на старших курсах введены специальные разделы по этим общетеоретическим дисциплинам, что позволило достаточно успешно сочетать фундаментальную подготовку с прикладным знанием. По ряду специальностей были отменены мелкие узкоспециальные курсы и введены общеспециальные дисциплины широкого научно-теоретического значения, направленные на то, чтобы дать основу специальной подготовки. В учебных планах установилось соотношение времени с преобладанием общенаучных и общинженерных дисциплин, что обеспечило подготовку специалистов еще более широкого профиля, чем в довоенные годы. На изучение дисциплин общетеоретического значения отводилось значительно больше времени, чем на изучение специальных дисциплин. Научно-теоретическая подготовка занимала до 80% в общем объеме учебного времени [4, с. 26].

В ходе дальнейшего развития высшей школы в Советском Союзе сохранялись принципы специализации на широкой фундаментальной основе. Также периодически происходило включение в программы высших учебных заведений новой информации, связанной с вновь возникавшими направлениями науки и техники. Параллельно с возникновением новых отраслей производства осуществлялось открытие новых специальностей, направленное на обеспечение этих отраслей высококвалифицированными кадрами. Например, появились такие специальности, как «физика космоса», «прикладная математика», «химическая кибернетика», «автоматизация производства», «разведка полезных ископаемых морского дна» и т.д.

Некоторые особенности организации учебного процесса в высшей школе, способствовавшие усилению научного, фундаментального характера советского высшего образования.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо упомянуть о том, что в условиях советской высшей школы серьезное внимание уделялось качеству преподавания. Так, например, существовала практика командирования квалифицированных вузовских преподавателей в региональные вузы для проведения лекционных занятий, оказания помощи в организации научно-исследовательской работы в рамках вузовских кафедр в регионах, отдаленных от крупных научных и образовательных центров. Кроме того, в советском государстве работали достаточно многочисленные институты повышения квалификации профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. К квалификации преподавателей, приходивших на работу в вузы, предъявлялись высокие требования. При поступлении молодого преподавателя для работы в вуз он должен был в течение года занимать должность преподавателя-стажера, чтобы получить необходимый опыт и подтвердить свою квалификацию. Зачастую крупные ученые и специалисты производственной сферы привлекались к научному руководству подготовкой дипломов и ведению производственной практики студентов.

Во-вторых, перед кафедрами высших учебных заведений ставилась задача поподдержанию высокого теоретического уровня проводимых в рамках этих кафедр научных исследований. На реализацию этой задачи был направлен ряд мер. В частности, достаточно многие преподаватели принимали активное участие в научно-исследовательской работе в рамках своих кафедр. Это помогало, с одной стороны, постоянному повышению научной квалификации преподавательских кадров, с другой, способствовало созданию «атмосферы научности» в высших учебных заведениях. Педагоги, внесшие вклад в развитие какого-либо научного направления, как правило, пользовались особым авторитетом среди студентов и зачастую являлись для них положительным примером, источником мотивации для включения в научно-исследовательскую деятельность своего вуза и стремления сочетать научную работу с учебной деятельностью.

Кроме того, разработка комплексных проблем осуществлялась преподавателями ряда вузов в сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами Академии наук СССР, а также с отраслевыми министерствами и ведомствами. За рядом вузов также были закреплены предприятия, научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, учреждения культуры, в которых студенты проходили производственную практику. К сожалению, эти меры не получили широкого распространения в рамках советской системы высшего образования. Во многих случаях кафедры, наоборот, были замкнуты на самих себе, с предприятиями и научно-исследовательскими учреждениями были связаны слабо, что, в конечном итоге, приводило к недостаточному участию вузов в разработке актуальных проблем естественных и общественных наук.

В-третьих, в ряде вузов имело место четкое планирование и контроль самостоятельной работы студентов. Например, в Московском высшем техническом училище им. Баумана, Московском энергетическом институте существовали графики самостоятельной работы студентов с четким распределением объема, содержания и сроков сдачи тех или иных заданий, сопровождаемых списками учебной литературы для самоподготовки в рамках каждого из разделов, что в значительной мере способствовало систематизации подготовки, придавало ей планомерный, осмысленный характер, дисциплинировало студентов в их учебной деятельности.

Сочетание принципов фундаментальности и «приближенности к практике» вузовских учебных дисциплин.

В рамках советской системы высшего образования существовало три вида вузовских дисциплин. К первой группе относились обязательные, или фундаментальные дисциплины. Они включали общенаучные и общетехнические (специальные дисциплины широкого общенаучного значения) дисциплины, которые составляли основу подготовки в высшем учебном заведении и являлись общими для ряда родственных специальностей.

Вторая группа включала альтернативные дисциплины, или дисциплины по выбору. Как правило, это были специальные дисциплины или разделы дисциплин самостоятельного значения, изучение которых способствовало углублению подготовки будущих специалистов, либо общетехнические дисциплины, не имеющие прямого отношения к изучаемой специальности и предназначенные скорее для расширения кругозора обучающихся.

Третья группа – факультативные дисциплины. Они представляли собой, преимущественно, практико-ориентированные курсы-дополнения к основным дисциплинам учебной программы. Зачастую такие курсы содержали информацию о личном опыте (например, преподавателя, кафедры, специалиста с производства, научной лаборатории, ученого) ведения научно-исследовательской, расчетно-конструкторской работы и т.п. Факультативные курсы студенты посещали по желанию. Однако студент имел право сдать экзамен либо зачет по факультативному предмету с занесением в приложение диплома, что повышало мотивацию к посещению таких курсов.

Таким образом, структура учебной нагрузки была выстроена так, что, прежде всего, в ходе изучения будущими специалистами обязательных дисциплин закладывался прочный теоретический фундамент подготовки. Затем следовало изучение альтернативных курсов, что обеспечивало дальнейшее углубление и совершенствование знаний, полученных в рамках обязательных дисциплин. После этого серьезные знания, полученные в рамках обязательных и альтернативных дисциплин, дополнялись и обогащались прикладными аспектами работы по изучаемой специальности. Сочетание обязательных, альтернативных и факультативных дисциплин было достаточно оптимальным, что обеспечивало преемственность учебного материала, целенаправленность учебного процесса и, в конечном итоге, целостность подготовки специалистов.

Итак, в рамках данной статьи рассмотрены основные этапы становления советской академической традиции, направленной на фундаментализацию высшего образования, а также охарактеризован ряд особенностей организации учебного процесса в советских вузах, способствовавших усилению фундаментального характера высшего образования в советском государстве. Показано, что фундаментальная основа образования позволяла готовить высококвалифицированных работников, которые были способны не только качественно выполнять работу в рамках своей специальности, но и достаточно хорошо ориентироваться в смежных специальностях, что делало их универсальными специалистами, конкурентоспособными на рынке труда. В данной публикации сделан акцент на положительных аспектах фундаментализации образования в советских вузах. Несомненно, мы осознаем, что этот процесс также имеет отрицательные стороны, и для получения взвешенной его оценки они должны быть освещены. Этим мы планируем заняться в рамках следующих публикаций.

Литература.

1. Высшая школа СССР за 50 лет [1917–1967]. – М.: Высшая школа, 1967. – 145 с.
2. Милкова, В.И. Высшее образование в СССР и за рубежом / В.И. Милкова. – М.: Высшая школа, 1978. – 567 с.
3. Кафтанов, С.В. Высшее образование в СССР / С.В. Кафтанов. – М.: Высшая школа, 1950. – 117 с.
4. Зиновьев, С.И. Учебный процесс в советской высшей школе / С.И. Зиновьев. – М.: высшая школа, 1975. – 315 с.
5. Тимошенко, С.П. Инженерное образование в России / С.П. Тимошенко. – Люберцы: ВИНТИ, 1996. – 235 с.
6. Бутягин, А.С., Салтанов, Ю.А. Университетское образование в СССР / А.С. Бутягин, Ю.А. Салтанов. – М.: Высшая школа, 1957. – 293 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Шавель Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДЕРЗОСТЬ РИСКА: К МОТИВАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Человеческая деятельность структурируется по многим критериям как содержательными, так и формальными; для нашей темы мы используем только один критерий – новизны, и, соответственно, выделим только два типа деятельности: инновационная и репродуктивная. Тип репродуктивной, как ясно из этимологического термина, буквально обозначающий воспроизводство уже сделанного по установленной норме, стандарту, шаблону, рецепту и т.п., в новизне не нуждается, более того, она в подавляющем большинстве случаев принципиально ограничивается или запрещается. Можно спорить о том, вносятся ли что-то новое в таких видах деятельности как, например, пошив по индивидуальному заказу, изготовление кулинарных изделий, строительные и ремонтные работы и многое другое. По-видимому, в таких видах деятельности новизны в точном смысле нет, если оценивать их с точки зрения технологии (методов, рецептов и т.п.), но в них, безусловно, есть вариации. В любом случае, доля риска здесь минимальна.

Что касается инновационной деятельности, то она, как правило, направлена на изменение технологии, логики, методов, рецептуры и пр., и уже поэтому связана с определенным уровнем риска. Под риском обычно понимается такая констелляция обстоятельств, которая способна вызывать неблагоприятные, непредусмотренные и незапланированные результаты (исходы) в самом процессе деятельности. Немецкий социолог Ульрих Бек ввел концепт, названный им «общество риска». В нем риск в социологическом смысле слова понимается как взаимодействие общества «с угрозами и опасностями, иницируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох риски суть последствия, связанные с угрожающей мощностью модернизации и порождаемой ею глобальной нестабильностью и неопределенностью. В обществе риска неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы [1, с. 21-22]. Важно отметить, что с точки зрения Бека генезис рисков это не просто технико-технологические или даже научно-технические изменения, но именно процесс социальный. «В развитом обществе, – по его мнению, – социальное производство богатства систематически сопровождается социальным производством риска. Соответственно, проблемы и конфликты, связанные с распределением дефицита в обществе, соседствуют с проблемами и конфликтами, которые возникают вследствие производства, необходимостью определения и распространения рисков, порождаемых научно-техническими системами» [1, с. 19]. К ключевым характеристикам общества риска автор относит следующие. Во-первых, то, что риск всеобщ и неустраним (по принципу, загрязнили – убрали, почистили), и действует с эффектом бумеранга, т.е. рано или поздно достигая тех, кто его производит или на нем наживается. Во-вторых, риски ведут к нарастанию процессов «экологического обесценивания и экспроприации». В-третьих, современные опасности довольно часто не воспринимаются человеческими органами чувств. Отсюда возрастающее значение приобретают знание и науки о рисках. В-четвертых, высшего арбитра о социальной приемлемости рисков «попросту не может существовать». В-пятых, люди перестают думать об опасности тогда, когда «исключительные условия» превращаются в норму

повседневного бытия. Это ведет к экологическому фатализму, позволяющему маятнику настроений качаться от «истерии к отрешенности».

Как видим, здесь имеются в виду главным образом экологические риски как непредвиденные последствия модернизации на основе научно-технических достижений. Безусловно, такой подход оправдан и его актуальность только возрастает. Если же обратиться к истории науки и техники, то можно вспомнить учение Жан-Жака Руссо (1712-1778) о «Золотом веке», в котором человек вел спокойную и счастливую жизнь, т.е. традиционно занимался воспроизводством, без какого-либо риска и только промышленное развитие «цивилизовало людей и погубило род человеческий». Спустя более двести лет на «науку о науке» обратился Л.Н. Толстой. Он писал: «Большая часть технических приобретений опытной науки обращается не на пользу, а во вред человечеству». Правда, он также говорит и о науке истинной, настоящей, которая должна изучать не то, что «случайно заинтересовало нас, а то, как должна быть учреждена жизнь человеческая, – те вопросы религии, нравственности, общественной жизни, без разрешения которых все наши познания природы вредны или ничтожны» [2].

Желание во избежание риска остановить научно-технический прогресс или хотя бы затормозить, поставить его под контроль наталкивается на растущие потребности человека, многие из которых являются ненасыщаемыми, особенно духовные; к тому же в самой природе человека заложено стремление к рискогенной деятельности, к преодолению риска. Отсутствие такого анализа серьезно ослабляет инвайронментальную парадигму, особенно в части таких ее установок, как: а) сострадание к другим живым существам (а питание?); б) «нет» атомной энергетике (а энергобезопасность?); в) предпочтение защиты среды, а не экономическому росту (а конкуренция?) и др [3].

В этой связи есть необходимость обратиться к персоналистскому пониманию феномена риска. Прежде всего отметим, что лучшие советские авиационные и ракетные конструкторы – Туполев, Петляков, Королев, Глушко и другие – многие годы проработали в так называемых «шарагах» (тюремных конструкторских бюро), занимаясь безусловно инновационной деятельностью, о чем свидетельствуют созданные ими великолепные проекты самолетов и ракет. Разумеется, это было связано с огромным риском – не только техническим, но и личностным, даже семейным. Но утверждение Ю. Шрейдера, что «они могли творить за счет накопленного ресурса свободы» вряд ли можно признать доказательным [4].

В психологии модель выбора риска была впервые сформулирована Д.В. Аткинсом в статье «Мотивационные детерминанты рискованного поведения», позже ее стали называть, как отмечает Х. Хекхаузен, «базовой теорией мотивации достижения» [5]. Аткинсон выделил мотив успеха, т.е. достижения результата, и мотив избежания неуспеха, каждый из которых задает пропорционально соответствующую ценность: либо успеха, либо неуспеха. Ценность успеха/неуспеха описывается с помощью понятия побудительности, которая определяется только воспринимаемой сложностью задания. Субъективная вероятность успеха или неуспеха взаимодополнительны и равны в сумме единице. Ощущение успеха тем больше, чем меньше были шансы на него, а неуспеха – чем легче казалось задание. Надежда на успех активизирует деятельность, а опасение неудачи тормозит ее (тенденция к уклонению). Разность между тенденциями успеха и неуспеха задает выбор степени трудности задачи, а также энергичность последующей работы над ней. И то, и другое связано с внутренним риском: переоценка своих возможностей ведет к выбору непосильной задачи, а излишние опасения неудачи – консервируют личностный потенциал. Психолог М. Хорпер выявила еще один конструкт в выборе риска, а именно, боязнь успеха. По ее словам, он присущ в основном девушкам, поскольку достижение успеха вредит их привлекательности среди окружающих, особенно мужчин. Многочисленные повторные исследования показали, что такой феномен является «популярным, но недоказанным».

С точки зрения риска в инновациях отметим проведенную социологами и психологами проверку выдвинутой М. Вебером идеи о связи протестантской этики с «духом капитализма». Не повторяя проведенный нами анализ, отметим следующее. Протестантизм, особенно его кальвинистская ветвь, создал новую сотериологическую (спасительную) систему, в которой ставка делалась на позитивную мотивацию достижения (вера в успех), поведенческий ригоризм, аскезу, профессиональное призвание, терпение, ответственность и субсидиарность («помощь для самопомощи» [6]. «Практически, – говорит Вебер, – это означает, что Бог помогает тому, кто сам себе помогает, что кальвинист, таким образом, сам «создает» свое спасение, правильное следовало бы сказать – уверенность в спасении» [7]. Вывод Вебера о связи протестантской этики с духом капитализма подвергся эмпирической проверке на основе современных методик во второй половине XX века. Мак-Клелланд – инициатор первого исследования – предложил следующую интерпретацию веберовского вывода: «В ценностной атмосфере протестантской этики воспитание детей направлено прежде всего на формирование у них самостоятельности и личной ответственности, что благоприятствует развитию мотива достижения. Он, в свою очередь, побуждает к интенсивной предпринимательской деятельности, которая через **реинвестирование прибылей и использование технических инноваций** способствует ускоренному развитию экономики» [8]. Но если это так, то протестантские страны должны иметь преимущество перед католическими. Для проверки этой гипотезы вводились две новые переменные: индекс экономической мощи и индекс национального мотива достижения. Первый индекс измерялся по уровню потребления электроэнергии на душу населения с учетом различий в природных ресурсах. Второй определялся с помощью методики ТАТ (тематически апперцептивный тест), примененной к анализу рассказов из книг для школьников третьего класса. Предполагалось, что именно в этих рассказах наиболее четко выражается национальный дух каждой страны. Исследование показало, что «действительно, высокий национальный мотив достижения проявляется в ускорении экономического развития, а низкий – в его замедлении... Сопоставление экономической мощи протестантских и католических стран выявило преимущество первых» [8]. Этот результат подтвердил в 1984 г. Д. Фрей, используя методику перекрестно-отсроченного панельного анализа (crossed-lag panel), однако эффект оказался меньшим, чем в предыдущих исследованиях. В странах, где представлены обе конфессии (США, Швейцария), «не удалось обнаружить различий между протестантами и католиками» [9]. хотя были выявлены значимые различия между представителями разных социальных групп. В то же время американские социологи констатируют: «Протестантская этика, делающая упор на бережливость, честность, напряженную работу, жертвенность и взаимопомощь членов community (сообщества), становится все менее и менее распространенной в стране, которая с каждым годом превращается во все менее и менее протестантскую по своей сути» [10]. Из семнадцати названных А. Вульфом изменений в американской жизни на третье место поставлена драматическая модификация протестантского наследия (два первых касаются демографии и политики). Протестанты становятся заложниками своего «суперлиберализма» в области нравов. Как пишет О.А. Кармадонов, роводивший социологические исследования в штате Небраска, «протестантские церкви часто легитимируют те тенденции американской общественной жизни, которые признаются «опасными» даже в академической среде» [11]. Имеются в виду такие «горячие» для США темы, как гендерная проблематика (первое место в рейтинге), однополая любовь и браки гомосексуалистов (второе место), относительно которых протестанты более терпимы, чем католики.

Обратим внимание на то, что протестантизм благословил, можно сказать сакрализировал, тот поведенческий вектор, который мы условно называли «дерзанием риска». Возможно, в этом одно из тех культурных последствий, которые, по словам Вебера, были «непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов». Действительно, если речь идет о спасении, логичнее было бы подумать о гарантиях,

исключающих или минимизирующих риск. Но тогда возникает вопрос, а зачем, вообще, люди рискуют. Конечно, есть много видов деятельности, особенно связанных с машинами, где риск неизбежен и все усилия направляются на его предотвращение или компенсацию возможных потерь. Для этого разрабатываются многочисленные регламенты, а также проводятся актуарные расчеты всевозможных видов страхования. Здесь, как будто, все понятно, как и с природными катаклизмами – землетрясениями, извержениями вулканов, наводнениями, сходом лавин и прочее.

Но многие рискуют и там, где никаких внешних факторов такого поведения нет: казино и азартные игры, экстремальные виды занятий, типа спуска с Ниагары в бочке или лодке, популярность «зацеперов», слэक्лайнеров (канатоходцев) и т.д. Как выясняется, существуют гормоны или нейромедиаторы, которые выделяются при осуществлении таких видов действий и оказывают влияние на поведение и субъективные переживания. В карьерной борьбе такую роль играют адреналин и норадреналин, в действиях аффилиации (помощи) – дофамин и др. Но, как считает Мак-Клелланд, «все попытки найти вещество, характерное для действий достижения, оказались бесплодными» [12].

Вместе с тем, «деятельность достижения, по словам Хекхаузена, – является не биологическим, а социокультурным, опосредованным и передающимся из поколения в поколение мотивом» [13]. Он может принимать разные формы, если только речь идет о качестве выполнения и стандарте оценки, который воспринимается как обязательный. В ситуации «дерзания риска» мотив достижения понимается как преодоление, как успешное выполнение работы, бросающей вызов («challenging work»). Излишне говорить, что любая действенная инновация связаны именно с такой работой, непременно требующей и включающей механизм творчества.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 21-22
2. Толстой Л.Н. Что такое искусство // Собр. Соч. в 24 т., Т. 15, М., 1964. С. 223.
3. Яницкий О.Н. Альтернативная социология // Социологический журнал, 1994, № 1. С. 77.
4. Шрейдер. Синдром освобождения // Новый мир, 1991, № 11. С. 235
5. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность - Минск, 2003. С. 395
6. Шавель С.А. Идеинные основы трудовой мотивации в протестантской этике // Шавель С.А. Общественная миссия социологии. Мн., 2010, с. 261-269
7. Вебер М. Избр. произв. С. 152.
8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. С. 390.
9. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. С. 391.
10. Вульф А. Изменения сверху донизу // Социс. 1993. №3. С. 101.
11. Кармадонов О.А. Особенности религиозной среды современной Америки // Журн. Социологии и социол. Антропологии. 2002, №4. С. 58.
12. McClelland D.C. The empire – building motivation syndrome // Motives, personality and society: Selected papers. N.Y. 1984. Pp. 147-174.
13. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. С. 370.

Лихачёва Светлана Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии и социологии, Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, г. Могилев

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Исходным пунктом в процессе формирования социальной политики являются потребности населения. Наиболее точно нуждам индивидов, семей и жилых сообществ отвечает социальная политика, реализуемая на местном уровне. Здесь в наибольшей степени возможно проявление самоорганизации, самодеятельности жителей, привлечение

усилий общественных организаций. Активизация социального потенциала самопомощи и взаимопомощи составляет тот дополнительный ресурс, который позволяет осуществлять социальную политику на местном уровне при любых неблагоприятных внешних обстоятельствах. Рассматривая социальную политику в отношении жителей села, необходимо учитывать целый ряд современных социально-экономических, политических и социокультурных обстоятельств. Российский социолог П. Великий обращает внимание, что село – это такой синтез зависимостей и связей между подручностью (удобством) места жизни и смыслом пожизненного пребывания в нем, который легко разрушается, но почти никогда не восстанавливается. Исчезли рабочие места в сельском хозяйстве – молодежь ориентируется только на переезд в город. Нет повседневной занятости – многие предаются пьянству, что завершается алкогольной зависимостью. Однако продолжает существовать миф об избыточности сельского населения, который поддерживается сравнением с зарубежными образцами [1, с. 234].

Сельское население уменьшается количественно, причем самый низкий удельный вес сельчан в Могилевской области: Могилёвская область – 22,8%, Минская область – 43,8%, Гродненская – 28,7%, Гомельская – 25,4%, Витебская – 25,2%, Брестская – 32,8%. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [3] в настоящее время в городах Могилевской области проживает 836,9 тысяч человек, в сельской местности 239,6 тыс. человек. Ощутима разница в продолжительности жизни в Могилевской области: горожане живут 71,4 года, сельчане 64,2 года. Эти цифры немного ниже общереспубликанских: 72,2 года в городах и 66,4 года в сельской местности. Еще одна проблема – старение населения, среди горожан Могилевщины доля лиц старше трудоспособного возраста в 2012 г. составляла 21,2%, среди сельских жителей – 31% [4, с. 46]. Старение села вызывает увеличение нагрузки на трудоспособное население в связи с необходимостью затрат на содержание нетрудоспособных, расходов, связанных с выплатой пенсий, пособий, строительством специальных учреждений и созданием соответствующей инфраструктуры.

Сфера социальных услуг – важнейший элемент системы социальной защиты населения, что также отражается на организации ее хозяйственного механизма, который имеет двухъярусный характер. Область социальных гарантий составляет нерыночный сектор, а сверх них – свободные рыночные услуги. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О социальном обслуживании» социальное обслуживание – это деятельность по организации и оказанию социальных услуг, содействию активизации собственных усилий граждан, по предупреждению, преодолению трудной жизненной ситуации и (или) адаптации к ней. Здесь же дается определение социальной услуги, как действия по оказанию гражданину помощи в целях содействия в предупреждении, преодолении трудной жизненной ситуации и (или) адаптации к ней. А также трудной жизненной ситуации, как обстоятельства (совокупности обстоятельств), объективно нарушающего нормальную жизнедеятельность гражданина, последствия которого он не в состоянии преодолеть за счет собственных средств и имеющихся возможностей [2].

Одной из задач проведенного Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 2013 г. социологического исследования «Состояние и перспективы совершенствования социального обслуживания сельского населения» являлось выяснение информированности граждан о социальных услугах (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы, куда можно обратиться за оказанием социальной помощи?», %

Шкала ответов	Общее распределение	До 30 лет	30-50 лет	Старше 50 лет	Мужчины	Женщины
Да, знаю	74,6	75,3	70,9	76,6	66,4	80,3
Нет, не знаю	25,4	24,7	29,1	23,4	33,6	19,7

В соответствии с законом социальное обслуживание охватывает достаточно широкие слои граждан: малообеспеченные, сироты, безработные, многодетные семьи, инвалиды и др. Но для сельской местности в качестве клиентов чаще выступают одинокие престарелые люди, утратившие частично или полностью способность к самообслуживанию. Сложность оказания таких услуг состоит в некомпактности проживания сельского населения, а также трудностей организации быта, медицинской помощи в деревнях по сравнению с городами. Исследование показало, что $\frac{3}{4}$ опрошенных сельских жителей, знают, куда следует обращаться в трудной жизненной ситуации, при этом нет существенных отличий по возрастному признаку, но женщины, на которых традиционно больше в семье ложится забот о родственниках, информированы лучше, чем мужчины. Также важно рассмотреть вопрос информированности по поводу оснований оказания такой помощи, тем более что сравнительно недавно наша страна стала отказываться от массового предоставления льгот и перешла преимущественно к адресной помощи (рис. 1).

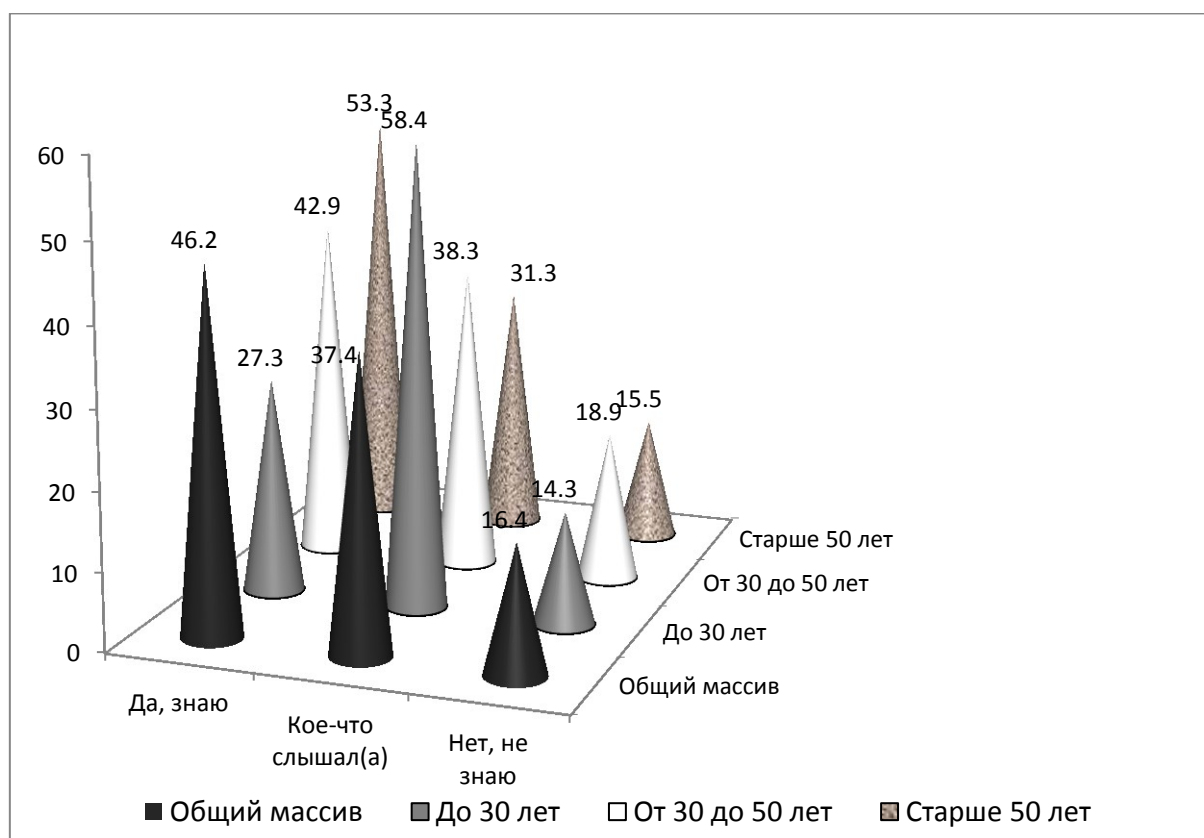

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы, в каких случаях и на каких основаниях оказывается социальная помощь?», %

Наиболее информированной группой оказались сельские жители пожилого возраста, среди которых половина считает, что достаточно знает, а третья часть кое-что слышала об этом. Судя по распределению ответов, интерес к таким сведениям растет с возрастом, когда человек начинает беспокоиться о том, что не всегда он сможет без посторонней помощи справиться с возникающими проблемами. Но число тех, кто не знает, куда обратиться, в каких случаях и на каких основаниях оказывается социальная помощь достаточно заметное во всех сравниваемых социально-демографических группах сельчан.

Услуги возникают в ответ на потребности, волнующие проблемы человека в его повседневной жизни. И они достаточно разнообразны (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы встают перед Вами лично?», %

Шкала ответов	Общее распределение	До 30 лет	30-50 лет	Старше 50 лет	Мужчины	Женщины
Состояние здоровья	40,7	20,8	36,6	48,5	38,1	42,5
Высокая стоимость лекарств	33,3	27,3	29,7	37,1	28,3	36,9
Нехватка денег на одежду	19,5	31,2	29,7	10,3	16,1	21,9
Нехватка денег на продукты	17,7	22,1	24,0	12,7	17,0	18,1
Скучная, однообразная жизнь	16,6	33,8	17,1	11,7	17,9	15,6
Проблемы детей, внуков	7,7	1,3	9,1	8,6	4,5	10,0
Плохие жилищные условия	4,6	15,6	4,0	2,1	5,8	3,8
Одиночество	4,2	3,9	2,9	5,2	4,9	3,8
Отсутствие лекарств	2,8	7,8	1,7	2,1	4,0	1,9

Состояние здоровья и высокая стоимость лекарств – две тесно взаимосвязанные проблемы, вышедшие на первое место, особенно для лиц пожилого возраста. За ними стоит все та же востребованность медицинских услуг, а также материальная обеспеченность населения. При этом отсутствие лекарств не представляется какой-либо сложностью для большинства людей, проживающих в сельской местности. В качестве волнующих трудностей, встающих перед жителями в настоящее время, отмечается недостаток средств на одежду, особенно в молодежной и средней возрастных группах. Сталкиваются с нехваткой денег на продукты питания 17,7% сельчан, в большей степени это также волнует лиц молодого и среднего возрастов, имеющих семьи с детьми на иждивении, и женщин, на которых в большинстве случаев держится ведение домашнего хозяйства. Большое поле для деятельности представляет собой организация молодежного досуга в сельской местности, по крайней мере, каждый третий молодой участник исследования указывает на скучную и однообразную жизнь в деревне. Хотя и для людей пожилого возраста это также достаточно актуально, при том, что активизация оказания социально-культурных услуг может частично повлиять и на решение проблемы одиночества.

Рассмотренный выше круг проблем описывает, скорее, общие трудности, встающие перед сельскими жителями. Однако стоит рассмотреть востребованность социальных услуг более конкретно. Например, мы выделили группу одиноко проживающих людей старше 60 лет. В сельской местности эти два обстоятельства: пожилой возраст и отсутствие в доме родных людей может создать критическую ситуацию для человека. На вопрос: «Если Вы проживаете один (одна), то какой вариант социального обслуживания Вам более предпочтителен?», получили следующее распределение ответов:

- помощь социального работника по месту жительства – 52,4%;
- проживание дома и его самостоятельное ведение без посторонней помощи – 47,5%;
- адресная материальная помощь государства – 12,1%;
- проживание в доме-интернате для пожилых – 0%;
- нахождение в больнице сестринского ухода – 0%.

Таким образом, одинокие пожилые сельчане категорически отказываются покидать родной дом, и воспринимают это как самую крайнюю меру, которую даже и рассматривать в качестве альтернативы не хотят (можно было давать несколько вариантов

ответа на поставленный вопрос). Многие справляются самостоятельно, в том числе и с помощью навещающих детей и внуков. Адресная материальная помощь также не самая востребованная для одиноких пожилых форма поддержки, хотя некоторые рассчитывают и на неё. Для половины предпочтительнее всего посещение социального работника по месту жительства – сравнительно новая, но получившая широкое распространение форма социального обслуживания.

Одним из возможных направлений совершенствования системы оказания социальных услуг населению видится широкое внедрение механизма государственного заказа. Государственный социальный заказ представляет собой делегирование государством полномочий по социальному обслуживанию (предоставлению социальных услуг) иным субъектам с компенсацией расходов стоимости услуг. При этом создается институциональная основа нового типа социальной политики – социального партнерства, т.е. сотрудничества государства, граждан и бизнеса в решении социальных проблем общества. Определение государственного социального заказа дается в законе как механизм привлечения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к оказанию социальных услуг и реализации социальных проектов [2].

Механизм государственного социального заказа достаточно хорошо зарекомендовал себя в зарубежных странах, в том числе уже имеется достаточный материал для анализа о его эффективности в Российской Федерации, Казахстане, Украине и др. Несмотря на то, что новые изменения и дополнения в Закон о социальном обслуживании вступили в действие и в Республике Беларусь, мы пока еще не можем привести каких-либо конкретных примеров внедрения государственного социального заказа в Могилевской области из-за небольшого срока его действия. Однако можно на основе социологического опроса сделать некоторые предположения по его будущему использованию в практике оказания социальных услуг. Государственный социальный заказ предполагает предоставление возможности оказания социальных услуг предпринимательским структурам и общественным организациям, но насколько реально это на сегодняшний день (рис. 2).

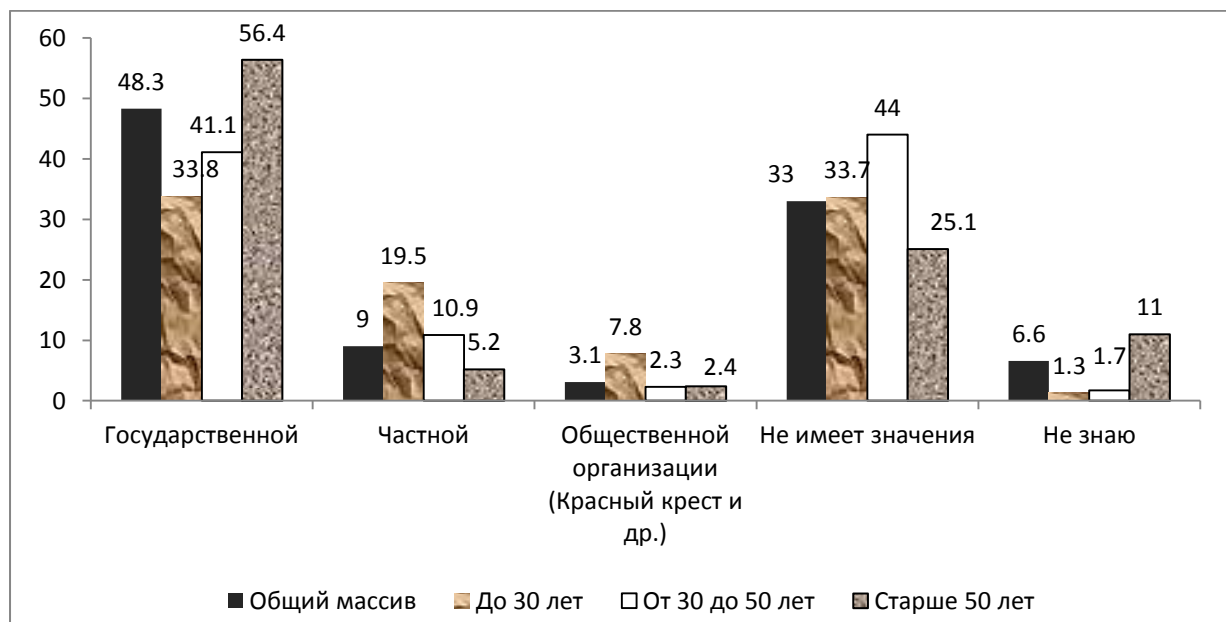

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Предприятию какой формы собственности или организации Вы отдадите предпочтение при заказе социальных услуг?», %

Выполнение социальных услуг в сельской местности государству вряд ли в ближайшее время удастся широко делегировать бизнесу и общественным организациям,

население предпочитает обращаться в первую очередь к государственным организациям, особенно люди старше 50 лет. Наименьшим доверием в этом случае пользуются общественные организации, возможно сельские жители мало о них знают, хотя мы не случайно включили в вариант ответа в качестве пояснения, на наш взгляд, достаточно известную в этой сфере организацию «Красный крест». Также немногие предпочли предпринимательские структуры, хотя их чаще других выбирала молодежь. Примерно для трети, не имеет значения форма собственности организации и ее статус, они, скорее всего, будут ориентироваться на качество предоставления услуги. Однако отсутствие такого рода интереса не очень хорошо для сельской местности. Если в городе имеется более высокая плотность организаций, оказывающих социальные услуги, и там могут работать законы рынка, конкуренции, то в деревнях такого разнообразия, возможно, не будет, и население должно быть лучше осведомлено о поставщике услуги, ее стандарте и т.д.

В качестве перспективы развития социальных услуг можно рассмотреть возможность более широкого внедрения дополнительных платных услуг. Тем более, что семья перестает быть надежной опорой сельским пенсионерам, так как взрослые дети переезжают в города, и, вероятно, многие хотели бы определенной помощи за собственные деньги или деньги детей (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «В каком случае Вы согласились бы на платную социальную услугу, если имеется возможность получить ее бесплатно?», %

Шкала ответов	Общее распределение	До 30 лет	30-50 лет	Старше 50 лет
При кратчайших сроках ее выполнения	21,4	31,2	26,9	15,5
Если будут учтены все пожелания	24,9	31,2	25,7	22,7
При ее получении без очереди	10,9	24,7	10,3	7,6
При улучшенном качестве	20,6	28,6	23,4	16,8
При более внимательном обслуживании	11,8	20,8	16,6	6,5
Если услуга будет оказана на дому	10,5	14,3	9,1	10,3
Ни при каких обстоятельствах	16,9	13,0	15,4	18,9

Дополнительные платные социальные услуги имеют достаточно большую востребованность у сельских жителей, причем те, которые, как мы предположили в вопросе, можно получить и бесплатно. Население желает улучшенное качество, быстрое выполнение, учет пожеланий клиента и т.д., особенно требовательна в этом отношении молодежь. Однако найдется ли достаточное количество исполнителей услуг на таких условиях в сельской местности, пока сказать затруднительно.

Таким образом, на основе изучения мнения сельского населения, можно сделать вывод, что социальное обслуживание в деревнях имеет достаточно широкие перспективы. Сельские жители не избалованы широким предложением и разнообразием услуг, и во многих из них испытывают острую потребность. При этом имеются возможности повышения эффективности использования государственных ресурсов, направляемых на социальные нужды.

Литература:

1. Великий, П.П. Социальная политика на селе: новые вызовы, старые ограничения / П.П.Великий // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – Том 5. - № 2. – С. 231-244.
2. О социальном обслуживании : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 427-3 : с изм. и доп.
3. Республика Беларусь по областям и г. Минску в цифрах [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/regions/1.php>. - Дата доступа : 20.09.2013.
4. Статистический ежегодник Могилевской области. 2012 год. – Могилев, 2012.

Червинский Александр Сергеевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В структуре ценностей, определяющих условия нормальной жизнедеятельности в современной Беларуси, особое место занимают экологические, что обусловлено утратой традиционных социоприродных связей на уровне бытового природопользования. В теоретическом плане проблема преодоления социоприродного отчуждения связана с исследованием формирования экологического сознания в экстремальных условиях, что представляет одну из наиболее актуальных и одновременно одну из наименее изученных проблем в теории социального природопользования и одновременно объект комплексной философско-методологической интерпретации.

Ряд специфических моментов, отличающий процесс становления экологического сознания в белорусских условиях, прежде всего, его взрывной, «революционный» характер в отличие от традиционно «эволюционных», форм осознания генетической близости человека и природной среды, по-прежнему остается за рамками социоэкологической концептуальной интерпретации. При этом игнорируется то обстоятельство, что становление экологического сознания носит прямой непосредственный характер отражения социоэкологической динамики в индивидуальном восприятии, минуя наиболее важную из форм общественного сознания – науку.

Путь формирования экологических знаний оказывается значительно короче традиционного, и можно сказать, что в этом случае происходит значительная корректировка известной формулы, с ее требованием этапности: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике, поскольку срединный этап, под которым в нашем случае следует понимать информативно-эвристичный блок экологического сознания, оказывается по существу невостребованным.

Игнорирование абстрактного, т.е. собственно научного этапа и ускоренный переход к непосредственным действиям могут оправдываться необходимостью принятия срочных социально-административных мер, минимизирующих последствия экологической катастрофы, но за исключением этого момента, объясняющего в определенной мере радикализм перехода к непосредственному практическому изменению ситуации, игнорирование этапа абстрактно-логического анализа оправдано быть не может.

Тем более, недопустимо такое игнорирование при разработке долгосрочных трендов, имеющих перспективную направленность. При этом не имеет значения, какие мотивы лежат в основе «скачка»: то ли пессимистические, доходящие в крайних формах до эсхатологии, то ли необоснованно оптимистические.

Экологически негативное содержание индивидуального сознания базируется в основном на личной оценке качества окружающей среды, когда из всего информативного арсенала, негативно настроенный индивид воспринимает только информацию, подкрепляющую личностные, как правило, негативные оценки ситуации.

Перспективы оптимизации социоприродного взаимодействия в таких условиях во многом зависят от того, насколько полно могут быть отражены процессы практического взаимовлияния социума и биосферных комплексов в концептуальных схемах теоретической интерпретации феноменов социоприродной коэволюции. Динамика антропогенных изменений природной среды не имеет сегодня достаточного теоретического описания. Реальная практика социоприродных отношений значительно опережает уровень их научного анализа и, в силу этого обстоятельства, порождает цепь деструктивных стохастических изменений в структуре биосферы.

Сложившаяся ситуация может быть в определенной мере исправлена посредством концептуального моделирования в теории социального природопользования. Философская методология может способствовать созданию необходимой концептуальной схемы внедрения природозащитных принципов в практику социоприродного взаимодействия и алгоритма поэтапного формирования экологически оптимальных структур в биосферной системе. Принципиально же преодоление социоприродного отчуждения, сформировавшегося на основе опасений перед загрязненной природой, должно осуществляться в двух основных направлениях: во-первых, в направлении преодоления безотчетных, необоснованных страхов перед окружающей человека природной средой; во-вторых, путем приобретения бытовых навыков природопользования на территориях с повышенным содержанием загрязнителей.

Определение двух этих направлений приоритетными в формировании стратегии нормальной жизнедеятельности в условиях радиационной деградации качества окружающей среды позволяет выявить также приоритетные аспекты в ориентации природоохранной деятельности. Постановка и решение перечисленных задач может способствовать формированию реальных предпосылок скорейшего преодоления феномена социоприродного отчуждения и перехода на оптимальные, экологически грамотные формы социального природопользования, что явится существенным фактором гармонизации техногенной динамики современной цивилизации и духовного наследия белорусского общества.

Яскевич Вера Геннадьевна, магистр архитектуры, аспирант, Белорусский национальный технический университет, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИРОВОГО ОПЫТА

На современном этапе развития Республики Беларусь происходит ее активное включение в общемировые культурные и экономические процессы. Одним из таких процессов является становление в нашей стране информационного общества, пришедшего на смену индустриальной фазе развития. Этот процесс накладывает отпечаток как на производственную, так и на социокультурную сферу. Происходит перенос приоритетов со сферы материального производства на сферу нематериального производства (наука, образование, торговля, сфера услуг, культура).

В сфере производства происходят такие процессы, как:

1. Сращивание производства с наукой, образованием и бизнесом, что приводит к переходу на инновационное производство.

Производство черпает новации в прикладных научных исследованиях и реализует их в инновационном производстве, которое формирует новый тип промышленных объектов – технопарки (технопарковые структуры) [3].

2. Увеличение доли мелких и средних предприятий и уменьшение доли крупных, что способствует диверсификации производимой продукции и, как следствие, более полному удовлетворению человеческих потребностей. Это приводит к необходимости частой смены технологий (каждые 7-10 лет) и, как следствия, требует гибких архитектурно-планировочных решений.

Модернизация производства имеет также социальный аспект. Изменяется образ работающего на промышленном предприятии. Усложнение механизмов, переход на станки с числовым программным управлением, повышение доли умственного труда по сравнению с физическим – всё это предъявляет новые требования к работающим, в первую очередь к их культурному и образовательному уровню.

Меняются люди – меняется их отношение к своему окружению, в частности к рабочему месту. Поэтому в процессе реконструкции промышленных предприятий и при новом строительстве архитекторы уделяют большее внимание эстетике, визуальному и физиологическому комфорту, самоидентификации личности работающего, корпоративному стилю.

При реконструкции и проектировании промышленных предприятий в мировой практике уделяется повышенное внимание экологическим вопросам: ужесточаются требования к очистным сооружениям, повсеместно применяется озеленение (в комнатах отдыха и на площадках, озеленение стен и эксплуатируемых кровель). Само здание, согласно средовому подходу, рассматривается как часть ландшафта, в некоторых случаях плавно перетекая в него или имитируя под природные формы [2].

Происходит процесс гуманизации промышленного производства, когда производство нацелено на диалог с потребителем и ориентируется на его повседневные нужды. Производственные территории города более не являются закрытыми, замкнутыми на себе участками городской застройки. Промышленные предприятия приобретают всё более открытый характер, вплетаясь в городскую ткань. Современные системы слежения и доступа к объектам позволяют допустить простых горожан максимально близко к промышленным объектам, обеспечить доступ к обслуживающим объектам, а иногда и увидеть процесс производства своими глазами [1]. Всё это снимает враждебность и негативное отношение к промышленным объектам в городах, они начинают восприниматься как неотъемлемая часть городской жизни и истории. Этому также способствует развитие промышленного туризма, когда любой желающий может воочию понаблюдать за процессом производства, познакомиться с его историей, а иногда и поучаствовать в нем (чаще всего это происходит на предприятиях по производству изделий из стекла и керамики).

В современном обществе рациональное потребление и экономия ресурсов становятся всё более актуальными. Как ресурс воспринимаются также и существующие здания и сооружения, поэтому в современной практике промышленные объекты всё чаще подвергаются реконструкции, а не сносу с последующим новым строительством. Общество начинает бережно относиться к памятникам промышленной архитектуры, сохраняя и изучая их. Появляется такое направление как промышленная археология, которая занимается выявлением, каталогизацией и охраной памятников промышленной эпохи (зданий, сооружений, технологий, транспортных и инженерных объектов). Промышленная застройка, даже утрачивая производственные функции, остается в городской ткани, сохраняя «дух места» и историческую память. Промышленность адаптируется под жилые, торгово-развлекательные, культурные и административно-деловые функции, при этом проявляется максимально бережное отношение не только к фасаду, но и к интерьеру зданий [4].

В белорусском обществе интерес к промышленным объектам как к культурному наследию еще только зарождается. Нередко происходит снос ценных в историко-культурном плане промышленных объектов и искажение облика того или иного участка городской промышленной застройки. Безусловно, речь не идет о тотальном сохранении маловыразительных обветшалых промышленных зданий, но надо принимать во внимание, что любое вмешательство в сложившуюся городскую ткань должно быть обосновано всесторонними исследованиями.

Особенно актуальными для Беларуси являются вопросы развития инновационного производства, которое требует кооперации бизнеса, науки и образования в рамках технопарковых структур (технопарков, инкубаторов бизнеса и т.п.). Начальные шаги в этом направлении уже сделаны, хотя, по мнению автора, архитектурно-планировочным вопросам следует уделять большее внимание, так как архитектура создает не только лицо предприятия, но в конечном итоге влияет на всё его функционирование.

Таким образом, было определено, что белорусское общество неизбежно включено в общемировые тенденции становления информационного общества. Это требует решения новых задач в сфере архитектурно-планировочной модернизации промышленных объектов. Задачи трансформации городской промышленной застройки должны решаться с опорой на лучшие образцы мирового опыта с учетом особенностей социокультурных и экономических процессов, происходящих в Республике Беларусь.

Литература:

1. Морозова, Е.Б. Эволюция промышленной архитектуры: монография / Е.Б. Морозова. – Минск: БНТУ, 2006. – 240 с.
2. Нефедов, В. А. Архитектурно-ландшафтная реконструкция как средство оптимизации городской среды : Дис. ... д-ра архитектуры : 18.00.04 / В.А.Нефедов. - СПб., 2005. – 329 с.
3. Румянцев, А.А. Архитектурная организация инновационного процесса в технопарковых структурах / Антон Александрович Румянцев. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.
4. Сысоева, О.И. Реконструкция промышленных объектов: учебное пособие / О.И. Сысоева. – Минск: БНТУ, 2005. – 136 с

Мальчёнков Игорь Евгеньевич, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЧЕЛОВЕК В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Исследование особенностей существования человека в социальном пространстве сети Интернет (киберпространстве) находится в начальной стадии и не получило пока достаточно серьёзного теоретического обоснования. В классической социологии существование человека в социальном пространстве рассматривается, прежде всего, в рамках социально-статусной и стратификационной моделей социального поведения. В этих моделях социальное поведение личности определяется сформированными стандартами, вырабатываемыми социально-статусной группой.

Переход к информационному обществу меняет социальное пространство социального субъекта и его социальное поведение. Возникающее киберпространство освобождает человека от физических ограничений, и в то же время выступает для него не самостоятельно, а существует рядом с естественным материальным пространством. Превращение пространственности в компьютерное гиперпространство позволяет по-новому структурировать не только поведение индивида, но и его окружение. Наиболее перспективным в исследовании поведения человека в киберпространстве может стать феноменологический подход. Феноменологическая социология, исследуя поведение индивида в пространственной и временной сфере жизненного мира, исходит из того, что в каждую единицу времени индивид находится в определённой точке социального пространства, которая является нулевой точкой отсчёта в системе его координат. Зона непосредственно доступная для чувственного опыта индивида является «миром в пределах досягаемости», которая существует как область, на которую индивид может воздействовать напрямую, или непосредственным действием – эта область выступает как «операционная зона».

Совпадение мира в пределах досягаемости одного индивида с миром в пределах досягаемости другого, создает условие непосредственного контакта, определяемое как ситуация «лицом к лицу». В этой ситуации субъекты вступают во взаимодействие через совместную ориентацию, и, воспроизводя подобные взаимодействия в течение продолжительного периода времени, преобразуют их в устойчивые социальные отношения, превращая абсолютно незнакомых людей в близких друзей и товарищей.

Электронное опосредование не только делает передачу информации практически моментальной, но и расширяет пределы зоны деятельности индивида. Совпадение двух и

более «миров в пределах опосредованного доступа», создает новую ситуацию контакта – «телесоприсутствия». В условии телесоприсутствия, индивиды вовлекаются в такую форму взаимодействия как «лицом к устройству», при условии, что в электронной близости они всегда взаимодействуют друг с другом через опосредование интерфейсом устройства, такого как мобильный телефон или персональный компьютер. Отличие от тех, кто в ситуации соприсутствия непосредственно взаимодействует друг с другом лицом к лицу физически, заключается в том, что люди в телесоприсутствии взаимодействуют друг с другом опосредовано, обычно через экран дисплея и клавиатуру, связанную с электронной коммуникационной сетью. В ситуации телесоприсутствия индивиды разделяют общность времени, без разделения общности физического пространства или места. В новой сфере социального пространства (киберпространстве), индивиды сталкиваются с формой особого рода социальных отношений, которая совмещает как непосредственность, так и анонимность [2].

Анонимные коммуникации в киберпространстве приводят к возникновению новой сферы человеческих отношений в жизненном мире, характеризующихся анонимной близостью. Люди в этой сфере взаимодействуют друг с другом под вымышленными именами или псевдонимами. Взаимодействие происходит под прикрытием образа и персонажа, которые взаимодействующие создают и стремятся поддерживать. Под защитой анонимности, люди начинают исследовать самую глубинную часть, как себя, так и других, через конструирование и поддержание множественных индивидуальностей и через достижение близости с абсолютно незнакомыми людьми. Этот вид добровольного взаимного раскрытия и близкого контакта создает межличностную среду, в которой усиливаются и активно развиваются личные отношения («чистые отношения») [1]. Чистые отношения устанавливаются исключительно на основе общих интересов и взаимной симпатии и существуют прежде всего в сфере любви и дружбы.

Так как новая сфера жизненного мира защищена анонимностью, люди в этой сфере склонны выражать себя более открыто, включаясь в тесные обмены чувствами и мыслями друг с другом свободно от отношений, которые ограничивают человеческие взаимодействия в геопространстве.

Люди в новой сфере жизненного мира физически находятся в различном социальном окружении, совместные знания, которыми они обладали в киберпространстве просто отражают часть прожитой ими жизни, продуцируя тем самым «усеченный» субъективный контекст смыслов, который они используют исключительно находясь онлайн.

Новая сфера жизненного мира является, следовательно, формой не территориально основанного сообщества, которая временно сводит людей вместе в киберпространстве. Однако не следует забывать, что удалённое взаимодействие не является взаимодействием физическим. Быть вместе и находиться «лицом к устройству» это «совсем не то, что присутствовать на встрече в молодёжном клубе, либо путешествовать в туристической группе. Будучи «одиноким вместе», индивид все больше и больше приобретает новую форму взаимодействия. Пребывание «одиноким вместе» – является существенной определяющей характеристикой удаленного взаимодействия, когда одновременные контакты устанавливаются и поддерживаются посредством электронного опосредования удалённых индивидов, каждый из которых остаётся физически одинок. Такой тип взаимодействия вовлекает людей в процесс телесопереживания, даёт им ощущение живой связи с другими людьми, при отсутствии физического контакта между ними. Именно электронные сообщения, путешествуя взад и вперед, убеждают телесуществующих индивидов, в том что они взаимодействуют друг с другом реально.

Быть наедине с собой, таким образом – не означает чувствовать одиночество. Не случайно до сих пор ведется спор, действительно ли нехватка физического соприсутствия вызывает депрессию одиночества. Можно чувствовать себя одиноким, даже будучи окруженным людьми. Решающим является не физическое существование кого-либо

рядом, а нахождение рядом того, кому можно было бы довериться. Для множества людей быть одиноким с другими в киберпространстве – всего лишь развлечение. Отсутствие знания о том, что представляет собой личность на другой стороне, выглядит как уход в пространство собственного воображения, которое может значительно приукрашивать ситуацию. Наконец, при отсутствии близких отношений лицом к лицу в физическом пространстве, доверенные лица онлайн предлагают комфорт, поддержку и общение, которые при других условиях можно не получить. В соответствии с этим, можно утверждать, что одиночество, которое испытывают некоторые люди, когда они выходят из киберпространства, главным образом связано с тем, что телесоприсутствие решает проблему одиночества значительно успешнее, чем их сложившаяся жизнь в реальном мире.

Хотя смоделированная компьютером среда является виртуальной, электронно-опосредованное общение реально и не может определяться как виртуальное. Чувство одиночества в киберпространстве, настолько же реально, насколько реально психическое одиночество в окружении кого-либо в физическом пространстве. Разница может быть лишь в форме, а не в сущности человеческого взаимодействия. Телесоприсутствующие контакты, хотя и опосредованы, однако приводят всё же к реальным последствиям для жизнедеятельности участвующих в них личностей.

В социологии теория человеческого взаимодействия главным образом была теорией непосредственного межличностного взаимодействия в ситуации «лицом к лицу». Современные исследования онлайн сообществ, основанных в сети Интернет, позволили получить большое количество эмпирических данных, которые дополняют существующую социологическую парадигму. Современные исследования взаимодействия в киберпространстве, проводимые в рамках феноменологии, пытаются расширить традиционные теории взаимодействия с целью их адаптации для новой формы социального пространства.

Основываясь на исследованиях А. Шюца, можно предложить феноменологическое объяснение человеческого соприсутствия в киберпространстве. Исследования, проводимые в рамках феноменологического подхода, позволяют сделать вывод о том, что появление телесоприсутствия вызывает не только новый режим человеческой коммуникации, но и новую социальную сферу жизненного мира, в которой индивиды развивают новые формы взаимоотношений и новые способы взаимопонимания. В дополнение к описанным А. Шюцем сферам единомышленников, где люди взаимодействуют друг с другом как близкие друзья в субъективном смысловом контексте, и современников, где они взаимодействуют как незнакомые друг с другом в объективном смысловом контексте, появляется новая сфера – сфера сообщества современников, где люди взаимодействуют друг с другом как «близкие незнакомцы», в «усеченном» смысловом контексте.

Трансформация современного жизненного мира индивидов, о которой шла речь выше, только началась, однако можно предположить, что развитие информационных технологий приведет к тому, что для будущих поколений основной формой взаимодействия станет их общение в новом социальном пространстве – киберпространстве.

С точки зрения феноменологического подхода, предложенного А. Шюцем, вновь возникающее социальное пространство, в котором происходит взаимодействие и общение людей, можно представить в трёх основных сферах.

Первая сфера существует как социальное пространство единомышленников, состоящее из индивидов, взаимодействие которых основывается на общности сформировавшихся восприятий мира, общности переживаний. В реальной жизни единомышленники чаще всего взаимодействуют на основе реципрокных связей, когда решающее значение имеет не только общность значений, придаваемых реальностям

внешнего мира, но и реальным переживаниям, возникающим на основе воспринятых реальностей.

Вторая сфера может быть представлена как взаимодействие индивидов, проживающих в едином пространственно-временном континууме, основанное на зафиксированных в объективном мире значениях и символах. Взаимодействие в этой сфере осуществляется анонимно, основывается на обезличенных связях индивидов как носителей социальных статусов и ролей, культурных и институциональных норм и принципов. Осуществление взаимодействия в этой сфере не предусматривает взаимности переживаний.

Третья сфера социального пространства образуется при возникновении взаимодействия в киберпространстве на основе общего жизненного мира. Взаимодействие единомышленников в киберпространстве принимает новую форму реципрокности («расширенная реципрокность»). Эти взаимодействия осуществляются анонимно и не предусматривают сходства социальных характеристик индивидов. Взаимодействие осуществляется на основе общности переживаний и общности сформировавшихся восприятий мира.

Литература:

1. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.
2. Dertouzos, M.L. What Will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives / M.L. Dertouzos. – San Francisco: Harper Edge, 1998.

Лукашева Оксана Геннадьевна, научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ГРАЖДАНАМИ БЕЛАРУСИ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В условиях структурной перестройки и перехода белорусской экономики на инновационную модель развития особую важность приобретают вопросы сохранения стабильной ситуации на рынке труда, совершенствования государственной политики в области занятости населения с целью обеспечения высокого уровня благосостояния белорусского народа. Приоритетной целью этой политики выступает повышение эффективности использования трудовых ресурсов и конкурентоспособности рабочей силы на национальном рынке труда, эффективная адресная социальная поддержка слабозащищенных категорий населения.

Особую актуальность приобретает исследование новых подходов, методов и социальных технологий в системе социальной поддержки и содействия в трудоустройстве различных социальных групп и демографических категорий населения, в том числе законодательных инноваций по стимулированию эффективной занятости и повышению трудовой мотивации работников предпенсионного и пенсионного возраста.

Следуя стратегии развития социального государства, руководство Беларуси до сих пор не пошло на такую непопулярную меру, как повышение возраста выхода на пенсию, уже осуществленную во всех соседних странах, за исключением Российской Федерации. В настоящее время Беларусь идет по другому пути – *по пути финансового стимулирования добровольного выхода на пенсию в более позднем возрасте*. Речь идет об Указе Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан» № 136 от 18 марта 2012 г., который вступил в силу с 1 октября 2012 года и о восприятии населением данной законодательной социальной инновации.

С целью изучения отношения населения к инновациям в сфере пенсионного обеспечения, автором был разработан для республиканского целевого социологического

исследования сектора социальных инноваций ИС НАН Беларуси (апрель–май 2013 г.) соответствующий блок вопросов. Эмпирический анкетный опрос был направлен на исследование готовности граждан по своей инициативе осуществлять выход на пенсию в более позднем возрасте; на изучение отношения населения к возможному повышению общеустановленного пенсионного возраста в стране; на исследование протестных настроений; на исследование отношения населения к введению элементов накопительной пенсионной системы в дополнение к принятой в стране солидарной (распределительной) системе; на изучение удовлетворенности пенсионным обеспечением и др.

На уровне личностей, или микро-уровне, готовность работающих граждан отложить обращение за пенсией, имеет своей целью повышение своего (личного) будущего пенсионного обеспечения. На уровне страны, или макро-уровне, данная законодательная инновация преследует цель оптимизации пенсионных расходов в Беларуси. Помимо этого, готовность населения поддержать данную законодательную инновацию и отсрочить выход на пенсию по возрасту призвана способствовать закреплению работников пенсионного возраста в составе экономически активного населения в условиях наметившегося сокращения трудовых ресурсов в Беларуси.

Исследование вопроса о готовности населения воспользоваться предложенной законодателем возможностью увеличить размер своей пенсии в будущем, осуществив выход на пенсию в более позднем возрасте, показало, что *намерены отложить обращение за пенсией по достижении общеустановленного пенсионного возраста и продолжать работать 17,8 %* граждан Беларуси. С учетом того обстоятельства, что с момента вступления правового акта в законную силу на момент социологического опроса прошло менее года – это довольно высокий показатель (почти пятая часть работающего населения).

Гендерные сравнения показывают, что женщины принимают такое решение охотнее, чем мужчины. Так, отложат обращение за пенсией 18,8 % женщин и 17,0 % мужчин, что объясняется, на наш взгляд, более низким пенсионным возрастом (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин), большей продолжительностью жизни женщин и меньшей заработной платой, чем у мужчин.

Распределение ответов в разрезе социально-статусных групп населения показало, что намерение отложить выход на пенсию и продолжить работу в значительной степени присуще руководителям (29,2 %), специалистам производственной (22,5 %) и непроизводственной сферы (18,4 %), а также служащим без специального образования (25,9 %).

Выказали намерение *оформить пенсию, но при этом продолжить трудовую деятельность 28,0 %* граждан (соответственно, получать пенсию и зарплату). Такую позицию по данному вопросу чаще всего занимают военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов (40,0 %), что объясняется возможностью выхода на пенсию для этих категорий граждан по выслуге лет. Намерение продолжить работу после достижения пенсионного возраста и оформления пенсии высказали также 34,7 % крестьян, 33,0 % руководителей различных уровней, 32,2 % служащих-специалистов производственной сферы, 34,3 % специалистов непроизводственной сферы.

Таким образом, планируют остаться на работе по достижении пенсионного возраста 45,8 % участников республиканского социологического опроса. Часть из них отложит обращение за пенсией, другие оформят пенсию, но продолжат работать.

Социологический опрос показал, что собираются *прекратить свою трудовую деятельность* после достижения пенсионного возраста 20,2 % граждан. Они сразу оформят пенсию, и в дальнейшем работать не намерены. В этой группе высока доля лиц, занимающихся физическим трудом – рабочие составляют 26,2 %. Примерно столько же военнослужащих – 26,4 %. Не планируют работать по достижении пенсионного возраста и те граждане, которые на момент опроса не работали – безработные, домохозяйки.

Не смогли определить своей позиции по вопросу предстоящего в будущем выхода на пенсию 33,2 % граждан в целом по выборке. В основном это свойственно молодым людям, начинающим трудовую жизнь и пока не озабоченных вопросами своего пенсионного будущего.

По данным Министерства труда и социальной защиты населения в настоящее время в Беларуси около 5 000 лиц пенсионного возраста продолжают работать, не оформляя пенсию.

По результатам социологического исследования можно заключить, что введенная законодательная инновация, предложенная «сверху», поддерживается населением Беларуси. Она представляет собой *вариант мягкого, социально-ориентированного подхода* в решении проблем в сфере занятости и пенсионного обеспечения населения Беларуси:

Во-первых, способствует росту пенсионных выплат гражданам за счет премиальной части за добровольно отложенный выход на пенсию.

Во-вторых, снижает нагрузку на Фонд социальной защиты населения, сокращая приток лиц пенсионного возраста.

В-третьих, в некоторой степени компенсирует снижение числа трудовых ресурсов Беларуси за счет увеличения доли в их составе лиц старше пенсионного возраста.

В-четвертых, предоставляет гражданам возможность осуществить осознанный выбор – продолжить, либо прекратить свою трудовую деятельность по достижению общеустановленного пенсионного возраста, исходя из личных обстоятельств (стабильности положения на основном месте работы, трудовой мотивации, состояния здоровья, материальной обеспеченности, семейных обстоятельств и пр.)

В-пятых, в сложной демографической ситуации, вызванной депопуляцией населения, отодвигает возможность принятия руководством страны непопулярного решения по повышению уровня пенсионного возраста в законодательном порядке.

Следует отметить, что в реализации данной законодательной инновации потенциально содержится сдерживающий фактор, поскольку не прописан механизм отношений между работодателем и наемным работником, достигшим пенсионного возраста и принявшим решение отложить обращение за пенсией. Законодатель не оговаривает вопросов, касающихся сохранения за работником своего прежнего рабочего места. В такой ситуации возможно несовпадение интересов сторон – нанимателя и наемного работника: первый желает видеть данное рабочее место вакантным, второй – заинтересован продолжать трудовую деятельность на своем рабочем месте. В условиях контрактной системы найма и чрезмерного распространения практики заключения краткосрочных контрактов (на 1–3 года), воплощение данной законодательной инновации может быть ограничено на практике.

Яковлева Наталья Ивановна, магистр социологии, младший научный сотрудник сектора социологии здоровья и человеческого развития, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

В начале 1990-х годов в Беларуси на фоне перестройки всех общественных систем сложилась ситуация, характеризовавшаяся высоким уровнем социальных рисков, среди которых наибольшую значимость имели рост безработицы и падение уровня жизни населения [1, с. 297]. Социальная сфера общества требовала преобразований и проведения адекватных экономической ситуации реформ. Однако Беларусь как социально – ориентированное государство отказалась от резкого реформирования в данной сфере. Тем

не менее в результате системной трансформации белорусского общества значительные изменения претерпела система социального страхования.

Социальное страхование – это один из институтов социальной защиты населения, обеспечивающий поддержание материального благосостояния работающих граждан в случаях утраты трудоспособности, суть которого состоит в совокупности социальных, экономических и правовых отношений по формированию и распределению финансовых средств, предназначенных для защиты граждан от социальных рисков [2]. Система страхования после распада Советского Союза столкнулась с такими проблемами как необходимость адекватных институциональных изменений, формирование необходимой правовой основы, перераспределение экономических ресурсов, и была не в состоянии справиться с ними в полной мере. В результате произошло обесценивание страховых накоплений граждан, что на фоне невозможности их получения привело к подрыву системы страхования. Доверие к данному финансовому институту было утрачено у значительной части населения страны.

Ряд проблем в сфере социального страхования сохранили свою актуальность и по сей день. Одна из них связана с негативным отношением к системе страхования после финансовых потерь в период распада Советского Союза. Разрешение данной ситуации возможно только путем накопления опыта позитивных отношений в сфере страхования, что требует системной работы в этом направлении в долгосрочном периоде. К числу существующих проблем системы страхования относится и недостаточная защищенность накопленных взносов в национальной валюте от инфляции, которая в 2010 году составляла 9,9%, в 2011 – 108,7%, 2012 – 21,8%, а за январь – сентябрь 2013 года достигла 10,0 %, тогда как индексации вкладов не проводились [3]. Страхование в Беларуси характеризуется также обезличенностью взносов в данную систему: граждане не чувствуют себя активными участниками страховых отношений и в подавляющем большинстве не знают о том, какие отчисления уплачиваются с их заработной платы, так как данная функция целиком возложена на работодателей.

Наличие проблем в системе страхования нашей страны обуславливается в том числе недостаточным количеством информации о спектре страховых услуг и о страховых компаниях, отсутствием квалифицированных кадров среди страховых агентов, а так же трудностями в получении страхового возмещения при наступлении страхового случая [4].

В белорусском обществе до сих пор не выработано понятие об активном личном участии гражданина в формировании фондов социальных выплат в том числе не только по причинам связанным с отсутствием личных счетов, невозможностью наследования, обезличенностью взносов и слабой связью размеров выплат с вносимыми суммами, но и по причине характерного для граждан нашей страны патерналистского образа поведения, который основывается на искаженном понимании экономической сущности системы социальной поддержки. Государственные выплаты сегодня воспринимаются как помощь малообеспеченным гражданам или дотации нуждающимся. Население не имеет четкого представления о механизмах формирования и расходования средств основных бюджетных фондов (пенсионного, социальной защиты, страхового) [5, с. 23].

В тоже время формирование позиции активного страхователя среди граждан нашей страны крайне актуально для национального рынка страховых услуг, потенциал которого (отношение страховых взносов к ВВП) в 2010 году составил всего 0,82%, тогда как по Западной Европе он достиг уровня 8,44% [6]. Непосредственно активное страховое поведение граждан как страхователей является одним из основных факторов, влияющих на развитие системы как добровольного, так и социального страхования.

Сегодня государство, как и три десятилетия назад, сохраняет ведущие позиции в обеспечении необходимого уровня социального благополучия граждан, в то время как социально-экономическое и демографическое положение страны претерпело ряд изменений, приведших к сложному положению, в котором осуществление достаточной помощи населению со стороны государства крайне проблематично. Так, характерной

особенностью Беларуси стало увеличение доли лиц старших возрастов на фоне сокращения численности населения. По данным Белстата численность населения в 2000 г. составляла 10 019,5 тыс. чел., а на начало текущего года сократилась до 9 463 840 чел., (-555,7), в то время как доля лиц старше трудоспособного возраста в 2000 году составляла 21,4%, а в 2012 г. – 23,2% от всего населения страны, а это около двух миллионов человек [7, с. 41–49]. Очевидно, что увеличение численности населения старших возрастов влечет за собой необходимость значительного увеличения расходов на пенсионное обеспечение, медицинскую и социальную помощь в отношении граждан пенсионного возраста, одиноких и инвалидов [8].

Существующая ситуация требует принятия мер, основанных на определении долговременных задач по таким направлениям как налоговая политика, защита инвестиций, социальное страхование, поскольку только комплексная работа в данных направлениях позволит в последствии позитивно разрешать проблемы в сфере социального обеспечения, занятости и оплаты труда [5, с. 18, 19].

Беларусь не является единственной страной, для которой характерны трудности в сфере социального и пенсионного обеспечения граждан. Например, большинство Европейских государств ещё в 1980 – 1990-е годы реформировали существующие у них (в большинстве солидарные) пенсионные системы с целью разделения расходов по выплате пособий между плательщиками пенсионных взносов, их получателями и государством.

Механизмом повышения эффективности национальной системы социального обеспечения может стать система добровольного страхования дополнительной пенсии по принципам накопительной пенсионной системы. Её сущность состоит в том, что страхователь (предприятие, заинтересованное лицо лично) уплачивает на определенных условиях страховые взносы в течение периода, определенного договором страхования. Накапливаемая сумма начинает приносить инвестиционный доход, и к моменту достижения пенсионного возраста застрахованные работники получают в оговоренные сроки существенную прибавку к государственной пенсии [9, с. 19].

Переход к накопительному пенсионному страхованию позволит решить существующие проблемы, однако, осуществлять его необходимо исключительно на добровольной основе. Навязанный и быстрый переход к указанной системе спровоцирует ряд специфических проблем: двойная нагрузка на поколение в период перехода и неприятие населением в виду отсутствия определенных правовых и социально-культурных установок связанных со страхованием.

Очевидно, что менять существующую систему социальной страховой помощи необходимо, но важно сохранить и сегодняшнюю «солидарность поколений», важно последовательно сформировать у населения понятие о необходимости добровольного социального страхования и потребности личного прямого в нем участия через четкое осознание опасности, вероятности и всей тяжести последствий при наступлении страхового случая.

Литература:

1. Волгин, Н.А. Социальная политика / Н.А. Волгин. – М.: Экзамен, 2008. – 736 с.
2. Большой Энциклопедический словарь / под ред. И. Лапина, Е. Маталина, Р. Секачев, Е. Троицкая, Л. Хайбуллина, Н. Ярина // Серия: Современная энциклопедия – М.: АСТ – М., 2008 - 1248 с.
3. Официальный сайт Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by>. - Дата доступа: 17.05.2013
4. Официальный сайт Белорусской ассоциации страховщиков // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belasin.by> – Дата доступа : 15.05.2013.
5. Шавель, С.А., Смирнова, Р.А. Социальная политика суверенной Беларуси / С.А. Шавель, Р.А. Смирнова // АН Беларуси. Ин-т Социологии. – Мн., 1996.-124 с.
6. WorldInsurancein 2010 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.swissre.com/> – Дата доступа : 15.05.2013.
7. Статистический ежегодник 2012. Республика Беларусь./ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск – 2012
8. Кутковец, С.А. «Свободные новости плюс» 03.06.2013 /С.А. Кутковец [Электронный ресурс] – Режим

доступа: <http://www.sn-plus.com/ru/page/mainevents/2490>. Дата доступа: 07.06.2013.

9. Куропатенкова, И.Н. Введение накопительного компонента в пенсионную систему Беларуси / И.Н. Куропатенкова, В.А. Куропатенков // Банк.вестн. – 2005. – № 2. – С. 16–21.
10. Павлович, Т.П., Пилипцевич, Н.Н. Демографическое поведение молодежи Республики Беларусь / Т.П. Павлович, Н.Н. Пилипцевич // Медицинский журнал - 2009., №1-с. 151- 153. Белор.государ.мед.универ.
11. Шахотько Л.П. Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / Ответственные редакторы: Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. -Кишинев: Штиинца - 2010., с. 39-66.
12. Роик В.Д. Социальное страхование: история, проблемы, пути совершенствования / В.Д. Роик. – М., 1994. – 126 с.

Назарова Дарья Вячеславовна, научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ЖИЛИЩНО- КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В первой же статье Конституции Республики Беларусь прописано: «Республика Беларусь – унитарное демократическое *социальное* правовое государство»; в 13 статье определены императивы: «...Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в *социальных целях*» и т.д. Таким образом, в Беларуси задекларированы принципы социально ориентированного государства. Как они реализуются на практике в настоящий момент, с какими проблемами сталкивается и какие перспективы – рассмотрим на некоторых примерах в области жилищно-коммунального хозяйства.

С марта 2013 года вступил в действие новый Жилищный кодекс Республики Беларусь, в котором четко прописаны права и обязанности участников в сфере жилищно-коммунальных отношений [1]. Обращает на себя внимание повышенная социальная ориентированность данного закона. Однако в настоящее время в жилищно-коммунальной отрасли существует серьезная проблема, связанная с недостаточной экономической эффективностью и нерентабельностью при оказании услуг населению. Тарифы на жилищно-коммунальные услуги и их рост обуславливаются в основном не рыночными регуляторами, а устанавливаются с учетом роста заработной платы и доходов населения. Все это приводит к тому, что по оценкам специалистов, население оплачивает только от 15 до 60% от экономически обоснованной себестоимости оказанных услуг. Не переходя на 100% возмещение населением ЖКУ экономически эти затраты компенсируются весьма значительными государственными дотациями в отрасль ЖКХ. Повышенные обязательства и социальная защита с одной стороны и экономические реалии с другой вступают в противоречие. Таким образом, именно экономической целесообразностью и обусловлена реальная необходимость реформирования системы ЖКХ в Беларуси. И основная задача видится в *соблюдении оптимального баланса между экономическими и социальными факторами функционирования отрасли.*

Нынешняя система жилищно-коммунального хозяйства в республике во многом является *преемницей советской системы социальной политики в области социальной сферы.* Во-первых, в подавляющем большинстве это единая государственная система как в экономическом, так и в управленческом разрезе. Во-вторых, она построена по принципу солидарности, причем как горизонтальной – когда происходит централизованный сбор доходов со всех граждан в виде жилищно-коммунальных платежей, налогов, поступающих в республиканский бюджет и т.д. и уже потом происходит перераспределение средств; так и солидарности поколений – например, при накоплении и

распределении средств капитального ремонта жилищного фонда. *В-третьих*, первостепенное значение уделяется не экономическим показателям, таким как рентабельность при оказании услуг, получение максимальной прибыли, а социальной защите населения: льготные тарифы, кредиты на улучшение жилищных условий, перекрестное субсидирование. Так, повышенная экономическая нагрузка на предприятия, организации и иные юридические лица при оплате тарифов позволяет снижать их для населения.

Несмотря на критику такой политики государства, недовольство отдельными и частными случаями такие общие императивы социальной политики, реализуемые в области жилищно-коммунального хозяйства, пользуются поддержкой среди населения страны и вызывают некоторое удивление и уважение за ее пределами – за сохранение настолько социально-ориентированного подхода. Социологические показатели работы отрасли жилищно-коммунального хозяйства (удовлетворенность, доверие, поддержка и т.д.) являются важнейшими для определения уровня напряженности в обществе. От эффективности функционирования ЖКХ напрямую зависят и повседневный, бытовой комфорт граждан, их жизненный уровень, социальное самочувствие населения и степень социального недовольства. Эти параметры во многом задают позитивную или негативную направленность в общественном мнении и определяют степень поддержки государственной социальной политики, принципов государственного устройства и степени доверия к властным органам.

Однако при акцентировании социальной составляющей – удовлетворенности населения работой отрасли и слепому следованию его пожеланиям ради политической стабильности, – не следует забывать и про экономическую эффективность, которая и составляет доходную часть отрасли жилищно-коммунального хозяйства. Ведь при абсолютизации данного принципа – «лишь бы население было довольно», – ЖК услуги вообще стоило бы сделать бесплатными. Основой менталитета значительной части населения Беларуси, сформированного еще в советский период, является потребительско-иждивенческая социальная установка в данном вопросе. Это проявляется в представлении населения о справедливости минимальных тарифов на жилищно-коммунальные услуги, цен на отопление, газ, электроэнергию даже ниже их себестоимости. Советский стандарт в области оплаты ЖКУ до сих пор действует в Беларуси: «Считать, что повышение оплаты за коммунальные услуги должно происходить лишь при реальном повышении заработной платы», при этом вторая его составляющая – «коммунальные платежи не могут превышать *20% совокупного дохода всей семьи в расчете на одного человека* в городе и 15% на селе» – далека от современных реалий. В ряде стран предусмотрены субсидии, а также социальная поддержка в виде льгот по оплате жилого помещения и жилищно-коммунальных услуг. Заметим, что это реализация принципа адресной социальной помощи по заявительному критерию, в отличие от категориального подхода, который все еще действует в Беларуси в области социальной защиты: «всем пенсионерам», «инвалидам», «студентам», «всем многодетным», «всем сельским жителям» и т.д.

Обратимся к данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси по республиканской репрезентативной выборке в марте-мае 2013 года (1564 респондента).

Представления населения об экономически обоснованности тарифов на жилищно-коммунальные услуги не отражают реальное состояние в отрасли. Вне зависимости от материального положения, области проживания, социально-демографических характеристик респондентов, только единицы – 0,8-3,2% опрошенных – считают, что «тарифы **занижены** (ниже себестоимости)». Наибольшее число ответов по 3 статьям расходов (за техническое обслуживание, отчисления на капитальный ремонт и отопление) со значительным перевесом были отмечены как «Тарифы **завышены** (выше себестоимости)» – 44,8%, 48,5% и 39,6% соответственно. Данные социологических исследований по вопросу экономической обоснованности тарифов на ЖК услуги

показывают весьма субъективную картину восприятия – население считает, что переплачивает за ЖКУ услуги, хотя по расчетам государственных специалистов оплачивает их только на 15-60%. Здесь для выявления более объективного отношения населения к тарифам целесообразнее ориентироваться на такие социологические показатели, как актуальность проблем, достаточность средств для оплаты ЖКУ и др.

На момент опроса (март-май 2013 г.) проблемы в жилищно-коммунальной отрасли не являлись для населения Беларуси актуальными: согласно данным исследования и в результате ранжирования, жилищные проблемы и тарифы на коммунальные услуги, электричество, газ заняли 7-8 места – по 34%. Это говорит о том, что социальной напряженности в обществе по этим вопросам нет. Оплата коммунальных услуг, квартплата не является острой экономической проблемой для населения, по крайней мере, на момент опросов в ноябре 2012 года (по республиканской выборке, 2090 респондентов) и в марте-мае 2013 года. Данная позиция – «Да, хватает средств на оплату...» – лидируют среди позитивных ответов по сравнению с другими видами расходов среди опрошенных, включая пенсионеров.

Альтернативой государственной системе управления ЖКХ является частная. Уход от патернализма и государственной монополии, которые часто критикуют, – это во-первых, развитие частного бизнеса в ЖКХ, и во-вторых – передача прав управления и распоряжения жилищно-коммунальным фондом на частные инициативы жильцов через создание товариществ собственников жилья. Таким образом, возможно создание конкурентной среды по оказанию жилищно-коммунальных услуг. Эту идею рекламируют экономисты, видя в ней единственную возможность решения экономических проблем отрасли.

Государственное управление ЖКХ основывается на принципе горизонтальной солидарности и означает также *единую тарифную систему для населения при оплате коммунальных услуг и ресурсов, сбор и перераспределение средств*. Хотя согласно рыночным законам существуют значительные расхождения при оплате, например, технического обслуживания в домах разного года постройки, инфраструктурных особенностей (удаленности и протяженности электросетей, трубопроводов и др.), вплоть до вывоза мусора (расход топлива при доставке предприятиям по переработке и захоронению). При этом все расходы в государственных организациях ЖК обслуживания в разной степени, но все же дотируются из бюджета. Именно с такими проблемами и сталкиваются частные инициативы в ТСЖ и ЖСПК, когда переходят на самоокупаемость – попытка уложиться в тарифную систему, которая не покрывает себестоимости оказанных услуг. В нынешних социально-экономических условиях (жесткая тарифная система, с одной стороны, и рыночные цены – с другой) товариществам собственников жилья (ТСЖ), жилищно-строительным кооперативам (ЖСПК) становится невыгодно самостоятельно осуществлять обслуживание жилфонда. Собственники жилья в ТС, ЖСПК поддерживают низкие государственные тарифы и не готовы платить за ЖК услуги гораздо выше, чем это делают жильцы соседних домов при обслуживании в государственных ЖЭСах. Согласно нашему исследованию, проведенному в 2012 году в г. Минске по статистическим данным и интервью с экспертами (специалистами отдела городских хозяйств администраций г. Минска), частные инициативы в ЖКХ сворачиваются, население не проявляет активность и не готово массово участвовать в самоуправлении [2]. Как показывают социологические исследования, население не готово массово к отказу от государственного управления и контроля в системе ЖКХ.

Относительно перспектив развития частных форм управления и обслуживания жилфонда можно судить по степени поддержки их среди населения. Для выявления предпочтений в анкете был задан вопрос: «Какую форму обслуживания жилищно-коммунальным хозяйством Вы бы выбрали?», отвечая на который респонденты могли отметить только один вариант ответа. Данные опроса по республике (и данные исследования 2012 года) представлены в таблице.

Таблица. Предпочтения респондентов относительно форм обслуживания жилищного фонда, % от числа опрошенных

	«Какую форму обслуживания жилищно-коммунальным хозяйством Вы бы выбрали?»	Ноябрь 2012	Март-май 2013
1	Нет ответа	0,3%	0,8%
2	Обслуживание в государственных ЖЭСах, ЖРЭО, расчетно-справочных центрах	54,0%	58,2%
3	Обслуживание в негосударственных, частных компаниях (через создание товариществ собственников жилья с возможностью выбора частных фирм)	12,5%	10,5%
4	Затрудняюсь ответить	32,9%	29,9%
5	Другое	0,4%	0,7%

Если в ноябре 2012 года 54,0% респондентов высказались за государственную систему обслуживания и управления ЖКХ, 32,9% затруднились с ответом и только 12,5% поддержали идею негосударственного управления и обслуживания, то в 2013 уже 58,2%, 10,5% и 29,9% соответственно. В целом можно сказать, что население имеет довольно четкую позицию и поддерживает именно государственную систему. Даже если предположить, что из 29,9% затруднившихся ответить *все* предпочтут впоследствии негосударственную систему обслуживания своего жилфонда, то даже с этими оговорками поддержка такого направления не превысит 40,4% против 58,2%, высказывающихся за государственную. Это средние данные по Беларуси, которые свидетельствуют, что в ближайшее время роста количества ТС жилья, ЖСПК на самостоятельном обслуживании не будет. Более того, весьма вероятны обратные процессы – переход от самостоятельного управления уже существующих и возникающих ТСЖ и ЖСПК на баланс в государственные организации ЖК обслуживания. Динамика общественного мнения по данному вопросу также свидетельствует о направлении этого процесса.

Наблюдается четкая корреляция и прямая зависимость выбора государственной формы обслуживания и возраста респондентов: чем старше респонденты, тем более определенно выступают за государственное обслуживание от 44,2% у молодежи (до 20 лет), до 68,9% в старшей возрастной группе (60-69 лет). Также прослеживается прямая зависимость между уровнем удовлетворенности/неудовлетворенности качеством услуг жилищно-коммунального обслуживания по месту жительства и выбором формы обслуживания: среди удовлетворенных качеством услуг 65,2% респондентов высказались за государственную и 5,3% за частную; среди неудовлетворенных – 53,6 и 15,3% соответственно.

При этом надо понимать, что в условиях существенной дотируемости отрасли, существование некоторого процента неудовлетворенных – есть, по сути, единственное условие для развития альтернативных, негосударственных форм управления и обслуживания жилфондом. Если всех все устраивает, то зачем что-то менять, улучшать, совершенствовать? Важно чтобы эта неудовлетворенность как стимул для инновационного поиска была *не в социально уязвимых слоях общества* (у пенсионеров, малоимущих и т.д.), а в наиболее активных и профессионально подготовленных. Именно такие люди могут брать на себя инициативу по созданию ТС, частных фирм по оказанию услуг, развивать общественные объединения, предлагать свое, перенимать опыт и совершенствовать инновации из других стран.

Таким образом, существенная дотируемость отрасли и социальная направленность политики государства приводит к экономической неэффективности, сворачиваю альтернативных, негосударственных форм организации и управления в ЖКХ и препятствует развитию конкурентной среды. Тут необходимо либо «отпустить тарифы» для частного бизнеса, либо, оставив контроль государства, постепенно повышать тарифы. Опыт соседних стран, в частности России, показывает, что бесконтрольность и свобода в ценовом определении услуг ЖКХ приводит к существенным злоупотреблениям в данной

сфере, провоцирует недоверие и социальную напряженность. Поэтому единственным выходом из сложившейся ситуации является постепенное повышение тарифов и их контроль. Ради сохранения социальных гарантий, вводится дифференциация оплаты по объему потребляемых услуг: на воду, на электроэнергию и т.д. При этом государство гарантирует социальную поддержку малообеспеченным слоям населения – через сохранение «социального тарифа», а также через адресную помощь по заявительному принципу.

Идея социальных (льготных) тарифов в зависимости от объема потребления на электричество, воду, газ и коммунальные услуги не нова и используется во многих странах в целях экономического стимула для экономии ресурсов. Определяются нормы потребления, перерасход по которым население, предприятия оплачивают по более высоким ценам. Социальные (льготные) тарифы для населения, учитывающие объем потребления, являются мягким вариантом и промежуточной стадией при переходе к 100% оплате услуг по себестоимости. Это прозрачный механизм, основанный на логике социально-ориентированной политики государства, выступающий также экономическим стимулом для экономии ресурсов. В условиях бюджетной экономии как раз имеет смысл определить не только социальные стандарты, но и более конкретно прописать социальный пакет в области ЖК обслуживания, который гарантирует государство по приемлемым ценам своим гражданам.

Литература:

1. Кодекс Республики Беларусь от 28.08.2012 N 428-З «Жилищный кодекс Республики Беларусь»// Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – 29.08.2012, N2/198 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mpt.gov.by/File/KodeksRB.pdf> - дата доступа 25.09.2013 г.
2. Назарова Д.В. Негосударственные формы управления в жилищно-коммунальном хозяйстве: проблемы и тенденции развития // Социологический Альманах. Выпуск 4. – Минск: «Беларуская навука», 2013. С. 373-382.

Андрос Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социологии здоровья и человеческого развития, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОЦЕНКА МЕРОПРИЯТИЙ ПО РАЗВИТИЮ МАССОВЫХ ВИДОВ СПОРТА В г. МИНСКЕ: МНЕНИЕ ГОРОЖАН

В Национальной стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года среди важнейших направлений и путей перехода страны к устойчивому развитию определено, что «стратегической целью в области улучшения здоровья является создание государственного механизма поддержки здорового образа жизни, формирование высокого спроса на личное здоровье, создание предпосылок для его удовлетворения» [1]. В рамках Государственной программы по формированию здорового образа жизни населения Республики Беларусь в стране осуществляется пропаганда физической культуры и спорта, популяризация здорового и активного образа жизни, укрепление здоровья и физического состояния жителей республики, демонстрация оздоровительных технологий, методик, товаров и услуг для здорового образа жизни, новых видов активного отдыха, установление прямых связей между производителями, торговлей и потребителями оздоровительных товаров и услуг. С целью дальнейшего развития спортивной инфраструктуры в столице Беларуси, Минским городским исполнительным комитетом было принято решение (№ 3182 от 16.12.2010 г.) изучить социологическими методами отношение минчан к мероприятиям по пропаганде здорового

образа жизни и развитию массовых видов спорта по месту жительства, а также оценить меры, принимаемые для привлечения горожан к занятиям массовыми видами спорта.

Результаты соцопроса показали, что желание заняться физкультурой столичных жителей реализуется не полностью не столько из-за объективных трудностей, сколько из-за психологических барьеров. Так, в нашем исследовании 61,2% опрошенных минчан отметили, что при наличии желания они не занимаются физкультурой, потому что им не хватает времени. А 37,1% заметили, что это дорогое удовольствие. Проблемы со здоровьем выделили 1,2%. Недовольство по поводу отсутствия вблизи дома спортивных объектов высказали 16,4%¹.

Удовлетворенность возможностями занятия физкультурой в Минске выражают более половины опрошенных жителей столицы (удовлетворены полностью – 24,1% и скорее удовлетворены – 37,4%). Что касается района проживания опрашиваемых минчан, то здесь 40,4% минчан (28,1% «скорее неудовлетворенны» и 12,3% «абсолютно неудовлетворенны») высказали недовольство созданными возможностями для занятия физическими упражнениями. Положительно оценили усилия местных жилищно-эксплуатационных служб по «спортивному» благоустройству 35,1% минчан («удовлетворены полностью» – 10,7% и «скорее удовлетворены» – 24,4%). Практически одинаковая доля горожан затруднилась ответить, удовлетворены ли они возможностями для занятий физической культуры как по месту жительства (24,4%), так и по городу в целом (23,4%). В таблице представлено ранжирование ответов минчан по степени неудовлетворенности условиями для занятия физкультурой.

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы неудовлетворены условиями для занятия физкультурой, то с чем это связано?», %

№ п.п.	Варианты ответов	В районе Вашего проживания	По городу в целом
1	Недостаточное количество спортивных объектов	52,9	6,9
2	Высокие цены абонементов в ФОКи и на другие спортивные объекты	50,1	80,8
3	Плохое состояние имеющихся спортивных объектов	18,0	7,5
4	Отсутствие возможности заниматься физкультурой под руководством инструктора	16,7	12,1
5	Недостаточное количество пунктов проката спортивного инвентаря	13,0	6,3
6	Недостаточная работа по организации занятий физической культурой (не работают секции, группы здоровья, не проводятся соревнования и т.п.)	12,7	3,6

Данные в таблице показывают, что людей большего всего волнует недостаточное количество спортивных объектов по месту проживания. Но главной проблемой, на наш взгляд, являются высокие цены на спортивные объекты, в т.ч. абонементы в физкультурно-оздоровительные комплексы. Поэтому в планах возведения спортивных объектов первоочередной задачей для руководителей города минчане на первое место (50,5%) ставят строительство бассейнов – в настоящее время доступных по ценам. Устроит минчан и строительство спортивных площадок для занятий физической культурой во дворах (второе место с 43,2%). Примерно одинаковая доля желающих взять

¹ Эмпирической основой являются материалы НИР: «Оценка минчанами мероприятий по пропаганде здорового образа жизни, развитию массовых видов спорта по месту жительства. Оценка мер, принимаемых для привлечения минчан к занятиям массовыми видами спорта (ежегодное социологическое исследование)» (Минский научно-исследовательский институт социально-экономических проблем, 2011 год). В ходе исследования методом анкетирования опрошено 1200 человека во всех административных районах города Минска, среди представителей различных социально-демографических групп населения. Частотный анализ распределения ответов респондентов проведен автором в программе SPSS 17.

в аренду велосипеды и прокатиться по велосипедным дорожкам (23,8%) и посетить ледовые катки (21,9%). Поддержали идею фитнес-центров 18,9% опрошенных минчан. Теннисные корты и лыжероллерные трассы сегодня, по мнению горожан, менее привлекательны (каждый из этих спортивных объектов изъявили желание посетить лишь по 8,8%).

В целом, при развитии спортивной сферы в городе, по мнению его жителей, необходимо соблюдать следующие основные критерии: 1) ценовая доступность занятий физкультурой и спортом (78,3%), 2) близость спортивных объектов к местам проживания минчан (68,3%), 3) качество оказываемых услуг вне зависимости от их стоимости (25,3%). Менее важны, как считают опрошенные минчане, помощь в организации самостоятельных занятий физкультурой и спортом (13,3%) и организация массовых спортивных мероприятий (10,9%). Действительно, высказывая свое положительное отношение к проведению в городе семейных спортивных праздников (таких 68,4%), участие в них приняли бы всего 17,5%. В зависимости от конкретных обстоятельств 47,7% горожан попробовали бы себя в массовых семейных праздниках. Безразлично к такого рода мероприятиям отнеслись около трети опрошенных (30,4%). Не приняли бы участия в семейных спортивных праздниках 34,8% респондентов.

Такая низкая заинтересованность участия в массовых спортивных мероприятиях, в том числе семейных, вполне объяснима. Во-первых, для активных любителей спорта (а таких, к сожалению, не много) данные мероприятия – это показательные выступления и соревнования, а для болельщиков и простых зрителей – просто интересное зрелище, ради которого не стоит и из дома выходить. Во-вторых, очень сложно организовать «выход в свет» всей семьи (особенно если есть маленькие дети), тем более принять непосредственное участие в соревнованиях. В-третьих, для большинства населения такие спортивно-оздоровительные мероприятия имеют скорее пропагандистский смысл своей красочностью, масштабностью и солидарностью в желании заниматься физической культурой и спортом, а также выступают показателем приобщения всего народа к здоровому образу жизни.

Отметим следующую тенденцию. В последнее время особой популярностью не только среди гостей города Минска, но уже и самих коренных жителей пользуются спортивные комплексы. Сегодня столичные белорусские физкультурно-оздоровительные комплексы – это современные, комфортабельные, прекрасно оснащенные спортивные комплексы, предназначенные для регулярных занятий спортом и фитнесом людей разных профессий, возрастов и разного уровня подготовки. Так же для проведения соревнований есть залы комплекса, которые в полной мере соответствуют всем требованиям к проведению спортивных состязаний по игровым видам спорта, единоборствам, бильярду. Реконструированные заново и вновь созданные ФОКи предназначены для оздоровления и активного отдыха любителей здорового образа жизни. При этом они пользуются все большей популярностью у молодежи и семейных пар с детьми.

Таким образом, физкультурно-оздоровительные комплексы на сегодняшний день являются наиболее популярными спортивными объектами среди минчан, в первую очередь за счет своей многофункциональности и расширенных возможностей времяпрепровождения для семейных пар с детьми. Кроме того, в Беларуси ФОКи традиционно были самыми посещаемыми объектами для занятия физическими упражнениями. Современным ФОКом достаточно слегка «модернизироваться в ногу со временем» и они будут продолжать оставаться наиболее привлекательными спортивными объектами для горожан. Также в ФОКах есть квалифицированные инструктора, которые всегда подскажут, как организовать индивидуальный тренировочный процесс. Отметим, что осведомленность в сфере культуры поддержания здорового образа жизни у населения за последнее десятилетие значительно возросла. Регулярное посещение спортивных объектов с выполнением оптимальных физических нагрузок обеспечивает наибольший тренировочный эффект. И основным препятствием к регулярности посещения ФОКов, а

также других спортивных объектов, минчане видят в высокой оплате абонементов, в том числе детских. В данном случае считаем, что совместные усилия государственных структур, профсоюзных организаций предприятий различных форм собственности и предпринимательских организаций в проведении рекламных акций по пропаганде здорового образа жизни могут значительно повысить уровень посещаемости платных спортивных объектов жителями столицы.

Литература:

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.economy.gov.by/dadvfiles/001251_102984_NSUR41.doc – Дата доступа: 14.06.13.

Рысюкевич Наталья Сигизмундовна, заместитель заведующего кафедрой Минского института управления, г. Минск

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРОВ В КОМАНДНЫХ ВИДАХ СПОРТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Спорт в современных условиях представляет собой сложное многофункциональное и многообразное явление социальной реальности. Он давно перестал играть роль просто развлечения и превратился в реальную силу, влияющую на жизнедеятельность общества, на формирование человека как личности, на менталитет не только отдельных людей, но и социальную направленность развития государств. Спорт сегодня представляет комплекс материальных и духовных ценностей, которые создаются и используются современным обществом для обеспечения активной физической деятельности людей, направленной на максимальное проявление способностей путем соревнования в заранее определенных двигательных действиях. Его общественные функции чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Спорт является критерием моральных и физических возможностей спортсменов как лучших представителей нации и государства. Однако социальное значение спорта определяются не только тем, что он позволяет выяснить, кто сильнее, быстрее, выносливее. Победитель воплощает в спортивных результатах знания и опыт тренеров, интеллект, волю и уровень развития общества.

Огромный исследовательский интерес в современных условиях вызывает проблема спортивного лидерства. Спортивные лидеры выступают активным мобилизирующим и стимулирующим фактором, аккумулирующим физические, профессиональные, интеллектуальные и нравственные ресурсы спортсменов на достижение победы в спортивных соревнованиях. В настоящее время, когда физические нагрузки спортсменов являются запредельными, а в напряженной борьбе за спортивные результаты счет идет на сотые доли секунды или граммы, особое значение приобретают лидерские личностные качества спортсменов. Поэтому очень важное научное и практическое значение имеет разработка социальных лидерских механизмов и моделей, которые будут детерминировать стремление спортсменов к победам в спортивных состязаниях.

В настоящее время основные подходы исследованы к определению понятию «лидерство» с точки зрения представителей различных сфер научного знания, различных школ, показаны их общие моменты и различия, основные этапы его формирования, становления и развития, предложено авторское определение. По мнению известного белорусского социолога Игоря Котлярова, *лидерство* – это отношения между социальными субъектами, целенаправленная деятельность по обеспечению главенствующего положения индивида в социуме, осуществляемая благодаря профессионализму и авторитету, признанию и доверию, наличию определенных ценностей и ценностных ориентаций, сильному мотивационному механизму, постоянному

воздействию на членов группы, ответственности перед ними и стремлению к поставленной цели [3, с. 298].

Важность и необходимость лидерства подтверждают социологические исследования, проведенные в конце 2012 года учеными Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Жители страны прекрасно понимают, что эффективный лидер способен организовать, мотивировать, мобилизовать людей на решение стоящих перед государством, обществом и ими задач. На вопрос «Как Вы считаете, может ли лидер повлиять на успех какого-либо дела, мероприятия?» три четверти респондентов ответили положительно.

Особое значение имеет лидерство в командных видах спорта. Фактор лидерства в спортивных командах трудноизмерим и не всегда понятен. Деятельность командных спортивных лидеров многопланова, многогранна, существует огромное множество ее индивидуальных проявлений. Как результат, анализ условий и реальных возможностей, создание механизмов и технологий формирования лидеров спортивных команд являются очень важными. Развитие личностных лидерских качеств спортсменов помогает юношам и девушкам в дальнейшем более успешно влиться во взрослую жизнь, создает предпосылки для лидерства как в спорте, так и в общественной жизни.

Для эффективных коллективных действий особенно важны личностные качества лидеров в командных видах спорта. Это направленные на победу физические, интеллектуальные, волевые, нравственные и коммуникативные свойства и характеристики, черты характера, ожидания и стереотипы, установки и другие диспозиции индивида, благодаря которым в спортивном коллективе происходит их восприятие и оценка, принятие решений и реагирование на эмоциональном и поведенческом уровнях в ситуациях предметных и межличностных взаимодействий и отношений на тренировках и в спортивных соревнованиях. Их научный анализ осуществляется на основе изучения комплекса индивидуальных свойств личности: морфофункциональных особенностей спортсмена, состояния органов и анализаторных систем организма, уровня развития физических качеств (преимущественно скоростно-силовых); координационных способностей, способности к оперативному решению двигательных задач и тактическому мышлению, обеспечивающему предвидение вариантов тактических ситуаций, выбора и осуществления приемов и способов ведения спортивной борьбы; способности к проявлению нервно-мышечных усилий и управлению эмоциональными состояниями в экстремальных условиях [2; 3].

В работе известных ученых Дэниэля Гоулмана, Ричарда Бояциса, Энни Макки «Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта» есть специальная глава «Лидерами не рождаются – лидерами становятся», где доказывается, что многие лидерские качества личности можно целенаправленно формировать [1, с. 111-122].

Имеются и конкретные примеры подтверждения данных теоретических положений. Венгерский тренер Ласло Полгар в кандидатской диссертации «Методические особенности подготовки и воспитания высококвалифицированных шахматисток в условиях семьи» предложил оригинальную методику формирования выдающих личностных качеств начинающих спортсменов [4]. Он считал, что талант можно воспитать и развить, так как все дети рождаются потенциальными гениями. В проведенном эксперименте испытуемыми стали дети Л. Полгара Жужа, София и Юдит, которые обучались шахматам в семье по специально разработанной методике. Анализ спортивных достижений шахматисток подтвердил правильность гипотезы о возможности формирования определенных личностных качеств, воспитания высокоодаренной личности. Об этом свидетельствуют достижения сестер Полгар, позволившие им установить 51 рекорд Гиннеса в шахматах. Так, например, Жужа в 15-летнем возрасте заняла 1 место среди женщин в рейтинг-листе ФИДЕ: три сестры в составе сборной команды Венгрии дважды завоевывали золотые медали на Всемирных шахматных

олимпиадах. Юдит в 1988 году был присужден шахматный «Оскар», а в 1990 году она стала самым молодым гроссмейстером в истории шахмат.

Внедрение в практику подготовки спортсменов социологических знаний и рекомендаций по развитию личностных качеств спортивных лидеров может способствовать более успешному выступлению белорусских национальных команд в предстоящих в 2014 году чемпионате мира по хоккею, Олимпийских играх и других международных соревнованиях, содействовать дальнейшему устойчивому развитию белорусского спорта.

Литература:

1. Гоулман, Д. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – Москва: Альпина Бизнес Бук, 2005. – 301 с
2. Котляров, И.В. Социология лидерства: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И.В. Котляров. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 480 с.
3. Котляров, И.В. Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И.В. Котляров, Н.С. Рысюкевич. – Минск: изд-во МИУ, 2012. – 284 с.
4. Полгар, Л. Методические особенности подготовки высококвалифицированных шахматисток в условиях семьи / Л. Полгар. // Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04. Акад. физвоспитания и спорта Респ. Беларусь – Мн.: АФВиС РБ, 1993. – 23 с.

Синиченко Роман Павлович, соискатель, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Спорт как социальный институт определяет становление и развитие ценностных ориентаций личности спортсмена на определенных этапах его жизни. Ценностные ориентации являются отражением в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и мировоззренческих ориентиров [1]. В процессе спортивного совершенствования ценностные ориентации изменяются, преобразуются под влиянием различных факторов, тренеров и других спортсменов, социальных условий, оценок собственных действий и поступков. По мнению известного белорусского социолога, профессора И.В. Котлярова многие ценностные ориентации даже можно целенаправленно формировать [2; 3].

Нами проведено исследование на базе учреждения «Минская детско-юношеская спортивная школа по хоккею с шайбой БФСО «Динамо». В анкетировании приняло участие 86 юных хоккеистов в возрасте 9-17 лет (52 % респондентов в возрасте 13-14 лет), что в переводе на этапы многолетней подготовки соответствует начальной и углубленной специализации.

Большинство спортсменов (34,88%) начало заниматься хоккеем с 6 лет, 18 спортсменов (20,93%) с 5 лет, 12 спортсменов (13,95%) с 4 лет при этом начальный этап подготовки начинается с 7-9 лет. Остальные респонденты (30,24%) начали тренироваться с 7-11 лет.

Основной причиной, по которой дети начали заниматься спортом, является все-таки то, что родители сделали выбор за ребенка и привели его в секцию. Учитывая ранний возраст начала занятий хоккеем (4-6 лет) это можно объяснить тем, что ребенок еще не в силах сделать осознанный выбор рода деятельности.

В качестве стратегической цели занятий хоккеем у большинства спортсменов (54,65%) на первом плане стремление выступать за сборную Республики Беларусь

В условиях глобализации и рыночной экономики большое значение приобретает коммерциализация спорта. Это отражается на спортивной деятельности и на переоценке ценностных ориентаций. Доминирование в сознании спортсмена материальных

ценностей, особенно в юном возрасте, следует рассматривать как сигнал неблагоприятный. Дело в том, что деятельность, мотивируемая лишь за счет материальных потребностей, по мнению ряда специалистов, не может быть устойчивой, а материальные стимулы – универсальными. Анализ данных таблицы показал, что участие в Олимпийских играх и чемпионатах мира в значительной степени превосходят материальное вознаграждение (86,05% против 1,16%).

Таблица. Распределение ответов на вопрос: «Что бы ты выбрал?»

Ответы	Кол-во человек	%
Олимпийские игры и чемпионат мира	74	86,05%
Поездку за границу на любой турнир	8	9,30%
Престижные соревнования в Республике Беларусь	2	2,33%
Соревнование, за победу в котором платят деньги	1	1,16%
Соревнование, за победу в котором дают призы	1	1,16%

Анализ полученных данных, демонстрирует, что важнейшим ценностным ориентиром, целью спортивной карьеры юного хоккеиста является его стремление и желание выступать за национальную сборную Республики Беларусь, выступать на Олимпийских играх и чемпионатах мира. Судя по полученным данным, юные спортсмены на начальных этапах подготовки воодушевлены сильнейшим мотивирующим фактором – чувством патриотизма. На наш взгляд, важнейшим компонентом в учебно-образовательном процессе является умение тренера поддерживать приоритетное осознание чувства патриотизма на протяжении как можно большего времени спортивной карьеры. Это позволит на уровне спорта высших достижений не искать дополнительные стимулы и способы мотивации достижения высоких результатов на уровне национальной команды.

В перспективе же юные спортсмены рассчитывают и на то, что хоккей может стать их профессией и возможностью зарабатывать.

Патриотизм в спорте имеет свои нюансы. В идеале спортсмен, ставя своей стратегической целью стремление расти в профессиональном плане, добиваться высоких результатов, выступать за национальную команду, осознает, что к нему придут и материальные блага. Они не стоят во главе, а выступают как сопутствующий компонент.

В ходе нашего исследования выяснилось, что более 73 % юношей желают уехать за границу заниматься хоккеем. Важно разобраться, почему у них возникло такое желание и зачем они хотят уехать. Можно и по-иному трактовать их стремление. Ребята хотят тренироваться в сильнейших клубах мира, под руководством опытейших тренеров, ставя при этом во главу профессиональное развитие, возможность совершенствоваться, реализовывать свои способности и амбиции, при этом в полной мере являться патриотами своей страны, выступать под флагом своей родины. При этом болельщики национальной команды с огромной радостью поддерживают их и получают удовольствие от красивой игры.

В ходе опроса выяснилось, что готовность помочь другу в трудную минуту ценится превыше всего в коллективе спортсменов. Так считают 66,28% опрошенных. Взаимопонимание (52,33%), смелость (41,86%), умение ценить настоящую дружбу (39,53%), решительность (37,21%) являются основными качествами, наличие которых в команде позволит повысить результативность игры. Учет тренером данных качеств, которые придают уверенность и вдохновляют спортсмена, в педагогической деятельности, позволит укрепить командный дух, способствовать выполнению установок на игру и как следствие приведет команду к победам.

На вопросы связанные с отношением юношей к государственным символам Республики Беларусь и значению патриотизма большинство ответило, что

государственный гимн и флаг вызывает положительные ассоциации (65,12%), понятие патриотизма важно для 74,42% респондентов.

Необходимо изучить какие факторы в большей мере влияют на изменения ценностных ориентаций, а также добиться того, чтобы направить положительное влияние различных факторов в единое русло целенаправленного достижения высоких спортивных результатов и гармоничного развития личности.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что происходящие социальные изменения, связанные с изменением системы ценностей в обществе, включая спорт как социальный институт – не разрушили в сознании юных хоккеистов стремление к социально-значимым, положительным идеалам и ценностям. С возрастом, возможно, произойдет переосмысление и изменение жизненных ориентиров спортсмена, с целью чего необходимо диагностировать динамику происходящих изменений на различных этапах спортивной карьеры.

Эффективность построения системы подготовки юных хоккеистов во многом зависит от реализации закономерностей их развития с учетом способностей, возможностей и социальной направленности личности на каждом возрастном уровне [4]. При этом тренеру необходимо обращать серьезное внимание на ценностные идеалы и взгляды юных спортсменов и способствовать развитию и поддержанию нравственных, социально-значимых ценностей своих воспитанников.

Изучение различных подсистем социологии спорта позволит задействовать скрытые резервы организма и тем самым улучшить результаты достижений белорусских атлетов на международной арене.

Литература:

1. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 176 с.
2. Котляров, И.В. Социология лидерства: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И.В. Котляров. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 480 с
3. Котляров, И.В. Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И.В. Котляров, Н.С. Рысюкевич. – Минск: изд-во МИУ, 2012. – 284 с
4. Никонов, Ю.В. Подготовка юных хоккеистов: учеб. пособ. / Ю.В. Никонов. – Минск: Асар, 2008. – 320 с.:

Мартищенко Елена Владимировна, научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВЕЦКОГО РАЙОНА К СТРОИТЕЛЬСТВУ БЕЛОРУССКОЙ АЭС

Институт социологии, начиная с 2005 года, по заказу Министерства энергетики Республики Беларусь проводит социологический мониторинг общественного мнения о развитии ядерной энергетики в стране. В данном мониторинговом исследовании практическая проблема состоит в следующем: выработка рекомендаций для создания благоприятных условий для обеспечения общественной поддержки строительству АЭС населением республики и, в особенности, жителями Островецкого района. Признание первостепенной значимости общественной поддержки атомного проекта для Беларуси было первой предпосылкой выдвижения самой идеи специалистами и руководством страны. При этом учитывались, прежде всего, тяжелейшие последствия аварии на ЧАЭС, все еще сохраняющийся остаточный «Чернобыльский синдром» в общественной психологии и массовом сознании части населения. Развернутая информационно-разъяснительная работа помогла общественному мнению страны перейти от преимущественно эмоционального восприятия к более рационально-прагматичному отношению к строительству собственной АЭС. Сегодня общественное мнение в большей своей части принимает во внимание, во-первых, реальные достижения мировой, прежде

всего российской, атомной индустрии в области безопасности, экологии, эффективности; во-вторых, взвешенную оценку возможностей удовлетворения потребностей страны в энергии, а также перспектив социально-экономического развития, повышения благосостояния при разных вариантах энергетической стратегии. Данные предыдущих исследований показывают, что с 2008 по 2011 год наблюдалась тенденция роста поддержки населением строительства АЭС – более половины опрошенных по республиканской репрезентативной выборке при ответе на вопрос о необходимости развития ядерной энергетики в республике давали положительный ответ. В 2012-2013 гг. число сторонников атомной энергетики несколько снизилось: с 59,4 в 2011 г. до 47,6% в 2013, т.е. на 11,8 п.п. Но на 6,9 п.п. уменьшилось и число противников, с 24,7 до 18,8% и на 17,5 п.п. выросло число неопределившихся, т.е. тех, кто затруднился ответить с 15,8 до 33,3%. Эти колебания, в принципе, не изменяют общую позитивную тенденцию, а именно: в течение последних 5 лет большинство населения выступает за развитие ядерной энергетики РБ, поддерживает теперь уже государственный инновационный курс в этом направлении. Что касается Островецкого района, то здесь мы видим, что его население поддерживает строительство АЭС более активно, чем в среднем по стране начиная с того момента, когда было принято окончательное решение о строительстве Белорусской АЭС именно в этом районе (табл. 1).

Таблица 1. Динамика общественного мнения по проблемам ядерной энергетики, % от числа опрошенных

Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?	Сентябрь 2005 г.	Август 2006 г.	Январь 2008 г.	Февраль 2010 г.		Май 2011 г.		Май 2012 г.		Май 2013 г.	
				всего	Островецкий р-н	всего	Островецкий р-н	всего	Островецкий р-н	всего	Островецкий р-н
Да	28,3	28,8	54,8	57,0	71,0	59,4	67,0	53,5	73,7	47,6	73,9
Нет	46,7	41,8	23,0	19,6	7,4	24,7	21,0	21,1	14,1	18,8	5,0
Затрудняюсь ответить	25,0	28,6	21,8	22,5	21,6	15,8	12,0	25,2	12,2	33,3	21,1
Нет ответа	–	0,8	0,4	0,9	–	0,1	–	0,2	–	0,3	–

После трагедии на «Фукусима-1», вызванной цунами и просчетами частного оператора атомной станции ТОРСО, в некоторых странах «Зеленым» и другим подобным организациям удалось раскачать обстановку, дестабилизировать массовое сознание и общественное мнение. Волна протеста против ядерной энергетики вынудила правительства Германии, Швейцарии и других стран пойти на уступки, пообещав ограничение действующих АЭС и строительства новых. В этой связи в инструментарий исследования 2013 года для выявления вероятности протестных настроений и действий со стороны населения в связи со строительством Белорусской АЭС был включен дополнительный вопрос «Допускаете ли Вы свое участие в протестных акциях, связанных со строительством АЭС в РБ?». Распределение ответов респондентов на данный вопрос представлено в таблице 2.

Проведенный анализ показал, что на первом месте – готовность к участию в санкционированных митингах и демонстрациях (3,6), на втором – иные акции (1,2), на третьем – в пикетах (0,9), четвертом – в актах, препятствующих строительству, подвозу материалов и т.п. (0,8), пятом – в несанкционированных митингах и демонстрациях (0,6), шестом – голодовки (0,5%). Различия между городом и селом несущественны и статистически не значимы. В Островецком районе протестные настроения практически

отсутствуют, вопреки желанию некоторых сил видеть такого рода акции именно здесь. Таким образом, при всех оговорках, которые сделаны или могут быть сделаны, с возможностью протестных настроений необходимо считаться. Мировой опыт показывает, как в современном сетевом информационном обществе может быть раздута пламя даже там, где не было какого-либо горючего материала, т.е. экономических, культурных, религиозных и других факторов. Нужно понимать: чтобы не заявляли, те или иные партии, реальный повод для протестных акций может возникнуть только в ходе самого дела, т.е. в Островецком районе. Поэтому главные превентивные меры состоят в том, чтобы соблюдались все нормативы строительства и последующей эксплуатации АЭС, были установлены адекватные социальные гарантии для строителей, работников станции и населения, создавались достойные условия жизни, инфраструктура, досуговые объекты и все необходимое.

Таблица 2. Уровень протестных настроений населения, связанных со строительством АЭС, % от числа опрошенных

Готовность к участию: число положительных ответов	Все опрошенные	Город	Село	Островецкий район
1. Санкционированные митинги и демонстрации	3,6	3,6	3,4	0,5
2. Несанкционированные митинги и демонстрации	0,6	0,6	0,5	–
3. Пикеты	0,9	1,0	0,7	–
4. Акты, препятствующие строительству	0,8	0,8	0,9	–
5. Голодовки	0,5	0,4	0,7	–
6. Иные акции	1,2	1,2	0,9	–
Всего:	7,6	7,6	7,1	0,5

В 2012 году Островец получил статус города с проектным увеличением численности до 40 тысяч человек и соответствующим обеспечением жильем, коммунальным, транспортным обслуживанием, учреждениями социальной сферы и др. В настоящее время на строительстве АЭС в Островецком районе работает более 1000 человек, по плану в 2013 году их численность увеличится в 3 раза. Вполне очевидно, что строительство нового города, рост численности и др. не может не повлиять на устоявшийся уклад жизни, формальные и межличностные отношения, сферы значимости, организацию учебы, медицинского обслуживания, общественного транспорта, ЖКХ и бытового обслуживания, досуга. Все такие изменения не должны ущемлять местных жителей, наоборот, иметь для них положительную направленность, или предусматривать достаточные компенсации за те или иные неудобства, которые временно неизбежны. В исследовании 2013 года в анкету для опроса в Островецком районе включены несколько дополнительных вопросов для выявления уровня удовлетворенности респондентов условиями проживания в их населенном пункте, а также изучения отношения населения к изменениям, происходящим в связи со строительством АЭС (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов Островецкого района на вопрос «Удовлетворены ли Вы условиями проживания в Вашем населенном пункте?»

Вариант ответа	% от числа опрошенных
Да	46,4
Скорее да	35,9
Скорее нет	8,5
Нет	2,3
Затрудняюсь ответить	4,6
Нет ответа	2,3

Как видно из таблицы 3, несмотря на временные неудобства, которые создает строительство Белорусской АЭС для местных жителей, большинство из них проявляют понимание и выражают удовлетворенность условиями проживания в своем населенном пункте. Отрицательный ответ на данный вопрос дали только 10,8% респондентов и около 7% не определились в своем мнении по этому поводу.

Подводя итог вышесказанному, можем отметить, что общественная поддержка строительству белорусской АЭС, как в целом по республике, так и в Островецком районе в частности, достаточно стабильна и прочна.

Все это стало возможным в результате изменений в области информирования, просвещения, разъяснения, которые в эти годы осуществляются руководством и специалистами Минэнерго, а также информационным центром при Дирекции строящейся АЭС, СМИ и местными органами власти.

Лихачёв Николай Егорович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политологии и социологии, Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова, г. Могилев

*СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ
АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

На всем протяжении своего жизненного пути человек включается в деятельность различных социальных групп или сообществ. Наиболее значимые из них – семейное, родственное, соседское сообщества и трудовой коллектив. Но особо важную роль для сельчанина имеет такая социально-территориальная общность, как соседско-родственная община. В территориальной общине приобретается жизненный опыт, осуществляется бытовое взаимодействие и взаимопомощь. В отличие от городской административной общности (на уровне улиц, микрорайонов), сельская общинность строится по принципу соседства и родства, формируется естественным путем и нередко носит неформальный характер. Здесь в пределах ограниченного территориального пространства каждый житель взаимодействует с другими как в процессе труда, так и быта, то есть общается со своей стабильной социальной средой. Сельскую современную общину можно обозначить следующим определением – это сообщество людей, проживающих в естественно-природном окружении на определенном локальном пространстве, объединенных соседско-родственными связями и отношениями, обладающей совокупностью общих признаков, живущих в соответствии со своими традициями и обычаями.

Принцип общинности придает социальную устойчивость поселению, здесь сельчанин может в трудную минуту жизни рассчитывать на помощь и определенную социальную поддержку. Члены сельской соседско-родственной общины, благополучно обустроившиеся в городе, стараются, как правило, помогать своим землякам с трудоустройством, найти жильё, получить образование и т.п. Срабатывает «инстинкт землячества», в основе которого лежит представление о близких или дальних узлах родства. В свою очередь община может выполнять и контрольную функцию, регулируя социальное поведение человека, которое представляет собой «...совокупность фактических действий и поступков индивида, осознанно направленных на других людей для социального взаимодействия и социальных отношений» [2, с. 184]. Таким образом, сельская соседско-родственная община – не просто любая группа людей, а сравнительно устойчивое социальное образование, члены которого имеют схожие местные интересы, находятся в относительно регулярном взаимодействии друг с другом.

Община сельского поселения охватывает все стороны повседневной жизни человека, ибо в ней индивид приобретает опыт и научается исполнению ролевых функций. Наиболее существенные черты такой общинности проявляются в следующем:

- относительное сходство условий жизни людей, проживающих в конкретном поселении;
- схожесть жизненных ценностей и установок среди поколений сельчан;
- однотипные условия хозяйственной деятельности на приусадебных участках и в общественном производстве;
- оказание соседской помощи в периоды напряженных сельхозработ и совместная трудовая деятельность;
- социальная ориентация индивида в окружающем мире, обеспечение информацией, формирование общих жизненных ценностей;
- стремление обеспечить физическую и социальную защиту своим членам;
- формирование схожих черт культуры, языковых диалектов, традиций и обычаев;
- восприятие общности территории проживания и стремление подчеркнуть отличие от аналогичных общностей.

Совокупность этих признаков позволяет сохранять прочность земляческих связей, способствует коллективному выживанию на селе, несмотря на разрушительное воздействие урбанизации и рыночных новаций. Эти отношения можно обозначить как сельские социальные связи, под которыми следует понимать такое состояние местного сообщества, когда «...наряду с макроструктурой существует неформальная микроструктура, которая образуется переплетением индивидуальных связей, влечений, притяжений и столкновений» [1, с. 173]. Несмотря на разнотипность хозяйственных аграрных укладов Российской Федерации и Республики Беларусь, социальные связи поселений имеют важное значение в организации повседневной жизни села обеих стран. По свидетельству В.В. Пациорковского в соседские социальные связи вовлечены 96,4% сельских домохозяйств; дружеские связи – 85,5%; родственные связи – 64,1% [1, с. 177].

В менталитете сельчан наличествует достаточно прочное предубеждение о том, что значимой поддержки от местных властей быстро не дождешься, поэтому и взаимоотношение с ними строятся на формальной основе. Соседско-родственные социальные связи основываются на морально-эмоциональной основе, они быстрее дают практическую отдачу в решении хозяйственно-бытовых и культурно-духовных вопросов. Таким образом, сельские социальные связи, объединяя индивидов в общину, формируют у человека чувство устойчивости в социуме и стабильность образа жизни.

На результатах социологического исследования проведенного в 2013 году УКИ «Могилевский институт региональных социально-политических исследований» по теме: «Состояние и перспективы совершенствования социального обслуживания сельского населения» можно рассмотреть некоторые стороны соседских и общинных отношений (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Оказываете ли Вы какую-либо помощь соседям по месту жительства?», %

Шкала ответов	Общее распределение	До 30 лет	30-50 лет	Старше 50 лет	Мужчины	Женщины
Да, всегда, когда просят	36,8	28,6	45,7	33,7	32,7	39,7
Иногда оказываю	36,6	50,6	39,4	31,3	35,9	37,2
Нет, никогда	24,9	20,8	14,9	32,0	29,6	21,6

Соседская взаимопомощь в деревне по-прежнему остается на достаточно высоком уровне. Особенно активны в этом женщины и люди среднего возраста. Пожилые также не

против помогать, но уже не могут это делать из-за отсутствия физических сил и других возможностей. Несомненно, современная жизнь вносит свои коррективы в сплоченность жителей отдельно взятой деревни, особенно это заметно на отношениях молодежи с соседями и односельчанами (рис. 1).

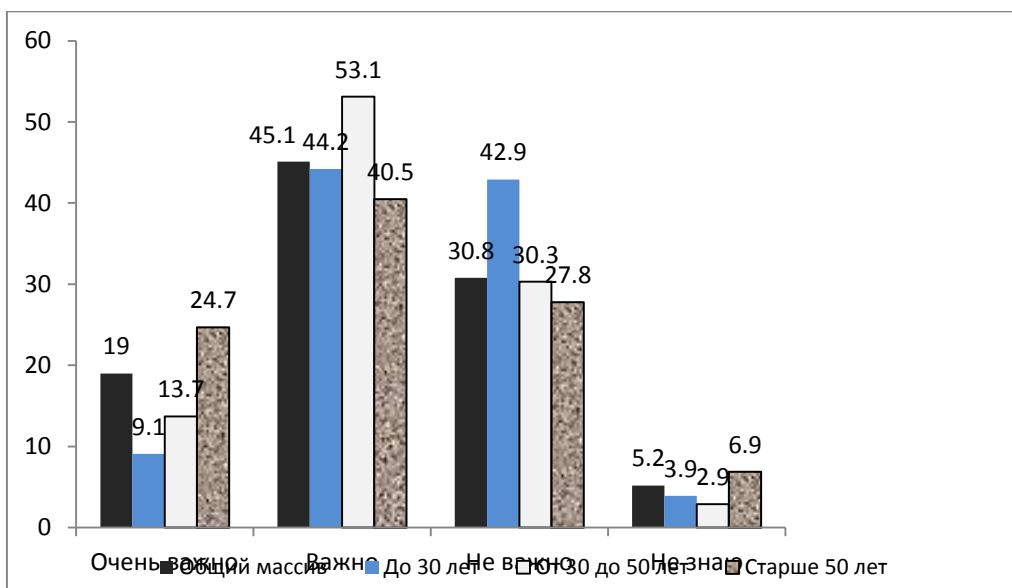

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько для Вас важно мнение соседей?», %

Мнение ближайших соседей особенно важно для пожилых сельчан, и для жителей среднего возраста. Это определенная репутация человека, его семьи в глазах ближайшего окружения, а также важный механизм социального контроля: «если я так поступлю, что люди скажут». Для молодых это уже утрачивает свое значение, но все же играет определенную роль. Аналогичная ситуация и с отношением к односельчанам (рис. 2).

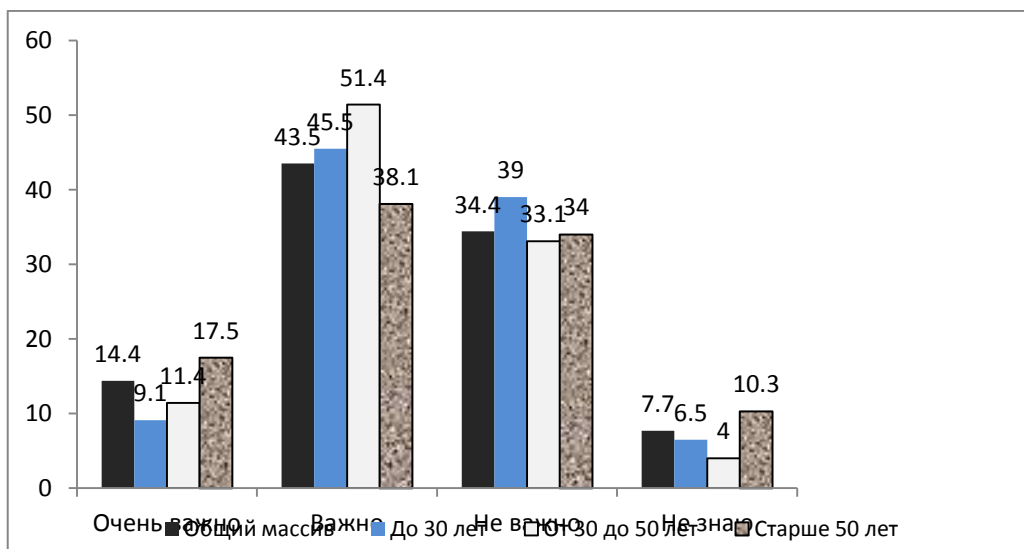

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько для Вас важно мнение односельчан?», %

Результаты ответов на эти вопросы почти совпадают, хотя мнение односельчан немного уступает по важности. В большей степени затруднились ответить старшие по возрасту респонденты, т.к. можно предположить, они уже имеют более ограниченные контакты с односельчанами. Рассматривая вопросы возможностей решения социальных проблем на местном уровне важно выяснить, насколько сохранился общинный потенциал

в современной белорусской деревне, выступающий определенным базисом местного самоуправления. Это можно выяснить через вопрос об участии в решении общих проблем в деревне (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько часто Вы участвуете в решении общинных (не семейных) проблем в деревне?», %

Шкала ответов	Общее распределение	До 30 лет	30-50 лет	Старше 50 лет	Мужчины	Женщины
Всегда	6,6	2,6	6,9	7,6	5,8	7,2
Часто	8,7	5,2	10,3	8,6	9,9	7,8
Иногда	20,8	22,1	25,7	17,5	17,0	23,4
Редко	13,3	20,8	21,1	6,5	11,7	14,4
Никогда	33,1	27,3	21,7	41,6	37,2	30,3
Не знаю	17,5	22,1	14,3	18,2	18,4	16,9

Степень активности сельских жителей в решении проблем собственного населенного пункта достаточно высока, не принимают участия каждый третий житель. Самая низкая степень участия у молодежи, складывается впечатление, что они вообще не очень понимают, о чем идет речь, или не интересуются этими вопросами. Также не проявляют большой заинтересованности старшие жители деревни. Несколько больше активности у женщин и у людей среднего возраста, возможно, ощущающих больше ответственности за себя и свои семьи и стремящихся повлиять на ситуацию.

Состояние общинности в сельских поселениях органически вплетается в описание такой дефиниции, как сельский образ жизни. С одной стороны, он характеризуется консервативностью, его базовые элементы передаются от поколения к поколению. С другой, это динамичная система, трансформирующаяся под воздействием условий производственной деятельности, социального окружения, воздействия СМИ и культурных стандартов, а также под влиянием целевых установок и личностных характеристик индивида. Образ жизни сельчанина можно систематизировать по разным признакам, но важнейшими выступают условия жизни, то есть социальная среда, которая состоит из трех основных показателей: 1) характеристика трудовых занятий и их содержание; 2) материальные и бытовые условия; 3) возможности для досуговой деятельности.

Дефиниция «образ жизни» имеет обобщающее комплексное содержание, характеризующее особенности и условия жизни людей определенной социально-профессиональной группы. Индивидуальный и коллективный образы жизни зависят от системы производственных отношений и, прежде всего, отношений собственности, духовных устоев, культурных пристрастий, нравственных норм, демографических и национальных традиций. Специфику образа жизни сельского населения определяет трудовая деятельность в окружении природы и животного мира и особая бытовая сфера, общение на уровне соседства и родства. Принцип сельской общинности, имея многовековые корни в аграрных расселениях, и в наше время исполняет существенную роль по консолидации сельчан.

Литература:

1. Пациорковский, В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. / В.В.Пациорковский. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 368 с.
2. Резник, А. Социальное поведение / А.Резник // Социология: теория, методы, маркетинг / Ин-т социологии Украины. – 2011. - № 2. – С. 180-198.

Титова Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев

*РОЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И СЕЛЬСКИХ
ТРУЖЕНИКОВ В ОПТИМИЗАЦИИ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
К ИЗМЕНЕНИЯМ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ*

Важную роль в процессе социальной адаптации сельских тружеников к социально-экономическим преобразованиям в аграрной сфере играют местные органы власти и, в частности, результативность их взаимодействия с сельчанами. Они призваны стать эффективным механизмом реализации государственной политики на местах, поскольку максимально приближены к простому человеку, его нуждам и, следовательно, способны оперативно решать «житейские» проблемы сельчан. Многие потребности жители села могут удовлетворить исключительно сотрудничая с местной властью.

Пристальное внимание непосредственно социальному взаимодействию уделил русско-американский социолог П.А. Сорокин. Детально рассматривая данную проблему, он указывал, что социальное взаимодействие возможно только при наличии нескольких компонентов: 1) наличия двух или большего числа индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга; 2) совершения ими действий, влияющих на взаимные переживания и поступки; 3) наличия проводников, передающих действие от одного индивида к другому [1, с. 17]. Основной единицей социального взаимодействия является социальное действие, которое при наличии как минимум двух акторов способных и желающих воздействовать друг на друга становится взаимным.

В контексте идей П. Сорокина, во-первых, в сельском социуме мы наблюдаем две социальные общности, обуславливающие поведение друг друга – сельские труженики и местные органы власти. Последние играют активную, ведущую роль во взаимодействии.

Во-вторых, действия должностных лиц, обусловленные их функциональными обязанностями и очерченные законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

В-третьих, основным проводником действий между сельчанами и местными органами власти является коммуникация, осуществляющаяся при помощи языка, как средства взаимного понимания (Ю. Хабермас).

Существуют достаточно разнообразные коммуникативные формы взаимодействия власти и сельчан: сельские сходы, ежемесячные единые дни информирования населения, дни депутата и т.д. Мы сделаем акцент на двух, с нашей точки зрения основных, коммуникационных каналах взаимодействия жителей села и органов управления: обращения граждан и печатные средства массовой информации.

Институт обращений граждан с одной стороны, используется властью для получения информации о проблемах граждан. С другой стороны, обращения могут быть средством коммуникации между сельчанами и должностными лицами, служить своего рода «каналом воздействия с помощью которого население получает возможность так или иначе влиять на властные решения, участвовать в процессе их принятия» [2, с. 138]. К сожалению, нам недоступна полноценная статистическая информация, отражающая результаты работы должностных лиц с обращениями граждан в сельских исполнительных комитетах. Она носит фрагментарный, зачастую противоречивый характер и не позволяет на должном уровне проанализировать уровень и эффективность взаимодействия власти с сельчанами.

Согласно данным Могилевского областного исполнительного комитета с 2005 по 2011 гг. количество обращений граждан в сельские исполкомы уменьшилось более чем в семь раз (табл.).

Таблица. Сведения об обращениях граждан (устных и письменных), поступивших в сельские и поселковые исполнительные комитеты

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Количество обращений граждан, поступивших в сельские исполкомы	28372	21010	13239	7624	6046	4949	3885
Данные о записях, внесенных в книги замечаний и предложений	22	16	22	11	21	11	26
Данные о привлечении к ответственности должностных лиц за нарушения Закона «Об обращениях граждан	14	10	20	36	24	25	17

Если в 2005 году обращался со своими проблемами к местной власти каждый 10-й житель села, то в 2011 – каждый 63-й. С одной стороны, косвенно, это может свидетельствовать об активном взаимодействии власти с сельчанами в ходе реализации Программы возрождения и развития села, оказании реальной помощи и поддержки труженикам АПК, следствием чего и является уменьшение количества проблем у граждан и, соответственно, обращений в управленческие структуры. Данный тезис подтверждает и практическое отсутствие нареканий, внесенных в книги замечаний и предложений в адрес деятельности органов власти.

Однако, с другой стороны, сокращение количества обращений может быть вызвано недостаточным вниманием должностных лиц к проблемам сельчан, вследствие чего обращение к органам власти может не рассматриваться населением в качестве эффективного способа преодоления возникающих трудностей. Так, результаты социологического исследования, проведенного Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) в 2011 году свидетельствуют, что большинство сельских жителей (67,6 %) от местных властей не получает никакой помощи. При этом только 1,7 % респондентов отметили, что не обращались к ним.

Важным коммуникационным каналом, посредником между местной властью и сельчанами являются средства массовой информации. Свободный доступ к имеющей общественное значение информации, информационная открытость органов власти в ходе преобразования аграрного сектора являются важнейшими условиями успешной адаптации сельчан к происходящим изменениям. Пословица «осведомлен – значит вооружен» приобретает актуальное звучание, поскольку информированность позволяет сельчанам находить приемлемые способы приспособления к изменениям в аграрной сфере.

По оценкам специалистов [3; 4] качество работы местной власти в значительной степени определяется составом, объемом и достоверностью той информации, которая используется ими в работе и генерируется как результат их деятельности. Во многом от того, как и какую информацию получает население, зависит оценка ими работы органов местного управления и самоуправления в целом.

Органы власти, ориентированные на работу с населением, должны осуществлять оповещение граждан о деятельности местных органов власти, результатах и проблемах реализации программы развития села, о предоставляемых услугах, сообщать наиболее полную информацию, связанную с их получением и т.д. Могилевская область обладает такими возможностями. Каждый ее район имеет печатный вариант СМИ, в котором необходимая сельчанам информация должна быть отражена. По данным МИРСПИ, только чуть более трети (37,3 %) респондентов узнают о ходе аграрных преобразований непосредственно из районных газет.

Таким образом, социальная адаптация сельчан протекает в рамках их тесного взаимодействия с местными органами власти. Проблемная ситуация заключается в том, что с одной стороны государством законодательно созданы условия для продуктивного сотрудничества субъектов взаимодействия. С другой стороны, труженики села и, в

особенности, местная власть используют имеющийся потенциал недостаточно эффективно.

Литература:

1. Сорокин, П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
2. Подъячев, К.В. Обращение граждан во власть: функциональные особенности / К.В. Подъячев // Социологические исследования. – 2007. – № 5 – С. 137–139.
3. Клинова, Е.В. Статус и динамика органов местного самоуправления в переходных обществах: мониторинг общественного мнения / Е.В. Клинова // Проблемы управления. – 2010. – № 2. – С. 208–214.
4. Лысенко, Г.В. Взаимодействие власти и СМИ: стратегия и технологии ее реализации (региональный аспект) / Г.В. Лысенко // Социологические исследования. – 2008. – № 4 – С. 73–77.

Кузьменко Татьяна Викторовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии села, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОДВОРЬЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Политические, экономические, социальные процессы в обществе обуславливают необходимость анализа вопросов, связанных с развитием и становлением новых форм социальной, экономической, профессиональной дифференциации. Возникают новые общности людей, формируется их иерархия, нетрадиционные способы жизнеустройства. Подвижка целых социальных пластов, изменения в профессионально-квалификационных, региональных, территориально-поселенческих, экономико-отраслевых разрезах привели к «провисанию» прежних критериев самоидентификации и отнесения себя к тому или иному социальному слою. Явление статусной рассогласованности общества приводит к тому, что люди затрудняются найти свое место в социальной иерархии, не зная, какую стратификационную ось принять за основу.

В этом плане одной из важнейших задач является обращение к жизненной основе нашего общества – крестьянству. Природно-географические, культурно-исторические и социально-экономические факторы обусловили тот факт, что Беларусь веками оставалась аграрной страной. Крестьянство – это основа нации, базовый слой белорусского общества, исполняющий роль «кормильца», ресурсного донора и поставщика трудовых ресурсов для города, являющийся гарантом продовольственной безопасности страны, определяющий и сохраняющий национальную культуру. Специфика образа жизни крестьян обусловлена такими взаимосвязанными факторами как семейное хозяйство, природообусловленность труда, хозяйствование на земле, деревенская культура, общинные социальные сети.

В ходе рыночных преобразований, технического вооружения, растущей урбанизации, влияния средств массовой информации и западных стандартов поведения современное крестьянство претерпело значительные изменения, и рассмотренные особенности представляют собой в некоторой степени лишь «идеальные типы». Кроме того, в результате процессов экономической и социальной дифференциации населения, затронувших современное село, сельские труженики уже не представляют некоего однородного, монолитного слоя. Развитие рыночных отношений, появление новых форм собственности обусловили переход от унификации к разнообразию сельской жизни.

Актуальность проблемы самоидентификации крестьянства как особого слоя обусловлена еще и тем, что, несмотря на существенные позитивные сдвиги в жизни сельчан, развитие производств, строительство агрогородков и складывающийся на их основе образ жизни, наблюдается существенный дисбаланс в социально-структурных процессах в обществе (профессионально-квалификационных, региональных, территориально-поселенческих, экономико-отраслевых и др.). Это приводит к

нерегулируемым миграционным потокам из села в город, к нехватке квалифицированных кадров и излишку работников низкой квалификации, к ориентации городской молодежи на непроемительные профессии, а сельской – на рабочие городские и сферу услуг, к несоответствию подготовки кадров потребностям экономики.

Утрата крестьянством качеств социального престижа и значимости социального статуса ведет к отчуждению, отстранению сельских жителей от традиционного крестьянского труда в пользу психологии наемного работника современных сельхозпредприятий, к изменению экономического поведения людей и миграционных намерений молодежи, ее ориентации на городской образ жизни. Направленность исключительно на индустриализацию труда в сельхозпроизводстве приводит к социальному перекоосу, несвойственному традиционному крестьянскому образу жизни: работая в сельскохозяйственных организациях, они превращаются в наемных фабричных рабочих, теряя связь с личным подсобным хозяйством, традиционным крестьянским укладом жизни. Именно это и является отчуждением от крестьянского образа жизни и труда. К другим факторам, существенно ослабляющим человеческий потенциал крестьянства как социального слоя, можно отнести алкоголизацию сельского населения и низкий уровень образования молодежи.

Постепенное свертывание личных подсобных хозяйств несет грозу сельскому образу жизни. За последнее десятилетие удельный вес хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции значительно сократился: если в 2005 г. доля продукции личных подсобных хозяйств в общем объеме сельхозпродукции составляла 38% (по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь), то в 2012 г. этот показатель составил уже 24,1%, причем уменьшение производства наблюдалось практически по всем видам сельхозпродукции. Личные подсобные хозяйства носят все менее товарный характер. Как свидетельствуют данные проведенных социологических исследований, работающие жители села не видят острой необходимости в расширении подсобных хозяйств и их переходе к мелкотоварному производству. Основным источником дохода для сельчан остается работа в общественном производстве, а домашняя экономика ориентирована в основном на компенсацию недостающих благ, получаемых от сельхозпредприятия, и направлена в большей степени на потребление в семье, чем на продажу.

В то же время, задача превращения личных подсобных хозяйств населения в товарное производство является одной из приоритетных задач, поставленных правительством перед аграрным ведомством страны. Создание условий для развития производства, улучшения качества и повышения товарности сельскохозяйственной продукции, производимой населением, входит в цели Программы развития и поддержки личных подсобных хозяйств граждан в 2011–2015 годах.

Стремление сохранить личные подсобные хозяйства, сделать их продукцию товарной входит в противоречие с индустриализацией деятельности сельхозрабочих на крупных автоматизированных предприятиях. Социологические опросы показывают, что бывшие крестьяне окончательно превратились в рабочих «фабрик мяса и зерна» и серьезно производить на своем подворье товарную продукцию не могут и не хотят, поскольку это требует значительных расходов (материальных, финансовых, временных). Высокая трудоемкость и физическая тяжесть труда, необходимость значительных временных затрат, недостаток у сельчан материально-технических ресурсов для расширения ЛПХ, низкие закупочные цены на продукцию в совокупности с исторически сложившимися особенностями крестьянского менталитета формируют отношение к личному подсобному хозяйству как к дополнительному ресурсу в преодолении материальных затруднений.

В этой связи стимулирование владельцев подсобных хозяйств требует дифференцированного подхода. Если речь идет о производстве в личных подсобных хозяйствах работников сельскохозяйственных организаций продукции для собственного

потребления – им необходимы «бонусы» от предприятия, поддержка в виде предоставления техники для обработки земли, кормов, удобрений по более низким ценам и т.п. В отношении же тех мелкотоварных сельхозпроизводителей, которые готовы производить товарную продукцию самостоятельно, без помощи предприятия, и получать доход только со своего подворья (т.е. крестьянских хозяйств), необходима другая социальная политика, разработка специальных мер по стимулированию крестьянских хозяйств, наряду с фермерскими хозяйствами и сельхозпредприятиями.

Кроме того, при формировании системы поддержки сельскохозяйственных производителей разных типов необходимо учитывать региональную специфику: где-то эффективнее создавать агрохолдинги, а где-то – ориентировать население на развитие частных хозяйств (например, семейные хозяйства по выращиванию ягод, овощей в Пинске и т.п.). Речь идет как о различиях в уровне социально-экономического, культурного и экологического состояния и развития регионов, так и о социально-пространственных характеристиках (степень удаленности сельских поселений от больших городов, включая транспортную доступность и урбанизированность территории в целом), которые являются системообразующими и критериальными для регионализации сельских территорий.

Таким образом, личное подворье для крестьянства – это не просто отрасль неформальной экономики, а образ жизни, сфера труда и общения, культурных трансляций, социализации и трудового воспитания молодежи. Это среда, отвечающая за выполнение таких социально значимых функций как воспитание у сельчан хозяйского и бережного отношения к земле и природе, любви к сельскохозяйственному труду, возможность проявления творческих, деловых и хозяйственных способностей крестьян, формирование социальных качеств сельского населения.

Балакирева Татьяна Семеновна, младший научный сотрудник сектора социологии села, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВОЗМОЖНОСТИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СЕЛЬСКО МОЛОДЕЖИ

Развитие любого общества всегда было связано с социальной мобильностью населения. Социальная мобильность – это изменение индивидом или группой их позиции в системе социальной стратификации. Социологический анализ социальной мобильности предполагает различение двух основных ее видов – горизонтальной и вертикальной. Если под горизонтальной мобильностью (социальным перемещением) подразумевается переход человека из одной группы в другую, расположенную примерно на одном и том же социальном уровне, то вертикальная мобильность характеризуется изменением статуса, переходом на другой стратификационный уровень. О восходящей вертикальной мобильности (социальный подъем) говорит высокий общественный статус. Даже переход сельского жителя из сферы аграрного производства на промышленное предприятие в качестве простого рабочего рассматривается им как повышение социального статуса. То же в отношении служебного повышения (профессиональная вертикальная мобильность), существенного улучшения благосостояния (экономическая вертикальная мобильность), или перехода в более высокий социальный слой на другой уровень власти (политическая вертикальная мобильность). Если же человек переходит на менее престижную работу, теряет работу или же часть своих доходов – это нисходящая вертикальная мобильность (социальное падение). Нисходящая мобильность существует как в форме выталкивания отдельных индивидов с высоких социальных статусов на более низкие, так и в форме понижения социальных статусов целой группы [1, с. 376]. Примером второй формы нисходящей мобильности может служить падение в современном белорусском обществе социального статуса рабочих и крестьян, а также других профессиональных групп.

Стремление переместиться из «своей» социальной группы в более высокую и престижную существовала у людей всегда. Наиболее выражено это стремление у современной сельской молодежи, для которой основным механизмом повышения социального статуса сегодня стал институт образования. Совершенно очевидно, что многие социальные сферы и профессии практически закрыты для человека без соответствующего диплома. То, что отношение к образованию как каналу движения вверх по социальной лестнице в современных условиях возрастает, показывают опросы населения и учащихся средних специальных и высших учебных заведений. Опрос выпускников аграрных учебных заведений страны был проведен отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси в январе – марте 2013 года. Всего было опрошено 465 выпускников аграрных вузов и колледжей. Кроме того опрошено 130 молодых специалистов и руководителей, работающих в агросфере. При обобщении полученных данных использовались также результаты опроса сельского населения 2011 года.

Определение уровня устойчивости установки на вертикальную мобильность у молодых специалистов показало, что 21,5% из них, работая на сельхозпредприятии, хотели бы сменить профессию. Причем, в основном, на не имеющие никакого отношения к агросфере: творческие, военные, психолого-педагогические, финансовые и др., ориентируясь для этого на переезд в города. Из них треть объясняет свое желание потребностью в самореализации, еще треть – низкой заработной платой, 40% респондентов просто не нравится их нынешняя работа и условия труда. Проецируя свое социальное самочувствие на объяснение причин нежелания молодежи жить и работать в селе, молодые специалисты в качестве основных отмечают наличие в городе больших возможностей для работы, отдыха и общения (77,7%), престижность городских профессий, особенно требующих высшего образования (42,3%), возможность в городе с меньшими усилиями больше зарабатывать (33,8%). По существу ими высказаны главные причины социальной мобильности для повышения своего социального статуса. Видимо поэтому 70% опрошенных специалистов хотят, чтобы дети не совершали их ошибку и при поступлении в вуз или колледж сразу приобретали городскую профессию.

Важно отметить, что не только специалисты, но и остальные сельские жители ориентируют своих детей на дальнейшую учебу в средних специальных и высших учебных заведениях с переменой места жительства, рассматривая эти два условия как возможность сменить статус «колхозника» и достичь жизненного успеха. Так, на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети после окончания школы получили высшее образование?» – положительно ответили 73,7% опрошенных сельских жителей. И, конечно, по мнению селян, самым эффективным способом для успешной карьеры детей является переезд в город. Так, 67,5% респондентов не хотят, чтобы дети жили и работали в селе. Этот показатель по сравнению с 2007 годом возрос на 24,3%.

В результате, с каждым годом все меньше сельских жителей ориентируют своих детей на жизнь и работу в сфере сельского хозяйства (только 5%), снизилось и число абитуриентов, поступающих в аграрные вузы. Важно отметить, что поступающих в них по внутреннему побуждению и преданности профессии только 15%, увеличилось число выпускников вузов, не связывающих свою дальнейшую жизнь с приобретенной профессией и сельской жизнью в целом (42%), усилилась текучесть молодых специалистов и квалифицированных рабочих.

На основе данных социологического опроса было выявлено, что важную роль в этом процессе сыграли такие факторы, как низкий статус сельской профессии в общественном мнении, низкие зарплаты, отсутствие разнообразия рабочих мест, худшие условия труда, нежели в городе, а также влияние родительского мнения и факторы, обусловленные желанием приобрести социальный капитал с помощью диплома о высшем образовании. Для того, чтобы выяснить мотивацию социальной мобильности молодежи среди респондентов – выпускников аграрных вузов Беларуси были выделены две группы,

тех, кто хочет сделать карьеру на поприще сельского хозяйства, и тех, кто ради повышения своего статуса хочет сменить профессию. Те, кто связывает свое будущее с сельским хозяйством, объясняют свой выбор следующим образом: по советам родителей выбрали аграрный вуз 24,5% респондентов, по призванию – 40,2% и 31,4% поступили в вуз, потому что некуда было больше поступить или в него было проще поступить, чем в любой другой. А вот выпускники, которые не хотят связывать свою судьбу с сельским хозяйством, руководствовались при выборе профессии совсем другими приоритетами: 45% признались, что поступили в аграрный вуз, потому что легче было поступить, 16,4% – некуда было больше поступить и 24,1% – по совету родителей.

Парадокс заключается в том, что даже из тех, кто связывает свою судьбу с сельским хозяйством и им нравится их будущая специальность (их 85,3%), планируют работать по ней в ближайшие 10 лет уже только 60,8% респондентов. В качестве причин нежелания работать по специальности респонденты указали «низкие заработки при высокой ответственности» (22,5%), «нежелание» (5%), отсутствие в сельской местности условий, подобных городским (3%), отсутствие перспектив карьерного роста (7%), непрестижность труда в сельском хозяйстве (1%). Последняя из перечисленных причин составила 7,3%, и оказалась не такой безобидной, как кажется. В общественном сознании населения Беларуси, по мнению Р.А. Смирновой, «все агрессивнее набирает силу установка, связанная с разделением общества на большие группы людей, можно сказать, на классы, различающиеся не социально-профессиональными признаками, не степенью обладания собственностью, не образованием, а отношением и местом в системе разделения труда, связанным с трудом творческим и рутинным, свободным и несвободным, куда постепенно стали относить любой производительный труд, будь то в промышленности или в сельском хозяйстве. Сегодня быть востребованным инженером с хорошей зарплатой и перспективой карьерного роста на заводе стало менее престижно, чем рядовым менеджером или бизнесменом – держателем торговых точек» [2, с. 124].

Тем не менее, из тех респондентов, которые собираются в ближайшие годы работать по специальности, 36,3% мотивированы возможностью реализовать себя в качестве руководителя, 29,4% – перспективами карьерного роста, 26,5% – возможностью получить благоустроенное жилье, 18,6% – иметь интересную работу, 24,5% – жить ближе к природе. Однако и в этом случае для них важен материальный фактор, связанный с необходимостью повышения зарплаты и жизненного уровня работников аграрной сферы. По мнению большинства (70,8%), зарплата должна быть не единственным источником дохода и мотивом к работе; необходимы также такие мотивации, как обладание акциями и участие в прибылях предприятия. По мнению респондентов, это может стать одной из мер для сохранения молодых специалистов и квалифицированных рабочих в сельском хозяйстве.

Сейчас село предоставляет широкие возможности для этого: можно заняться фермерством, крестьянским хозяйством, организовать кооператив, агроусадьбу, перерабатывающее предприятие, а можно делать карьеру в сельскохозяйственном предприятии. И выпускники аграрных учебных заведений готовы к этому: 15,7% респондентов хотели бы заняться предпринимательской деятельностью, связанной с сельским хозяйством, 17,4% – агротуризмом, 7,7% – фермерством, 25,8% – работать в сельхозпредприятии в качестве руководителя или специалиста. Однако больше всего респондентов (42,6%) – желают заняться предпринимательской деятельностью, не связанной с сельским хозяйством.

Таким образом, для тех, кто планирует работать по специальности, приобретенной в сельскохозяйственном вузе, вероятность продвижения вверх значительна выше, чем у тех, кто не планирует. В основном последние будут заниматься работой, не требующей специализированного высшего образования, и полученная ими профессиональная подготовка не понадобится. Однако у них открываются новые возможности начать

профессиональную жизнь сначала, и куда она поведет: вверх или вниз, – зависит только от них.

Литература:

1. Питирим Сорокин / Социальная мобильность: [перевод с английского] / Питирим Сорокин. - Москва : Academia, 2005. – XX, 588 с.
2. Смирнова, Р.А. Проблема воспроизводства кадров средней и высшей квалификации в агросфере: социологический анализ / Р.А. Смирнова // Социология – 2013. – №3. – С.117-125.

Смирнов Виктор Эдуардович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

О КРИТЕРИЯХ НАПРАВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Социологи, анализируя процессы социальных изменений, как правило, обращают внимание на экономические, политические, идеологические и организационно-управленческие факторы. Однако сам по себе анализ этих факторов, и даже их совокупности, не позволяет раскрыть, каким образом эти факторы включаются в социальный процесс, каков механизм реализации социальных изменений. Не вдаваясь в подробный анализ понятия «социальный механизм» и беря за основу краткое, но исчерпывающее определение Р.Будона: «Объяснение социального явления означает выделение более или менее сложного набора каузальных положений, ответственных за это явление» [1, с. 256], остановлюсь лишь на одном элементе социального механизма, а именно, на тех социальных силах, которые приводят в действие все остальные факторы, способствующие социальным изменениям.

Под социальными силами я имею в виду социальные общности, которые имеют свои специфические социальные интересы и в состоянии активно или пассивно отстаивать их. Нужно заметить, что понятие социальных сил в различных дискурсах имеет особые смыслы. В частности, когда говорят о модернизации и социальной базе модернизации, теория модернизации достаточно строго определяет рамки всего модернизационного дискурса, в том числе и понятия социальных сил. Так в классической трактовке модернизации речь идет о социальных группах, присущих традиционному обществу, которые в процессе своего «освобождения», стремления к повышению статусного положения в обществе осуществляют модернизацию, являются социальной силой модернизации, ее выгодополучателем и главной социальной базой нового модернизированного общества. Кроме того модернизация есть движение в сторону некой внешней по отношению к модернизируемому обществу «современности». Однако если анализировать конкретное общество, например, Беларусь, то говорить о традиционном обществе в отношении нее нелепо, ибо Беларусь есть современная, индустриально, научно и технически развитая страна. Кроме того, мировым кризисом в экономической, культурной и социальной сфере сегодня поставлен под вопрос сам факт наличия внешней по отношению к нашему обществу современности, без которой разговор о модернизации теряет всякую внятность.

Поэтому, на мой взгляд, некорректно говорить о таких обществах, как Беларусь, или Россия в понятиях модернизационного дискурса, так как благодаря ему эти понятия несут за собой неоднозначный шлейф смыслов и значений. Имеет смысл говорить о социальных изменениях в общем, и о развитии в частности, а, следовательно, о социальной базе социальных изменений и развития.

Какие же социальные силы становятся социальной базой общественных изменений? Сами по себе социальные изменения есть изменения в структуре общества. В процессе таких изменений одни группы улучшают свое положение, повышают свой статус, а другие наоборот, ухудшают, что становится следствием изменения

институциональной системы общества, которое заключается в изменении конфигурации системы социальных институтов и появлении новых. В рамках новых или существенно изменивших свой относительный «вес» социальных институтов складываются новые социальные группы. Те группы, статус, престиж и вознаграждение которых со стороны общества идет вниз, начинают размываться, а некоторые (наиболее активные или слабо социализированные) представители этих групп отправляются в достаточно рискованное «свободное плавание», чтобы примкнуть к возвышающимся группам, получить позицию в рамках новых институтов. Как правило, в новые группы и институты, которые по своей новизне еще не выработали строгих корпоративных «барьеров» для неофитов.

Естественно, люди, возвысившие свой индивидуальный статус таким образом, делаются защитниками и опорой нового социального порядка, причем достаточно мощной опорой, ибо на риски «свободного плавания» в социальном море идут люди активные и энергичные. Наоборот, социальные генерации, «идущие ко дну» и вступающие в оппозицию к изменениям, теряют свои силы за счет того, что лишаются активных и энергичных представителей. В результате, после начального периода реформ, когда необходимо преодолеть инерцию социального порядка, реформы идут по нарастающей за счет бурного расширения социальной базы реформ, превращающейся в общественное большинство.

К сожалению нельзя поставить знак равенства между социальными изменениями и развитием общества. Хотя, конечно, развитие - основное направление социальных изменений, история тем не менее демонстрирует немало примеров деградации и разрушения как форм социальных изменений. Например, история поздней античности демонстрирует нам процессы социальных изменений в поздней римской империи. В городах стало бурно расти сословие городской «черни», т.е. не занятых в общественном производстве граждан, живущих за счет хлебных раздач, и влияющих на политику, закрепляющих такое положение с помощью бунтов и волнений. Одновременно в сельской местности, где фискальная нагрузка усиливалась, появляются новые, протофеодальные социальные слои. Роль протофеодалов начинают играть влиятельные крупные землевладельцы, которые благодаря своей социальной значимости и весу в состоянии защитить свою собственность и зависимых людей от чрезмерной фискальной нагрузки, а то и вовсе получить иммунитет от налогов. Соответственно, в зависимость к таким протофеодам все более массово уходят крестьяне, ослабляя фискальную базу империи. И протофеоды, и зависимые от них крестьяне, конечно, улучшили свое положение (одни социальное, другие только экономическое), а соответственно, были заинтересованы в институциональном закреплении происходящих изменений, но, в конечном счете, такая социальная эволюция сыграла существенную роль в гибели римской империи.

Еще более показательным примером стали рыночные реформы в России, где были сформированы новые классы и социальные группы, решительно улучшившие свое социальное-групповое положение за счет общей деградации и разрушения хозяйства и ухудшения положения большинства. Правда встает вопрос, можно ли как-то определить, деградация перед нами, или развитие, идущее таким сложным путем? Существуют ли какие-то объективные критерии, или это не более чем вопрос идеологических предпочтений?

Я считаю, что такие критерии существуют. Если общество развивается, т.е. растет его совокупное богатство, растут возможности у все большего числа людей, тогда выигравших от социальных изменений становится куда больше, чем проигравших. Следствием этого становится социальная стабилизация, укрепление социального порядка, ибо силы, поддерживающие изменения, укрепляются не только за счет рекрутинга наиболее активных и энергичных представителей других классов и социальных групп, но и просто за счет преобладающей (и постоянно растущей) численности выигравших от социальных изменений. В результате, после начального периода реформ, зачастую связанного с социальным насилием, когда необходимо преодолеть инерцию социального

порядка, реформы идут по нарастающей за счет бурного расширения социальной базы реформ.

Иная ситуация, когда изменения вредны обществу и ведут к деградации. Показателем такого направления изменений становится то, что улучшает свое положение меньшинство, а большинство ухудшает. В процессе деградации общества социальные возможности для представителей масс становятся все более ограниченными.

Впрочем, при таком направлении изменений включается социальный предохранитель. Дело в том, что в этом случае социальная база «нового порядка» остается невелика, и уже поэтому - относительно слаба. В то же время оппозиция изменениям, даже если она остается исключительно пассивной, просто численно сравнительно сильна – это основная масса населения, пострадавшего в результате реформ. Вследствие этого новый социальный порядок остается неустойчивым, социальное напряжение остается высоким и даже растет, если деградации продолжается. Соппротивление реформам не ослабевает, а социальная база реформ так и остается меньшинством, пускай и привилегированным. Такие тенденции мы можем наблюдать в большинстве постсоветских стран.

Беларуси во многом удалось избежать подобных сценариев, у нас не случилось тех реформ, которые повышает статус меньшинства за счет большинства. Но этого мало. В существующем положении можно обнаружить элементы социального застоя, обусловленного ограниченностью социальных возможностей и их несоответствием социальным ожиданиям. Необходимо развитие общества, движение в сторону роста социальных возможностей для всё большей части населения страны. Иначе может создаться ситуация, подобная эпохе застоя в СССР, когда, несмотря на высокий уровень потребления, устойчивый социальный порядок, внешнеполитическое могущество, в советском обществе усиливались диспропорции и напряжения, вызванные именно социальным застоем. То есть любой проект преобразований должен четко отвечать на вопрос, выиграет ли от таких реформ большая часть населения страны или нет. Кроме того, сам выигрыш должен рассматриваться не с точки зрения частных полезностей, ибо такие отдельные полезности могут быть обнаружены практически в любом проекте реформ, но с точки зрения такого интегрального показателя, как рост возможностей к социальному росту. Именно в таком контексте необходимо рассматривать любые проекты, предусматривающие социальные изменения.

Литература:

1. Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Наука, 2005. – 423 с.

Баханов Андрей Геннадьевич, магистр социологии, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕСТИЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

В современном обществе престижное потребление оказывает влияние на большинство аспектов жизнедеятельности индивидов. Потребление товаров «класса люкс», воспринимается различными слоями населения, через знаково-символическую систему, которая репрезентируется в соответствии с потребительскими предпочтениями.

Символические блага – это совокупность предметов и услуг, ценность которых заключается в знаково-символической форме. В свою очередь символ – это определённая знаковая единица, которая служит различием для восприятия. Ценностные установки, связанные в первую очередь с символическими благами, оказывают негативное влияние на бедные слои населения. Потребляя символические блага, индивид становится частью определённой группы (класса, общины, общности), которые имеют «навыки» для

различия символов, представляющих ценностное «качество». Символическое потребление престижных товаров и услуг, представляет собой феномен, характерный для индивидов занимающих определённые социальные позиции. Между членами определённой группы возникают социально-экономические взаимоотношения. В данном случае символическое потребление является одним из источников социальных прерогатив. Ж. Бодрийяр пишет: «Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс. Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [1, с. 213].

Символический аспект потребления уже обнаруживается в архаическом обществе. В данном случае предметами взаимообмена выступали различные межплеменные «подарки», которые являлись «данью» уважения к другим общинам. Такой обмен являлся не столько экономически оправданным, сколько символическим в той мере, в которой данный обряд был определён индивидами. Стоит отметить, что чрезмерное потребление главным образом направлено на символический обмен. Выдающийся французский социолог и антрополог М. Мосс отмечал: «...Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств – лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора» [2, с. 89].

В обществе постмодерна, престижное потребление диверсифицировалось в латентность социальных признаков. Представители «молодой элиты», скрывают свои предпочтения, а в некоторых случаях и скромность по отношению к окружающим, тем самым не демонстрируя свою состоятельность. Данная тенденция связана с культурным многообразием и развитием современных технологий. Достижение лишь финансового состояния, не является показателем элитарности. Доступ к предметом роскоши, не воспринимается элитой как «важный» атрибут высшего слоя общества. Принадлежность к элите, обязывает быть сдержанным и не демонстрировать свою состоятельность. Социальное происхождение, выступает одним из важнейших критериев высшего класса в обществе. Современные каналы связи посредством сети Интернет и иных источников информации, искажают «естественную» картину реальности, «подменяя» социальные факты действительности.

Информация, которая репрезентируется индивидами в обществе, о финансовой состоятельности высшего класса, является зачастую искажённой и формирует в массовом сознании стереотипные формы восприятия представителей элиты. Индивид, желая приобрести те или иные вещи или услуги, прибегает к поиску различных вариантов и альтернатив, которые характеризуют его потребительское поведение. Подражание и современная мода, «заставляют» следовать большинству индивидов по «заданному» пути. В данном случае может возникать неприязнь со стороны окружающих, вызываемая несоответствием социальных норм и индивидуальных практик.

Например, по данным социологического исследования, которое было проведено Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 году¹, на вопрос о качестве приобретаемого товара, с позиции эксклюзивности товара: «Очень важно» ответили – 10,0%, «Скорее важно» – 17,7%, «Совершенно не важно» – 28,7 респондентов. В том же вопросе о цене товара, услуги (пусть даже в ущерб качеству) были получены следующие

¹Социологическое исследование было проведено Институтом социологии НАН Беларуси в марте – мае 2013 года. Выборочная совокупность составила 1594 респондентов. Предельная ошибка выборки оказалось равной $\pm 2.5 \%$.

данные: «Очень важно» ответили – 39,2 %, «Скорее важно» – 39,5%, «Совершенно не важно» – 4,9 %. Данные ответы на вопрос, свидетельствуют о том, что информация презентируемая посредством СМИ, «навешивает» ярлык высшему классу, и создаёт социальное различие, которое воспринимается индивидами посредством «высокой» цены или институциональных различий. На вопрос о престижности обладания товаром, услугой «Очень важно» ответили – 8,6 %, «Скорее важно» – 16,9%, «Совершенно не важно» – 31,9%. Данные ответы респондентов, свидетельствуют не только о качестве воспринимаемой, но и социальной позиции по отношению к товарам высшей ценовой категории.

Если рассматривать престижное потребление как символический обмен, то в данном случае мы можем обнаружить возникновение определённых типов взаимоотношений который можно определять как реципрокность. Термин реципрокность был предложен К. Поланьи. Реципрокность (эквивалентность), (взаимность) – взаимный обмен дарами, вытекающий из обязательств, существующих между родственниками и друзьями.

К. Поланьи выделил следующие виды взаимообмена: реципрокность (reciprocity); перераспределение (redistribution); обмен (exchange). К. Поланьи отмечает: «На эмпирическом уровне основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен. Реципрокность (reciprocity) обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах. Перераспределение (redistribution) представляет акты стягивания товаров центром с их последующим перемещением из центра. Под обменом (exchange) подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы» [3, с. 56].

Таким образом, информация, порождаемая в СМИ «образа» богатого класса, воспринимается базовым слоем зачастую негативно, в силу существующих социальных практик. Часто для поддержания социальной дистанции богатый слой потребляет предметы роскоши, изготовленные из очень дорогих материалов. Статус и образ жизни должны быть различны, хотя и в небольшой степени. В этом и есть доля «рационального» с точки зрения богатых слоёв населения. Тем не менее, в современном обществе траты, связанные с накоплением вещей, становятся всё более важными, чем рациональное и экономически-целесообразное потребление.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Жан Бодрийяр; [Пер. с фр. и сопровод. ст. С.Зенкина]. – М. : Рудомино, 2001. – 218, [4] с.
2. Общества. Обмен. Личность : Тр. по социал. антропологии / [Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б.Гофмана; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая]. – М. : Изд. фирма Вост. лит., 1996. – 360 с.
3. Поланьи, К. Избранные работы : [перевод] / К. Поланьи; [вступительная статья Н. Розинской, с. 7–21]. – Москва: Территория будущего, 2010. – 198 с.

Ображей Олеся Николаевна, научный сотрудник, аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

Несмотря на то, что в последние годы на уровне государства принимаются меры, направленные на поддержку материнства и детства, и удалось достичь существенных положительных результатов в данной области, ряд проблем детского здоровья, особенно обусловленных социальными факторами, вызывает беспокойство специалистов.

Некоторые негативные тенденции в состоянии здоровья детей приобрели устойчивый характер. Сохраняется депопуляция, численность детского населения за

последние десять лет существенно уменьшилась. На фоне неуклонного уменьшения численности детей отмечаются неудовлетворительные показатели состояния их здоровья. Ухудшение состояния здоровья детского населения в условиях снижения его численности несет в себе угрозу для экономической, политической, национальной безопасности страны. Именно качественные характеристики детского населения определяют будущее благополучие, уровень экономического, духовного и культурного развития общества. И если не остановить процесс ухудшения здоровья детей, то он может оказаться необратимым.

На сегодняшний день социальная политика в интересах детей является приоритетной областью деятельности государства. «Забота о детстве – это не столько долг, нравственный императив, благотворительность и меценатство со стороны общества, а эффективная работа по инвестированию в самое что ни на есть настоящее государства, а не только в его прекрасное будущее» [1].

В Республике Беларусь создана и совершенствуется в соответствии с положениями Конвенции ООН о правах ребенка и другими международными договорами нормативно-правовая база, направленная на обеспечение условий для реализации права каждого ребенка на жизнь и воспитание в семье, всестороннее развитие, защиту от насилия, сохранение здоровья, получение образования и социальную защиту.

В настоящее время социальная политика государства включает в себя семнадцать основных направлений (отраслей), каждое из которых, так или иначе, влияет на сохранение здоровья населения. Одним из важнейших направлений социальной политики является развитие социальной инфраструктуры, ориентированной непосредственно на охрану здоровья детского населения.

Социальная инфраструктура представляет собой совокупность отраслей и предприятий, устойчивую совокупность вещественных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые создают условия для рациональной организации всех основных видов его деятельности - трудовой, общественно-политической, культурной и семейно-бытовой. Социальная детская инфраструктура призвана создать благоприятные условия для жизни детей, которые бы обеспечивали их полноценное физическое, умственное и духовное развитие; удовлетворение материальных и духовных потребностей.

К наиболее значимым функциям социальной инфраструктуры можно отнести: создание условий для формирования прогрессивных тенденций в демографических процессах; воспроизводство главной производительной силы общества – человека, его духовное и физическое развитие; создание оптимальных жилищно-коммунальных и бытовых условий жизни населения, отдельных социально-демографических групп; улучшение и сохранение физического здоровья населения; рациональное использование свободного времени людей.

Следует отметить, что в силу возрастных особенностей детство не обладает самостоятельным свойством самостабилизации и самоорганизации и не может без соответствующей коррекции и поддержки приспосабливаться и адаптироваться к изменяющимся условиям его внешнего окружения. Существование детства невозможно без семьи, ряда других социальных институтов, в том числе без социальной инфраструктуры.

Уровень развития социальной инфраструктуры является показателем качества жизни как населения в целом, так и отдельной социально-демографической группы, на реализацию потребностей которой она направлена.

Современная трансформация общества оказала влияние на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе на состояние и развитие социальной инфраструктуры. И возникает вопрос, насколько современное состояние социальной инфраструктуры отвечает потребностям детского населения. В 2013 году Институтом социологии НАН Беларуси было проведено социологическое исследование, в рамках

которого прошла апробацию авторская методика, направленная на изучение состояния социальной инфраструктуры¹. Методика состояла из двух блоков вопросов: первый блок содержал вопросы, направленные на изучение актуальных проблем, с которыми сталкиваются семьи, имеющие детей; второй блок вопросов был направлен на изучение доступности объектов социальной инфраструктуры по месту жительства опрошенных.

Анализ полученных данных показал, что одной из проблем современных семей, имеющих детей, является недоступность ряда объектов социальной инфраструктуры. Так, около половины респондентов, имеющих детей в возрасте 0-6 лет, 39,6% респондентов, имеющих детей в возрасте 6-12 лет, сталкиваются с проблемой удаленности от дома детских учреждений (детских садов, школ, поликлиник). Дефицит мест или наличие очереди в детских дошкольных учреждениях отмечают 53,4% респондентов, имеющих детей в возрасте 0-6 лет. Около 60% респондентов, имеющих детей в возрасте 0-18 лет, отметили отсутствие по месту жительства медицинских специалистов узкого профиля для детей. Около половины респондентов отмечают неудовлетворительные жилищные условия, плохое качество питьевой воды. Треть семей, имеющие детей, испытывают трудности в организации свободного времени ребенка во время каникул.

Наблюдается снижение рекреационных возможностей семей, имеющих детей, что проявляется в сужении спектра семейного досуга, преобладании пассивных, не требующих больших финансовых вложений форм проведения семейного отдыха. Наиболее распространенными формами проведения свободного от работы времени среди респондентов, имеющих детей, являются те, которые не требуют материальных затрат. К ним относятся: просмотр ТВ (53,6% опрошенных), работа по дому – 50%, времяпрепровождение с семьей – 49,7%. Только каждая пятая семья (20%), имеющая детей, провели последний свой отпуск на море, отдыхали в санатории – 4,2% опрошенных. Согласно данным, те респонденты, которые имеют детей, чаще других вынуждены в свободное от работы время, во время своего отпуска оставаться дома (28,8% опрошенных).

Одной из гипотез исследования, являлось предположение о том, что существующая социальная инфраструктура не в полной мере отвечает потребностям детского населения и не обеспечивает таких условий жизнедеятельности детей, которые способствовали бы всестороннему развитию, сохранению и укреплению их здоровья.

Анализ полученных данных подтвердил данную гипотезу. Так, при ответе на вопрос «Имеются ли по месту Вашего жительства благоустроенные детские дворовые игровые площадки, песочницы?» положительный ответ дали только 43,7% опрошенных. На наличие по месту жительства благоустроенных спортивных площадок, беговых дорожек, стадионов указало треть респондентов (34,3%). Следует отметить, что по сравнению с 2006 годом существенных положительных изменений в оценке респондентами доступности объектов социальной инфраструктуры не отмечается. Так, доля тех, кто в 2006 году дал утвердительный ответ на вопрос «Есть ли в Вашем дворе или недалеко от дома действующие игровые и спортивные площадки, беговые и велосипедные дорожки, теннисные столы?» составила 42,8% опрошенных.

Недостаточное внимание в населенных пунктах уделяется организации семейного досуга. Так, согласно ответам опрошенным, зоны для семейного отдыха (парки, скверы и т.д.) имеются далеко не во всех населенных пунктах, только 35,6% опрошенных указали на их наличие. Физкультурно-оздоровительные и спортивные учреждения (бассейны, тренажерные залы и т.п.) имеются в 32,4% населенных пунктах; специализированные

¹ Республиканский опрос «Инновационное развитие отраслей социальной сферы» населения Беларуси по репрезентативной выборке объемом 2100 человек, с контролем квот по полу, возрасту, образованию. Проведен в 2013 году Институтом социологии НАН Беларуси (науч. рук. - Шавель С.А.). Результаты получены на основе авторской методики Ображей О.Н.

спортивные секции для детей и подростков – в 26,2%; центры, кружки детского творчества и развития в 36% населенных пунктов.

Реже всего респонденты отмечали наличие по месту жительства специально оборудованных катков (12,9%), пунктов проката спортивного инвентаря (10,9%), велосипедных и роллерных дорожек (7,6%).

Выявлены существенные различия в оценке доступности объектов социальной инфраструктуры в зависимости от региона страны. Наличие благоустроенных спортивных площадок, беговых дорожек чаще всего отмечают жители Брестской (40,5%), Гомельской (41,7%) областей и г. Минска (40,4%); реже – жители Витебской области (23,4%). Доля, тех кто ответил, что по месту их жительства имеются велосипедные дорожки, роллерные дорожки, выше в г. Минске (16,8%).

Оборудованные катки, пункты проката спортивного инвентаря, зоны для семейного отдыха (парки, скверы и т.д.), физкультурно-оздоровительные, спортивные учреждения, специализированные спортивные секции для детей и подростков, центры, кружки детского творчества и развития чаще всего отмечали респонденты Гомельской области. Возможно, это связано с тем, что Гомельская область более всего пострадала от аварии на ЧАЭС и объем инвестиций в развитие социальной инфраструктуры этого региона был более высоким.

Менее всего доступны объекты социальной инфраструктуры для жителей Витебской и Минской областей.

Полученные данные проведенного исследования свидетельствуют:

во-первых, о том, существующая социальная инфраструктура не в полной мере отвечает потребностям детского населения и семьям, имеющим детей;

во-вторых, что состояние социальной инфраструктуры республики характеризуется существенной территориальной дифференциацией;

в-третьих, социальная политика по развитию социальной инфраструктуры требует принятия эффективных мер по ее совершенствованию; по созданию благоприятных условий для отдыха, восстановления сил, развития доступных форм рекреации для детей, семей, имеющих детей.

Литература:

1. Асмолов, А. Г. Политический детоцентризм: грезы во сне и наяву // Образовательная политика. – 2010. – №5–6 (43–44). – С. 2–4.
2. Попов, Н.А. Экономика отраслей АПК. Курс лекций / Н.А. Попов. – М.: ИКФЛ «ЭКМОС», 2002. – 368 с.
3. Социология детства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.childsoc.ru/>. Дата доступа: 20.09.2013.

Сергеев Сергей Петрович, кандидат философских наук, преподаватель Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, г. Минск

НЕРАВЕНСТВО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В последние годы на фоне продолжающегося глобального финансового кризиса *проблема неравенства* обостряется с новой силой и поэтому приобретает особую актуальность. Можно полагать, что задача по минимизации влияния этого феномена на общество займет заметное место в новой повестке дня в области развития на период 2015–2030 гг. Более того, она может быть зафиксирована в качестве самостоятельного элемента Целей устойчивого развития (ЦУР), которые разрабатываются сейчас под эгидой ООН.

Нарастающее внимание теме неравенства уделяется в *глобальных докладах ООН о человеческом развитии (ДЧР)*, которые являются наиболее значимым международным

инструментом сравнительной оценки ситуации в странах мира с точки зрения уровня жизни и развития человеческого потенциала.

ООН оценивает место страны в мировом рейтинге по величине индекса человеческого развития (ИЧР), который определяется на основе трех базовых критериев: продолжительность жизни, доступ к образованию и размер валового национального дохода на душу населения. Начиная с 2010 г. семейство индикаторов было расширено за счет новых инструментов измерения, охватывающих многомерное неравенство, гендерные диспропорции, что позволило формулировать важные новые выводы и повысило действенность первоначальной концепции развития человека.

Одним из ключевых выводов вышедшего в марте 2013 г. очередного доклада ООН стала идея равенства возможностей, дающая каждому человеку законный шанс воспользоваться плодами роста. В документе обосновывается наличие обратной связи между неравенством и человеческим развитием, необходимость повышения роли государства в развитии человеческого потенциала, в том числе в вопросах обеспечения равенства возможностей и преодоления неравенства. Речь идет, прежде всего, об инвестициях в людей, создании равных возможностей для развития каждого.

В мировом рейтинге 2012 г. по ИЧР Беларусь поднялась на 15 позиций по сравнению с 2011 г. и заняла 50-е место среди 187 стран. Таким образом, выполнена задача о вхождении нашей страны в число 50 стран с наибольшим индексом человеческого развития, которая была зафиксирована в программе деятельности правительства Республики Беларусь на 2011-2015 годы.

Республика по-прежнему опережает все страны СНГ и прочно закрепилась в группе государств с высоким уровнем человеческого развития, причем от группы стран с очень высоким уровнем человеческого развития ее отделяет всего 3 позиции.

Учет неравенства в документах ООН осуществляются при помощи индекса человеческого развития, скорректированного с учетом неравенства (ИЧРН). Разница между ИЧР и ИЧРН представляет собой снижение уровня развития человека, обусловленное неравенством. Таким образом, ИЧРН представляет собой фактический уровень развития человека (с учетом неравенства), в то время как ИЧР можно рассматривать как индекс «потенциального» развития человека, которое может быть достигнуто при отсутствии неравенства.

Характерно, что после корректировки ИЧР с учетом неравенства, рейтинг богатейшей страны мира США резко снизился, в результате чего она спустилась с третьего на 16 место. Напротив, Швеция с учетом внутреннего неравенства поднялась с седьмого на третье место. В свою очередь Беларусь, занимающая 50-е место в общем рейтинге, поднялась на 33-ю позицию в рейтинге с учетом неравенства, который фиксирует фактический уровень развития человека. По этому показателю мы сравнялись с Литвой и опережаем Латвию.

По соотношению в доходах между «верхней» и «нижней» квинтильными группами домохозяйств Беларусь делит со Швецией и Афганистаном 5-е место в рейтинге после Норвегии, Словакии, Финляндии и Украины. Что касается России и США, то они находятся соответственно на 69-й и 88-й позициях.

Беларусь также входит в первую «шестерку» стран с наименьшим коэффициентом Джини (27,2), который является главным индикатором неравенства. Согласно рекомендациям ООН, высокая степень социальной напряженности в обществе наступает тогда, когда значение этого показателя превышает отметку 40 (США и России уже превысили эту отметку).

Лидирующие позиции в рейтинге по ИЧРН занимают скандинавские страны, где сохраняется активность государства в социальной политике и дифференциации доходов. Характерная для этих стран модель «государства благосостояния» предусматривает предоставление социальных услуг на универсальной основе, помимо рынка, с учетом общественных и индивидуальных потребностей.

Наоборот, в США, где наблюдается рост неравенства, особенностью социальной политики является максимальное использование рыночного механизма в решении социальных проблем. При этом за государством остаются функции по оказанию тех услуг, которые не хотят или не могут обеспечить частный капитал и рынок.

Можно прогнозировать, что акцент на отражение проблематики неравенства в последующих докладах ООН будет усиливаться. В этой связи немаловажным аспектом работы по повышению позиции нашей страны в рейтинге по ИЧР и ИЧРН является адекватное отражение национальных показателей в докладах о человеческом развитии. С этой целью целесообразно провести инвентаризацию позиций, по которым Беларусь пока не предоставляет статистических данных, и обеспечить их своевременное направление в соответствующие аналитические структуры ООН.

Общеизвестно, что подлинным критерием состояния дел в любом государстве является то, насколько хорошо в этой стране заботятся о детях. На фоне улучшения положения детей в мире Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) с обеспокоенностью отмечает одновременный рост неравенства среди этой категории населения, который наблюдается, в том числе и в промышленно-развитых странах.

Рассмотрение *темы неравенства среди детей*, которое мы провели на примере развитых государств, показывает, что для обеспечения благополучия детей недостаточно высокого уровня национального дохода. Главное – это практические шаги правительств по обеспечению равных возможностей для всех детей, готовность инвестировать государственные средства в их развитие. В то же время эксперты ЮНИСЕФ обеспокоены тем, что нынешняя политика ряда богатых государств, направленная на сокращение социальных расходов, может привести к еще большему неравенству среди детей.

В исследованиях ЮНИСЕФ последних лет неожиданно для многих самый высокий уровень неравенства был зафиксирован в США. Влиятельный американский экономист Джеффри Сакс видит главную причину незavidного положения американских детей в *«индивидуалистической рыночной идеологии»* этой страны, что отличает ее от ведущих стран Западной Европы с *устойчивыми и давними социал-демократическими традициями*. Это суждение убедительно подтверждают рейтинги ЮНИСЕФ, которые мы анализировали в данной статье.

Важно подчеркнуть, что растущее неравенство не является неизбежным. Сегодня скандинавские страны с рыночной экономикой работают с целью улучшения одновременно и роста ВВП, и уровня жизни большинства граждан. Они занимают лидирующие позиции как в рейтинге ООН по индексу человеческого развития, так и в рейтинге ЮНИСЕФ по индексу благополучия детей.

Что касается положения детей в нашей стране, то оно положительно оценивается международными экспертами. В частности, обращается внимание на реализацию программ развития и поддержки одаренных детей, детей-инвалидов, детей с особенностями психического развития. Напомним также, что в Беларуси утвержден Национальный план действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2012–2016 годы. Его основной целью является координация действий государственных органов, гражданского общества, всех заинтересованных по созданию наиболее благоприятных условий для детей. Беларусь имеет самые низкие показатели детской, младенческой и материнской смертности в СНГ и превосходит по этим критериям ряд развитых государств. Наша страна досрочно выполнила 4-ую и 5-ую цели развития тысячелетия, связанные с сокращением детской и материнской смертности.

ФЕНОМЕН МОДЕРНИЗАЦИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Кулешова Екатерина, 4 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

СОЦИОЛОГИЯ КИНО КАК ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Кино как искусство неразрывно связано с двумя семействами искусств – так называемыми классическими и техногенными: объединяя в себе литературу, музыку, изобразительное искусство и театр, фильм состоит из миллиарда фотографий – 24 кадра в секунду, заставляющих зрителя воспринимать киноленту как целостное произведение искусства, демонстрация которого сегодня может происходить не только в стенах кинотеатра, но также и на телевидении, в сети Интернет.

В основании видовой типологии кино лежит принцип нарастания художественной условности [1, с. 57]. По этому критерию кинопроизведения подразделяются на неигровые, игровые и анимационные. Если в случае неигрового кино наблюдается наименьшая художественная условность в силу оперирования съемкой подлинных событий и реальных людей, то в игровом и, особенно, анимационном фильме художественная условность становится все большей, поскольку образы в игровом кино обладают различной степенью жизненной достоверности, а анимационный фильм и вовсе основан на эффекте «оживления» неживых объектов, которые на экране получают возможность не только «оживать», но и способность чувствовать и мыслить.

Что касается вопроса о восприятии кино, необходимо также упомянуть позицию М. Маклюэна. Рассуждая о феномене рекламы, Маклюэн отмечает, что, «когда появилось кино, весь паттерн американской жизни выплеснулся на экран как безостановочное рекламное объявление» [2, с. 264]. То есть, фильм, по Маклюэну, являлся непрерывным потоком рекламы.

Ставя на одну ступеньку художника и кинорежиссера, Маклюэн заявляет, что основная задача обоих творцов состоит в том, чтобы перенести читателя или зрителя из их собственного мира в другой, созданный книгопечатанием и кинематографом [2, с. 325]. Ученый обвиняет зрителя в отсутствии критического осознания всего происходящего на экране.

В оппозицию утверждению М. Маклюэна мы можем привести цитату знаменитого российского социолога, специалиста в области социологии кино М.И. Жабского: «Кинематографическая картина мира отражает социальную действительность с поправкой на то, что, с одной стороны, желает видеть публика, а, с другой – на заинтересованность не только художника, но также власти, различных социальных институтов в содержательном наполнении распространяемой кинематографической картины мира [3, с. 31]. С точки зрения М.И. Жабского, зритель не является пассивным: он активно выражает свои желания и ожидания по поводу новинок кино, и в то же время, ученый так же, как и Маклюэн, акцентирует внимание на значении распространения кинематографической картины мира, которая является центральной у того или иного народа, в той или иной стране.

Говоря о социологическом подходе к кинематографу, стоит подчеркнуть, что внимание социолога обращено, прежде всего, к социальным аспектам кинематографа. М.И. Жабский подчеркивает, что социолога интересует кинематограф как «социокультурный институт, в рамках которого заинтересованные субъекты, с одной стороны, получают право на производство, хранение и распространение фильмов, выполняют закрепленные за кинематографом общественные функции, пользуясь определенными материальными и идеальными средствами и руководствуясь существующими нормами и ценностями» [4, с. 15]. С другой стороны, в пространстве

института кинотеатра, являющегося составной частью института кино, «члены общества получают право на удовлетворение художественных потребностей» [4, с. 15]. М.И. Жабский выделяет три связующих звена социума и кинематографа: исполнение кинематографом роли полноценного социального института; удовлетворение художественных, или эстетических, потребностей кинозрителей, посещающих кинотеатры; информация о киноискусстве.

Кино возникло в период, когда в экономической области социальной жизни намечались тенденции к организации и развитию массового производства товаров и услуг. Безусловно, подобная тенденция не могла обойти стороной культурную сторону жизни: массовое кинематографическое производство привело к образованию обширной киноаудитории как социально-коммуникативной общности. В самой сути термина «произведение искусства» заложена возможность многократного воспроизведения. В. Беньямин говорит о том, что изобретение фотографии явилось по-настоящему поворотным событием. Сравнивая литографию и пришедшую ей на смену фотографию, ученый говорит о том, что на смену художественным способностям, реализовавшимся посредством рук, пришли способности, реализующиеся посредством устремленного в объектив глаза [5]. Естественно, это способствовало мощнейшему ускорению процесса репродукции и расширило ее возможности. В. Беньямин распространяет эту аналогию и на кино: кинооператор фиксирует происходящие действия соответственно с темпом речи актера. Однако для описания расширения возможностей репродуцирования произведений искусства, мы предлагаем следующее сравнение: воспроизведение литографии было ограничено сроком износа необходимых инструментов; впрочем, фото- и кинопленка также имеют сроки годности и износа, которые, однако, значительно больше срока износа инструментов для создания литографии; если же мы говорим о цифровом кинематографе, то, по сути, срок годности карт памяти, жестких дисков и интернет-серверов неиссякаем, особенно если вспомнить факт практически беспрепятственного копирования и, соответственно, распространения любых материалов по всему миру.

В. Беньямин подчеркивает, что при массовом копировании произведения искусства, оно теряет то, что «может быть суммировано с помощью понятия ауры» [5]. Причем данное понятие не ограничивается художественными составляющими. Репродукционная техника лишает произведение искусства ауры, и в то же время позволяет «прикоснуться» к [высокому] искусству обывателю, и, таким образом, многократно актуализирует репродуцируемое произведение, тем самым заставляя общество порывать с традицией в силу подмены его уникального проявления массовым.

Говоря о функциях кино, М.И. Жабский выделяет как минимум 4 объекта, с которыми взаимодействует кино и, таким образом, выполняет свои функции. К ним относятся человек в роли кинозрителя, человек как субъект социального действия, общество как система социальных отношений и производственная практика общества [3, с. 4]. В соответствии с объектами, с которыми осуществляется взаимодействие через киноискусство, ученый выделяет 4 основные функции:

- функция первого порядка – эстетическая. Данная функция выражается в восприятии и последующем воспроизведении публикой киноистории;
- функция второго порядка – социализирующая. Социализирующая функция выражается в усвоении будущей личностью социальных норм, ценностей и запретов с интеграцией сформировавшейся личности в социальную жизнь;
- функция третьего порядка – М.И. Жабский не дает название данной функции – мы предлагаем назвать ее общественной, поскольку данная функция выражается в закреплении и развитии существующих общественных отношений;
- функция четвертого порядка – функция социально-экономической инфраструктуры. Демонстрируя зрителю те или иные образцы поведения, миропонимания и чувствования, кинематограф обеспечивает моральную, интеллектуальную и физическую дееспособность работника [3, с. 4-5].

Литература:

- 1 Агафонова, Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма / Н.А. Агафонова. – Минск: Тесей, 2008. – 392 с.
- 2 Маклюэн, Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – М.: Жуковский: Канон, 2003. – 464 с.
- 3 Жабский, М.И. Глобализм и функции кино в обществе / М.И. Жабский // Вестник РФФИ. – 2005. – № 4. – С. 1-10.
- 4 Жабский, М.И. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись 1969-2005 гг. / М.И. Жабский. – М.: Канон, 2009. – 776 с.
- 5 Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В.Беньямин // Сайт филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2013. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm. – Время доступа: 21.04.13.

Строк Дмитрий, Корзун Екатерина, 3 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

СООТНОШЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Секуляризация – это освобождение тех или иных сфер жизни общества и личности, государства, политики, права, культуры, просвещения и семейно-бытовых отношений от влияния религии и религиозных институтов, от их санкционирования религиозными нормами. Секуляризация проявляется как процесс лишения религиозных институтов ряда социальных функций, вытеснения религиозных представлений и замены их светскими взглядами, утверждения в общественном и индивидуальном сознании нерелигиозного мировоззрения.

По мнению известного социолога П. Бергера, «под секуляризацией понимается нечто большее, чем социально-структурный процесс. Она оказывает влияние на всю совокупность культурной жизни и идей. Ее можно наблюдать по снижению роли религиозной тематики в искусстве, философии, литературе, и, что самое важное, – по развитию науки. Как существует секуляризация общества и культуры, так же существует секуляризация сознания. Проще говоря, это означает, что современный Запад порождает все больше индивидов, которые в своем отношении к миру и к самим себе не пользуются религиозными интерпретациями» [5].

Секуляризация – процесс утраты религиозным мышлением, практикой и религиозными институтами своей социальной значимости. Важно обратить внимание на то, что речь идет не об упадке или исчезновении религии как таковой, но лишь о ее социальной значимости. Итогом секуляризации оказывается не безрелигиозное общество, но такое общество, функционирование которого от религии зависит в гораздо меньшей мере или почти не зависит.

В 1981 году социолог К. Доббелере предложил рассматривать секуляризацию на трех уровнях: на макроуровне (секуляризация на уровне структуры общества), на мезоуровне (секуляризация на уровне религиозных организаций) и на микроуровне (секуляризация на уровне индивида) [4]. Основополагающим и определяющим является макроуровень. Следовательно, говоря о процессах секуляризации и десекуляризации, необходимо учитывать, о каком уровне идет речь.

В социологии религии тема секуляризации выходит на первый план в 1960-е гг. В это время во всем западном мире наблюдается стремительный упадок традиционных религиозных форм: падает посещаемость церквей и приходских школ, снижается число священников, все большему сомнению подвергаются нормы христианской этики и т.п. Почти все показатели религиозности в это время резко снизились: число обучающихся в воскресных школах и число учителей этих школ сократилось в разы. Кроме того, снизилось число священников, сама профессия священника утратила престиж, ее начали

теснить многочисленные «светские конкуренты», например, психотерапевты, предлагающие свои светские услуги в деле «заботы о душе» [4].

Социология религии в первой половине XX в. занималась в основном эмпирическими исследованиями: изучением количества прихожан, их отношения к своему приходу и т.д. Однако когда произошло резкое снижение показателей религиозности, социология религии оказалась перед перспективой того, что ей вскоре просто нечего будет изучать. Как заметил известный английский социолог Д. Мартин, социология религии – это «академический пережиток, существующий за счет несуществующего предмета изучения» [4].

Обратившись к теме секуляризации, социологи обнаружили, что она неразрывно связана с популярными в тот момент представлениями о модернизации. Модернизация – это трансформация аграрного общества в современное индустриальное. Подобная трансформация связана с целым рядом процессов: индустриализацией, повышением производительности труда, урбанизацией. Модернизация затрагивает абсолютно все сферы общества, в том числе и религию. В рамках теории модернизации появилась тема влияния модернизации на религию. Эта тема постепенно и стала основной для социологов религии. А поскольку в западных странах процессы модернизации явно приводили к ослаблению религий, социологи стали говорить не просто о *влиянии* модернизации на религию, но именно о *секуляризации* как следствии модернизации [4].

Классическая теория секуляризации (П. Бергер, Т. Лукман) предполагает прямую зависимость между процессами секуляризации и модернизации и предполагает, что с экономическим развитием общества роль религии и религиозных институтов неуклонно снижается [5]. Принципиальные положения теории секуляризации были подтверждены в эмпирических исследованиях религиозной ситуации в Европе. Тем не менее, самая экономически развитая страна в мире – США – на протяжении второй половины XX в, оставалась и одной из наиболее религиозных. Это ставило под сомнение тезисы теории секуляризации. Религиозная ситуация в США в течение долгого времени противоречила классической теории секуляризации, преобладавшей в мировой социологии религии.

В конце XX в. религиозный фактор вернулся в общественную жизнь и политику. Возросло влияние ислама, стали расширяться различного рода консервативные религиозные движения в США, в России, Израиле, Индии, Пакистане, Саудовской Аравии. В связи с данными процессами усилилась критика классической теории секуляризации. Наблюдая возрастающую роль религиозных институтов во многих странах мира, фактически отказавшись от теории секуляризации и один из ее главных создателей – П. Бергер. В 1999 г. была написана статья, в которой П. Бергер утверждает, что предположение о том, что сегодняшний мир является секулярным – ошибочно. Мир, по мнению Бергера, сегодня, с некоторыми исключениями, столь же яростно религиозен, как и всегда. Идея о том, что модернизация неизбежно приводит к упадку религии, – ложная. Модернизация, вызывая определенный секулярный эффект в некоторых странах, вызывает мощное движение контрсекуляризации [5].

Тем не менее, нет единого мнения о том, какую роль – положительную или отрицательную – играет религия в современных трансформирующихся обществах. Одни исследователи утверждают, что массовая вера в бога или богов, поощряющих высокоморальное поведение и наказывающих за грехи, способствует общественному благополучию (снижению преступности, коррупции, экономическому процветанию и т.д.). Другие авторы доказывают, что светскость государства способствует улучшению уровня жизни.

Некоторые факты указывают и на возможное негативное влияние религиозности. Основываясь на данных фонда Гэллапа, американский исследователь Ч. Блоу установил обратную зависимость: чем выше доля верующих («людей, важную часть повседневной жизни которых занимает религия») среди населения той или иной страны, тем ниже для этой страны основной показатель экономического развития – ВВП на душу населения [1].

Американским исследователем Г. Полом выявлена отрицательная причинно-следственная зависимость между уровнем массовой религиозности и общественным благополучием. Чем увереннее и спокойнее чувствуют себя люди (прежде всего представители «среднего класса») в своем социальном окружении, чем меньше они тревожатся за свое экономическое благополучие, тем слабее их потребность искать утешение и защиту в религии [3]. Г. Пол не исключает и возможность негативного влияния массовой религиозности на общественное благополучие.

Однако серьезных научных исследований по данному вопросу проведено мало. Отчасти это связано с тем, что изучение подобных вопросов часто наталкивается на разнообразные препятствия морально-этического и политического характера. Следовательно, вопрос о соотношении секуляризации и модернизации в современном обществе всё же остается открытым.

Литература:

1. Blow, C.M. Religious Outlier / C.M. Blow // The New York Times [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2010/09/04/opinion/04blow.html?_r=0. – Дата доступа: 15.11.2013.
2. Бергер, П. Религия и проблема убедительности / П. Бергер // «Неприкосновенный запас» [Электронный ресурс]. – 2003. – №6. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html>. – Дата доступа: 15.11.2013.
3. Марков, А. Религиозность населения не способствует процветанию общества / А. Марков // «Элементы большой науки» [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://elementy.ru/news/431139?page_design=print. – Дата доступа: 15.11.2013.
4. Узланер, Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным / Д. Узланер // «Континент» [Электронный ресурс]. – 2008. – №136. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/136/u20.html>. – Дата доступа: 15.11.2013.
5. Элбакян, Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации / Е.С. Элбакян // Центр религиоведческих исследований [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/6957-vremja-peremen.html>. – Дата доступа: 15.11.2013.

Масленков Сергей, 4 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ИННОВАЦИОННЫЙ КЛАСТЕР КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Согласно Майклу Портеру «Кластер, или промышленная группа, – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [1, с. 259].

Кластеры отличаются по своим размерам, широте охвата и уровню развития. Некоторые кластеры состоят в основном из малых и средних предприятий. Другие включают как крупные, так и мелкие фирмы. Одни кластеры ориентируются на исследовательские возможности университетов, в то время как другие не имеют существенных связей с университетами. Эти различия в природе кластеров отражаются в структурах отраслей, образующих кластер. Самые развитые кластеры имеют более глубокие и специализированные базы поставщиков, больше родственных и поддерживающих отраслей [1, с. 259-265].

Внимание ученых и специалистов к кластеризации экономики как инструменту повышения ее конкурентоспособности объясняется эффективностью и гибкостью кластеров, что определяется следующими их преимуществами по сравнению с другими формами организации экономической деятельности:

– значительное упрощение доступа предприятий к различным видам ресурсов;

- снижение финансовых и кредитных рисков с одной стороны, и повышение стабильности и прогнозируемости денежных потоков – с другой;
- повышение эффективности сбыта за счет устойчивости логистических потоков между предприятиями кластера;
- снижение транзакционных издержек, которые рассматриваются как расходы на организацию бизнеса, получение информации, ведение переговоров, поиск поставщиков, заключение и оформление контрактов, обеспечение юридической защиты, выстраивание взаимоотношений как с внешними контрагентами предприятия, так и с внутренними участниками;
- осуществление качественного скачка в инновационном развитии предприятий, входящих в кластер. Увеличение инновационной активности участников кластера связано с тем, что кластер выступает в роли своеобразного «хранилища» знаний, навыков и опыта талантливых людей, являющихся специалистами в сфере основной деятельности кластера. Накапливаясь и концентрируясь, новые знания становятся общепринятыми и подталкивают участников к генерации новых идей и созданию новых разработок, что значительно ускоряет осуществляемые в кластере инновационные процессы;
- формирование внутри кластеров не только формальных, но и неформальных, личных взаимосвязей между его участниками, облегчающее ведение бизнеса и помогающее более эффективно координировать усилия для приспособления к постоянно меняющимся условиям внешней среды;
- осуществление прогнозирования и планирования инноваций на основе своевременного определения технологических тенденций;
- развитие информационных и маркетинговых связей между предприятиями кластера на основе современных технологий, формирование в рамках межрегиональной экономической интеграции недостающих звеньев цепочки создания стоимости, общих стандартов производства, поставок и управления, активное развитие кластерных брендов.

Однако кластеры не являются панацеей для экономики, так как помимо преимуществ, они имеют ряд недостатков, а именно: излишняя концентрация предприятий на внутренних связях и игнорирование среды за пределами кластера могут привести к устареванию технологий и снижению их конкурентоспособности; замкнутость кластера может стать причиной снижения гибкости предприятий-участников; отсутствие конкурентов в рамках отдельного кластера «уничтожает» необходимость постоянного совершенствования производственного и сбытового процесса; уникальность каждого кластера приводит к значительному усложнению оценки эффективности его функционирования, так как отсутствует возможность для сравнения с другими кластерами; зависимость результатов работы всего кластера от эффективности деятельности каждого из его участников [2, с. 1-3].

Сегодня и теория, и практика показывают, что, хотя в кластерные инициативы могут вовлекаться самые разные игроки, критическое значение для их успеха имеет коллаборация трёх ведущих институциональных секторов – науки (университетов), бизнеса и государства. Говоря строже, инновационная способность кластеров основана на гармонии функциональных взаимодействий как минимум трёх типовых участников, представляющих эти секторы [3, с. 106].

Литература:

1. Портер, М.Э. Конкуренция: книжное издание / М.Э Портер. – Москва: «Вильямс», 2005. – 608 с.;
2. Никулина, О.В. Становление инновационных кластеров как фактор ускорения инновационного развития / О.В. Никулина // Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции «Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России 27-28 мая 2010 г., ИНИОН РАН, г. Москва, 2010.;
3. Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики / Н.В. Смородинская // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 4. – С. 95-115.

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В Г.МИНСКЕ

В последнее время на фоне спадающего, но всё ещё актуального демографического упадка по данным БелСтат естественная убыль населения в январе-октябре 2013 г. уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 2012 г. на 34,2% и составила 6 032 человека. Миграционный прирост за январь-октябрь 2013 г. составил 9 428 человек и компенсировал естественную убыль населения, обеспечив увеличение численности населения по сравнению с началом года на 3,4 тыс. человек.

Тем не менее, наблюдается бурный рост городов в особенности г. Минск, и более привлекательными становятся города находящиеся в зоне агломерации. По данным за 2012 г. население агломерации города Минск составила примерно 2645,5 тыс. чел. что около 1/3 населения республики, а если отделить минскую агломерацию от г. Минск и представить, как отдельный город то его население составило бы 741700 человек [3].

Причинами подобной привлекательности столичного региона являются: высокая концентрация образовательных учреждений, научно исследовательских институтов, множество промышленных комплексов, также в столице находятся большинство офисов различных транснациональных корпораций, и сосредоточены ключевые узлы важнейших гос. структур что создаёт благоприятную сферу для построения карьеры, и открывает новые горизонты [1].

Рост субурбанизации города Минска является ещё более перспективным объектом для изучения, так как цены на недвижимость в пригороде ниже а совершенствующуюся транспортная инфраструктура позволяют нивелировать потери во времени по сравнению с теми кто проживает в черте города.

Так, например, в издании «Рейтинг гарадоў Беларусі 2008: умовы развіцця чалавечага капіталу» [2] первое место занял город Заславль, да вообще весь первый десяток был в черте минской агломерации, что свидетельствует некоторой диспропорции. Также в этом издании было отмечено, что существует возможность появления так называемого «пояса бедности», Применительно к Беларуси можно сказать, что в городах - далеких спутниках Минска наблюдается только недоразвитость сферы образования и связанный с этим отток молодежи. Пока этот процесс не привел к значительному отставанию в развитии городов-спутников. Тем не менее, создаются условия для появления «поясов бедности» вокруг столичной агломерации в будущем. В то время как сама агломерация характеризуется высоким уровнем миграционного прироста, то в дальних спутниках этот показатель ниже среднего по стране. Вероятно, последствия оттока людских ресурсов из этих городов могут проявиться спустя время [2].

Таким образом, можно выделить основные направления в развитии урбанизации города Минска и его агломерации, а именно:

- Увеличение численности по большей части за счёт миграции, однако в отличии от некоторых регионов Беларуси, также наблюдается и естественный прирост.
- Смещение в сторону пригорода и рост субурбанизации а также совершенствование коммуникации между спутниками и потенциальная возможность образования поясов бедности.
- Прирост в основном за счёт молодого населения и студентов.
- Высокая маятниковая миграция между центром и агломератами.

Из этого можно сделать вывод, что урбанизация Минского региона существенно отличается от общереспубликанской, и порождает собой новые объекты для изучения и требует пристального внимания для благополучного развития.

Литература:

1. Бабосова, Е.Е. Социально-экономические и социокультурные факторы углубления урбанизации в современном белорусском обществе / Е. Е. Бабосова // Сборник научных статей научной конференции «Процессы урбанизации в Беларуси: XIX – начало XXI в.», Респ. Беларусь, Гродно 2010 / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы, *под ред. И. П. Крень.* – Гродно, 2010. – С. 328 -332.
2. Валетка, У.У. Рэйтынг гарадоў Беларусі: умовы развіцця чалавечага капіталу / У. Валетка, М. Дуткоўскі, Дз. Бабіцкі, М. Залескі. – Мінск: Медысонт, 2009. – 52 с.
3. Озем, Г. К вопросу о выделении границ минской агломерации: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 25-28 октября 2012 г. / БГУ; редкол.: И. И. Пирожник (гл. ред.) [и др.] . – Минск: БГУ, 2012. – 362 с.

Юргелёнис Елена, 4 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ИЗУЧЕНИЕ ПРОФИЛЕЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТЕЙ КАК СПОСОБА КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Социальные сети - новая реальность, распахнувшая свои объёты для огромного числа жителей земного шара, являющихся активными пользователями Интернета. Социальные сети сегодня предоставляют человеку возможность самопрезентации и самовыражения через систему символическо-кодированного пространства, предполагающего определенную обрядность, специфичность практики взаимодействия со своим «цифровым» двойником и такими же двойниками других: социальные сети конструируют новую, так называемую постцифровую, реальность и задают тенденцию к дегуманизации не только искусства, производства, науки, но и самого человека, как бы парадоксально это ни звучало.

Следуя теории некоторых авторов-представителей школы социального конструкционизма – социологической теории познания, развитой П. Бергером и Т. Лукманом в книге «Социальное конструирование реальности», имеющей целью выявление путей, с помощью которых индивидуумы (группы индивидуумов) принимают участие в создании воспринимаемой ими социальной реальности, – можно предположить, что изучение профилей пользователей социальных сетей может дать эмпирический материал для социологии по вопросам формирования нового типа общества, для которого характерно явление объект-центрированной социальности. Кроме того, сам факт существования и большой популярности соцсетей может служить подтверждением существования тенденции «слияния» человека с вещами.

Стандартный профиль пользователя социальной сети подразумевает заполнение колонки по демографическим характеристикам, блок с информацией о предпочтениях/вкусах автора в музыке, литературе, кино; отдельное место отводится фотографии или картинке – изображению, презентующему пользователя, с помощью которого можно посмотреть на человека его же глазами. Другими словами пользователь сети Интернет формирует свою реальность, локализованную во времени и пространстве в той мере, насколько это возможно, задавая статические параметры себя в виртуальном мире, «сканируя» свое тело и мысли. В результате – образ, суженный до новой, так называемой фремированной, реальности.

Но «сканируя» себя в виртуальном пространстве человек не только «локализуется» в новой реальности, где существуют свои законы функционирования и развития, но и «расширяется», благодаря взаимодействию с компьютером, работой с программами, тому же заполнению и обновлению профиля страницы. Под «расширением» или «глобализацией», по Латуру, понимается общение и взаимодействие с другими людьми не с помощью, а при посредничестве вещей. Когда индивид соприкасается с вещами, в данном случае с компьютером, он косвенно вступает во

взаимодействие с людьми, которые создавали этот компьютер; общаясь с другими людьми в социальных сетях, человек, по сути, взаимодействует с их профилями посредством своего профиля, то есть современный человек получает возможность налаживать взаимоотношения с другими людьми не «лицом к лицу», не в «данном месте и в данное время», а нарушая границы бергеровского «здесь и сейчас».

Таким образом, можно заключить, что оформляя страницу в социальной сети, каждый раз мы переходим к «сложным отношениям», подразумевающим параллельное протекание таких процессов как локализация и глобализация человека.

Все участники подобных отношений на паритетных началах включены в жизнь друг друга. Вещи – посредники действий – позволяют отделить, распознать, выделить определенного человека из множества других путем обмена с человеком своими свойствами. Следуя теории объект-центрированной социальности Кнорр – Цетины, человек ассоциирует себя с объектом – «субъект принимает желания объекта»: в современном мире вещи становятся полноправными акторами социальных действий через механизм подражания человека вещи: если планшет Apple представляет собой модный, динамичный, стильный бренд, то обладатель данного планшета приобретет эти характеристики, а планшет, как только попадет в руки к человеку с витрины магазина, не превратиться в инструмент, потеряв свои качества, а, точнее, «передав» их своему владельцу, но обретет новые, которые есть у его владельца. И в самом деле, в ходе «жизни» с планшетом человек «наделяет» его присущими только ему «качествами»: на планшете его любимая музыка, фильмы и т.д. После подобного синтеза невозможно представить планшет без владельца и владельца без планшета – вместе они создают новое социальное формирование, исключение объекта из которого лишает это формирование смысла.

Применяя теорию конструкционалистов к изучению профилей пользователей социальных сетей, можно прийти к выводу о том, что индивид, пользуясь Интернетом, не просто переносится в виртуальную реальность, но формирует новую реальность, состоящую из нескольких параллельно существующих реальностей не разных людей (в смысле существования объективной и субъективной реальностей), а реальных образов-реальностей одного человека. Профили пользователей социальных сетей представляют собой «вещь» - посредника в процессе взаимодействия актантов.

И в самом деле, регистрируясь в социальных сетях, люди получают возможность выходить за пределы настоящего, за пределы своего тела, расширяясь до страниц в социальных сетях и продолжаясь в оформленных профилях. Человек получает возможность существовать одновременно в нескольких местах, в разных формах, с разным содержанием.

Изучая профили пользователей социальных сетей можно проследить историю формирования новой реальности, специфику ее строения и функционирования – можно изучить новую личность, имеющую продолжение в вещах, можно изучать вещи, имеющие продолжение в человеке - изучение социальных сетей, предоставляющих огромный массив информации о своих пользователях, обладает в этом отношении огромным потенциалом.

Так, под историей формирования новой реальности понимается процесс включения человека в отношения с другими людьми посредством социальных сетей – то есть то, как человек решается завести страницу в Интернете, какую информацию он готов передать своему «цифровому» двойнику, какой информацией он делиться с другими людьми на протяжении существования страницы.

Специфика строения новой реальности должна учитывать не только информацию, расположенную на странице, но и характеристики той или иной социальной сети. Специфика функционирования – это уровень тесноты взаимодействия человека и вещи – количество существующих страниц, частота их посещения, количество подписчиков или контакты. Исследования профилей пользователей социальных сетей, таким образом, как

нельзя лучше, на наш взгляд, позволяют осмыслить «сложные отношения», в которые включен современный человек – в работу процессов «локализации» и «глобализации». Изучение современных человеческих реалий с точки зрения социального конструкционизма позволяет прийти к выводу об «эффекте бабочки» в социологии – все связано со всем, и эта связь – формирование сети переплетенных отношений человека и «не-человека» (вещей), в основании которой – опосредованность. На взаимодействии всех актантов – и человека, и групп людей, и вещей – зиждется такая опосредованность.

Невдах Яна, Агафонова Марина, 3 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г Минск

АНАЛИЗ БЕЛОРУССКОГО РЫНКА ТРУДА: СЕТЕВОЙ ПОДХОД

Множество современных рыночных образований, неоднократно демонстрировавших свою эффективность, требует выработки некоторых моделей, позволяющих концептуализировать основные принципы их работы, проводить межотраслевые или даже межстрановые сравнения. Большая популярность сетевого подхода в изучении экономических практик обусловлена не только тенденцией постоянного увеличения числа структур, отвечающих основным признакам сетей, но и большой гибкостью сетевого подхода к изучению социоэкономического поведения. Наш доклад будет посвящен анализу применения сетевого подхода при изучении белорусского рынка труда.

Для того, чтобы проанализировать основные характеристики и динамику функционирования каналов трудоустройства на белорусском рынке труда, следует отметить основные существующие каналы трудоустройства. Выделяют формальные каналы трудоустройства, использующие при трудоустройстве помощь формальных (официальных) посредников, – это трудоустройство посредством государственной службы занятости, кадровых агентств, рекламы в СМИ, рекламных объявлений в Интернет, распределение после окончания учебных заведений. К неформальным каналам трудоустройства, характеризующимся отсутствием формальных посредников при трудоустройстве и использованием ресурсов социальных сетей, относятся: рекомендации знакомых, рекомендации родственников и рекомендации деловых партнеров.

А теперь обратимся к результатам социологических исследований ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси». Данные социологические исследования показывают важность неформальных связей при поиске работы и зависимость успешности трудоустройства от позиции человека в сети социальных связей. Следует отметить, что при поиске работы к знакомым обращались 39,6% (2008 г.), трудоустроились с их помощью 35,1% респондентов, к родственникам обращались 14,4%, а трудоустроились 5,0% респондентов, то есть ресурсы социальных сетей при поиске работы использовали 55,0% опрошенных респондентов. Большая результативность обращений к знакомым, чем к родственникам, при трудоустройстве объясняется тем, что социальные связи подразделяются на «сильные связи» – с близкими друзьями и родственниками и «слабые связи» – с дальними знакомыми и коллегами. «Слабые» связи являются более эффективными в процессе трудоустройства, нежели «сильные», за счет значительного расширения масштабов привлекаемой информации. Данный канал использовали работники как первичного, так и вторичного сегмента рынка труда: среди респондентов с высшим образованием – 44,5%, со средним специальным – 31,7%, с общим средним – 34,0% и с профессионально-техническим образованием – 35,6%. Роль социальных сетей дифференцирована для различных возрастных групп: в возрастной группе 18–30 лет ресурсы социальной сети при поиске работы использовали 2/3 респондентов, а в возрастной группе от 50 и старше данный ресурс задействовали менее 1/10 респондентов.

Для молодежи использование социальных связей при трудоустройстве более значимо, т.к. объем их социального капитала невелик.

В 2012 г. результативность использования социальных сетей (обращений к знакомым, родственникам) как канала трудоустройства снизилась, по сравнению с 2008 г. (2008 г. – 40,1%, 2012 г. – 30,8% респондентов), за счет возрастания эффективности прямых обращений к работодателю, в отделы кадров. Однако данные исследования показали, что основной функцией социальных сетей на белорусском рынке труда является информационное посредничество, направленное на дополнение рыночных отношений работников и нанимателей. В качестве основных причин найма их на работу 2/3 респондентов, использовавших ресурсы социальных сетей, указали на «знания и опыт работы», 2/5 – на «деловые качества, коммуникабельность», и только менее 1/10 – на «связи и знакомства».

Анализируя эмпирические данные использования социальных сетей как канала трудоустройства, можно сделать вывод, что при нормальном функционировании рынка труда, практика использования рекомендаций не замещает требований, предъявляемых к уровню квалификации. Они могут дать преимущество, но лишь после того, как будут учтены те характеристики кандидатов на рабочие места, на которые можно формально опираться при найме. В этом случае социальные отношения работают как поддерживающая рыночный обмен структура, дополняющая рыночные отношения работников и нанимателей. Если рекомендации и связи становятся единственно определяющим фактором при трудоустройстве, фактически превращаясь в протекцию, не поддерживая, а замещая рыночный обмен, это ведет к развитию таких негативных социальных последствий на рынке труда, как закрытость определенных сегментов рынка, «блат» и т.д.

Яковчик Екатерина, 4 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ТРУДОВОЙ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО РЫНКА ТРУДА

Наем рабочей силы в Республике Беларусь возможен на основании заключения трудового договора на неопределенный срок или срочного трудового договора (контракта) между работником и нанимателем. Трудовой договор (контракт) - это соглашение между работодателем и работником, по которому работник обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности с подчинением внутреннему распорядку, а работодатель обязуется выплачивать работнику заработную плату и обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, коллективным договором и соглашением сторон.

Наем рабочей силы в Республике Беларусь возможен на основании заключения трудового договора на неопределенный срок или срочного трудового договора (контракта) между работником и нанимателем.

Контракт в том виде, в котором мы имеем его теперь, появился в законодательстве Республики Беларусь с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 года № 29 (в ред. от 30.08.2002). Основные отличия контракта от бессрочного трудового договора состоят в том, что:

1. Контракт заключается на определенный срок – от 1 года до 5 лет, а трудовой договор на неопределенный срок, как видно из наименования, такого ограничения не содержит.

2. У работника в период действия с ним контракта нет возможности уволиться по собственному желанию – только по соглашению сторон, что дает право нанимателю не

давать такого согласия и фактически удерживать работника на рабочем месте до истечения срока трудового контракта.

3. Другой особенностью трудового контракта является то, что за 2 недели до истечения срока трудового контракта стороны должны уведомить друг друга о желании или нежелании продлить срок действия трудового контракта. В случае неуведомления сторонами друг друга срок трудового контракта сам по себе не истекает, прекращая действие трудового контракта, в этом случае трудовой контракт преобразуется в бессрочный трудовой договор.

4. При этом, чтобы компенсировать вышеуказанные неблагоприятные последствия для работников, законодатель предусматривает при заключении трудового контракта некоторые дополнительные меры стимулирования труда: повышение тарифной ставки до 50% (на практике наниматель может установить 1%, и этот пункт будет соблюден); дополнительный поощрительный оплачиваемый отпуск до 5 дней (на практике наниматели обычно устанавливают 1 дополнительный день, таким образом, отпуск в общей сложности составляет 25 календарных дней (24 дня основного отпуска и 1 день дополнительного поощрительного)).

5. Также трудовой контракт предусматривает дополнительные основания его расторжения по инициативе нанимателя, полную материальную ответственность за ущерб, причиненный нанимателю по вине работника излишними денежными выплатами, неправильным учетом и хранением материальных или денежных ценностей, их хищением, уничтожением, минимальную компенсацию за ухудшение правового положения из-за невыполнения или ненадлежащего выполнения условий трудового контракта по вине нанимателя.

Первоначально многие отношения, связанные с контрактной системой, не были нормативно урегулированы. В частности, на практике нередко возникали ситуации, когда женщинам, уходящим в отпуск по беременности и родам, работникам предпенсионного возраста при истечении срока действия контракта отказывали в его продлении или перезаключении без объяснения причин. Впоследствии с принятием соответствующих изменений и дополнений указанные проблемы начали постепенно разрешаться.

Еще одной особенностью контракта является возможность предусмотреть в нем гарантии, касающиеся социально-бытовой сферы, не относящиеся к трудовому договору. Например, предоставление жилья работнику, детского сада для ребенка и т.п.

Особого внимания заслуживают положения, касающиеся условий досрочного расторжения контракта. Досрочное расторжение контракта может быть по требованию работника, по инициативе нанимателя, а также по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон.

Контрактная форма найма давно применяется в мировой практике. Контракт не следует рассматривать как одностороннее возложение на работника дополнительных условий и обязанностей. Он должен предусматривать повышенные требования и к нанимателю, что в свою очередь должно его дисциплинировать и гарантировать исполнение им своих обязанностей. Контрактная форма найма призвана повысить трудовую и исполнительскую дисциплину работников, взаимную ответственность работников и нанимателя.

*ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В
КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ*

В социологическом дискурсе понятие «потребление» трактуется по-разному: как процесс использования социально-экономических, культурных и природных благ с целью удовлетворения потребностей человека, социальных групп и общества в целом; как использование, употребление продукции, товаров, благ и услуг в процессе удовлетворения потребностей. Различают производственное потребление (использование ресурсов в процессе производства) и непроизводственное, конечное потребление (удовлетворение населением жизненных потребностей). Что касается понятия потребности, то в самом общем виде потребность можно определить как объективно необходимое условие существования или развития ее носителя. Это объективное условие, предпосылка существования субъекта (индивида, группы, организации и т.д.).

Существуют внутренние и внешние факторы, оказывающее существенное влияние на поведение потребителей. К внутренним факторам относятся процессы, посредством которых индивидум реагирует на влияние групп, на изменения среды и маркетинговые усилия. Внутренние факторы затрагивают поведение покупателя как индивидума, тогда как внешние факторы – как члена социальной группы. Внешние факторы затрагивают преимущественно социальные аспекты поведения покупателя, а внутренние факторы относятся в основном к психологическим аспектам поведения. К внутренним относятся потребности, восприятие и др. К факторам внешнего влияния на поведение потребителя относятся: культура, демография, социальный статус, референтные группы, семья и домашнее хозяйство и т.д.

Для белорусов легче оценить динамику своего личного материального положения, чем дать оценку социально-экономическому положению страны, что характерно и для большинства рядовых потребителей во всем мире. Дело в том, что достоверность и обоснованность потребительских ожиданий зависит от возможности потребителей получать и применять экономическую информацию. На эту возможность оказывают влияние объем и качество имеющейся информации и осведомленность населения в экономических вопросах, достаточная для истолкования полученных сведений. Исследователи отмечают, что это вовсе не означает, что потребители - где бы то ни было - досконально разбираются в сложнейших экономических процессах, что составляет одну из предпосылок гипотезы рациональных ожиданий. Выражая другую, совершенно противоположную точку зрения, можно утверждать, что нет никаких признаков, позволяющих назвать подход потребителей нерациональным. Судя по накопленному опыту измерений, потребители обычно проявляют определенную степень «ограниченной рациональности» [4].

В современной ситуации у белорусского населения происходит снижение основных компонентов индекса потребительской уверенности, что обуславливает изменения потребительского поведения населения. Население начинает задумываться, что и как потреблять, а цены на продукты и товары первой необходимости, стоимость минимальной потребительской корзины стоит на первых ранговых позициях среди волнующих население проблем. Низкий уровень доходов и потребления основной массы населения обуславливает сужение объема конечного рыночного спроса на товары и услуги, что в свою очередь ограничивает перспективы развития отечественного производства, поскольку динамика промышленного производства следует за динамикой спроса. Ассортиментная структура продаж смещается в сторону более дорогих импортных товаров, на которые предъявляют спрос состоятельные потребители.

Литература:

1. Ильин, В.И. Поведение потребителей. Краткий курс / В.И. Ильин - СПб, 2000.
2. Потребление и стабильность общества / С.А. Шавель [и др.]; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т социологии. - Минск: Беларус. навука, 2010.
3. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г.В.Осипова, 1998.
4. Сечко, Н.Н. Потребительские ожидания населения Беларуси / Н.Н. Сечко [и др.]; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т социологии, 2012.

Гадилія Майя, 5 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На протяжении всей истории человечества мы можем отметить, что социально-экономическое развитие общества никогда не проходило гладко, назревали различные противоречия, переходящие в конфликты. Из всех сфер общества самой насыщенной различными видами конфликтов является политическая сфера, в которой разворачиваются многообразные властные отношения, представляющие собой отношения господства и подчинения.

В толковых словарях конфликты определяются как состояние политических отношений, в котором их участники ведут борьбу за ценности и определенный статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. Суть конфликта – в несоответствии между тем, что есть, и тем, что должно быть по представлению вовлеченных в конфликт групп и индивидов, субъективно воспринимающих свое место в обществе и свое отношение к другим людям, группам и институтам.

Степень разработанности проблемы берет свое начало в учении о договорном характере общества: Ж.-Ж. Руссо придает общей воле онтологический статус правоты, в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье находим мотивы осмысления общества как целостности, в которой отношения согласия и разногласия обеспечивают социальный порядок. Влияние этого направления на развитие знаний об обществе особенно усилилось в XIX веке на основе гегелевского учения о диалектике целого, единства и борьбы противоположностей в нем. В исторической науке О. Тьерри, Ф. Гизо, а в политэкономии К. Маркс отстаивали идею классового конфликта как движущей силы общества в развитии политики и экономики. Наряду с ними идея согласия и консенсуса, как принципов социального порядка, поддерживалась органицистами, в частности О. Контом и Г. Спенсером.

В качестве одной из важнейших причин политических конфликтов американский политолог Р. Даль видит неравенство, подразумевая под этим неравное участие различных групп в принятии решений. Он заключает, что политическое неравенство вызвано к жизни действием трех определяющих факторов: во-первых, «значительной разницей в политических возможностях различных групп»; во-вторых, тем, что «равное представительство являет собой техническую проблему, которая никогда не была удовлетворительно решена»; в-третьих, «чем более полиархия представляет все разнообразие предпочтений, тем более трудоемкой становится задача их рассмотрения с целью примирения для принятия решений».

Американский политолог А. Рапопорт убедительно доказал, что нельзя все конфликты подгонять под единую универсальную схему: есть конфликты типа «схваток», когда противников разделяют непримиримые противоречия и рассчитывать можно только на победу; есть конфликты типа «игр», где обе стороны действуют в рамках одних и тех

же правил. Такие конфликты никогда не завершаются разрушением всей структуры отношений.

Реальное политическое сообщество людей всегда формируется через их взаимодействие, предполагая как сотрудничество, так и соревновательность. В целом политический конфликт и представляет собой не что иное, как разновидность конкурентного взаимодействия двух и более сторон (групп, государств, индивидов), оспаривающих друг у друга распределение властных полномочий или ресурсов. Конфликт – это лишь один из возможных вариантов взаимодействия политических субъектов.

Мирное урегулирование политического конфликта можно представить себе как процесс, который начинается с признания частичной справедливости чужих аргументов и согласия на уступки в обмен на принятие взаимовыгодного решения. В этой связи политический консенсус выступает как одно из средств интеграции различных сил в обществе. Его следует понимать не только как средство социально-политической самоидентификации акторов, но и существенный фактор преодоления пагубных воздействий социально-политического конфликта.

Консенсус представляет собой соглашение значительного большинства людей любого сообщества относительно наиболее важных принципов политической организации, распределения ценностей, власти и прав в обществе. Принцип консенсуса предполагает учет мнения как большинства, так и меньшинства.

Впервые понятие консенсуса было введено в политическую практику О. Контом. Теория консенсуса разрабатывалась А. Токвилем, который обосновал вывод о том, что общество существует только тогда, когда большая часть людей имеет общий взгляд на разные проблемы, общие привычки. Господствующие в конкретном обществе ценности и идеалы предопределяют модели поведения индивида. Общность этих ценностей заставляет индивида приспосабливаться к позициям других людей, тем самым достигается равновесие всей общественной системы.

В законченной форме теория консенсуса сложилась в 1950-1960-е годы в трудах Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и др. Она строится на убежденности в способности человека предотвратить различные конфликты и вести дебаты в умеренной атмосфере.

В современный период теория политического консенсуса получила свое развитие в связи с переосмыслением вопросов об основах социального порядка, и разнонаправленными исследованиями конфликтных отношений. В частности, Х. Арендт показала, что политический консенсус делает возможным существование власти как мотива действия от имени группы и таким образом консолидирует политическую систему. Дж. Роулсу, основывающему свою теорию справедливости на понятии консенсуса, пересекающийся консенсус в обществе представляется как данность, которую лишь необходимо раскрыть, чтобы построить минимальную политическую систему, не зависящую от каких бы то ни было теоретических соображений. В представлениях о консенсусе Ю. Хабермаса особую важность представляет разделение инструментального и коммуникативного действия. Ю. Хабермас показал, что коммуникативное действие ориентировано на взаимопонимание, консенсус, в отличие от инструментального, ориентированного на достижение результата, успеха.

На разрешение конфликта оказывает влияние и такой фактор, как участие или неучастие в данном процессе конфликтующих сторон. Если в разрешении конфликта не участвует ни одна сторона, то его исход может зависеть исключительно от третьей стороны или от случая. Именно третья сторона анализирует конфликт и дает готовые решения. Если в урегулировании противоречия принимает участие только одна конфликтующая сторона, то она чаще всего подвергается проверке, где она должна доказать свою правоту. Однако на практике добиться этого очень сложно. Если обе противостоящие стороны участвуют в разрешении конфликта, тогда, как правило, механизм урегулирования приобретает формы борьбы между ними. Обе стороны

вызывают к жизни новые виды конфронтации тем, что они в равной степени борются за недостающие им ценности.

Политические противоречия и конфликты – неизбежный спутник политики, атрибут политического процесса. Поэтому существует необходимость на основе цивилизованной политической культуры создавать справедливые нормы, позволяющие конструктивно решать конфликты, упорядочивать динамику политического процесса и общественной жизни в целом.

Литература:

1. Алисова, Л. Н. Политическая социология. Социологический анализ состояния политического сознания / Л. Н. Алисова, З. Т. Голенкова. – М.: Мысль, 2008 – 242 С.
2. Борзихина, И.В. Политология: учебное пособие [Электронный ресурс] / И.В. Борзихина / Режим доступа: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie-borzixina/sposobi-razresheniya-konfliktov-politicheskij-konsensus-i-metodi-ego-dostizheniya>. Дата доступа: 03.11.2013.
3. Глухова, А.В. Компромисс и консенсус как методы регулирования и разрешения политических конфликтов / А.В. Глухова // Социс. – 2007. – №3.

Козлов Максим, магистрант, кафедра политологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ РЕАЛИЙ

Сегодня предмет политического имеет различные интерпретации, часто совершенно не связанные с политикой. В чем заключается эта посылка? Во-первых, с самой политикой, которая проникает во все сферы индивидуума. И, во-вторых, с функцией политического знания и его миссией.

Политическая наука (политология) не являет собой ту науку, о которой сегодня принято говорить. Возникает вопрос – почему? Потому, что в этой отрасли продолжается «скрытая интеллектуальная гражданская война» (Брайан Бэрри), которая фрагментирует её на множество индивидуальных направлений. Среди них можно выделить теорию рационального выбора, теорию властных отношений, сетевой подход к политике и управлению и т.д. Главная особенность этого заключается в том, что эта дисциплина лишена своего методологического стержня. И первичным, в этих рамках, ставится вопрос не о политике, а о методе. Это приводит к тому, что любое исследование, находящееся в русле гуманитарного, может стать политическим, но не любое исследование становится политическим, основой которого выступают эмпирические факты и статистика. Каждый исследователь, занимающийся с объектом, под которым подразумевается индивид, часть группы или вся группа, обнаруживает политическое, которое присутствует в истории, социологии, юриспруденции, экономике, психологии и биологии.

Но политика, в отличие от других форм человеческой деятельности, поглощает «тексты», в основе которых лежат совсем иные задачи, чем в тех, которые пытаются понять саму политику. Можно с уверенностью сказать, что исследователь (автор) включен в модус политического, где он связан с идеологией, субъективностью, ценностными моментами. Если говорить о нейтральности автора, то, по существу, в этом положении он становится врагом культуры [5].

По словам видных представителей политической науки и мысли, среди которых можно назвать Исайя Берлина, Лео Штрауса, Данило Золо и Юргена Хабермаса, эта дисциплина *утрачивает свою связь с реальностью*. Её основные понятия, такие как: свобода, справедливость, благо, чувство собственного достоинства мертвы, а их места

заняли безжизненные дефиниции: система, реакция, механика, статистика. Стремление к построению собственного начала и игнорирование традиции, привели это направление в зависимость от парадигмальных фаз в научном сообществе. Иллюстрацией к этому положению может служить противостояние политической науки и политической философии. Для любой науки свойственно некое структурное основание. Для точных наук таким является математика, а для гуманитарного направления - философия и история. Но следует признать дискурсивную зависимость истории от политики. История присутствует всегда в лице победителя. По-иному дело обстоит с философией. До сих пор продолжаются споры о существовании философии в политической науке, то есть, реальна ли политическая философия или это лишь часть самой политической теории? Вопрос поставлен отчетливо - политическая наука появилась в XIX веке или она все же была рождена в текстах Платона и Аристотеля? Границы этой дисциплины и место самого исследователя в этой матрице были обусловлены специфическими дискурсивными техниками, например, такими как «*paîtêsia*» – «...это добродетель, долг и техника, которые должны быть присущи тому, кто наставляет других и помогает им определить отношения к самим себе» [6, с. 56]. Уже древние мыслители осознавали не только понимание фактов, но и ценностное положение своей позиции, выбор между львом и лисом определял последующее развитие социального организма. Противоречие между желанным и должным определило современную политическую науку как «технику». То есть вопрос, касающийся политики, стал чисто *техническим*. Это, конечно, принесло свои плоды в области различных политических процессов, но создать универсальную картину все же не получилось [1].

Вопросы, которые предпочитают не поднимать политологи, являются ее основными столпами. Насилие, революции, иррационализм сокрушают построение целостного здания этой науки. Но именно они и составляют дискурс политической философии, которая направлена на создание конструкторов человеческой жизнедеятельности. Почему дела обстоят именно так? Габриэль Алмонд точно подметил две проблемы политической теории, сформулированные так: «Каковы институциональные формы политики?» и «Какие критерии мы применяем для их оценки?». Но главное - какие средства используются для их определения и достижения. Это приводит к ценностным реалиям, в которых исследователь выбирает одну из возможных «ролей». Она погружает его в сферу «кратического» (В. Хёсле), где исследователь, стремящийся понять некий политический фрагмент, претендует на саму часть политического. То есть, приоткрывая сущность политического процесса, он сам выступает в качестве политического агента и действует наравне с другими участниками этого «мероприятия». Однако, его главная особенность заключается в том, что он имеет некоторые знания о сфере, в которой он находится. Опять же, знание в этой роли играет не центральную роль. Основой в этом обстоятельстве выступает внутреннее экзистенциональное начало. Конечно, можно возразить, что это не более, чем фикция. Правда, если следовать по ступеням научного познания и придерживаться верного метода, можно с полной уверенностью предположить нарушение логических связей в исследовании политического. Например, если определяется политический фрагмент, выстраивается его база и процессы, которые, в свою очередь, делают возможным контроль над этим феноменом и его полным пониманием, которое ведет в итоге к феномену «иррациональности». Заключается это в следующем. Сам объект (политика в полном смысле этого слова) будет противиться этому и порождать иные формы собственного функционирования: теории, идеологии и в, конечном итоге, языковые игры. Это искажение можно обосновать как *проблему социальных технологий* и их применение для усовершенствования социума в целом. Роль исследователя (автора) в этом измерении будет обусловлена веридикцией. Вопрос веридикции, обозначенный Мишелем Фуко, рассматривает дискурсивные положения верификации и фальсификации, придающим или отвергающим истинность некоего положения (в том числе и политического). Но истинность, в рамках данной дискурсивной

ассамблеи, устанавливается под формой господствующей идеологии (не только в ее политическом эквиваленте). Это приводит к тому, что истина требует полного подчинения самой политике. При этом указывается, что дискурс должен отвечать формуле теоретического знания, которое, по словам Карла Поппера, мыслится в том, «...что наш повседневный язык наполнен теориями, что *наблюдение всегда является наблюдением в свете теории...*» [4, с. 61]. Это приводит исследователя или индивида в модус моральных и ценностных суждений, от которых невозможно откеститься. Известный политолог Морис Дюверже по этому случаю полагает, что нельзя превращать человека в «машину». Так или иначе, именно «человек» является творцом истории (Карл Маркс). Еще одна важная деталь была точно подмечена известным политологом Филиппом Бенетоном, которая заключается и основывается на том, что: «...политическое знание не замкнуто полностью в головах, чьей профессией является размышление...» [5, с. 120] о политике.

К сожалению, современная политическая наука, которая господствует в наше время, лишена связующего начала, а именно: диалога между различными «школами». По сей день существуют французская, тевтонская и англо-американская модель понимания политических процессов, где каждая из них претендует на главенство в этой отрасли. Это усугубляется тем, что они не желают признавать иные формы существования политики, складывающиеся совсем в других условиях. Но все же следует подчеркнуть, что среди специалистов из различных стран поддерживается точка зрения, которая заключается в признании нормативной и исторической сущности как центральной в политической науке [3]. Эти направления ориентируются на поиск политического, но они не стремятся его создать. Различные конструкты, по-видимому, будут определять облик политической науки. Здесь следует упомянуть работу Джона Ролза «Теория справедливости», в которой автор возродил интерес к понятию «справедливость», исчезнувшего из лексикона политолога (при этом он прекрасно понимал влияние на него политики и ценностной позиции, побудившей его к написанию этой работы). Труд Ролза заключал в себе новаторский подход, в котором были объединены различные стороны понимания человеческой сущности. Такое *синтетическое* применение методологического аппарата, тесное взаимодействие различных областей, привели к совершенно иному осмыслению политических проблем.

Все же политологи признают свою дискурсивную зависимость от политики, их идеологические и ценностные стороны также влияют на них. Но они также понимают свою «миссию», заключающуюся в «Aufklärung» [2]. Вопросы, связанные с политикой, требуют не понимания, а все же, по всей видимости, осмысления. И в этом состоит основная задача на данном этапе, вызванная трансформацией сути политического.

Литература:

1. Бенетон Ф. Введение в политическую науку / Ф. Бенетон. – М.: Весь мир, 2002. – 367 с.
2. Гудин Р. Политическая наука: новые направления / Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. – М.: Вече, 1999. – 814 с.
3. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 6 / И. Кант – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
4. Политическая теория в XX веке: Сборник статей / М.: «Территория будущего», 2008. – 416 с.
5. Поппер К. Логика научного исследования / К. Поппер – М.: АСТ : Астрель, 2010. – 565 с.
6. Фрейд З. Неудобства культуры / З. Фрейд – СПб.: Азбука, 2012. – 192 с.
7. Фуко М. Управление собой и другими / М. Фуко – СПб.: Наука, 2011. – 432 с.
8. Höhle V. Moral und Politik. Grundlagen einer Politischen Ethik für das 21. Jahrhundert / V. Höhle – München, 1997. – 1216 s.

Зуева Ирина, магистрант, кафедра политологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

Одной из важных характеристик молодежи как особой социально-демографической группы можно с полным основанием считать политическую культуру, которая свидетельствует о степени патриотизма и гражданственности, а это, в конечном счете, определяет будущее страны, ее позиции в мировом сообществе.

Под политической культурой мы понимаем уровень и характер политических знаний, оценок, содержание и качество традиций, степень сознательного усвоения ценностей, норм, регулирующих политические отношения, а также характер и направленность деятельности и поведения в политической жизни общества, политическая культура реализуется на различных уровнях: национально-общественном, социально – классовом, групповом, индивидуальном, личностном [1].

Политическая культура Беларуси имеет свою специфику, обусловленную ментальными характеристиками народа, исторической судьбой, особенностями этногенеза, политическим опытом, религиозными, геополитическими и другими факторами, а также противоречиями «переходного» общества. Для понимания динамики политической культуры целесообразно обратиться к базовым ценностям белорусов и их исторической обусловленности. Ее содержание в решающей мере определяется фактором универсальной геополитической цивилизационно-культурной срединности или евроцентризма белорусского этноса. Жизненная необходимость поддержания равновесия, баланса разнонаправленных сил и взаимодействий, в сфере которых неизменно находился белорусский народ, и послужили основой толерантности белорусов как мировоззрения и этики поведения.

В Республике Беларусь в настоящее время в целом стабильная политическая ситуация – в нашем государстве отсутствуют какая-либо межэтническая конфронтация или напряженность на религиозной почве, нет противостояния между гражданами и властью. В современных условиях особое значение приобретает формирование личности как субъекта политики. Человек не рождается социальным, в том числе и политическим существом. Социализация личности предполагает освоение различных форм социального опыта, включая политическую культуру. Индивид способен стать субъектом политики, лишь овладев политической культурой, т.е. в процессе политической социализации. Политическая социализация не сводится лишь к усвоению наличного политического опыта. Она предполагает формирование у субъекта собственной политической культуры, отражающей новые социальные реалии. В современной Беларуси формирование политической культуры граждан обусловлено общими трансформационными процессами и становлением рыночной социально ориентированной экономики.

В контексте политической социализации важнейшая задача – формирование политической и правовой культуры у молодежи. Следует отметить, что зачастую молодежь (в том числе студенческая) представляет политическую культуру как несанкционированные митинги, уличные баталии, громогласные публичные заявления по отношению к власти. Но это не политическая и не правовая культура. Это антикультура. Противостояние приводит общество к хаосу, анархии и заканчивается, как правило, социальным взрывом. Сформированная же политическая культура не разобщает, а, наоборот, консолидирует общество. Поэтому одним из ведущих направлений государственной молодежной политики Республики Беларусь является гражданское и патриотическое воспитание молодежи, цель которого – формирование у молодежи патриотизма, национального самосознания, правовой и политической культуры, развития осознанного, ответственного и активного стремления к участию в общественной жизни страны [6].

Если говорить о политической активности и электоральном поведении, то молодежь является наиболее динамичной социально-демографической группой, для которой характерна радикальность поведения, социальная мобильность, а также высокий уровень активной адаптации к условиям трансформирующегося общества. Необходимо также отметить, что у молодежи не до конца сформированы политические ценности, в отличие от старшего поколения. Молодежь активно включена в медиакоммуникативное пространство, вследствие чего повышается возможность как позитивного, так и негативного информационного воздействия на ее политическое сознание. В период избирательных кампаний молодое поколение играет значительную роль в электоральном процессе. Если на старшее поколение с уже сложившимися политическими взглядами и воззрениями субъектам публичной политики сложно воздействовать, то молодежь представляется более склонной к изменению своих электоральных предпочтений. Как уже отмечалось выше, молодежная социально-демографическая группа также более радикальна и рефлексивна в своих действиях и поступках. В период так называемых «цветных» революций на постсоветском пространстве молодежные объединения играли значительную роль в электоральном процессе, оказывая влияние на итоговые результаты избирательных кампаний («Кмара» в период «революции роз» в Грузии-2003, «Отпор» – «бульдозерная» революция в Югославии-2000, «Пора» – «оранжевая революция» в Украине-2004). «Цветные» революции в конечном итоге оборачивались свержением правящей политической элиты и сопровождались социально-экономическими кризисными явлениями в обществе. В указанных контекстах изучение особенностей электорального поведения молодежи представляется актуальным [3].

Надо отметить, что политическая, в том числе электоральная, активность белорусской молодежи остается недостаточно высокой, так как уровень участия молодых граждан в общественно-политических процессах не соответствует уровню их вовлеченности в процессы социально-экономической жизни. Во многом это объясняется недостаточным доверием и интересом молодежи к политическим деятелям и выборам [2].

Как показывает анализ результатов исследования Центра социологических и политических исследований БГУ [3], на уровень электоральной активности молодежи системно влияют как отношение молодежи к основным политическим институтам, так и экономическая ситуация, сложившаяся в последние годы и не позволяющая молодежи в полной мере ощутить себя политическим субъектом, способным повлиять на эту экономическую ситуацию. В целом позитивный тренд развития макроэкономической ситуации связаны с модернизацией и перспективами ЕврАзЭС, имеет и негативные стороны. В частности, как это констатирует В.Н. Шимов: «Это долговая модель развития, отставание в технологическом уровне и структуре производительного аппарата, конкурентоспособности товаров и услуг, хроническое опережение роста заработной платы по отношению к росту производительности труда, недостаточно эффективная система управления экономикой и др.» [5; 4].

В последние годы наблюдается повышение внимания ведущих политических институтов к молодежи и её включению в общественно-политическую жизнь. На наш взгляд, проведенный анализ позволяет говорить о том, что предоставление молодежи больших возможностей участия в социально-экономических процессах, обусловленных полученным образованием, создаст серьезные предпосылки как для повышения социальной ответственности, так и для повышения политической культуры в целом при совершенствовании системы воспитательной работы в вузах. В этой связи можно ожидать повышение роли политической социализации. Особое внимание должно быть обращено на формирование политической культуры студенческой молодежи – будущих специалистов.

Литература:

1. Цымлов, В.Ф. Политическая культура молодежи: состояние и проблемы политической социализации // Открытая библиотека научных сборников по гуманитарным дисциплинам [Электронный ресурс]. – СПб, 2011. – Дата доступа: 05.11.2013.
2. Евстигнеев, А.М. Политическая культура молодёжи: проблемы и пути решения // Онлайн библиотека: Наука и философия [Электронный ресурс]. – Рязань, 2010. – Режим доступа: http://tombraider6.narod.ru/lib/mm/molodjiozh_rossii_i_grazhdanskoe_o/politicheskaja_kultura_molodjiozh_i.html.
3. Молодежь суверенной Беларуси: штрихи к портрету / Д.М. Булышко [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, О.В. Иванюто, Д.Г. Ротмана // Центр социологических и политических исследований БГУ [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.cspr.bsu.by/?page_id=136. – Дата доступа: 08.11.2013.
4. Ротман, Д.Г. Электоральные исследования: сущность и технология / Д.Г. Ротман // Социологические исследования. – 1998. – № 9. – С. 63-68.
5. Шимов, В.Н. Модернизация экономики Беларуси: состояние, проблемы, направления развития / В.Н. Шимов, Л.М. Крюков // Социология. – 2013. – № 3. – С 4-22.
6. Об основах государственной молодежной политики: Закон Республики Беларусь, 7 декабря 2009 г. № 65-3 // Консультант Плюс: [Электронный ресурс] / Pravo.by, Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2003. – Дата доступа: 06.11.2013.

Ланин Тимофей, 5 курс, кафедра экономической социологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ФЕНОМЕН ПИРАТСКИХ ПАРТИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Знаменитая фраза Пьера Жозефа Прудона: «Собственность – это кража» приобретает на сегодняшний день новый смысл. Является ли пиратство в области интеллектуальной собственности сегодня чем-то, что сродни краже и грабежу? Интеллектуальная собственность в первую очередь является собственностью, т.е. предметом человеческих отношений. Знания и информация являются критически важными элементами, так как процесс производства всегда основан уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного общества является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Обработка информации сосредоточена на технологии улучшения обработки информации как источника производительности, в «добродетельном круге» взаимодействия между знаниями как источниками технологии и применением технологии для улучшения генерирования знаний и обработки информации.

Следуя логике Мануэля Кастельса, в информационной эпохе доля интеллектуально собственности начинает преобладать над любой другой. На сегодняшний день, информация, знания и навыки – т.е. объекты интеллектуальной собственности составляют основу капитала многих крупных экономических субъектов (Google, Apple, Microsoft и т.п.) и также тех, кто конкурирует с ними. Любая собственность лежит в области пересечения чьи-либо интересов, соответственно с ее капитализацией, изменяется и характер отношений между заинтересованными сторонами.

Система интеллектуальной собственности, которая регулирует отношения в области объектов интеллектуальной собственности не успевает развиваться согласно скорости, с которой развиваются технологии.

Исходя из подобных рассуждений, становится очевидным тот факт, что оформится в единую политическую силу пиратские движения могли только при наличии следующих условий:

- Глобализации информационного пространства
- Увеличению количества и расширения доступности информации
- Современной системы интеллектуальной собственности
- Возможностям, которые предоставляет Европейский союз для политических

инициатив

Элвин Тоффлер в Третьей волне как бы предпочертил подобное развитие событий: «Поскольку информация становится ключевой для производства, «информационные менеджеры» в индустрии быстро множатся, и корпорация, по необходимости, воздействует на информационное окружение так же, как на физическое и социальное. Эта новая значимость информации вызывает борьбу за контроль корпораций над данными – они требуют раскрыть больше информации для публичного доступа, открытого доступа к коммерческой информации» [1, с. 180]. «Интеллектуальная собственность означает правовую монополию. Другими словами, производитель товаров, в которых воплощены объекты интеллектуальной собственности, *de jure* является монополистом, что позволяет ему устанавливать высокие цены на свою продукцию и вести агрессивную политику по подавлению конкуренции» [2, с. 39].

Таким образом, рассматривая ситуацию с правовой монополией, очерченной в приведенной выше цитате, можно сделать несколько выводов, касающихся национальной и международной системы интеллектуальной собственности:

Правовая монополия, предоставляемая правообладателю в системе интеллектуальной собственности, делает ценообразование на товары, в которых реализованы объекты интеллектуальной собственности, несоответствующим спросу и возможностям потребителя. В условиях глобализации, адекватно дифференцировать ценовую политику для абсолютно разных по покупательской способности регионов крайне сложно. Невозможность удовлетворения спроса создает условия для деятельности пиратов. В ситуации глобализации коммуникаций, международная система интеллектуальной собственности регулирует рынки товаров, в которых реализованы объекты интеллектуальной собственности. Приближение статуса частного международного права к публичному в международных соглашениях в области интеллектуальной собственности лежит в основе влияния крупных экономических субъектов на национальные и региональные рынки товаров, в которых реализованы объекты интеллектуальной собственности. Поэтому пиратская деятельность является глобальной, вне зависимости от национальных и культурных различий, поскольку она инициирована международной системой интеллектуальной собственности.

Система интеллектуальной собственности нацелена, в первую очередь, не на стимулирование творческой и интеллектуальной деятельности авторов, а на реализацию имущественных прав правообладателей интеллектуальной собственности.

Соответственно, причины пиратской деятельности, носят экономический характер. В условиях глобализации рынков товаров, в которых реализованы объекты интеллектуальной собственности, адекватная дифференциация ценовой политики для абсолютно разных по покупательской способности регионов крайне затруднительна. Невозможность адекватного удовлетворения спроса создает условия для деятельности пиратов.

В свою очередь, любое ужесточение законодательства в области охраны имущественных прав правообладателей, т.е. борьба с пиратством и, как частность, борьба с нелегальным копированием информации в интернете положительно сказывается на общественном успехе пиратских партий, для которых современные способы коммуникации и подобная риторика в области охраны авторских прав являются способом привлечения внимания общественности к своей деятельности.

Пиратская партия – политическая партия, целью которой является реформа законодательства в области интеллектуальной собственности, авторского права и патентов. Она выступает за свободный некоммерческий обмен и недопустимость его преследования по закону; приоритет конфиденциальности личной информации в интернете.

Программы каждой национальной партии имеют свои характерные различия, но, в то же время, они не противоречат положениям двух международных соглашений – Упсальской декларации 2009 г. и Пражской декларации 2012 г. Основные положения,

представленные в этих декларациях это:

- Реформа авторского права
- освобождение некоммерческой деятельности от законодательного регулирования,
- запрещение DRM технологии (программные или программно-аппаратные средства, которые намеренно ограничивают либо затрудняют какие-либо действия с данными в электронной форме (копирование, модификацию, просмотр и т.п.), либо позволяют отследить такие действия),
- реформа патентного права,
- укрепление гражданских прав,
- прозрачное государственное управление,
- быстрое и справедливое судебное разбирательство и свобода слова,
- расширение права на анонимность в процессе коммуникации

Первая пиратская партия с названием Piratpartiet была основана 1 января 2006 года в Швеции. Основателем и лидером партии являлся предприниматель Рикард Фальвинге. В своей программе партия не касается больше никаких других тем, поэтому затруднительно классифицировать ее как левую или правую. Неформальный политический имидж, импонирующий прогрессивной молодежи «хакерский дух» «пиратства» – партия быстро набирала популярность, опираясь на поддержку интернет-пользователей. «Пираты», сами по себе являлись информационным поводом для крупных СМИ, наполняли информационное пространство, используя свойство информационных сетей распространять медиа-вирусы.

Объектами публичных выступлений партии являлись и являются любые события, связанные с авторскими правами и свободой распространения информации. Особенно следует отметить ее связь с событиями, происходившими вокруг *The Pirate Bay* (крупнейший в мире BitTorrent индексатор. Является также каталогом для поиска файлов .torrent, позволяет организовывать обмен информацией в peer-to-peer сетях). Благодаря вызванному этими событиями ажиотажу вокруг темы авторских прав, количество членов партии стало стремительно расти. Но в динамике численности членов партии есть некоторые нюансы. К середине 2009 партия объединяла более 49000 членов, что сделало ее третьей по числу членов партией в Швеции. Однако после истечения срока членства в 2010 году, многие члены партии просто его не продлили и покинули партию, после чего количество ее членов упало больше чем в два раза. На сегодняшний день число членов Пиратской партии Швеции составляет немногим более 16 тыс. человек.

История участия Пиратской партии Швеции в выборах также имеет свои особенности. На Парламентских выборах 2006 года, партия набрала 0,63% голосов, что даже не позволило компенсировать затраты на печать бюллетеней. Участие в выборах в Европейский Парламент 2009 года для Пиратской партии Швеции оказалось удачным. Было набрано 7.13% голосов избирателей, что обеспечило пиратской партии одно место в парламенте. В то же время, на Парламентских выборах в Швеции 2010 года, Пиратская партия Швеции набрала всего 0,65%, при этом, оставаясь третьей по численности партией в стране. По мнению членов партии, такой результат может быть связано с тем, что у электората парламентских партий меньше интереса европейским выборам, чем к национальным.

Так или иначе, идея создания партии с неформальным политическим имиджем нацеленной на молодежь, которая актуализирует вопросы свободного обмена информацией легла в основу создания других национальных пиратских партий и международного объединения пиратских партий соответственно. Опыт Пиратской партии Швеции был перенят другими государствами, и на сегодняшний день в мире существует 61 Пиратская Партия, из них зарегистрированных – 23, активных, но незарегистрированных – 27, незарегистрированных и малоактивных – 11 с общей численностью более 600 тысяч человек. Беларусь представлена в Пиратском

Интернационале молодежным объединением «Пиратский центр» (pirates.by).

Пиратская партия Германии — одна из крупнейших на сегодняшний день в Европе — была основана в сентябре 2006 года в Берлине по образцу шведской «Piratpartiet». Попытки участия в региональных выборах а также в выборах Европарламент не принесли значительных результатов для еще только появившейся партии, но позволили Piratenpartei Deutschland обратить на себя внимание СМИ и публично затронуть проблемы свободного обмена информацией. Начало 2012 года ознаменовалось целым рядом успехов Пиратской партии Германии на выборах в местные парламенты федеральных земель. В партии появляются профессиональные политики и «пираты» и начинают обращать на себя внимание как реальная политическая сила.

Но несмотря на крупную рекламную кампанию, активную деятельность в информационной среде, широкую поддержку среди молодежи (PPD занимают 3-е место по популярности согласно результатам «детских» выборов, проводимых не государственным проектом Youth 18 — u18.org), на выборах в Бундестаг в сентябре 2013 года партия набирает всего 2,2% голосов и не проходит в парламент Германии, уступая роль главных ньюсмейкеров партии евроскептиков «Альтернатива для Германии».

Наглядные параллели в судьбе пиратских партий Швеции и Германии иллюстрируют специфику новых политических объединений. Развитие технологий обуславливает возникновение новых форм коммуникации, в первую очередь в поле политики. Основными сторонниками пиратских партий выступают активные интернет-пользователи, молодежь, которая ищет для себя что-то новое и близкое себе в политике. Используя современные технологии в области информации и коммуникации можно на качественно новом уровне привлекать новых людей и обращать внимание потенциальных избирателей, но это не является залогом того, что через некоторое время, внимание этих же людей не будет перехвачено другой, новой актуальной инициативой. Вопросы поднимаемые новыми политическими партиями включаются в повестку дня крупных политических игроков, нивелируя их собственное значение в политической борьбе.

На конференции «Интернационала Пиратских Партий», которая состоялась в 2012 году в Праге, европейские партии пиратов договорились участвовать в выборах в Европейский парламент в 2014 году с общей программой, а также о создании европейской политической партии. Вероятно, успех этой партии на выборах 2014 года может быть необходим для вынесения проблем отношений в системе интеллектуальной собственности на общеевропейский политический уровень.

Литература:

1. Тоффлер, Э. Третья волна = The Third Wave: монография / Э.Тоффлер, 1980. — М.: АСТ, 2010. — 784 с.
2. Судариков, С.А. Право интеллектуальной собственности: учеб. — М.: ТК Вел-би, Изд-во Проспект, 2008.— 368 с.

Бубнов Михаил, 5 курс, кафедра политологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

РОЛЬ АКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В БЕЛАРУСИ

По словам российского социолога Г.Н. Соколовой, в целях повышения эффективности политической модернизации в Республике Беларусь разумно было бы использовать корректировку направленности стратегии такого рода модернизации. Вместо стратегии «инновационно — технологического прорыва», предлагающей использование инноваций в качестве «точек роста», целесообразнее использовать иную стратегию — стратегию органической модернизации, базирующейся на трех составляющих — привлечение населения «снизу», осознанное включение населения в процесс

модернизации, усиление их трудовой мотивации [1, с. 10-11]. Проведение политической модернизации «снизу», немыслимо, на наш взгляд, без осуществления двусторонней политической коммуникации между властью и обществом. В качестве агентов политической коммуникации в данном случае выступают: местное самоуправление в лице местных Советов депутатов, депутаты Национального Собрания от соответствующих округов и население, заинтересованное донести до представителей власти свои конструктивные предложения и рекомендации по поводу различного рода аспектов политической модернизации в Беларуси. Функции депутатов Национального Собрания местных Советов в данном случае – трансляция в социум информации о политической модернизации в Беларуси, а также мобилизация социума на участие в этой модернизации, функция населения – артикуляция своих интересов по поводу политической модернизации в Беларуси. Важную роль в осуществлении первой функции способны сыграть как политические партии, входящие в состав местных Советов и Национального Собрания, так и местные Советы в целом в лице их руководящих органов.

Вместе с тем, в отличие от теории, на практике дела обстоят несколько иначе. Белорусские партии, представителей коих в Национальном собрании совсем немного, если и входят где-то в состав местных Советов депутатов, слабо и неэффективно работают с гражданами, рейтинг партий у населения Беларуси колеблется от 0,1 до 1,5% – это мешает организовать целенаправленную, а главное эффективную работу партий как коммуникатора. Не лучше обстоят дела и с местными органами самоуправления – без реформирования организационно-функциональной структуры местных органов, организации соответствующей новым условиям системы подготовки и переподготовки кадров органов местного самоуправления нельзя говорить о том, что и они будут успешно транслировать в социум идеи политической модернизации. Еще более слабы позиции коммуниканта в этом вопросе – аполитичного в целом населения Беларуси, не говоря уже о коммуникации в обратном направлении, где в качестве коммуникатора выступает население, а в качестве коммуниканта – властные институты, в частности местные Советы депутатов. Решение вышеперечисленных проблем, связанных с коммуникацией между органами законодательной власти на нижнем и более высоком уровне с одной стороны и населения с другой – залог успешного проведения политической модернизации в Беларуси. Здесь не нужно «изобретать велосипед», достаточно начать с тривиальных мер:

1. Активизация работы депутатов с гражданами в межвыборный период путем организации встреч граждан с депутатами для обсуждения проблем политической модернизации в Беларуси;

2. Усиление политического участия граждан за счет активизации обсуждения проблем политической модернизации в Беларуси в СМИ.

Только целенаправленные и обоюдные усилия государства и общества в деле осуществления политической модернизации способны повысить эффективность этого процесса и улучшить существующее положение вещей в лучшую сторону.

Политическая коммуникация трактуется российским исследователем А.П. Чудиновым как процесс общения между участниками политической деятельности [2, с. 49]. В контексте белорусского политического поля основными субъектами такого общения, иначе говоря, субъектами политической коммуникации, являются: органы исполнительной власти (правительство и исполнительные комитеты всех уровней), органы законодательной власти в лице Национального собрания и органов местного самоуправления с одной стороны и население Республики Беларусь с другой. Следует отметить, что на сегодняшний день процесс общения взаимодействия между этими субъектами далеко не идеален и требует осуществления целенаправленной, систематической, а главное эффективной деятельности по его совершенствованию. К основным направлениям совершенствования политической коммуникации в Республике Беларусь относятся:

1. Совершенствование деятельности коммуникаторов: повышение эффективности мероприятий по работе с гражданами политических партий, депутатов Национального собрания и местных Советов всех уровней, совершенствование мероприятий по работе с гражданами в исполнительных комитетах различных уровней;

2. Совершенствование деятельности реципиентов - повышение уровня политической грамотности и политического участия, развитие высокого уровня политической культуры у населения Республики Беларусь;

3. Совершенствование деятельности основного канала политической коммуникации в Республике Беларусь – средств массовой информации (печатных, электронных и т.д.);

Совершенствование политической коммуникации на каждом из вышеперечисленных направлений – это, прежде всего, решение ряда острых проблем, характерных для данных акторов и канала политической коммуникации. В частности, перед политическими партиями в Республике Беларусь остро стоят проблемы преодоления неэффективности работы с избирателями, крайне низких рейтингов, колеблющихся в диапазоне от 0,1 до 1,5%. Есть куда стремиться и местному самоуправлению – оно нуждается в реформирования организационно-функциональной структуры местных органов, организации соответствующей новым условиям системы подготовки и переподготовки кадров и т.д. Еще одна острая проблема – касается белорусских СМИ – суть проблемы – «удерживать аудиторию» в условиях бурного развития Интернет – журналистики. Что делать? Необходим комплекс мер: это и увеличение количества встреч депутатов с гражданами, и широкая пропаганда политического участия граждан за счет СМИ, и многое другое. Все зависит от стремления добиться конкретного высокого результата.

Литература:

1. Соколова, Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия / Г.Н. Соколова // Социологические исследования. – 2012. - №5. – С. 3 – 12.
2. Чудинов, А.П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие / под общ. ред. А.П. Чудинова / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.

Курса Алеся, магистрант, кафедра политологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ КАК ИМПЕРАТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Развитие общества связано с изменениями в трудовой жизни людей. Новые социально-экономические преобразования в стране привели к изменению не только содержания и условий труда на предприятиях, но и отношения людей к качеству труда.

Совершенствование качества трудовой жизни на современном этапе становится одним из факторов выхода из экономического кризиса страны, и позволяет добиться перехода к новому качественному состоянию жизни, как общества, так и отдельного человека. Высокое качество жизни, высокий технический уровень, надежность продукции, удовлетворенность собственным трудом могут быть достигнуты на базе высокого качества трудовой жизни.

Постиндустриальная экономика и социальная модернизация общества предъявляют новые повышенные требования к качеству труда, к качеству рабочей силы - образовательному, профессиональному, культурному уровню специалистов, их нравственным и социально - психологическим характеристикам.

При этом необходимо выделить фактор модернизации социально-профессиональной структуры общества: потребности общества в профессиях,

ориентированных на прежнюю экономику, сокращаются; возникают и утверждаются новые профессии. Этими профессиями, как правило, призваны овладевать молодые люди, удовлетворяя потребности рынка труда в специалистах. Именно качество трудовой жизни молодежи все больше определяет конкурентоспособность экономики и социальную стабильность в обществе.

Вместе с тем качество трудовой жизни нельзя свести к чисто количественным показателям уровня жизни. Понятие «качество трудовой жизни» содержит в себе установку на анализ и фиксацию духовно-ментальных характеристик трудовой жизни человека. К таким характеристикам можно отнести условия труда, параметры оплаты труда, организация рабочего места, возможность самореализации, самовыражения в труде, степень правовой защищенности, возможность профессионального и карьерного роста, общественная значимость работы.

Развитие любого общества связано с оптимизацией качества трудовой жизни. Успешность ее решения обеспечивает стабильность и процветание общества. В них переплетаются интересы всех слоев общества от простых рабочих до руководителей государств. В процессе трудовой жизни реализуются и развиваются способности человека, создаются материальные и духовные ценности общества. Реализация трудового потенциала каждого человека представляет для общества национальное достояние. Труд характеризует глубинную сущность реализации трудовых способностей человека и является процессом реализации трудового потенциала, а условия трудовой деятельности определяют особенности формирования качества трудовой жизни.

Возникновение потребности общества в качестве трудовой жизни связано с направленностью людей в сторону создания условий, препятствующих процессу отчуждения труда, восстановления целостности труда и культуры, возвышения человека как самостоятельной творческой личности. Качество трудовой жизни рассматривает людей не просто в качестве трудовых ресурсов определенного состава, но в тесной связи с условиями, в которых они могут оптимально реализоваться как личности, так и общества в целом. Охарактеризовать отношение работника к труду можно как по результату его труда, так и по непосредственному участию работника в системе общественного производства, его осознанию, пониманию, оценке своего трудового участия (вклада) в общественное производство. Поэтому все факторы формирования отношения к труду можно разделить на объективные условия и обстоятельства, которые образуют независимые от субъекта предпосылки его деятельности, связанные с особенностями производственной и непроизводственной среды, и субъективные, связанные с отражением внешних условий в сознании и психике работника, с его индивидуальными особенностями [1, с. 46].

Следует признать, что проблема модернизации социально-трудовых отношений практически не рассматривается в теоретическом плане. Не определены и практические шаги в направлении модернизации социально-трудовых отношений. В целом это можно объяснить специфическими особенностями модернизационных процессов.

Модернизация социально-трудовых отношений предполагает обеспечение ряда условий, которые должны быть четко представлены и обоснованы. Реализация модернизационных проектов связана со значительными денежными вложениями, грамотным налоговым стимулированием, обоснованной экономической, модернизационной и социальной политикой [3, с. 97].

Улучшение качества трудовой жизни предусматривает улучшение социально-экономического содержания труда, развития тех характеристик трудового потенциала, которые позволяют руководителям более полно использовать интеллектуальные, творческие, организаторские, нравственные способности человека. Соответственно качество трудовой жизни должно создать условия для того, чтобы дать выход творческим способностям самого работника, когда главным мотивом становится не зарплата, не

должность, не условия труда, а удовлетворение от трудовых достижений в результате самореализации и самовыражения.

Литература:

1. Бахаева, Г.М. Социально-экономический механизм влияния подготовки кадров на качество трудовой жизни / Г.М. Бахаева. – М.: Университетская книга, 2010. – 155 с.
2. Иванов, Н.А. Трудовой потенциал промышленного предприятия / Н.А. Иванов, Ю.Г.Одегов, К.Л. Андреев; под ред. Ю.Г. Одегова. – Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1998. – 254 с.
3. Генкин, Б.М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях: учеб. пособие / Б.М. Генкин. - М.: Норма, 2003. - 400 с.

Янович Ирина, магистрант, кафедра политологии, Институт социально-гуманитарного образования БГЭУ, г. Минск

ПРОЕКТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Деятельность людей в любой социально-экономической системе связана с необходимостью принятия решений по самым различным вопросам. Характерной чертой любой ситуации, связанной с принятием решений, является наличие большого числа вариантов действий, из которых нужно выбрать наилучший.

В реальности ни одна организация не ограничивается при построении своей управленческой деятельности какой либо концепцией или теорией, по принятию решений, на её выбор влияет объективно складывающаяся ситуация внешнего и внутреннего рынка. В современных условиях управление организацией рассматриваются в тесной связи с проектированием. Серьёзное внимание уделяется проектному моделированию и управлению, где главной задачей менеджмента является обеспечение гибкости и адаптируемости организации к динамично изменяющимся внешним условиям. Одним из наиболее малозатратных способов для внедрения нововведений является проектное моделирование управленческих решений.

Любое моделирование ситуаций становится важным инструментом при формировании управленческого мышления. При этом моделирование даёт полную картину всех событий, которые могут произойти в дальнейшем, в практической деятельности предприятия, фирмы, организации и т.д. С помощью этого метода происходит изучение актуальных вопросов рыночной ситуации при принятии управленческих решений в условиях конкурентного рынка.

Подготовительной частью проектного менеджмента является планирование, какой-либо социально-экономической ситуации на уровне различных подсистем. Основным видом планирования является модель в целом. Модель создаётся под основные показатели социальной системы, организации, фирмы или другого социального объекта и, тех условий, по которым происходит, например, стратегическое планирование, его становления, развития, функционирования и т.д. Моделирование, которое проводится в социально-экономических системах, существенно отличается от моделирования на производстве тем, что социально-экономические системы включают не только экономические составляющие, но и в дополнение к ним политический и социокультурные компоненты. Для использования моделирования в социально-экономических системах необходимо учитывать совокупность объектов и процессов, которые взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, при этом образуют единое целое, обладающее свойствами, не присущими составляющим другой системы.

Цель проектного моделирования в социально-экономических системах – совершенствование существующих и выработка новых форм, методов, принципов управления ими.

При реализации моделирования в социально-экономических системах осуществляется выбор одной из стратегических альтернатив через четкое сопоставление имеющихся для дальнейшей её реализации. Проектное моделирование предоставляет менеджменту возможность выбора оптимальных управленческих решений, прошедших своего рода «экспертизу», например, в процессе деловой игры.

Проектное моделирование социально-экономических систем представляются перспективным направлением развития теории и практики в силу необходимости принятия не просто управленческих решений, а эффективных, сохраняющих равновесное существование всех компонентов таких систем при максимальном задействовании потенциала в их развитии

Проектное моделирование предполагает социальное проектирование, так как любое социальное изменение можно представить в виде определённой социальной конструкции, где проектное моделирование и является оптимальной технологией. Социальное проектирование актуально в силу своей практической востребованности в социально-экономических системах, так как оно предполагает задействование минимальных издержек и вполне реально обеспечивает максимальную выгоду после её успешного завершения. Если рассматривать социальное проектирование, через призму проектного менеджмента, то оно наиболее активно развивается именно в новых социально-экономических системах современного общества. Социальное проектирование становится фактором преобразования не только материальной, но и социальной жизни, так как оно позволяет выявить оптимальные варианты социального развития общества, дает возможность определять тактику и стратегию взаимодействия между людьми, технологию воздействия на объект, и определять выбор способов планомерного осуществления нововведений в социальной системе.

В настоящее время нельзя назвать область человеческой деятельности, в которой в той или иной степени не использовались бы методы проектного менеджмента. Особенно это относится к социально-экономической системе, где основными являются процессы по реализации социальных программ и получение определенной общественной пользы при развитии социальных проектов.

Анализ возможностей проектного моделирования в социально-экономических системах основан на различной деятельности, включающей в себя экономические, социальные, культурные элементы. Нами было выявлено, что проектное моделирование является одним из главных способов достижения в социальных системах положительных экономических эффектов. Проектное моделирование является важным средством познания, конструирования, трансформации социально-экономических систем, которые осуществляются в связи с выработкой и принятием управленческих решений.

Литература:

1. Сачков, Ю.В. Научный метод: вопросы и развитие / Ю.В. Сачков. - М.: 2003. – 15 с.
2. Уемов, А.И. Логические основы метода моделирования / А.И. Уемов. – М.: Экзамен, 2008. – 156 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

<i>Коваленя А.А.</i> Сацыялагічныя даследаванні ў сучасным грамадстве	3

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Бабосов Е.М.</i> Конструирование моделей формирования инновационных ресурсов личности в системе образования	8
<i>Яскевич Я.С.</i> Рационализм и гуманистические стратегии в модернизации современного общества	18
<i>Соколова Г.Н.</i> Социальные проблемы вступления Республики Беларусь в Единое экономическое пространство: диалектика экономического и социального	24
<i>Злобина Е.Г.</i> Образ украинского общества как показатель социально-психологических трансформаций массового сознания	31
<i>Котляров И.В.</i> Партии без лица как лицо белорусской многопартийности: социологические тренды	35

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Широканов Д.И.</i> Философско-методологические основания исследования социальной деятельности	43
<i>Малюк А.Н.</i> Об основных аспектах кризиса современного глобального капиталистического порядка	45
<i>Смирнова Р.А., Смирнов В.Э.</i> Модернизация в контексте глобализации: парадоксы	49
<i>Подгайская Л.И.</i> Специфика модернизационного пути Беларуси в контексте иных модернизационных сценариев	52
<i>Лойко А.И.</i> Роль социальных наук в разработке концепции модернизации общества	53
<i>Беляева Е.В.</i> Этическое сопровождение процессов модернизации	56
<i>Барановский Н.А.</i> Социально-правовая система предупреждения коррупции	58
<i>Веруш А.И.</i> Торговля людьми: понимание явления и его актуальность для Беларуси	60
<i>Хамутовская С.В.</i> Модернизация политической системы и системы государственного управления в Республике Беларусь: социальные представления и ожидания	62
<i>Анцыповіч М.В.</i> Политика и религия в современном модернизационном контексте	64
<i>Мушинский Н.И.</i> Феномен модернизации и проблема справедливости в контексте этики и социологии Питирима Сорокина	67
<i>Якубовский В.А.</i> Развитие политического дискурса в Беларуси в контексте евразийской интеграции	69
<i>Жуленева О.В.</i> Теоретико-методологический анализ социокультурной специфики модернизации общества: на примере сравнения ценностей постсоветских стран (по исследованиям Р.Инглхарта)	71
<i>Широканова А.А.</i> Теория модернизации Р. Инглхарта: возможности и ограничения	76
<i>Карпиевич В.А.</i> Теоретические аспекты социальных рисков в чрезвычайных ситуациях в условиях модернизационной стратегии Беларуси	78
<i>Окунева Т.В.</i> Гражданское общество в зеркале социологических исследований	80
<i>Мартинovich Н.В.</i> Политическая система как объект социологических исследований	83
<i>Пушкин А.Л.</i> Особенность гражданской идентичности в современной Беларуси	85
<i>Рыбчак С.В.</i> Социологический анализ необходимости модернизации политической системы в Республике Беларусь	88
<i>Грибановский С.П.</i> Развитие профессиональной карьеры госслужащих как фактор модернизации белорусского общества	90
<i>Волков С.Е.</i> Организационно-педагогические условия формирования ключевых компетенций в процессе гуманитарной подготовки обучающихся	94

<i>Моисеенко В.Г.</i> Гражданско-патриотическое воспитание – важнейший аспект идеологической работы по подготовке кадров в сфере пограничной службы	96
<i>Кляр А.А.</i> Концептуальные подходы к изучению престижа профессиональной деятельности	97
<i>Войтеховский А.В.</i> Актуальность и сущность компетентностного подхода в высшем образовании	100
<i>Волосников Р.А.</i> Переход к управляемой самостоятельной работе в высшем образовании Беларуси на этапе реализации модернизационной стратегии государства	101

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

<i>Васильева Е.Н.</i> Социально-экономическая и инновационная активность населения на постсоветском пространстве: модели экономической модернизации	107
<i>Сечко Н.Н.</i> Социальные аспекты интеграционных процессов Беларуси	109
<i>Таранова Е.В.</i> Занятое население в контексте региональной сегментации белорусского рынка труда	110
<i>Канаи Т.В.</i> Изменение уровня жизни населения в процессе трансформации и отношение к бедности на примере Польши	114
<i>Палховская Е.Б., Амбражевич А.И.</i> Анализ социальных рисков трудовой миграции	117
<i>Мартинкевич А.В.</i> Нормативно-правовые аспекты формирования общего рынка труда и социальной политики ЕЭП	120
<i>Цюхай М.В.</i> Тенденции развития проектных организаций строительной отрасли Республики Беларусь в первом десятилетии XXI века	122
<i>Злотников А.А.</i> Экономическое поведение и трудовые установки студенческой молодежи как фактор модернизации общества	124
<i>Бедулина Г.Ф.</i> Исследование проблем развития экономической культуры и формирования предпринимательской активности учащихся	126
<i>Панькова О.В.</i> Человеческий потенциал и потенциал человека в матрице цивилизационных вызовов современности	128
<i>Сысоев С.А.</i> Социально-экономическое развитие и социальный капитал	132
<i>Борисова О.В.</i> Стратегия регулирования рождаемости в Республике Беларусь (социологический анализ)	135
<i>Малинин Г.Р.</i> Социально-экономический императив как детерминанта развития белорусского общества	138
<i>Шашило Т.А.</i> Актуальные возможности применения системы бизнес-инкубирования в модернизационной стратегии Республики Беларусь	139
<i>Малмыгин А.С.</i> Корпоративная культура хозяйственной организации как Корпоративный кодекс	142
<i>Байдачная А.В.</i> Современное предпринимательство в Республике Беларусь: проблемы функционирования и перспективы развития	143
<i>Мельник Н.Н.</i> Модернизация. Путь развития Республики Беларусь	148
<i>Савко Н.В.</i> Студенческая молодёжь на рынке труда: представления и жизненные реалии	149

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

<i>Осипов А.И.</i> Духовно-мировоззренческое и антропологическое измерение инновационного развития Беларуси	154
<i>Игнатович П.Г.</i> Роль национальной культуры в формировании имиджа Беларуси	158
<i>Сидорович Л.Н.</i> Путь к духовному вакууму?	161
<i>Лойко Л.Е.</i> Культурный детерминизм и национальные особенности модернизации общества	164

<i>Лугвин С.Б.</i> Проблемы постиндустриальной модернизации Республики Беларусь	166
<i>Красюк В.Ф.</i> Социальные идеалы: архаика или современность?	168
<i>Цыбульская Н.В.</i> Социокультурные технологии управленческого общения	170
<i>Комаровский А.В.</i> Социокультурный анализ модернизационного процесса	172
<i>Шульга А.Н.</i> Понятие «символический универсум»: между теорией и практикой	173
<i>Лашук И.В.</i> Жизненные стратегии социокультурного поведения: концептуальный анализ	181
<i>Веренич М.И.</i> Минимальные государственные стандарты в сфере культуры в структуре индикаторов качества жизни населения	186
<i>Смыкова Е.Ю.</i> Потребительские стратегии поведения на рынке культурно-досуговых товаров и услуг в Беларуси	189
<i>Сосновская Н.А.</i> Концепция «производства культуры» как направление социологического анализа музыкальной культуры современного общества	191
<i>Бородачева Е.М., Зразикова В.М.</i> Социальные представления о богатстве и бедности в общественном сознании белорусов	194
<i>Абушенко В.Л.</i> Проблема субъекта познания в классическом и постнеклассическом социальном знании	199
<i>Ширко О.А.</i> Европейская межпарламентская ассамблея православия как международная политическая организация религиозной направленности	204
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ	
<i>Русецкая В.И.</i> Формирование социокультурной идентичности белорусов	207
<i>Кислая А.А.</i> Традиционная и модернистская культура в Украине: особенности интеграции (опыт Крыма)	210
<i>Муха В.Н.</i> Формирование общероссийской идентичности в условиях модернизации: проблемы и перспективы	212
<i>Миськевич В.И., Малыхина Г.И.</i> Социогуманитарные знания и образование как фактор трансформации национальной ментальности	214
<i>Потапейко П.О.</i> Мусульмане и сирийская диаспора в ЕС	216
<i>Харитонов И.Н.</i> Роль национальной идентичности в миграционном поведении	217
<i>Земляков Л.Е.</i> Религиозный фактор идеологии белорусского государства	220
<i>Паращевин М.А.</i> Религиозность населения постсоветских стран: социологический аспект	222
<i>Балич Н.Л.</i> Религиозные практики как отражение личного понимания веры	224
<i>Щекин Н.С.</i> Модернизация церкви в современном белорусском обществе	227
<i>Терещенко О.В.</i> Измерение информационного общества и цифрового неравенства	228
<i>Сарна А.Я.</i> Модернизация, «новые медиа» и социальные риски в Беларуси	233
<i>Бойко Н.Л.</i> Гражданская активность в интернете: возможности и реальность	236
<i>Лагунова Е.Н.</i> Коммуникация как условие социальной трансформации: концептуальный диалог Ю.Хабермаса и Р.Рорти	240
<i>Подвальская В.С.</i> Основные аспекты изменения коммуникативного пространства информационного общества	242
<i>Зубарев А.С.</i> М.Бахтин в контексте проблем современного общества: возможности и границы социологической интерпретации	244
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Королевич А.Н., Никоненко Н.А., Артюхин М.И.</i> Подготовка научных работников высшей квалификации в Беларуси: состояние и основные тенденции развития	247
<i>Шарый И.Н.</i> Проблема воспроизводства кадрового потенциала науки в контексте процессов модернизации	251
<i>Щурок Э.М.</i> Мотивационная структура научной деятельности ученых НАН Беларуси различной квалификации	254

<i>Ворошень О.Г.</i> Оценка актуального состояния белорусской науки и перспектив ее развития молодыми учеными	258
<i>Артюхин М.И., Мееровская О.А.</i> Белорусская научная диаспора в социологическом измерении	260
<i>Пушкевич С.А.</i> Перспективные направления социологических исследований внешней миграции населения Беларуси	264
<i>Антонова Т.А.</i> Гендерные особенности дополнительной занятости научных работников Беларуси в современных условиях: социологический анализ	267
<i>Лещинская И.И.</i> О некоторых проблемах модернизации университетского образования	269
<i>Романова С.П.</i> Неформальное и внеформальное образование как инструменты развития человеческих ресурсов	271
<i>Кочергин В.Я.</i> Технологии оптимизации взаимодействия системы менеджмента качества современного белорусского вуза и работодателя как конечного потребителя образовательных услуг	274
<i>Титова Т.П.</i> Интеллектуальная миграция как фактор национальной безопасности	275
<i>Фаблинова О.Н.</i> Интернет в жизни аспирантов дневной формы обучения Национальной академии наук Беларуси: социологический анализ	277
<i>Назаренко Ю.С.</i> Непрерывное образование как механизм профессиональной мобильности современного типа	279
<i>Пацеева А.Г.</i> Модернизация норм и ценностей профессиональной культуры врача	281
<i>Кройтор С.Н.</i> Фундаментализация советского высшего образования: логико-исторический анализ	283
СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ	
<i>Шавель С.А.</i> Дерзость риска: к мотивации инновационной активности	288
<i>Лихачёва С.Н.</i> Развитие сферы социальных услуг в сельской местности как ресурс социальной политики	291
<i>Червинский А.С.</i> Социоэкологическая проблематика как объект философско-методологического анализа	297
<i>Яскевич В.Г.</i> Модернизация городских промышленных объектов: возможности использования мирового опыта	298
<i>Мальчёнков И.Е.</i> Человек в социальном пространстве сети Интернет	300
<i>Лукашева О.Г.</i> Особенности восприятия гражданами Беларуси инноваций в сфере пенсионного обеспечения	303
<i>Яковлева Н.И.</i> Проблемы развития социального страхования в Беларуси	305
<i>Назарова Д.В.</i> Реализация принципов социально ориентированного государства в области жилищно-коммунального хозяйства: проблемы и перспективы	308
<i>Андрос И.А.</i> Оценка мероприятий по развитию массовых видов спорта в г. Минске: мнение горожан	312
<i>Рысюкевич Н.С.</i> Формирование лидеров в командных видах спорта: проблемы и перспективы	315
<i>Синиченко Р.П.</i> Исследование ценностных ориентаций юных хоккеистов: социологический анализ	317
<i>Мартищенко Е.В.</i> Отношение жителей Островецкого района к строительству Белорусской АЭС	319
<i>Лихачёв Н.Е.</i> Сельская община в условиях модернизации аграрных отношений в Республике Беларусь: социологический анализ	322
<i>Титова Е.Н.</i> Роль взаимодействия местных органов власти и сельских тружеников в оптимизации их социальной адаптации к изменениям в социальной сфере	326
<i>Кузьменко Т.В.</i> Крестьянское подворье как фактор формирования крестьянской самоидентификации	328

<i>Балакирева Т.С.</i> Возможности вертикальной мобильности сельской молодежи	330
<i>Смирнов В.Э.</i> О критериях направленности социальных изменений	333
<i>Баханов А.Г.</i> Символический аспект престижного потребления	335
<i>Образжей О.Н.</i> Социальная инфраструктура как фактор сохранения здоровья детей	337
<i>Сергеев С.П.</i> Неравенство и человеческое развитие	340

ФЕНОМЕН МОДЕРНИЗАЦИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

<i>Кулешова Е.</i> Социология кино как отрасль социологического знания	343
<i>Строк Д., Корзун Е.</i> Соотношение модернизации и секуляризации в современном обществе	345
<i>Масленков С.</i> Инновационный кластер как концептуальная основа модернизации национальной экономики Республики Беларусь	347
<i>Набок В.</i> Урбанизационные процессы в г. Минске	349
<i>Юргелёнис Е.</i> Изучение профилей пользователей соцсетей как способа конструирования новой реальности	350
<i>Невдах Я, Агафонова М.</i> Анализ белорусского рынка труда: сетевой подход	352
<i>Яковчик Е.</i> Трудовой контракт как инструмент модернизации белорусского рынка труда	353
<i>Красковская Д.</i> Потребительское поведение белорусского населения в контексте модернизирующейся экономики	355
<i>Гадилия М.</i> Политический конфликт и консенсус: социологический анализ	356
<i>Козлов М.</i> К вопросу о ценностных основах политической науки в условиях междисциплинарных реалий	358
<i>Зуева И.</i> Политическая культура современной молодежи Беларуси	361
<i>Ланин Т.</i> Феномен пиратских партий в информационном обществе	363
<i>Бубнов М.</i> Роль акторов политической коммуникации в проведении политической модернизации в Беларуси	366
<i>Курса А.</i> Качество трудовой жизни как императив модернизации современного общества	368
<i>Янович И.</i> Проектное моделирование в социально-экономических системах	370

Научное издание

**СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА**

**Материалы Международной
научно-практической конференции
г. Минск, 21–22 ноября 2013 г.**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 12.12.2013 Формат 60х84 ^{1/8} Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 47,2 Уч.изд.л. 32,5
Тираж 100 экз. Заказ № 1746

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66
E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе KONICA MINOLTA
в ИООО «Право и экономика»